

**Современные
этнические
процессы
в СССР**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт этнографии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая

Современные этнические процессы в СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1975

Редакционная коллегия:

Ю. В. Бромлей
(ответственный редактор),
И. С. Гурвич, В. И. Козлов,
Л. Н. Терентьева, К. В. Чистов

С $\frac{10602-249}{042(02)-74}$ 129-74

© Издательство «Наука», 1975 г.

Введение

Советский Союз — одна из самых многонациональных стран мира; в ней живут и трудятся представители свыше ста наций и народностей. Одни народы сформировались уже много веков назад, другие — окончательно сложились в годы Советской власти.

На рубеже XIX—XX столетий народы царской России стояли на разных уровнях развития. Если у большинства крупных народов Европейской России (русских, украинцев, белорусов, прибалтийских народов и др.) уже развился капитализм и они сложились в нации, то многие народы Средней Азии находились по существу лишь на стадии феодализма, а большинство народов Севера (эвенки, чукчи, ненцы и др.) — на уровне патриархально-родового строя. Они жили мелкими родо-племенными группами, занимаясь охотой, рыболовством и оленеводством.

Социально-экономическая отсталость царской России, острота национальной ситуации во многих ее районах наряду с пестротой национального состава и многоукладностью хозяйства народов придавали особую значимость национальному вопросу и вместе с тем осложняли его решение. Не случайно поэтому, национальный вопрос занимал столь видное место в многогранной деятельности В. И. Ленина и большевистской партии. Под руководством В. И. Ленина большевики добились интернационального сплочения русского рабочего класса с трудящимися всех других народов России и привели их к победе Великой Октябрьской социалистической революции, уничтожившей социальный и национальный гнет. В. И. Ленин выработал политику коммунистической партии в национальном вопросе в условиях диктатуры пролетариата и социалистического строительства и руководил практическим претворением ее в жизнь в первые годы Советской власти¹.

---

¹ Этим вопросам посвящено несколько десятков специальных работ В. И. Ленина, в том числе: «Критические заметки по национальному вопросу» (Полн. собр. соч., т. 24); «О праве наций на самоопределение» (т. 25); «О национальной гордости великороссов» (т. 26); «Итоги

Одним из важнейших успехов этой политики было национально-государственное строительство, создание советских республик и добровольное объединение их в единое государство — Союз Советских Социалистических Республик.

В условиях подлинного национального равноправия, в процессе утверждения социалистического способа производства и идеологии марксизма-ленинизма нации и народности капиталистического типа, входившие в состав Российской империи, преобразовались в социалистические с однотипной социально-классовой структурой. В ходе дальнейших социалистических преобразований общественной жизни, с окончательной победой социализма усилилось сближение наций и народностей нашей страны. «За годы строительства социализма и коммунизма в СССР возникла новая историческая общность людей — советский народ. Он сформировался на базе общественной собственности на средства производства, единства экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии, интересов и коммунистических идеалов рабочего класса»².

Претворение в жизнь Коммунистической партией Советского Союза основных принципов ленинской национальной политики не снимает с повестки дня необходимости всестороннего и постоянного учета национальных факторов, тщательного регулирования отношений между народами нашей многонациональной страны, изучение этих отношений. Национальные факторы играют и в обозримом будущем будут играть видную роль в нашей жизни, и не случайно их анализу по-прежнему уделяется столь существенное внимание в программных документах КПСС, на партийных съездах. «Национальные отношения и в обществе зрелого социализма,— подчеркивает Л. И. Брежнев,— это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи»³.

Вполне оправдано поэтому пристальное внимание философов, историков, этнографов, языковедов и ученых других гуманитарных специальностей к исследованию процессов, которые ведут к изменению тех или иных сторон самих национальных явлений. Актуальность исследования этих процессов возросла в последнее время из-за ускорившихся в условиях научно-технической революции темпов социально-экономического и культурного развития, существенных преобразований во всех областях нашей жизни на пути к коммунистическому обществу.

Национальные явления и процессы — весьма сложны и многогранны и охватывают очень широкий круг вопросов от государст-

---

дискуссии о самоопределении» (т. 30); «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (т. 45) и др.

² «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». Постановление ЦК КПСС. «Коммунист», 1972, № 3.

³ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетия Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, стр. 48—49.

венно-правовых и экономических до психологических. Поэтому ученые различных специальностей концентрируют свое внимание на отдельных сторонах и частях относящегося сюда комплекса проблем. Специфика этнографической науки в данном отношении находит свое выражение в изучении этнических аспектов национальных процессов, то есть этнических процессов.

Введение в научный обиход понятия «этнический» вызвано тем, что бытовавшая в нашей литературе терминология, связанная с изучением национальных явлений, недостаточно учитывала все многообразие этих явлений, да и не всегда отличалась достаточной четкостью. Последнее объясняется тем, что понятие «национальный» употреблялось и употребляется до сих пор в нескольких далеко не адекватных значениях: например, в стадильном отношении оно часто соотносится с термином «нация»; о «национальности» говорят и в более широком смысле, приближающемся к понятию «народ». Весьма многообразен и сам термин «народ», который употребляется для обозначения различных социальных групп (наций, народностей, трудящихся классов и т. д.). Применение термина «этнос», позволяя избежать многозначности термина «народ», дает возможность для однозначного выражения того общего, что имеется в понятиях «нация», «народность», «национальность», «племя». Вот именно это общее, связанное с наличием у каждой из обозначаемой данными терминами групп людей определенной языковой и культурно-бытовой специфики, а также с наличием единого самосознания, принято теперь называть «этническим», а упомянутые выше совокупности людей — «этносомами». В настоящее время эти и производные от них термины широко распространены в советской этнографической литературе⁴ и все чаще используются в истории, философии и других общественных науках⁵.

Этнические процессы как важный и непреходящий аспект всех национальных процессов в широком смысле представляют собой прежде всего изменения культурной специфики этнических общностей (включая язык), а также самосознания. Типология этих процессов, характеристика основных условий, факторов и сторон их развития рассматривается далее в первой главе данной монографии. Что же касается общей изученности данной темы, то она весьма неравномерна. К настоящему времени опубликовано

---

⁴ См.: П. И. Кушнер (*Кнышев*). Этнические территории и этнические границы. ТИЭ, новая серия, т. 15. М., 1951; С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей. «Вопросы философии», 1964, № 11; В. И. Козлов. О понятии этнической общности. СЭ, 1967, № 2; Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. СЭ, 1967, № 4; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973; он же. Этнография на современном этапе. «Коммунист», 1974, № 16.

⁵ См., например: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1974, стр. 13; М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972, стр. 32 и сл.

значительное число работ по формированию и развитию народностей и наций, а также по национальным отношениям в СССР. Особенно существенно продвинулись разработки данной проблематики в последние годы⁶. Авторы этих работ, главным образом философы и историки, рассматривают социально-экономические, правовые и идеологические аспекты национальной политики советского государства, общие закономерности социально-экономического развития народов СССР и отношений между ними в период строительства социализма и развитого социалистического общества. Национальные процессы нашли широкое отражение в работах литературоведов. Вместе с тем нередко остаются вне поля зрения проявления национальных процессов в сфере повседневной жизни (в быту, на производстве и т. п.), а сами эти процессы сводятся преимущественно к отношениям между национальными республиками. В результате оказываются все еще недостаточно изученными многие конкретные изменения в бытовой сфере культуры, иначе говоря, те явления, которые наиболее характерны для этнических аспектов национальных процессов. Необходимо также всестороннее изучение механизма культурного взаимодействия народов СССР, формирования общесоветских черт в области материальной и духовной культуры, т. е. тех сфер межэтнических отношений, которые играют видную роль в развитии новой исторической общности — советского народа.

По характеру поставленных перед постоянной работой задач к ней наиболее близки некоторые появившиеся в последнее время исследования языковых процессов в СССР, прежде всего процессов межязыковых контактов, распространения двуязычия, общественных функций языков и т. д.⁷ Однако избранный нами угол зрения предполагает при рассмотрении лингвистических яв-

---

⁶ См., например: «Социалистические нации СССР». М., 1958; «Формирование социалистических наций в СССР». М., 1962; А. М. Егизарян. Основные тенденции развития социалистических наций СССР. Ереван, 1965; «Строительство коммунизма и проблемы сближения наций». Киев, 1969; С. И. Калтачян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969; «Национальное и интернациональное в советской литературе». М., 1971; «Национальные отношения в СССР на современном этапе». М., 1971; А. К. Азизян. Ленинская национальная политика в развитии и действии. М., 1972; М. И. Куличенко. Многонациональное советское государство. М., 1972; он же. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития; «Национальные отношения и государство в современный период». М., 1972; «СССР — великое содружество народов-братьев». М., 1972; В. Е. Маланчук. Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию национальных отношений в СССР. М., 1972; «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972; Г. Ломидзе. Ленинизм и судьбы национальных литератур. М., 1972; С. И. Якубовская. Развитие СССР как союзного государства. 1922—1936 гг. М., 1972; Э. В. Тадевосян. Советская национальная государственность. М., 1972; М. П. Ким. Советский народ — новая историческая общность. М., 1972; «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1974; Г. Е. Глезерман. Классы и нации. М., 1974.

⁷ См., например: К. Х. Ханазаров. Сближение наций и националь-

лений большее внимание к их собственно этническим аспектам и роли языка в этнических процессах. Что же касается работ этносоциологического плана, то они развернулись в СССР сравнительно недавно и результаты их только начинают публиковаться⁸. Но главное, такие работы, будучи нацеленными преимущественно на выявление взаимосвязи между социальными и этническими процессами, неизбежно оставляют в тени многие существенные стороны последних.

Все это и предопределило создание настоящей работы, представляющей попытку монографического исследования современных этнических процессов в СССР.

Предлагаемое вниманию читателей исследование не могло бы быть выполнено без некоторых предварительных изысканий, в том числе без разработки теоретических и методических вопросов. Работа в этом направлении началась уже сравнительно давно⁹, по отдельные важные проблемы, в том числе вопросы терминологического характера, пришлось решать в самом ходе исследования по мере накопления фактического материала.

Общие задачи данной монографии и состояние разработки соответствующей проблемы во многом определили ее структуру. Главы монографии с известной условностью могут быть подразделены на три группы. В первой из них, охватывающей главы с I по VI, рассматривается методология исследования, характеризуется этническая ситуация и этнические процессы в дореволюционной России, условия и факторы развития этнических процессов в СССР: природные, политико-правовые и административные, социально-экономические, демографические и др. Во второй — центральной части монографии рассматриваются различные стороны этнических процессов, происходящих в СССР; особое внимание здесь уделено изменениям в материальной культуре, в сфере языка и духовной жизни народов СССР, отражению этнических процессов в семейно-брачных отношениях. Такой анализ представляется необходимой предпосылкой для более глубокого изучения этнических аспектов национальных процессов как формирования и развития

ных языков в СССР. Ташкент, 1963; Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966; А. Т. Базиев, М. И. Исаев. Язык и нация. М., 1973, и др.

⁸ К работам этого типа относится, например, «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». М., 1973.

⁹ См. В. К. Гарданов, В. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР. СЭ, 1961, № 4; Т. А. Жданко. Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР. СЭ, 1964, № 6; И. С. Гурвич. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР, СЭ, 1967, № 5; В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969; Ю. В. Бромлей, В. П. Козлов. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР. СЭ, 1970, № 1; И. С. Гурвич. Современные направления этнических процессов в СССР. СЭ, 1972, № 4.

социалистических наций, так и их дальнейшего сближения. Соответственно в заключительной части работы характеризуется динамика численности этнических общностей, определяются общие и специфические черты развития этнических процессов у отдельных народов СССР, а также суммируются основные результаты всего исследования*.

Источники, использованные при работе над каждой из глав, характеризуются в этих главах. К важнейшей из этих групп относятся статистические материалы переписей населения, проводившиеся в 1897, 1926, 1939, 1959 и 1970 гг.

К переписям населения по своему характеру близки материалы текущего учета населения (архивы загсов и др.). Преимуществом этих материалов, как и данных переписей, является их массовость и однотипность, некоторым недостатком — ограниченность этнической номенклатуры, жесткая фиксация явлений, которые в действительности находятся на той или иной стадии этнической трансформации.

Ко второй группе источников следует отнести полевые и архивные этнографические материалы, включая и специальные этносоциологические обследования; эти материалы по своему охвату обычно значительно уступают статистическим, но зато существенно превосходят их своей этнокультурной нацеленностью и обилием информации, дающей возможность вскрыть различные стороны и аспекты этнических процессов.

Третью, наиболее обширную по количеству группу, составляют литературные источники, которые можно подразделить на подгруппы. К первой из них относится большая часть названных выше трудов по формированию и развитию социалистических наций, а также по некоторым другим аспектам национальных процессов, разрабатываемым представителями смежных с этнографией дисциплин. Ко второй подгруппе относятся главным образом этнографические работы, содержащие комплексные характеристики культуры и быта народов СССР или отдельных частей народов в процессе исторического развития этих явлений¹⁰.

Авторы данной монографии достаточно отчетливо сознают, что она, представляя по существу первый опыт монографического изучения этнических процессов в СССР, отнюдь не может претендовать на исчерпывающее освещение темы, что в рассматриваемой ими области имеется еще много «белых пятен»; поэтому в ряде случаев авторы были вынуждены ограничиться лишь обзором состояния того или иного вопроса и постановкой проблем для будущих исследований.

---

* Научно-организационная работа по подготовке данного издания проведена В. Р. Швейковской.

¹⁰ См.: «Народы Сибири», М., 1956; «Народы Кавказа», т. 1—2. М., 1960; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 1—2. М., 1962; «Народы европейской части СССР», т. 1—2. М., 1964.

Этнические процессы как предмет исследования (Предварительные замечания)

При характеристике этнических процессов исходным понятием является понятие этноса (этнической общности). О причинах введения в научный оборот термина «этнос» (от греческого — «народ») говорилось во «Введении». Здесь отметим, что этот термин применяется в научной литературе уже довольно давно (в русской литературе примерно с конца XIX — начала XX в.), однако научное осмысление и разработка его как специального понятия для обозначения особой общности людей развернулось по существу лишь в последние десятилетия¹.

Дискуссии, связанные с определением понятия этноса еще не вполне завершены, однако основные их итоги выступают уже достаточно определенно. Этнос (этническая общность) — это особый исторически возникший вид социальной группировки людей, особая форма их коллективного существования. Такая общность складывается и развивается как бы естественно-историческим путем; она не зависит от воли отдельных входящих в нее людей

---

¹ См., например: С. А. Токарев. Проблемы типологии этнических общностей (К методологическим проблемам этнографии). «Вопросы философии», 1964; № 11; В. И. Козлов. О понятии этнической общности. СЭ, 1967, № 2; Л. П. Лашук. О формах донациональных этнических связей. ВИ, 1967, № 4; Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. СЭ, 1967, № 4; Л. Н. Гумилев. О термине «этнос». «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3. Л., 1967; Г. В. Шелепов. Общность происхождения — признак этнической общности. СЭ, 1968, № 4; Л. В. Хомич. О содержании понятия «этнические процессы». СЭ, 1969, № 5; Ю. В. Бромлей. Этнос и эндогамия. СЭ, 1969, № 6; он же. К вопросу о сущности «этноса». «Природа», 1970, № 2; он же. Этнос и этнонациональный организм. «Вестник АН СССР», 1970, № 8; В. И. Козлов. Этнос и экономика. Этнически и экономические общности. СЭ, 1970, № 6; Ю. В. Бромлей. К характеристике понятия «этнос». «Расы и народы», вып. 1. М., 1971; В. И. Козлов. Что же такое этнос? «Природа», 1971, № 2; К. В. Чистов. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. СЭ, 1972, № 3; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973; В. И. Козлов. Проблема этнического самосознания в теории этноса. СЭ, 1974, № 2.

и способна к устойчивому многовековому существованию за счет самовоспроизводства.

Формирование каждой этнической общности обусловлено непосредственными контактами входящих в нее людей; это, как правило, возможно лишь в том случае, если люди живут по соседству, т. е. на одной территории и говорят на одном языке. Общность языка и общность территории выступают таким образом прежде всего как условия формирования этноса. Общность территории является также важнейшим условием самовоспроизводства этноса; она обеспечивает развитие хозяйственных и других видов связей между частями этноса; природные условия этой общей территории влияют на жизнь людей, отражаясь в некоторых общих особенностях их хозяйственной деятельности, культуры, быта и психики. Однако и территориально разобщенные группы этноса могут длительное время сохранять свои специфические черты в области культуры и прежнего самосознание общности. Таким образом, выступив как условие формирования этноса, целостность территории не является строго обязательным фактором существования всех частей этноса².

Весьма тесны связи этноса с языком, который является не только условием формирования, но и итогом этногенеза; последнее особенно заметно в случае формирования этносов из разноязычных групп населения. В результате такой тесной связи язык обычно выступает как одно из важнейших объективных свойств этноса, а также как символ этнической принадлежности. Наряду с языком важнейшее значение для устойчивого функционирования этносов имеют специфические элементы их материальной и духовной культуры. Это прежде всего те компоненты культуры, для которых характерны традиционность и устойчивость: обычаи, обряды, народное искусство, религия, нормы поведения и т. п. Культурное единство членов этноса в свою очередь неразрывно связано с особенностями их психики, проявляющейся, в частности, в оттенках их характера, специфике ценностных ориентаций, вкусов и т. п. Следует особо подчеркнуть, что этнос представляет собой не простую сумму признаков, а определенное целостное образование, в котором основную системообразующую роль могут выполнять различные его объективные компоненты. В одних случаях главная роль в этом отношении принадлежит языку, в других — хозяйственно-бытовым особенностям, в третьих — характерным чертам поведения и т. п.

Вместе с тем этнос далеко не всякая группа людей, обладающих общностью определенных объективных свойств.

Этносом является только та совокупность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей. Это осознание членами этноса своего группового единства принято именовать этническим самосознанием, внешним вы-

² См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этносоциальный организм, стр. 39.

ражением которого является самоназвание (этноним)³. Самосознание членов этноса как бы фокусирует представления об общности территории («родной земли»), языка («родного языка»), отличительных особенностях культуры и психики, а также о какой-то общности происхождения и исторических судеб входящих в него людей. Такое этническое самосознание, сформировавшись в ходе этногенеза, фактически выступает затем не только как важнейший определитель этнической принадлежности (оттесняющий в этом отношении даже признак родного языка), но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их в этническом отношении другим этносам⁴. В ходе исторического процесса может значительно измениться этническая территория, а некоторые части этноса — даже отколоться от его основного ядра, может измениться словарный состав языка, его морфологические, синтаксические и другие особенности, а некоторые части этноса вообще могут сменить язык, т. е. подвергнуться языковой ассимиляции, может сильно измениться материальная и духовная культура и т. д., но пока у входящих в этнос людей сохраняются этнические черты и самосознание, этнос продолжает существовать как таковой. Укрепление этнического самосознания обычно сочетается со стремлением этноса к собственной социально-территориальной (в том числе — государственной) организации, которая также обеспечивает устойчивое существование этноса, сохранение многих из названных выше элементов и прежде всего — территориального единства.

Самовоспроизводство этноса обеспечивается преимущественным заключением браков внутри этноса и путем передачи новому поколению языка, системы социально-культурных ценностей, традиций и т. п.⁵ В случаях, когда этнос формируется из резко различающихся расовых групп, их брачное смешение, широкая метисация существенно содействуют возникновению чувства этнической близости.

Таким образом, этнос (в узком значении этого термина) может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме).

Следует особо подчеркнуть теснейшую связь этнических явлений с социально-экономическими, которыми они в конечном счете и обусловлены. Особенно эта связь важна тогда, когда этнос (целиком или большей частью) входит в состав одного государст-

³ См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, стр. 30—31.

⁴ См.: В. И. Козлов. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса, стр. 87 и сл.

⁵ См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и эндогамия.

ва. Возникающие при этом особые образования обычно обладают не только территориально-политической, но и социально-экономической общностью⁶. Именно поэтому для типологизации подобных этносоциальных образований решающее значение имеет принадлежность их к той или иной социально-экономической формации. Этот фактор и положен в основу принятой в нашей обществоведческой литературе историко-стадиальной классификации этносоциальных общностей, согласно которой выделяется три типа таких общностей: племя, характерное для первобытной эпохи, народность — для рабовладельческой и феодальной эпох, и нация — для эпох капитализма и социализма. Необходимо вместе с тем учитывать, что принадлежность к соответствующей формации во многом предопределяет особенности существования не только компактных (обладающих «своей» государственностью), но и дисперсных этносов. Поэтому представляется вполне правомерным говорить, например, применительно к буржуазной эпохе не только об особой этносоциальной общности, но и об особой дисперсной этнической группе с соответствующими капиталистической формации социально-экономическими и другими параметрами. Таким образом, в отличие от этноса в узком смысле слова, как общности, определяемой в первую очередь языком, культурой и самосознанием, конкретные формы его существования включают социально-экономические и политические компоненты.

Тематика нашего исследования, нацеленного на современность, делает излишним детальный анализ первого типа этносоциального объединения (первобытнообщинной формации) — племени. Отметим лишь, что наиболее характерной чертой этого типа этноса было то, что его внутренняя — родовая структура основывалась на принципе кровного родства, при котором родовая экзогамия сочеталась с племенной эндогамией. Племена, как правило, имели сравнительно небольшую численность, что определялось прежде всего слабым развитием производительных сил. Племенное самосознание основывалось главным образом на представлении о непосредственной общности происхождения всех соплеменников от какого-то, чаще всего — мифического предка; оно слабо связывалось с общностью языка, на диалектах которого обычно говорило несколько родственных племен, и с территорией, изменяющейся при миграциях племен⁷.

Из двух последующих, считающихся основными, типов этносоциальных общностей — народности и нации — пока достаточно полно разработано лишь понятие последнего и более четко выступающего сейчас типа — нации. Интервал между племенем и нацией, в котором прежние племенные связи были уже утрачены, а новые — национальные еще не сложились, был довольно длителен в историческом и весьма сложен в этническом отношении. С рас-

⁶ См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этносоциальный организм, стр. 51—54.

⁷ О некоторых этнических образованиях, именовавшихся в дореволюционный период «племенами», см. главу III, стр. 48 и сл.

падом родо-племенного строя социальная структура общества усложняется, кровнородственная организация сменяется территориальной, проявляется деление на классы, сословия и т. д. Контуры этносов-народностей в этом интервале были обычно довольно подвижными, внутри складывавшихся крупных этносов имелись сильные диалектные и культурные вариации; этническое самосознание было многозначным и не всегда отчетливым; оно часто отеснялось на второй план религиозным или узкотерриториальным («земляческим») самосознанием, чувством принадлежности «своему» сюзерену и т. п.

Вместе с тем обозначение основных этнических единиц докапиталистических классовых обществ словом «народность» поставило вопрос о терминологическом размежевании таких единиц применительно к рабовладельческой и феодальной формациям. Однако появившееся в этой связи предложение именовать основной тип этнических общностей рабовладельческой эпохи термином «демос»⁸ не вошло в научный обиход, поскольку с этим словом в науке уже связывается другое значение (народонаселение). Поэтому обычно выделяется два подтипа народности — рабовладельческий и феодальный. Кроме того, в результате разработки научного понятия нации, позволившей более четко отделить ее типологически от других этносов капиталистической и социалистической формаций, термин «народность» сохранился и за теми этническими образованиями, которые уже не определялись социально-экономическими параметрами рабовладельческой и феодальной эпохи, но и не подходили под понятие нации. Авторы данной работы придерживаются сложившейся практики применять термин «народность» к небольшим по численности, но занимающим обширные территории этносов северных и восточных окраин СССР («народности Севера»), к некоторым не сложившимся в нации этносам Кавказа («народности Дагестана»).

Что же касается понятия «нация», то разработка его советскими учеными велась на базе основополагающих указаний, содержащихся в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по национальному вопросу; большое значение в этом отношении имела дискуссия по определению понятия нации, развернувшаяся с середины 1960-х годов⁹.

Истории известны два основных пути формирования нации: один — на базе сравнительно раннего (еще на докапиталистической стадии) возникновения моноэтнических государственных образований, второй — в ходе развития этносов в рамках многонацио-

⁸ См.: С. А. Токарев. Проблемы типологии этнических общностей..., стр. 52.

⁹ Эта дискуссия проходила главным образом на страницах журнала «Вопросы истории» в 1966—1968 гг.; см., например, М. С. Джунусов. Нация как национально-этническая общность (там же, 1966, № 4); С. Т. Калтахчян. К вопросу о понятии нации (там же, № 6); Г. Ю. Бурмистрова. Некоторые вопросы теории нации (там же, 1966, № 12).

нальных государств; первым путем возникли, как известно, многие крупные этносы Западной Европы, второй был характерен, в частности, для развития большинства народов России.

Взаимосвязь этноса и государственности приобретает особое значение в эпоху раннего капитализма, когда она находит свою опору в экономике; отсюда — характерное для этой эпохи стремление формирующихся наций к своему государственному оформлению. В. И. Ленин писал в этой связи: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином и хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — *типичным*, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство»¹⁰.

Так как в странах Западной Европы, где впервые в истории началось формирование наций, этот процесс совпал с возникновением и централизацией государств, сложившихся на территориях с преимущественно этнически однородным населением, то и сам термин «нация» приобрел здесь политический смысл — принадлежности людей к одному — «национальному» государству. В таком значении это слово стало употребляться и в других странах мира, пользующихся западноевропейскими языками (английским, французским и др.) или терминами¹¹.

Принятое в нашей литературе определение понятия «нации» исходит из решающей роли экономических факторов в формировании данного вида социальных общностей; соответственно ведущее значение придается социально-экономическим параметрам капиталистической и социалистической формаций. Поскольку такие па-

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258—259.

¹¹ Политический смысл термина «нация» и производных от него терминов отчетливо выступает и в русском языке в таких, например, выражениях, как «национальный доход», «национализация земли» и др.

раметры, например наличие своего рабочего класса, интеллигенции и т. д., как правило, возможны лишь в рамках сравнительно многоязычных этносов, постольку термин нация обычно прилагается к сравнительно крупным этносоциальным общностям.

Правда, на практике при решении вопроса о том, является ли данный этнос нацией, нередко особое значение придается наличию у него своего государства. Это в значительной мере объясняется тем, что сохранение социально-экономической (или в конечном счете этнической) целостности нации возможно лишь при условии нахождения ее в рамках одного государства. Однако «свое» государство является далеко не обязательным признаком нации. Истории известно немало примеров наличия в составе одного государства нескольких наций. Поэтому вряд ли правильно жестко связывать термин «нация» лишь с теми народами СССР, которые имеют государственность в форме союзной или автономной республики. Упрощением было бы и установление строго определенного количественного различия между нацией и народностью. При решении этого вопроса необходимо учитывать весь комплекс социально-экономических характеристик этнических общностей, их численность, особенности расселения, интенсивность этнокультурных связей и т. п. Вместе с тем представляется неточным и встречающееся в нашей литературе причисление к одной нации всех представителей соответствующего этноса, проживающих в разных государствах (например, соединение в одну «нацию» армян СССР, Сирии, Египта и т. д.).

Что касается термина «национальность», то он уже давно широко применяется для обозначения всех этнических образований развитых классовых формаций. Кроме того, термин «национальность» утвердился в практике переписей населения и других форм учета населения для обозначения принадлежности тех или иных граждан к определенной этнической общности.

Части этносов, находящиеся на территории других государств и составляющие там меньшинство населения, принято называть «национальными» или «этническими меньшинствами»; однако этому термину иногда придается оттенок национального неравноправия и поэтому он обычно не применяется при характеристике современной этнической ситуации в СССР; чаще употребляется термин «национальная группа». В том случае, когда возникает необходимость терминологически выделить какие-то территориально-обособленные части коренных этносов СССР, целесообразно пользоваться (в зависимости от степени территориального рассредоточения) терминами «этно-ареальная» и «этно-дисперсная» группы, добавляя в случае необходимости, а также и количественные показатели.

Следует также учитывать, что многие этносы, в первую очередь крупные, не представляли в недавнем прошлом или не представляют и теперь нечто монолитно-однообразное в языково-культурном отношении и состоят из этнографических (этнических)

групп. Этим термином мы обозначаем территориальные части народности или нации, отличающиеся локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта (особое наречие или говор, особенности материальной и духовной культуры, религиозные различия и т. д.), имеющие иногда самоназвание и как бы двойственное самосознание. Этнографические группы часто ведут свое происхождение от вошедших в народность или нацию племенных (в том числе и иноэтнических) компонентов. Нередко они возникают при социально-религиозной дифференциации этноса, а также при сильном расширении этнической территории, когда мигрирующие части этноса попадают в различную природную среду, взаимодействуют с различными этносами и т. д.; именно так возникли, например, поморы, терские и уральские казаки и другие этнографические группы русского этноса ^{11а}.

Наряду с внутренним членением народностей и наций они нередко сами составляют более крупные комплексы; одни из этих комплексов, образующиеся на основании языково-культурной близости народов, именуется этно-лингвистическими группами, другие, складывающиеся внутри многонациональных государств, представляется целесообразным именовать наднациональными или межэтническими общностями. Таким образом, одна и та же группа людей может одновременно входить в состав нескольких этнических общностей различных уровней. Русские, например, представляя собой этносоциальную общность — социалистической нацию, — одновременно являются частью более широких комплексов: с одной стороны, восточнославянского, с другой — общеславянского комплекса в целом. Если добавить к этому внутреннее деление русских на этнографические группы, то мы окажемся перед реальной сложной иерархией этнических общностей.

Переходя к понятиям, связанным непосредственно с исследованием этнических процессов, выделим прежде всего две основные разновидности, отражающие особенности проявления этих процессов в различных сферах этноса. Одна из них выражается в конечном счете в изменении этнического самосознания у людей, входящих в те или иные этносы. Такие процессы мы называем этно-трансформационными, поскольку они связаны с переходом из одного этнического состояния в другое. Вторую разновидность представляют этноэволюционные процессы, выражающиеся в значительном изменении любого из основных параметров этноса, хотя бы это и не вело непосредственно к перемене этнического самосознания.

Основным объективным содержанием таких этнических процессов является изменение культурной специфики этнических общностей.

---

^{11а} О соотношении понятий «этнографическая» и «этническая» группа см.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, стр. 32—33.

Учитывая наличие двух форм существования этнических явлений, одна из которых выражена этносом в узком смысле слова, другая — этносоциальным организмом, представляется важным различать собственно этнические и этносоциальные процессы. К первым относятся изменения в сфере этнического, ко вторым — также разнообразные преобразования в социально-экономических и политико-идеологических сферах жизни людей, входящих в те или иные этносы, например коллективизацию сельского хозяйства или создание национальных промышленных кадров. Основной разновидностью современных этносоциальных процессов являются национальные процессы, понимаемые как изменения, касающиеся и социально-экономических, и этнокультурных компонентов наций.

При изучении собственно этнических процессов принято различать два их основных вида: разделительные, когда прежде единый народ делится на несколько самостоятельных этносов или от него отделяются части, становящиеся самостоятельными этносами, и объединительные, когда прежние этнически разнородные части сливаются в единый этнос. Диалектика этнического развития проявляется здесь в том, что почти каждый объединительный процесс ведет, правда, уже на новом уровне, к этническому обособлению втянутых в него этносов от других. Разделительные этнические процессы были особенно распространены в первобытнообщинную эпоху и вызывались чрезмерным увеличением численности племен или просто миграциями частей их на далекое расстояние. Наиболее типичными для нового времени были и остаются объединительные процессы, отражающие исторически закономерную и прогрессивную тенденцию к укрупнению народов.

Современные объединительные этнические процессы могут быть в свою очередь подразделены на «внутринациональные» и «межнациональные».

Основным видом внутринациональных этнических процессов является этническая консолидация. Под ней нами понимается слияние нескольких родственных по происхождению, языку и культуре этнических образований (типа этнографических и этнических групп) в одно целое. При этом следует различать консолидацию народностей из близкородственных племен и этнографических групп и консолидацию наций из близких по языку и культуре народностей, этнографических групп и других этнических образований. Так как родственные народы обычно ведут свое происхождение от какой-то единой в прошлом этнолингвистической общности, то развитие процессов этнической консолидации в ряде случаев является как бы своеобразным диалектическим отрицанием процессов этнического разделения. Более широкое значение обычно придается понятию национальной консолидации, в него включаются также достижение социальной однородности нации и другие моменты.

Что касается межнациональных этнических процессов, то к ним относятся этническая ассимиляция и межэтническая интеграция. Под этнической (национальной) ассимиляцией принято понимать процессы включения небольших групп (или отдельных представителей) одного народа в состав другого, обычно более крупной или развитой общности. Существуют, как известно, два типа ассимиляции: насильственная и естественная, всегда имевшая, как указывал В. И. Ленин, прогрессивное значение¹². Применяя термин «естественная ассимиляция» для обозначения процессов, развивающихся при бытовых и производственных контактах различных национальностей, следует иметь в виду двусторонний ход таких процессов: крупный народ ассимилирует находящиеся в его среде этнические меньшинства, в свою очередь сами эти меньшинства нередко стремятся к слиянию в этническом (языково-культурном и др.) отношении с окружающим их населением. К таким процессам может быть применен термин «этническое растворение».

Под межэтнической (межнациональной) интеграцией (сближением) нами понимается взаимодействие различных по своим языково-культурным параметрам этнических единиц (типа народности и нации) обычно внутри одного государства, ведущее к появлению у них определенной культурной общности.

Следует вместе с тем учитывать тесную взаимосвязь всех трех указанных разновидностей этнических процессов объединительного характера. Например, этническая консолидация нередко в той или иной степени сопровождается ассимиляцией, а этническая интеграция может выступать в роли своеобразной ступени на пути к этнической консолидации. Из всех трех разновидностей объединительных процессов наименее значительные изменения этнических свойств происходят при межэтнической интеграции, наибольшие — при ассимиляции. Имея в виду в целом механизм этих однотипных по своему характеру процессов, следует отметить, что в различных сферах этноса соответствующие изменения протекают далеко не одинаково. Как правило, они наиболее пластичны в сфере бытовой культуры. Значительно заметнее и резче изменяется языковая сфера: сначала обычно наступает двуязычие и лишь затем полная смена языка. Однако, как и этнические изменения в области бытовой культуры, перемена языка сама по себе еще не означает перехода в другое этническое состояние. В таком качестве выступает лишь смена этнического самосознания, протекающая внешне в форме скачка¹³.

Этнические процессы развиваются под воздействием разнообразных факторов, одни из которых обусловлены взаимодействием этносов (прежде всего — в языково-культурной сфере), другие — как бы внеэтническими причинами. На первое место среди фак-

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 125—127.

¹³ См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, стр. 157—158.

торов второй группы (да и вообще среди всех факторов развития этнических процессов) выступает экономический.

Развитие экономических связей в эпоху раннего капитализма, как уже отмечалось выше, опирается на общность языка и территории и становится мощной базой для развития процессов национальной консолидации. В эпоху развитого капитализма языково-территориальные границы уже не могут сдерживать растущих экономических связей, экономика, по выражению В. И. Ленина, «ломает национальные рамки», способствует развитию процессов ассимиляции и межнациональной интеграции. Вместе с тем уже в эпоху капитализма экономика создает основу для быстрого развития материальной и духовной культуры, приводит к коренным изменениям в культуре широких масс. При социализме воздействие экономики на этнические процессы резко усиливается благодаря углублению межрайонных хозяйственных связей, уничтожению классового и национального антагонизма, изменению классово-социального состава и т. д.

Существенное влияние на этнические процессы оказывает территориальный фактор; изменение прежней территории расселения этноса, миграции отдельных групп его в районы, сильно отличающиеся от прежних по своим природным условиям. Весьма значительно влияние и территориального смещения этносов, перемещения отдельных частей их в иноэтническую среду.

Как уже отмечалось выше, важное значение для существования этноса имеет наличие или отсутствие у него своей государственности. Развитие этнических процессов во многом зависит от государственно-политического единства этноса. Вместе с тем следует учитывать влияние на эти процессы государственно-правовых и политико-идеологических факторов, которые хотя и входят в надстроечные формы, но иногда по силе своего воздействия отодвигают на второй план экономические факторы и даже вступают с ними в противоречие. Так, в царской России политика угнетения коренного населения окраинных южных и восточных областей препятствовала развертыванию там процессов национальной консолидации, а тенденции к русификации «иноподцев» и насаждавшаяся идеология этнической и религиозной розни тормозили экономическую и социально-политическую интеграцию этносов, обостряли национальные чувства, осложняли процессы естественной ассимиляции и т. д. В Советском Союзе утверждение полного равноправия всех народов, широкая пропаганда интернационалистических идей облегчили этнические контакты, развитие процессов консолидации, интеграции и естественной ассимиляции. Национально-государственное строительство, в первую очередь образование союзных и автономных республик, создало особо благоприятные условия для социально-культурного развития прежде отстававших этносов. Большое значение в этом отношении имела система образования и печати на родном языке, преподавание национальной истории и т. д.

Следует сказать, наконец, и о демографическом факторе этнических процессов. Возрастание численности того или иного народа и соответственное увеличение плотности населения само по себе ведет к усилению контактов между людьми, воздействуя тем самым на этнические процессы. Немаловажное значение имеют при этом особенности поло-возрастной структуры, размеры семей и другие демографические параметры.

Что же касается роли факторов, связанных с межэтническими контактами, то она во многом зависит от так называемой этнической ситуации. В это понятие входят прежде всего особенности территориального взаимоотношения этносов; можно утверждать, что взаимодействие этносов во многом зависит от фронта их соприкосновения.

Прямое влияние на развитие этнических процессов оказывает также близость этносов в языковом и культурно-бытовом отношении, сильно облегчающая непосредственные контакты между людьми; помехой для развития таких контактов могут выступать те элементы культуры и быта, которые были или продолжают быть связанными с религиозными предписаниями. Процессы консолидации, как уже отмечалось, преимущественно разворачиваются между этносами близкородственными в языковом и культурно-бытовом отношении. Близость языка и культуры сильно облегчает начальные процессы ассимиляции, хотя сравнительно слабо сказывается на их завершающей стадии; украинцам, попавшим в русскую среду, конечно, легче овладеть русским языком, чем, например, удмуртам, но это еще не значит, что трансформация этнического самосознания у украинцев произойдет быстрее. Отметим также, что в отличие от языковой ассимиляции, являющейся, как правило, непременным этапом этнической ассимиляции, некоторые элементы традиционной культуры и быта могут сохраниться и после изменения этнического самосознания, утратив всякую роль символов этнической принадлежности.

Сильное влияние на развитие этнических контактов оказывают психологические факторы — чувство симпатии или, напротив, антипатии между членами различных этнических общностей, обусловленные историческими особенностями развития отношений между этносами, сходством или различием их культур и другими причинами; известную роль при этом могут играть и сильные различия контактирующих этносов в антропологическом отношении.

Среди других факторов, влияющих на развитие этнических процессов, следует отметить различные ценностные ориентации и установки, которые хотя и входят в надстроечные формы, способны оказывать существенное влияние на этническую трансформацию как непосредственно, так и путем воздействия через социально-экономический базис.

Важным фактором развития этнических процессов и вместе с тем формой осуществления этнических контактов являются сме-

шанные в этническом отношении браки. Переводя этнические процессы в сферу семейных отношений, такие смешанные браки усиливают этнические контакты и обычно способствуют сближению народов. Потомство от смешанных браков в конечном итоге так или иначе определяет себя в этническом отношении. (Вопрос этот рассматривается далее в специальной главе.) В нашей стране дети обычно выбирают между этнической принадлежностью своих родителей, прерывая тем самым этническую линию одного из них. Выбор между национальностью отца и матери определяется конкретной ситуацией; хотя вся семья обычно принимает фамилию отца, многие дети часто отдают предпочтение национальности матери, особенно в случае нахождения всей семьи в ее коренной этнической среде.

Массовые этнические контакты, обуславливающие развитие этнических процессов, могут быть подразделены на непосредственные и опосредованные. Кроме этнически смешанных браков, являющихся наиболее ярко выраженной формой непосредственных этнических контактов, к ним относятся бытовые, производственные и большая часть учебных. К опосредованным контактам в современную эпоху относятся прежде всего контакты, связанные со средствами массовой коммуникации (печать, радио и т. д.).

Характеризуя в целом этнические процессы, необходимо особо подчеркнуть, что они подобно этническим общностям представляют собой иерархическое явление. Иначе говоря, они могут идти как бы на разных ярусах и притом подчас даже в разных направлениях. В результате одна и та же группа людей, принадлежащая к одному этносу, оказывается одновременно как в сфере «внутреннего» развития этого этноса, направленного на укрепление его в качестве самостоятельной системы, так и в сфере процесса, направленного на объединение того же этноса с другими этническими образованиями.

Эти в известном смысле противоположные тенденции пронизывают всю этническую историю человечества. Но особенно характерно такого рода взаимопересечение этносоциальных процессов для эпохи капитализма. Именно это обстоятельство и раскрывает разработанная В. И. Лениным концепция двух тенденций в национальном вопросе. «Развивающийся капитализм,— указывал он в данной связи,— знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество ка-

питализм»¹⁴. Рассматривая вторую тенденцию, Ленин отмечал, что межнациональное сближение характерно в первую очередь для многонациональных государств (например, России), так как в их пределах нации «связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»¹⁵. Усиление межнациональных контактов в таких странах обусловлено развитием экономики, которая сплавливает живущие в одном государстве нации, ломает национальные перегородки, приводит к территориальному смешению различных национальностей в городах и промышленных районах¹⁶.

При этом В. И. Ленин подчеркивал, что «всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций... с каждым десятилетием проявляется все могущественнее... составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм»¹⁷.

Следует особо отметить мысль Ленина о том, что победа социалистической революции должна привести к дальнейшему усилению тенденции межнационального сближения. «...Вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества, — указывал он, — все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»¹⁸. «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями»¹⁹.

В последние годы в нашей печати неоднократно поднимался вопрос об исторических рамках действия открытых В. И. Лениным двух тенденций в национальных процессах. При этом отмечалась ошибочность механического перенесения закономерностей, действующих при капитализме, на социалистическое общество, отмечалось, что «нация — категория социально-историческая. Ее экономическая основа... ее классовая структура и социально-исторические устремления, духовный облик, то есть все то, что характеризует данный исторический тип нации, коренным образом изменяются в результате перехода от капитализма к социализму». Что же касается этнических признаков, то они «сохраняются и развиваются в преобразованном виде и в условиях социализма»²⁰. И правы, на наш взгляд, те авторы, которые в данной связи отмечают, что если «чисто классовые характеристики нации при смене формаций изменяются коренным об-

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

¹⁵ Там же, стр. 175.

¹⁶ Там же, стр. 134.

¹⁷ Там же, стр. 125.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 318.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 36; т. 27, стр. 256.

²⁰ См. «Коммунист», 1969, № 13, стр. 7; см. также «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1974, стр. 72—81.

разом, то присущие ей этнические свойства в значительной мере сохраняются»²¹.

Недопустимость механического перенесения на социализм отмеченных Лениным тенденций особенно очевидна, когда речь идет о первой из них. Что же касается второй, то возможность распространения ее на социалистическое общество в свете приведенных выше высказываний В. И. Ленина не вызывает сомнений, хотя формы проявления этой тенденции в новых условиях должны, конечно, претерпеть изменения. Программа КПСС, констатируя, что в «условиях социализма происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет», подчеркивает в то же время, что «развитие наций осуществляется не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы...»²².

В разных сферах общественной жизни эти тенденции проявляются далеко не одинаково, по их взаимосвязь обнаруживается повсюду — как в социально-экономических, так и в собственно этнических процессах, причем первые обычно самым непосредственным образом воздействуют на вторые (особенно на этническое самосознание), а те в свою очередь могут оказывать на них заметное обратное воздействие.

Данная монография посвящена, как уже говорилось, прежде всего собственно этническим процессам в СССР; вместе с тем в ней постоянно учитывается, что они, как правило, являются лишь одной из сторон этносоциальных процессов, сущность которых определяется в первую очередь социально-экономическими изменениями.

---

²¹ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов. *Нации — народ — человечество*. М., 1967, стр. 72; А. М. Егизарян. *Об основных тенденциях развития социалистических наций СССР*. Ереван, 1965; А. Г. Агаев. *К исследованию исторических тенденций социализма в национальном вопросе. «Строительство коммунизма и проблемы сближения наций»*. Киев, 1969.

²² «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961, стр. 112, 113.

Глава II. Природная среда и территориальное размещение народов

Собственно этнические процессы — социальные и обусловлены в конечном счете социально-экономическими причинами. Однако этнические процессы протекают у народов, живущих в определенных природных условиях. Эти условия влияют на хозяйственную деятельность людей, на их материальную, а в значительной степени и на духовную культуру, во многом определяя ту их хозяйственно-культурную специфику, изучение изменений которой непосредственно входит в задачи данной работы. Природные условия существенно сказываются и на особенностях размещения населения, влияя тем самым на развитие как внутриэтнических, так и межэтнических контактов, а через них и на ход этнических процессов. Влияние это не является определяющим, оно исторически изменяется с развитием производственно-экономического базиса; тем не менее необходимость учета его, особенно для такой большой и разнообразной по своим природным условиям страны, как СССР, достаточно очевидна.

Наша страна — крупнейшее по площади государство мира — занимает примерно шестую часть обитаемой суши (22,4 млн. кв. км), протянувшись с запада на восток более чем на 9 тыс. км, а с севера на юг — более чем на 4,5 тыс. км. СССР расположен в северо-восточной части материка Евразии и имеет довольно сложный рельеф. Европейская часть страны занята преимущественно Восточно-Европейской равниной; за древними полусглаженными Уральскими горами поверхность повышается к востоку как бы тремя гигантскими ступенями, представленными соответственно Западно-Сибирской низменностью, Средне-Сибирским плоскогорьем и горными областями Дальнего Востока. В Средней Азии расположена довольно обширная Туранская низменность. На юге страны протянулись горные системы, наиболее значительные из которых: Кавказ, Памир, Тянь-Шань и Саяны. В гористых районах страны (Урал, Кавказ и др.) локализованы и многие месторождения полезных ископаемых.

Климат СССР изменяется от холодного арктического на севере до субтропического и пустынного на юге и от континентально-морского на западе до резко континентального в Сибири и муссонного на побережье Тихого океана, с соответствующей вертикальной зональностью в горных областях. Зона арктических пустынь, которая занимает большинство крупных островов Северного Ледовитого океана и север Таймырского полуострова, за исключением редких поселений зимовщиков, безлюдна. Очень суровы условия жизни в тундре, которая простирается широкой полосой вдоль северного и северо-восточного побережья страны. Для этой зоны характерна продолжительная, темная и суровая зима, короткое с продолжительным днем прохладное лето, во время которого нередки заморозки.

Типичны также сильные ветры, частая облачность, но небольшое количество осадков. Летом оттаивают лишь верхние слои почвы, ниже которых идет слой вечной мерзлоты. Основная растительность — мхи и лишайники, низкорослые деревья встречаются крайне редко, по долинам рек.

Земледелие в этой зоне невозможно; традиционное хозяйство обитающих здесь небольших народностей (саамов, ненцев, чукчей и др.) основано на оленеводстве, рыболовстве и охоте (в прибрежных районах — охоте на морских животных).

Наиболее обширна по площади зона лесов, характеризующаяся в целом умеренным климатом, с холодной довольно длительной зимой и теплым летом. В европейской части страны эта зона делится на подзону хвойных (таежных) лесов, где преобладают подзолистые и болотистые почвы, и подзону лиственных лесов, где встречаются более плодородные серые почвы; между этими подзонами лежит широкая полоса смешанных лесов; количество осадков здесь составляет до 500—600 мм в год. Традиционное хозяйство населения — многоотраслевое; в подзоне хвойных лесов — с большим значением охоты и лесных промыслов, с очагами земледелия и скотоводства (главным образом по рекам); в подзоне лиственных, в значительной степени уже вырубленных лесов — с развитым земледелием и скотоводством. В Сибири и на Дальнем Востоке преобладают таежные леса. В центральных районах Сибири количество осадков снижается и лишь на побережье Тихого океана возрастает до 500—900. Всю северо-восточную половину этой лесной зоны занимает область вечной мерзлоты. Земледелие развито слабо, главным образом в южных районах; распространено оленеводство, охота, рыболовство.

В европейской части страны и Западной Сибири, на юг от лесной зоны, леса редуют, переходя в лесостепь и степь с плодородными черноземными и каштановыми почвами; степи занимают и северную часть Казахстана; на юге Восточной Сибири степные участки сравнительно редки и невелики по площади. Количество осадков в степной зоне в целом меньше, чем в лесной, и уменьшается с севера на юг и с запада на восток; в юго-

восточных степных районах нередки засухи. Эта зона — наиболее удобна для интенсивного земледелия и скотоводства, причем в европейской части страны эти отрасли получили в целом большее развитие, чем в азиатской. Большая часть зоны распахана, и ее естественный растительный покров нарушен.

Далее на юг идут последние значительные по площади зоны полупустынь и пустынь, занимающие большую часть Туранской и Прикаспийской низменности; их климат характеризуется холодной зимой и очень жарким летом. Количество осадков в пустынях — менее 200 мм в год; растительность бедна и представлена главным образом эфемерами и полинно-солянковыми ассоциациями. Традиционное хозяйство основано на скотоводстве пастбищного типа; в приречных долинах и предгорьях развито орошаемое земледелие.

По численности население СССР, как известно, занимает третье место в мире, уступая лишь Китаю и Индии. Первая всеобщая перепись населения России 1897 г. определила общую его численность в 125,7 млн. человек (в современных границах — 124,6 млн. человек); по переписи 1926 г. в СССР было 147,0 млн., на 1939 г. — 170,6 млн. (в современных границах — 190,7 млн.), на 1959 г. — 208,0 млн. и по последней переписи 1970 г. — 241,7 млн. человек. В 1973 г. численность населения СССР достигла 250 млн. Сильное отрицательное влияние на рост численности населения страны оказали первая мировая война 1914—1918 гг. и гражданская война; еще больший урон нанесла развязанная гитлеровцами война 1941—1945 гг., только прямые потери от которой составили свыше 20 млн. человек. В последнее десятилетие общие темпы прироста населения страны заметно снизились из-за сильного падения рождаемости среди большинства народов европейской части страны, в том числе — у русских (этот процесс, как будет показано ниже, сказался на изменении численности отдельных народов).

Социально-экономическое, в первую очередь — промышленное, развитие страны сопровождалось ростом городского населения, наряду с относительным, а во многих областях и абсолютным уменьшением сельского населения. Процесс урбанизации и в первую очередь его этногеографические аспекты будут подробно рассмотрены в специальном разделе; здесь же отметим лишь, что доля городского населения составила по переписи населения 1897 г. — 15%; 1926 г. — 18; 1939 г. — 33; 1959 г. — 48; 1970 г. — 56, на начало 1974 г. — 60%.

По территории страны население размещено весьма неравномерно, основная масса его находится в центральных и южных областях европейской части СССР, здесь же находятся и наиболее значительные скопления крупных городов. Наибольшая плотность сельского населения отмечена в Западной Украине и долине Днестра; плотно заселены районы Среднего Поволжья и Северного Кавказа; однако в целом по направлению на восток

районы с высокой плотностью сельского населения, примерно совпадающие с удобными для земледелия зонами степи, лесостепи и лиственных лесов, постепенно сужаются, а его плотность уменьшается. Зона таежных лесов и особенно тундра Европейского Севера заселены слабо; население концентрируется здесь вдоль крупных рек и дорог; некоторые крупные промышленные города (например, Воркута) фактически не имеют сельского окружения. Слабо заселены используемые главным образом для скотоводства сухие Прикаспийские степи и полупустыни, а также высокогорные районы Кавказа.

В азиатской части СССР сравнительно плотно заселены районы, протянувшиеся узкой клинообразной полосой от Среднего и Южного Урала до Тихого океана, по обе стороны вдоль Сибирской железной дороги. Эта полоса несколько расширяется в черноземных предгорьях Алтая и в Приамурье, довольно густо заселен и юг Приморья. В остальной части Сибири и Дальнего Востока население тяготеет к большим рекам, в то время как обширные таежные и тундровые области не имеют постоянных селений и обычно посещаются оленеводами и охотниками лишь в определенные периоды. Возникшие здесь редкие города и поселки связаны главным образом с добычей и обработкой полезных ископаемых и лесоматериалов; на побережье Тихого океана существенную роль играет и рыболовство.

В Средней Азии сельское население сконцентрировано главным образом в районах поливного земледелия — вдоль крупных рек и в предгорьях Тянь-Шаня, очень густо заселена, в частности, Ферганская долина. В пустынях и полупустынях Средней Азии и сухих степях Казахстана имеется редкое скотоводческое население; существующие здесь города связаны главным образом с добычей полезных ископаемых. В Закавказье плотность населения сравнительно высока на Черноморском побережье и в долине Риона — районах интенсивного садоводства и субтропических культур.

Многочисленные живущие на территории СССР народы по этнолингвистической классификации входят главным образом в состав индоевропейской языковой семьи (свыше 83% всего населения страны), алтайской семьи (свыше 12%), кавказской и уральской семей (примерно по 2%). Кратко остановимся на их размещении по территории страны.

Внутри индоевропейской семьи наиболее значительна славянская группа, в которую входят русские, украинцы, белорусы. Русские — крупнейший народ СССР (свыше 53% всего населения страны) и один из крупнейших народов мира — сформировались как этнос в обширной области, охватывающей верховья Волги и Западной Двины; постепенно русские земледельцы, промысловые и служилые люди распространились на север — до Белого моря, на юг — до предгорий Кавказа и на восток — до Алтая и Приморья.

Территориальное распространение русских, в результате которого они попадали в различные природные условия и взаимодействовали с различными в языково-культурном отношении этносами, привело к возникновению особых этнографических групп русских: поморов, терских и яицких (уральских) казаков и др.

Украинцы — второй по численности народ страны составляют около 17% всего ее населения. Со своей прежней этнической территории, расположенной в северо-западной половине современной УССР, в XVII—XVIII вв. они расселялись главным образом на юго-восток: в Причерноморские степи и на Кубань, составив здесь почти повсеместно большинство сельского населения. В XIX — начале XX в. значительными были миграции украинцев в Поволжье, Североказахстанские и Южносибирские степи, однако здесь они не образовали существенных самостоятельных ареалов и селились вперемежку с русскими, уступая им в численности.

Третий народ этой группы — белорусы длительное время сохраняли компактность расселения; значительные группы их лишь сравнительно недавно переселились в Карелию и в Калининградскую область. Из числа других славянских народов назовем поляков, живущих главным образом на северо-западе БССР, юге Литвы и в Западной Украине, а также болгар, живущих на юге Украины и в Молдавии.

К восточнославянским народам по происхождению и культуре близки народы летто-литовской (балтийской) группы: литовцы и латыши, а также молдаване — народ романской группы, испытавший сильное языковое и культурное влияние славян; все эти народы расселены преимущественно в пределах союзных республик. К народам иранской группы индоевропейской семьи относятся таджики и близкие к ним припамирские народности (шунганцы, рушанцы и др.), а также некоторые народы Северного и Юго-Восточного Кавказа: осетины, таты, талыши и курды. Наиболее сложный характер имеет расселение таджиков, значительные группы которых живут смешанно с узбеками и другими народами Средней Азии. Несколько обособленное место в индоевропейской семье занимают армяне, значительная часть которых кроме Армении также живет в соседних республиках Закавказья и других районах страны.

Из числа других значительных по численности национальностей СССР, относящихся к индоевропейской языковой семье, следует назвать немцев — в основном потомков немецких колонистов, переселившихся в Россию в XVIII—XIX вв.; в настоящее время они живут главным образом на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане, смешанно с русскими, украинцами и другими народами. К этой лингвистической семье обычно относят и большинство евреев, часть которых считает своим родным языком идиш (близкий к немецкому), а основная масса полностью перешла на русский, украинский, белорусский и другие языки окружающего их населения. Евреи — почти исключительно город-

ские жители, расселенные преимущественно в европейской части страны; особо выделяются грузинские, горские и бухарские евреи. Упомянем также цыган — давних выходцев из Северной Индии — живущих небольшими группами на большей части территории страны, но преимущественно в ее юго-западных областях.

В алтайской языковой семье наиболее значительна тюркская группа, уступающая по численности в СССР лишь славянской; районы расселения принадлежащих к ней народов тянутся от Черного моря и Средней Волги на западе до Чукотки на востоке. К тюркским народам Поволжья относятся чуваша, татары и башкиры; значительные группы татарского населения, отличающиеся по происхождению от татар Поволжья, находятся в Западной Сибири и некоторых других областях страны. В составе поволжских татар выделялись мищари и кряшены. К южно-поволжским — астраханским татарам близки живущие к западу от них ногайцы. В предгорьях Северного Кавказа живут близкородственные карачаевцы и балкарцы, в прикаспийских районах Дагестана — кумыки. Крупнейший тюркоязычный народ Кавказа — азербайджанцы живут главным образом на его прикаспийских отрогах и Куринской низменности. На юге Молдавии живут гагаузы, язык которых близок к турецкому.

Более половины всего тюркоязычного населения СССР находится в Средней Азии и Казахстане. Здесь живут узбеки, казахи, туркмены, киргизы, каракалпаки, а также группы уйгуров. Очень сложный характер имеет расселение казахов, занимающих большую территорию от Каспийского моря до Алтая и живущих, особенно в северных районах, в сильном смешении с русскими, украинцами и другими народами. Большой сложностью отличается этническое расселение и в областях Средней Азии: редко-заселенные пустынные районы перемежаются с густозаселенными долинами рек и цепочками оазисов, а сравнительно однородные в национальном отношении районы — с районами пестрого национального состава. На юге Западной Сибири, в Алтае-Саянской области живут небольшие тюркоязычные народы: тувинцы, алтайцы, хакасы и шорцы. Среди этих народов, как и среди большинства коренных народов Средней Азии, сохраняются следы прежнего деления на этнографические и племенные группы. К северо-востоку от тюрков Южной Сибири на значительном расстоянии от них между нижним Енисеем, Чукоткой и средним течением Алдана расселились якуты.

Двумя другими группами алтайской семьи являются монгольская и тунгусская. К первой из них относятся два сильно удаленных друг от друга народа: буряты, живущие в большом смешении с русскими к западу и востоку от Байкала, и калмыки, живущие в низовьях правобережной Волги. Ко второй группе относятся эвенки, расселившиеся небольшими группами в обширных таежных районах Сибири от Енисея до Охотского моря, близкородственные им эвены, живущие к северо-востоку от них,

а также небольшие приамурские народы: нанайцы, ульчи, орочи и удэгейцы.

В числе народов кавказской семьи наиболее многочисленными являются входящие в картвельскую группу грузины, которые живут в Западном Закавказье; среди этнографических групп грузин выделяются сваны, мегрелы и лазы, частично сохранившие еще в быту свои особые языки, а также аджарцы, подвергшиеся в прошлом турецкому влиянию. В адыго-абхазскую группу той же семьи входят живущие на Северном Кавказе кабардинцы и близкородственные им адыгейцы и черкесы, а также обитающие на Черноморском побережье абхазы; в нахскую группу — чеченцы и ингуши. В четвертую — дагестанскую группу, названную так по месту расселения ее народов, входят аварцы, лезгины, даргинцы, лакцы, табасараны и еще до 20 небольших народов, живущих в труднодоступных горных долинах, нередко сосредоточиваясь лишь в одном-двух селениях.

В уральскую семью входят народы финской языковой группы, которые расселены отдельными массивами главным образом между Балтийским морем и Уралом. В западной части этой области живут эстонцы, карелы и близкие к ним по происхождению небольшие народы — вепсы и ижорцы; в восточной — мордва, марийцы, удмурты и коми. Карелы, особенно их южные группы, живут в сильном территориальном смешении с русскими; этнической чересполосицей отличается и расселение финноязычных народов Поволжья, особенно мордвы. Сама мордва делится на две основные группы — эрзя и мокшу, каждая со своим языком; коми подразделяются на собственно коми (коми-зырян) и коми-пермяков. Несколько особое место среди финноязычных народов занимают саами (лопари) — потомки древнейшего населения Северной Европы.

К угорской группе той же семьи принадлежат два близких по происхождению народа — ханты и манси, живущие по средней и нижней Оби и ее притокам, большей частью смешанно с русскими. Ближайшими родственниками этих народов являются венгры, группы которых живут в пограничных с Венгрией западных районах Украины. К северу и востоку от хантов и манси расселены небольшие по численности, но занимающие обширные пространства отдельные народы самодийской группы: ненцы, энцы, нгансаны и селькупы.

Язык кетов — небольшого народа, обитающего по среднему Енисею, не обнаруживает прямого родства ни с одним языком мира. На восточных окраинах СССР живут так называемые палеоазиатские народы — давние обитатели этих областей. К ним относятся живущие в северо-восточных областях чукчи, коряки и ительмены (камчадалы), языки которых обнаруживают между собой некоторую близость, а также живущие на Колыме юкагиры и на нижнем Амуре и Сахалине нивхи, говорящие на обособленных языках. На крайнем северо-востоке Чукотки живут неболь-

шие группы эскимосов, а на Командорских островах — алеуты, языки которых образуют особую эскимосо-алеутскую семью.

Расселение народов в определенных природных условиях, как уже говорилось выше, опосредованно влияло, особенно в прошлом, на их хозяйственную, а вместе с тем отчасти и на культурную специфику. Этнические границы обычно не совпадают с границами хозяйственно-культурных типов; крупные этносы такие границы делят на части, мелкие — объединяют¹. Тем не менее можно заметить, что, например, традиционная культура восточных славян и большинства народов индоевропейской семьи связана преимущественно с земледелием, а у большинства тюркских и монголоязычных народов — со скотоводством. Гораздо чаще совпадают границы хозяйственно-культурных типов с природно-ландшафтными областями; так, по существу для всех народов тундровой зоны (ненцев, нганасан, долган и др.) традиционно оленеводство (для нганасан — охота на диких оленей); для народов крупных рек таежной зоны (хантов, нанайцев, кетов и др.) — рыболовство и т. д.

Основные районы этнического смешения возникли в областях сельскохозяйственного освоения прежде пустовавших или слабозаселенных земель, в частности — степных областей, используемых лишь для кочевого скотоводства. К таким областям относится Поволжье (особенно Заволжье, Северный Кавказ, Северный Казахстан, юг Сибири и Дальнего Востока), в сельскохозяйственном освоении которых участвовали русские, украинцы и другие народы; для заселения некоторых районов приглашались даже переселенцы из-за рубежа. Во многих из этих мест этническое смешение происходило внутри возникавших или растущих селений, что, естественно, усиливало языково-культурные и бытовые контакты. Этническое смешение в лесной зоне шло главным образом за счет проникновения русских в прежде слабо заселенные, но удобные для земледелия районы, в места добычи полезных ископаемых и т. п. За последние десятилетия несколько усилилось этническое смешение и в редкозаселенных тундровых и таежных районах, особенно в связи с переходом коренных жителей на полуоседлость и укрупнением населенных пунктов. Однако суровые условия жизни в этих районах по-прежнему ограничивают приток сюда иноэтнических групп, способствуют сохранению многих местных традиций культуры и быта. Главными местами этнического смешения и очагами этнических процессов во всех природных зонах являются города и промышленные районы, куда притекает инациональное население.

В заключение кратко остановимся на религиозном составе населения. Большинство коренных народов европейской части страны по своему вероисповеданию в прошлом принадлежали к хри-

¹ См. по этому вопросу: *Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры.* М., 1971, стр. 222—229 и др.

стианской греко-православной церкви, от которой в XVII в. в результате «раскола» отделились старообрядцы. Православие исповедовали русские, украинцы, белорусы, молдаване, финноязычные народы Поволжья, чуваша, гагаузы, часть народов Кавказа (грузины, южные осетины и др.) и Сибири (якуты, западные буряты и др.). К православной церкви близка преобладавшая среди армян армяно-грегорианская церковь. Часть западных украинцев и белорусов, а также поляки исповедовали католицизм; католиками были литовцы и часть латышей; большинство латышей и эстонцы принадлежали к протестантской (лютеранской) церкви. Ислам получил распространение среди коренных народов Средней Азии и Казахстана (узбеков, туркмен, казахов и др.), Восточного и Северного Кавказа (азербайджанцев, народов Дагестана, чеченцев, ингушей и др.), татар и башкир. Калмыки и восточные буряты исповедовали ламаизм (особая форма буддизма). Большая часть коренных народов Сибири и Дальнего Востока официально считалась православной, однако сохранила многие элементы старых верований, особенно шаманизм. В советское время подавляющая часть населения отошла от религии, однако некоторые возникшие на религиозной основе стереотипы поведения сохраняются в пережиточной форме, оказывая нередко влияние на межэтнические контакты.

В антропологическом отношении большинство населения СССР принадлежит к европеоидной расе, представленной тремя основными подразделениями: северной (высокорослой и светловолосой) ветвью, к которой принадлежат народы Прибалтики и северо-западные группы русских; южной (низкорослой, темноволосой) ветвью, которая охватывает большинство народов Кавказа; и переходными формами, к которым относятся большинство русских, белорусов и украинцев. Коренные народы Восточной Сибири и Дальнего Востока принадлежат к северной ветви монголоидной расы. Народы Средней Азии и Казахстана имеют признаки, переходные между европеоидной и монголоидной расами, причем европеоидность уменьшается с запада на восток: сильнее всего она у туркмен, слабее — у киргизов. К смешанным монголоидно-европеоидным типам относятся коренные народы Севера европейской части и Западной Сибири (ненцы, ханты и др.). В местах соприкосновения этносов, принадлежащих к сильно отличающимся расовым типам, антропологические особенности их могут служить для непосредственного «на глаз» разграничения контактирующих групп. С развитием расово-смешанных браков такое значение антропологических различий, естественно, уменьшается.

Глава III. Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России

Многие особенности современных этнических процессов, происходящих в СССР, в значительной мере объясняются спецификой этнической ситуации, сложившейся в дореволюционной России. Поэтому представляется целесообразным предпослать их рассмотрению общую характеристику этнических общностей и этнических процессов, происходивших в нашей стране в XIX — начале XX в.

Неравномерность социально-экономического и этнического развития народов России обусловила многочисленность и разнообразие сложившихся в ней типов этнических общностей, сочетание стадияльно различных этнических процессов; процессы формирования народностей сочетались здесь с присущим капиталистической формации процессом консолидации наций; процессы ассимиляции охватывали разнообразные по этническому типу группы населения. Начали развиваться и процессы межэтнического сближения.

1. Этнодемографическая ситуация и социально-экономические предпосылки этнических процессов в дореволюционной России

Еще на самых ранних этапах формирования Русского государства¹ в основную славянскую среду его населения были вкраплены финские, балтские, тюркские и другие иноэтнические группы.

В XIV—XV вв. шло объединение русских земель вокруг Московского княжества, преодоление феодальной раздробленности и складывание централизованного Русского государства². Его тер-

---

¹ В. В. Магродин. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

² Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.

ритория в этот период включала земли Владимиро-Суздальскую, Новгородскую, Смоленскую, Муромо-Рязанскую и часть Черниговского княжества. В 70-х годах XV в. окрепшее Русское государство усилило борьбу за свержение татаро-монгольского ига и окончательно освободилось от него в 1480 г. Этнический состав государства еще более усложнился. Помимо нерусских народов, вошедших в него с присоединением Новгородской и других земель (финские племена — карелы и родственная им «весь» — вепсы и др.), в 70—80-х годах XV в. вошла в его состав и «Великая Пермь» (среднее течение Камы), «югорские» и «вогульские» княжества. Значительно возросла этническая пестрота населения Русского государства в XVI в., после присоединения народов Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья и начавшегося освоения Сибири. В середине XVII в. (1654 г.) произошло воссоединение Украины с Россией. В XVII в. в состав Русского государства вошло множество народов Восточной Сибири, присоединились многие народы Кавказа. В XVIII—XIX вв. пределы Европейской части России также расширялись.

Вхождение нерусских народов в Российское государство имело исторически прогрессивное значение для их дальнейших судеб. Народы отсталых районов России оказались в могущественной стране, в контактах с народами, достигшими более высокого социально-экономического и культурного развития. Они избавлялись от вражеских вторжений и угрозы порабощения со стороны соседних государств, от постоянных междоусобиц правившей ими феодальной знати, приводивших к разрушению хозяйства и обнищанию трудового населения.

Важнейшим прогрессивным последствием присоединения к России явилось приобщение народов ее окраин к активной борьбе против царского самодержавия, социального и национального гнета, которую в XIX в. возглавил самый революционный в мире российский пролетариат. Эта борьба развивалась в условиях нарастающей революционной ситуации в России, ставшей в начале XX в. центром мирового революционного движения.

Территория России к концу XIX в. достигла 22 млн. 430 тыс. кв. км. В связи с этим выросла и численность населения; в 1897 г. первая всеобщая перепись населения определила общую численность жителей Российской империи в 125,7 млн. человек³. На рубеже XIX и XX вв. Россия предстает перед нами как крупное многонациональное государство.

В результате переписи населения 1897 г. впервые появились этностатистические данные по всей территории Российской империи. В основу определения этнической принадлежности был поло-

---

³ Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе. М., 1941, стр. 190; А. Г. Рашии. Население России за 100 лет. М., 1956, стр. 26; «Численность и расселение народов мира». — «Народы мира». М., 1962, стр. 60; Я. Е. Водарский. Население России за 400 лет. М., 1973.

жен «родной язык». Один из редакторов материалов этой переписи этнограф С. К. Паткапов составил обзор «племенного состава» Российской империи — перечень и классификацию (по языковому признаку) 146 народов в соответствии с таким же числом языков и наречий, выявленных переписью⁴ (см. табл. 1).

По данным переписи 1897 г., народы, говорившие на индоевропейских языках (100 331,5 тыс. человек), составляли 79,86% всего населения империи; к этому числу следует прибавить 5 063,2 тыс. евреев, говоривших на языке «идиш», относящемся к германской языковой группе, а в Средней Азии и Дагестане на иранских языках — таджикском и татском⁵. С этой поправкой число говоривших на индоевропейских языках составляло 105 394,7 тыс. человек — 83,90%.

На урало-алтайских языках говорили 17 669,1 тыс. — 14,06%. Остальные 2% населения были при обработке данных переписи искусственно объединены в две группы. В первую — «Изолированные по языку» — вошли 2 477,9 тыс. человек: «Картвельские народы Закавказья», «Горские племена Кавказа» (кроме осетин) и «Палеоазиатские племена Северо-Восточной Азии» (чукчи, камчадалы, гилаки и др.). Во вторую группу были включены «Культурные народы Крайнего Востока Азии» (китайцы, корейцы, японцы), численность ее составила 86,1 тыс. человек.

Таблица 2 характеризует в общих чертах географическое размещение этих языковых групп и их процентное соотношение.

Для усиления впечатления о преобладании «русского племени» в этническом составе России перепись (см. табл. 1) объединяла под этим названием в качестве его «ветвей» великорусов, украинцев и белорусов, составлявших в совокупности 83 933,6 тыс. человек — 66,8% населения России. Собственно великорусов было 55 667,5 тыс. — более 42% жителей империи. «В соответствии со своей значительной численностью, — пишут авторы «Общего свода» переписи, — русское племя сплошной массой занимает большую часть всей территории государства, создавая подавляющую часть жителей Европейской России (без Привислинского края — 80,05%), Северного Кавказа (76,68%) и

---

⁴ Следует учесть при этом, что к «наречиям» при переписи были отнесены языки большинства народностей, причислявшихся к категории «шпородцев», и некоторых других нерусских этнических групп.

⁵ При обработке данных переписи 1897 г. евреи были неправильно включены в число лиц, говорящих на семитских языках. Между тем древнееврейский язык, принадлежавший к семитской языковой группе, у евреев России сохранялся в основном лишь как язык богослужения, в церковных книгах, в отдельных словах, относящихся к религии, верованиям, обрядам. Разговорным языком большинства евреев западных и южных губерний был язык («жаргон») идиш, близкий немецкому; среднеазиатские и горские (Дагестан) евреи говорили на иранских языках (таджикском и татском), крымские евреи — на крымско-татарском, грузинская группа — на грузинском.

Таблица 1. Распределение населения Российской империи по родному языку * (тыс. чел.)

Группы и языки	Численность по империи	Группы и языки	Численность по империи
Славянские языки		Картвельские наречия	
<i>Русский:</i>		Грузинское	824,0
Великорусский	55 667,5	Имеретинское	273,2
Малорусский	22 380,6	Мингрельское	239,6
Белорусский	5 885,5	Сванетское	15,7
<hr/>		Остальные индоевропейские языки и наречия	
Итого	83 933,6	Греческий	186,9
Польский	7 931,3	Албанское	0,9
Остальные славянские языки		Армянский	1 173,1
в т. ч.	224,9	Персидский	31,7
Чешский	50,4	Таджикское	350,4
Сербский, хорватский, словенский	1,8	Талышское	35,3
Болгарский	172,7	Татское	95,1
Литовско-латышские наречия		Курдские	99,9
Литовское	1 210,5	Осетинские	171,7
Жмудское	448,0	Индусское	0,3
Латышское	1 435,9	Цыганское	44,6
Романские языки		Афганский	0,5
Молдавский и румынский	1 121,7	Наречия кавказских горцев	
Французский, итальянский, испанский и португальский }	21,3	Черкесские наречия	
Германские языки		Кабардинское	98,6
Немецкий	1 790,5	Черкесское	46,3
Прочие германские языки		Абхазское	72,1
Шведский		Чеченские наречия	
Норвежский и датский }	23,2	Чечепское	226,5
Голландский		Ингушское	47,4
Английский		Кистипское	0,4
Еврейский язык	5 063,2	Лезгинские наречия	
		Аварско-андийское	212,7
		Даргинское	130,2
		Кюринское	159,2
		Удинское	7,1
		Кази-кумыкское и ост. лезгинские наречия	90,9

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи, т. II, табл. XIII, СПб., 1905 (далее — Общий свод).

Таблица 1 (окончание)

Группы и языки	Численность по империи	Группы и языки	Численность по империи
Лезгинские без распределения	0,4	Монголо-бурятские наречия	
Финские наречия		Калмыцкое	190,6
Финское	143,1	Бурятское	288,7
Вотяцкое	421,0	Монгольское	0,8
Карельское	208,1	Наречия остальных северных племен	
Ижорское	13,8	Самоедские	15,9
Чудское	25,8	Тунгусские	66,3
Эстонское	1 002,7	Манчжурские	3,4
Лопарское	1,8	Чукотское	11,8
Зырянское	153,6	Коряцкое	6,1
Пермяцкое	104,7	Камчадалское	4,0
Мордовское	1 023,8	Юкагирское	0,9
Черемисское	375,4	Чуванское	0,5
Вогульское	7,6	Эскимосское	1,1
Остяцкое	19,7	Гиляцкое	5,2
Венгерское	1,0	Айнское	1,5
Турецко-татарские наречия		Алеутское	0,6
Татарское	3 737,6	Еписейско-остяцкое	1,0
Башкирское	1 321,4	Языки культурных народов Крайнего Востока	
Мещеряцкое	53,8	Китайский	57,4
Тептярское	117,7	Корейский	26,0
Чувашское	843,8	Японский	2,6
Карачаевское	27,2	Прочие языки и наречия	
Кумыкское	83,4	Арабский	1,7
Ногайское	64,1	Айсорское (сиро-халдейское)	5,3
Турецкое	208,8	Лица, не указавшие родного языка	5,1
Карапахацкое	29,9		
Туркменское	281,4		
Киргиз-кайсацкое	4 084,1		
Кара-киргизское	201,7		
Кипчакское	7,6		
Каракалпакское	104,3		
Сартское	968,7		
Узбекское	726,5		
Таранчинское	56,5		
Кашгарское	14,9		
Тюркские наречия без распределения	440,4	Итого:	125 640,0
Якутские	225,4		тыс. человек

Таблица 2. Распределение населения Российской империи по языку и его географическое размещение *, %

Территория	Индоевропейские языки	Урало-алтайские языки	Народы, изолированные по языку	Культурные народы Крайнего Востока Азии	Прочие
Европейская Россия . .	91,21	8,79	0,00	0,00	0,00
Привислиньские губернии	99,86	0,14	0,00	0,00	0,00
Кавказ	53,26	20,48	26,25	0,00	0,01
Сибирь	82,38	15,78	0,63	1,21	0,00
Средняя Азия	14,09	85,68	0,01	0,21	0,01
По всей империи . . .	83,90	14,06	1,97	0,07	0,00

* Общий свод, т. II, стр. III. В графу «Индоевропейские языки» внесены изменения в соответствии с включением в эту группу евреев.

Сибири (80,01%)»⁶. На остальных окраинах страны преобладало нерусское население, составлявшее в привислиньских губерниях 93,28%, в Закавказье — 94,62%, в Средней Азии — 91,08%. В качестве «инородческих» районов в Восточной Европе выделялись территории между нижним течением Дона, Волги и Терека, населенные калмыками, «разными тюркскими племенами», чеченцами, осетинами. В Сибири «чисто инородческим районом» считался весь ее север; к подобным же районам относилась Средняя Азия, где лишь на северной окраине степных областей можно было встретить густое русское население.

Термин «инородцы» в широком значении применялся ко всему неславянскому населению России. Однако в более узком смысле, по существовавшему законодательству (например, «Положение об инородцах» — «Свод законов», т. II, 1892), к ним относили «племена» (преимущественно монгольские, тюркские и финские), которые были «по правам состояния и по управлению поставлены в особое положение», обусловленное «низким уровнем их гражданственности». Это «особое» административно-юридическое положение сословия инородцев выражалось в некоторых случаях в специфической форме налогов (ясак, кибиточная подать и др.), в освобождении большинства из них от воинской повинности и др. Официально к «инородцам» причисляли все аборигенные народы Сибири, все народы Средней Азии, группу так наз. «горских племен Кавказа» и ряд других народностей. «Инородцы», в особенности категория «бродячих» (тунгусы, ламуты и др.), счита-

⁶ Общий свод, т. II, стр. 30.

лись неправоеспособными и нуждающимися в «попечительстве» администрации⁷.

В. И. Ленин при разработке теоретических проблем, связанных с национальным вопросом, придавал большое значение таким факторам, влиявшим на национальные отношения, как численность народов и особенности их расселения.

Отмечая, что господствующая национальность — великороссы — составляют около 45 процентов всего населения империи, он писал в 1914 г., что из каждых 100 жителей свыше 50 принадлежат к «инородцам» и «поставлено в условия жизни еще более бесчеловечные, чем условия жизни русского человека»⁸. В статье «О праве наций на самоопределение» он сопоставлял особенности Австро-Венгрии и России, чтобы показать своеобразие национальных отношений в каждой из этих стран: «Россия — государство с единым национальным центром, великорусским. Великороссы занимают гигантскую сплошную территорию, — писал он. — ... Особенность этого национального государства, во-1-х, та, что «инородцы» (составляющие в целом большинство населения — 57%) населяют как раз окраины; во-2-х, та, что угнетение этих инородцев гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских) ...»⁹

При исследовании этнических процессов сведения о национальном составе и численности народов имеют первостепенное значение. Однако, к сожалению, данные единственной дореволюционной переписи населения 1897 г. лишь с большими оговорками могут быть использованы для этой цели. Недостаточная этнографическая изученность России, неустойчивость этнонимов, наряду с некоторыми организационными ошибками, обусловили ряд неточностей в статистических данных переписи 1897 г. об этническом составе населения России. На это обстоятельство обращали внимание многие исследователи, пытавшиеся систематизировать и обобщать этностатистические материалы, накопленные отечественной наукой, в том числе возглавлявший разработку этой части материалов всероссийской переписи 1897 г. С. К. Паткапов¹⁰.

Недостатки существовавшей этнографической литературы по Сибири сводились, по его мнению, к трем пунктам: 1) к смешению наименований племен и народов, 2) к неправильности в определении их границ, 3) к отсутствию достоверных и одновременных цифровых данных «касательно их численности».

⁷ А. Н. Максимов. Кочевые инородцы. Энциклопедический словарь «Гранат», т. 25, стр. 321.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 85.

⁹ Там же, стр. 271.

¹⁰ С. К. Паткапов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. «Записки РГО по отделу статистики», т. XI, вып. 1, предисловие. СПб., 1911.

Нечеткость этнонимов, несовпадение официальных названий народов, употреблявшихся в государственных документах и повседневной административной практике, с их самопознаниями было вообще распространенным явлением¹¹.

Многие видоизмененные, искаженные названия имели длительную историческую традицию — они появились в русском языке издревле, встречались в раннесредневековых источниках, в летописях. Так, например, с XVI в. появляется русское название хантов «остяк», возможно заимствованное у сибирских татар, называвших их «уштяк»; соседние казахи применяли название «эштек» не только к хантам, но и к башкирам. В русских писцовых книгах XVII в. камские башкиры тоже именовались остяками; вплоть до революции остяками называли и кетов, и селькупов¹². Таким образом, один этноним распространялся на несколько народностей.

С XVII в. в официальных документах и описаниях путешественников южные алтайцы обычно выступали под названием «пурбужных», «бийских» или «горных» калмыков, хотя резко отличались по языку и культуре от калмыков. Северных алтайцев тоже неправильно называли «татарами» или «черневыми татарами»¹³.

Ошибки наблюдались и в научной литературе; например, на казахов, вопреки их давнему и устойчивому самоназванию «казахи», распространялся этноним другого тюркоязычного народа Средней Азии — «киргизы». В конце XIX в., как пишет Б. О. Долгих, еще не было общепринятого списка народностей Севера и даже этнографы не были точны в применении их этнонимов: не всегда выделяли в качестве особой народности эвенов (ламатов), объединяли в одну народность с орочами удэгейцев и т. д.¹⁴

Возможно, в данном случае, как и в некоторых других, ошибочные наименования были обусловлены не только недостаточными сведениями, но и неопределенностью (или двойственностью) этнического самосознания отдельных групп народностей, находившихся в процессе еще не завершившейся консолидации (см. ниже).

---

¹¹ Искаженные названия народов иногда вызвали ошибочное представление о них. Так, например, ненцев называли «самосдами» и этимологизировали это слово из русского языка («само-сды» — сами себя едящие), связывая с этим легенды о прежнем якобы каннибализме. На самом же деле, как полагают исследователи, этноним «самосды» происходит от древнего этнонима «сам», родственного названиям «саами» (лопаряи, «суоми» (финны). По-лопарски «саам-иедна» значит «земля саамов». «Очевидно, это название, относящееся первоначально к землям, заселенным лопарями, перенесено русскими на позже там появившихся ненцев» (см. С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 483).

¹² «Народы Сибири». Серпя «Народы мира». М.—Л., 1956, стр. 570.

¹³ Там же, стр. 329.

¹⁴ Б. О. Долгих. Образование современных народностей Севера СССР. СЭ, 1967, № 3, стр. 14.

Ряд серьезных недочетов в этностатистических материалах переписи 1897 г. был выявлен советскими демографами при сопоставлении их с данными Всесоюзной переписи 1926 г.— первой полной переписи населения СССР. К основным из этих недочетов относятся: а) отсутствие данных об этническом составе Бухарского и Хивинского ханств, не охваченных переписью 1897 г. В результате оказалось не учтенным примерно 2,68 млн. населения — узбеков, таджиков, туркмен, казахов, каракалпаков и др.; б) многие этнографические группы и мелкие народности при разработке материалов переписи не учитывались (например, по Дагестану); в) ошибки в наименовании народов; например, азербайджанцы регистрировались как татары, казахи и киргизы во многих районах регистрировались под общим названием «киргизы» и т. д.; г) метод учета этнической принадлежности только по родному языку.

Невозможность на основании языкового признака разобраться в сложных группировках народностей и племен¹⁵ привела к грубым обобщениям и существенным ошибкам при разработке данных переписи. В особенности это касалось многочисленной группы тюркоязычных народов. Привлекая дополнительно сведения (о религии, месте обитания и др.), дореволюционные статистики все же выделили из общей тюркоязычной массы некоторые народы; остальное же тюркоязычное население они объединили в две группы: в первую, численностью около 440 тыс. чел., связанную с территорией Туркестана и названную «турки без распределения», входили помимо коренных среднеазиатских тюркоязычных народов, обитавшие здесь группы татар, азербайджанцев, уйгуров и др. Вторая огромная смешанная группа численностью 3,7 млн. человек была названа «тюрко-татарской», говорящей на «татарском наречии»; она включала целый конгломерат народностей и племен, которые статистики не в состоянии были выделить по одним лишь данным о языке. Советским статистикам удалось установить, что в эту «смешанную» группу были включены частично или полностью татары, нагайбаки, кришпы, азербайджанцы, карапахи, гагаузы, качипцы, кизильцы, сагайцы, койбалы, сойоты, телеуты, теленгиты, алтайцы, кумандицы, черневые татары, шорцы, хакасы, а также сибирские бухарцы и барабинцы (сибирские татары)¹⁶.

В действительности число этнических общностей, так же как языков, в России конца XIX в. значительно превышало 146; вы-

---

¹⁵ В предисловии к «Общему своду» авторы разработки данных переписи сами отмечают условность и неточность метода определения этнической принадлежности лишь на основе «родного языка».

¹⁶ См. «Всесоюзная перепись населения 1926 г.» Краткие сводки. Вып. 4. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928 (гл. III «Сравнение с итогами переписи 1897 г. по народности», стр. 14—18; табл. XIV—XVIII, XXVI).

явленных переписью 1897 г. Более совершенная по своей методике, перепись 1926 г. учла свыше 190 этнических единиц и около 150 наименований языков¹⁷, хотя она охватила сравнительно меньшую территорию (после Октябрьской революции территория России уменьшилась примерно на 1 млн. кв. км).

Но все же, несмотря на столь существенные недостатки, всеобщая перепись населения 1897 г. дала возможность впервые создать картину языкового, а в значительной степени и национального состава населения Российской империи¹⁸. Материалы ее широко использовались в экономических и исторических науках (в том числе в этнографии) и в государственной практике как до Октябрьской революции, так и в первые годы Советской власти (особенно для целей национального строительства).

* * * * *

Помимо численности и территориального размещения этнических групп населения важнейшей предпосылкой различия этнических процессов является исторически сложившийся у контактирующих народов уровень социально-экономического развития.

Характерной особенностью дореволюционной буржуазно-помещичьей России была неравномерность социально-экономического развития. На ее огромной территории районы с развитой капиталистической экономикой, высокой плотностью населения и значительным городским населением сочетались с обширными районами, где преобладали древние формы присваивающего хозяйства — охота и рыболовство, собирательство и примитивное земледелие или экстенсивное полукочевое и кочевое скотоводство¹⁹.

В 1914 г. из 50 губерний Европейской России в трех плотность населения превышала 90 чел. на 1 кв. км, в 15 — колебалась между 60 и 90 чел., в 19 — от 30 до 60 чел., в семи — от 15 до 30, а в шести было менее 15 чел. на 1 кв. км²⁰. Что же касается Азиатской России, то по данным 1900 г. в трех областях на территориях нынешнего Казахстана — Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской число жителей на 1 кв. км достигало лишь 1,1—1,6 чел.²¹, а в Закаспийской области Турке-

---

¹⁷ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.» Краткие сводки. Вып. 4. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928, табл. 1 (стр. 2—22), табл. 2 (стр. 24—40).

¹⁸ С. И. Брук, В. И. Козлов. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. СЭ, 1967, № 6, стр. 9.

¹⁹ См. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. СЭ, 1955, № 4.

²⁰ А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 80.

²¹ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского, т. 18. Киргизский край. СПб., 1903, стр. 178.

станского края — всего 0,8 чел.²² На Крайнем Севере, в некоторых районах Якутии, на Дальнем Востоке плотность исчислялась даже сотыми долями.

Такие же контрасты были и в соотношении городского и сельского населения.

Крупнокапиталистическая промышленность с высокой концентрацией производства сосредоточивалась в немногих индустриальных районах страны — Северо-Западном (Петербург и Прибалтика), Центральном, Южном (Донбасс, Криворожье, Баку); на более низком экономическом уровне была промышленность Урала. В таких районах, как Литва, Белоруссия, соседние с ними русские губернии, Европейский Север, Поволжье, Кавказ, значительная часть Закавказья, преобладало мелкокапиталистическое производство²³.

Капитализм, господствуя в экономике страны, все глубже проникал и в сферу сельского хозяйства, однако в ней устойчиво сохранялись и были широко распространены феодально-крепостнические пережитки.

В. И. Ленин в одной из своих статей 1912 г. отмечал характерное для экономики деревенской России коренное противоречие «между капитализмом, высоко развитым в нашей промышленности, значительно развитым в нашей земледелии, и *землевлдением*, которое продолжает оставаться средневековым, крепостническим»²⁴. Капиталистическая система высоко товарного земледелия уже в конце XIX в. преобладала в помещичьих хозяйствах западных губерний — в Прибалтике, на Правобережной Украине, в Западной Белоруссии и др. Во многих губерниях все еще продолжали господствовать отсталые, полуфеодальные способы ведения хозяйства. Аграрная политика самодержавия охраняла экономические привилегии помещиков, поддерживала их крупное полуфеодальное землевладение со сдачей земли в аренду крестьянам и отработочной системой.

В целом же в Российской империи сосуществовали различные уровни развития сельского хозяйства — от зрелого, высоко развитого капитализма прусского типа до патриархально-феодального полукочевого хозяйства. В некоторых районах (особенно на отдаленных окраинах) проникновение товарно-денежных и капиталистических отношений в сельское хозяйство и ломка сельской общины были еще на самой начальной стадии.

---

²² «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. 19. Туркестанский край. СПб., 1913, стр. 345 (по данным на 1909 г.).

²³ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VI. М., 1968, стр. 18.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 309. См. также: «Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы всесоюзной дискуссии». М., 1969, стр. 310, 312 и др.; П. А. Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX в. М., 1970, стр. 10 и др.

На всех этапах развития капиталистической формации в России сохранялись в виде укладов более или менее значительные остатки прежних, докапиталистических формаций.

Ленинская характеристика общественно-экономических укладов²⁵ имеет большое методологическое значение для исследования существовавших в России типов этнических общностей и этнических процессов, помогая проследить сложные градации у разных народов не только социально-экономического, но и этнического уровня их развития.

Основными укладами в дореволюционной России при господстве капиталистических отношений сохранялись патриархально-патуральное производство; мелкотоварное, по преимуществу крестьянское производство, феодально-крепостнический уклад²⁶, некоторые же уклады являлись переходными или «промежуточными».

Анализируя реальную историческую обстановку социально-экономического развития России, В. И. Ленин отмечал возможность сочетания укладов, их переплетение «самым разнообразным и причудливым образом»²⁷.

Неравномерность социально-экономического развития обусловила большое разнообразие форм общественного строя у народов дореволюционной России и соответственно — большой диапазон в уровнях их этнического развития — от племени до сложившихся буржуазных наций.

Наиболее отсталыми были народности Крайнего Севера. Ко времени прихода русских целый ряд народов Севера Европейской России и Сибири находился еще на стадии доклассового общества. Малочисленные, рассеявшиеся на отдаленных и труднодоступных окраинах страны, они веками оставались в стороне от цивилизации. В старой России они занимали совершенно особое место, отличаясь даже для условий Сибири особенно глубокой, всесторонней отсталостью и сохраняя наиболее архаичные формы материальной культуры, социального строя, семейно-брачных отношений, идеологии. Средством существования их были промыслы — охота, рыболовство, собирательство и лишь у некоторых существовало в зачаточной, архаической форме скотоводство (оленьеводство). Хозяйственная деятельность их охватывала обширные пространства, но при очень низком уровне развития труда, экстенсивности и застойности, исключительно низкой технике. Большинство из них не знало ткачества, многие — гончарства, некоторые были незнакомы с обработкой металлов²⁸. Геогра-

²⁵ Ю. И. Семенов. В. И. Ленин о категории «общественно-экономический уклад». «Ученые записки Красноярского гос. пед. ин-та», т. 18, 1960.

²⁶ И. В. Кузнецов. Об укладах и многоукладности капиталистической России. «Вопросы истории», 1974, № 7.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 187.

²⁸ См. М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. «Труды ИЭ», новая серия, т. XXVII, 1955.

фическая изолированность обуславливала отсутствие постоянных контактов населения тундровых и таежных районов со скотоводческими и земледельческими народами, более развитыми в социально-экономическом отношении. Низкий уровень производительных сил предопределял и архаичные формы общественной структуры; социальная организация, свойственная первобытнообщинному способу производства, сохранялась у них значительно дольше, чем у большинства других народов страны, и исчезла лишь после революции.

Новейшие историко-этнографические исследования позволили выявить формы социальной организации, существовавшие у таких народов, как ханты, манси, ненцы, кеты, юкагиры, эвенки, чукчи, коряки и др., в период первых их контактов с русскими. Они находились, очевидно, «на той ступени общественно-экономического развития, которая соответствует отцовско-родовому строю»²⁹.

Почти три столетия пребывания в составе русского государства привели к трансформации общественного строя народов Крайнего Севера, но и в начале XX в. они еще находились в состоянии распада первобытнообщинной структуры общества. Родо-племенные кровные связи повсеместно сменялись связями соседско-территориальными; развитие глубокого имущественного неравенства и другие явления характеризовали становление раннеклассового общества³⁰.

И все же здесь, на Крайнем Севере, накануне Октябрьской революции в наибольшей полноте по сравнению с другими районами России сохранялись пережитки патриархально-родового строя.

Чтобы составить представление об уровне социально-экономического развития народов России, здесь уместно вспомнить ту классификацию населения, которая была дана в материалах X съезда РКП(б) в 1921 г. в связи с обсуждением очередных задач Коммунистической партии в национальном вопросе³¹. «РСФСР и связанные с ней независимые советские республики представляют около 140 млн. населения. Из них невеликороссов — около 65 млн.», в том числе выделены 35 млн. — народы, «прошедшие в той или иной степени период промышленного капитализма» (украинцы, белорусы и др.); остальные 30 млн. населения — народы, «не успевшие пройти капиталистическое развитие, не имеющие или почти не имеющие своего промышленного пролетариата», частью оседлые, частью кочевые и полукочевые,

---

²⁹ «Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII — нач. XX в.)». М., 1970, стр. 430—431.

³⁰ Там же, стр. 435—436.

³¹ В разработке этой классификации, предопределявшей тактику Коммунистической партии в проведении национальной политики, принимал участие В. И. Ленин.

в большинстве случаев «не вполне еще ушедшие дальше полупатриархально-полуфеодалного быта»³².

Различие уровней социально-экономического развития предопределяло и различие типов этнических общностей, сложившихся в дореволюционной России; они изменялись в тех случаях, когда за длительный период пребывания в составе русского государства в экономике и общественном строе народа происходили существенные перемены.

2. Этнические общности

В дореволюционной науке определение основных типов этнических общностей — «племя», «народность», «нация», — было чрезвычайно расплывчатым. Внимание русских этнографов-теоретиков в конце XIX в. привлекают в основном такие социальные исторические общности, как род, семья, община³³. Изучение же в теоретическом аспекте сущности категорий племени, народности, нации находилось в зачаточном состоянии. В значительной степени это объясняется сложностью вопроса, — многообразием реально существовавших этнических общностей, множеством переходных форм.

Особенно расплывчатым было понятие «племя». О различном толковании этого термина свидетельствуют и архивные материалы³⁴, и научная литература, хотя научное определение его было дано уже в 1884 г. Ф. Энгельсом в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», хорошо известном русским ученым конца XIX — начала XX в.

Для того чтобы представить, какие различные понятия включал этот термин во второй половине XIX в., воспользуемся «Толковым словарем» В. Даля, где мы видим весьма широкий диапазон применения в русской речи слова «племя» по отношению к этническим общностям разного порядка и даже к расам. Вот как поясняет Даль семантику этого слова: «Все люди — племя человеческое. // Колено, поколение, род, потомство. *«Племя Пожарских вымерло и угасло»*. Народ, язык, совокупность местных уроженцев: «Он английского, русского, немецкого племени» // Главных племен человеческих считают пять: белое (Кавказ или Европа), желтое (Китай, Азия), красное (Америка), бурое (Полинезия), черное (Африка)»³⁵.

³² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2 (1917—1924 гг.). М., 1970, стр. 251, 252.

³³ См. С. А. Токарев. История русской этнографии. М., 1966, стр. 354—361.

³⁴ Б. О. Долгих. Образование современных народностей Севера СССР, стр. 5.

³⁵ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. СПб.— М., 1882.

В дореволюционной этнографической литературе слово «племя» часто употреблялось также в значении этнической общности в широком ее понимании. Еще недавно «племенным составом» называли этнический состав населения. В 1917 г. была образована «Комиссия по изучению племенного состава России Российской Академии наук», впоследствии — «Комиссия АН СССР по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран».

Наиболее распространенными наименованиями этнических общностей всех порядков были «народ» и «народность». При всей широте и свободе применения этих терминов в научной этнографической литературе конца XIX в. уже наблюдаются признаки установления преемственной «иерархической» связи «племени» и «народности» в процессе этнического развития. Так, Н. А. Аристов называет свой труд «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей» и пишет, что его задача — «выяснить племена и роды, а также иноплеменные примеси, из которых составились ныне существующие тюркские народности»³⁶. Д. Н. Анучин также обращает внимание на соотношение племени и народности. В своей статье «Племя» он определяет это слово как «термин, употребляемый для обозначения группы людей, связанных между собой известными общими признаками, а иногда и предполагаемой общностью происхождения ... Иногда племя отождествляется с народом или народностью, — пишет он далее, — хотя эти термины предполагают уже не одну общность по языку и происхождению, но и более тесную связь, обуславливаемую историей культуры, причем один народ может сложиться из нескольких племен и даже из частей различных рас»³⁷⁻³⁸.

* * * * *

В дореволюционной России прослеживаются разные виды племенных этнических общностей.

а) Древние, «архаические» племена первобытнообщинного типа — глубоко пережиточный вид этнической общности, в XIX — начале XX в. уже исчезающий даже в таких отдаленных районах, как Крайний Север. Однако, как показывают специальные исследования, в XVII в., когда северные области Сибири были присоединены к России, там протекал еще начальный этап консолидации народностей Севера и племена сохраняли функции древних этнических общностей³⁹. Они входили в состав несколь-

---

³⁶ «Живая старина», 1896, в. III—IV, стр. 288.

³⁷⁻³⁸ «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 46, СПб., 1898.

³⁹ Об особенностях этих племен см. «Общественный строй у народов Северной Сибири» (гл. XII — «Племя у народностей Сибири»).

ких более или менее крупных этнолингвистических общностей; главными из таких общностей были: северотунгусская, южнотунгусская, обских угров, саамов, северных тундровых самодийцев, южных лесных самодийцев (селькупы и др.), кетская, нивхская, юкагирская, северо-восточных палеоазиатов, эскимосов и др. Из племен и родов, входивших в эти общности, в то время в этническом отношении еще очень аморфные, впоследствии сформировались 26 пышших малых народов Севера. Специфика этих древних племен и пути их этнической трансформации в течение 300-летнего периода детально изучены⁴⁰.

б) Поздние, «патриархально-феодальные племена» феодальной и капиталистической эпох существовали, в противоположность «первобытным», уже не в составе примитивных аморфных этнолингвистических общностей, а в среде сформировавшихся народностей, сохраняясь в качестве реликтов древних и средневековых компонентов их этногенеза.

Разумеется, в исторически сложившихся условиях России XIX — начала XX в. эти реликтовые племена уже обычно ни по своей социальной сущности, ни как этническая общность не соответствовали древней форме племени, свойственной первобытно-общинному строю; развитие имущественного неравенства и классового расслоения приводило к их разложению; родо-племенная организация нередко сохранялась и использовалась царизмом в целях административного управления, но пережитки племенного строя причудливо переплетались с феодальными, а иногда и капиталистическими отношениями. Родовую первобытную общину в этот период уже повсеместно сменила соседская (у кочевников — аульная) община с хозяйственными и территориальными связями и называемая К. Марксом *последним этапом* или последним периодом архаической формации⁴¹.

Племенные этнические общности такого трансформированного реликтового типа, подчас с еще сильными и устойчивыми пережитками признаков древнего племени и со следами этнографической специфики в культуре, существовали в дореволюционной России в составе очень многих по преимуществу кочевых и полукочевых скотоводческих тюркоязычных народностей Казахстана и Средней Азии (у казахов, киргизов, каракалпаков и др.), Кавказа (у части азербайджанцев, ногайцев); Приуралья (у башкир) и др.

Они имели сложные разветвленные родословные, подтверждавшие общность их происхождения и служившие заменой исчезнувших реальных кровнородственных связей между входившими

---

⁴⁰ См. Б. О. Долгих. Образование современных народностей Севера СССР; *оп. же.* Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири. «Труды VII МКАЭИ», т. 4. М., 1967, стр. 223—231.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 403.

в их состав родовыми группами⁴²; в генеалогии нередко включались и названия инородных этнических групп, влившихся в состав разраставшегося племени. Родовые группы такого племени порой еще хранили пережитки экзогамии. В некоторых случаях наблюдались даже следы дуального деления. Поздние племена имели свои традиционные самоназвания (наряду с названием народности, в которую они вошли) и двойственное этническое самосознание (сознание принадлежности и к своему племени, и к своей народности), иногда сохраняли и свои диалекты (например, у туркмен).

В среде народностей они паходились в процессе постепенного размывания и лишь в тех случаях, когда формирование народностей, в которые они вошли, не было завершено, сохраняли облик самостоятельных, обособленных этнических общностей (например, «общества» балкарцев Северного Кавказа, не имевшие общего названия и известные в XIX в. под именем «Пяти горских обществ Кабарды» и др.).

* * * * *

Согласно стадильно-исторической классификации этносов, развивающийся в феодальную эпоху тип этнических общностей, как уже говорилось принято называть народностями. В дореволюционной России большинство этнических общностей, особенно в отсталых окраинных областях, находились на стадии народности. Сложившиеся на разных этапах феодального развития народности характеризовались вполне определенными социально-экономическими чертами: территориальной общиной, классовой и сословной дифференциацией и др. Собственно этнические признаки — общность языка, культурно-бытовая специфика, этническое самосознание — в основном формировались уже в процессе их этногенеза, однако все эти признаки обычно отличались характерной для этнических общностей докапиталистической эпохи незавершенностью развития. Так, языки народностей, как правило, изобиловали диалектными различиями, культура — локальными вариантами, а этническое самосознание — своей двойственностью: в нем сочеталось название народности с наименованиями локальных («земляческих») групп или пережиточных племен (особенно у кочевников), а иногда заслонялось религиозным самосознанием, особенно в случаях окружения какой-либо группы народа инорелигиозным населением или при ее принадлежности к особой секте, религиозному течению и др.

---

⁴² См. С. М. Абрамзон. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. — «Родовое общество». М., 1951; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М., 1950; В. В. Востров и М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алмата, 1968; Р. Кузеев. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

Более глубокому развитию процесса консолидации народностей препятствовала свойственная обществам феодальной эпохи замкнутость, связанная с преобладанием натурального хозяйства, недостаточностью транспортных средств и путей сообщения, а в условиях России еще усугубленная крепостничеством или его пережитками; все это служило причиной малой подвижности населения, слабости хозяйственных и культурных контактов, нередко ограниченных небольшим географическим районом или пределами феодального владения, поместья, даже соседской общины.

В условиях национального гнета и неравноправия все народности царской России, не исключая расселенных компактно и довольно многочисленных, не имели своей государственности.

Огромное разнообразие этнических вариантов народностей в дореволюционной России, различный уровень устойчивости у них основных этнических признаков представляют большой интерес для изучения этого сложного типа этнической общности в общетеоретическом плане. Опираясь на новейшие исследования историков и этнографов в области этногенеза и этнической истории народов СССР, представляется возможным выделить предварительно в этом многообразии несколько разновидностей народностей, в зависимости от исторически сложившегося уровня их этнического развития:

а) этнические общности переходного от племени к народности типа;

б) формирующиеся народности, этногенез которых еще не завершился;

в) развитые, сформировавшиеся народности, которым были присущи основные черты этнической общности феодального типа;

г) народности, в большей или меньшей мере приобщившиеся к капитализму, вовлеченные в его сферу, достигшие стадии, близкой к консолидации нации, но оставшиеся на этом уровне, так как дальнейшее их этническое развитие задерживалось колониальным гнетом и другими историческими факторами.

Рассмотрим эти разновидности народностей на конкретных примерах.

а) Для изучения этнических общностей переходного к народности типа представляют большой интерес некоторые положения, высказанные П. Н. Третьяковым в связи с исследованием происхождения русской народности. Он развивает мысль, что процесс формирования народностей — длительный, протекающий столетиями, и народности не могут возникать сразу, непосредственно вслед за распадом племен и первобытных племенных объединений. «Между первобытными племенами и древнерусской народностью лежали промежуточные звенья»⁴³, — пишет он, по-

⁴³ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 3; см. также: Л. П. Лашук. О формах донациональных этнических связей. ВИ, 1967, 4, стр. 85—86; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, стр. 139—141.

лагая, что известные по летописи восточнославянские группировки — поляне, древляне, вятичи, кривичи и др. — называть племенами нет оснований. «Накануне возникновения Киевского государства это были уже далеко не первобытные образования, а своего рода примитивные государства — «племенные княжества», в рамках которых шел процесс феодализации». По уровню этнического развития они стояли, как полагает автор, «на промежуточных ступенях того процесса, в начале которого лежали первобытные племена или союзы таких племен, а в конце — раннеклассовая народность»⁴⁴. Доводы П. Н. Третьякова, поддержанные Л. П. Лашуком, о существовании переходных ступеней этнических общностей между племенем и народностью нам кажутся весьма убедительными.

В России XIX — начала XX в., этом своеобразном «музее» этнических форм разных ступеней развития, не трудно найти примеры, соответствующие промежуточным формам этнических общностей, выявленным этими авторами при исследовании этнической истории более ранних периодов.

Этот вопрос рассматривается и в новейших трудах, посвященных теории этноса. Так, Ю. В. Бромлей пишет о существовании народностей различных уровней; анализируя процесс сложения народностей как этносоциальных организмов, он отмечает, что этот процесс имел несколько этапов. На начальном этапе «в рамках неустойчивых политических образований племенные подразделения по мере ослабления родовых связей постепенно превращаются в областные общности», обладающие определенными этнокультурными свойствами. Автор полагает, что такие этнические подразделения могут быть названы «протонародностями»^{44а}.

Вероятно, примерно такого же типа этническими образованиями были вошедшие в состав Грузии и восходившие по своему происхождению к древним племенам картлийцы, кахетинцы, мтиулы, хевсуры, пшавы, тушины, имеретинцы, рачинцы, гурийцы, аджарцы и др. Впоследствии они стали этнографическими группами грузинской нации, но в XVIII—XIX вв. сохраняли еще значительную обособленность.

Как нам кажется, близки были к этой наиболее ранней, переходной форме также некоторые крупные туркменские племена (текинцы, иомуты, сарыки, салоры и др.), сохранявшие в период присоединения к России сильные пережитки родового быта и находившиеся на стадии перехода от военной демократии к феодальному обществу; они имели своих военных вождей и ханов; в длительном процессе формирования туркменской народности они все еще сохраняли свои диалекты, некоторые этнографиче-

---

⁴⁴ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 3.

^{44а} Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, стр. 141.

ские различия и обособленность⁴⁵, исторические источники и народные предания называли их иногда даже народами (халк), а не племенами. Каждое из этих племен имело длительную и сложную этническую историю, слагаясь из сходных, но не одинаковых этнических элементов.

б) Примером народности, еще не консолидировавшейся в XIX—начале XX в., может служить мордва; процесс ее этнического развития детально исследован В. И. Козловым. Две крупные, возможно племенные по происхождению группы, на которые делилась мордва — эрзя и мокша — имели различия в языке и культуре, однако неглубокие; до присоединения к России им была присуща территориальная общность. Процесс консолидации тормозился в данном случае политическими причинами: в средневековье — набегами соседей (хазар, болгар), затем — монгольским завоеванием; после присоединения к России (XVI в.) главным препятствием консолидации мордвы стала политика царизма. Вызванные гнетом и конфискацией земель миграции мордвы, а также приток русского населения повлекли за собой крупные изменения в характере расселения, разобщение отдельных групп, утерю сложившихся между ними связей⁴⁶. Мордовские этнические группы эрзя и мокша и их языки так и не слились.

Примерно к тому же уровню этнического развития можно отнести марийцев XIX — начала XX в. (называвшихся тогда черемисами). У них, как и у мордвы, формировались два языка, распространенных среди разных территориальных групп.

в) Исследователи считают вполне сформировавшимися в дореволюционную эпоху такие народности, как якуты, буряты, тувинцы и др. — в Сибири; киргизы, туркмены, каракалпаки — в Средней Азии; башкиры, чувашы, удмурты и др. — в Приуралье и в Поволжье, а также большинство народностей Северного Кавказа. Некоторые из них сложились еще в средневековье, и их названия, специфические черты быта, культуры упоминаются во многих исторических источниках и русских летописях; другие консолидировались после вхождения в состав Русского государства, в более поздний период.

Особенностью большинства народностей России была распространенность патриархально-родовых пережитков, сохранявшихся в их среде на протяжении всей феодальной эпохи и при капитализме.

Этим, видимо, объясняется то, что среди населения России в XIX — начале XX в. встречались сравнительно крупные по численности народности, достаточно развитые в социально-экономическом отношении, а вместе с тем включавшие в свой со-

⁴⁵ См. «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2. Ашхабад, 1957, стр. 7.

⁴⁶ В. И. Козлов. К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР. (Опыт исследования на примере мордвы). СЭ, 1961, № 4.

став наряду с типично феодальными областными, «земляческими» группами и родо-племенные подразделения⁴⁷. Выше уже говорилось о социальной и этнической сущности таких поздних «патриархально-феодальных» племен. Они сохранялись в составе очень многих уже вполне сформировавшихся, этнически сплоченных народностей, не нарушая их этнического единства. У башкир было 46 «племен», состоявших из 128 «родов», у каракалпаков — 12 «племен» и более 120 крупных «родовых» групп, у киргизов — 39 «племен» и т. д. Во многих случаях процесс размыwania поздних племен в составе консолидирующихся народностей тормозился политикой царизма — административным устройством кочевых и полукочевых народов, основанным на принципе родо-племенного деления (см. ниже).

г) К последней разновидности — народностям, находившимся в процессе национальной консолидации, относят в кавказском регионе осетин⁴⁸. Из основных народов Средней Азии более всего продвинулись к началу XX в. по пути национального становления таджики, узбеки и казахи⁴⁹. Несмотря на то что все они были в своей массе еще слабо вовлечены в орбиту капиталистического влияния, и невзирая на отягощенность патриархальными пережитками и архаизмами в этнической структуре, в их среде уже появились значительные прослойки национальной буржуазии, пролетариата, интеллигенции, зарождалась национально-освободительная борьба. Национальное развитие проявлялось в становлении их литературных языков, культуры.

* * * * *

Для такого типа этнических общностей, как народность, характерно существование внутренних подразделений, которые принято называть этнографическими или этническими группами⁵⁰⁻⁵¹. Эти группы, сложившиеся в условиях феодализма, отличались устойчивостью, нередко они сохранялись и в составе наций, однако не были для них типичны. В связи с усилением консолидацион-

---

⁴⁷ См. Т. А. Жданко. О типе этнических общностей с пережитками родо-племенной структуры в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.). «IX МКАЭН. Доклады советской делегации». М., 1973; она же. Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.). «Расы и народы», вып. 4. М., 1974.

⁴⁸ Б. А. Калоев. Осетины. М., 1969, стр. 44—45.

⁴⁹ М. Вахабов. Формирование узбекской нации. Ташкент, 1961, стр. 198, 236. По вопросу об уровне национального развития узбекского и казахского народов в дореволюционный период среди советских историков имеются некоторые разногласия. См. дискуссию о формировании буржуазных наций в Узбекистане и Казахстане. — «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955.

⁵⁰⁻⁵¹ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, стр. 32—33. Такого рода группы нередко сохраняются и в составе наций.

ных процессов при капитализме черты обособленности этнографических групп постепенно исчезали. Многие этнографические группы имели особые самоназвания и самосознание, обычно они отличались также некоторой спецификой в языке (наречие, говор), материальной культуре (особенности хозяйства, жилища, одежды), социальной или духовной жизни.

В зависимости от их генезиса этнографические группы можно подразделить на несколько категорий: генетические, локальные и др. В среде народностей феодальной эпохи это были чаще всего потомки древних и средневековых этнических общностей, не вполне утратившие в процессе консолидации свои особенности.

К этнографическим группам, генетически связанным с древними компонентами этногенеза, можно отнести, например, в составе эстонцев группу *сету* — потомков обитавшего на Псковщине древнего чудско-эстонского населения. К этой же категории относились поздние, реликтовые «племена» у тюркских кочевых и полукочевых народностей дореволюционной России — казахов, киргизов, алтайцев, башкир и др. (см. выше.)

Характерным примером локальных этнографических групп, образовавшихся в среде русского населения в связи с адаптацией к природно-географической среде, можно считать поморов, живущих на побережье Белого и Баренцева морей, потомков разных групп русских поселенцев; они издавна были известны своим искусством мореходства и славились как опытные охотники на морского зверя и рыболовы.

В результате дальних миграций русских переселенцев образовались также локальные этнографические группы русских в Сибири, как русско-устиныцы (на р. Индигирке) и марковцы (в устье р. Анадыря); со времени их поселения (XVII—XVIII вв.) в Сибири успели сформироваться своеобразные черты их хозяйства — рыболовство, охота, собаководство — при сохранении русского языка и фольклора.

Некоторые этнографические группы возникли как результат ассимиляции крупной народностью или пацией иноэтнических групп. Характерный пример — русская менцера на Поволжье, с ее большим отличием от русских в говоре, одежде, жилище. Менцера возникла в результате ассимиляции славянами аборигенного финского населения.

Примером образования этнических групп в связи с воздействием такого фактора, как религиозная принадлежность, могут послужить кряшены — татары, еще в давние времена принявшие православие; их говор отличает незначительное число арабизмов, проникших к татарам-мусульманам под влиянием ислама. Русские старообрядцы, особенно в ряде местностей Сибири, также выделялись своеобразием культурно-бытового облика, например «бухтарминцы» («каменщики») — беглые старообрядцы, с XVII в. поселившиеся в горном Алтае, а также «семейские» — в Забайкалье и др.

Наконец, важным фактором, влиявшим на возникновение ряда этнографических групп, были их особые правовые и социальные функции, связанные с политикой правительства, в частности принадлежность к военно-служилому сословию. Именно к такой категории относятся разнообразные группы казаков — донских, уральских, кубанских, оренбургских, терских, резко отличавшихся от крестьян своей связью с военной службой, рядом привилегий, большей экономической состоятельностью, особым управлением. В каждой из этих групп казачества сложились не только особенности построек, одежды, фольклора и пр., но и особые говоры, хотя первоначальный этнический состав их был обычно смешанным. Формирование некоторых групп казачества (донских, терских) началось еще в XVI в.

Особое название и двойственное этническое самосознание отличают этнографические группы от более широких, крупных территориальных (областных) групп, которые часто именуют этнотерриториальными. Их можно проследить в составе каждой народности и нации (например, севернорусская, среднерусская и южнорусская). Такая группировка связана обычно с наличием исторически сложившегося своеобразия частей одного и того же этноса, расположенных в разных географических областях. Названия их условны и присваиваются им исследователями. По существу это не особые этнические общности, а подразделения культурно-территориального типа.

Все более уточняется терминология, отражающая разнообразие этнографических групп. Например, различным по численности, территориально разобщенным группам этноса, оторвавшимся вследствие разных исторических причин от основного массива и поселившимся в среде других народов того же государства, дано название «этнодисперсных» или «этноареальных» (см. гл. I).

В связи с общей замедленностью процессов консолидации в условиях дореволюционной России обособленность этнографических групп была довольно устойчивой. Слабые хозяйственные и культурные связи, традиционность быта способствовали ее сохранению у большинства из них. Как правило, эти группы в условиях России постепенно растворялись и сливались, когда их территории находились в пределах обитания основного родственного консолидирующегося этнического массива; в случаях же оторванности и отдаленности от последнего они обычно сближались с окружающей этнической средой и размывались, подвергались ассимиляции или же сами ассимилировали группы соседних народов.

В дореволюционной литературе от терминов «народ» и «народность» недостаточно четко отграничивалось понятие «нации»; часто эти понятия просто отождествлялись; к тому же определенное влияние на формирование представлений об этой категории этнических общностей оказали теории зарубежных идеалистических школ. В 1913 — 1914 гг. В. И. Ленин, полемизируя с приверженцами концепции «национально-культурной автономии», опроверг лежачую в ее основе теорию О. Бауэра, видевшего в нации лишь общность культуры и национального характера. В. И. Ленин поддерживал точку зрения, согласно которой в число признаков нации входит общность языка и территории ^{51а}.

Если процессы формирования народностей (их этногенеза) за последние годы привлекали большое внимание этнографов и этой теме посвящено немало трудов, в том числе капитальных монографий, то вопросы сложения национальных общностей дореволюционного периода в России остаются менее разработанными в современной научной литературе, как исторической, так и этнографической. Недостаточность таких исследований нередко вызывает разногласия в определении уровня национального развития того или иного народа.

В обширной разноязычной России, с ее слабыми темпами социально-экономического развития, даже великорусская «державная» нация складывалась очень долго — процесс этот определился еще в XVII в., а завершился в середине XIX в., с развитием промышленного капитализма. Остальные нации России находились в еще менее благоприятных условиях и формировались медленно. Самодержавие ставило преграды развитию их национальной государственной самостоятельности, культуры, языка и литературы на родном языке, ограничивало в политических и гражданских правах. Их формирование нередко сопровождалось политической борьбой, принимавшей характер национально-освободительной.

Однако ряд объективных условий, сложившихся в России, облегчал ход национального развития. Такими факторами являлись: вовлечение народов в общее русло капиталистического развития страны, разрушение феодальных основ экономики и социального строя, приобщение к культурной жизни России, возрасставшее влияние прогрессивных идей передовых кругов русского общества, выступавших против царизма, против политики национального гнета, участие пролетариата угнетенных наций в революционной борьбе российского пролетариата и т. д.

Естественно, что в общих неблагоприятных условиях лишь некоторые народы России консолидировались в буржуазные нации;

^{51а} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 385, 386.

у многих, как отмечалось выше, появилась только тенденция к этому процессу, а большинство оставалось на уровне народности вплоть до Октябрьской революции.

По установившемуся мнению историков и этнографов, в число сложившихся до революции наций входили помимо русских, также такие этносы, как украинцы, белорусы, латыши, литовцы, эстонцы, татары Поволжья — в Европейской части России⁵²; армяне, грузины, азербайджанцы — в Закавказье⁵³ и некоторые другие. Всем им были присущи социально-экономические параметры, определяющие нацию как этносоциальную общность капиталистической эпохи. Однако существенным критерием при исследовании уровня консолидации наций служат, как известно, также такие собственно этнические признаки, как степень «национальной зрелости» языка, культуры, этнического самосознания и др. С этой точки зрения тоже не вызывает разногласий причисление к нациям вышеуказанных этносов.

Формирование письменности, литературных языков, культуры, искусства у многих из них восходит к древности или к раннему средневековью. Так, создание армянской письменности отпосится к IV в. н. э.; армянская литература принадлежит к числу древнейших в нашей стране. Грузинский язык тоже входит в число самых древнеписьменных языков; первые памятники его (церковная литература) датируются концом V в. н. э. После присоединения к России, несмотря на множество ограничений, установленных самодержавием в области просвещения, печати и др., культурная жизнь здесь развивалась под сильным влиянием русской революционно-демократической мысли, русской литературы и искусства. Ко второй половине XIX в. относится творчество таких классиков грузинской литературы, как Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели; в Армении к этому времени относятся произведения таких крупных деятелей национальной культуры, как писатели П. Прошян, А. Ширванзаде, поэт О. Туманян, композитор С. Г. Комитас и др.

Второй половиной XIX — началом XX в. датируется и становление национальных норм азербайджанского языка, в течение столетий развивавшегося на базе классических произведений средневековой азербайджанской литературы⁵⁴; основоположником азербайджанской национальной литературы и драматургии был выдающийся писатель-демократ, просветитель Мирза Фатали Ахундов, последователь революционно-демократических идей Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

Столь же определенный, уже сложившийся национальный облик имела культура эстонцев, латышей, литовцев. Если еще в

---

⁵² «Народы Европейской части СССР», т. I. Серия «Народы мира», М., 1964, стр. 48.

⁵³ «Народы Кавказа», т. II. Серия «Народы мира». М., 1962, стр. 24.

⁵⁴ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 140.

середине XIX в. у эстонцев печать существовала на двух диалектах — северном и южном, то на рубеже XIX—XX вв. под влиянием прогрессивной национальной интеллигенции складывается единый литературный эстонский язык. В этот же период в связи с буржуазно-либеральным младолатышским движением, борющимся против проводившейся немецкими баронами политики онемечивания латышской культуры, издаются первые газеты на латышском языке, растет латышская литература. В конце XIX — начале XX в. под влиянием латышских писателей Я. Райниса и А. Упита развивается латышская революционная поэзия и драма, проникнутые освободительными идеями, духом борьбы за свободу латышского народа⁵⁵. На столь же высоком уровне была литовская национальная культура — язык, литература, наука, музыка и др.⁵⁶

Несколько иной облик имела татарская буржуазная нация; в отличие от большинства других, более отсталых в социально-экономическом отношении тюркоязычных мусульманских народов Поволжья, Средней Азии, Алтая и Северного Кавказа, у поволжских татар (как и у азербайджанцев) в конце XIX — начале XX в. была уже довольно сильная торговая и промышленная буржуазия и кадры национального пролетариата. Но на начальных этапах национальной консолидации татар основой культуры был у них провозглашен ислам с его фанатизмом и схоластикой. Идеи панисламизма, так же как пантюркизма, распространявшегося под влиянием Турции, пропагандируя объединение всех мусульман или всех тюркоязычных народов, вносили элемент противоречия в стремление к национальному самоутверждению. В противовес этому среди татарской интеллигенции возникло демократическое просветительское движение, ставившее целью подъем национальной культуры, развитие татарского языка и литературы, светского образования и сближения с передовой русской культурой. Представителями этого течения были Каюм Насыров — татарский просветитель, писатель и ученый конца XIX в. и талантливый поэт Габдулла Тукай⁵⁷. Под их влиянием в литературных произведениях арабский язык стал заменяться татарским (при сохранении арабской графики письма), преодолевалась реакционная идеология панисламизма.

* * * * *

Чтобы закончить характеристику основных типов этнических общностей в дореволюционной России, надо сказать о так называемых национальных группах. Национальные группы — ус-

⁵⁵ «Народы Европейской части СССР», т. II, стр. 184—186.

⁵⁶ Там же, стр. 86—88.

⁵⁷ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 19, 386—387.

ловный термин, принятый по отношению к группам, являющимся частью зарубежных этнических массивов. Такие группы возникали в России в разные периоды как в результате переселений из других государств, обусловленных разными историческими причинами, так и вследствие исторического передвижения границ Российского государства — завоевания или присоединения к нему частей территории соседних стран. От национальных групп, органически вошедших в состав населения страны и проживавших в ней длительное время, отличались так наз. «иностранцы подданные», фигурирующие в переписях и других источниках; обычно это были отдельные временные жители России, не составлявшие этнических общностей.

К типичным национальным группам можно отнести, например, переселившихся в пределы среднеазиатских владений России в 70—80-х годах XIX в. уйгуров и дунган, эмигрировавших из Восточного Туркестана в связи с подавлением там народного восстания и переходивших на территорию Ферганской, Семиреченской и других областей целыми деревнями. В разных частях Европейской и Азиатской России жили переселившиеся из Западной Европы группы немцев; так, например, выходцы из разных частей Германии, немцы-колонисты жили в Самарской и Саратовской губерниях (свыше 400 тыс. человек).

Этнические судьбы и этнографическая специфика национальных групп как западного, так и восточного происхождения настолько зависели от численности, давности поселения, от исторических причин их переселения в Россию и отношения к ним правительственных кругов, что выявление каких бы то ни было закономерностей в этом плане представляет большие трудности.

3. Влияние национально-колониальной политики царизма на этническое развитие народов

Помимо этнодемографической ситуации и социально-экономических предпосылок этнических процессов дореволюционной России, необходимо учитывать сильное влияние на них социально-политических и правовых факторов, непосредственно связанных с национально-колониальной политикой царского самодержавия.

Прогрессивность вхождения народов национальных окраин в состав России — неоспоримый исторический факт. Прогрессивные явления в их экономике, социальном строе, культурной жизни, развившиеся после присоединения к России, независимо от реакционной национальной политики, проводившейся царским самодержавием, широко освещены в исторической литературе. К самым ранним этапам формирования Российского многонационального государства восходят истоки сближения этих народов с русским народом, что в XIX — начале XX в. вылилось в совместную

революционную борьбу пролетариата и трудового крестьянства России за свержение царизма.

Выше уже освещалась ленинская концепция двух тенденций национального развития при капитализме (см. I гл.); обе эти тенденции проявлялись в исторически сложившихся процессах национального развития народов Российской империи. Царизм установил в многонациональной России систему неравенства и дискриминации нерусских народов, препятствовал свободному развитию национальных языков, печати и других форм культурной жизни, ставил всяческие преграды стремлениям народов к свободному национальному развитию. Это приводило к обострению национальных противоречий, к вспышкам национально-освободительного движения, борьбе за равноправие.

Наряду с этим для конца XIX — начала XX в. характерно распространение диалектически противоположных явлений, обусловленных дальнейшим ростом капитализма в России. Они выражались в усилении экономических связей, межнационального общения и частичной интеграции, появлении двуязычия, постепенно развивавшегося процесса ломки национальных перегородок в культуре и быту.

Национальные окраины России были неоднородны. В. И. Ленин считал одной из своеобразных черт национального вопроса в России то, что здесь развитие капитализма нередко было выше на окраинах, чем в центре государства⁵⁸. Таковы были западные национальные окраины — Украина, Прибалтика и др. В начале XX в. в Прибалтике и на Южной Украине образовались такие же крупные индустриальные центры страны, как в Московском и Петербургском экономических районах. Тем не менее на них в полной мере распространялась реакционная национальная политика царизма. «Эти национальные районы подвергались национально-культурному угнетению, были объектами насильственной русификаторской политики самодержавия»⁵⁹.

К другому типу окраин относились степные районы Украины, Северный Кавказ, большая часть Сибири (с преобладающим русским населением) и другие малозаселенные области с фондами свободных земель и незначительной плотностью коренного населения. Эти области издавна заселялись русскими, украинскими и другими переселенцами из различных губерний России и становились аграрными окраинами империи⁶⁰. Преобладавшее русское население вступало в тесные экономические, культурные и бытовые контакты с местными народами, что обусловило, как будет показано ниже, многообразие сложившихся там межэтнических взаимодействий.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 271.

⁵⁹ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VI. М., 1968, стр. 25.

⁶⁰ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VI, стр. 25.

Окраины третьего типа, также занимавшие обширные территории — Центральный Кавказ и Закавказье, Казахстан и Среднюю Азию, многие районы Поволжья, Урала и Сибири, — отличались преобладанием и большей компактностью расселения относительно крупных народностей местного происхождения, с древних времён, ещё задолго до присоединения к России, поддерживавших с ней регулярные торговые и другие связи. Включение их в состав царской России обусловило установление системы национально-колониального гнета⁶¹; в то же время это присоединение привело, как уже отмечалось, ко многим исторически прогрессивным последствиям, в том числе к усилению связей с другими народами империи.

Постоянным контактам, общению и взаимовлиянию присоединённых к России народов способствовало их расположение внутри самой империи (хотя и на ее окраинах), а не за пределами метрополии, как у многих колониальных государств Западной Европы.

При характеристике различных форм национального угнетения перусских народностей, практиковавшихся царизмом, мы остановимся лишь на тех, которые имели отношение к этническим процессам или влияли на развитие этнических контактов. К ним относятся прежде всего факторы, влиявшие на значительные миграции населения.

* * * * *

В Поволжье, на Урале, в Казахстане, Средней Азии и на других окраинах того же типа широко практиковался захват земель у коренного населения с передачей их казне, в помещичье владение и монастырям — главным центрам распространения среди «иноподцев» православия. Эта политика захвата земель вызывала переселения местного населения, нередко принимавшие массовый характер. В дореформенный период в районах Поволжья и Приуралья наблюдалось также массовое бегство населения от крепостной зависимости — подчас в дальние, глухие районы. Так, в результате миграции мордвы на «свободные земли» и бегства обезземеленных крестьян от крепостников образовались значительные ареалы этой народности в соседних районах Поволжья.

Переселения не прекратились и в пореформенный период. «Скупка» обширных земельных угодий купцами, заводчиками, помещиками и чиновниками за ничтожную цену была по существу равнозначна ограблению. С 1869 по 1879 г. только в Уфимской губернии было распродано 852 тыс. дес. земли, а под видом межевания башкирских земель в конце 90-х годов отчуждено в казну 786 тыс. дес.⁶²

⁶¹ Там же.

⁶² Р. Г. Кузеев, С. Н. Шилова. Башкиры. Уфа, 1963, стр. 24—25.

Изъятие земель у алтайцев ярко характеризуется земельными захватами Алтайской духовной миссии и передачей земель Алтая «Кабинету его величества». Лучшие орошаемые земли Туркмении после ее присоединения (80-е годы XIX в.) тоже были присвоены царской фамилией, — в Мургабском оазисе было основано «Мургабское государево имение». В Сибири, где население было обязано поставлять правительству пушнину (ясак), в XVII—XVIII вв. происходили дальние миграции жителей с мест своего традиционного обитания с целью избавиться от тягостей этой повинности, укрыться от администрации. Во многих районах хищнический отлов зверя для уплаты ясака приводил к истощению ресурсов охоты. Вначале некоторые группы жителей севера Сибири сопротивлялись поборам с оружием в руках, но в дальнейшем основной формой протеста здесь стали массовые откочевки, переселения в труднодоступные районы. «Это очень усложнило этнографическую карту Сибири», — отмечают исследователи⁶³.

Все эти последствия политики самодержавия на окраинах — феодальный захват земель, грабительские поборы — приводили к утрате многими народами своей территориальной целостности, к дисперсности расселения, нарушению установившихся этнических связей, размыванию существовавших и формировавшихся этнических общностей. Отделившиеся вследствие вынужденных миграций от своего основного этнического массива группы попадали в окружение другой этнической среды, что обычно приводило к постепенной их ассимиляции. Расчленение этнической территории, одного из важных условий формирования народностей и наций, создающего естественную базу для этнического, культурного и хозяйственного сплочения, отрицательно влияло на процессы консолидации.

* * * * *

Переселенческое движение в дореволюционной России было сложным явлением, имевшим различные формы и последствия, зависевшие не только от исторических условий, но и от специфики тех окраин государства, куда направлялись потоки переселенцев. Один из исследователей русского населения Сибири XVII—XVIII вв. пишет по этому поводу: «Колонизационные движения при всей их сложности и противоречивости определялись с одной стороны стремлением феодалов к захвату новых территорий, а с другой стороны — попытками эксплуатируемых масс освободиться от феодального гнета путем ухода на «вольные земли», в результате чего осваивался огромный фонд новых земель»⁶⁴.

---

⁶³ И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири. «Труды ИЭ АН СССР». Новая серия, т. 89, М., 1966, стр. 10.

⁶⁴ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. «Труды ИЭ АН СССР». Новая серия, т. 87, М., 1964, стр. 7.

Уже с XVI в. начинается заселение Поволжья, Приуралья, Сибири пришлым, преимущественно русским населением, как в результате правительственной колонизации, так и крестьянского переселенческого движения.

Заселение Сибири исследователи называют эпопеей, беспримерной в мировой истории географических миграций населения. «Начав свое движение за Урал в конце XVI в., русские землепроходцы — казаки, промышленные и служилые люди — через полсотни лет уже оказались на берегах Тихого океана... В последние столетия происходит активный процесс заселения Сибири, сопровождающийся хозяйственным освоением ее земель. К моменту реформы 1861 г. пришлое из-за Урала население Сибири с его потомством достигло уже 2 млн. человек; за период капиталистического развития (1861—1917) приток населения значительно возрос, и русское население Сибири достигло почти 10 млн. человек»⁶⁵.

Уже с начала XIX в. русские стали преобладающей частью населения Сибири; как установлено советскими историками, здесь в формировании русского населения решающую роль играл стихийный поток крестьян — переселенцев из европейской части России⁶⁶.

«Подавляющую часть русских Сибири (в начале XIX в. — свыше 80%) составляло крестьянство — непосредственные производители материальных благ, с их многовековыми трудовыми навыками, значительно более совершенными, чем у местного населения»⁶⁷. Это обусловило быстрое освоение незаселенных земель, развитие пашенного земледелия, ремесел, кустарных промыслов, горной промышленности, привело к общему подъему производительных сил края и оказало положительное влияние на жизнь его коренного населения. В примитивное хозяйство многих народов Сибири под влиянием тесных контактов с русскими жителями внедрялись новые для них трудовые навыки: стало развиваться хлебопашество, сенокосение, улучшались орудия лова, охоты, нарушалась многовековая косность хозяйственного быта. «Русский крестьянин с сохой, бороной и серпом, с его вековыми земледельческими навыками совершил в доступных для феодального общества формах и степени подлинный переворот в деле использования земельных богатств Сибири. Изучение этой стороны деятельности русского населения Сибири помогает понять плодотворность факта вхождения Сибири в состав Русского государства для развития ее народов», — писал известный историк Сибири В. И. Шунков⁶⁸.

⁶⁵ В. В. Покишишевский. Заселение Сибири. Иркутск, 1951, стр. 3.

⁶⁶ В. А. Александров. Русское население Сибири, стр. 7.

⁶⁷ «История Сибири», т. 2. Л., 1968, стр. 504.

⁶⁸ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири. М., 1956, стр. 8.

Большую прогрессивную роль в жизни народов Сибири играли также политические ссыльные.

Однако заселение окраин в условиях феодальной России отличалось по своему характеру от правительственной переселенческой политики капиталистического периода.

Примером может послужить регион Казахстана и Средней Азии конца XIX — начала XX в. Здесь первым этапом была правительственная колонизация, имевшая военный характер и начавшаяся еще в XVIII в. (гарнизоны русских войск в городах и крепостях, военные поселения казачества вдоль крепостных пограничных «линий»).

На втором этапе, во второй половине XIX — начале XX в. преобладало массовое переселенческое движение крестьян на окраины, вызванное развитием капиталистических отношений в деревне, социальной дифференциацией крестьян, ростом малоземелья, нищеты, голодовок. Царизм в тот период не препятствовал переселениям, считая их одним из средств предотвращения крестьянских волнений в центральных губерниях России. Создавались правительственные административные органы (переселенческое управление, переселенческие комиссии на местах), в задачу которых входило землеустройство переселенцев. С другой стороны, по расчетам царизма, русские поселения среди массива коренных жителей должны были служить опорой местной царской администрации. Но в Средней Азии и Казахстане, как и в других национальных окраинах, социальный состав переселенцев был различен и лишь часть их могла служить опорой для царизма. В первую очередь это относится к большинству казачества, бывшего привилегированным военным сословием; казаки получали очень большие земельные наделы. Среди же крестьян-переселенцев кулацкая и зажиточная прослойка была сравнительно невелика. Большая часть их относилась к средним слоям и к беднякам, в особенности так наз. «самовольцы», стихийно бежавшие из центральных губерний в поисках хлеба и заработка; местная администрация не обеспечивала их земельными наделами. Землеустройство остальных переселенцев производилось за счет земель, насильственно отобранных у коренного населения под видом «земельных излишков». В действительности в степных и полупустынных областях эти земли не были «свободными» и «излишними», так как издавна использовались скотоводами под пастбища, а местами и под посевы. С этим правительство не считалось; так, в Казахстане к 1917 г. пастбищные земли составили около одной пятой общего земельного фонда — свыше 45 млн. дес. При этом не учитывались особенности экономики казахского хозяйства; как правило, отбирались наиболее удобные земли. Это привело к резкому сужению пастбищ, особенно зимних, смещению границ землепользования, перекрытию скотопрогонных дорог и подступов к водоямам, лишению в кочевых и полукочевых районах больших групп казахских трудящихся лучших пастбищ, а в оседлых — освоен-

ных плодородных и орошаемых земель»⁶⁹. В результате казахские хозяйства нередко были вынуждены арендовать на кабальных условиях у казачества свои же пастбища и сенокосные угодья⁷⁰. У киргизов были отобраны и переданы в наделы казачеству почти все земли, пригодные для земледелия.

Массовое крестьянское переселенческое движение на окраины достигло наивысшего предела в 1906—1917 гг. Число переселенцев только на территории Казахстана в тот период определялось цифрой не менее полутора млн. человек⁷¹. По официальным данным с 1896 по 1916 г. включительно на восток («за Урал») переселилось около 4 млн. человек⁷². Большой процент составляло русское население и на Северном Кавказе.

Роль переселений как фактора, влиявшего на этнические процессы, была двойственной. Несомненно, что они тормозили этническую консолидацию, разрывая и уменьшая традиционные этнические территории коренного населения. В то же время во всех районах поселения русских, украинских и других крестьян контакты с ними способствовали усвоению местными жителями новых для них, более передовых приемов земледелия, сельскохозяйственной техники, многих культурных навыков; в скотоводческих районах усиливалась тенденция оседания кочевников; большое значение имели языковые и бытовые контакты, приводившие к национально смешанным бракам и облегчавшие сближение переселенцев с местными народами.

* * * * *

Мощным орудием царского правительства в осуществлении его политики на окраинах империи была административная система. Лишая права на суверенитет и какие-либо формы государственности даже наиболее крупные и развитые буржуазные нации, царизм опирался на бюрократическую административную систему, которую В. И. Ленин неизменно называл «средневековой», «казенной», «рутинной»; «...«ломкой» и уродованием условий современного капитализма является сохранение средневековых, крепостнических, казенных административных делений», — писал он в статье «Критические заметки по национальному вопросу»⁷³. Среди важнейших требований к административной системе основным В. И. Ленин считал учет этнических границ и территорий, по-

⁶⁹ Г. Ф. Дахшлейгер. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929). Алма-Ата, 1965, стр. 49—50.

⁷⁰ А. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957, стр. 21—22.

⁷¹ «Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг.» СПб., 1914.

⁷² «Статистический ежегодник России на 1916 г.», вып. 1. М., 1918, стр. 108.

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 148.

лагая необходимым создавать административные единицы с возможно большим единством национального состава населения, ибо национальность, тождество языка способствует развитию внутреннего рынка, свободе экономического оборота ⁷⁴.

Нарушение целостности этнических территорий крайне тормозило этническое сплочение народностей. Примеров этому можно привести много. «Единство коми-зырянской этнической территории никогда не признавалось,—отмечает исследователь.—В административном отношении земли, заселенные коми-зырянами, были поделены между 3 губерниями и 5 уездами. Эта строго соблюдаемая веками чересполосица закрепляла отчужденность больших территориальных групп народа коми: не случайно «ижемцы» отмежевывались от «вологодских» зырян, последние отличали себя от прилузских «пермяков» и т. д.» ^{74а}

В Средней Азии границами, установленными между Туркестанским краем, Бухарским и Хивинским вассальными ханствами, были искусственно разъединены, разорваны этнические территории узбеков, таджиков, казахов, туркмен и киргизов.

Особенной архаичностью и казенной консервативностью отличалась система управления на таких отсталых окраинах, как Сибирь, Крайний Север, степные области с кочевым и полукочевым населением.

На Севере царизм в фискальных целях долго искусственно консервировал «административные роды», «инородческие общества», зарегистрированные ясачными комиссиями еще в XVIII в. В связи с этим «обруселые юкагиры, эвены, коряки продолжали числиться в особых инородческих обществах, что задерживало формирование нового этнического самосознания у этого русскоязычного населения» ⁷⁵. Многие из существовавших до революции административных единиц «родовых» управлений, «административных родов», восходили к прежним племенным подразделениям (например, у эвенков), но в ряде случаев представляли собой просто территориальные общины (в частности, у кетов) ⁷⁶. У якутов в конце XIX в. было 17 улусов, делившихся на 230 наслегов и на 934 «административных рода»; во всей этой системе сохранялась родо-племенная терминология, видимость самоуправления, но «роды» были чисто административными единицами, а управы — органами власти царской администрации. Та же картина была у так наз. «кочевых инородцев» (хакасы, буряты и др.), управлявшихся по уставу 1822 г. «Степными думами», низшие звенья которых составляли «родовые управы» ⁷⁷.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 147.

^{74а} Л. П. Лашук. Этническая история и национальная консолидация коми (зырян). М., 1964, стр. 24.

⁷⁵ И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири, стр. 212.

⁷⁶ В. О. Долгих. Образование современных народностей Севера СССР стр. 7.

⁷⁷ «История Сибири», т. 3, Л., 1968, стр. 104—106.

«Родовой» принцип управления далеко не всегда соответствовал действительному территориальному размещению родо-племенных групп, он усугублял ставшие постоянным явлением распри в среде их господствующей верхушки, тяжбы, прошения о перечислении целых групп населения из одной административной единицы в другую. Как консервация старых форм управления, так и произвольные, диктуемые лишь интересами администрации — «удобством» управления — перекройки административного деления «инородческих» территорий создавали чрезвычайно неблагоприятные условия для развития процессов этнической консолидации.

В частности, сохранение в некоторых районах «родового» принципа, положенного в основу административного управления кочевниками и полукочевниками, конечно не способствовало прогрессивному этническому развитию народностей, имевших пережитки родо-племенного деления, а наоборот, консервировало в их среде замкнутость и родо-племенное этническое самосознание.

Политика царского самодержавия определялась принципом национального неравноправия. Формы национального угнетения были равнообразны и распространялись как на самые отсталые народы отдаленных окраин, так и на сравнительно развитые нации. Самодержавие ставило преграды развитию языков и культуры нерусских народов; сложилась система правовых ограничений. Как отмечалось выше, под предлогом «недостаточного развития гражданственности» многих прав были лишены «инородцы». Отдельные народы, например, евреи, были ограничены в праве жительства и передвижения, в праве на образование, в правах по государственной и общественной службе, в избирательном праве, праве приобретения и аренды недвижимости и т. д. Пропаганда антисемитизма приводила к еврейским погромам, черносотенным провокациям, вроде «дела Бейлиса». Национальная и религиозная вражда между народами не только поддерживалась, но нередко и искусственно разжигалась царизмом. В. И. Ленин писал, что самодержавие «все сделало для *взаимоотчуждения* народов»⁷⁸.

Политика великодержавного повинизма и ограничения прав нерусских народов, поддержки национальной розни представляла собой фактор, безусловно отрицательно влиявший на этнические контакты; она способствовала взаимоотчуждению, антагонизму в отношениях между разными народами.

Однако далеко не всегда эта реакционная политика достигала цели. Ряд уже отмечавшихся исторических факторов, специфичных для России, социально-экономических и культурных, а в первую очередь влияние прогрессивности и демократичности ее пере-

---

⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 342.

довой общественной мысли, — противостояли политике царизма и служили серьезным препятствием пропаганде национального антагонизма, которая велась реакцией.

* * * * *

Национальная политика царизма в России довольно наглядно проявлялась в насильственном обращении в православие многих нерусских народов. Религиозная принадлежность в дореволюционной России играла чрезвычайно большую роль, сильно отражаясь на национальных взаимоотношениях и этнических процессах. Распределение населения империи в конце XIX в. по вероисповеданиям характеризует прилагаемая таблица (табл. 3), заимствованная из «Общего свода» всеобщей переписи 1897 г.⁷⁹ Весьма интересны сопутствующие этой таблице комментарии авторов свода, придающих первостепенное значение связи религиозной принадлежности с этнической и влиянию религии на процессы ассимиляции. Они писали, что в России религии в значительной степени «носят национальный характер». У каждой народности религия, «как и язык, и достоинство ее культуры, составляет неотъемлемую ее часть и притом в такой степени, что переход из одной религии в другую сопряжен по большей части с утратой прежней национальности и равносителен приобщению... к другой национальности»⁸⁰. Придавая, таким образом, религии значение одного из основных этнических признаков⁸¹, авторы этого раздела «Общего свода» приводили сведения о результатах христианизации ко времени проведения переписи: в число христиан православного вероисповедания, составлявших 69,35% всего населения империи, входило «около $\frac{2}{3}$ всех финнов и северных народностей». В число первых включались полностью финно-угорские племена Приволжья, Приуралья и Зауралья, а также в значительной степени карелы и небольшая часть эстонцев. Из северных племен православными считались часть тунгусских, самоедских и часть палеоазиатских народов (камчадалы, юкагиры, чуванцы, алеуты и часть коряков). Однако в отношении этих групп, приобщенных к христианству, делается оговорка, что у них христианство «во многих случаях настолько перемешано»

---

⁷⁹ Данные о религиозной принадлежности использовались при разбивке переписи как дополнительный показатель для выделения этнических общностей в тех случаях, когда для этого было недостаточно сведений о «родном языке». Однако далеко не всегда сведения о вероисповедании давали исследователю возможность точно установить численность тех или иных этнических общностей (См. В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969, стр. 92—93).

⁸⁰ «Общий свод», т. II, стр. XXXII.

⁸¹ Не соглашаясь с этими утверждениями, не следует все же и преуменьшать влияния религии на этническую жизнь народов того времени. Известно, например, что этническое самосознание и у христиан, и у мусульман нередко заслонялось религиозным.

Таблица 3. Население Российской империи по вероисповеданиям *

Вероисповедание	Всего по империи (в тыс. чел.)	В %	То же по районам (в %)				
			Европ. России	Привисл. край	Кавказ	Сибирь	Средняя Азия
Православные и единоверцы	87 123,6	69,4	81,7	6,5	49,4	85,8	8,3
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	2 204,6	1,8	1,9	0,1	1,5	4,2	0,8
Армяно-грегориане	1 179,2	0,9	0,1	0,0	12,1	0,01	0,1
Армяно-католики	38,8	0,03	0,0	0,0	0,4	0,0	0,0
Римско-католики	11 468,0	9,1	4,7	74,8	0,5	0,6	0,7
Лютеране	3 572,7	2,8	3,3	4,4	0,6	0,3	0,1
Реформаты	85,4	0,1	0,1	0,1	0,02	0,0	0,0
Баптисты	38,1	0,03	0,03	0,04	0,02	0,01	0,0
Менониты	66,6	0,1	0,1	0,0	0,02	0,0	0,01
Англикане	4,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Лица остальных христианских вероисповеданий	3,9	0,0	0,0	0,0	0,01	0,0	0,0
Каранмы	12,9	0,01	0,01	0,0	0,0	0,0	0,0
Иудеи	5 215,8	4,2	4,1	14,1	0,6	0,6	0,2
Магометане	13 907,0	11,1	3,8	0,1	34,5	2,2	90,3
Буддисты и ламаясты	433,9	0,3	0,2	0,0	0,2	4,3	0,02
Лица остальных нехристианских исповеданий	285,3	0,2	0,2	0,0	0,2	2,1	0,0

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по Империи, т. I, предисловие, стр. XV; текст — стр. 4—5; т. II, стр. XXXII—XXXIV. СПб., 1906 г.

с языческими верованиями и обрядностями, что подобные христиане часто лишь по имени отличаются от язычников-шаманистов»⁸². В числе групп, наименее воспринявших православие, перечисляются «турецко-татарские племена», у которых христиан было 10% (якуты, чуваша, гагаузы); «монголо-бурятские племена» — 12,5% (буряты) и кавказские горцы (5,2%)⁸³.

Церковь и конфессиональная школа были главными средствами осуществления русификаторских устремлений правительства. Миссионерскую деятельность вели монастыри, духовные миссии, учрежденные в некоторых областях страны. В Казани существовала «Центральная крещено-татарская школа» и другие учреж-

⁸² «Общий свод», т. II, стр. 33.

⁸³ Там же.

дений, деятельность которых во многом была сосредоточена на задаче «обрусения» и христианизации народов Поволжья⁸⁴. «Задача инородческой школы—христианство для иноверцев,—писал, оправдывая правительственную политику обрусения казанский профессор И. Н. Смирнов.— Школа разъясняет учащимся сущность «русской веры»... и таким образом кладет стену между национально-языческим прошлым и христианско-русским будущим»⁸⁵. Однако, как было показано выше, более объективные исследователи сознавали, что возведение такой «стены» методом насильственной христианизации зачастую не давало желательных результатов. Почти все народы Сибири, за исключением восточных бурят, у которых был распространен ламаизм, чукчей, части коряков и некоторых других народов, оставшихся вне сферы православной церкви, числились православными формально, так как сохраняли свои древние религиозные представления и культы⁸⁶. Большая часть якутов была крещена еще в XVIII в.; в их юртах висели иконы, женщины носили нагрудные кресты; однако шаманизм у них по-прежнему процветал. В южной Сибири у кызыльцев «христиан» также сохранялось шаманство и до XX в. процветал культ духов-покровителей («тоси»), которых «кормили» с целью избавиться от болезней и несчастий.

Примерно такими же методами приобщались к православной церкви немусульманские народы Поволжья и Приуралья. В этих районах была сильна пропаганда ислама с его реакционными космоными догмами. По отношению к мусульманству и ламаизму царизм проявлял большую осторожность, опасаясь политических осложнений с теми соседними странами, где господствовали ислам и буддизм. Поэтому по отношению к мусульманам и ламаистам преобладали не прямые методы христианизации, а косвенные. Так, принятие православия нередко становилось непременным условием приема в средние и высшие учебные заведения; зажиточная часть населения окраин принимала православие и изучала русский язык в расчете на служебную карьеру.

От великодержавной национальной политики царизма в значительной мере страдали и крупные нации (украинцы, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы). Руководствуясь циркуляром министра внутренних дел Валуева (1863) и указом Александра II (1876), царская цензура создавала препятствия развитию литературы на их языках. До революции 1905 г. на Приднепровской Украине не было ни одного периодического издания на украинском языке⁸⁷. Борьба за развитие украинского языка стала одной из ха-

⁸⁴ В Сибири были учреждены духовные миссии: Тобольская, Алтайская, Иркутская, Забайкальская и Амурская. См. «История Сибири», т. III стр. 424.

⁸⁵ И. Н. Смирнов. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики. «Исторический вестник», т. 47, 1892, стр. 764.

⁸⁶ «Народы Сибири», стр. 17.

⁸⁷ «Народы Европейской части СССР, I, стр. 587—589.

рактрных черт украинского национального движения. Подвергались ограничениям и украинские театры. Так, в 1884 г. были запрещены выступления украинских трупп на основной территории Украины — в Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях⁸⁸.

В Прибалтийских губерниях чрезвычайно сильна была политика распространения православия. Преследовались попытки новообращенных вернуться к лютеранству. Им не разрешалось выполнять традиционный обряд конфирмации: их браки в лютеранских церквах признавались незаконными, как и дети, рожденные от этих браков; обращение принявших православие к пасторам преследовалось законом как «отпадение от веры», были случаи суда и ссылки в Сибирь лютеранских пасторов, обвинявшихся в «сворачивании веры»⁸⁹.

Одной из форм национального угнетения было запрещение пользоваться латинским алфавитом. Эта мера, осуществленная в Литве после подавления восстания 1863 г., практически означала запрет литовской печати. В тот же период было запрещено обучение литовскому языку в школах⁹⁰.

Русификация и христианизация в дореволюционной России представляли собой наиболее ярко выраженную форму насильственной ассимиляторской политики царизма, препятствовавшей свободному этническому развитию народов.

И все же, вопреки реакционным задачам и планам правительства, ознакомление принявших православие нерусских народов с русским языком и бытовое сближение с русским населением имели, несомненно, положительное значение в смысле облегчения контактов и межнациональных связей. Нельзя не отметить и прогрессивные черты в деятельности учителей-миссионеров — например, случаи создания ими учебников на родном языке местного населения и др.

Рассмотренная система национального угнетения во многом обусловила нарастание освободительного движения народов окраин России, особенно усилившегося в начале XX в. Их борьба за свободу и равноправие, за право национального самоопределения выражала, согласно ленинской теории, одну из главных тенденций национального развития при капитализме. Вместе с тем освободительная борьба угнетенных народов все более сближалась и сливалась с революционной борьбой против самодержавия российского пролетариата и крестьянства, руководимой Коммунистической партией и приведшей в 1917 г. к победе Великой Октябрьской социалистической революции.

---

⁸⁸ П. А. Зайончковский. Указ. соч., стр. 122.

⁸⁹ Там же, стр. 127—128.

⁹⁰ «Народы Европейской части СССР», I, стр. 20.

④ Этнические процессы

Как было показано выше, в условиях дореволюционной России существовали разнообразные стадияльно различные этнические общности.

Этнические процессы были не менее разнообразны. Это обуславливалось всей совокупностью факторов: многонациональностью и особенностями расселения, неравномерностью капиталистического развития в разных областях страны, наконец — реакционной политикой царизма, приводившей в одних случаях к застою этнических процессов и консервации пережиточных для капиталистической эпохи этнических форм, а в других — искусственно стимулировавшей этнические процессы (например, политика насильственной ассимиляции). При всем разнообразии этнических процессов в России второй половины XIX — начала XX в. представляется возможным выделить ряд основных типов этих процессов и прежде всего процессы консолидационного характера. Они были представлены несколькими вариантами.

Если в XVIII — первой половине XIX в. в среде нерусских народов России еще преобладали процессы консолидации и даже формирования народностей, то во второй половине XIX и в начале XX в. основными и ведущими во всем разнообразии этнических процессов становятся присущие развитому капитализму процессы консолидации буржуазных наций. Примерно 80% населения страны находилось в сфере воздействия этих процессов. Этот ведущий тип этнических процессов был характерен прежде всего для русских — основной буржуазной нации России. Русская нация, завершившая в XVII — XVIII вв. свое формирование, составляла в середине XIX в. уже около 45% населения страны и в связи с этим для нее было характерно широкое и глубокое влияние на другие народы империи. Число лиц, владевших русским языком, среди населения страны превышало численность русских. Это было следствием не только некоторых преимуществ положения государственного русского языка, но и роста двуязычия. Естественная ассимиляция, возникавшая при непосредственном контакте русского и других народов и свободном взаимодействии их языков и культур, была часто встречавшимся явлением в дореволюционной России.

Консолидация всех остальных буржуазных наций, не имевших своей государственности (украинцы, белорусы, латыши, литовцы, эстонцы, грузины, армяне, азербайджанцы, татары (Поволжья) и др.), протекала в неблагоприятных условиях; правительство всеми способами препятствовало развитию у них литературных национальных языков, подавляло чувство национального достоинства. Непримируемую борьбу вел царизм с развивавшимся у этих наций освободительным движением, прибегая к жестоким репрессиям. Но все же борьба за равноправие, национальные движения, а также поддержка передовых деятелей культуры русского об-

щества⁹¹ давали им возможность сохранять и, невзирая на все преграды, развивать свою национальную культуру.

К этой же группе национальных общностей близки народности, которые Октябрьская революция застала на пути перехода к нации, — осетины, таджики, узбеки, казахи и некоторые другие. Все они были в той или иной степени вовлечены в орбиту капитализма и находились в тесных экономических и культурных связях с центральными областями империи. В их среде появилась прослойка национальной буржуазии и национальной интеллигенции. Некоторые из этих народностей в историческом прошлом имели в той или иной степени развитую государственность, письменность, литературу⁹². Культура их в XIX — начале XX в. развивалась под большим влиянием русской передовой интеллигенции; в то же время наблюдалось значительное распространение националистических идей (например, распространение под влиянием Османской Турции пантюркизма в Средней Азии). В среде узбекских и таджикских либеральных кругов, как и у других мусульманских народов империи (особенно у татар), развивалось буржуазное движение «джадидов», боровшихся главным образом за реформу старой системы мусульманского образования⁹³. Рост национального самосознания, национальных форм культуры и национального движения в Средней Азии и Казахстане стал особенно ощутимым после революции 1905—1907 гг. Начавшийся процесс формирования наций у рассматриваемых нами этнических общностей сочетался с продолжавшимся процессом консолидации — растворения в их среде этнографических групп; как было показано выше, их этническая структура была еще очень сложной и включала большое число территориальных или родо-племенных подразделений, постепенно сливающихся с основным массивом этноса.

К этим двум категориям угнетенных наций — «зрелым» и формировавшимся — полностью относится ленинская характеристика «первой исторической тенденции» национального развития — «пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета». В условиях развивающегося капитализма эта тенденция была прогрессивна, с нею считалась национальная программа марксистов, возглавляемых

---

⁹¹ Например, в защиту национальных прав украинского народа выступали русские революционеры — декабристы, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский.

⁹² О развитии языка, письменности, литературы и печати до революции, например, у казахов см.: «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 547—559.

⁹³ О джадидизме и противоречивом характере этого движения в Средней Азии см.: М. Вахабов. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961, стр. 234—235; З. Ш. Раджабов. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй пол. XIX и нач. XX в. Душанбе, 1957, стр. 442, а также «История Узбекской ССР», т. II. Ташкент, 1968, стр. 365—376.

Лениным и отстаивавших «равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было *привилегий* в этом отношении (а также право наций на самоопределение...)»⁹⁴.

Второй вариант этнических процессов консолидационного характера отличался от предыдущего тем, что охватывал народы, находившиеся на более низком уровне этнического развития. Этот процесс консолидации следует отличать от начальных этапов этногенеза, ибо речь идет о народностях, уже сформировавшихся, имевших все основные признаки, характерные для данного типа общностей; лишь некоторые из этих признаков у них были еще неустойчивы (обилие «земляческих» и др. обособленных групп; их недостаточно тесное экономическое и культурное общение; резкие отличия в диалектах, неустойчивое этническое самосознание, иногда «двойственное» и др.).

Процесс консолидации этих народностей шел по пути возрастания черт общности у этнически родственных областных и других групп. Вместе с тем нередко эти народности, консолидируясь, ассимилировали и включали в свою этническую среду отдельные группы других этносов. Так, удмурты постепенно ассимилировали своеобразную этнографическую группу бессермян, тюркского (возможно, булгарского) происхождения, говорившую на удмуртском языке с большой примесью татарских слов. Подобное же сочетание различных типов этнических процессов наблюдалось у некоторых народностей Сибири⁹⁵.

Третий вариант консолидационных этнических процессов — этногенетический — формирование народностей из племенных и других этнических групп. Этот процесс, более всего характерный для средневековья, шел в России и в XVII—XVIII вв., когда в ее пределах формировались из разрозненных, но родственных племен некоторые народности — например, коми (зыряне)⁹⁶, некоторые горские народы Северного Кавказа и Дагестана, часть народностей Сибири⁹⁷.

Позднее всего формировались малые народности Крайнего Севера; этногенез большинства из них постепенно завершался уже в советский период⁹⁸. То же можно сказать об алтайцах и хакасах⁹⁹.

Рассмотренные варианты этнических процессов можно считать в основном консолидационными; вместе с тем консолидирующие нации и народности также нередко ассимилировали отдельные

⁹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

⁹⁵ А. Е. Новоселов. Задачи сибирской этнографии. «Зап. Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 38. Омск, 1916, стр. 90—92.

⁹⁶ Л. П. Лашук. Этническая история и национальная консолидация коми (зырян), гл. III.

⁹⁷ «Народы Сибири», стр. 269.

⁹⁸ В. О. Долгих. Образование современных народностей Севера СССР.

⁹⁹ Л. П. Потапов. О национальной консолидации народов Сибири. ВИ, 1955, № 10.

иноэтнические группы. Большею частью это были малочисленные народы, давно живущие в иноэтническом окружении, или народы, «размываемые» вследствие расчленения их этнической территории и вынужденные стать на путь миграций, или же отдельные территориальные группы наций и народностей, уже давно оторванные от основного этнического массива (в том числе и некоторые группы русского населения).

Следует отметить, что формировавшиеся этнические общности, состоявшие из племенных и территориальных групп, были более всего подвержены влиянию ассимиляторской политики, осуществлявшейся царизмом. Естественная ассимиляция их также была очень велика; это приводило порой к почти полному исчезновению отдельных мелких обособленных групп с этнографической карты России.

Очень часто ассимилировались также переселенцы из зарубежных стран.

Степень этнического взаимодействия, независимо от того, вызвано ли оно мероприятиями царского правительства или проходило путем естественных контактов, имела ряд градаций и этапов (постепенная утрата таких этнических признаков, как традиционные формы хозяйства и образа жизни, культурная специфика, язык, этническое самосознание и др.).

У крупных наций, со сложившимся национальным обликом культуры и языка, как правило, сила ассимиляционного воздействия на попавшие в орбиту их влияния иноэтнические элементы была больше. Однако активность и интенсивность ассимиляции зависели помимо этого и от многих других факторов: характера расселения, экономических связей, исторических, этнографических и идеологических (например, религия) предпосылок.

Примерами языковой ассимиляции части прежде целостного, а впоследствии расчлененного и расселившегося дисперсно народа могут быть каратаи и терюхане — локальные группы мордвы. Каратаи, поселившиеся среди татар, восприняли татарский язык, но продолжали называть себя мордвой. Терюхане же, живя в Нижегородской губернии, обрусели и говорили по-русски.

Можно привести много примеров пачавшейся, а иногда и завершенной к началу XX в. естественной ассимиляции народов аборигенного происхождения и пришлых, переселившихся из соседних государств. Так, на территории Латвии жила и постепенно сливалась с латышами древняя финноязычная народность — ливы, со своеобразной самобытной культурой, отличающейся от латышской. Часть ливов, живших по р. Салаца, еще во второй половине XIX в. была ассимилирована латышами.

Еще задолго до присоединения Азербайджана к России начался, а в XIX — начале XX в. продолжался более интенсивно процесс естественной ассимиляции азербайджанцами групп ираноязычных народностей — татов и талышей. Древние обитатели Закавказья таты, расселенные небольшими островками среди азер-

байджанцев, издавна стали двуязычными; их духовная культура (в особенности музыкальный фольклор) приобретала все больше общих черт с азербайджанской. Общность религии (преобладающая часть татов Азербайджана — мусульмане-шииты), единство исторических судеб способствовали длившемуся многие века этнокультурному сближению татов с азербайджанцами.

Те же причины обусловили возникновение процесса естественной ассимиляции талышей азербайджанцами, принявшей более интенсивный характер уже в послеоктябрьский период.

Процессы этнической ассимиляции протекали и в Средней Азии. Издавна поселившиеся здесь группы арабов восприняли от окружающего населения узбекский и таджикский языки, часть из них при этом утратила родной язык. Несмотря на относительную замкнутость арабов в быту, их жизнь на протяжении ряда веков среди преобладающего населения Средней Азии, общие с ним исторические судьбы, отсутствие различий в религии вели к постепенному слиянию арабов с узбеками и таджиками. Однако этот процесс ко времени установления советской власти еще не был завершен¹⁰⁰.

В составе киргизского населения Прииссыккуля жила группа калмыков, известная под названием сарт-калмак, исповедовавшая ислам. В конце XIX — начале XX в. она еще сохраняла некоторые этнографические особенности в быту и отчасти родной язык, однако ее ассимиляция киргизами уже тогда была близка к завершению.

Примером активных этнических взаимодействий русского населения с аборигенами Сибири может послужить Северо-Восток Сибири. По данным исследователей, здесь в XIX — начале XX в. «упрочились связи между обособленными этнографическими группами и усилилось русское культурное влияние... Приблизившиеся к поселениям русских старожилов поречные колымские юкагиры сблизились и слились с последними. Например, в низовьях Оленека, Лены и Яны малочисленные группы русских старожилов, окруженные якутами, в начале XIX в. утратили самобытные черты. Длительное совместное проживание русских старожилов и камчадалов-ительменов в долине Камчатки настолько сблизило обе группы, что камчадалы восприняли русский язык и русские хозяйственные навыки. То же самое произошло с некоторыми группами оседлых охотских эвенов и коряков»¹⁰¹.

Процессы этнического взаимодействия народов чрезвычайно интересовали общественность дореволюционной России. Существовала большая литература, в которой рассматривались вопросы «обрусения» и христианизации, защищались или опровергались мнения о целесообразности или вреде русификаторской полити-

¹⁰⁰ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, стр. 586—587.

¹⁰¹ И. С. Гурвич, Этническая история Северо-Востока Сибири, стр. 244.

ки, об «ассимилятивной способности русского народа»¹⁰². В Казани в 1892 г. была опубликована весьма обстоятельная программа «для собирания сведений об обрусении инородцев Восточной России»¹⁰³; исследования этого типа проводились и в Западной Сибири¹⁰⁴.

Большое внимание этой теме уделяла и марксистская печать. В. И. Ленину принадлежит заслуга научно-теоретической разработки проблем этнической ассимиляции и четкого разграничения понятий естественной и насильственной ассимиляции, а также исследования того процесса стирания национальных различий, интернационализации, который является «всемирно-исторической тенденцией капитализма»¹⁰⁵.

* * * * *

Мы подошли к проблеме «второй тенденции» ленинской концепции развития наций — тенденции, которая, по его определению, «характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»¹⁰⁶. Напомним ее особенности: «развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»¹⁰⁷

Эта тенденция нашла свое выражение и в начавших развиваться в дореволюционной России процессах межэтнического сближения или интеграции. Для них характерны такие признаки, как двуязычие и взаимовлияние культур находящихся в контакте этносов. Двуязычие — важное звено этнических процессов, влекущее за собой изменения одного из основных признаков этносов и облегчающее их взаимодействие. Двуязычие при этническом сближении не сопровождается утратой родного языка и заменой его иным, что являлось бы уже начальным этапом процесса языковой ассимиляции; однако «переход на язык другой нацио-

---

¹⁰² И. Смирнов. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики. «Исторический вестник», т. 47, 1892. И. Н. Харузин. К вопросу об ассимилятивной способности русского народа. «Этнографическое обозрение», 1894, № 4; П. М. Головачев. Взаимное влияние русского и инородческого населения в Сибири. «Землеведение», 1902, IX, № 2—3; Н. С. Лыкошин. Результаты сближения русских с туземцами. «Туркестанский календарь» за 1904 г. Ташкент, 1904 и др.

¹⁰³ И. Смирнов. Программа для собирания сведений об обрусении инородцев Восточной России. «Известия об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском Университете», т. X, вып. 5. Казань, 1892, стр. 549—551.

¹⁰⁴ См.: А. Е. Новоселов. Указ. соч.

¹⁰⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 125.

¹⁰⁶ Там же, стр. 124.

¹⁰⁷ Там же,

нальности чаще всего говорит об уже достаточно далеко зашедшем этническом процессе, который в будущем может завершиться полным этническим поглощением данной группы»¹⁰⁸.

Естественно, что в России XIX — начала XX в. двуязычие чаще всего проявлялось в сочетании родного языка того или иного этноса с русским. О степени развития двуязычия у разных народов в дореволюционный период дают представление сведения переписи 1926 г. В стране насчитывалось 6,4 млн. человек нерусской национальности, признавших родным языком русский.

Можно предположить, что число двуязычных было во много раз больше — очевидно, переход к русскому языку явился итогом предшествовавшего этому длительного периода двуязычия.

Еще меньше данных для суждения о степени распространения двуязычия, в котором вторым языком был не русский, а какой-либо другой язык соседнего этноса. Лишь по отдельным районам проведены соответствующие исследования. Детальнее всего разработан этот вопрос по Северному Кавказу¹⁰⁹, где в связи с этнической дробностью населения владение помимо родного языка вторым или несколькими было жизненной необходимостью. Это обуславливалось рядом причин, в основном экономического характера, в частности — широкими торговыми и хозяйственными контактами горных и равнинных областей края. В равнинах располагались торговые центры, сюда приходили горцы на базары, на заработки. Зимой пригоняли скот на равнинные пастбища¹¹⁰. По наблюдениям специалистов, в Дагестане народы высокогорных областей были многоязычны, владея языками живущего ниже их иноэтнического населения. Функции языка межэтнического общения чаще всего выполнял один из тюркских — азербайджанский, кумыкский или ногайский. Распространение русского языка в качестве второго началось на Северном Кавказе лишь во второй половине XIX в., ранее всего среди кабардинцев, осетин, чеченцев, ингушей, с 1880-х годов — у кумыков, в равнинном Дагестане. Последующий рост этого процесса был связан главным образом с развитием городов Владикавказа, Екатеринодара, Ставрополя, что изменило экономическую ориентацию северокавказских народов и привело к распространению в качестве второго языка русского¹¹¹.

¹⁰⁸ П. И. Кушнер (Кнышев). Этнические территории и этнические границы. М., 1951, стр. 51.

¹⁰⁹ Л. И. Лавров. О причинах многоязычия в Дагестане. СЭ, 1951, № 2; он же. Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», XIX. М., 1953; Н. Г. Волкова. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. СЭ, 1967, № 1. Н. Г. Волкова, А. И. Лавров. Современные этнические процессы. «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967)». М., 1968 и др.

¹¹⁰ П. Г. Волкова. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, стр. 27.

¹¹¹ Там же, стр. 31.

Развитию двуязычия большое значение придавал В. И. Ленин, противопоставляя свободное и естественное распространение русского языка правительственной политике «русификации». Он отметил как важный факт, что «на Кавказе представители нерусских народностей *сами* стараются научить детей по-русски», и поддерживал автора одной из статей в «Русском слове», который пришел к выводу, что враждебное отношение в России к русскому языку происходит исключительно вследствие его искусственного, насильственного распространения; между тем о судьбе русского языка беспокоиться нечего — он сам завоеует себе признание во всей России. Комментируя эту статью, В. И. Ленин пишет, что действительно «потребности экономического оборота всегда заставляют живущие в одном государстве национальности [...] изучать язык большинства»¹¹².

Процесс этнического сближения был неразрывно связан со всеми теми прогрессивными явлениями, которые вызвало в жизни народов колониальных окраин присоединение их к России, включение в пределы могущественного, централизованного, развивающегося по капиталистическому пути государства, изменениями, протекавшими стихийно, независимо и часто вопреки политике царизма.

Экономическими стимулами процесса сближения были рост промышленности и городов, торговли и транспортных путей, миграции и отходничества сельского населения; все это усиливало процесс перемещения населения, влияло на развитие контактов с группами другого этноса, способствуя, по выражению В. И. Ленина, ломке «затхлости и заскорузлости местной жизни», разрушению национальных перегородок и предрассудков. В. И. Ленин придавал большое значение передвижениям народонаселения, в том числе и отходничеству: «...только реакционеры, — писал он, — могут закрывать глаза на *прогрессивное* значение этого современного переселения народов»¹¹³.

Он приводил в доказательство пример миграций русского населения в промышленные центры Украины: «Уже несколько десятилетий вполне определился процесс более быстрого экономического развития юга, т. е. Украины, привлекающей из великороссии десятки и сотни тысяч крестьян и рабочих в капиталистические экономии, на рудники, в города». Крестьянин в новых условиях превращается в «подвижного пролетария, условия жизни которого ломают специфически национальную уозсть как великорусскую, так и украинскую»¹¹⁴.

Столь ярко охарактеризованные В. И. Лениным особенности процесса этнического сближения сложились не только в центральных, наиболее экономически развитых губерниях империи, но

¹¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 116.

¹¹³ Там же, стр. 89.

¹¹⁴ Там же, стр. 128.

и на ее отдаленных окраинах. Так, присоединение Средней Азии к России, несмотря на реакционность политики царского самодержавия, объективно имело прогрессивное значение, в первую очередь благодаря развитию капиталистических отношений, разрушавших отсталый, консервативный феодальный уклад экономики и быта. Присоединение к России привело к интенсификации сельского хозяйства — развитию хлопководства, к возникновению первых промышленных предприятий, сооружению железных дорог, развитию добычи полезных ископаемых. С этим было связано исследование Средней Азии, выявление ее природных ресурсов, изучение коренного населения, его истории, этнического состава, языков. Все эти прогрессивные черты возникали неодолимо, независимо от политики царского правительства. Однако основное, определяющее при оценке значения включения народов Средней Азии в состав Российской империи заключалось в том, что они вступили в общение с русским народом, русским рабочим классом¹¹⁵. Начало формирования кадров рабочих из местных национальностей было характерным в этот период не только для быстро развивавшихся густонаселенных районов давней оседлости и земледелия в Туркестанском крае, но и для районов кочевого скотоводства¹¹⁶. Современниками отмечалось важное значение формирования национального пролетариата в среде казахских кочевников: «Мы будем свидетелями исключительно интересного процесса — перехода степняка со скотоводческого хозяйства прямо на пролетарский паек, мимо хлебопашества, мимо дворовой оседлости»¹¹⁷.

Те же элементы объективно-исторической прогрессивности присоединения к России наблюдались и на других окраинах империи — на Северном Кавказе, в Сибири. Народы Сибири также включились в общий процесс экономического развития России, ее сибирских губерний и областей. Они поставляли пушнину, скот, продукцию скотоводства, рыбу, хлеб; хорошо зная край, были проводниками по промысловым угольям, в поисках полезных ископаемых¹¹⁸. Вместе с русским крестьянством и пролетариатом народы национальных окраин империи выступали против царизма, участвуя в крестьянских восстаниях, революционной борьбе.

¹¹⁵ *И. А. Халфин*. Присоединение Средней Азии к России (60-е — 90-е гг. XIX в.) М., 1965, стр. 429. См. также *А. М. Аминов*, *А. Х. Бабаходжаев*. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966; *С. Раджабов*. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955; *З. Ш. Раджабов*. К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Душанбе, 1954, и др.

¹¹⁶ Сб. «Казахстан в канун Октября». Алма-Ата, 1968; *С. А. Сундетов*. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана. Алма-Ата, 1970; *А. Н. Нусупбеков*. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане. Алма-Ата, 1966, и др.

¹¹⁷ *А. Е. Новоселов*. Указ. соч., стр. 95—96.

¹¹⁸ «История Сибири», т. III, стр. 108; см. также: *З. В. Гоголев*. Якутия на рубеже XIX—XX вв. Новосибирск, 1970, стр. 38—64, 115—149.

Помимо этих экономических и социальных предпосылок существовали и другие факторы, воздействовавшие на сближение народов России. К ним относятся существенные особенности отношений между народными массами России и ее национальных окраин по сравнению с отношениями между метрополиями и колониями на западе. Главная из них заключалась в многовековом непосредственном соседстве русского народа с коренным населением окраин. «Жители Индии не видели у себя простых людей Англии — рабочих или крестьян ... Не бывало, чтоб англичанин работал батраком на плантации или чернорабочим на фабрике в колонии. Этого бы не допустили английские власти из опасений дискредитации «господства белых» и всей системы британского колониального владычества»¹¹⁹.

Иным было положение в России, где русское крестьянство и рабочий класс испытывали, как и нерусские народы, сильный гнет царизма. На окраины наряду с военной администрацией, войсками, чиновниками, торговцами и разного рода искателями легкой наживы переселялись обедневшие крестьяне из центральных губерний; на железных дорогах, предприятиях, в горной промышленности работали вместе с местными рабочими переселившиеся сюда русские. В Туркестане нередко были случаи, когда бедняки-переселенцы вместе с местными бедняками и издольщиками работали в богатых казачьих хозяйствах или у узбекских, таджикских, казахских баев; нередко они нанимались на предприятия местных промышленников-капиталистов — хлопкоочистительные заводы, нефтяные промыслы и др. В процессе совместного труда крепла дружба русского народа с трудящимися окраин империи, расширялось взаимопонимание между ними, цементировался боевой союз, проявившийся с такой силой в годы революционной борьбы с царизмом^{120—121}.

Большое значение в развитии процесса сближения с русским народом имела также деятельность политических ссыльных, революционных демократов и сочувствовавшей им передовой интеллигенции. Целая плеяда просветителей из среды народов Средней Азии — народные учителя, писатели, поэты, такие, как Ахмед Дониш, Муками, Фуркат, Завки и др., — были знакомы с русской литературой; ученый и педагог Абай Кунанбаев перевел на казахский язык «Евгения Онегина». Глубоко прогрессивных взглядов придерживался Чокан Валиханов, приверженец тесных братских связей родного ему казахского народа с русским.

Много сделали для распространения просвещения у коренного населения политические ссыльные Сибири — начиная с А. Н. Радищева и декабристов. Среди них были люди, знавшие языки якутов и других народов, при их участии были созданы бесплатные народные библиотеки, музеи в Якутске, Семипала-

¹¹⁹ И. А. Халфин. Указ. соч., стр. 429—430.

^{120—121} Там же, стр. 437.

финские, т. наз. «вольные школы», учителями в которых были русские, якуты, алтайцы, буряты. Воспитанниками русских педагогов были ученые, вышедшие из среды народов Сибири: талантливый тюрколог, этнограф и фольклорист, хакас по происхождению, Н. Ф. Катанов, бурятский учитель-этнограф М. Н. Хангалов и др.¹²²

В этих условиях все более возрастало взаимовлияние в сфере хозяйства, быта, культуры между русскими и народами окраин. В обширной публицистической и научной этнографической литературе конца XIX — начала XX в. содержится множество сведений, характеризующих этот процесс. Так, в одном из специальных исследований сообщается о якутах: «Якуты под русским влиянием развили довольно обширное земледелие, сильно развили у себя рогатый скот, стали заниматься сенокосением, переняли у русских новые для себя одежды (жилеты и пр.), в западной части области стали строить избы по русскому образцу... Русская грамотность в Якутии прививается быстро, и число учащихся якутов в учебных заведениях Якутска доходит почти до половины общего числа учащихся. В настоящее время в области находятся якуты, получившие даже высшее образование»¹²³.

Тот же автор пишет о бурятах: «Кударинские и часть хоринских начали заниматься земледелием, юрты в их улусах стали располагаться улицами, причем зимники и летники помещаются в одной ограде»; у бурят Иркутской губернии «в зимниках имеются русские печи, они пекут хлеб, даже умеют готовить к чаю разную «прикуску» из крупчатой муки. Их жилище, питание, одежда вообще улучшаются. Пища бурят стала теперь готовиться лучше и опрятнее, появились вилки, ложки, стаканы, даже полотенца, дома стали содержаться чище. Обычай калыма стал исчезать. Только огородничество все еще не может привиться к бурятам»¹²⁴.

В силу уже отмечавшейся социальной близости велико было влияние русских и украинских крестьян-переселенцев на хозяйственный уклад, материальную культуру и быт окружающего казахского, киргизского и др. населения Туркестана и Степного края¹²⁵. В особенности это сказалось на заимствовании земледель-

---

¹²² «История Сибири», т. III, стр. 428—429; «История Якутской АССР», т. II, М., 1957, стр. 254—266, 343—364.

¹²³ П. Головачев. Взаимное влияние русского и инородческого населения в Сибири, стр. 59. См. также «Очерки истории культуры Бурятии». Улан-Удэ, 1972, стр. 297—368.

¹²⁴ П. Головачев. Указ. соч., стр. 58.

¹²⁵ См. М. Т. Айтбаев. Историко-культурные связи киргизского и русского народов (по материалам Иссык-Кульской области Киргизской ССР). Фрунзе, 1957; Х. Аргынбаев. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX — нач. XX в. (по материалам Восточного Казахстана). Труды Ин-та

ческого опыта и оседлого типа жилища при переходе кочевников-скотоводов к оседлому образу жизни; оседание же все более распространялось, вследствие обезземеливания скотоводов, лишения их пастбищных угодий.

Процесс этнического сближения не всегда включал русское население — он наблюдался и между другими этносами; мы уже приводили свидетельствующие об этом примеры сближения культур и развития двуязычия. Чрезвычайно важно отметить еще одно явление, характерное для рассматриваемого типа этнических процессов, — взаимовлияние обоих контактирующих этносов. Русское население повсеместно испытывало на себе влияние соседних народов, в особенности в отдаленных районах, в местах своего давнего расселения. Это относится, например, к казачеству, поселявшемуся на Кавказе уже с XVI—XVIII вв.¹²⁶ и еще более к русским переселенцам, воспринявшим от населения Средней Азии и Казахстана приемы поливного земледелия, кочевого скотоводства и др. В Сибири русские заимствовали у местных жителей некоторые виды одежды, способы передвижения, пищу и способы ее приготовления. Особый интерес представляют сведения, отмечающие распространенность смешанных браков с русским населением в некоторых районах России. Нельзя не отметить, что известным стимулом к этому (в немусульманских областях) была христианизация: миссионерские организации всячески содействовали таким бракам, хотя переход к православию, по их собственным заключениям, в большинстве случаев был для «инородцев» лишь формальным актом.

«От смешанных браков с инородческим населением, — отмечал один из дореволюционных исследователей, — многие сибиряки приняли до некоторой степени инородческое обличье, особенно в Туруханском крае, приалтайских местностях, в Минусинском уезде, в губернии Иркутской, областях Забайкальской и Якутской. От браков бурят с русскими получается потомство смуглое, черноволосое и черноглазое, но иногда с приятными и правильными чертами лица; эти русские известны под именем «карымов» и «карымок». В Западной Сибири русские лица с инородным обличьем называются «калдыковатыми»¹²⁷.

Обширный и разносторонний этнографический материал, накопленный дореволюционной наукой, говорит о широком распространении пакануне Октябрьской революции в среде большинства народов России процессов этнического сближения, которые нельзя отождествлять с процессом консолидации и ассимиляции.

истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. 6. Этнография. Алма-Ата, 1959 и др.

¹²⁶ Б. А. Каюев. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей. СЭ, 1961, № 1.

¹²⁷ П. Головачев. Указ. соч.; стр. 64.

Его отличительной чертой была постепенная ломка национальных перегородок.

Однако тенденция к сближению с другими нациями при капитализме коренным образом отличалась от современного этнического процесса этого типа, и историческая преемственность их относительна. В условиях национального и колониального гнета царского самодержавия обе тенденции национального развития находились в остром противоречии, которое не могло быть разрешено в дореволюционной России. «Противоречие между двумя тенденциями в развитии наций при капитализме непримиримо»¹²⁸. Оно исчезает только в социалистическом обществе, вместе с существенным изменением и содержания этих тенденций.

---

¹²⁸ «История КПСС», т. II, М., 1966, стр. 421.

Глава IV. Национально-государственное строительство и развитие этнических процессов в СССР

Этнические процессы, как и другие социальные процессы, будучи обусловленными в конечном счете объективными причинами, связанными с развитием материального производства, с изменениями экономического базиса, испытывают сильное воздействие надстроительных факторов. Сюда относятся законы, регулирующие взаимоотношения между народами, живущими в многонациональном государстве, а также формы внутригосударственного (территориально-административного) устройства, в которых проживают эти народы.

Почти все коренные народы СССР (около 98% общей численности населения) имеют свою национальную государственность в той или иной ее форме. В начале монографии уже отмечалось большое влияние, которое оказывает на социально-экономическое и культурное развитие того или иного народа, на весь ход этнических процессов наличие или отсутствие у этого народа своей национальной государственности.

Поэтому при рассмотрении этнических процессов вопросам национально-государственного строительства в СССР следует уделить самое пристальное внимание¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнув власть помещиков и капиталистов, открыла новую эру в истории человечества. В исторический день — 25 октября (7 ноября) 1917 г. II Всероссийский съезд Советов в первом же принятом документе — обращении к рабочим, солдатам и крестьянам — провозгласил, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»².

---

¹ Среди довольно обширной литературы, посвященной этому вопросу, отметим широко использованную нами двухтомную работу «История национально-государственного строительства в СССР» (М., 1972), а также сборник документов «Образование СССР». М., 1949.

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 11.

Советское правительство положило в основу своей деятельности ленинские принципы решения национального вопроса, политику полного уничтожения прежнего национального неравенства, политику всестороннего хозяйственного, культурного и политического развития народов. 2(15) ноября 1917 г. была обнародована подписанная В. И. Лениным «Декларация прав народов России». В этом имевшем всемирно-историческое значение документе осуждалась политика угнетения наций и разжигания межнациональной вражды; ей противопоставлялась новая политика добровольного союза народов России. Декларация не предусматривала конкретной государственно-правовой формы этого союза и предоставляла народам право свободного волеизъявления по вопросу о форме их национально-государственного существования.

Декларация прав народов России включала следующие основные пункты: а) равенство и суверенность народов России; б) право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; в) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; г) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России³.

Почти сразу же после этой Декларации и как бы в развитие некоторых ее положений Совнарком опубликовал обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», предусматривающее национально-религиозные права мусульманских народов и призывающее их поддержать социалистическую революцию⁴. Так как осуществление национальной политики — преодоление экономической, политической и культурной отсталости многих народов, национально-территориальное размежевание и т. д. — затрагивало множество сложных вопросов, в Советском правительстве был создан особый орган — Народный комиссариат по делам национальностей. Внутренние подразделения Наркомнаца — Национальные комиссариаты и отделы⁵ — в своей практической деятельности опирались на соответствующие комиссариаты и отделы, созданные при областных, губернских и уездных Советах и исполкомах Советов.

³ См.: «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 40.

⁴ Там же, стр. 114.

⁵ В начале 1918 г. число таких национальных комиссариатов и отделов достигло уже 16. Их создание отражало насущную потребность и вместе с тем возможности решения той или иной проблемы, поэтому целесообразно отметить, что первыми национальными комиссариатами, возникшими еще в 1917 г., были Польский, Литовский и Мусульманский, в феврале 1918 г. появились Еврейский, Армянский и Белорусский национальные комиссариаты; затем — комиссариаты горцев Кавказа, Грузинский, Киргизский, народов Сибири; и несколько позже — Латышский, Чехословацкий, Украинский, Чувашский, Эстонский, Немецкий.

Процесс устранения прежней экономической, социальной и культурной отсталости многих народов, рассматриваемый более подробно в следующих главах, занял десятилетия; он развернулся прежде всего внутри соответствующих национально-государственных образований, где создались особо благоприятные условия для ускоренного развития коренных народов. Само же национальное строительство, т. е. объединение прежде разрезанных административными границами этнических территорий воедино, на его первом этапе было обусловлено не только и даже не столько этими целями социально-экономического и культурного выравнивания. Оно явилось реальным претворением в жизнь тезиса о праве народов на самоопределение, принятого в качестве важнейшего пункта программы большевистской партии еще задолго до Октябрьской революции. «Мы тем более обязаны признать свободу отделения,— писал В. И. Ленин,— что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великорусам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами»⁶.

Однако, утверждая право народов на самоопределение вплоть до политического отделения, большевики вовсе не призывали к такому отделению. Напротив, В. И. Ленин указывал, что в экономическом и многих других отношениях крупное государство гораздо предпочтительнее мелких. «Мы хотим,— писал в связи с этим В. И. Ленин,— как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся различных наций»⁷.

Между русским народом и другими народами России не было каких бы то ни было реальных противоречий; русские трудящиеся также страдали от гнета самодержавия, подвергались эксплуатации помещиков и капиталистов. Это и определило общность целей всех народов России в борьбе против царизма. В 1917 г., после свержения самодержавия, в ходе подготовки социалистической революции, В. И. Ленин писал, что трудящиеся массы угнетенных ранее народов, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, и, чем полнее демократизм, тем сильнее тяга к тесному объединению народов⁸.

История полностью подтвердила это предсказание В. И. Ленина. В жизнь были претворены права народов России на самоопределение, которое выразилось в создании советских социали-

---

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 379.

⁷ Там же.

⁸ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 36.

стических республик и областей, что сочеталось с объединением национально-территориальных образований в федерации.

Однако этот диалектический процесс национального отграничения и межнационального объединения шел, особенно в первые годы Советской власти, сложным и трудным путем. Народы нашей страны стояли на разных уровнях социально-экономического и культурного развития, резко отличались по своей численности и расселению, и найти для каждого из них соответствующую форму национальной государственности было не так-то просто. Процесс национального строительства сильно затруднялся недостатком четкой национальной ориентацией многих групп населения, связанной, в частности, с незавершенностью процессов этнической консолидации. Отсутствовали надежные данные о национальной принадлежности населения; единственная всеобщая перепись населения Российской империи (1897 г.) учитывала, как уже говорилось, лишь родной язык; и не случайно уже в 1920 г. по решению Совнаркома, подписанному В. И. Лениным, была проведена первая советская перепись населения, в программу которой входил вопрос о национальности. Следует отметить также сильное территориальное смешение многих национальностей, что осложняло национальное размежевание: в границы многих национальных образований оказались включены значительные, иногда — численно преобладающие инациональные группы. Нередко такое включение инациональных ареалов определялось и интересами хозяйственного развития образуемых национальных республик и областей⁹.

Особые трудности национального строительства в первые годы Советской власти были обусловлены тем, что почти все национальные территории стали ареной гражданской войны, оказались на то или иное время под властью белогвардейцев, местных буржуазных националистов или иностранных интервентов. В одних случаях, например в оккупированной немцами Белоруссии, это привело к временному прекращению существования уже возникших национальных республик, в других и более частых случаях — к более или менее длительному национальному сепаратизму, к возникновению правительств, которые, возбуждая нацио-

---

⁹ В качестве примера, иллюстрирующего названные трудности, можно привести образование национальной государственности у башкир. Еще в начале 1918 г. по ряду причин, и в частности из-за неправильного представления о якобы сильном слиянии башкир с татарами, было принято решение об образовании Татаро-Башкирской республики; в марте 1919 г. издан декрет об образовании Башкирии как автономной республики, но в то время она охватывала лишь восточные районы с преобладавшим там башкирским населением (так называемая Малая Башкирия). В 1922 г. территория Башкирии была расширена до ее современных размеров, но в ее новых границах, включивших по существу все более или менее значительные ареалы башкир, сами башкиры стали численно значительно уступать русским.

налистические настроения среди определенных слоев местного населения, стремились к «самостоятельному» существованию (петлюровцы на Украине, дашнаки в Армении и т. д.). Большевикам пришлось вести решительную борьбу против местных националистов за торжество Советской власти и восстановление прежних органических связей с другими частями страны. Укрепление таких связей не должно было иметь великодержавных тенденций. В. И. Ленин в одной из последних, продиктованных им работ — письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (конец 1922 г.) отмечал это обстоятельство и указывал, в частности, на необходимость крайне осторожного подхода к решению национальных проблем, осуждал бюрократическое администрирование при проведении национальной политики, особенно по отношению к малым, ранее угнетенным национальностям¹⁰. Этому служила и коренизация администрации в национальных республиках и областях.

Процесс национально-государственного строительства можно с некоторой долей условности разделить на три основных этапа. Первый из них охватывает период с 1917 по 1922 г. и завершается образованием СССР; второй — с 1923 по 1936 г. и завершается фиксацией предшествующих преобразований в принятой Конституции СССР; третий этап продолжается до сих пор.

Национально-государственное строительство развернулось в национальных областях Европейской России несколько раньше, чем в других частях страны. В результате Великой Октябрьской социалистической революции прежняя Россия стала Российской Советской Республикой. Уже в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов было установлено, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободных наций, как федерация советских национальных республик»¹¹. Выступая на заключительном заседании того же съезда, В. И. Ленин сказал по поводу образования РСФСР: «Вот основа нашей федерации, и я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима. Лучший залог ее несокрушимости — те законы, тот государственный строй, который мы творим у себя»¹².

В середине декабря 1917 г. в сложной обстановке, создавшейся в результате захвата власти в Киеве и большинстве украинских губерний буржуазно-националистической Центральной Радой, на I Всеукраинском съезде Советов в Харькове было провозглашено создание Советской Украинской республики как феде-

¹⁰ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 356—362.

¹¹ Цит. по: «История национально-государственного строительства в СССР». М., 1968, стр. 94.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 288.

ративной части Российской республики. Примерно в то же время возникла Советская Латвийская республика, шло создание Литовской, Эстонской и Белорусской республик.

В феврале 1918 г. процесс национально-государственного строительства во всех этих западных республиках был прерван германской оккупацией и возобновился лишь в конце 1918 г. Так, в ноябре 1918 г. было создано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, принявшее в январе 1919 г. решение именовать данную республику Украинской Советской Социалистической. В декабре 1918 г. образовалась Литовская, а в начале января 1919 г. — Белорусская Советская Социалистическая республика; в конце января 1919 г. было принято решение об их объединении, что формально произошло в конце февраля того же года. В конце ноября 1918 г. была создана Эстонская (Эстляндская) Советская республика, или как она тогда называлась «Трудовая коммуна», а в декабре 1918 г. — Советская республика Латвия.

Все эти республики установили тесные дружественные отношения с Российской Федерацией, однако существование их было недолгим. Украину захватили денкиницы, а затем западную часть ее — белополяки; к середине 1919 г. войска панской Польши оккупировали почти всю Белоруссию и вместе с немецкими войсками содействовали реставрации в Литве власти капиталистов и помещиков. Под натиском белогвардейцев, немцев и своих буржуазных националистов пали Латвийская и Эстонская советские республики. Советская власть на Украине и в Белоруссии была восстановлена в 1920 г., однако их западные области отошли к Польше. Во всех Прибалтийских республиках надолго установились буржуазные правительства.

В Закавказье, где произошло национально-государственное размежевание грузин, армян и азербайджанцев, у власти в течение почти трех лет находились буржуазные националисты, опиравшиеся на прямую военную поддержку иностранных империалистов. Лишь в апреле 1920 г. в результате организованного большевиками восстания в Баку было провозглашено создание Азербайджанской ССР. В ноябре 1920 г. была создана Армянская, а в феврале 1921 г. — Грузинская Советские Социалистические республики. После победы Советской власти стали складываться новые дружеские отношения между народами Закавказья. В декабре 1922 г. была образована Закавказская Социалистическая Федеративная Советская республика.

Правительство Российской Федерации признавало самостоятельность Украинской, Белорусской и Закавказских республик и строило отношения с ними на равноправной основе, заключая двусторонние договоры. Окончание гражданской войны и борьбы против иностранных интервентов, изменение военно-политической и социально-экономической обстановки потребовало изменения и взаимоотношений между советскими республиками, упрочения их союзных связей. Однако прежде чем перейти к характеристике

их объединения, следует сказать и о том национально-государственном строительстве, которое происходило с 1917 по 1922 г. внутри названных Советских Социалистических республик и за их пределами.

Одним из первых и самым крупным членом Российской Федерации явилась Туркестанская автономная республика, созданная в апреле 1918 г. в границах бывшего Туркестанского края и охватившая главным образом части этнических территорий узбеков, казахов и таджиков. В августе 1920 г. был принят декрет о создании Киргизской (фактически — Казахской) АССР. В апреле 1920 г. в результате успешного революционного восстания в Хиве была свергнута власть хана и образована Хорезмская Народная Советская республика, а в октябре 1920 г. свергнута власть бухарского эмира и образована Бухарская Народная Советская республика. Правительство РСФСР признало эти две республики суверенными государствами и активно помогало им в военном и хозяйственном отношении.

На Северном Кавказе в борьбе против местных буржуазных националистов, белогвардейцев и иностранных империалистов в январе 1918 г. было провозглашено создание Советской Терской области, в пределах которой жили кабардинцы, ингуши, чеченцы и другие народы. С 1920 г., после изгнания деникинцев, национально-государственное строительство на Северном Кавказе возобновилось. В конце 1920 г. возникла Калмыцкая Автономная область. В январе 1921 г. был издан декрет об образовании Дагестанской АССР и Горской АССР, последняя включала национальные округа: Карачаевский, Кабардинский, Балкарский, Северо-Осетинский, Ингушский, Чеченский и Сунженский, которые затем последовательно выделились в самостоятельные единицы: в сентябре 1921 г. были образованы Кабардинская Автономная область (в январе 1922 г. преобразована в Кабардино-Балкарскую АО), Карачаево-Черкесская Автономная область, в ноябре 1922 г. — Чеченская АО; несколько ранее — в июле того же года — из Кубанско-Черноморской области выделилась Черкесская (Адыгейская) АО.

Быстрыми темпами шло национально-государственное строительство в этнически пестрых районах Поволжья и Приуралья. Первой автономной единицей здесь должна была стать Татаро-Башкирская Автономная республика, решение об образовании которой было принято Наркомнацем в марте 1918 г., однако практическое осуществление этого решения приостановилось из-за гражданской войны. В октябре 1918 г. была создана автономная Трудовая коммуна немцев Поволжья. В марте 1919 г. ВЦИК был издан декрет об образовании Башкирской, а в мае 1920 г. — Татарской АССР, в июне 1920 г. — декрет об образовании Автономной Чувашской области, а в ноябре того же года — Вотякской (Удмуртской) и Марийской АО. В августе 1921 г. последовал декрет об образовании Автономной области Коми.

После разгрома Врангеля на территории Крыма была создана в 1921 г. Крымская АССР. В июне 1920 г. издан декрет об образовании Автономной Карельской трудовой коммуны. В январе 1922 г. образована Бурятская Автономная область, в феврале того же года — Якутская АССР, в июне — Ойратская Автономная область. В конце 1920-х годов началось образование национальных округов малых народов северных и восточных окраин РСФСР: Ненецкого, Ханты-Мансийского и др.

В марте 1921 г. была образована Абхазская АССР, которая затем вошла в состав Грузинской ССР; в июне 1921 г. в составе Грузинской ССР были созданы Аджарская АССР и Юго-Осетинская Автономная область.

Объединение всех советских республик в единое государство проходило в дискуссии со сторонниками так называемой «автономизации», т. е. объединения всех республик в рамках РСФСР на правах ее автономий. В. И. Ленин и большинство членов ЦК, подержанные на местах, выступили за создание союзного государства. Открывшийся 30 декабря 1922 г. I Общесоюзный съезд Советов принял решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик и о разработке первой Конституции Союза ССР, отражающей его структуру как многонационального государства, основанного на дружбе и равноправии народов.

Образование СССР, ознаменовавшее собой торжество ленинской национальной политики, было событием всемирно-исторического значения. Оно имело огромное прогрессивное значение для жизни всех народов нашей страны; оно создало условия для дальнейшего расширения их сотрудничества, организации постоянной и всесторонней помощи оставшим в своем хозяйственном и культурном развитии национальностям со стороны других народов и прежде всего со стороны русского народа.

Национально-государственное строительство продолжалось и после образования СССР. Наиболее значительным событием последующих лет было образование республик в Средней Азии. В октябре 1923 г. Хорезмская Народная Советская республика преобразуется в социалистическую и заявляет о своем желании войти в СССР; в сентябре 1924 г. то же самое осуществляет Бухарская Народная Советская республика. Этнические границы во всех республиках Средней Азии в то время сильно расходились с административными, поэтому на повестку дня здесь встал вопрос о национально-территориальном размежевании. Из областей Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской республик, населенных узбеками и туркменами, в октябре 1924 г. были образованы Узбекская и Туркменская Советские Социалистические республики; из областей Туркестана и Бухары, населенных таджиками, — Таджикская АССР, вошедшая в состав Узбекской ССР; районы Туркестана, населенные казахами, были воссоединены с Казахской АССР; из районов, населенных киргизами, в то же время была образована Кара-Киргизская Автономная область в

составе РСФСР. Решением ЦИК СССР в январе 1925 г. в состав Таджикской АССР была включена образованная в то время Горно-Бадахшанская Автономная область; в мае того же года в составе Казахской АССР была образована Кара-Калпакская АО, а Кара-Киргизская АО переименована в Киргизскую; в феврале 1926 г. она была преобразована в Киргизскую АССР. В марте 1932 г. Кара-Калпакская АО была преобразована в АССР в составе Узбекской ССР. В июне 1929 г. Таджикская АССР стала самостоятельной союзной республикой, входящей в СССР.

Значительные изменения произошли и в составе крупнейшей республики СССР — Российской Федерации. В июле 1923 г. Карельская Трудовая Коммуна преобразуется в Карельскую АССР, а в октябре того же года Бурятская АО — в Бурято-Монгольскую АССР. В июле 1924 г. была упразднена Горская АССР; на ее территории были образованы Северо-Осетинская и Ингушская Автономные области. Кроме уже существовавшей Черкесской АО в апреле 1928 г. была образована Черкесская АО в составе Ставропольского края. Создание автономии для одного из крупнейших народов Поволжья — мордвы — затруднилось сильным территориальным ее смешением с другими народами; лишь в июне 1928 г. был образован Мордовский национальный округ в составе Средне-Волжской области; в январе 1930 г. этот округ был преобразован в Автономную область, а последняя в декабре 1934 г. — в АССР; одновременно Удмуртская (Вотская) АО преобразована в Удмуртскую АССР, Калмыцкая АО в октябре 1935 г. преобразована в АССР. В Сибири в октябре 1930 г. была образована Хакасская АО в составе Красноярского края, а в мае 1934 г. — Еврейская АО в составе Хабаровского края.

Некоторые изменения произошли и в других республиках. В феврале 1923 г. в составе Азербайджанской ССР образована Нахичеванская АО, а в июле — АО Нагорного Карабаха, в феврале 1924 г. Нахичеванская АО преобразована в АССР. В феврале 1924 г. Белорусская ССР была укрупнена, ее территория увеличилась почти вдвое за счет присоединения соседних областей РСФСР, населенных главным образом белорусами. В октябре того же года в составе Украинской ССР была образована Молдавская АССР.

Наконец, в 1936 г. Казахская и Киргизская АССР были преобразованы в союзные республики, а Закавказская Федерация была упразднена; Грузинская, Армянская и Азербайджанская Социалистические республики стали непосредственно входить в состав СССР.

Следует сказать также о дальнейшем развитии в период после 1922 г. других форм национально-территориального устройства, в частности национальных округов. Такие округа создавались обычно для сравнительно небольших, ранее сильно отсталых в своем развитии народностей Севера (постановление ВЦИК от 1930 г.). Для компактных национальных групп, живущих среди

других народов, создавались национальные районы и национальные Советы. Всего за 10 лет существования СССР было создано 10 национальных округов, 250 национальных районов и 5300 национальных Советов¹³, что обеспечивало самым малочисленным народам и национальным группам возможность развивать свое хозяйство и культуру.

Переход от одной формы национально-государственного устройства к другой и прежде всего — преобразование автономных областей в автономные республики, а автономных — в союзные республики — отражал успешное развитие народов СССР, подъем их хозяйства и культуры. Происшедшие изменения в жизни советского общества получили свое законодательное закрепление в новой Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 г. на VIII Чрезвычайном съезде Советов. Конституция закрепила великие достижения ленинской национальной политики, приведшей к формированию государственности социалистических наций и их расцвету. Она зафиксировала новую структуру СССР, состоящую из 11 союзных¹⁴ и 20 автономных республик (в том числе 15 АССР в составе Российской Федерации).

Конституция СССР 1936 г. по сравнению с Конституцией 1924 г. внесла ряд изменений в компетенцию общесоюзных и республиканских органов власти; было несколько увеличено, в частности, число союзно-республиканских наркоматов, т. е. число предприятий и отраслей республиканского подчинения. Все это нашло свое отражение в разработанных и принятых в конце 1936 — начале 1937 г. конституциях союзных республик. Значительно возросла в некоторых сферах управления и компетенция Верховных Советов и Советов Министров автономных республик. Все это позволило республиканским органам власти улучшить управление хозяйственным и культурным развитием своих республик, создать дополнительные условия для быстреего развития ранее отсталых народов.

В новой Конституции СССР был более четко, чем прежде, разграничен статус различных национальных образований: суверенные союзные, а также автономные республики определялись как форма национальной государственности, автономные области и национальные округа — как административно-территориальные единицы, отличающиеся от обычных тем, что их аппарат управления был приспособлен к национальным особенностям проживающего там коренного населения.

Говоря об особо благоприятной обстановке для развития тех или иных национальностей внутри их республик или областей,

---

¹³ См.: С. И. Якубовская. Образование и развитие советского многонационального государства. М., 1966, стр. 31.

¹⁴ В это число входили: РСФСР, Украинская, Белорусская, Грузинская, Армянская, Азербайджанская, Казахская, Узбекская, Туркменская, Таджикская и Киргизская Советские Социалистические республики.

т. е. для поддержания и развития языка, укрепления самосознания и т. д., следует отметить видную роль в этом отношении различных национально-специализированных учреждений, особенно в области образования, культуры и системы общественных наук. Среди национально направленных мероприятий, проводимых этими учреждениями, необходимо назвать прежде всего преимущественное использование родного языка в школьном преподавании, а также в печати, радио и других средствах массовой информации, поддержание и развитие массового и профессионального национального искусства (песенно-танцевальные коллективы, национальная опера и балет и т. д.), поощрение традиционного ремесла, разработка и чтение курсов истории своего народа и республики, создание произведений, посвященных национальным героям, и устройства торжеств в честь их памяти и т. д. Возможности такой этноцентрализованной деятельности обычно растут с повышением национально-административного статуса: в государственных образованиях — в республиках — они, как правило, шире, чем в национальных областях и округах; в союзных республиках — шире, чем в автономных.

В последующие после принятия Конституции СССР годы национально-территориальные преобразования и изменение внутригосударственного статуса отдельных национальностей были в значительной степени связаны со сложными военными и политическими событиями 1939—1945 гг. Не останавливаясь на некоторых временных преобразованиях (например, превращении Карельской АССР в Карело-Финскую ССР и обратно; ликвидации, а затем восстановлении некоторых автономий Северного Кавказа и т. д.), отметим главное.

В октябре 1939 г. осуществилась вековая мечта украинского и белорусского народов: с УССР воссоединилась Западная Украина, с БССР — Западная Белоруссия, освобожденные Советской Армией. В июне 1940 г. с УССР была воссоединена Северная Буковина, а в июне 1945 г. — Закарпатская Украина. В 1940 г. в семью советских народов вошли латыши, литовцы и эстонцы, образовавшие три Прибалтийских советских республики. В том же году из Молдавской АССР и Бессарабии была создана Молдавская ССР. В октябре 1944 г. в состав СССР вошла Тувинская республика, на территории которой создана Автономная область, позже преобразованная в АССР.

В настоящее время кроме перечисленных выше 15 союзных и 20 автономных республик, национальный состав которых дается в табл. 1, в СССР имеются еще созданные по национальному признаку 8 автономных областей (АО) и 10 национальных округов (НО)¹⁵. Границы этих национальных образований обычно

¹⁵ В их число входят находящиеся в составе РСФСР — Адыгейская АО (Краснодарский край), Горно-Алтайская АО (Алтайский край), Еврейская АО (Хабаровский край), Карачаево-Черкесская АО (Ставропольский край), Хакасская АО (Красноярский край), Ачинский Бурятский НО (Чи-

охватывают основные районы расселения соответствующих народов. Однако в силу особенностей расселения народов СССР отдельные части их оказались вне созданных национальных республик, областей, округов. Так, в пределах РСФСР живет около 83% всех русских. В границах Украинской ССР на 1970 г. жило около 87% всех украинцев страны: значительные группы украинцев находятся в РСФСР (главным образом на Северном Кавказе и в смежных областях юга европейской части, а также на Урале и на юге Западной Сибири), в Казахстане (Целинном крае) и в соседних с Украинской ССР районах Молдавии. Из числа других территориально рассредоточенных народов, имеющих свои союзные республики, следует назвать казахов, значительная часть которых живет в соседних с Казахской ССР областях РСФСР и Узбекистане, таджиков, четвертая часть которых живет в Узбекистане и других республиках Средней Азии, и особенно армян, лишь около 62% которых живет в Армении, а остальные главным образом в соседних республиках — Грузии и Азербайджане, а также в некоторых областях РСФСР (см. табл. 2).

Народы, имеющие свои автономные республики, отличаются обычно еще большим территориальным рассредоточением. Это особенно характерно для народов Поволжья, давших значительное число переселенцев в другие районы страны. Лишь немногим более половины марийцев, чувашей и удмуртов находится в границах своих автономных республик. В пределах Мордовской АССР живет лишь около 29% всего мордовского населения страны, а в пределах Татарии — лишь около 26% всех татар (см. табл. 2); остальные группы мордвы и татар находятся в соседних областях и автономных республиках Поволжья, на юге Западной Сибири и в других районах страны.

Примерно такая же картина наблюдается у народов, имеющих свои автономные области и национальные округа. В большинстве таких национально-территориальных единиц находится свыше половины того или иного народа, однако есть и исключения. Так, например, лишь 13% эвенков, расселенных на необозримых просторах восточно-сибирской тайги, находится в пределах Эвенкийского национального округа.

Другой особенностью территориального размещения народов нашей многонациональной страны является то, что созданные в ней различные национально-территориальные образования сами, как

тинская обл.), Коми-Пермяцкий НО (Пермская обл.), Корякский НО (Камчатская обл.), Ненецкий НО (Архангельская обл.), Таймырский (Долгано-Ненецкий) НО (Красноярский край), Устье-Ордынский Бурятский НО (Иркутская обл.), Ханты-Мансийский НО (Тюменская обл.), Чукотский НО (Магаданская обл.), Эвенкийский НО (Красноярский край), Ямало-Ненецкий НО (Тюменская обл.), а также находящаяся в Грузии Юго-Осетинская АО, в Азербайджане — Нагорно-Карабахская АО, населенная преимущественно армянами, а в Таджикистане — Горно-Бадахшанская АО, где живут припамирские таджики.

правило, имеют сложный национальный состав населения. Это объясняется исторически сложившимся территориальным смешением народов СССР. Лишь три народа, в том числе крупнейший народ СССР — русские, а также армяне и белорусы составляют в пределах своих союзных республик свыше 80% населения (см. табл. 1), во всех других союзных республиках в настоящее время процент коренной национальности заметно ниже, а, например, казахи составляют менее трети населения Казахской ССР, уступая в ней по численности русским. Большие группы русских живут на Украине (главным образом в Донбассе и в причерноморских районах), в Казахстане (преимущественно в Целинном крае и в восточных областях), в Узбекистане и в других союзных республиках. Русские составляют значительный процент почти во всех автономных республиках, областях и национальных округах РСФСР. Лишь в двух автономных республиках — Нахичеванской и Чувашской — коренные национальности составляют большинство населения, во всех остальных они либо составляют относительное большинство, либо уступают по численности другим народам. Последний случай наиболее показателен для карел, составляющих лишь около 12% населения своей республики, и для абхазов, которые в своей республике уступают по численности трем другим народам — грузинам, русским и армянам. Такие же соотношения характерны и для некоторых национальных областей и округов.

За годы Советской власти в расселении народов СССР и этническом составе национально-территориальных единиц произошли существенные изменения. Эти изменения рассматриваются главным образом в главе «Изменения в расселении и урбанизация народов СССР...», здесь же отметим лишь, что во многих случаях они вели к увеличению пестроты национального состава республик и областей, к большему смешению национальностей. Некоторое представление об этих изменениях в пределах союзных и автономных республик дает таблица 1.

Следует отметить, что границы национальных образований в СССР в известной мере условны; они сами по себе не препятствуют миграциям людей, их перемещениям в пределы инациональных территорий, а такое территориальное смешение национальностей неизбежно ведет к развитию этнических процессов.

Т а б л и ц а 1. Национальный состав республик СССР* (по статусу на 1970 г., в границах соответствующих лет)

Республики	Годы переписей	Всего жителей (в тыс.)	Коренная национальность (в %)	Русские (в %)	Другие (в %)
РСФСР	1926	93 280	77,8	77,8	22,2
	1939	108 264	83,4	83,4	16,6
	1959	117 534	83,3	83,3	16,7
	1970	130 079	82,8	82,8	17,2
Украинская ССР	1926	28 446	80,6	9,2	10,2
	1939	31 785	73,5	12,9	13,6
	1959	41 869	76,8	16,9	6,3
	1970	47 126	74,9	19,4	5,7
Белорусская ССР	1926	4 983	80,6	7,7	11,7
	1939	5 569	82,9	6,5	10,6
	1959	8 055	81,1	8,2	10,7
	1970	9 002	81,0	10,4	8,6
Литовская ССР	1959	2 711	79,3	8,5	12,2
	1970	3 128	80,1	8,6	11,3
Латвийская ССР	1959	2 094	62,0	26,6	11,4
	1970	2 364	56,8	29,8	13,4
Эстонская ССР	1959	1 197	74,6	20,1	5,3
	1970	1 356	68,2	24,7	7,1
Молдавская ССР	1926	572	30,1	8,5	61,4
	1939	599	28,5	10,2	61,3
	1959	2 884	65,4	10,2	24,4
	1970	3 569	64,6	11,6	23,8
Грузинская ССР	1926	2 667	67,0	3,6	29,4
	1939	3 540	61,4	8,7	30,0
	1959	4 044	64,3	10,1	25,5
	1970	4 686	66,8	8,5	24,7
Армянская ССР	1926	881	84,4	2,2	13,4
	1939	1 282	82,8	4,0	13,2
	1959	1 763	88,0	3,2	8,8
	1970	2 492	88,6	2,7	8,7
Азербайджанская ССР	1926	2 315	62,1	9,5	28,4
	1939	3 205	58,4	16,5	25,1
	1959	3 698	67,5	13,6	18,9
	1970	5 117	73,8	10,0	16,2

* Таблица составлена по: «Всесоюзной переписи населения 1926 г.» Краткие сводки, вып. IV. «Народность и родной язык населения СССР». М., 1928; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР». Сводный том. М., 1962; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV. Национальный состав населения СССР», М., 1973.

Таблица 17 (продолжение)

Республики	Годы переписей	Всего жителей (в тыс.)	Коренная национальность (в %)	Русские (в %)	Другие (в %)
Казахская ССР	1926	6 503	57,1	19,7	23,2
	1939	6 094	38,2	40,3	21,5
	1959	9 310	30,0	42,7	27,3
	1970	13 008	32,6	42,4	25,0
Узбекская ССР	1926	4 446	74,2	21,6	4,2
	1939	6 271	64,4	11,5	24,1
	1959	8 106	62,2	13,5	24,3
	1970	11 799	65,5	12,5	22,8
Туркменская ССР	1926	900	70,2	8,2	21,6
	1939	1 252	59,2	18,6	22,2
	1959	1 516	60,9	17,3	21,8
	1970	2 159	65,6	14,5	19,9
Таджикская ССР	1926	827	74,6	0,7	24,7
	1939	1 484	59,6	9,1	31,3
	1959	1 980	53,1	13,3	33,6
	1970	2 900	56,2	11,9	31,9
Киргизская ССР	1926	993	66,6	11,7	21,7
	1939	1 458	51,7	20,8	27,5
	1959	2 066	40,5	30,2	29,3
	1970	2 933	43,8	29,2	27,0
Автономные республики РСФСР:					
Башкирская	1926	2 695	23,7	39,8	36,5
	1939	3 159	21,2	40,6	38,2
	1959	3 340	22,1	42,4	35,5
	1970	3 818	23,4	40,5	36,1
Бурятская	1926	491	43,8	52,7	5,5
	1939	546	21,3	72,0	6,7
	1959	673	20,2	74,6	5,2
	1970	812	22,0	73,5	4,5
Дагестанская (народности Дагестана)	1926	788	...	12,5	...
	1939	930	76,3	14,3	9,4
	1959	1 062	69,3	20,1	10,6
	1970	1 429	74,3	14,7	11,0
Кабардино-Балкарская (кабардинцы и балкарцы)	1926	204	76,3	7,5	16,2
	1939	359	53,7	35,9	10,4
	1959	420	53,4	38,7	7,9
	1970	588	53,7	37,2	9,1

Таблица 1 (продолжение)

Республики	Годы переписей	Всего жителей (в тыс.)	Коренная национальность (в %)	Русские (в %)	Другие (в %)
Калмыцкая	1926	142	75,6	10,7	13,7
	1939	221	48,6	45,7	5,7
	1959	185	35,1	55,9	9,0
	1970	268	41,1	45,8	15,1
Карельская	1926	270	37,4	57,1	5,5
	1939	469	23,2	63,2	15,6
	1959	651	13,1	63,4	25,5
	1970	713	11,8	68,1	20,1
Коми	1926	207	92,2	6,6	1,2
	1939	319	72,5	22,0	5,5
	1959	815	30,1	48,6	21,3
	1970	965	28,6	53,1	18,3
Марийская	1926	482	51,4	43,6	5,0
	1939	580	47,2	46,1	6,7
	1959	648	43,1	47,8	9,1
	1970	685	43,7	46,9	18,4
Мордовская	1939	1188	34,1	60,5	5,4
	1959	1000	35,7	59,1	5,2
	1970	1029	35,4	58,9	5,7
Северо-Осетинская	1926	152	84,2	6,6	9,2
	1939	329	50,3	37,2	12,5
	1959	451	47,8	39,6	12,6
	1970	553	48,7	36,6	14,7
Татарская	1926	2594	44,9	43,1	12,0
	1939	2915	48,8	42,9	8,3
	1959	2850	47,2	43,9	8,9
	1970	3131	49,1	42,4	8,5
Тувинская	1959	172	57,0	40,1	2,9
	1970	231	58,6	38,3	3,1
Удмуртская	1926	756	52,3	43,3	4,4
	1939	1219	39,4	55,7	4,9
	1959	1337	35,6	56,8	7,6
	1970	1418	34,2	57,1	8,7

Таблица 1 (окончание)

Республики	Годы переписей	Всего жителей (в тыс.)	Коренная национальность (в %)	Русские (в %)	Другие (в %)
Чечено-Ингушская (чеченцы и ингуши)	1926	385	93,8	2,6	3,6
	1939	697	64,8	28,8	6,4
	1959	710	44,1	49,0	9,9
	1970	1064	58,5	34,5	7,0
Чувашская	1926	894	74,6	20,0	5,4
	1939	1077	72,2	22,4	5,4
	1959	1098	70,2	24,0	5,8
	1970	1224	70,0	24,5	5,5
Якутская	1926	289	81,6	10,4	8,0
	1939	413	56,5	35,5	8,0
	1959	487	46,4	44,2	9,4
	1970	664	43,0	47,3	9,7
Грузинская ССР:					
Абхазская	1926	201	27,8	6,2	66,0
	1939	312	18,0	19,3	62,7
	1959	405	15,1	21,4	63,5
	1970	487	15,9	19,1	65,0
Аджарская	1926	132	53,7	7,7	38,6
	1939 *	200	63,7	15,2	21,1
	1959 *	245	72,8	13,4	13,8
	1970 *	310	76,5	11,5	12,0
Азербайджанская ССР:					
Нахичеванская (азербайджанцы)	1926	105	84,3	1,8	13,9
	1939	127	85,6	2,0	12,4
	1959	141	90,2	2,2	7,6
	1970	202	93,8	1,9	4,3
Узбекская ССР:					
Каракалпакская	1939	470	33,8	5,3	60,9
	1959	510	30,6	4,5	64,9
	1970	702	31,0	3,6	65,4

* В переписи 1939 г. и последующих аджарцы причислили себя к грузинам.

Т а б л и ц а 2. Численность народов, живущих в своих союзных и автономных республиках (в % от всего народа, живущего в СССР)

Национальность	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.
Русские	93,4	90,7	85,8	83,5
Украинцы	73,5	83,1	86,3	86,6
Белорусы	84,8	87,5	82,5	80,5
Литовцы	—	—	92,5	94,1
Латыши	—	—	92,7	93,8
Эстонцы	—	—	90,3	91,9
Молдаване	61,8	65,7	85,2	85,4
Грузины	98,1	96,6	96,6	96,5
Армяне	47,4	49,3	55,7	62,0
Азербайджанцы	84,3	82,2	84,9	86,2
Казахи	93,6	75,1	77,2	78,5
Узбеки	84,5	84,2	83,8	84,1
Туркмены	82,7	91,3	92,2	92,9
Таджики	63,0	71,9	75,2	76,3
Киргизы	86,7	85,3	86,4	88,5
Татары	39,9	33,0	27,1	25,9
Башкиры	87,7	79,6	75,2	72,0
Чуваши	59,8	56,7	52,4	50,5
Мордва	—	27,8	27,9	28,9
Марийцы	57,9	56,7	55,4	49,9
Удмурты	78,5	79,2	76,4	68,8
Коми	50,9	54,8	56,9	58,1
Карелы	40,6	43,0	51,1	57,5
Калмыки	81,1	79,8	61,2	80,2
Буряты	90,5	51,8	53,7	56,8
Якуты	98,0	96,4	95,3	96,6
Народы Дагестана	...	...	78,0	77,7
Кабардинцы	87,5	82,0	93,5	94,6
Балкарцы	99,7	95,6	80,4	85,0
Осетины	47,1	46,7	52,2	55,1
Чечены	92,3	90,3	58,3	83,0
Ингуши	94,3	91,0	45,6	72,1
Абхазы	98,1	95,2	93,6	92,8
Каракалпаки	—	85,4	90,4	92,2
Тувинцы	—	—	97,9	97,0

Примечание. Для народов, имеющих несколько национально-территориальных образований (например, армяне — Армянская ССР и Нагорно-Карабахская АО; буряты — Бурятская АССР и Ачинский и Усть-Ордынский НО), учитывалась лишь основная республика, так как за ее пределами этнические условия существенно иные.

Глава V. Социально-экономические условия развития этнических процессов в СССР

---

1. Социально-экономические предпосылки и факторы этнических процессов в СССР

Строительство социализма явилось одним из важнейших факторов, оказавших влияние на этнические процессы, протекавшие в нашей стране. Общественная собственность на средства производства, социалистические производственные отношения послужили основной предпосылкой окончательного преодоления былого неравенства наций и народностей нашей страны и их постепенного сближения. Буквально сразу же после победы Октябрьской революции одной из главных задач, поставленных Коммунистической партией и Советским правительством, было преодоление в кратчайшие исторические сроки существенных различий в уровнях экономического развития отдельных национальных районов страны, так как без этого невозможно было обеспечить фактическое равенство наций.

В первые годы после революции для нашей страны в целом, как уже отмечалось выше, в главе III, были характерны унаследованные от царской России отсталость и многоукладность хозяйства. «...что мы наблюдаем в России с точки зрения действительных экономических отношений? — писал В. И. Ленин. — Мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков, и, считая снизу доверху, они оказываются следующими: первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом, или полукочевом, а таких у нас сколько угодно; второе — мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье — капиталистическое, — это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала; четвертое — государственный капитализм и пятое — социализм»¹.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158.

Наиболее отсталыми в социально-экономическом отношении были охотники и оленеводы Севера (ненцы, эвенки, кеты, чукчи и др.), а также кочевые и полукочевые скотоводческие народы (калмыки, туркмены, казахи, киргизы, алтайцы, буряты и др.), населявшие огромные степные просторы страны от берегов Волги до Южной Сибири, горцы Кавказа и многие другие. В резолюции X съезда РКП(б) по национальному вопросу, принятой при участии В. И. Ленина, отмечалось, в частности, следующее: «Если из 65 млн. невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, часть Азербайджана, Армению, прошедшие в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 миллионов, по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не вполне еще ушедших дальше полупатриархально-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития»².

Ленинская национальная политика предусматривала переход при помощи прежде всего русского рабочего класса отсталых народов окраин России от патриархально-родовых, патриархально-феодальных и слабо развитых капиталистических отношений к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, ликвидацию их экономической отсталости и установление фактического национального равенства.

Целый ряд важнейших экономических мер, направленных на преодоление последствий прежней политики царской России в отношении отсталых народов ее национальных окраин, был осуществлен сразу же после победы Советской власти. Уже в период гражданской войны и непосредственно после нее основную роль в оказании экономической помощи национальным районам играл русский пролетариат, трудящиеся РСФСР, несмотря на то что сами испытывали тогда невероятные экономические трудности и лишения. Так, например, в голодном 1921 г. СНК РСФСР выделил 5,5 млн. рублей для снабжения предприятий Белоруссии сырьем и оборудованием, а Наркомпрод РСФСР направил трудящимся Белоруссии 9 тыс. пудов хлеба и другие продукты³. Значительная экономическая помощь была оказана уже в те годы Украине, народам Средней Азии, Закавказья. «Такая помощь, готовность идти на огромные усилия и, скажем прямо, на жертвы во имя преодоления отсталости национальных окраин, их ускоренного развития

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. М., 1970, стр. 252.

³ «История Белорусской ССР», т. II. Минск, 1961, стр. 194.

были завещаны пролетариату России Лениным как высокий интернациональный долг, — отмечал Л. И. Брежнев. — И русский рабочий класс, русский народ этот долг с честью выполнили. По существу это был славный подвиг целого класса, целого народа, совершенный во имя интернационализма. И его, этот подвиг, никогда не забудут все народы нашей Родины»⁴.

Но к основным мероприятиям, направленным на преодоление прежней отсталости национальных республик, на ликвидацию существенных различий в их экономическом развитии, удалось приступить лишь после окончания гражданской войны и завершения восстановительного периода.

Огромное значение для решения этой очень важной задачи имело, как уже говорилось выше, объединение в 1922 г. всех Советских республик в единый союз, создание единого многонационального социалистического государства. Социалистический федерализм обеспечивал действительно прочный союз равноправных народов в масштабах всего Советского государства, создавал наилучшие условия и для их собственного развития, и для созидания социалистического общества, и для решения более трудной и глубокой задачи фактического равенства наций⁵.

С образованием Союза Советских Социалистических Республик создавалась возможность объединить и планомерно использовать под руководством общесоюзного государства все имеющиеся средства и ресурсы Советских республик не только для их наиболее быстрого хозяйственного и социально-культурного развития, но и для преодоления их экономического неравенства. Экономика всей страны становится единым органическим целым, развивающимся по единому плану, на основе которого устанавливались соответствующее разделение труда между союзными республиками, общие нормы планомерного пропорционального развития социалистического хозяйства СССР. Но на пути выравнивания экономического развития союзных республик в первые годы после образования СССР стояли еще очень большие трудности. Страна только начинала выходить из состояния послевоенной разрухи и голода, экономика национальных окраин страны носила еще ярко выраженный аграрный характер. Если по СССР в целом, по данным переписи 1926 г., подавляющая часть населения (86,7%)⁶ была занята в сельском хозяйстве, то в отдельных республиках этот процент был еще выше. Так, среди трудящихся («активная» часть населения, по терминологии переписи) Туркмении вне сельского хозяйства было всего 10,6%,

⁴ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, стр. 26.

⁵ Б. Н. Пономарев. Образование СССР и его историческое значение. «Вестник АН СССР», 1973, № 1, стр. 27—28.

⁶ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.». Краткие сводки, вып. X. Население Союза ССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства». М., 1929, стр. 17.

в Казахстане — 6,4, в Киргизии — 6,2% ⁷. Причем в большинстве республик (за исключением Украины и Азербайджанской ССР) в кустарно-ремесленном производстве было занято значительно больше людей, чем в фабрично-заводском ⁸.

Помощь, оказываемая важнейшими промышленными районами страны в индустриализации ее отсталых районов, являлась характерной чертой всего процесса социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. Огромные капиталовложения в промышленность ранее отсталых республик обеспечивались не столько их собственными ресурсами, сколько средствами, выделяемыми из общесоюзного бюджета в результате территориального перераспределения национального дохода. Именно за счет передовых, наиболее развитых в промышленном отношении областей страны происходило в годы довоенных пятилеток ускоренное развитие промышленности и всей экономики Казахстана, Средней Азии, Кавказа, подтягивание этих отсталых регионов к уровню центральных областей. Помощь национальным окраинам после образования СССР, отмечал Л. И. Брежнев, «...приняла форму последовательного и всестороннего курса общесоюзной хозяйственной политики. Достаточно сказать, что бюджеты ряда союзных республик в течение многих лет покрывались в своей расходной части главным образом за счет дотаций из общесоюзного бюджета. Например, в 1924—1925 годах доля собственных доходов Туркменской ССР в ее бюджете составляла лишь немногим более 10 процентов. Даже такая крупная республика, как Украина, покрывала тогда за собственный счет менее 40 процентов расходной части своего бюджета.

Население республик и районов, паходившихся в наиболее тяжелом материальном положении, в течение многих лет полностью или частично освобождалось от сельскохозяйственных и общегражданских налогов. В то же время закупочные цены на сельскохозяйственные продукты устанавливались на таком уровне, чтобы содействовать развитию хозяйства ранее отсталых районов» ⁹.

Стараясь подтягивать наиболее отсталые в промышленном отношении республики до среднего уровня развития страны, Советское государство вместе с тем при распределении в годы первых пятилеток финансовых ресурсов не могло не считаться с экономической эффективностью капиталовложений в промышленность различных районов страны. Стремясь к скорейшему подъему экономики СССР, Советское государство должно было в первый период индустриализации опираться главным образом на наиболее

---

⁷ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.» Краткие сводки, вып. X, стр. 47, 49, 85. Согласно указанной переписи, из 147 млн. жителей СССР активная часть населения (занятая в сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, учреждениях и др.) составляла 82,7 млн.

⁸ «Всесоюзная перепись населения. 1926 г.» Краткие сводки, вып. X.

⁹ Л. И. Брежнев. Указ. соч., стр. 27—28.

развитые в промышленном отношении районы страны, чтобы с их помощью перестроить экономику отсталых районов, поэтому крупные капиталовложения приходилось делать в первую очередь в такие отрасли промышленности, которые имели всесоюзное значение.

В начальный период индустриализации основные капиталовложения были направлены в промышленные районы России, Украины и Азербайджана. Так, например, на долю Украины приходилось 18,6% всех капиталовложений, сделанных в промышленность СССР до начала первой пятилетки, и 20,6% общесоюзных капиталовложений первой пятилетки. Затем доля Украины в общей сумме капиталовложений в промышленность СССР стала снижаться, составив в годы третьей пятилетки — 14,9%.

Одновременно во второй и третьей пятилетках увеличивалась доля Белоруссии, Казахстана, республик Закавказья и Средней Азии¹⁰.

В период довоенных пятилеток больший объем капиталовложений в промышленность Азербайджана по сравнению, например, с Грузией и Арменией нельзя рассматривать как какую-то привилегию Азербайджану, так как развитие азербайджанской нефтяной промышленности (а именно в нее тогда и делались большие капиталовложения) обеспечивало промышленное развитие всех других районов СССР, в том числе Грузии и Армении. Точно так же капиталовложения в период довоенных пятилеток в промышленность Украины и РСФСР имели важное значение не только для подъема экономики этих республик, но и всего Советского Союза.

В этом сказывалось преимущество единого пластового хозяйства республик Советского Союза, возможно лишь в условиях социалистической системы производства.

Коммунистическая партия и Советское правительство, разрабатывая планы пятилеток, неуклонно проводили в жизнь курс на ускоренный подъем экономики национальных республик. В директивах XV съезда ВКП(б) по составлению первого пятилетнего плана народного хозяйства устанавливалось, что «пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам подъема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры, исходя из увязки нужд и потребностей этих районов с нуждами и потребностями Союза»¹¹. Успешная индустриализация всей страны имела огромное значение для построения социализма в СССР.

¹⁰ «Капитальное строительство в СССР». М., 1961, стр. 110—111.

¹¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 4, стр. 45.

Социалистическая индустриализация союзных республик была направлена на преодоление не только их прежней экономической отсталости, но и против одностороннего развития их хозяйства. Одной из главных целей индустриализации было преодоление того существенного разрыва, который образовался в дореволюционный период в национальных районах между отраслями промышленности, производящими средства производства и средства потребления.

Формирование в союзных республиках новой, многоотраслевой и лучше отвечающей потребностям местного населения структуры промышленности позволило отказаться от привоза ряда промышленных изделий из центральных и других отдаленных от данной республики районов страны. Рациональное территориальное размещение различных отраслей промышленности, планомерно осуществлявшееся в годы довоенных пятилеток, способствовало максимальному использованию местных сырьевых ресурсов, более равномерному распределению предприятий тяжелой, легкой и пищевой промышленности, что обеспечивало всестороннее развитие экономики союзных республик¹².

Об огромном росте продукции промышленного производства в ранее отсталых национальных республиках страны свидетельствуют следующие цифры.

За период с 1922 по 1972 г. промышленное производство возросло в Таджикистане в 513 раз, в Армении — в 527 раз, в Туркмении — в 136 раз, в Узбекистане — в 239 раз, в Казахстане — в 601 раз, в Киргизии — в 412 раз¹³.

Вместе с тем в условиях планомерного разделения труда, специализации и кооперирования промышленности не было необходимости развивать в каждой республике на одинаковом уровне все отрасли народного хозяйства, в особенности учитывая то, что в отдельных республиках отсутствовали для этого необходимые природные ресурсы и экономические предпосылки. Еще Ф. Энгельс справедливо подчеркивал, что «между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью»¹⁴.

В процессе развития производительных сил всех республик страны важную роль сыграло и экономическое районирование, ко-

¹² См., например: В. С. Лельчук. Историография социалистической индустриализации национальных республик СССР. «История СССР», 1966, № 3, стр. 81—102; Ю. Ф. Воробьев. Выравнивание уровней экономического развития союзных республик. М., 1965; «Основные закономерности построения социалистической экономики». М., 1967, стр. 305—335; В. Рутгайзер. Торжество ленинской национальной политики в экономическом строительстве. «Коммунист», 1968, № 18, стр. 24—35; М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972 и др.

¹³ По данным сб.: «Народное хозяйство СССР. 1922—1972». М., 1972.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 5—6.

торое начали осуществлять еще в 20-е годы в связи с национальным строительством¹⁵.

В ходе индустриализации рос рабочий класс в среде коренного населения национальных республик. Очень важно, что этот рост был не только численным, но и качественным, причем нельзя не отметить, что в некоторых национальных районах в годы индустриализации сложение рабочего класса по существу только началось. Большинство рабочих получало профессиональную подготовку в своих национальных республиках. Значительная часть из них под руководством квалифицированных специалистов осваивала профессии непосредственно на заводах и новостройках. В то же время сотни и тысячи представителей ранее отсталых народов получили специальности инженеров и техников, квалифицированных рабочих в учебных заведениях центральных районов страны — Москве, Ленинграде и других городах, чтобы затем активно участвовать в индустриализации своих республик. Создание национальных кадров рабочего класса было важным фактором этнических процессов в СССР. При этом следует особенно подчеркнуть то очень важное обстоятельство, что количественное и качественное развитие рабочего класса в среде коренного населения национальных республик, связанного тесными социальными и производственными узами с рабочими других национальностей, решало двуединую задачу — собственного национального развития и укрепления дружбы всех советских народов¹⁶.

Формирование рабочего класса большинства национальных республик в процессе развития промышленности шло как формирование не однонационального, а многонационального рабочего класса. Это объясняется тем, что индустриализация национальных республик требовала не только крупных капиталовложений из бюджета страны, поставок разнообразного оборудования, развития транспорта и связи, но и направления на новостройки квалифицированных рабочих, инженеров, техников и других специалистов. Эти кадры рабочих и специалистов состояли главным образом из русских, украинцев и представителей других сравнительно развитых в экономическом отношении народов страны, оказавших братскую помощь населению национальных окраин в развитии их экономики и культуры.

Когда отдельные промышленные стройки в республиках завершались, многие рабочие, инженеры и техники, приехавшие из более развитых районов страны, оставались трудиться на этих предприятиях, становясь постоянными жителями инонациональных для них районов. В связи с этим в новых индустриаль-

---

¹⁵ Подробнее см.: *В. Кистанов*. Ленинская национальная политика и экономическое районирование СССР. «Вопросы экономики», 1972, № 12, стр. 56—65.

¹⁶ *Б. Н. Пономарев*. Указ. соч., стр. 28.

ных центрах союзных республик население имело сложный национальный состав.

Многонациональность рабочего класса в ряде национальных республик страны также является существенным фактором этнических процессов, протекающих в этих республиках. Совместный труд рабочих разных национальностей, объединенных социальными и производственными узами, усиливал интернациональный дух, содействовал тесным связям рабочего класса всех республик страны.

Следует сказать, что приток инонационального населения в отдельные республики Советского Востока, Сибирь был связан также с крупными преобразованиями в сельском хозяйстве, в частности с освоением целинных и залежных земель. Так, например, в широком освоении казахстанской целины, начавшемся в 1954 г., участвовали многие тысячи русских, украинцев и представителей других национальностей нашей Родины. В результате притока в Казахскую ССР нового населения из других республик, обусловленного главным образом экономическими факторами (индустриализация, освоение целины и др.), ныне большинство всех трудящихся Казахстана составляют лица не казахского происхождения¹⁷.

В ходе индустриализации быстрыми темпами возрастало число рабочих, занятых в крупной промышленности национальных республик. Проводились важные мероприятия, направленные на формирование квалифицированных рабочих кадров из коренного населения союзных республик. Если до начала индустриализации в Белоруссии, Казахстане, республиках Закавказья и Средней Азии большая часть рабочих была занята в мелкой, технически крайне отсталой промышленности, то теперь в результате осуществления индустриализации страны основная часть рабочего класса этих республик состояла уже из рабочих крупной промышленности, оснащенной передовой техникой¹⁸.

Индустриализация национальных республик способствовала вовлечению женщин в промышленное производство. Особенно важное, прогрессивное значение этот процесс имел для женщин Советского Востока, где пережитки патриархально-феодалного быта, адата и шариата чрезвычайно тормозили их раскрепощение. Вовлечение женщин в производство явилось одним из самых эффективных факторов проводимой партией политики их уравнивания в правах с мужчинами. Уже в годы первых пятилеток был достигнут значительный успех в формировании в национальных республиках женских кадров рабочего класса. Так, например, в результате этого число женщин, занятых в промышленности Туркменской ССР, повысилось с 1922 по 1971 г. с 4 тыс. до 200 тыс. че-

¹⁷ По данным переписи 1970 г. казахи составляют в республике 32,6% всего населения (см. стр. 99 данной работы).

¹⁸ Подробнее см.: *М. И. Куличенко. Указ. соч., стр. 447—449.*

людей, т. е. увеличилось в общей численности рабочих и служащих с 12 до 40%, в Азербайджанской ССР соответственно — с 17 тыс. до 538 тыс. (с 14 до 41%), в Казахстане — с 18 тыс. до 2 292 тыс. (с 15 до 47%), в Таджикской ССР — с 0,8 тыс. до 238 тыс. (с 5 до 38%), в Киргизской ССР — с 2 тыс. до 388 тыс. (с 11 до 48%)¹⁹.

Число рабочих и служащих, занятых в промышленном производстве союзных республик, непрерывно растет (см. табл. 1).

Вместе с социально-экономическим развитием национальных республик, их индустриализацией быстро расширялись и переустраивались старые города, вырастали многие новые города — промышленные центры. Рост городов, усиление различных экономических и культурных связей сельских жителей с городом способствовали процессам урбанизации в республиках.

Буржуазная пропаганда, пытаясь умалить достижения советского общественного строя, нередко утверждает, что успешное экономическое развитие национальных районов Советского Востока не связано с социалистической природой нашего общества. Однако достаточно сравнить уровни социально-экономического развития республик Кавказа и Средней Азии с соседними с ними странами зарубежного Востока, чтобы убедиться в ошибочности утверждений такого рода²⁰. Не случайно опыт экономического развития народов Советского Востока привлекает к себе внимание освободившихся стран.

Важнейшее значение для социалистического строительства в нашей стране имели аграрные преобразования, начавшиеся после победы Октябрьской революции и завершившиеся массовой коллективизацией, победой колхозного строя. Коллективизация сельского хозяйства позволила ликвидировать кулачество, перевела на путь общественного, социалистического хозяйства крестьянство страны, создала базу для всестороннего подъема самого отсталого в царской России сельскохозяйственного производства. Социалистические преобразования в сельском хозяйстве сыграли важную роль в этнических процессах в нашей стране.

Аграрные преобразования в национальных республиках Советского Востока имели ряд особенностей. Еще в ходе Октябрьской революции и гражданской войны здесь были конфискованы земли царской фамилии, чиновников и наиболее крупных феодалов, промышленных и торговых фирм.

После окончания гражданской войны в результате проведенных социально-экономических мероприятий, в частности земель-

¹⁹ По данным сб. «Народное хозяйство СССР. 1922—1972».

²⁰ См., например: *Д. Крихели*. Против фальсификации национальной политики КПСС. М., 1964; *К. Сабиров*. Таджикская социалистическая нация — детище Октября. Душанбе, 1967; *О. Б. Джамалов*, *И. Б. Блиндер*, *А. У. Ульмасов*, *В. К. Живаев*, *К. Ю. Юсупов*. Экономические закономерности и преимущества некапиталистического пути развития. По материалам Узбекистана. Ташкент, 1967; *И. Андреев*. Опыт республик Советского Востока и развитие освободившихся стран. «Вопросы экономики», 1972, № 12, стр. 95—108.

Таблица 1. Рост численности рабочих и служащих промышленности союзных республик, в тыс. (промышленно-производственный персонал)*

Союзные республики	1926 год	1940 год	1965 год	1971 год
РСФСР	2609	9025	18082	20403
Украинская	750	2613,6	5047	6143
Белорусская	61	394	781	1070
Узбекская	22	181	492	598
Казахская	23	178	849	1075
Грузинская	22	130	330	388
Азербайджанская	58	139	281	309
Литовская	—	57	313	424
Молдавская	1,9	22,8	185	272
Латвийская	—	113,6	347	400
Киргизская	2,4	36	150	212
Таджикская	1,5	31	104,5	134
Армянская	8	44	199	282
Туркменская	5	41	80	93
Эстонская	—	73	207	227

* Таблица составлена по сб.: «Народное хозяйство СССР. 1922—1972».

но-водной реформы 1921—1922 гг., коренному населению были возвращены отнятые у него земли, уничтожены привилегии русских кулаков-переселенцев, устранено национальное неравноправие в землевладении.

В дальнейшем (1925—1928 гг.) аграрные преобразования имели антифеодальную и в определенной мере антикапиталистическую направленность (ликвидация части кулацких хозяйств). Эти преобразования различались по форме в отдельных районах. В Средней Азии и Дагестане они затронули прежде всего земельно-водные отношения, в Казахстане, Калмыкии и некоторых других районах с кочевым или полукочевым населением были проведены также важные реформы в скотоводческом хозяйстве, в Сибири — преимущественно земельные реформы, а у народов Севера — работы по первоначальному землеводоустройству, предусматривавшие закрепление за коренным населением соответствующих охотничьих, пастбищных и других угодий. В Туркмении, например, в результате аграрных преобразований свыше 33 тыс. безземельных и малоземельных крестьян получили землю²¹.

²¹ И. С. Воблый. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за проведение земельно-водной реформы в Туркмении (1925—1928). М., 1954; В. П. Данилов. Аграрные реформы 20-х годов в республиках Советского Востока. «Народы Азии и Африки», 1972. № 6.

Аграрные реформы сыграли очень важную роль в подготовке перехода народов Советского Востока от преимущественно докапиталистических форм социальной структуры и быта к социализму, минуя капиталистические отношения.

В социалистическом преобразовании сельского хозяйства решающее значение имела его коллективизация. Хотя кооперирование крестьянских хозяйств велось еще в первые годы Советской власти, к началу первой пятилетки в сельском хозяйстве страны продолжали преобладать мелкие единоличные крестьянские хозяйства (свыше 25 млн. хозяйств). Исходя из ленинского кооперативного плана, XV съезд партии (декабрь 1927 г.) взял курс на всемерное развертывание коллективизации сельского хозяйства. В стране развернулась пропаганда идей коллективизации крестьянских хозяйств и организации колхозов²². В результате массовой коллективизации, начавшейся в стране в конце 1929 г., уже к середине 1932 г. было коллективизировано 61,5% хозяйств.

Наряду с центральными районами сравнительно быстрыми темпами прошла коллективизация на Украине, в Белоруссии, в ряде национальных районов Северного Кавказа.

Несколько иначе шел процесс коллективизации у кочевых и полукочевых скотоводческих народов степной и горно-степной зоны страны, а также на Севере. К началу массовой коллективизации на территории Северного Кавказа, Южного Поволжья, Средней Азии, Казахстана, Сибири кочевой и полукочевой образ жизни продолжал бытовать у значительной части ногайцев, калмыков, башкир, туркмен, киргизов, казахов, алтайцев, бурят, а также эвенков и некоторых других народов Севера.

У многих из этих народов еще в начале 20-х годов, как отмечалось выше, сохранялись докапиталистические формы социальной структуры. Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в ноябре 1929 г., в своей резолюции специально подчеркивал большие особенности и особую сложность условий, в которых происходит социалистическая реконструкция сельского хозяйства в некоторых национальных областях и республиках, где развертывание коллективизации и строительства совхозов связано с ликвидацией остатков феодально-родового уклада^{22а}.

Среди большей части кочевых и полукочевых населения массовая коллективизация началась позднее, чем среди оседлых хозяйств, — в 1930 г. Одновременно с коллективизацией кочевников шел процесс их массового оседания. Государство оказало большую помощь населению национальных районов, переходивших на

---

²² Подробнее см.: С. П. Трапезников. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1967.

^{22а} «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 4, стр. 358.

оседлость, в организации поселков, землеустройстве, строительстве домов, хозяйственных помещений и др.²³

Если в прошлом оседание у значительной части кочевников было главным образом результатом их разорения и потери скота, причем оседание шло нередко среди этнически чуждого населения, то в процессе коллективизации оседание было следствием не разрушения, а коренного переустройства скотоводческого или промыслового хозяйства, превращения его в многоотраслевое современное колхозное производство.

Несмотря на определенные трудности, к 1935 г. на оседлый образ жизни перешло подавляющее большинство кочевых и полукочевых хозяйств страны, а в течение ряда последующих лет процесс перехода на оседлость почти полностью завершился²⁴.

При организации колхозов у кочевого и полукочевого населения приходилось учитывать традиционный родовой принцип их расселения. В результате нередко и сам колхоз и жители одного колхозного поселка были представлены одной-двумя родо-племенными группами. Это было в известной мере исторически оправдано. Попытки некоторых руководящих организаций на местах создавать колхозы исключительно на базе родов и племен были оценены как ошибочные, наносящие вред колхозному строительству. В процессе коллективизации старые общественные отношения, в том числе и родовые, разрушались, их сменяли новые социалистические социально-экономические связи.

У народов Севера массовая коллективизация, начавшаяся в 1932—1933 гг., протекала более медленно, хотя и здесь почти у всех народов она охватила большую часть хозяйств уже к 1940 г., причем первоначально создавались простейшие формы колхозов, нередко на базе традиционных производственных объединений по выпасу оленей, охоте и др.²⁵

В результате оседания не только возникали новые возможности развития социалистического хозяйства и культуры бывших кочевников, но и происходили существенные этнокультурные изменения. У бывших кочевников, экономически и территориально

---

²³ О коллективизации и переходе на оседлость кочевого и полукочевого населения СССР подробнее см.: «О закономерностях перехода народов ранее отсталых стран к социализму (на примере казахского народа)». Алма-Ата, 1961; «Минова капитализм (о переходе к социализму республик Средней Азии и Казахстана)». М., 1961; В. А. Демидов. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1968 и др.

²⁴ Лишь в Туве, вошедшей в состав СССР в 1944 г., коллективизация кочевых и полукочевых хозяйств и их переход на оседлость завершились в начале 1950-х годов (см.: «История Тувы», т. II, М., 1964, стр. 257—265); О влиянии коллективизации на этнические процессы у тувинцев см.: Н. А. Сердобов. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971, стр. 333 и сл.

²⁵ Подробнее см.: М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М., 1955; В. Н. Увачан. Переход к социализму малых народов Севера. М., 1958; «Осуществление ленинской национальной политики на Крайнем Севере». М., 1971.

разобщенных в прошлом, а теперь объединенных единой социалистической экономикой колхоза и совместной жизнью в поселке, формировались новые тесные этнокультурные связи. Колхозные поселки с преобладанием однородной в этническом отношении среды стали важными ячейками национальной консолидации бывших кочевников.

Благодаря переходу на оседлость, лучшей организации колхозного производства и его механизации постепенно высвободилась часть рабочей силы, занятой раньше почти исключительно в скотоводстве. В результате десятки тысяч бывших кочевников переселились в города и начали трудиться в промышленности, что не только имело большое социально-экономическое значение, но и оказало существенное влияние на этнические процессы.

Успешное осуществление в национальных районах ленинского кооперативного плана имело важнейшее значение в ликвидации их экономической, социальной и культурной отсталости. Коллективизация привела к окончательной ликвидации многоукладности сельского хозяйства и полной победе социалистического способа производства в деревне. В результате коллективизации неуклонно растет благосостояние трудового крестьянства, составляющего подавляющее большинство населения национальных республик. Были подорваны все социальные основы старого быта, который особенно стойко держался в деревне.

Если к концу первой пятилетки в СССР был создан фундамент социалистической экономики, то ко второй половине 30-х годов уже было в основном построено социалистическое общество. Победу социализма в нашей стране зафиксировала Конституция СССР (1936 г.). В результате построения социализма в СССР нации и народности стали социалистическими не только по своему государственно-правовому статусу, но и по своим социально-экономическим параметрам.

Индустриализация и коллективизация в нашей стране, победа социалистических производственных отношений во всех отраслях народного хозяйства позволили Коммунистической партии СССР поставить перед страной задачу завершения строительства социалистического общества, к осуществлению которой народы СССР и приступили в годы третьей пятилетки. Однако мирный труд советских людей был прерван вероломным нападением гитлеровской Германии. Война нанесла огромный ущерб нашей стране, особенно пострадали те республики, территории которых были временно захвачены оккупантами. Погибло свыше 20 млн. людей, были разрушены и разграблены десятки тысяч населенных пунктов и городов. Гитлеровцы считали, что дружба народов нашей страны окажется непрочной, что наше многонациональное государство не выдержит испытаний войны. Великая Отечественная война показала несостоятельность расчетов немецко-фашистских идеологов, она продемонстрировала всему миру несокрушимую дружбу народов нашей страны, их монолитную сплоченность.

Война задержала, но не остановила дальнейшее развитие социалистического общества в СССР. Трудящиеся всех союзных республик вносили свой вклад в перестройку экономики страны на военные рельсы, в обеспечение победы. В послевоенные годы страна залечила раны, нанесенные войной, и быстрыми темпами развивала дальше свою социалистическую экономику, добившись в этом огромных успехов. Темпы роста национального дохода в нашей стране гораздо выше, чем в наиболее экономически развитых капиталистических странах. Так, с 1951 по 1972 г. национальный доход в СССР возрос в 5,8 раза, тогда как в Англии — в 1,7 раза, в США — в 2 раза, во Франции и Италии — в 3 раза, в ФРГ — в 3,5 раза²⁶.

Социально-экономические успехи, достигнутые в период послевоенного развития страны, привели к утверждению в Советском Союзе развитого социалистического общества²⁷. Как отметил XXI съезд КПСС (1959 г.), достижения советских народов и международные изменения обусловили окончательную победу социализма в СССР. Именно закрепление победы социализма как нового общественного строя явилось необходимой предпосылкой для утверждения развитого социалистического строя в СССР.

Развитое социалистическое общество — это целостная система общественных связей и отношений, предполагающих быстрый рост производства и всестороннее развитие самих людей, создание широких возможностей для еще более значительного подъема их благосостояния и культуры^{27а}.

Для создания развитого социалистического общества и его дальнейшего совершенствования большое значение имело успешное выполнение народнохозяйственных планов, в результате чего значительно выросло производство предметов народного потребления, весьма существенно повысилось материальное благосостояние советских людей, их культура. Развитое социалистическое общество характеризуется тем, что создаются условия для постепенного перерастания его в коммунистическое²⁸.

Советские люди, представители всех наций и народностей на основе достижений современной науки и техники успешно создают материально-техническую базу коммунизма, требующую дальнейшего всестороннего развития экономики союзных республик, всей страны. Каждая из наций и народностей нашей страны, преумножая общенародную собственность развитого социалисти-

---

²⁶ А. Косыгин. Социально-экономическое развитие советского многонационального государства. «Коммунист», 1972, № 17, стр. 18.

²⁷ См.: «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Документы и материалы. М., 1967, стр. 157, 164; «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 38.

^{27а} «Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций». М., 1973.

²⁸ См.: Г. Е. Глезерман. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973, стр. 27—31.

ческого общества, делает не только вклад в социально-экономическое развитие СССР, но и в дальнейшее укрепление дружбы всех ее народов. Преумножение общими усилиями экономической мощи социалистической Родины — важнейшая предпосылка еще большего сплочения и сближения советских наций и национальностей.

В послевоенные пятилетки продолжался процесс выравнивания экономического уровня союзных республик. Опережающими (по сравнению со средними по СССР) темпами развивалась промышленность Казахской, Литовской, Молдавской, Латвийской, Киргизской, Армянской, Эстонской Советских Социалистических республик. Как известно, Латвия, Эстония и Литва в период господства в них буржуазных режимов искусственно задерживались в своем промышленном развитии, став аграрными придатками крупных капиталистических стран Западной Европы. Прибалтийские республики смогли лишь в годы послевоенных пятилеток приступить к своему экономическому возрождению на основе социалистической индустриализации.

Важнейшее значение для этнических процессов имеет развитие на научной плановой основе единой социалистической экономики СССР, единой общегосударственной системы народного хозяйства, которая соединяет в целостный социально-экономический организм хозяйство всех входящих в СССР республик, являясь одним из важнейших факторов дальнейшего сближения всех наций и народностей страны. «Экономика Советского Союза, — отмечал Л. И. Брежнев, — это не сумма экономик отдельных республик и областей. Это уже давно единый хозяйственный организм, сложившийся на основе общих экономических целей и интересов всех наций и народностей»²⁹.

Законы развития социализма обуславливают усиление экономических связей между Советскими республиками на всех этапах истории нашего общества. Эти законы действуют одновременно как в экономике страны в целом, так и в каждой отдельной республике, однако их конкретное проявление варьируется под влиянием хозяйственной специализации республик — обеспеченности природными ресурсами, исторически сложившимся общественным разделением труда в них и другими факторами³⁰.

Рациональное размещение производительных сил в СССР является важной частью общей программы строительства социалистической экономики и хозяйственного сближения социалистических наций. На основе рационального размещения производительных сил и прежде всего промышленности сложилось новое территориальное разделение труда между республиками и отдельными районами страны.

---

²⁹ Л. И. Брежнев. Указ. соч., стр. 39.

³⁰ «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1974, стр. 242—243.

Национальные регионы царской России из сырьевых приделков центральных областей превратились в районы с развитой крупной индустрией, собственной энергетикой, предприятиями обрабатывающей и добывающей промышленности, современным транспортом. Планомерное разделение труда, кооперирование и индустриализация промышленности союзных республик привели к развитию интенсивных межреспубликанских экономических связей. Так, например, Белорусская ССР вывозит в другие республики нашей страны металлорежущие станки, автомашины, тракторы, электронно-вычислительные машины, радиоаппаратуру, стекло, удобрения, изделия легкой промышленности, продукцию сельского хозяйства и др. В свою очередь Белоруссия получает разнообразную промышленную и сельскохозяйственную продукцию из РСФСР, Прибалтийских республик, из республик Средней Азии, Закавказья, Казахстана. Развитие межреспубликанских экономических связей является наряду с другими факторами одним из важных условий дальнейшего укрепления дружбы народов нашей страны, сближения отдельных наций.

О теснейших экономических связях между отдельными районами страны свидетельствует хотя бы такой факт: в середине 1960-х годов на межрайонные экономические связи приходилось две пятых всех перевозок и три четверти всего грузооборота страны³¹.

Будучи неотъемлемой частью экономики всей страны, хозяйство отдельных республик является вместе с тем основой экономической жизни этих республик и оказывает решающее влияние на их национальное развитие. Формирование социалистических производственных отношений, преодоление былой многоукладности, хозяйственное развитие, сложение устойчивой общности экономической жизни в отдельных республиках явились основой национальной консолидации их коренного населения.

Развитию внутриреспубликанских связей содействовала промышленная и сельскохозяйственная специализация отдельных районов национальных республик, обусловленная в первую очередь природными ресурсами этих районов. Развитие транспорта — железнодорожного, автомобильного, авиационного, дорожное строительство позволило включить в общую экономическую жизнь каждой из республик нашей страны самые отдаленные и изолированные их части, обеспечить реальную возможность внутриреспубликанских культурных и иных связей наций.

Колхозное строительство, разрушившее замкнутый характер мелких крестьянских хозяйств, объединило отдельные изолированные хозяйства в большие производственные коллективы. Вызванная этим концентрация населения и усиливающиеся связи крестьян с городом на новой прочной экономической основе также

³¹ М. И. Куличенко. Указ. соч., стр. 475.

имели первостепенное значение для процессов национальной консолидации в союзных и автономных республиках.

Рост товарной продукции колхозов и совхозов приводит из года в год к увеличению спроса села на промышленные изделия, к дальнейшему росту связей города и села. Во всех республиках страны растут экономические связи между городом и деревней, отдельными отраслями народного хозяйства и между отдельными промышленными и культурными центрами.

Статистические данные и результаты социологических исследований свидетельствуют также не только о значительном возрастании в национальных республиках подвижности населения и различных контактов городского и сельского населения, но и о непрерывно протекающих процессах урбанизации, оказывающих серьезное влияние на особенности этнических процессов в республиках (см. главу VI).

Общественное и территориальное разделение труда выступает как важнейшее условие укрепления внутринациональных и межнациональных экономических связей. И те и другие при социализме развиваются планомерно и гармонично, не противореча, а дополняя друг друга и укрепляя как общее единство экономики Советского Союза, так и определенную специализацию и комплексность экономики его отдельных составных частей, которая отнюдь не является самодовлеющей, а как частное подчинено интересам целого. В этническом отношении экономические связи ведут, с одной стороны, к внутренней консолидации наций, с другой — к межэтнической интеграции.

В целом же социально-экономическое развитие народов нашей страны после Великого Октября явилось важнейшим фактором формирования новой исторической общности — советского народа.

2. Развитие однотипной социальной структуры советских наций

Рассмотренные выше социально-экономические процессы сопровождались коренными изменениями в социальной структуре народов СССР, что в свою очередь оказывало существенное влияние на ход этнических процессов как внутри республик, так и в масштабах всей страны.

Социальную структуру этнических общностей, как отмечалось выше, не относят сейчас к числу собственно этнических признаков. Однако социальная структура является одной из важнейших характеристик этносоциальных общностей, показателем стадии их социально-экономического развития и типа общности. Сходство или различие в социальной структуре этносов во многом определяет особенности их взаимодействия в хозяйственной, культурной и других сферах жизни, оказывая тем самым существенное влияние и на ход собственно этнических процессов.

Социальная структура этносов в дореволюционной России характеризовалась, как уже говорилось, сильными диспропорциями, отражавшими неравномерности их исторического развития, многоукладность типов хозяйства, а также национальное неравенство. Некоторые из этих диспропорций отчетливо видны по данным о сословной структуре. Они показывают, что на 1897 г. доля высших, привилегированных сословий — дворян и чиновников — среди одних народов была значительно выше, чем среди других. В этом отношении выделялись восточнославянские народы — русские, украинцы и белорусы, а также и крупные христианские народы Закавказья — грузины и армяне, резко отставали тюркоязычные мусульманские народы Средней Азии. В частности, в системе управления Российской империи (администрация, судопроизводство, полиция, сословная служба) было занято, например, 1,8% всех русских, по 1,2% грузин и армян и лишь около 0,2% киргизов и казахов.

Различия в социально-классовом составе народов отражались и в их образовательном уровне.

Показательно, что по материалам переписи 1897 г. доля лиц, имеющих образование выше начального, среди восточнославянских народов, армян и грузин была во много раз больше, чем, например, среди тюркоязычных народов (см. табл. 2).

Различия в уровне образования объяснялись прежде всего дискриминационной политикой властей царской России по отно-

Таблица 2. Уровень образования у отдельных национальностей в 1897 г.*

Национальность	На 10 000 человек приходится лиц, имеющих образование выше начального
По империи в целом	110
в том числе:	
великороссы, малороссы, белорусы	120
литовцы, латыши	40
армяне и другие индоевропейские народы Кавказа	108
грузины и другие картвельские народы	107
евреи	90
тюрко-татарские народы	3
монголо-бурятские народы	3

* Подсчитано по «Общему своду по империи результатов разработки данных I Всеобщей переписи 28 января 1897 г.», т. II, СПб., 1906, стр. 138.

шению к нехристианскому населению. Такая политика приводила к закреплению и даже возрастанию возникших диспропорций в социальном составе отдельных народов. Разумеется, от этого выигрывали не русские, или, например, грузины, а господствующая элита этих народов.

Великая Октябрьская социалистическая революция ликвидировала национальный гнет, провозгласила равноправие всех людей, независимо от их национальной принадлежности и вероисповедания. Тем самым она создала условия для достижения равных возможностей социального роста людей, принадлежащих к разным этносам. Советская власть взяла курс на ускоренное развитие ранее отстававших национальностей путем организации всесторонней помощи им со стороны более развитых народов, что дало возможность устранить существовавшие резкие отличия в социальной структуре народов. Этот процесс сближения социальной структуры нации^{31а} имеет свои этапы. Одним из них явился этап создания однотипной социальной структуры у всех советских народов, совпадающий с периодом построения в основном социалистического общества в нашей стране, после чего начался новый этап, важной задачей которого является усиление социальной однородности советских наций. На первом этапе сближение социальной структуры этносов осуществлялось прежде всего за счет формирования основных общественных групп социалистического общества и сближения их пропорций в различных республиках.

Всесоюзная перепись населения 1926 г., впервые охватившая всю территорию СССР, отразила унаследованные от прошлого сильные диспропорции в уровне образования и социальной структуре народов страны.

У большинства среднеазиатских народов в то время почти не было ни своего рабочего класса, ни своей интеллигенции. Небольшая прослойка рабочих и тем более интеллигенции в районах Средней Азии в основном формировалась за счет русских и некоторых других национальностей. Киргизов, занимающихся умственным трудом, было всего 0,2% среди работающего населения, туркмен и казахов — 0,4%. Если, например, среди русских, украинцев и белорусов грамотных было свыше половины всех мужчин и от 22 до 34% женщин, то среди мужчин коренных народов Средней Азии грамотных было менее 10%, а среди

---

^{31а} Однако это сближение не следует понимать как создание тождественной социально-профессиональной структуры. Фактически невозможно и нецелесообразно добиваться такой тождественной структуры у всех народов; совершенно ясно, что, например, у молдаван, живущих в области, благоприятной для интенсивного сельского хозяйства, но лишенной многих полезных ископаемых, процент людей, занятых в сельском хозяйстве, будет более высок, а процент промышленных рабочих ниже, чем у некоторых других народов.

женщин — не выше 1% (среди туркмен соответственно 4,0 и 0,1%)³².

Громадную роль в создании однотипной классовой структуры, как уже говорилось, сыграли индустриализация и коллективизация сельского хозяйства. В ходе социалистических преобразований вместо множества различных социальных групп, обусловленных многоукладностью хозяйства и занимавших особое положение в системе общественных отношений, у каждого более или менее крупного этноса складывались единообразные классы, основанные на новых формах общественной собственности. В то же время внутри классов — рабочих, колхозников и социальной прослойки — служящих формировались социально-профессиональные группы, разные по качеству выполняемого труда (простой, сложный, малоквалифицированный, высококвалифицированный). Специфика социально-профессиональной группы как элемента социальной структуры определяется характером ее деятельности, трудом, его качеством и сферой приложения.

Во второй половине 1930-х годов все нации союзных республик были представлены одними и теми же классами рабочих, колхозников и прослойкой служащих, что отражало результаты социальных изменений, происшедших в процессе формирования социалистических наций. Классовая структура наций предопределяла в значительной мере структуру населения республик, поскольку нации в подавляющем большинстве случаев концентрировались в одноименных республиках.

В рабочем классе всех наций появились отряды высокой квалификации в промышленности, строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве. Складывался индустриальный авангард^{32а}. Однако в большинстве республик доля рабочих и служащих в составе населения в целом была больше, чем у коренных народов. Это было особенно характерно для республик Средней Азии. Так, процент рабочих среди всего населения Киргизии был почти втрое выше, чем среди киргизов (соответственно 21,3 и 7,5%), среди населения Туркмении — более чем вдвое выше, чем среди туркмен (25,2 и 11,7%) и т. д. Такие расхождения объясняются тем, что значительную, а иногда и основную часть рабочего класса в национальных республиках составляли инонациональные (чаще всего русские) группы населения.

Примерно такая же картина наблюдалась и в составе служащих (среди населения Киргизской ССР, например, их было 12,4%, среди киргизов — 4,6% и т. д.), хотя в целом доля ра-

³² «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. 17, отд. I. М., 1929, стр. 93—96.

^{32а} По данным переписи 1939 г., доля металлистов среди лиц, имеющих занятие, составляла: у русских — 6,78; украинцев — 5,55; белорусов — 2,86; грузин — 1,61; азербайджанцев — 1,18; армян — 3,17; узбеков — 0,74; туркмен — 0,69; таджиков — 0,49; казахов — 1,40; киргизов — 0,51.

ботников умственного труда среди коренных народов Средней Азии и других в прошлом отстававших этносов росла более высокими темпами, чем доля рабочего класса. За период с 1926 по 1939 г. среди киргизов, например, число работников, занятых умственным трудом, выросло в 30 раз, туркменов — в 17, казахов — в 15, узбеков — в 8, азербайджанцев — в 5, белорусов, армян, украинцев, грузин — в 3—4 раза³³.

Что касается русских, занятых умственным трудом, то увеличение их лишь на Украине и в Армении соответствовало увеличению интеллигенции коренной национальности (или несколько превышало ее).

Несколько иное положение наблюдалось в процессе формирования рабочего класса. По темпам роста числа работников физического труда, занятых вне сельского хозяйства, национальности располагались следующим образом: среди киргизов численность этой категории выросла в 7 раз, казахов — в 5 раз, украинцев — в 4, туркмен — в 3, армян, узбеков и азербайджанцев — примерно в 1,5—2 раза^{33а}. Здесь не было, таким образом, столь очевидной зависимости от уровня исходных рубежей (1926 г.), не наблюдалось и столь заметного (как в случае с интеллигенцией) опережающего роста национальных кадров по сравнению с русскими и другими инациональными группами. Более того, во многих случаях (Казахстан, Узбекистан, Грузия, Азербайджан, Армения) численность русских, занятых в промышленности и других отраслях вне сельского хозяйства, увеличивалась даже быстрее, чем аналогичная категория среди коренных национальностей республики. Специализация на трудоемких технических культурах, требующих навыков и стимулируемых государством (особенно хлопководство), в существенной мере сдерживала миграцию из села. Это в известной мере предопределяло и относительно низкую адаптацию местного населения к промышленности и другой работе вне сельского хозяйства и соответствующую «компенсаторскую» роль, которую играли в промышленном развитии национальных районов русские, украинские, иногда белорусские рабочие.

В республиканских отрядах рабочего класса РСФСР, Украины, Белоруссии и Армении рабочие коренных национальностей преобладали. Что касается Грузии, Азербайджана и всех среднеазиатских республик, то там среди рабочих на долю коренных национальностей приходилось примерно от трети до пятой части (Киргизия) всего их состава.

В конце 1930-х годов в колхозном крестьянстве при всем отличии отраслевой структуры в целом очерчиваются однотипные группы разнорабочих, колхозников, имеющих массовые про-

---

³³ См.: Ю. В. Арутюнян. Изменение социальной структуры советских наций. «История СССР», 1972, № 4, стр. 7—9.

^{33а} Там же.

фессии, и специалистов: механизаторы все больше выделялись в передовой слой крестьянства³⁴.

Широким спектром деятельности и функций отличается интеллигенция. С точки зрения профессиональных различий, имеющих социальный смысл, среди интеллигенции выделяется в первую очередь административно-управленческая, практически связанная со всеми сферами деятельности; производственная интеллигенция, связанная с технологической и экономической сторонами развития промышленности, сельского хозяйства и других отраслей; так называемая интеллигенция массовых профессий, ориентированная на непосредственное обслуживание населения (учителя, библиотекари, работники культмассовых учреждений, медики, юристы и т. п.). В 30-е годы в каждой нации сформировались не только эти три наиболее крупных отряда интеллигенции, но и появились такие, тогда еще малочисленные, но перспективные группы, как научная интеллигенция. Особенно выросла художественно-творческая интеллигенция (писатели, художники, артисты, композиторы и т. п.), деятельность которой была связана главным образом с развитием национальной культуры.

Доля интеллигенции была наиболее высокой у народов, выделявшихся и до революции относительно большей прослойкой людей, занятых умственным трудом. Выше средней по стране была доля интеллигенции во всех сферах деятельности у русских, армян и грузин. Примерно на уровне средних для страны показатели находились белорусы, украинцы, азербайджанцы. Значительно ниже была доля интеллигенции у среднеазиатских народов — киргизов, узбеков, туркмен, таджиков. Несколько иначе распределялась лишь художественно-творческая интеллигенция: у туркмен, киргизов и узбеков доля ее была выше, чем у украинцев и белорусов³⁵.

В целом состав национальной интеллигенции больше различался в довоенный период пропорциями научной, вслед за тем — производственно-технической интеллигенции и значительно меньше административно-управленческой интеллигенции и массовых профессий.

Это объяснялось тем, что административно-управленческая и интеллигенция массовых профессий должна была обслуживать широкие слои населения.

---

³⁴ По данным переписи 1939 г., 1,2% имеющих занятие в сельском хозяйстве работали трактористами и комбайнерами. У конкретных национальностей этот процент колебался следующим образом: у русских — 1,2; украинцев — 1,56; белорусов — 0,68; грузин — 0,24; азербайджанцев — 0,51; армян — 0,47; узбеков — 1,1; туркмен — 1,0; таджиков — 0,34; казахов — 0,71; киргизов — 0,79; подробнее см.: Ю. В. Арутюнян. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. М., 1960; он же. Возникновение и развитие индустриальных кадров в сельском хозяйстве. М., 1963.

³⁵ См.: «История СССР», 1972, № 4, стр. 9.

Уже к 1939 г. основные управленческие функции в республиках выполнялись представителями коренных национальностей. Если в дореволюционной России делалось все, чтобы отстранить национальные меньшинства от власти, то теперь были достигнуты большие результаты в процессах коренизации власти на местах.

Пропорциональное распределение административно-управленческой интеллигенции по этносам говорило о том, что они были «выравнены» не только в отношении владения, но и в отношении распоряжения обобщественной собственностью.

Русские, составлявшие в большинстве республик основную часть инациональной интеллигенции, играли видную роль в жизни этих республик. Так, в Казахстане и республиках Средней Азии, хозяйственно-организаторские функции в 1930-е годы осуществлялись в значительной мере с помощью русских специалистов. Особенно велика была доля русских среди технического персонала (производственно-техническая интеллигенция) этих республик. В европейской части — на Украине и в Белоруссии, а также в Грузии и Армении все функции, не исключая и хозяйственно-организаторской, выполнялись главным образом представителями коренных национальностей (которые преобладали во всех группах интеллигенции).

Активная профессиональная роль русских и некоторых других национальностей определялась более высоким уровнем их образования. Образование в новых условиях, в обществе, не знающем ни сословий, ни имущественных различий, явилось тем основанием, которое в значительной мере определяло социально-профессиональную структуру наций.

После создания однотипной классовой структуры все большее значение стала приобретать задача профессионализации этносов, «обогащение» их внутриклассовой, а по существу внутриобщественной структуры за счет квалифицированных видов труда. В отличие от первого периода задача эта носила не столько социально-политический, сколько социально-экономический характер. Решение ее было если не более сложным, то во всяком случае требующим несравненно большего времени. Здесь предстоял путь не резких социальных сдвигов (как в случае создания однотипной классовой структуры), а путь длительного эволюционного развития, в основе которого лежали индустриализация, урбанизация и повышение культурного уровня общества. При этом если индустриализация расширяла возможности для социального роста трудящихся и, увеличивая население городов, как бы подготавливала этот рост количественно, то качественно он зависел в первую очередь от успехов в развитии народного образования. Как раз в этой области наблюдались особенно большие сдвиги, о чем свидетельствуют данные табл. 3. Как видно из таблицы, чем ниже была в республиках доля образованных людей, тем выше были за период с 1939 по 1959 г. темпы роста их численности.

Таблица 3. Изменение уровня образования по отдельным национальностям *

Национальность	Рост численности населения, имеющего среднее и высшее образование в 1959 г. (данные на 1939 г. приняты за 1)			Население, имеющее среднее и высшее образование (в % к общему числу лиц данной национальности)	
	Всего	В том числе с образованием		1939 г.	1959 г.
		средн. спец.	высшим		
Русские	1,8	1,5	3,1	8	12,2
Украинцы	1,7	Нет сведений	3,1	7,7	10,1
Белорусы	2,0	1,8	3,3	6,6	8,9
Узбеки	4,5	4,6	7,2	1,5	5,9
Казахи	3,4	3,0	7,0	2,0	6,2
Грузины	2,1	2,0	2,6	12,4	22,0
Азербайджанцы	2,5	2,2	4,0	4,5	8,9
Литовцы		Нет сведений			6,4
Молдаване		Нет сведений			3,0
Латыши		Нет сведений			12,7
Киргизы	7,0	5,6	Нет сведений	0,9	6,1
Таджики	4,9	4,4	7,6	1,2	5,1
Армяне	1,9	1,8	2,4	9,8	14,9
Туркмены	4,4	3,5	4,2	1,4	5,4
Эстонцы		Нет сведений			13,0
Итого по Союзу	1,8	1,6	3,1	7,8	11,1

* Рассчитано в границах СССР по коренным национальностям союзных республик (См.: «История СССР», 1972, № 4, стр. 19).

Некоторые же незначительные отступления (как в случае с грузинами и армянами) не меняют этой общей закономерности. Поскольку рост числа образованных характерен для всех этносов, их распределение по уровню образования в 1959 г. не отличается по существу от 1939 г. Но зато различия между этносами стали заметно менее существенными и сократились, как правило, более чем вдвое. Эти сдвиги в образовании явились прежде всего результатом интенсивного экономического и культурного строительства в ранее отсталых районах, результатом национальной политики партии. Не случайно, например, что среди коренных национальностей в республиках Средней Азии темпы роста числа образованных были значительно выше, чем среди русского населения, находящегося в этих районах. Так, число образованных киргизов увеличилось за 20 лет в 22 раза, таджиков

в Таджикистане — в 17 раз, туркменов в Туркменистане — в 17, узбеков соответственно — в 14, казахов — в 8,3 раза ³⁶.

Ускоренное развитие образования в ранее отсталых районах продолжается до настоящего времени. Всесоюзная перепись 1970 г. вновь зафиксировала особенно высокие темпы роста уровня образования за последние десять лет у народов Средней Азии, казахов и молдаван. В то время как у русских, грузин, армян, эстонцев и латышей число образованных (со средним и высшим образованием) увеличилось за это время примерно в полтора раза, у народов Средней Азии, а также молдаван и казахов — более чем в два раза. Таким образом, и в 60-е годы продолжался процесс всестороннего дальнейшего сближения уровня социально-культурного развития народов СССР ³⁷.

Повсеместный рост уровня образования расширил возможности перемещения населения из села в город, из колхозно-кооперативного в государственный сектор. Прежде всего с развитием экономики и культуры выросла численность рабочих и служащих. Рост числа людей, занятых в государственном секторе, произошел главным образом за счет рабочих. Если в 1939 г. рабочие составляли лишь треть всего населения страны, то в 1959 г. — почти половину, а в 1970 г. — около 57%, рост служащих был гораздо умереннее, соответственно с 18 до 19% и затем (в 1970 г.) — до 22,6%.

Рост числа рабочих и служащих как сдвиг в социальной структуре характерен, хотя и в разной степени, для всех республик и народов страны. У народов Средней Азии доля рабочих коренной национальности выросла с 1959 по 1970 г. примерно в 1,5—2 раза: таджиков — с 18 до 37%, туркмен с 22 до 32, киргизов — с 22 до 41%, узбеков — с 27 до 39, казахов — с 44 до 63% ³⁸. Существенно, хотя и не в такой мере, увеличилось также число рабочих среди армян, грузин, азербайджанцев и других национальностей. Отметим, что рост численности рабочих коренных национальностей, несмотря на бурные темпы, в некоторых республиках был все же недостаточен для освоения новых промышленных мощностей. Коренные национальности, особенно в районах, которые в свое время миновали стадию капитализма, не могли сразу приспособиться к ускоренным темпам развития экономики. Сказывалась не только относительная нехватка рабочих, но также и их недостаточная квалификация.

Привлечение инонациональных сил к экономическому и культурному строительству в среднеазиатских республиках способ-

³⁶ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР». М., 1962, стр. 234—235.

³⁷ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV. М., 1973 (по данным таблицы 36 об уровне образования населения в 1959 и 1970 гг.), стр. 393—404.

³⁸ Исчислено по данным: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР»; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. V.

Таблица 4. Соотношение рабочих, служащих и колхозников в составе населения союзных республик в 1959 г. (в %) *

Республика	Коренная национальность					Все население			
	рабочие и служащие	Из них рабочие		служащие	колхозники и пр.	рабочие и служащие	рабочие	служащие	колхозники и пр.
		всего	в том числе промышл.						
РСФСР	76	54	23	22	24	76	54	22	24
Эстонская	73	51	19	22	27	79	55	24	21
Латвийская	64	46	19	18	36	73	52	21	27
Казахская	60	44	6	16	40	79	58	21	21
Армянская	60	40	17	20	40	62	40	22	38
Литовская	48	34	12	14	52	56	40	16	44
Украинская	47	34	15	13	53	58	41	17	42
Грузинская	46	23	10	23	54	56	32	24	44
Белорусская	43	31	11	12	57	51	35	16	49
Азербайджанская	39	24	8	15	61	58	35	23	42
Узбекская	35	27	4	8	65	57	40	17	43
Туркменская	31	22	5	9	69	57	37	20	43
Киргизская	30	22	4	8	70	58	40	18	42
Таджикская	26	18	4	8	74	46	30	16	54
Молдавская	17	13	4	4	83	32	21	11	68
Итого по СССР:									
1959 г.						68	48	20	32
1939 г. (для сравнения)**						50	32	18	50

* Вместе с колхозниками учтены кустари и единоличники, численность которых по нациям колебалась около 1% населения (см.: «История СССР», 1972, № 4, стр. 13).

** Там же, стр. 6.

ствовало развитию производства, росту квалификации, культуры и благосостоянию местного населения. Вместе с тем изменение национального состава в городах несколько влияло на приток коренного населения, так как требовало знания языка межнационального общения, адаптации к нормам поведения инонациональных горожан и т. д.

Так как из русского населения формировались главным образом отряды рабочих и служащих, доля рабочих и служащих в населении республик в послевоенные годы в целом, понятно, оставалась выше, чем эта доля у коренных национальностей.

Постепенно сокращался в послевоенные годы удельный вес колхозного крестьянства. Так, в 1939 г. во всех республиках

(кроме РСФСР, Казахстана и Украины, где рабочих и колхозников было примерно поровну) преобладало колхозное население. В 1959 г. уже только в двух республиках — Таджикистане и Молдавии — колхозники превышали число рабочих и служащих; а в 1970 г. во всех республиках в государственном секторе было занято больше людей, чем в колхозно-кооперативном. В целом по стране колхозники составляли $\frac{1}{3}$ часть населения. Лишь в немногих республиках доля их приближалась к $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ занятого населения.

Проблема индустриализации сельского хозяйства и изменения социально-профессиональной структуры сельского населения приобретала первостепенное значение в процессе дальнейшего социально-культурного сближения этносов. Данные показывают, что за 20 лет с 1939 по 1959 г. в этом отношении произошли существенные сдвиги, хотя структура трудящихся, занятых сельскохозяйственным трудом, так же как и промышленным, среди коренных национальностей республик Закавказья и в особенности Средней Азии продолжала пока хранить в себе «неровности» предыдущего периода. Так, например, доля механизаторов и специалистов среди работников, занятых сельскохозяйственным трудом, у коренных народов заметно различалась и в 1959 г. (см. табл. 5).

Эта доля, как показывает таблица, у коренных народов европейской части СССР была заметно выше, чем, например, у народов Средней Азии, причем у русских, украинцев, белорусов и некоторых других народов за пределами своих республик она была еще выше. Особенно активной в развитии земледелия страны была роль наиболее многочисленного народа — русских; например в сельском хозяйстве Казахстана трудилось 290 тыс. русских, причем в их составе было 28% механизаторов (среди казахов их было лишь 8%). В Киргизии в сельском хозяйстве было занято 43 тыс. русских, число механизаторов достигло 15% (среди киргизов их было 5,5%). В Молдавии в сельском хозяйстве было занято 27 тыс. русских и 9% из них были механизаторами (в составе молдаван — 4%) и т. д. В тех районах, где расселение русских в сельской местности инонациональных республик носило рассредоточенный характер, происходил не столько процесс адаптации местного населения к русским (как это нередко было в городах), сколько, напротив, вживание русских в местную среду.

Развитие рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции было органически связано с эволюцией разделения труда, изменением соотношения между трудом физическим и умственным, промышленным и сельскохозяйственным. Обращение к фактическим материалам обнаруживает соответствие между классификацией населения по видам труда и социально-классовой структурой. Так, на 1959 г. процент людей, занятых умственным трудом — (20,7), естественно, почти совпадает с процентом

Таблица 5. Процент работников, имеющих квалификацию, в составе занятых сельскохозяйственным трудом в 1959 г. *
по республикам

Национальность	Процент всех квалифицированных работников	В том числе:			
		руководителей и специалистов		механизаторов	
		в своей республике	в СССР	в своей республике	в СССР
Русские	15,7	3,6	4,5	10,6	11,2
Казахи	13,1	6,5	5,9	7,9	7,2
Эстонцы	12,1	5,3	5,5	6,4	6,6
Латыши	11,5	4,7	5,2	6,2	6,3
Украинцы	10,6	2,7	2,9	7,0	7,7
Литовцы	8,1	3,2	3,3	4,7	4,8
Белорусы	7,6	2,3	2,5	4,3	5,1
Туркмены	7,1	1,9	2,8	2,9	4,3
Армяне	7,0	3,8	3,8	3,3	3,2
Узбеки	6,5	2,2	2,2	4,3	4,3
Азербайджанцы	6,5	3,5	3,3	3,3	3,2
Молдаване	5,5	1,1	1,2	4,2	4,3
Грузины	5,4	3,9	3,9	1,5	1,5
Киргизы	5,3	2,4	2,3	3,2	3,0
Таджики	4,5	1,9	2,0	2,2	2,5

* Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971, стр. 85.

служащих (20,0). Небольшая разница вызвана тем, что часть людей, занятых умственным трудом, была включена в состав рабочих. Сельскохозяйственным трудом было занято 34,0%, т. е. лишь немногим больше, чем процент колхозников (32,0) и т. д. Хотя таким образом структура населения по видам труда заметно соотносится с классовой, оперирование ее показателями имеет самостоятельное значение.

Воспользовавшись этой классификацией, мы получаем, в частности, возможность по данным переписей полнее и несколько разностороннее оценить некоторые особенности динамики структуры этносов. Отметим прежде всего изменение в последние десятилетия темпов роста численности людей, занятых умственным трудом. В целом если с 1926 по 1939 г. число людей, занятых умственным трудом по отдельным нациям, увеличивалось до 10—20 (а у киргизов — 30) раз, то за период с 1939 по 1959 г. рост числа занятых умственным трудом ни в одном

случае не был выше двукратного³⁹. Дело в том, что в 20-е и 30-е годы интеллигенция у народов, в прошлом отстававших в своем развитии, по существу создавалась заново. Да и у относительно более развитых наций — русских, украинцев, армян, грузин — необходимые квалифицированные кадры специалистов в значительной мере формировались заново в соответствии с решением задач индустриализации, культурной революции.

Другой особенностью рассматриваемого периода является изменение соотношения отдельных отрядов внутри интеллигенции, имеющее, бесспорно, прогрессивное значение. Оно сводилось в первую очередь к росту интеллигенции, занятой производительным трудом (производственной интеллигенции), и относительноному сокращению интеллигенции административно-управленческой. В 1939 г. преимущественно управлением и организацией производства во многих республиках занималась самая большая группа людей умственного труда, в последующие десятилетия (как свидетельствуют переписи 1959 и 1970 гг.) основная наиболее многочисленная часть интеллигенции была непосредственно занята производством материальных и духовных ценностей.

Остановимся на характеристике интеллигенции, занятой производством культурных ценностей, которые оказывают заметное влияние на национальное самосознание. Если административно-управленческая интеллигенция различается по характеру и сфере приложения функций, то эта группа — по характеру и виду непосредственной деятельности. В ней можно выделить три подгруппы, удовлетворяющие разные запросы человека, — научно-техническую интеллигенцию, научно-гуманитарную и интеллигенцию, занятую в сфере искусства и литературы. Первые две составляют научную интеллигенцию, заняты рациональным производством, т. е. они апеллируют к разуму, рассудку; последняя, названная художественно-творческой интеллигенцией⁴⁰, — также и к эмоциям (нередко преимущественно к ним).

Ценности, создаваемые художественно-творческой интеллигенцией, имеют определенную национальную специфику в отличие от

³⁹ Приведем более полные данные о росте численности населения, занятого умственным трудом, по нациям СССР с 1939 по 1959 г. (в %): русские — 139,6, украинцы — 149,6, белорусы — 185,2, грузины — 173,6, азербайджанцы — 164,4, армяне — 144,5, узбеки — 212,6, туркмены — 133,6, таджики — 119,9, казахи — 141,6, киргизы — 130,7; так как в 1939 г. и в 1959 г. круг профессий умственного труда был не вполне одинаков, процент этот не совсем точно отражает изменения. В 1959 г. из числа лиц, занятых умственным трудом, были исключены (по сравнению с 1939 г.) некоторые категории — пожарники, кладовщики, весовщики и тому подобные. Если вести сравнение по сопоставимому кругу занятий, т. е. учесть и в 1959 г. исключенные занятия, то число людей, занятых умственным трудом, будет несколько выше. В целом по Союзу оно составило 148% вместо 143%.

⁴⁰ В составе художественно-творческой интеллигенции объединены: писатели, журналисты, редакторы, композиторы, дирижеры, музыканты, режиссеры и артисты, художники и скульпторы и прочие работники искусства.

ценностей, создаваемых научно-технической и производственной интеллигенцией.

Разные тенденции проявляются также в динамике этих групп интеллигенции. Научная интеллигенция численно растет неизмеримо быстрее художественно-творческой. Это понятно, так как производство, которым занята научная интеллигенция (прежде всего научно-техническая), ориентировано главным образом на создание материально-технической базы, на удовлетворение возрастающих материальных потребностей человека.

Технический прогресс усугубляет различие в темпах роста научной и художественной интеллигенции. В ходе его непрерывно расширяются материальные потребности и соответственно требования к производству и науке. Что касается произведений искусства и литературы, то индустрия через печатные станки, радио и телевидение увеличивает возможности их тиражирования. Теперь творчество писателя, актера, пианиста одновременно может быть доступно миллионным аудиториям. Научная интеллигенция почти целиком сложилась в наши дни. Доля ее выше у более урбанизированных народов. Годы последних пятилеток были временем, когда быстро увеличивалась научно-техническая интеллигенция не только у украинцев, белорусов, литовцев, но и у казахов, народов Средней Азии. И все же при весьма стремительном росте научной интеллигенции доля ее в населении меньше, чем других отрядов работников умственного труда.

Самые многочисленные группы интеллигенции — производственная и интеллигенция массовых профессий, занятая культурно-бытовым, правовым и медицинским обслуживанием всего населения. Они материализуют, доводят до широких масс ценности, созданные в сфере духовного производства. При этом производственная интеллигенция⁴¹ материализует ценности, созданные научно-технической интеллигенцией, а интеллигенция массовых профессий⁴² реализует среди населения не только научные, но и художественные ценности. Эти группы составляют подавляющую часть интеллигенции в любой нации (не менее 60—70% всей интеллигенции в каждом народе). Производственная интеллигенция вместе с научной преимущественно сосредоточена в более индустриальных районах.

Прогрессивные структурные изменения среди интеллигенции характерны для всех наций. Но остается вопрос: как эти изменения отразились на процессе сближения социальных структур

---

⁴¹ В состав производственной интеллигенции входят инженеры, конструкторы, главные специалисты, агрономы, зоотехники, ветврачи, лесники, мастера, техники, механики, нормировщики, диспетчеры и т. п.

⁴² Под этой рубрикой группируются преподаватели школ, заведующие и воспитатели детских домов, заведующие библиотеками, домами культуры, лекторы, пропагандисты, проч. работники культпросветучреждений, медицинские работники, юридический персонал и т. д.

наций? Самый заметный сдвиг в послевоенный период произошел в группе научной интеллигенции, затем в производственной, т. е. как раз в тех группах интеллигенции, среди которых еще в предвоенные годы наблюдались наибольшие диспропорции, поскольку в некоторых нациях они еще только складывались. В то же время соотношение групп интеллигенции массовых профессий и административно-управленческой, где различия и раньше были невелики, у наций как бы стабилизировалось⁴³.

Такого рода изменения затронули все без исключения нации. Более равным стало распределение отдельных отрядов интеллигенции по этносам. Особенно интенсивным был рост казахской и азербайджанской интеллигенции. Они были первыми среди так называемых мусульманских народов, которые приблизились к народам, исторически располагавшим самыми большими отрядами интеллигенции, — русским, армянам, грузинам и эстонцам.

С точки зрения социальных изменений внутриклассового характера важное значение в послевоенные годы имело увеличение доли квалифицированного труда у рабочих и колхозников. Что касается индустриального рабочего класса, то это находило отражение в росте образовательного и квалификационного уровня рабочих во всех отраслях промышленного производства. У многих народов, еще накануне Великой Отечественной войны располагавших главным образом малоквалифицированными рабочими, в 50-е и 60-е годы формировались кадры, получившие специальную подготовку, занятые на машинах и механизмах. Как известно, в различных районах нашей страны рабочие в возрасте до 30 лет имеют теперь обычно не менее чем семилетнее образование. Квалифицированные рабочие, связанные с передовым производством, которое, как правило, не знает национальных границ, работающие часто в многонациональных коллективах, составляют все большую прослойку населения.

Одним из наиболее общих итогов социальных изменений в нациях является развитие этнического разнообразия в социальных группах и слоях советского общества. В настоящее время в рабочем классе, крестьянстве и интеллигенции достигнуто довольно полное представительство различных этносов.

Своеобразие социальной структуры некоторых наций до сих пор в значительной степени связано с преобладанием у них сельского населения. Изменение в сельском хозяйстве, рост производительности сельскохозяйственного труда, индустриализация и специализация сельского хозяйства, создание благоустроенных и разнообразных урбанизированных сельских поселений, одновременная адаптация сельского населения к современным стандартам жизни, профессионализация его — являются радикальным путем, способным ускорить всемерное совершенствование социально-

---

⁴³ См.: Ю. В. Арутюнян. Изменения социальной структуры советских наций.

этнической структуры и продвинуть дальше процесс «выравнивания» социальной структуры этносов.

Разнообразие социальной структуры советских наций обуславливается как природными условиями, так и разделением труда, соответствующим эффективному использованию природных и трудовых ресурсов, сложившимися национальными традициями народов. В советском обществе усиление социальной однородности наций происходит по двум основным направлениям. Прежде всего это выражается в сближении пропорций основных общественных групп в различных республиках. Оно не безгранично и осуществляется в соответствии с народнохозяйственной специализацией в целях общесоюзной эффективности развития производства. Социальная однородность достигается также за счет стирания существенных классовых различий, сближения умственного и физического труда, условий жизни в городе и деревне.

Мы рассмотрели изменение социальной структуры наций союзных республик, составляющих 90% населения страны. Принципиально такая же картина наблюдается у всех народов автономных республик и областей.

Своеобразием отличается социальная структура немногочисленных народов страны, в том числе народов Севера. Для последних характерна главным образом незначительная доля рабочих и производственной интеллигенции, повышенный процент колхозников и интеллигенции массовых профессий.

Процессы изменения социальной структуры всех народов СССР были теснейшим образом взаимосвязаны. Даже изменение структуры сельского населения в тех районах, где оно было сравнительно этнически однородным, иногда шло не изолированно, а под непосредственным влиянием соответствующих изменений в других этносах и под воздействием межэтнических контактов. Что же касается процессов, связанных с формированием рабочего класса и интеллигенции, то они преимущественно проходили в городах с инонациональным населением, поэтому этнические контакты играли здесь особенно большую роль. В свою очередь можно без преувеличения сказать, что формирование «национального» рабочего класса во всех республиках страны оказывает огромное влияние на ход этнических изменений, ибо, как известно, именно рабочему классу принадлежит ведущая роль в прогрессивном процессе сближения народов. Поэтому происходящее в условиях развития социализма дальнейшее «выравнивание» удельного веса рабочего класса в социальной структуре этносов имеет особое значение для этнических процессов в нашей стране. В целом же развитие однотипной социальной структуры наций, способствуя все большему укреплению новой исторической общности — советского народа.

Глава VI. Изменения в расселении и урбанизация народов СССР как условия и факторы этнических процессов

Развитие этнических процессов во многом определяется особенностями территориального расположения взаимодействующих этнических групп, т. е. особенностями их расселения, которое выступает в данном случае не только как характеристика, но и как фактор этнических процессов. В предыдущих главах было дано краткое описание расселения народов Советского Союза; остановимся теперь на некоторых аспектах этого расселения более подробно, воспользовавшись для этой цели статистическими материалами переписей населения, разрабатываемых главным образом в территориально-административном плане.

Важной составной частью характеристики этнических процессов является анализ их развития в территориальном отношении, с выделением районов и населенных пунктов, где эти процессы протекают особенно бурно. Уже давно отмечено, что этнические процессы среди городского населения протекают более интенсивно, чем среди сельского, это обусловлено рядом причин, в том числе и особенностями расселения этнических групп в городах. В связи с важностью исследования особенностей этнических процессов среди городского населения процесс урбанизации народов СССР рассматривается отдельно во второй части данной главы.

К особенностям расселения народов относится прежде всего характер основной этнической территории, которая может быть сплошной, как, например, у белорусов и туркмен, или расчлененной, как, например, у мордвы и бурят. Большое значение имеет и соотношение этой этнической территории с территорией соответствующего административно-территориального образования; эти территории могут довольно точно совпадать, как, например, у удмуртов и чукчей, совпадать в значительной степени и, наконец, совпадать частично как, например, у эвенков и татар. Следует учитывать также общее число людей данной национальности и процент их за пределами своей республики, степень их территориального разобщения и форму смешения с другими народами как в городах (дисперсное расселение, расселе-

ние по улицам и кварталам, расселение по районам города и т. п.), так и в сельской местности (дисперсное расселение в селениях, уличное и по кварталам, расселение по селениям, отдельные селения и группы селений сравнительно однородны в этническом отношении и т. п.). Большое значение имеет тип заселения территории: оседлый, сплошной, связанный с земледелием, и рассеянно-текучий, связанный с кочевым скотоводством и охотой. Охотники-оленоводы эвены, разбросанные небольшими группками на огромных пространствах лесотундровой зоны Дальнего Востока, имеют примерно такую же численность, как земледельцы и животноводы рутульцы, заселяющие сравнительно компактно один из районов Дагестана (эвены тоже сохраняют относительную целостность этнической территории). Однако место этих народов в типологическом ряду, как и происходящие среди них этнические процессы, сильно различаются. Можно отметить, в частности, что территориальное рассредоточение эвенов наряду с их малой численностью и низкой плотностью тормозило и тормозит процесс их этнической консолидации.

Соответствующий типологический ряд, составленный применительно к СССР с целью изучения этнических процессов, может быть представлен в следующем виде:

— Русские — крупнейший народ страны, компактно заселяющий значительную часть ее территории и составляющий существенную часть населения большинства автономных и союзных республик, что усиливает роль русских в процессе межнационального сближения.

— Крупные народы с компактной этнической территорией, составляющие подавляющее большинство населения в городах и селениях своей республики (украинцы, белорусы, грузины и др.). Отдельные группы этих национальностей живут за пределами их республик, в смешении с другими народами.

— Крупные народы, сконцентрированные в основном в пределах своих республик, но живущие там в значительном смешении с другими народами (таджики, узбеки и др.).

— Крупные народы, часть которых сравнительно компактно заселяет территорию своей республики, но значительная часть живет за пределами республики, в сильном смешении с другими народами (армяне, чуваша и др.).

— Народы, составляющие в пределах своей республики меньшинство населения (особенно среди городского населения) и сильно смешанные с другими народами; вне пределов республики — небольшие группы их (казахи, каракалпаки, башкиры и др.).

— Народы, часть которых живет в своих республиках, а основная масса за их пределами в сильном смешении с другими народами (татары, мордва и др.).

— Малые, компактно расселенные народы, имеющие свои на-

циональные образования (черкесы) и не имеющие таковых (абазини, рутульцы и др.).

— Малые территориально разбросанные народы, слабо смешанные с другими народами (чукчи, коряки и др.).

— Малые территориально разбросанные народы, живущие в сильном смешении с другими народами (юкагиры, кеты, ительмены и др.).

— Национальности, живущие в различных областях страны и составляющие большинство населения лишь в некоторых населенных пунктах (немцы, поляки, болгары и др.), а также национальности, отличающиеся дисперсностью расселения в различных местах страны (евреи, цыгане, ассирийцы и др.).

Выделенные нами основные типы расселения народов сложились, но продолжают видоизменяться главным образом под воздействием миграций групп людей различной этнической принадлежности. Такие миграции вызываются чаще всего экономическими причинами; в прошлом некоторые переселения были обусловлены национальными притеснениями, религиозными гонениями и другими обстоятельствами. Миграции оказывают сильное влияние на развитие этнических процессов. В результате их люди вырываются из родной или привычной обстановки, зачастую отрываются от нее на сотни и даже тысячи километров и оказываются не только в иных природных условиях, но и в иной языково-культурной этнической среде, поддерживая с прежде близкими людьми лишь эпизодическое общение. Оседая на новом месте жительства, переселенцы приспосабливаются к новой среде, т. е. адаптируются к ней в социальном и культурном отношении, овладевают языком этой среды, если ранее не знали его или знали плохо, постепенно отходят от своих прежних обычаев и привычек и, наконец, если не в первом, то в последующих поколениях этнически растворяются в этой среде, ассимилируются ею. Такой ассимиляции нередко способствует специфика половозрастного состава мигрантов, но на этом факторе мы остановимся несколько позже.

Касаясь вопроса о соотношении расселения того или иного народа с границами соответствующей национальной республики, отметим, что за пределами республик удельный вес ряда народов СССР, в первую очередь русских, постепенно возрастает (см. табл. 2, гл. VI). Этот процесс обусловлен прежде всего значительными миграциями русских из РСФСР в другие республики. Если в 1926 г. в границах РСФСР¹ жило 93,4% всего русского населения страны, то в 1970 г. — 83,5%; за период, прошедший между этими годами, численность русских в РСФСР возросла примерно в 1,5 раза (с 72,6 до 107,7 млн. че-

¹ Исключая находившиеся тогда в составе РСФСР Казахскую и Киргизскую АССР.

людей), а в других национальных республиках — почти в 4 раза (с 5,1 до 21,3 млн.); если исходить из средних темпов прироста русского населения, то это означает, что из пределов РСФСР переселилось в другие республики примерно 12,5—13 млн. русских.

Основной причиной этих значительных по своим размерам миграций русских была необходимость пополнения кадрами быстро развивающихся отраслей народного хозяйства в национальных республиках, прежде всего — промышленности, так как подготовка в них местных кадров обычно не поспевала за темпами экономического развития. Лишь в некоторых случаях (главным образом в Казахстане) приток русских поселенцев был существенно связан и с сельскохозяйственным освоением плодородных земель, высвободившихся в результате перехода местного населения на оседлость.

Приток русских в различные ипонациональные союзные республики был далеко не одинаков. По материалам переписей населения постоянный повышенный прирост численности русских характерен лишь для Украины, Молдавии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Наиболее показателен в этом отношении Казахстан, где численность русского населения возросла с 1,3 млн. в 1926 г. до 5,5 млн. в 1970 г. В Белоруссии и республиках Прибалтики постоянный приток русских наблюдается лишь в послевоенный период. Напротив, в Азербайджане после притока русских в 1926—1939 гг. в последующее время такого притока русских не наблюдается. В Армении и Туркмении приток русских в 1939—1959 гг. практически прекратился и несколько возобновился лишь после 1959 г.

Довольно сложной была картина миграций русских и в автономные республики РСФСР. Сравнительно устойчивый повышенный прирост числа русских, несомненно вызванный притоком новых групп переселенцев, отмечен в слабозаселенных в прошлом северных и восточных автономиях (Карелия, Коми АССР, Якутия и др.); так, в Коми АССР численность русского населения увеличилась с 13,7 тыс. человек в 1926 г. до 512 тыс. в 1970 г. Наблюдается приток русских и в автономии Северного Кавказа, особенно в Кабардино-Балкарскую и Северо-Осетинскую АССР; численность русских в последней возросла с 10 тыс. в 1926 г. до 202 тыс. в 1970 г. Более пестрая картина в республиках Поволжья — в одних (Удмуртия и Чувашия) наблюдается рост доли русского населения, вызванный его притоком, в других (Татария и Мордовия) происходил некоторый отток русского населения, особенно в 1939—1959 гг., когда часть его по ряду причин переселилась в другие области страны.

Значительно число переселенцев за пределы своих республик у украинцев и белорусов, однако размах их миграций по материалам переписей населения установить довольно трудно, так как, с одной стороны, произошли большие территориальные изме-

нения Украины и Белоруссии в 1939—1945 гг., с другой — украинцы и белорусы на новых местах обычно активно контактируют с русскими и сливаются с ними. Именно этим можно объяснить, например, сильное снижение числа украинцев, живущих вне Украинской ССР: с 8,8 млн. в 1926 г. до 4,8 млн. в 1939 г. Этнические процессы, сокращающие численность украинцев за пределами Украинской ССР, а также некоторое сокращение их миграций из республики привели в последнее десятилетие к небольшому снижению доли украинцев, живущих вне республики.

Численность белорусов вне своей республики с 1926 по 1939 г. снизилась мало, а в последующие годы их численность, главным образом за счет новых переселенцев, возросла с 660 тыс. в 1939 г. до 1762 тыс. в 1970 г.

Почти для всех других народов союзных республик, особенно в последние десятилетия, отмечено относительное (а часто и абсолютное) сокращение их групп вне пределов своих республик, так как убыль от ассимиляции среди этих групп (а иногда и пониженный естественный прирост) не всегда покрывались притоком новых переселенцев. За период с 1926 по 1970 г. такое сокращение было сильнее всего у армян, процент которых за пределами Армянской ССР снизился с 52,6 в 1926 г. до 38,0 в 1970 г. (при абсолютном росте численности этих групп с 0,8 до 1,3 млн. человек). Исключением являются лишь грузины и узбеки, доля которых за пределами своих республик с 1939 г. почти не изменилась. Напротив, для многих народов автономных республик РСФСР (татар, башкир, чувашей, марийцев и др.) характерны значительные миграции за пределы своих республик. Численность татар, живущих вне пределов Татарской АССР, возросла с 1,8 до 4,4 млн. человек (что составляет соответственно около 60 и около 74% всех татар страны); не менее трети этого прироста дали миграции татар за пределы своей автономной республики. Естественно, что такие миграции приводили и в ближайшем будущем должны привести к усилению процессов взаимодействия мигрантов с другими этносами. Некоторое повышение доли народа, живущего в своей республике, характерно главным образом для карел, мордвы и коми в связи с тем, что за пределами этих республик процессы их естественной ассимиляции идут более интенсивно.

Неодинаковое участие различных народов в миграциях и разные темпы их естественного прироста, а в некоторых случаях и существенные изменения границ республик оказывали влияние на национальный состав населения в республиках СССР (см. табл. 2 и 4). В РСФСР и во всех союзных республиках европейской части страны отмечено, по крайней мере с 1959 г., сокращение доли основной национальности; лишь в Белоруссии этот процесс был несколько задержан тем, что значительные группы населения, показавшие себя по переписи 1959 г. «поляками», в 1970 г. отнесли себя к белорусам. Во всех закавказских республиках с 1939 г. идет

процесс увеличения доли основной национальности, обусловленный главным образом высоким естественным приростом коренного населения, повышение доли основной национальности отмечено с 1959 г. и во всех республиках Средней Азии, где межреспубликанские миграции невелики, а продолжающийся в большинстве случаев приток других национальностей, в частности русских, перекрывается высоким естественным приростом коренного населения.

Даже в Казахстане, где из-за массового притока инациональных групп процент казахов сократился с 57,1 в 1926 г. до 30,0 — в 1959 г., к 1970 г. он, по указанным причинам, возрос до 32,6, причем доля казахов, сосредоточенных в Казахской ССР, возросла с 1959 г. от 77,2 до 78,5%.

Что же касается автономных республик РСФСР, то в некоторых из них (Татарии, Башкирии и др.) по ряду причин, в основном из-за меньших по сравнению с русскими миграциями и повышенного естественного прироста коренной национальности, ее доля во всем населении в последнее время несколько увеличилась, в других республиках (Мордовии, Чувашии и др.) в национальном составе населения существенных изменений не произошло; есть республики, где наблюдается сокращение доли основной национальности. Для последнего случая весьма типичны Карельская и Якутская автономии, где с 1926 по 1970 г. прослеживается непрерывное снижение процента карел и якутов (соответственно с 37,4 до 11,8 и с 81,6 до 43,0%). И если применительно к Якутии можно сказать, что ее население становилось более пестрым в этническом отношении и лишь в 1970 г. якуты уступили по численности русским, то в Карелии по существу с самого создания этой автономии в населении все более увеличивается процент русских. Аналогичные процессы наблюдаются и в пределах многих автономных областей и национальных округов.

Если основываться на изменении численности населения основных экономических районов СССР, то за время, прошедшее между переписями 1959 и 1970 гг., основными районами оттока населения были Волго-Камский, Центральночерноземный, Урал и Западная Сибирь (т. е. преимущественно русские области), основными районами притока являются Северный Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, Украина (т. е. преимущественно нерусские области)². Общий размах миграций в СССР довольно велик; по статистическим данным только за 1967 г. место жительства (населенный пункт) сменило около 10 млн. человек (если учесть незарегистрированные и временные переселения, то эту цифру, по-видимому, следует увеличить в 1,5 раза); из этого числа из одних городов в другие переехало 5,5 млн. человек, из сел в города — 3,1 млн., из городов в села — 1,5 млн.³ Уже эти цифры показывают, что основные миграционные процессы — это процес-

² См.: В. И. Переведенцев. Население и хозяйство. М., 1971, стр. 31.

³ «Вестник статистики», 1968, № 10, стр. 89—95.

сы, связанные с индустриализацией и урбанизацией (в данном случае — с ростом городов), к рассмотрению которой мы и переходим.

По первой всеобщей переписи населения России на 1897 г. в городах находилось около 15% всех жителей страны (в современных границах СССР), а к началу первой мировой войны — около 18%. К 1917 г. этот процент, вероятно, еще несколько повысился, однако последующие тяготы гражданской войны и хозяйственной разрухи сильно затормозили урбанизацию, а в ряде областей вызвали даже отлив части городского населения в деревню. Устойчивый рост городского населения возобновился примерно с 1923 г., а к 1926 г. процент городского населения уже достиг уровня 1913 г. С развертыванием индустриализации страны в годы первых пятилеток процесс урбанизации стал набирать темпы; благоприятное влияние на его развитие оказали коллективизация и механизация сельского хозяйства, сделавшие возможным переход значительной части сельского населения в города. По переписи 1939 г. доля городского населения страны возросла до 32%.

В годы Великой Отечественной войны рост городского населения шел, вероятно, лишь на территории, не попавшей в зону военных действий или под оккупацию врага; после окончания войны он развернулся и в западных областях, где многие города приходилось отстраивать почти заново. К 1959 г. в городах страны находилось уже 48% ее населения, к началу 1971 г. — 56% и к 1974 г. — 60%.

Ход урбанизации на каждой из основных национальных территорий страны имел свои особенности. В 1913 г. при сравнительно низком общем уровне урбанизации, отражавшем промышленную отсталость царской России, процент городского населения колебался в довольно широких пределах: от 38% — в Латвии до 9% — в Таджикистане (см. табл. 1). За период с 1913 по 1939 г. доля городского населения сильнее всего увеличилась в Туркмении и Армении — в республиках с пониженным в прошлом уровнем урбанизированности; напротив, в более урбанизированных республиках — Грузии и Азербайджане — темпы роста городского населения были ниже среднего по стране.

Материалы переписи населения 1959 г. показывают, что в очень сложный для анализа период с 1939 по 1959 г. рост городского населения по союзным республикам был в целом более ровным, чем с 1913 по 1939 г. Относительно замедленные темпы урбанизации отмечены для Украины и Грузии — республик со сравнительно высоким на 1939 г. процентом городского населения; довольно слабо — всего с 13 до 22% — возросло и городское население в Молдавии, которая по уровню урбанизации отстала от других союзных республик. Наиболее быстрые темпы урбанизации отмечены в Таджикской ССР, процент городского населения в которой возрос почти вдвое; весьма значительным был рост

городского населения в Латвии (на 21%) и Российской Федерации (на 19%).

После 1959 г., судя по имеющимся данным, общие темпы роста городского населения по стране в целом несколько снизились. При этом различия в темпах урбанизации между отдельными национальными республиками заметно возросли. Российская Федерация и почти все остальные республики европейской части СССР отличались в это время повышенными темпами роста городского населения; во всех этих республиках, кроме Молдавии, сельское население сокращалось не только в процентном отношении, но и в абсолютной численности: в РСФСР с 1959 по 1970 г.— на 6,8 млн. человек, в Украинской ССР — на 1,3 млн. человек и т. д. Напротив, в Азербайджанской ССР и республиках Средней Азии рост доли городского населения значительно замедлился, а кое-где он вообще приостановился. Так, в Азербайджане и Туркмении городское население с 1959 по 1965 г. возросло всего на 2%, а с 1965 по 1970 г.— осталось на прежнем уровне; в Киргизии с 1965 по 1970 г. процент городского населения снизился на 1, так как сельское население здесь росло (за счет повышенной рождаемости) несколько более высокими темпами. В Узбекской ССР процент горожан за период с 1959 по 1970 г. возрос на 3; если же обратиться к абсолютным цифрам, то окажется, что городское население этой республики выросло на 1,6 млн. человек, а сельское — на 2,2 млн.

Выяснение всех причин, обусловивших различия процесса урбанизации в национальных республиках, выходит за рамки данной работы; отметим лишь, что немаловажное значение здесь имели особенности природных условий, например наличие или отсутствие полезных ископаемых, необходимых для развития промышленности на местном сырье, или наличие плодородных земель, удобных для развития сельского хозяйства, а также особенности сельскохозяйственной деятельности, обеспечивающие повышенный по сравнению с другими областями страны доход крестьян и т. д. Вместе с тем существенное значение здесь имели и этнические факторы: языковая, культурно-бытовая и другая специфика местного коренного населения. Однако прежде чем перейти к рассмотрению этих этнических факторов, сделаем общий краткий обзор национальных аспектов урбанизации.

Материалы переписи населения 1897 г., учитывавшей, как известно, в качестве этнического определителя родной язык, не вполне подходят для анализа национального состава городского населения и процента горожан среди различных национальностей страны, так как из-за сильно развитых в городах процессов языковой ассимиляции реальная картина могла быть сильно искажена. Обратимся поэтому к материалам советских переписей населения, учитывавших национальную принадлежность населения, начиная с переписи 1926 г., впервые охватившей всю территорию молодого Советского государства.

Таблица 1. Доля городского населения в республиках СССР (в %) *

Республика	1913 г.	1939 г.	1950 г.	1965 г.	1970 г.
СССР в целом	18	32	48	53	56
РСФСР	17	33	52	58	62
Украинская	20	34	46	50	55
Белорусская	14	21	31	37	43
Литовская	13	23	39	42	43
Латвийская	38	35	56	60	62
Эстонская	19	34	56	61	65
Молдавская	13	13	22	26	32
Грузинская	26	30	42	45	48
Армянская	10	29	50	54	59
Азербайджанская	24	36	48	50	50
Казахская	10	28	44	46	51
Узбекская	24	23	33	35	36
Туркменская	11	33	46	48	48
Таджикская	9	17	33	35	37
Киргизская	12	19	34	38	37

* Цифры на 1913, 1939 и 1950 гг. (в современных границах страны и республик) даны по: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1950 г. Сводный том». М., 1962 и выпускам-томам по РСФСР и другим союзным республикам. Данные на 1965 г. — по: «Народное хозяйство СССР в 1964 г.», М., 1965; на 1970 г. — по: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. I, М., 1972.

Представшая перед нами картина этнического аспекта урбанизации существенно отличается от картины, созданной на основании материалов по территориям союзных республик, так как многие из этих республик имели сложный национальный состав населения и различные национальности по-разному участвовали в процессе урбанизации. Перепись населения 1926 г. показывает, что почти по всем республикам процент городского населения был выше, чем процент горожан среди основной коренной национальности, давшей название той или иной республике. Так, в городах на 1926 г. жило лишь 1,4% всех киргизов и лишь 1,5% всех туркмен (процент городского населения по существующим республикам составлял на 1926 г. соответственно 12 и 14). Такое расхождение объясняется тем, что значительную (иногда — преобладающую) часть горожан большинства республик составляло инонациональное (чаще всего — русское) население. Отметим попутно очень низкий процент горожан среди национальностей, имевших свои автономные республики: у марийцев на 1926 г. — 0,8, у бурят — 1,0, у удмуртов — 1,2 и т. д.; среди этих

национальностей по уровню урбанизации резко выделялись татары, но и у них в городах жило лишь 14,4% от общей численности.

Повышенный процент горожан на 1926 г. отмечен среди армян (35,5%) и русских. Высокая урбанизированность армянского населения, особенно заметная на фоне сравнительно невысокого процента городских жителей в Армянской ССР (на 1926 г. — 19%), объясняется тем, что в пределах Армении находилось лишь немногим более половины всего армянского населения страны и что многочисленные группы армян, находившихся вне своей республики, жили в значительной части в городах; так, в Грузинской ССР из 307 тыс. армянского населения в городах жило около 49%. Что же касается причин повышенной урбанизированности русского населения, составлявших основную массу горожан не только в Российской Федерации, но и весьма значительную часть горожан в ряде других союзных республик, то они требуют более детального анализа. Но прежде чем перейти к этому анализу, отметим еще одну важную особенность городского населения — его более сложный национальный состав по сравнению с сельскими местностями.

Эту особенность городского населения отмечал еще В. И. Ленин. «Города..., — писал он в 1913 г., — играют *важнейшую* экономическую роль при капитализме, а города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т. д. — отличаются наиболее пестрым национальным составом населения»⁴. Материалы советских переписей населения подтверждают эту особенность городских поселений, особенно крупных городов, включая и столицы национальных республик. В ряде случаев города имели не только более пестрый, но и во многом отличный этнический состав по сравнению с окружающими их районами сельского населения.

Весьма сильные отличия национального состава городов от сельских поселений были отмечены во многих автономных республиках РСФСР, в Средней Азии и в других областях страны. По материалам переписи населения СССР 1920 г., например, в Башкирской АССР башкиры составляли среди городского населения 1,7%, среди сельского — 34,0% (русские соответственно — 69,6% и 32,0%); в Чувашской АО чуваша среди городского населения — 8,4%, среди сельского — 84,0% (русские соответственно — 88,4 и 8,9%)⁵; по переписи 1926 г. в Киргизской АССР киргизы составляли в городах — 4,6, в сельской местности — 75% (русские соответственно — 37,2 и 8,2, узбеки — 42,7 и 6,7%)⁶ и т. д.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 149.

⁵ В. П. Шибанов. Этнический состав европейской части Союза ССР. «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран», вып. 20. Л., 1930, стр. 131, 215.

⁶ «Всесоюзная перепись населения 1926 г. Краткие сводки», вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928, стр. 83.

В большинстве крупных городов коренная национальность данной республики составляла сравнительно небольшую часть жителей, и, хотя с течением времени, как будет показано ниже, доля этой национальности постепенно возрастала, все же ее соотношение с другими в ряде случаев так и не смогло выравняться⁷.

Причины многонациональности некоторых городов СССР (прежде всего — столиц союзных республик) и причины притока в города национальных областей СССР русского населения и этнических групп, близких к нему в культурно-бытовом отношении, — многообразны. К важнейшим из них, несомненно, относятся ускоренное развитие экономики в национальных областях в условиях, когда коренное население не располагало достаточными кадрами «городских» профессий, а подготовка новых кадров не могла угнаться за темпами хозяйственного развития. Вместе с тем немаловажное значение имеют и другие причины, что особенно заметно для дореволюционного периода, когда фактор индустриализации в формировании состава городского населения нередко отходил на второй план. Следует вообще отметить, что широко распространенный в географии населения и в целом правильный тезис, по которому нормально функционирующие и развивающиеся города «притягивают», а сельские местности по мере механизации и других форм интенсификации труда «выталкивают» население, обеспечивая тем самым процесс урбанизации, далеко не все объясняет даже в тех случаях, когда население рассматривается в основном как экономическая категория, как важнейшая составная часть производительных сил. Для нас же при рассмотрении урбанизации в этноисторическом плане становится необходимым учесть ряд дополнительных признаков и факторов. Сюда входят выяснение причин сравнительной этнической однородности сельских поселений по сравнению с городскими, влияния, оказываемого на процесс урбанизации сходством или различием культурно-бытовых традиций и языка людей, мигрирующих в города, с языком и культурой принимающей их этнической среды, хозяйственная и социально-культурная специфика адаптации пришельцев в условиях городской жизни, а также психологические и другие причины, определяющие в конечном итоге особенности национального состава городского населения.

Причины сравнительной этнической однородности сельских поселений, прослеживаемой не только в России, но почти во всех других многонациональных странах мира, до сих пор не привлекали пристального внимания исследователей, хотя это во многом помогло бы пояснить и этногеографическую специфику процесса урбанизации. На первое место среди этих причин следует поставить непосредственную связь сельских жителей с землей как основным объектом их труда, их хозяйственной деятельно-

---

⁷ См.: В. В. Покишевский. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения. СЭ, 1969, № 5.

сти. Это приводит к возникновению и развитию между жителями сельских поселений так называемых территориальных или соседских связей, обусловленных естественной общностью интересов по использованию земли, совместным владением некоторыми видами угодий и т. д., что обычно усиливается и распространенными в селениях обычаями взаимопомощи. Все это препятствует приему в сельскую среду пришлых инациональных групп, которые могут выглядеть в глазах местных крестьян чужаками, мало заслуживающими доверия. В случае резких языковых, культурно-бытовых и религиозных различий между местным и пришлым населением в странах, где национальный вопрос еще не разрешен и господствующие классы играют на национальных чувствах, такое недоверие легко перерастает в неприязнь, а иногда и во вражду. Поэтому в царской России люди, мигрирующие в инациональные сельские районы, стремились, как правило, основывать свои собственные поселения. Особенно же четко такая тенденция проступает при освоении инациональными группами слабо заселенных до того районов с большими запасами свободных сельскохозяйственных земель. Именно так шло, например, заселение районов Нижнего Поволжья и Заволжья в XVII—XVIII вв., когда устремившиеся сюда русские, украинские, татарские, мордовские, чувашские и другие переселенцы основывали свои национальные селения. Возникшие традиции этнического обособления довольно стойки; показательно, что даже в советское время, когда национальный вопрос в главных своих аспектах уже был решен, переселенцы на вновь осваиваемые земли нередко основывали более или менее этнически однородные поселки или отдельные улицы в национальных селениях.

Внедрение инациональных групп в города облегчается сильным ослаблением в них соседских связей, традиций хозяйственной взаимопомощи и других характерных элементов сельской жизни, более легко соблюдаемых в однонациональной среде. Видную роль вместе с тем здесь играет и более сильное притяжение в города высвобождающейся рабочей силы. Это становится особенно заметным по мере сокращения свободных сельскохозяйственных земель и непрекращающегося развития городской индустрии. Во многих случаях конкретное действие сил «притяжения» и «выталкивания» населения носит этнически избирательный характер, сильнее затрагивает одни национальные группы и слабее — другие.

Возвращаясь вновь к анализу особенностей формирования национального состава городского населения в СССР и привлекая для этой цели историко-этнографический материал, отметим, что многие города в национальных районах юга и востока страны возникали как опорные пункты постепенно расширяющихся с XV в. границ Русского государства и как центры административного управления включаемых в него областей, причем военные и административные, а также торговые и ремесленные функции

Таблица 2. Доля городских жителей у национальностей СССР (в %)*

	1926 г.			1959 г.			1970 г.		
	Всего	в своей республике	вне республики	Всего	в своей республике	вне республики	Всего	в своей республике	вне республики
Русские . . .	21,3	19,6	45,3	57,6	54,9	74,3	68,1	65,6	80,2
Украинцы . . .	10,5	10,9	9,4	39,2	36,7	55,2	48,5	45,8	65,8
Белорусы . . .	10,3	17,7	21,6	32,4	25,5	65,5	43,7	37,1	71,1
Латыши . . .	—	—	—	47,4	46,7	57,3	52,7	51,7	68,3
Литовцы . . .	—	—	—	35,0	33,6	53,5	46,4	45,9	59,6
Эстонцы . . .	—	—	—	47,0	46,9	48,9	55,1	54,7	59,0
Молдаване . . .	(4,9)	(3,6)	(7,0)	12,9	9,6	32,2	20,4	17,2	39,0
Грузины . . .	16,9	16,0	64,1	36,1	34,8	71,8	44,0	42,7	77,8
Армяне . . .	35,4	20,1	49,3	56,3	46,0	69,2	64,8	62,7	68,2
Азербайджанцы	15,8	17,0	8,9	34,7	36,4	26,3	39,7	41,3	29,6
Казахи	2,2	2,1	3,4	24,1	24,2	23,5	26,7	26,3	28,2
Узбеки	18,6	18,3	20,4	21,8	20,2	30,5	24,9	23,0	35,0
Туркмены . . .	1,5	1,6	1,2	25,4	26,3	14,6	31,0	31,7	21,3
Таджики	15,2	4,8	33,3	20,6	19,5	23,7	26,0	25,5	27,5
Киргизы	1,4	0,8	5,3	10,8	10,9	9,7	14,6	14,5	15,6

* Таблица составлена на 1926 г. (в границах республик того времени) по «Всесоюзной переписи населения 1926 г. Краткие сводки», вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. Для литовцев, латышей и эстонцев (а отчасти — и молдаван) данные на 1926 г. — нерепрезентативны. Цифры на 1959 г. даны по: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том». М., 1962 и томам-выпускам по РСФСР, Украинской ССР и другим союзным республикам. На 1970 г. по: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV. Национальный состав населения СССР. М., 1973 г.

с самого основания городов выполнялись преимущественно людьми русской национальности. Приток в такие города перусского местного и другого инонационального населения нередко тормозился прямым административным запрещением такого вселения или трудностями приема «иностранцев» в городские сословия. Существенное значение нередко имело в этом отношении и нежелание самих коренных жителей менять традиционный образ жизни, особенно если их культура и быт резко отличались от русского городского населения и базировались исключительно на сельскохозяйственной деятельности.

Особенно медленно шла урбанизация народов, занимавшихся скотоводством кочевого типа и ранее почти совершенно не затронутых городской жизнью (казахи, киргизы, часть башкир и др.); переход этих народов на оседлость развернулся в основном лишь в годы Советской власти, а переселение их в города

и после оседания шло замедленными темпами. В некоторых случаях немаловажную роль, видимо, играл и религиозный фактор, конфессиональные отличия от основной массы горожан.

Процесс урбанизации, развернувшийся в годы Советской власти, проходил в новых социально-экономических условиях, в обстановке торжества ленинской национальной политики, провозгласившей равенство всех народов страны и создающей возможности ранее отставшим народам догнать более развитые нации. Однако этот процесс во многом вписывался в уже сложившуюся до революции картину городского расселения и не мог не испытать влияния действовавших ранее закономерностей формирования национального состава городского населения, того факта, что многие крупные города в национальных областях (Саранск в Мордовии, Уфа в Башкирии, Алма-Ата в Казахстане и т. д.) вырастали и развивались в основном как русские города. Процесс урбанизации и в новых условиях характеризовался притоком русских и близких к ним по культуре групп во многие крупные города инонациональных территорий. Такой приток, как уже отмечалось, вызывался потребностями экономического развития национальных областей и облегчался тем, что новые переселенцы попадали в родственную им среду преобладающего русского населения; вместе с тем данное обстоятельство определенно тормозило приток в города нерусского населения, особенно — далекого от русских в языково-культурном отношении. Вселению таких инонациональных групп, несомненно, сильно препятствовал языковой барьер, так как адаптация к условиям городской жизни требовала не просто знания русского языка, но достаточно хорошего владения им как основным языком межнационального общения, основным языком науки и техники и по существу большинства квалифицированных занятий, обеспечивающих нормальные социальные и профессиональные перемещения городского населения.

Преодолеть языковой барьер урбанизации, существовавший в ряде национальных областей страны, можно было главным образом путем массового распространения двуязычия, что естественно требовало длительного времени, явно большего, чем строительство завода или фабрики. Другой возможный путь, связанный с расширением функций национальных языков и постепенной замены ими русского языка, требовал еще большего времени и, кроме того, в сложившихся условиях был далеко не всегда рациональным. Не меньшее время требовалось и для преодоления культурно-бытового и психологического барьеров урбанизации, т. е. барьеров, стоявших на пути перехода от сельского образа жизни к городскому, от сезонного сельскохозяйственного труда — к повседневной работе на промышленных предприятиях. Поэтому основные промышленные и научно-технические кадры многих городов национальных республик еще длительное время пополнялись в значительной степени за счет русских и близких к ним по языку и уровню городской культуры этнических групп, урба-

пизация же некоторых местных национальностей шла относительно медленно, и они составляли существенный процент лишь среди городского населения, занятого в административной и культурно-образовательной сфере, связанной в значительной мере с обслуживанием сельского населения.

Показательно при этом, что на момент переписи населения 1926 г. процент горожан среди русских, живших в пределах РСФСР, был значительно ниже, чем среди русских за пределами этой республики (соответственно 19,6 и 45,3%). Ниже всего процент русских среди всех горожан национальных областей был в Армянской ССР, где в дореволюционное время промышленность развивалась слабо; здесь же, впрочем, был и один из самых низких процент русских во всем населении. Наиболее высокий процент русских среди горожан отмечен в Казахстане, хотя общая численность русских на 1926 г. здесь была еще сравнительно невелика (менее 20% всего населения республики), и в Туркмении (см. табл. 3). Значительную долю инонационального городского населения в Белоруссии и на Украине составляли евреи, в Молдавии и Казахстане — украинцы, в Грузии, Азербайджане и Туркмении — армяне, в Таджикистане и Киргизии — узбеки. При этом по существу лишь за исключением украинцев, мигрировавших главным образом в сельские местности, процент названных национальностей среди горожан был выше, чем среди всего населения соответствующих республик.

В целом на 1926 г. доля основной коренной национальности среди всего населения соответствующей республики была всюду, кроме РСФСР и Армянской ССР, выше, чем доля этой национальности среди горожан республики; особенно велика была разница этих показателей в Туркмении и Киргизии, где туркмены и киргизы, почти повсеместно значительно преобладая в численном отношении среди сельского населения, в городах составляли в среднем лишь 3—5% всех жителей, уступая по численности русским, узбекам и другим национальностям. За пределами своей республики наибольшую тенденцию к оседанию в городах проявляли грузины и армяне, наименьшую — туркмены; следует отметить в этом отношении и украинцев, процент горожан среди которых в Украинской ССР был выше, чем за пределами республики.

За период между 1926 и 1959 гг. при общем значительном росте городского населения СССР в его национальном составе произошли существенные изменения, вызванные притоком в города нерусских, в первую очередь коренных для той или иной области национальностей. На Украине и в Белоруссии это сопровождалось не только относительным, но и абсолютным сокращением в городах некоторых инонациональных групп.

В результате этого процесса, начавшегося еще до 1939 г., а также в связи с воссоединением западных украинских и белорусских земель, миграциями военных и послевоенных лет в обеих

Таблица 3. Национальный аспект урбанизации по республикам на 1926 г. (в %), в границах того времени

	Основная коренная национальность				Русские			Другие национальности соответственно:		
	среди всего населения		среди горожан		среди всего населения	среди горожан		среди всего населения	среди горожан	
	среди всего населения	среди горожан	среди всего населения	среди горожан						
РСФСР ¹	77,8	84,9	77,8	84,9						
Украинская ССР ²	80,6	47,4	9,2	25,0				Украинцы	7,4	4,0
Белорусская ССР	80,6	39,3	7,7	15,6				Евреи	5,4	22,6
Молдавская АССР	30,1	7,6	8,5	23,3				Евреи	8,2	40,2
Грузинская ССР	67,0	48,2	3,6	11,8				Украинцы	48,5	36,9
Армянская ССР	84,4	89,3	2,2	3,2				Армяне	11,5	25,2
Азербайджанская ССР	62,1	37,6	9,5	27,0				Азербайджанцы	8,7	3,4
Казахская АССР	57,1	14,4	19,7	52,6				Армяне	12,2	15,9
Узбекская ССР	74,2	57,0	5,4	19,2				Украинцы	13,2	5,9
Туркменская ССР	70,2	7,0	8,2	46,4				Таджики	7,9	11,2
Таджикская АССР	74,6	73,6	0,7	9,9				Армяне	1,5	9,7
Киргизская АССР	66,6	4,6	11,7	37,2				Узбеки	21,2	10,0
								Узбеки	11,0	42,7

Таблица составлена по: «Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки», вып. IV. Народность и родной язык населения ССР.

Примечания. 1—без Казахской АССР и Киргизской АССР. 2—без Молдавской АССР. 3—без Таджикской АССР.

этих республиках на 1959 г. абсолютное большинство горожан составляли уже основные коренные национальности (см. табл. 4). Сходные, но менее интенсивные процессы урбанизации за счет преимущественного притока в города местного коренного населения шли в Грузии и Азербайджане.

В Армянской ССР доля коренного населения продолжала расти как среди сельского, так и среди городского населения. В полную силу этот процесс развернулся, однако, лишь в послевоенный период. Высокие темпы урбанизации этой республики в последние десятилетия обеспечивались, с одной стороны, притоком армян из сельских районов Армении, с другой стороны, прибывавшими в Армению значительными группами зарубежных армян-репатриантов, которые в подавляющем большинстве также оседали в городах этой республики.

Среди рассмотренных народов наиболее сильно возрос процент городского населения у украинцев — с 10,5 до 39,2 (см. табл. 2); показательно, что особенно резко доля горожан увеличилась среди украинцев, живущих за пределами своей республики, — с 9,4 до 55,2%. Заметно выросла степень урбанизованности среди белорусов за пределами их республики, однако в этом отношении они, а также грузины и армяне, которые по переписи 1926 г. превосходили русских, теперь уступают им.

В Прибалтийских республиках, вошедших в состав СССР в 1940 г., формирование национального состава городского населения имело свои особенности; в послевоенные годы здесь (особенно в Латвийской ССР) существенно возросло число горожан-русских, однако большинство городского населения к 1959 г. во всех этих республиках по-прежнему составляли основные коренные национальности. Следует отметить, что литовцы, имевшие в целом наименьшую степень урбанизованности среди других народов Прибалтики, в городах своей республики составляли более высокий процент жителей, чем латыши и эстонцы в своих республиках. Степень урбанизованности молдаван к 1959 г. как в целом по стране, так и в пределах своей республики выросла еще недостаточно, и они значительно уступали там горожанам других национальностей.

В Казахстане и республиках Средней Азии процесс урбанизации местных коренных национальностей шел повышенными темпами среди ранее отстававших в этом отношении казахов, туркмен и киргизов и замедленными темпами — среди узбеков и таджиков. Наиболее сильно вырос процент горожан среди туркмен — с 1,5 до 25,4, однако ни туркмены, ни другие перечисленные здесь национальности на 1959 г. не составляли численного большинства среди горожан своих республик. Показательно, что узбеки и таджики, имевшие в этом регионе несколько больший удельный вес горожан, в рассматриваемый период и особенно с 1926 по 1939 г. сравнительно слабо участвовали в росте городского населения; основную массу переселенцев в довольно быстро расту-

Таблица 4. Доля городского населения по союзным республикам и национальностям на 1959, 1970 гг. (в %)*

Республики	Осн. корен. национ.		Русские	
	среди всего населения. 1959 г., 1970 г.	среди горожан 1959 г., 1970 г.	среди всего населения 1959 г., 1970 г.	среди горожан 1959 г., 1970 г.
РСФСР	83,3	87,2	83,3	87,2
Украинская ССР . . .	82,8	87,2	82,8	87,2
Белорусская ССР . . .	76,8	61,5	16,9	29,9
	74,9	62,8	19,4	30,0
Литовская ССР	81,1	67,0	8,2	19,4
	81,0	69,4	10,4	28,4
Латвийская ССР	79,3	69,1	8,5	17,0
	80,1	73,2	8,6	14,4
Эстонская ССР	62,0	51,6	26,6	34,4
	56,8	47,0	29,8	47,7
Молдавская ССР	74,6	61,9	20,1	30,8
	68,2	57,3	24,7	33,9
Грузинская ССР	65,4	28,2	10,2	30,4
	64,6	35,0	11,6	28,8
Армянская ССР	64,3	52,9	10,1	18,8
	66,8	59,8	8,5	14,7
Азербайджанская ССР	88,0	91,9	3,2	4,5
	88,6	93,3	2,7	3,8
Казахская ССР	67,4	51,3	13,6	24,8
	73,8	60,8	10,0	18,3
Узбекская ССР	30,0	16,7	42,7	57,6
	32,6	17,1	42,4	58,4
Туркменская ССР	62,2	37,2	13,5	33,4
	65,5	41,2	12,5	30,4
Таджикская ССР	60,9	34,7	17,3	35,4
	65,6	43,3	14,5	29,0
Киргизская ССР	53,2	31,8	13,3	35,3
	56,2	38,6	11,9	30,0
	40,5	13,2	30,2	51,8
	43,8	17,0	29,2	51,4

Таблица составлена по кн: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том» и томам-выпускам по РСФСР, Украинской ССР и другим союзным республикам; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV. Национальный состав населения СССР. М., 1973.

щие города Узбекистана и Таджикистана составляли инациональные группы, прежде всего русские. В результате этого доля узбеков среди горожан их республики сократилась с 57,0 до 37,2%, а доля таджиков в их республике — с 73,6 до 31,8% при значительном росте доли русских (см. табл. 3 и 4).

В целом численность русских в городах РСФСР и особенно в городах других республик росла гораздо более быстрыми темпами, чем их общая численность. Если за период с 1926 по 1970 г. общая численность русских за пределами РСФСР возросла с 5,1 до 21,3 млн. человек, то в городах — с 2,3 до 17,0 млн., в том числе в Казахстане и Средней Азии с 0,6 до 6,3 млн. человек (см. табл. 5).

Таблица 5. Расселение русских на 1926 и 1970 гг. (в млн. чел.)

	Всего населения	Всего русских	Всего в городах	Русских в городах	Другие национальности в городах
1926 г.					
СССР	146,8	77,8	26,3	16,6	9,7
РСФСР *	93,3	72,6	17,4	14,3	3,1
Другие республики	53,5	5,1	8,9	2,3	6,9
в том числе Казахстан и Средняя Азия	13,7	1,7	1,9	0,6	1,3
1970 г.					
СССР	241,7	129,0	136,0	87,7	48,3
РСФСР	130,1	107,7	81,0	70,7	10,3
Другие республики	111,6	21,3	55,0	17,0	38,0
в том числе Казахстан и Средняя Азия	32,8	8,5	14,1	6,3	7,8
* Без Казахской АССР и Киргизской АССР.					

За период с 1959 по 1970 г. продолжали действовать многие из отмеченных нами тенденций. Это относится прежде всего к особенностям формирования населения в городах Казахстана и республик Средней Азии, которые продолжают расти в значительной степени не за счет коренных национальностей, а за счет других этнических групп. Очень слабо, как уже отмечено выше, разворачиваются миграции коренного населения республик Средней Азии в города и промышленные районы других частей СССР. В. И. Переведенцев, исследовавший миграции населения в города Сибири за послевоенный период, сделал общий вывод, что относительная интенсивность миграций коренного населения союзных республик в районы и города с преимущественно русским населением тем выше, чем ближе язык, быт и культура этих мигрантов к языку, быту и культуре русских⁸; белорусы и украинцы имеют в этом отношении явные преимущества, например, перед киргизами и таджиками и дают не только в абсолютном, но и в относительном размере больше переселенцев в

⁸ В. И. Переведенцев. Миграции населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966, стр. 136.

Сибирь, хотя их этнические территории расположены от нее значительно дальше.

За период с 1959 по 1970 г. процент городских жителей повысился сильнее всего у русских, белорусов, украинцев и других уже довольно сильно урбанизированных народов. Наиболее урбанизированными народами страны по-прежнему являются русские и армяне; особенно высок процент горожан среди русских за пределами РСФСР (80,2%). Самый низкий процент горожан среди национальностей, имеющих союзные республики, был в 1970 г. у киргизов (14,6%); а среди народов автономных республик — у марийцев (20,4%).

Доля русских среди горожан союзных республик существенно повысилась в Белоруссии, Латвии и Эстонии; в РСФСР и на Украине она осталась на прежнем уровне, а во всех остальных республиках понизилась главным образом за счет роста горожан среди коренных национальностей.

Переходя к краткой характеристике половозрастного состава мигрантов, отметим значительное преобладание среди них людей наиболее мобильных — молодых и средних возрастов, в большинстве случаев мужчин; при миграциях на далекие расстояния обычно наблюдается также численное преобладание одиночек над переселенцами целыми семьями. По данным переписи 1959 г., в Магаданской области, например, в возрастной группе 20—29 лет среди сельского населения мужчин было больше, чем женщин, почти в 2 раза, а среди городского населения — в 1,5 раза (в европейской части РСФСР в этой возрастной группе среди сельского населения отмечено незначительное преобладание мужчин, а в городах — женщин). Оседая на новом месте, переселенцы-одиночки часто вступают в брак с женщинами (или мужчинами) других национальностей, что не может не отразиться на развитии этнических процессов.

Особенности национального состава городского населения СССР проступают и в соотношении полов по отдельным национальным группам горожан, хотя расхождения здесь обычно невелики. Кратко останавливаясь на этом вопросе, отметим, что на 1926 г. процент мужчин среди горожан у всех рассмотренных нами национальностей был несколько выше среднего для соответствующей национальности; наиболее значительные колебания полового состава отмечены у народов, сравнительно недавно и пока еще слабо втянутых в процесс урбанизации: так среди молдаван-горожан мужчины составляли около 57% (в сельской местности — менее 50%), среди казахов соответственно 58,5 и 52,5% и т. д. Лишь у русских и узбеков процент мужчин в городах был несколько ниже среднего, однако и у тех и у других за пределами их республик в городах отмечен повышенный процент мужчин. На 1959 г. среди русских процентное отношение полов в городе в целом не отличалось от среднего по стране, однако в РСФСР и в большинстве других республик среди русских-

горожан отмечен пониженный процент мужчин и лишь в Казахстане — значительно повышенный. Большинство других национальностей характеризовались высоким процентом мужчин в городах как в целом по стране, так и в пределах своих республик; наиболее существенно это проявилось у туркмен и киргизов, среди которых основную часть мигрантов из сел в города по-прежнему составляли мужчины. Только у эстонцев и латышей процент мужчин в городах был несколько ниже среднего.

В заключение подчеркнем непосредственную зависимость развития языковых, а вместе с ними и этнических процессов от особенностей расселения народов СССР.

Языковые процессы рассматриваются в специальной главе. Здесь же отметим кратко, что языковая ассимиляция сильнее идет среди групп населения, живущего за пределами своих национальных республик.

Ограничиваясь снова лишь некоторыми примерами, укажем, что в сельской местности языковая ассимиляция протекает, как правило, менее энергично, чем в городах, что объясняется большей консервативностью жизни сельского населения, его меньшим стремлением и передвижением, а также более однородным этническим составом самих сельских населенных пунктов. Города, особенно крупные города, как промышленно-торговые и административно-культурные центры часто притягивают к себе группы населения различной национальной принадлежности с самых удаленных областей страны. Эти группы, общаясь в повседневном быту, на производстве, в учебных заведениях и т. д., превращают города в своеобразные котлы этнических процессов.

Глава VII. Отражение этнических процессов в материальной культуре народов СССР

Материальная культура охватывает самые разнообразные стороны производства и быта народов. Формируясь в тесной связи с направлением хозяйства, географической средой, с социальной структурой народа (или его отдельной группы), она вместе с тем отражает и особенности этнической истории: общность или различия с другими народами, этническую раздробленность или степень консолидации.

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции материальная культура народов России была крайне разнообразной, что объяснялось спецификой хозяйственно-культурных типов, различием экологической среды (от тундры до зоны пустынь и субтропиков), сложным национальным составом населения, неравномерностью социально-экономического развития народов, многоукладностью быта, особенностями исторических судеб. Некоторые черты в отдельных областях материального быта определялись также различиями в вероисповеданиях.

Социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства вызвали глубокие разносторонние изменения в традиционной материальной культуре всех народов Советского Союза. Прежде всего они затронули производственную сферу. Если в промышленности задолго до Октябрьской революции происходила нивелировка этнических особенностей, то в годы первых пятилеток после внедрения современной техники в народное хозяйство этническая специфика стала интенсивно исчезать также в сфере сельского хозяйства.

Подъем материального благосостояния советских людей оказал революционизирующее влияние на сферу быта как в городах, так и в селе. Ускорился отход от архаических примитивных форм материальной культуры, широко бытовавших в царской России.

Успехи в развитии народного хозяйства, создание мощной экономики позволили осуществить величественную программу подъ-

ема жизненного уровня всего населения Советского Союза. В этих условиях традиционная матерьяльная культура подверглась значительным преобразованиям. Она стала быстро модернизироваться, приобретать индустриальный, урбанизированный облик. Примером может служить развитие транспорта. В первых десятилетиях после Октябрьской революции во многих районах страны основным был гужевой транспорт. В районах Крайнего Севера грузы перевозили на оленях и собаках, в пустынных районах Средней Азии — на верблюдах. В последующие десятилетия в области транспорта произошли разительные перемены. С 1917 по 1972 г. длина железных дорог увеличилась почти в 2 раза: с 70,3 тыс. км до 136 тыс. км. Перевозки пассажиров в СССР возросли по сравнению с 1940 г. в 2,4 раза. Если в 1940 г. было перевезено 1343,5 млн. человек, то в 1972 г. — 3166,3 млн. человек¹.

Огромную роль в нашей стране стал играть автомобильный транспорт. Протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием возросла с 1940 по 1972 г. более чем в 3 раза, а число пассажиров, перевезенных автобусами, увеличилось в 51 раз и достигло 30,3 млрд. человек.

В 1940 г. воздушным транспортом было перевезено всего 400 тыс. человек, в 1972 — 82,5 млн. Общая протяженность авиалиний возросла в 4 раза.

Возросло значение и речного транспорта; в 1940 г. речными судами было перевезено 73 млн. пассажиров, в 1972 — 130 млн.²

Таким образом, современный транспорт прочно вошел в быт всего советского народа. Однако не во всех районах одинаково используются все виды транспорта. В республиках и областях с относительно редкой сетью железных дорог перевозки осуществляются главным образом автомобильным и авиационным транспортом. Так, например, авиация прочно связала самые отдаленные поселки Крайнего Севера, Средней Азии с областными и краевыми центрами. Население этих районов пользуется авиацией значительно чаще, чем жители центральной части страны.

В современных условиях гужевой транспорт, сохраняющий локальные и этнографические особенности, применяется в основном для внутрихозяйственных перевозок.

О масштабах проникновения в сферу матерьяльной культуры современных стандартизированных форм могут, в частности, наглядно свидетельствовать данные об изменении жилищного фонда в городах нашей страны за годы Советской власти. Так, за период с 1913 по 1972 г. этот фонд увеличился в 9 раз (с 180 млн. кв. м до 1661 млн. кв. м). Иными словами, дореволюционный жилой фонд в целом в городах страны составляет сейчас не более 11%. Особенно значительным был прирост жилого фонда за

¹ «Народное хозяйство СССР в 1972 г.» М., 1973, стр. 432—434.

² Там же, стр. 359, 431—447.

последние десятилетия (1950—1972 г.), когда он увеличился почти в 3 раза (с 513 млн. кв. м до 1661 млн. кв. м)³.

При этом важно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, указанный прирост происходит преимущественно за счет жилищного фонда, создаваемого почти исключительно современными индустриальными методами (индивидуальные дома, находящиеся в личном владении отдельных граждан в малых и средних городах средней полосы РСФСР, составляют лишь $\frac{1}{4}$ всей жилой площади⁴). Во-вторых, имеет место сравнительно равномерное увеличение городского жилищного фонда во всех республиках.

Современную материальную культуру характеризует и степень газификации и электрификации страны. В 1960 г. было газифицировано только 3331 тыс. квартир, в 1972 г. число таких квартир увеличилось до 30 302 тыс., т. е. почти удесятилось. Газифицируются дома не только в городах, но и в сельской местности.

Электрификация коренным образом изменила домашний быт всего населения Советского Союза. В домах как городских, так и сельских жителей появились разнообразные электроприборы, облегчающие ведение домашнего хозяйства. Следующие данные говорят о значительном распространении предметов долговременно-го пользования: на 100 семей приходится 43 холодильника, 57 стиральных машин, 58 швейных машин (1972 г.).

Большое распространение получили индивидуальные виды транспорта — велосипеды, мотоциклы и автомашины. В 1972 г. на 100 семей приходилось 33 велосипеда и 10 мотоциклов.

Не менее показательны материалы о развитии общественно-го питания. С 1940 по 1972 г. количество предприятий общественного питания государственных и кооперативных организаций в целом по стране выросло в 2,5 раза.

Существенные изменения произошли и в других областях материальной культуры. Так, до 1930-х годов еще имело распространение трудоемкое домашнее и ремесленное производство тканей, значительная часть одежды и обуви изготовлялась самим населением вручную. В настоящее время подавляющее большинство жителей не только городов, но и сел пользуется изготовляемыми на специализированных промышленных предприятиях одеждой и обувью. В 1972 г. на душу населения выпущено 31,3 м тканей и три пары кожаной обуви, в то время, как в 1943 г. на душу населения приходилось 13,4 м ткани и 0,4 пары обуви⁵.

Стандартизация и унификация материальной культуры, перестройка быта в соответствии с техническим развитием влечет за

³ «Народное хозяйство СССР в 1972 г.», стр. 543.

⁴ М. Н. Шмелева. Об основных тенденциях развития материальной культуры русского городского населения за последнее столетие. СЭ, 1974, № 3.

⁵ «Народное хозяйство СССР в 1972 г.», стр. 547, 558.

собой все большее стирание этнической специфики. Сравнительно отчетливо она выражена лишь в некоторых областях материальной культуры, например, в архитектуре, в которой многие народы создали свой национальный стиль, во внутреннем убранстве жилища, в национальной одежде, традиционной пище.

Поэтому в настоящей работе рассматривается не вся материальная культура, а лишь такие ее компоненты, как поселение, жилище, одежда и пища.

Основным источником для написания данной главы кроме полевых материалов и коллекций этнографических музеев послужила этнографическая литература, главным образом послевоенного периода (за 1940—1974 гг.): серия томов «Народы мира»; историко-этнографические атласы «Народы Сибири», «Русские», монографии по отдельным народам, а также по культуре и быту колхозного крестьянства, материалы и статьи о быте рабочих, статьи и монографии об этнических процессах в стране; доклады на международных конгрессах этнографических и антропологических наук, кандидатские и докторские диссертации, в той или иной мере касающиеся изучаемой темы. Эти труды составляют обширный список и представляют ценный источник сведений. Однако в большинстве из них не ставится целью исследование этнических процессов. В них обычно уделяется внимание изменениям традиционной материальной культуры, но этнический аспект остается в тени, а сведения о современной материальной культуре обычно кратки.

В силу этого авторы настоящей главы отнюдь не претендуют на решение всего многообразного комплекса вопросов, связанных с такой сложной темой. В ряде случаев они ограничиваются сводкой имеющихся материалов, выявлением белых пятен и насущных проблем, без решения которых и в дальнейшем эта тема не может быть успешно разработана.

1. Поселения и жилище

Поселениям уделяется немалое место в этнографической литературе. В результате тщательного изучения истории развития и изменения типов поселений ряда регионов⁶ в настоящее время можно считать доказанным, что типы и форма поселений находятся в прямой зависимости от социально-экономических условий и географической среды, в том числе и от таких факторов, как формы землевладения, землепользования, наследования и т. д.⁷

⁶ См.: М. Н. Витов. О классификации поселений. СЭ, 1953, № 3; «Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв.». М., 1971, стр. 3—12.

⁷ М. Н. Витов. Указ. соч.; Б. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Восточнославянский этнографический сборник. Труды ИЭ», т. XXXI. М., 1956; «Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв.»; И. П. Бугквичус, Л. Н. Терентьева, Н. В. Шлыгина. Крестьянские поселения Прибалтики. СЭ, 1966, № 1, стр. 33 и др.

Что касается степени устойчивости традиционных черт в поселениях, то по этому вопросу единого мнения не существует. Не выявлен даже комплекс признаков, в котором и проявляется этническая традиция. Причиной этого, как нам представляется, является отсутствие обобщающих работ. Европейскому региону в этом плане несколько больше повезло: имеется ряд монографий и сборников, посвященных описанию и классификации сельских поселений прибалтийских народов, русских и украинцев⁸. Есть также работы, характеризующие среднеазиатские и кавказские поселения городского типа⁹. Однако большинство этих работ локально ограничено. Лишь некоторые из них ставят своей задачей выработку типологии и выявление признаков, несущих этническую нагрузку.

При описании и классификации селений внимание исследователей сосредоточено на особенностях планировки селений, размещении улиц и т. д. Нет сомнения, что эти особенности представляют исследовательский интерес, так как в них, несмотря на государственную регламентацию (начавшуюся в XVIII в.)¹⁰, у различных народов сохраняются отдельные специфические черты, стойкость которых можно объяснить лишь традицией. На ориентировку дома по отношению к улице, размещение усадеб (по отношению к улице и друг к другу) исследователи обычно обращают меньшее внимание. Между тем именно эта специфика планировки, менее подверженная социально-экономическому и экологическому влиянию, часто опирается на этнические традиции.

Как нам представляется, материал по поселениям, суммированный ниже, должен побудить исследователей обратиться к вопросам о стадийных и этнических особенностях развития поселений и стимулировать создание столь необходимой типологической классификации сельских и городских поселений в целом по Советскому Союзу.

В дореволюционное время поселения народов России отличались большим разнообразием, которое было порождено различием типов хозяйства, природных условий и традиций. Основная масса населения страны (82%) жила в сельской местности. В европейской части России сельские поселения были расположены главным образом по берегам озер и рек, а также вдоль почто-

---

⁸ М. Н. Витов. Указ. соч.; В. Э. Блажковист. Указ. соч.; «Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв.»; И. П. Буглявичус, Л. Н. Терентьева, Н. В. Шлыгина. Указ. соч.; Г. Е. Стельмах. Историческое развитие сельских поселений на Украине. Автореф. канд. дисс. Киев, 1969.

⁹ О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958; В. П. Кобычев. Города, селения, жилище. «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968.

¹⁰ «Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в.». «Труды ГИМ», вып. XV. М., 1941, стр. 77—120; «Полное собрание законов Российской Империи», т. VI. СПб., 1830, № 4070.

вых трактов. Жители средней и южной лесостепной и степной зон европейской части жили в многодворных, более или менее равномерно размещенных по территории поселках преимущественно с уличной или рядовой планировкой. В центре малых деревень, как правило, имелась часовня, а в крупных селах — церковь и торговая площадь. На окраине обычно стоял общественный амбар — магазей. Подобный план и состав селения был характерен для большинства народов Европейской России: русских, украинцев, народов Поволжья и восточной Прибалтики, а также белорусов и эстонцев (у которых, впрочем, преобладали малодворные поселки)¹¹. На севере, у русских и карел, а также у некоторых народов Поволжья и Прибалтики бывало расселение иного («гнездового») типа. Деревни располагались небольшими группами — «гнездами», отдаленными от других «гнезд» значительным незаселенным пространством. Застройка их, по сведениям большинства исследователей, отличалась «беспорядочностью».

В ряде областей, а именно (по нынешнему районированию) в западных районах УССР, РСФСР и в Прибалтике широкое распространение получили хутора¹².

Как показывает анализ имеющихся у нас сведений, тип этих поселений (многодворный, малодворный или хуторской) определялся формами землевладения и землепользования. Влияли на это и меры административного вмешательства (например, столыпинская реформа). В других районах, в частности на Кавказе и в Средней Азии, в зависимости от количества удобной земли и запасов воды бывали как многодворные селения, так и селения хуторского типа¹³.

---

¹¹ В. П. Семенов-Тяньшанский. Город и деревня Европейской России. «Записки РГО», т. X, вып. II. СПб., 1910; М. В. Витов. Поселения Заонежья в XVI—XVII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1951; он же. О классификации поселений; В. Г. Давидович, С. А. Ковалев, В. В. Пожишевский. Об основах классификации населенных пунктов СССР. «Известия АН СССР. Серия географическая», № 4, 1959; Г. Е. Стельмах. Указ. соч.; М. Я. Гринблат. Белорусы. Минск, 1968, стр. 217; «Народы европейской части СССР», II. Серия «Народы мира». М., 1964, стр. 115, 562 и др.; Г. Троска. Деревни северной Эстонии. «Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв.», стр. 96.

¹² М. В. Витов. Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение. СЭ, 1955, № 2; «Народы европейской части СССР», II, стр. 566, 649 и др.; Л. Н. Терентьева. К вопросу о переходе от хуторского расселения к колхозным поселкам в Латвийской ССР. СЭ, 1954, № 1; В. В. Пименов. К истории сложения типов поселений в Карелии. СЭ, 1964, № 2; И. П. Буткявичус, Л. Н. Терентьева, Н. В. Шлыгина. Указ. соч.; Л. Н. Терентьева. Крестьянские поселения северной Латвии эпохи капитализма. «Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв.», стр. 158.

¹³ В. П. Кобычев. Указ. соч., стр. 90; А. И. Алиев, З. А. Никольская. Даргинцы. «Народы Кавказа», I. Серия «Народы мира». М., 1955, стр. 467—486; Н. А. Кисляков. Таджики Каратегина и Дарваза, ч. II. Душанбе, 1970, стр. 5—18.

Основная масса скотоводческих народов бывшей царской России вплоть до Октябрьской революции имела два вида поселений: зимники (расположенные чаще всего в местах заготовки кормов) и летовки. Зимние поселения имели более или менее стационарный характер. Они состояли из глинобитных жилых и хозяйственных построек (узбеки, северные туркмены, казахи) или юрт (киргизы, калмыки, некоторые группы узбеков и казахов), установленных группами на значительном расстоянии друг от друга¹⁴. Большая часть этих гнезд группировалась из юрт родственников. В зимние месяцы поселки бывали многолюдны. Так, например, в казахских зимовках находилось 150 и более хозяйств. В период весенне-осеннего выпаса часть или даже все юрты переносили на сезонные пастбища.

Народы севера и северо-востока, занимавшиеся крупнотабунным оленеводством (коряки, ненцы, чукчи), также вели кочевой образ жизни. Стойбища их, состоявшие из трех-четырёх яранг, населённых главным образом родственниками, переносились по определённому маршруту (в зависимости от состояния пастбищ). При переходе к оседлому образу жизни в тех районах, где коряки тесно соприкасались с русскими (например, коряки-рыболовы Гижигинской округи), селения их, состоявшие из бревенчатых изб русского образца, отличались от селений местного населения лишь отсутствием четко выравненных улиц. В летнее время береговые коряки переселялись непосредственно на побережье, где и жили весь промысловый период в шалахах на сваях¹⁵.

Планировка селений народов Кавказа и оседлых народов Средней Азии отличалась крайней неупорядоченностью: постройки располагались без всякого плана, часто лепились одна к другой. Крупные многодворные селения подразделялись на имевшие причудливую конфигурацию кварталы, иногда отделявшиеся друг от друга квартальными воротами. Так, например, кишлак Бешкапа (вошедший ныне в состав селения Чартак — райцентра Наманганской области Узбекской ССР) состоял из трех кварталов (махалля), а соседствующие с ним кишлаки Айкыран и Билянак — из пяти и девяти кварталов¹⁶.

У некоторых народов Дагестана преобладали двухквартальные селения, причем каждый из кварталов имел водоем (хауз) и одну или даже несколько мечетей. Ширина улиц часто бывала настолько мала, что до домов, стоящих на противоположной стороне, можно было достать рукой. Такие улицы существовали не только

---

¹⁴ Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969, стр. 154; «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969, стр. 114.

¹⁵ W. Jochelson. The Koryak. The Jesup North Pacific expedition. «Memoirs of the American Museum of Natural History», pt. 1. Leiden — New York, 1905, p. 343—357.

¹⁶ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955, стр. 19—20.

в сельских, но и многих промышленных поселках Кавказа (например, в азербайджанском селении нефтяников на Апшеронском полуострове)¹⁷.

Многие особенности планировки селений зависели от рельефа местности. Народы, обитавшие в горах, где почти невозможно найти ровную площадку, размещали свои аулы амфитеатром (например, у аварцев, даргинцев, ягнобцев). Дома в аулах настолько тесно примыкали друг к другу, что крыши нижерасположенных использовались в качестве двора для верхних¹⁸.

Некоторые селения в целях обороны обносили высокими стенами, а иногда сооружали боевые башни (например, в аварских, агульских и других селениях народов Дагестана)¹⁹. Однако материалы по селениям горных таджиков показывают, что если имелась подходящая плоскость, жители строили дома на плоскости и лишь позднейшие пришельцы располагались на склонах гор. Это правило можно отнести и к городам, расположенным в предгорьях (например, Душанбе) или на побережье с крутым рельефом (Сухуми, Петропавловск-на-Камчатке).

Таким образом, горизонтальная или вертикальная планировка поселений сама по себе не является специфической особенностью какого-то одного народа или группы народов, близких по происхождению, а свойственна различным народам, живущим в сходных природных условиях. Тем не менее каждая из этих планировок налагает определенный отпечаток на общий облик селений, на их план в целом, на размещение улиц и усадеб.

Значительный материал по этническим традициям и связям дает анализ порядка расселения. Большая часть сельских поселений страны имела мононациональное население, и если район в национальном отношении был смешанным, различные народы группировались в отдельных мононациональных селениях²⁰. Исключение составляли лишь переселенческие поселки, значительное число которых возникло в конце прошлого — начале нынешнего века в слабозаселенных районах Сибири, Казахстана и Средней Азии. Состав их был очень пестр. В одном селении часто объ-

---

¹⁷ А. Г. Трофимова. Типы поселений и жилища бакинских рабочих-нефтяников. СЭ, 1963, № 4, стр. 57; А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М., 1940, стр. 30—34.

¹⁸ А. И. Алиев, З. А. Никольская. Даргинцы, стр. 86.

¹⁹ В некоторых районах защитные стены устраивались вокруг усадьбы, что было особенно характерным для туркмен, отдельных групп узбеков и др. (см. например: В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. 3. М., 1953, стр. 35, 67—69; М. В. Сазонова. К этнографии узбеков Южного Хорезма. «Труды Хорезмской экспедиции», т. 1. М., 1952, стр. 282—289).

²⁰ С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулейманов. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. ТИЭ, т. 37. М., 1958, стр. 9, 139—140; «Народы Средней Азии и Казахстана», II. Серия «Народы мира». М., 1963, стр. 663—665.

единялись люди 10—15 различных пародностей. Представители одной народности стремились жить по соседству. Тенденция эта нашла отражение в топонимике. Многие села были названы по той местности, откуда прибыла большая часть новоселов. По этому же признаку получали названия «концы» села или отдельные улицы (например, в с. Сазоновка Иссык-Кульской обл. один конец села по преобладающему населению был назван «Курщина», а другой — «Воронеж», в селе Тюп той же области имелись Астраханская и Пензенская улицы, в с. Ойтал — Тамбовская улица)²¹.

Аналогичная картина наблюдалась на Алтае, где в переселенческих селах зафиксированы такие названия, как «Сибирский конец», «Хохлацкий конец» и др.²²

Стремление жить в привычной этнической среде можно проиллюстрировать примерами из быта многонациональных поселений среднеазиатских народов. Так, например, в расположенном близ Самарканда кишлаке Ургут совместно проживали таджики и узбеки, первые жили в шести центральных кварталах, а вторые — в семи кварталах, расположенных на окраинах. Часто расселение осуществлялось и по более мелким категориям, в частности по родовым и территориальным группам.

Аулы многих народов состояли из семей одного рода (например, у туркмен, полукочевых групп узбеков, каракалпаков, киргизов, казахов). В крупных поселках, где население относилось к разным родственным группам, каждая из них обитала в отдельном квартале (горные таджики, даргинцы)²³. Эта особенность наложила отпечаток также и на планировку городов Средней Азии. В Бухаре, например, заселенной в основном таджиками, но расположенной на территории, освоенной узбеками, сохранявшими родо-племенное деление, не только различные народы, но и различные племена селились в отдельных кварталах; узбеки племен мангыт, найман-уч-уруг жили в кварталах Урганджи, Чармыгарон и Олим-Ходжа; племена кенегес и калмок — в квартале, примыкавшем к воротам Талипоч; форсы составляли почти единственное население кварталов Чукур-махалья и Какф; арабы заселяли два квартала под названием Арабон; евреи жили в пригородных слободах Махаллайкухна, Махаллайнау и Амиробод; таджики, выходцы из кишлаков Пагот, занимали квартал Понибохо. В Ходженте, основное население которого составляли таджики, имелись отдель-

---

²¹ Т. В. Станюкович. Поселения и жилище русского, украинского и белорусского населения среднеазиатских республик и Казахстана. «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии». М., 1969, стр. 229—230.

²² В. А. Липинская. Русские поселения в Алтайском крае. СЭ, 1965, № 6, стр. 107.

²³ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 274, 462, 584; Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 154; Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР. «Среднеазиатский этнографический сборник», т. I. М., 1954, стр. 42;

ные кварталы: арабский (Арабон), узбекский (Бешкаппа), еврейско-мусульманский (Таги Сарв). Внутри мононациональных кварталов (так же, как и селений) расселение осуществлялось в зависимости от социальной организации (по племенам, патриархальным группам, большим семьям, так называемым сложным общинам и т. п.). Каждый квартал имел мечеть и общественное водохранилище. Группа кварталов составляла один роат, жители которого погребались на общем кладбище²⁴. Имелись ли различия в планировке жилых комплексов внутри кварталов, населенных всеми этими группами, — литература ответа не дает.

Выходцы из европейского региона страны (украинцы, русские, немцы, татары, а также армяне и др.) проживали совместно в особой части города. «Русские» или «европейские» кварталы городов Средней Азии строились по плану, характерному для русских провинциальных городов (линейная или радиальная планировка, широкие, обсаженные деревьями улицы, площади для общественных зданий). Особенно «русскими» выглядели города и поселки, которые вырастали на необжитых местах в районах расселения народов, ведущих кочевой образ жизни (Кустанай, Кокчетав, Усть-Каменогорск, Аулиеата, Джаркент в Казахстане; Пржевальск в Киргизии, Кушка, Красноводск в Туркмении и др.²⁵).

Аналогичная картина была характерна не только для сельских, но и городских поселений ряда других областей. Так, например, в Ростове-на-Дону имелись русская и армянская (Нахичевань) части города; в Тбилиси не было подразделения на армянские и грузинские кварталы, однако существовал квартал, где проживали мусульмане-азербайджанцы, в центре его стояла мечеть, а на окраине имелось квартальное кладбище; в Нальчике, в Цхинвали в районе базара, в отдаленном квартале жили горские евреи; в Дербенте имелись отдельные кварталы, заселенные русскими, азербайджанцами и горскими евреями. Таким образом, судя по имеющимся данным, у народов Кавказа решающим фактором при расселении была этноконфессиональная принадлежность.

На характере поселений отражалось и социальное неравенство, особенно четко прослеживающееся в городах: аристократические кварталы, кварталы людей среднего достатка и трущобы бедноты резко различались²⁶.

М. С. Османов. Поселения и жилище даргинцев. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 7—8; *А. Н. Кондауров.* Указ. соч., стр. 32; *О. А. Сухарева.* Указ. соч., стр. 77—89.

²⁴ *Н. Турсунов.* Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1969, стр. 9.

²⁵ *В. И. Масальский.* Туркестанский край. СПб., 1913, стр. 760—773 и др.

²⁶ *А. И. Робакидзе.* Поселение как источник изучения общественного быта. «Труды УП МКАЭН», т. V. М., 1970, стр. 19; *Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева.* Некоторые вопросы развития современного городского жилища. СЭ, 1972, № 3, стр. 99.

Это явление было в равной мере типично как для однопациональных городов, так и для многонациональных. Сказывалось оно и в сельских условиях. В кишлаке Булянак (Наманганская обл.), например, в лучшей, сравнительно благоустроенной части селения Бой-махалля (квартале богачей) жила местная социальная верхушка, а в кварталах, презрительно называемых Ит-махалля (собачий квартал) и Така-махалля (квартал козлов), обитала беднота. В Прибалтике большой удельный вес среди поселений составляли батрацкие и бобыльские поселки²⁷.

На юге России в «засечной черте», на Дону, на Северном Кавказе и других районах однодворцы и государственные крестьяне, казаки и «иногородние» селились обособленно²⁸. Особенно яркий отпечаток социальный фактор налагал на селения такой привилегированной группы, как казачество. Станицы донских, кубанских, а также сибирских и уральских казаков отличались четкой планировкой, большими размерами усадеб, а также наличием площади для военных учений.

Итак, до революции и в первые годы Советской власти расселение народов СССР в соответствии с уровнем их социально-экономического развития осуществлялось по нескольким основным принципам: родо-племенному, этническому, сословному, социальному и религиозному (например, «мусульманские» и «православные» кварталы в городах Кавказа).

Огромные изменения в экономике и культуре, социальные преобразования, произошедшие после Октябрьской социалистической революции, не могли не сказаться на принципе расселения и особенно на облике новых поселений. Города, поселки и даже целые районы застраивались с участием представителей многих народов СССР (Комсомольск-на-Амуре, целинные районы Казахстана, Алтая и др.). Умножались и теснее становились связи между локальными группами, народами, между городом и деревней, между периферией и центром. Широко, особенно начиная с конца 1940-х годов, развивалось государственное строительство, вырабатывались новые нормы планировки селений и городов различных зон СССР, отразившие в ряде случаев народные навыки и традиции.

Населенность городов и поселков городского типа резко возросла²⁹. Происходит перераспределение городского и сельского

---

²⁷ О. А. Сухарева, М. А. Бижанова. Указ. соч., стр. 20; Л. Н. Терентьева. К вопросу о переходе от хуторского расселения к колхозным поселкам...

²⁸ О. А. Ганцкая. Поселения и жилище. «Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР». ТИЭ, т. LVII. М., 1960, стр. 176.

²⁹ В. В. Покишевский. География населения и населенных пунктов. «Советская география. Итоги и задачи». М., 1960, стр. 233.

населения и соответственно селений сельского и городского типа³⁰.

Из табл. 1 видно, что с 1926 по 1972 г. число городов возросло на 1255, а число поселков городского типа увеличилось на 2409 пунктов.

Т а б л и ц а 1. Города и поселки городского типа СССР (по числу жителей)*

	Число городских поселений			Число жителей в них (млн. человек)		
	декабрь 1926 г.	январь 1959 г.	январь 1972 г.	декабрь 1926 г.	январь 1959 г.	январь 1972 г.
Все городские поселения	1925	4619	5589	26,3	100,0	142,5
в том числе						
города	709	1679	1964	21,7	83,0	122,2
поселки городско- го типа	1216	2940	3625	4,6	17,0	20,3

* «Народное хозяйство СССР. 1922—1972». М., 1972.

Планировка городов также сильно развилась. Принципиально изменилась социальная топография, исчезло деление на центральную и окраинные части городов. Теперь создаются новые кварталы, застроенные одинаково благоустроенными комфортабельными домами современной архитектуры. Квартальная система в ее традиционном понимании бытует там, где еще сохранились старинные части города. Так, например, в Дербенте почтовый адрес в старой части города состоит из названия квартала и номера дома. В старых городах некоторые кварталы сохраняют свою специфику (таджикские кварталы Бухары, Ленибада, Канибадама, Исфары, так же как и кварталы некоторых селений Кавказа, где до сих пор существуют квартальные ворота и внутриквартальные улицы).

Находят отражение в характере расселения горожан и такие кардинальные сдвиги в размещении населения в советский период, как возрастающая многонациональность городов, тесное этническое сближение в производственной и семейной сфере (в том числе и межнациональные браки). Деление города на кварталы по этническому признаку уже почти исчезло и в ряде случаев прослеживается лишь в пережиточной форме. Так, например, Армениякент в Баку перестал быть специфически армянской

³⁰ «Союз Советских Социалистических Республик, 1917—1967». М., 1967, стр. 33. Данные о динамике соотношения сельского и городского населения см. гл. VI настоящего издания.

частью города: новые дома в нем заселяются лицами разной национальности.

Под влиянием смешанного расселения, межнациональных связей и ликвидации резких особенностей быта облик кварталов, в которых ранее проживали отдельные национальности, постепенно нивелируется. Четкая линейная планировка улиц получает всеобщее распространение. Новые же кварталы (где бы они ни возникали) строятся в соответствии с последними достижениями современного градостроительства, отличительной особенностью которого является квартальная застройка, при которой дома ритмически чередуются с зелеными насаждениями, площадями и общественными зданиями. Новая планировка получила широкое распространение во всех республиках.

География и типы поселений в сельских местностях Советского Союза значительно изменились³¹. В 20-х — начале 30-х годов старые селения были частично упорядочены и благоустроены, чему в значительной мере способствовала активная деятельность наркоматов земледелия и здравоохранения и ряда проектных организаций³².

Десятилетием позже вслед за сплошной коллективизацией сельского хозяйства и в связи с оседанием народов, которые ранее вели полукочевой или кочевой образ жизни, происходит ряд коренных изменений в характере сельских поселений этих народов.

У народов европейской части Союза под влиянием нового коллективного землепользования и нового быта некоторые типы селений (например, хутора, малодворные гнездовые селения) начинают исчезать; другие (например, многодворные) получают широкое многостороннее развитие.

Большинство новых селений строится по плану, «привязанному к местности». Особенно много новых селений появилось в европейской части страны в конце 40-х — начале 50-х годов в районах, подвергшихся оккупации в годы Великой Отечественной войны.

На месте уничтоженных фашистами мелких и крупных селений в Карелии, Белоруссии, Прибалтике, на Украине и Северном Кавказе выросли большие благоустроенные поселки. Поселки планируются по современным всеобщим стандартам: в них имеются площади, где размещаются административные и культурные учреждения, и жилая часть, планируемая чаще всего поквартально. Однако некоторые традиционные особенности планировки у ряда народов сохраняются. Так, например, дома в белорусских

---

³¹ С. А. Ковалев. Сельское расселение. (Географическое исследование). М., 1963 и др.

³² «Положение о землеустройстве». М., 1919; «Инструкция по парезке, планировке и расширению старых поселений и усадеб». М., 1926; «Альбом проектов будівель в колгоспах». Київ, 1929.

селения ставятся (как и ранее) чаще торцом к улице, а в южнорусских областях и на Украине — длинной стороной.

В ряде республик появляются селения нового типа. Таковы, например, промышленные селения в Сибири и Карелии (поселки леспромпхозов), крупные административные центры в республиках Средней Азии, в Сибири и других районах страны³³.

Отличительной особенностью современных сельскохозяйственных и промышленных селений является выделение культурно-административного центра и отчленение производственной зоны от жилых кварталов. Эта особенность, характерная для новостроек всех народов СССР, особенно ярко прослеживается в районах нового заселения, в частности в планировке целинных поселков Сибири и Казахстана, а также на землях нового орошения (Голландная степь) и при переносе селений из зон затопления при строительстве гидроэлектростанций³⁴.

В связи с укрупнением колхозов появились многодворные селения, созданные из хуторов и малодворных поселков. Постройки обычно свозили в одно из наиболее благоустроенных селений и группировали в виде новых его кварталов. В результате повсеместно появились «гибридные» формы селений, старое ядро которых имеет традиционную планировку, улучшенную и благоустроенную, новые же кварталы — современную.

В украинских укрупненных поселках, например, в старой части можно встретить традиционные виды застройки (вплоть до «бессистемной»), которая до сих пор еще бытует в селениях, организованных в 40-х — 50-х годах из отдельных хуторов. В южной Карелии, где преобладал гнездовой тип расселения, большое распространение получили селения, сросшиеся из нескольких «гнезд».

В Прибалтике также встречаются селения, тип застройки которых в ряде случаев продиктован традицией³⁵.

Кардинально изменился характер поселений полукочевых и кочевых народов Союза, процесс оседания которых начался еще в дореволюционную эпоху, когда на окраине русских селений, а затем и в степи начали появляться отдельные дворы или селения местной не имевшей скота бедноты, пытавшейся с переходом к оседлому хозяйству вырваться из-под власти баев.

В первые годы после Октябрьской революции процесс оседания ускорился: к 1928 г. 25,5% казахов вели оседлый образ жизни.

³³ «Народы европейской части СССР», I, стр. 290—298, 824; *Р. Ф. Тароева*. Материальная культура карел. М.—Л., 1965, стр. 186; «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области». М.—Л., 1969, стр. 85.

³⁴ *Л. М. Сабурова*. Культура и быт русского населения Приангарья. Л., 1967, стр. 124.

³⁵ *Г. Е. Стельмах*. Указ. соч., стр. 68—70; *Р. Ф. Тароева*. Указ. соч., стр. 186; *Н. Шлыгина, Г. Троска*. О поселениях в юго-восточной Эстонии. «Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв.», стр. 80.

Массовое оседание было осуществлено в начале 30-х годов. Оно протекало параллельно с коллективизацией и одновременно с ней было завершено. К 1935 г. перешла на оседлость основная масса казахов, к 1940 г. — основная масса киргизов³⁶.

В некоторых областях и районах (например, в Киргизии, Северном Казахстане) создание оседлых селений не составляло особых трудностей. Они размещались главным образом в местах оседлости, частично уже освоенных как самими оседающими кочевниками, так и сельским русским населением.

В песчаных степях Туркмении, Кара-Калпакии, Узбекистана, Казахстана созданию оседлых селений должны были предшествовать работы по землеустройству и ирригации. Это в свою очередь не могло не повлиять на численность селений. Многие колхозы первоначально состояли из разбросанных по всей территории мелких поселков в 5—10 дворов и лишь в 1940—1950 гг. сумели выстроить большие благоустроенные селения с правильной планировкой озелененных улиц и усадеб. Любопытно, что семейно-родственные группы, а в многонациональных поселках этнические группы всегда стремились построить свои дома рядом или друг против друга³⁷.

В отличие от городов в сельских поселениях привычка жить в родственном этническом или земляческом коллективе прослеживается вплоть до наших дней. У народов Кавказа, например, она сказалась при перемещении горных аулов в долины, начавшемся во время гражданской войны и особенно развернувшимся в 1920—1930 гг. В Северной Осетии на равнину переселилось 26 тыс. человек (разместившихся в 15 новых селениях); в Ингушетии — свыше 86% всего населения; в Карачае — 64% и т. д. Они расселялись в долинах, где раньше жили лишь черкесы и русские. В настоящее время только в районе Кисловодска живут свыше 20 тыс. карачаевцев, разместившихся в новых селениях или в отдельных кварталах старых селений. Принцип расселения остался традиционным: однофамильцы, выходцы из одного аула обосновались в особом квартале или составляли особый «конец» селения³⁸. В районе г. Сочи, в селах Головинка, Ново-Михайловском и других населенных пунктах, где жили только русские, в 1930—1940 гг. появились кварталы, застроенные спустившимися из горных районов адыгейцами. В селах, вы-

---

³⁶ Д. Ф. Дахилейгер. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств. СЭ, 1966, № 4, стр. 3; «Народное хозяйство Казахстана», 1928, № 11—12, стр. 72; Т. А. Жданко. Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане. СЭ, 1967, № 4, стр. 5; М. Г. Сахаров. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. М., 1934, стр. 120—134.

³⁷ М. Г. Сахаров. Указ. соч., стр. 121; Я. Р. Винников. Указ. соч., стр. 43; Э. Г. Гафферберг. Белуджи Туркменской ССР. Л., 1969, стр. 88; Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 166.

³⁸ В. П. Кобычев. Указ. соч., стр. 112—113.

росших вдоль течения р. Сунжи, поселились чеченцы, ингуши и осетины, в с. Сергокола — даргинцы³⁹.

В Восточно-Казахстанской области большие сдвиги в размещении населения произошли в связи с постройкой Бухтарминской ГЭС. Из ряда сел Бухтарминского, Самарского и Большенарымского районов решено было создать на берегу Бухтарминского водохранилища три крупных поселка. Планы новых селений было поручено разработать Институту градостроительства, причем по настоятельному требованию переселявшихся жилые кварталы были спланированы таким образом, чтобы не нарушать привычного соседства односельчан.

В 1959—1961 гг. при укрупнении колхозов в пестрых по национальному составу районах в одном селении оказывались колхозники различных национальностей. Большинство из них, однако, стремилось сохранить сложившиеся на прежнем месте жительства соседские связи. Поэтому во многих селениях появляются однонациональные кварталы. Так, например, в некоторых селах Прииссыккуля (Киргизия) имеются русские, дунганские, киргизские кварталы (с. Бурмасу), киргизские и русские (с. Тюп), а в с. Коржункуль Кустанайской области (Казахстан) — казахские и украинско-русские кварталы. В целинных совхозах население формируется из одиночек или отдельных семей. Традиция расселения по национальному или локальному принципу, так же как и в городах, здесь отсутствует⁴⁰.

На планировку селений, ориентировку жилища по отношению к улице большое влияние оказало местное восточнославянское население⁴¹. У некоторых ранее кочевых народов, например у белуджей, даже сам оседлый поселок (в противоположность традиционному кочевому «алк») получил наименование «поселка». В селениях Казахстана кварталы, население которых принадлежит к различным национальностям, и теперь несколько отличаются друг от друга. Так, например, кварталы, где проживают казахи, в ряде селений еще не имеют четкой планировки. Фасады домов не всегда выравнены в одну линию, усадьбы часто неупорядочены⁴². Отсутствие четкости в планировке селений было характерно и для других, недавно перешедших к оседлому образу жизни народов (например, белуджей, хакасов, тувинцев)⁴³.

³⁹ Архив ИЭ. Полевые записи Л. И. Лаврова.

⁴⁰ Т. В. Станюкович. Деякі підсумки дослідження східнослов'янського населення цілиних земель Казахстану. «Народна творчість та етнографія», 1961, № 2.

⁴¹ С. М. Абрамзон, Е. И. Ангипина и др. Указ. соч., стр. 140, 148; Ш. Юсупов. Из истории перехода нового казахского населения к оседлости. ВИ, 1960, № 3, стр. 40—42; Э. Г. Гафферберг. Указ. соч., стр. 86.

⁴² «Культура и быт казахского колхозного аула», стр. 88, 94 и др.

⁴³ Э. Г. Гафферберг. Указ. соч., стр. 87. «Народы Сибири». Серия «Народы мира». М.—Л., 1956, стр. 436—440; Л. П. Потанов. Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев. СЭ, 1948, № 1, стр. 114.

Кочевые народы северо-востока страны начали переходить к оседлому образу жизни в 1929—1932 гг. Не имея соответствующих традиций, они создавали свои первые поселки под влиянием местных оседлых жителей: русских старожилов, ительменов и обрусевших коряков, ранее освоивших русский тип поселка и жилища. Эвенкийские селения Охотского побережья, например, по своей планировке ничем не отличались от русских. Это в особенности отчетливо сказывалось в последние десятилетия, когда произошло укрупнение селений. Поселки эти (так же, как и у энецов, нгансанов и долган) основывались в районе летних рыбных промыслов, в то время как у ряда других народов место для них выбиралось в районе зимовок (например, верхнеколымские юкагиры)⁴⁴. На этот выбор повлиял характер промыслов. На первом этапе оседания значительную роль при создании оседлых селений и постоянного жилища сыграли культбазы — своеобразный комплекс культурно-просветительных и хозяйственных учреждений, в задачу которых входила помощь кочевым народам при переходе к оседлому образу жизни и внедрение культурных и хозяйственных навыков, необходимых для нового быта⁴⁵.

Особенностью развития селений у тех народов Сибири, основу хозяйства которых и в наши дни составляет отгонное скотоводство, является существование новых и старых форм поселений. Выпас скота в условиях крупнотабунного скотоводства требует частых перекочевок. Бригады пастухов посмело живут во временных селениях старого типа, их семьи — в современных, стандартных, многодворных стационарных поселках. Эти селения, первоначально возникшие вблизи школ и магазинов, не были полностью оседлыми. Позднее стали появляться оседлые базы и как завершающая форма — капитальные центральные усадьбы колхозников⁴⁶.

К началу 50-х годов многие народы севера Сибири и Дальнего Востока, жившие отдельными хозяйствами или мелкими селениями на расстоянии десятков и даже сотен километров друг от друга, сселялись в крупные поселки.

Планировка этих селений, их благоустройство (водоснабжение, коммуникации, озеленение и т. д.) весьма красноречиво говорят о ликвидации разрыва между сельскими поселениями оседлых и бывших кочевых народов, который в настоящее время сводится к минимуму. Мало того, застроенные индустриальными методами и благоустроенные, они нередко превосходят по ряду показателей селения народов с давними традициями оседлого быта. Селения подобного типа практически уже не отличаются от городов.

⁴⁴ И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966, стр. 228.

⁴⁵ Аналогичную роль у народов Алтая играл «дом алтайки».

⁴⁶ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. ТИЭ, т. XXVII, 1955, стр. 457—459.

Жилище — самый долговечный элемент материальной культуры. Это подтверждается сосуществованием зданий, построенных в настоящее время, с теми, которые были возведены на протяжении предшествовавших десятилетий и даже столетий. До Октябрьской революции самым распространенным типом жилища народов СССР в сельской местности и частично в городах было традиционное. Оно строилось по канонам народного зодчества, в котором этнические традиции сохранялись и развивались в прямой преемственности от поколения к поколению, от мастера к мастеру.

С постепенными изменениями хозяйственно-бытового уклада и образа жизни народов происходила медленная трансформация жилища, которое приспособлялось к этим изменениям. Так сохранялись и развивались традиции народного зодчества, отражая эволюцию хозяйственных занятий, семейного и общественного быта народа на протяжении всей истории этноса.

В крупных городах основная масса жилищ, в средних и особенно малых — незначительная часть строилась по проектам профессионалов-архитекторов. В профессиональной архитектуре, развивающейся по своим законам, со сменой стилей, господствующих в определенные периоды в больших регионах, этнические традиции проявляются опосредствованно.

Творчество архитекторов как представителей определенного этноса, имеющего свои традиции народного зодчества, в известной мере само по себе направлялось этими традициями. Помимо того, в различные периоды то в большей, то в меньшей степени архитекторы сознательно обращались к народному зодчеству с целью творческого освоения его наследия в практике градостроительства. В свою очередь городская архитектура влияла на народное зодчество, на сельское жилище. В настоящее время городское жилище полностью, а сельское частично строится по проектам профессионалов-архитекторов.

Облик городов, построенных в разные эпохи, во многом определялся теми элементами народных традиций, которые были воплощены в большей или меньшей степени в творениях профессионалов-архитекторов и зданиях, построенных народными мастерами с учетом этнических традиций.

Традиционное жилище народов СССР ко времени Октябрьской социалистической революции было крайне разнообразным по своим типам (формам, строительному материалу, конструкциям, высотности, планировке), функциональному использованию отдельных частей жилищно-бытового комплекса (членению на части, предназначенные для определенных хозяйственных и бытовых нужд, что отражалось в интерьере). Находясь в зависимости от экономических условий и географической среды, оно имело большое число вариантов не только в различных, но даже в однородных этнических средах. Так, например, жилище сельского рус-

ского населения на громадных просторах от Белого до Черного моря, от Балтики до Тихого океана до недавнего времени имело ряд разновидностей: на севере европейской части СССР русские жили в больших на высоком подклете домах, подведенных вместе с двухъярусным двором и хозяйственными постройками под одну или несколько слитно пристроенных друг к другу крыш. Жилище русских южных губерний состояло из небольшой наземной избы в соединении с замкнутым в плане, но не крытым двором, внутри которого размещались хозяйственные постройки. Оба эти типа настолько отличались друг от друга, что если бы не средне-русский тип дома и двора, для которого характерны промежуточные формы (изба на невысоком подклете с примыкающим к ней крытым одноэтажным двором), их трудно было бы признать за жилище одного и того же народа ⁴⁷.

Не менее контрастно различались жилища по социальному признаку: богатые русские крестьяне жили в обширных многокамерных, иногда двухэтажных хоромах, фасады которых были почти сплошь покрыты кружевом деревянной резьбы (Поволжье, Подмосковье, Дон) или красочной росписью (Архангельская, Вологодская губернии), а бедняки обитали в низких, чаще всего двухкамерных домишках, представлявших собой едва обработанный сруб.

Тем не менее жилище русского народа имело ряд общих традиционных черт, по которым его можно было отличить от жилища других даже близких по языку и культуре народов.

К этим особенностям относится не только сочетание таких элементов, как материал (дерево), техника постройки (срубная), присутствующих и многим другим народам, но также тип внутренней планировки отапливаемого помещения дома и сам способ отопления его (русская печь), связь дома с хозяйственными постройками, конструкция крыши и манера архитектурного оформления фасада (пропорции отдельных частей, резьба). Эти признаки встречались в разнообразных сочетаниях, однако в целом придавали жилищу облик, характерный именно для жилища русского народа.

Примером стойкости традиций может также служить планировка усадьбы. Как показал опыт картографирования, суммированный в историко-этнографическом атласе «Русские», застройка усадьбы четко подразделялась на северный и южный варианты, последний из которых имел много общего с украинско-белорусским ⁴⁸.

---

⁴⁷ Е. Э. Бламквист. Указ. соч.

⁴⁸ «Русские. Историко-этнографический атлас Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начало XX в.)» М., 1967, карта № 33.

При переезде в повые края переселенцы, если это было возможно, сохраняли традиционный тип застройки. Известны случаи, когда он удерживался даже на протяжении нескольких веков. Так, например, в Приуралье, заселенном в XVI—XVII вв. выходцами из центральных русских областей, в частности из бывших Суздальско-Нижегородского и Галичского княжеств, господствующим типом застройки вплоть до недавнего времени оставалась покоевидная. Способы покрытия дворов, однако, имели много вариантов. Попытки исследователей выявить сферы распространения крытых, полузакрытых и открытых дворов не увенчались успехом, так как в ряде районов все эти типы встречались в соседних деревнях, для одних из которых были характерны исключительно крытые дворы (кое-где с архаическим перекрытием на «самцах» и «курицах»), для других — открытые. Население объясняло это явление «модой», распространенной в том или ином селении «испокон веков», что, видимо, недалеко от истины, ибо стойкость этих «мод» трудно объяснить чем-либо, кроме этнических традиций, перенесенных переселенцами с их коренных территорий и тщательно ими сохраняемых.

Разумеется, традиционные формы бытуют длительное время (или даже получают дальнейшее развитие) лишь при условии переселения в географическую зону со сходными природными условиями. Так, например, переселившиеся в начале XX в. из северных областей русские возводили и в северных районах Казахстана привычный для них крытый двор, а соседствующие с ними выходцы из южнорусских и украинских губерний предпочитали двор открытого типа. Однако вскоре из-за сильных буранов и они начали строить более рациональный в этом климате крытый двор⁴⁹. Аналогичная картина наблюдалась при переселении в более теплую зону. В южном Казахстане, например, как у севернорусских, так и у южнорусских выходцев постепенно получает преимущественное распространение открытый двор южнорусского типа. Благодаря этому у переселенцев из северных губерний площадь покрытия дворовых построек резко сокращалась, размещение же их оставалось неизменным — жилой дом всегда ставился торцом к улице, тогда как у уроженцев юга России — вдоль нее, но в обоих случаях окнами на улицу, а входной дверью во двор. Хозяйственные постройки располагались по периметру двора таким образом, что хлев непосредственно примыкал к дому. Эта особенность отличала дворы севернорусских переселенцев от южан, у которых не было прочно фиксированных мест для хозяйственных строений, а также от украинцев,

---

⁴⁹ Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья. ТИЭ, т. 57, 1960, стр. 96—99; Т. В. Станюкович. Указ. соч., стр. 241.

хлев на усадьбе которых (в соответствии с этнической традицией) чаще всего располагался против дома.

Материалом для постройки на всем протяжении расселения русских служило дерево. В богатых лесом северных и средне-русских губерниях сруб складывали из толстых сосновых бревен; в южных лесостепных — из тонких стволов деревьев лиственных пород, даже из жердей, которые затем обмазывались глиной. Лишь в южных степях, пограничных с Украиной, да кое-где в Среднем и Нижнем Поволжье бытовало жилище из глины, а в местах, богатых бутом и известняком (Воронежская, Тульская губернии), — жилище из камня и кирпича. Сфера распространения последних по сравнению со срубным жилищем была незначительной⁵⁰.

Наиболее часто встречающимися способами скрепления сруба была рубка с остатком («в угол») или без него («в лапу»). Русские даже при переселении в безлесные районы стремились построить себе срубные дома. Например, так называемые «затундренные русские» возводили срубы, скрепленные теми же способами из плавника, т. е. из случайно заплывающих сюда бревен⁵¹.

Русские переселенцы в степные районы южного Казахстана и Узбекистана, а также Кубани привозили лес за многие сотни километров с Урала. Это было доступно отнюдь не каждому, тем не менее первоначально многие семьи неимущих русских переселенцев предпочитали жить по песколу лет в примитивных землянках, чтобы накопить средства на постройку единственного, с их точки зрения, нормального жилища — жилища из дерева.

Русские на юге Украины (например, в с. Большое Плоское, расположенном на границе с Молдавией) строили рубленые дома и заборы из толстых бревен (которые они привозили с севера), в то время как окружающее их украинское население жило в саманных и глинобитных хатах. Этническая традиция проявлялась и в палочной бани (например, у русского населения сел Астраханка и Спасское Мелитопольского р-на Запорожской области, с. Большое Плоское Велико-Михайловского р-на Одесской области и др.). Русские переселенцы на Дону строили дома из сплавленного леса. Только долговременное обитание в степной зоне, а также непосредственное влияние такого близкого по культуре народа, как украинцы, приводит к замене привычного древесного материала на непривычный — глину. Так, например, русские, переселившиеся на Украину в XVII—XVIII вв., кое-где восприняли украинский тип жилища: на юге Украины у них привилось глинобитное и турлучное жилище; на востоке же они

---

⁵⁰ Е. Э. Бломквист, О. А. Ганцкая. Типы русского крестьянского жилища середины XIX — начала XX в. «Русские». Историко-этнографический атлас, карты № 18 и 19.

⁵¹ А. А. Попов. Затундренные крестьяне. СЭ, 1934, № 3, стр. 77.

строят срубное жилище, которое, однако, па украинский манер обмазывают и белят. Такую картину можно было наблюдать как в городах, так и в селах степных областей со смешанным русско-украинским населением (например, в Астраханской губернии, на Кубани, в южном Казахстане)⁵².

Сфера распространения срубного жилища значительно шире ареала расселения русского народа: оно бытует также в Карелии, в восточной Прибалтике, у многих народов Поволжья, Сибири, Алтая, в ряде районов Казахстана и Киргизии.

Итак, как показывают приведенные примеры, устойчивость того или иного элемента традиционной культуры в различных конкретных условиях не всегда бывает одинаковой. Если русское население Приуралья сохранило и при переселении на новую, однако сходную по природным условиям территорию традиционную, иногда очень архаическую конструкцию перекрытий и кровли, то переселенцы в Среднюю Азию и Казахстан под влиянием изменившейся географической среды вынуждены были отказаться от традиционных перекрытий, но сохранили традиционную планировку двора и усадьбы.

Наибольшей стойкостью отличалась внутренняя планировка жилого отапливаемого помещения русских, характерной особенностью которой было расположение переднего угла обязательно по диагонали от печи. В северных и среднерусских губерниях печь возводилась у входной двери, причем устье ее было обращено к противоположной от входа стене; в западных — печь находилась там же, однако устье ее было обращено к двери; на юге России печь ставилась в глубине помещения, а устье ее ориентировалось к двери (в восточных губерниях) или к боковой стене (в западных губерниях). Каждый из этих планов имел распространение и у ряда соседних народов. Так, например, северная планировка отапливаемого помещения была также характерна как для жилища води, ижоры, карел, марийцев, мордвы-эрзи; западная — для населения западнорусских губерний и некоторых районов Прибалтики, например для населения латышской Латгалии и восточной Литвы, белорусов, молдаван и украинцев.

Наличие у разных народов одинаковой планировки ярче всего прослеживается на материалах Латвии: жилище восточных латышей имело много общего с русским жилищем примыкающих к Латвии западных губерний; что касается южнолатвийского жилища Курземе, то по своей планировке и наличию кухни и типу жилища в целом оно имело больше общего с жилищем литовцев Жемайтии, чем с латвийским жилищем северных или восточных

---

⁵² АГО, разр. X, оп. I, № 27—31 (Украинцы); СЭ, 1968, № 1, стр. 29; «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани». М., 1967, стр. 110, 118; Т. В. Станюкович. Указ. соч., стр. 245—247; она же. У русских переселенцев Средней Азии. КСИЭ, 1950, № 10, стр. 88.

областей. Аналогичное явление характерно и для жилища украинского и белорусского населения Полесья, несколько отличающегося по своей планировке от жилища украинцев и белорусов других областей⁵³.

Приведенные примеры показывают, что этнокультурные связи накладывают отпечаток на планировку жилища. В одних случаях под влиянием этих связей планировка заимствуется соседними народами и распространяется за пределы расселения того или иного народа, в других не полностью охватывает его. В последнем случае вырабатывается общий тип планировки или воспринимаются традиции соседней этнографической группы или народа, причем происходит это тем легче, чем ближе культуры этносов. Это правило распространяется и на этнические группы, крапленные в территорию расселения другого народа. Так, например, русские, живущие в восточной части Украины, восприняли от украинцев более рациональный в данных климатических условиях тип планировки отапливаемого помещения, в то время как русские в северном Казахстане, климатические условия которого мало отличаются от условий, в которых они жили на родине, сохраняют традиционную планировку жилища.

Жилище в многонациональных районах к моменту Октябрьской революции отличалось особым разнообразием форм. На северном Кавказе, например, адыгейцы и кабардинцы обитали в одноэтажных турлучных, крытых соломой или папоротником домах; балкарцы — в каменных одноэтажных, осетины, чеченцы и ингуши — в двух- и трехэтажных постройках с плоской земляной крышей; карачаевцы и балкарцы Баксанского ущелья — в срубном жилище с деревянной кровлей⁵⁴.

В Азербайджане еще в первые годы Советской власти можно было встретить архаические виды жилища подземного или полуподземного типа — гардам, имерет. Интересной особенностью его было перекрытие в виде ступенчатого, суживающегося кверху свода. Подобные конструкции были характерны и для более развитых форм азербайджанской архитектуры («купольные» дома г. Ордубада), грузинских — дарбази и в особенности для армянских сводчатых построек — глхатун, хазарашенка, под влиянием

---

⁵³ «Народы европейской части СССР», II, стр. 58—60, 153, 154, 350, 525, 572; *Е. В. Рихтер*. Материальная культура сел в XIX — начале XX в. Автореф. канд. дисс. Москва — Таллин, 1961, стр. 17; *Л. Н. Теренгьева*. Основные итоги изучения жилища народов Прибалтики. «Труды Прибалтийской экспедиции», т. I. М., 1959, стр. 349—360; *Л. А. Молчанова*. Материальная культура белорусов. Минск, 1968, стр. 112; *Е. Э. Бломквист*. Указ. соч., стр. 224; она же. Общие черты в крестьянском жилище у русских и украинцев. СЭ, 1954, № 4, стр. 31; *М. Я. Салманович*. Эволюция молдавского жилища. КСИЭ, вып. XXXIII, 1960, стр. 19; *С. Таранушенку*. Давне поліське житло. «Народна творчість та етнографія», 1969, № 1, стр. 22.

⁵⁴ «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968, стр. 104.

которых, видимо, у азербайджанцев они и появились⁵⁵. Встречались аналогичные перекрытия и у некоторых пародов Средней Азии⁵⁶.

Жилище народов, обитавших в сходных природных условиях, ведущих похожий образ жизни, имело много общих черт, в частности в технике постройки, конструкции и планировке. Техника сухой кладки каменных стен и конструкция крыши (с широким, опирающимся на столбы карнизом) были, например, распространены не только у народов Кавказа, но и у народов Передней и Средней Азии. У народов нагорного Кавказа бытовали дома-крепости с двух- или трехэтажными жилыми башнями, отдельные виды которых (например, осетинские ганах, ингушские гтапа, сванские кор, хевсурские сене) генетически восходили к глубокой древности.

Некоторые общие черты в планировке усадьбы и жилища были порождены идеологическими причинами, в частности религиозными запретами. Народы, исповедовавшие ислам (адыги, кабардинцы, азербайджанцы), ставили дома глухой стеной к улице. План их был довольно своеобразен: комнаты располагались в один ряд, причем каждая из них со двора имела отдельную входную дверь⁵⁷, а у домов некоторых народов (например, у адыгов) — две двери, которые делались для того, чтобы женщина могла выйти из помещения, не встречаясь с входящим в него мужчиной.

Наиболее заметный отпечаток оставили мусульманские бытовые нормы на усадьбе и жилищах некоторых народов Средней Азии, например оседлых узбеков. Усадьба зажиточного узбека представляла собой замкнутый комплекс: все жилые и хозяйственные постройки обращались к улице и соседним участкам глухими стенами⁵⁸. Внутри усадьба подразделялась на две части: внешнюю, мужскую — ташкари, служившую для приема гостей, и внутреннюю, женскую — ичкари, где фактически протекала вся жизнь семьи. Пройти в женскую половину можно было только

---

⁵⁵ М. Д. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья. М., 1946, стр. 1—48.

⁵⁶ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II. Сталинабад, 1958, стр. 423—425; Л. Ремпель. Архитектура народного жилища в Средней Азии. «Архитектура», 1937, № 1, стр. 34; Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков бассейна р. Хингоу. СЭ, 1939, № 2, стр. 154.

⁵⁷ См.: «Народы Кавказа», т. I. М., 1960, стр. 283—378; т. II. М., 1962, стр. 496; В. П. Кобычев. Современное адыгейское народное жилище и его история. «Уч. зап. Адыгейского НИИ языка и истории», т. IV. Краснодар, 1965, стр. 57—61; Л. Ремпель. Указ. соч., стр. 36; Б. А. Калоев. Осетины. М., 1967, стр. 132; А. А. Миллер. Черкесские постройки. «Материалы по этнографии России», т. II. Пг., 1914, стр. 64—68; Э. Л. Коджесау. Изменения в материальной культуре адыгейцев в годы социалистического строительства. «Уч. зап. Адыгейского НИИ языка и истории», т. IV, стр. 86.

⁵⁸ О. А. Сухарева, М. А. Бижанова. Указ. соч., стр. 97.

через ташкари, от которого она в свою очередь отделялась глинобитной стеной. В менее зажиточных семьях для приема гостей-мужчин выделялась комната с изолированным входом — мехмонхона, которая в условиях городской скученности часто располагалась на втором этаже над воротами. Аналогичная планировка была характерна и для равнинных таджиков, дом которых имел внешнюю часть — берун и женскую, внутреннюю — дарун⁵⁹, для среднеазиатских дунган, имевших внешний двор — вэйуан и внутренний — лийуан⁶⁰ и ряда других народов Кавказа, Казахстана и Средней Азии.

Большим разнообразием отличались также переносные жилища кочевых и полукочевых народов. Так, в Азербайджане, часть населения которого в прошлом вела кочевой или полукочевой образ жизни, бытовало несколько видов жилища. Остов простейших переносных шатров-алачиг состоял из жердей, в более усовершенствованных — мяхюра — из специальных ободьев и планок; покрытие — из циновок и войлоков, укреплявшихся шерстяными лентами⁶¹. Конструкция мяхюра имела много общего с юртой, служившей еще в 1920—1930-х годах основным типом жилища кочевых и полукочевых народов Средней Азии, Казахстана и Сибири. Многие народы, издавна занимавшиеся скотоводством (например, киргизы), жили в юртах не только в аилах, но и в оседлых селениях. Бедняки имели маленькие, покрытые рваным войлоком юрты; богачи — юрты просторные, плотно укутанные белыми кошмами, украшенные орнаментированными лентами и резьбой на дверях. Тип юрт даже в настоящее время не является единым. Юрта узбеков — лочиг или капа у племен группы тюрк имела полусферический каркас, причем стены и купол ее представляли одно целое. У других племен (например, у узбеков кипчакского происхождения), так же как и у большинства других народов Средней Азии и Сибири, кровля образовывалась из отдельных деталей.

Конструктивные отличия юрт сказывались главным образом в купольной части, которая не только у разных народов, но и у различных племен имела свою традиционную форму: у северных киргизов купол был близок к конусообразному; у южных (а также киргизов Таласской и Чаткальской долин) — несколько уплощен и приближался к полусфере, напоминая купол монгольской юрты (имевшей широкое распространение также у калмыков, якутов и других народов Сибири). Купол казахской и туркменской юрты был более пологий, однако у различных племен высота его варьировала: у южных казахов он был сравнительно выше и опорой для него служил меньший обод, у северных — выше, но с большим ободом, у туркмен помудов — наиболее низкий, у текин-

⁵⁹ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 587.

⁶⁰ Л. Г. Шинло. Культура и быт советских дунган. Фрунзе, 1965, стр. 50.

⁶¹ «Народы Кавказа», II, стр. 104.

цев — средней высоты, у чоудеров — наиболее высокий, близкий по профилю купол каракалпакской юрты⁶². Деревянная решетка — кереге, образующая стены юрты, у казахов ставилась в один ряд, у хазарейцев, локайцев и некоторых других полукочевых узбеков (кунградов, дурменов) — в два ряда: один поверх другого — коша-кереге. Имелись различия в устройстве и оформлении навесной двери, а также в способе прикрепления войлока к жердям изнутри⁶³.

Поверх деревянного каркаса юрта покрывалась различными материалами: у народов Сибири — корьем и оленьими шкурами, у народов Средней Азии — кошмами. Однако даже там, где покрытие производилось одним и тем же материалом, способы его были различны. Так, например, киргизы покрывали стены и купол юрты двумя рядами кошм, но отдельные группы киргизов Таласской долины и южных районов — сверху донизу тремя-четырьмя сплошными войлоками, каракалпаки покрывали кошмой только кровлю, боковые же стенки юрты утепляли циновками; у туркмен войлочное покрытие состояло из семи полотнищ, большая часть которых вдоль стен (с внешней стороны) дополнительно прикрывалась камышовыми циновками. Циновки (чий) у разных народов также оформлялись различно. Чоудоры, например, переплетали камышинки разноцветными шерстяными нитками в виде орнамента⁶⁴. Близкий, но не идентичный способ крепления циновок встречался также у казахов, киргизов, каракалпаков.

Своеобразие внешнего убранства юрты зависело от способов крепления кошмы и циновок к каркасу. Ошские киргизы групп кесек и доо кесек, туркмены чоудоры, эрсаринцы, текинцы и др. прикрепляли их веревками или тесьмой, казахи и каракалпаки — ткаными полосами, которые имели различную ширину и орнаментацию. У зеравшанских полукочевых узбеков в расцветке тканых полос, обращенных внутрь юрты, преобладали тона красного цвета, отчего их обычно и называли «красными»⁶⁵. Имелись отличия и в убранстве дверей юрт⁶⁶. Размер, материал и отделка

---

⁶² «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 226, 284, 467; II, стр. 65, 225, Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 162; Э. Г. Гафферберг. Хазарейская юрта ханам хырга. МАЭ, т. XIV. М.—Л., 1953, стр. 92.

⁶³ Б. Х. Кармышева. К вопросу о происхождении локайцев. СЭ, 1952, № 4; А. К. Писарчик, Б. Х. Кармышева. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской обл. «Известия АН Таджикской ССР». Отд. общественных наук, вып. III, 1953, стр. 94; «Историко-этнографический атлас Сибири». М.—Л., 1961, стр. 131.

⁶⁴ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 131; Э. Эрдиев. Хозяйство и материальная культура калмыков. Автореф. канд. дисс. Элиста, 1965, стр. 14—15; «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 467; II, стр. 65; К. Ниязклычев. Туркмены чоудоры. Автореф. канд. дисс. М., 1968, стр. 14.

⁶⁵ «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969, стр. 115.

⁶⁶ А. К. Писарчик, Б. Х. Кармышева. Указ. соч., стр. 94.

покрытия юрты отражали степень благосостояния владельца. Юрты богатых достигали 15 метров и более в диаметре, плотно укутывались белоснежным войлоком и украшались орнаментом; юрты бедняков имели диаметр 3—5 м и из-за отсутствия войлока часто покрывались лишь циновками из камыша — берданами, которые на зиму обмазывались глиной.

У некоторых кочевых народов Средней Азии бытовали другие виды переносного жилища. Так, например, белуджи вплоть до коллективизации жили главным образом в примитивных шатрах — геданах, каркасом для которых служило несколько жердей, а покрытием — шерстяная ткань. Опорные жерди шатра среднеазиатских цыган — чодире зимистон, чодире гарм — ставились иначе, покрывались они бязью; у арабов бытовали разнообразные шалаши из камышовых циновок — капша, чубтора; у мугулов и каза-ра — чумы, крытые войлоком⁶⁷.

Самым распространенным переносным жилищем народов Севера и Сибири, занимавшихся охотой и оленеводством (самодийских народов, северных якутов, юкагиров, кетов), был легкий конический шалаш — чум, незаменимый в условиях лесотундры. Несмотря на свою примитивность, он был прекрасно приспособлен к северному климату, вокруг него никогда не образовывались снежные заносы. Хотя по виду чум был всегда одинаков и терминология, связанная с ним, у многих народов (например, тунгусо-манчжурских) была общая, конструкция чума различных народов не была однородна. Каждый из них имел свои способы соединения шестов каркаса, технику крепления покрытия, подвешивания котла над очагом, устройства дверей.

У народов Западной Сибири (хантов, манси, кетов) шалаши строились с опорой в виде гнутых дуг; у ряда народов Восточной Сибири (эвенков, юкагиров) бытовали коническо-цилиндрические чумы, у народов Амура (нивхов, орочей, удегейцев и ульчей) — прямоугольные палашы, наземные и на сваях⁶⁸.

Городское жилище к моменту Великой Октябрьской революции было также довольно разнообразным. Жилые дома и здания общественного назначения своеобразно отражали этническую историю народа. Многие города нашей страны возникли в эпоху раннего феодализма нередко на месте древних поселений, тяготевших к путям сообщений. Так, например, древнерусские города строились по берегам рек, бывших основными торговыми, транспортными артериями. На реку и крепость-кремль, стоявший на берегу реки, ориентировалась вся уличная сеть, им подчинялась

---

⁶⁷ Э. Г. Гафферберг. Гедан — кочевые жилища белуджей. «Труды УП МКАЭН», т. V. М., 1970, стр. 134; «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 591, 602—603.

⁶⁸ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 131—160, табл. I—XVII; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджишцы. М., 1961, стр. 86; Г. М. Василевич. Эвенки. Л., 1969, стр. 109 и др.

спстема застройки. На усадьбах русских городов вплоть до XVIII в. каждое жилище стояло в центре участка, ориентируясь независимо от направления улицы. Совершенно иной была застройка городов Средней Азии и Кавказа, иначе были распланированы и ориентированы их жилищно-хозяйственные комплексы. С развитием промышленности в XVIII в., и особенно в XIX в., городские поселения стали возникать вокруг металлургических заводов, рудников и шахт. В этих селениях обычно сочетались жилища городские, в том числе казармы и бараки, с традиционными избами, приспособленными к требованиям городского образа жизни.

В малых мононациональных городах жилище мало чем отличалось от жилища окружающего сельского населения, в многонациональных — развивалось главным образом под влиянием русской и западноевропейской культуры, проникновению которой в немалой степени способствовали административно-бюрократические каналы.

В послеоктябрьский период процесс развития городов в различных регионах страны протекал неравномерно и неоднородно. Это, в частности, относится к архитектуре, в которой поиски путей развития национальных традиций стали особенно интенсивными⁶⁹.

Первые опыты следования национальным традициям в советской архитектуре путем внесения в нее образцов средневековых сооружений или отдельных элементов, повторяющих формы народной архитектуры, относятся к 20-м годам.

В этом стиле были построены отдельные жилые дома и общественные здания в Закавказье и Средней Азии. Однако на градостроительстве в эти годы сказывались трудности и материальные недостатки, которые переживала наша страна. Сказывалось и влияние конструктивизма⁷⁰.

Начало массового обращения к традициям национальных архитектур относится к 1930-м годам. В России, Белоруссии, на Украине и ряде других республик архитекторы пытались использовать стилистические традиции античности, русского классицизма и местных традиций декора без значительной творческой их переработки. В Средней Азии и на Кавказе архитекторы часто обращались к традициям национальных архитектур, уделяя большое внимание отдельным формам, элементам, а не принципам архитектурных решений. В целом этому направлению была свойственна монументализация зданий. В погоне за их внешним обликом нередко на задний план отступала забота о функциональном назначении. Это проявлялось, в частности, в планировке

---

⁶⁹ Ю. Ярлов. Национальное и интернациональное в советской архитектуре. М., 1971.

⁷⁰ Джангар Тюреев. Солнце, пространство и жилище. Элиста, 1971, стр. 59.

квартир домов для рабочих. Огромные многокомнатные квартиры, заселяемые как коммунальные, несколькими семьями, планировались на манер квартир буржуазных особняков без учета характера реального заселения.

В 40-х годах в стиле русского классицизма было выстроено много монументальных и помпезных зданий, перегруженных декором. Наметившаяся до Великой Отечественной войны в республиках тенденция сочетания русского классицизма с национальными традициями нарастала. Часто сказывалась стилизация: например, в Средней Азии вместо творческой переработки основ национальных архитектур народов этого региона строились здания в условно восточном стиле.

Однако от этого периода осталось много зданий, придающих своеобразие, а подчас и национальный колорит городам ряда республик. Среди них — удачные творения зодчих, сумевших гармонично сочетать традиции и современность.

С конца 50-х годов начался процесс индустриализации жилищного строительства, сопровождавшийся стандартизацией и унификацией строительных элементов. С развитием городского жилищного строительства распространенным видом жилища стала отдельная квартира для каждой семьи, снабженная всеми видами благоустройства. В этот же период были окончательно разработаны основные принципы, практические рекомендации градостроительства⁷¹. В связи с этим поиски путей органического сочетания национальных традиций с индустриальными методами в современной строительной архитектуре пошли в совершенно ином направлении. В современном индустриальном по технологии зодчестве имеются бесспорно удачные результаты этих поисков. Традиционные приемы внешнего оформления жилища оказывают большое влияние на городскую архитектуру. Города приобретают яркую национальную окраску благодаря использованию традиционных архитектурных материалов и приемов. Так, например, в Ереване наблюдается умелое использование в стандартной застройке традиционного строительного материала — туфа. Без стилизации придан национальный облик зданию драматического театра. Он украшен традиционными рельефами и колоннами, напоминающими стелы Урарту. В Средней Азии в г. Навои этнические традиции использованы совершенно по-иному в современной застройке. В основу планировки положена городская сеть арыков — улчного орошения, водоемы во внутренних дворах домов. Озеленены жилищно-хозяйственные комплексы. Водоемы, арыки, проложенные вдоль пешеходных дорожек, продуманное озеленение — все придает городу национальный колорит. В настоящее время во Фрунзе, Ашхабаде, Алма-Ате, Душанбе имеется

---

⁷¹ «Основы советского градостроительства», т. I. М., 1966; т. II. М., 1967.

значительное число зданий и архитектурных ансамблей, оформленных с использованием элементов местных декоративных традиций. Украшаются росписью и резьбой по алебастру дома в Ташкенте и Душанбе. Грузинские архитекторы талантливо используют традиции народного зодчества в строительстве современных многоквартирных домов — сквозное проветривание квартир, заглубление секций, затеняющие квартиры глубокие лоджии и сплошные балконы. Эти особенности, характерные для народной архитектуры Грузии, в сочетании со столь свойственными ей прорезными решетками придают и внешне национальный облик зданию. Многие дома приобретают национальный облик благодаря открытым лестничным клеткам, заимствованным из народной архитектуры. Легкое ограждение этих лестниц напоминает перила, свойственные лестницам народного жилища.

Украинские архитекторы создали несколько интересных ансамблей с национальным колоритом совершенно иными средствами. В Киеве на бульваре им. Шевченко и в Русаковском жилом массиве стандартное жилище, лишенное, как и повсеместно, по конструкциям какой-либо этнической окраски, приобретает ее за счет размещения на зданиях фризиков различного цвета, облицовки зданий и озеленения площади фасадов цветочницами, что в продуманном комплексе этих декоративных приемов создает этническое звучание⁷². Больших и общепризнанных достижений достигли зодчие Прибалтийских республик.

Конечно, не случайно гораздо больше прослеживаются этнические традиции в сооружении общественных зданий, нежели в жилище. Это в известной мере закономерно, ибо многие общественные здания предназначены для учреждений, функции которых так или иначе связаны с национальными традициями данной республики. Неслучайно широко используются теперь местные традиции и в русских больших и малых городах. В Вологде, например, осуществлен опыт облицовки торцов плиткой красного и белого цвета по схеме узоров всем широко известного местного традиционного ткачества. В Пензе здания общественного назначения, строящиеся из дерева (например, загородный ресторан), украшаются традиционно пропиленной резьбой и просечным железом. Эти украшения создают народные мастера. Много интересных решений использования традиций народного зодчества наблюдается и в оформлении интерьера в бытовых сооружениях (ресторан «Детинец» в крепостной башне Новгородского кремля, сувенирные магазины и т. п.). Что касается жилого фонда городов, то его бурный рост связан с внедрением типовых проектов и индустриальных методов строительства. Это во многом нивелирует облик городов в

---

⁷² Н. П. Демиденко. Архитектурно-художественные приемы в народном зодчестве Украины и их использование в современной архитектурной практике. Новосибирск, 1967, стр. 20—28.

масштабах всей страны⁷³. Однако это однообразие постепенно преодолевается.

«Сейчас, когда миллионы людей уже улучшили свои бытовые условия, появляется возможность уделять больше внимания качеству строительства, удобной планировке квартир, внешнему виду проспектов, кварталов, общественных зданий. Наши зодчие могут и должны покончить с однообразием застройки, невыразительностью архитектурных решений», — отметил Л. И. Брежнев в речи перед избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы в 1974 г.⁷⁴

Социалистические преобразования, осуществленные за советский период, подъем материального благосостояния всех народов Советского Союза оказали огромное влияние на улучшение жилищных условий и на формы сельского жилища. У многих народов, особенно у тех, которые до Великой Октябрьской социалистической революции вели кочевой образ жизни, частично сохраняли черты натурального хозяйства, исчезли примитивные переносные жилища, полуземлянки, жилища, отапливаемые по-черному и т. д.

Для всех народов СССР становятся характерными такие новые черты в жилище, как многокамерность, лучшая освещенность и вентиляция, меньшее загромождение дома и усадьбы складскими и хозяйственными помещениями.

Ареалы распространения традиционных особенностей (планировка помещения, способ отопления) постепенно сужаются. Под влиянием внутринациональных контактов эти элементы подверглись известной унификации. Остановимся на изменении в русском сельском жилище. Южнорусское жилище приподнялось над грунтом, севернорусское в его последних вариантах получило более низкое подполье. Русская печь несколько уменьшилась в размерах и локализована в изолированной кухне или перемещена в центр дома⁷⁵. При строительстве сельского жилища, а отчасти и городского для возведения стенряду с традиционным для русских бревенчатым лесом повсеместно применяются экономичные современные материалы, изготовленные заводским способом на базе местного строительного сырья. Во всех районах для строительства используются также прочные огнеупорные материалы, такие, как кирпич, природный камень, шлакобетон, а для покрытия — железо, шифер, черепица. Традиционные навыки ма-

---

⁷³ С. Б. *Рождественская*. Жилище рабочих Горьковской области. М., 1972; М. Н. *Шмелева*. Об основных тенденциях развития материальной культуры русского городского населения за последнее столетие. СЭ, 1974, № 3.

⁷⁴ «Правда», 15 июня 1974 г.

⁷⁵ Е. Э. *Бложвисст*. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, стр. 243; Т. В. *Станюкович*. Поселения и жилище русского, украинского и белорусского населения..., стр. 264; В. А. *Липинская*. Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтая. СЭ, 1968, № 2.

стеров-строителей, передававшиеся из поколения в поколение, обогатились и пополнились новыми достижениями строительной техники: усовершенствовались кладка стен кирпичных и каменных домов, устройство перекрытий, здания стали сооружать на прочном ленточном или столбовом фундаменте. В новых домах увеличилось число окон, которые стали больше по размерам, там обязательным стало устройство форточек, появились большие застекленные коридоры и террасы, увеличивающие полезную площадь дома. Большие успехи достигнуты в области благоустройства жилища: все прочнее входят в быт сельской семьи газовые плиты, холодильники, водопровод, водяное отопление.

На большей части территории расселения русских в домах старого типа преобладает традиционная планировка, в новых же она лишь отчасти прослеживается. Вместе с тем наблюдается тенденция к расширению ареала планировки северного типа. Преимущественное распространение она получает и у ряда издавна соседствующих с русскими народов: у коми-пермяков, карел и отдельных групп мордвы⁷⁶.

В ходе социалистического переустройства хозяйства, культуры и быта многие народы Сибири и Севера восприняли тип русского жилища.

Оседлое жилище алтайцев издавна формировалось под влиянием русской культуры. Однако несмотря на то, что срубная изба получила у них распространение еще в начале века, большая часть алтайцев продолжала жить по-старому. Еще в 30-е годы конический шалаш, крытый корьем, кошемная и шестиугольная срубная юрта имели широкое распространение. В дальнейшем жилища традиционного типа начинают использовать сезонно (летом) как хозяйственные помещения. Рядом с шалашом или кошемной юртой повсеместно вырастает четырехстенная изба, которая у южных алтайцев еще в конце 40-х годов часто делалась без сеней с плоской земляной крышей. У северных алтайцев переход к жилищу русского типа был полностью завершен к концу 40-х годов. Только в южной Шории еще кое-где можно было встретить своеобразное срубное жилище — низкий четырехугольный сруб, покрытый двускатной крышей с земляной засыпкой, а у тубаларов таежных районов — восьмиугольные срубные юрты, используемые как летнее жилище⁷⁷.

В послевоенный период алтайское жилище увеличилось по кубатуре, стало более благоустроенным с развитым многокамер-

---

⁷⁶ «Народы европейской части СССР», II, стр. 458; *Р. Тароева*. Материальная культура карел, стр. 119; *В. Н. Белицер, В. А. Балашов*. Некоторые особенности современного этнического развития мордовского народа. СЭ, 1968, № 1, стр. 124.

⁷⁷ *Л. П. Поганов*. Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев, стр. 114, 117; *он же*. Очерки по истории Шории. М.—Л., 1936, стр. 111—112.

ным планом и обязательным выделением помещения для приготовления пищи. У тувинцев, значительно позже перешедших к оседлому быту и живущих в настоящее время в срубных жилищах русского типа, юрта еще продолжает бытовать, но лишь в качестве летнего жилища или складского помещения⁷⁸.

Якуты вместо юрты-балагана стали строить срубное жилище, план которого с каждым годом все более приближается к жилищу городского типа.

Для этнических процессов, протекающих в настоящее время в низовьях Амура и на Сахалине, характерно все большее сближение коренного населения с русскими. Оно сказывается и на жилище. Культурно-бытовые отличия в этой сфере постепенно пзживаются. Жилище традиционных типов повсеместно заменяется современным срубным жилищем, сохранившим лишь кое-где традиционные детали. Так, например, нивхи под крышей нового для них по конструкции и плану дома прорубают традиционное четырехугольное вентилиационное отверстие — мачкуты.

У некоторых народов (нанайцев, ульчей) еще бытуют традиционные летники и амбары на столбах, но используются они теперь как летние кухни. Даже у эвенков, сохранивших многие элементы традиционной культуры, распространилось жилище срубного типа. Традиционные постройки на столбовом каркасе встречаются иногда, но используются в качестве летней кухни⁷⁹.

Аналогичная картина наблюдается у народов Крайнего Севера, где традиционные формы жилища — тордохи, урасы встречаются лишь изредка в промысловых условиях, а у большей части народов господствующим типом жилища (не только стационарного, но кое-где и промыслового) становится срубное жилище русского типа. Оно получило распространение от Чукотки до Кольского полуострова и повсеместно вытесняет менее приспособленные к оседлому образу жизни традиционные местные формы. Не только у береговых, но и недавно осевших оленных чукчей основная масса населения переселилась в крупные поселки, строительство которых за последнее десятилетие шло особенно быстрыми темпами. Место яранги заняло срубное, сперва однокамерное, а затем и многокамерное жилище. Ярангами пользуются лишь в оленеводческих бригадах, да и то в качестве летнего жилища.

Кеты используют традиционные чумы лишь на промысле, а в

---

⁷⁸ «Народы Сибири», стр. 365; Л. П. Поганов. Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев. СЭ, 1953, № 2, стр. 91.

⁷⁹ А. В. Смоляк. Заметки по этнографии нивхов амурского лимана. «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера». М., 1960, стр. 131—132; она же. О современном этническом развитии народов Нижнего Амура и Сахалина. СЭ, 1967, № 3, стр. 99.

поселках главным образом в них хранят имущество⁸⁰. Аналогичные пережитки кочевого быта характерны и для пенцев, которые часто хранят меховые вещи вне дома, на нартах⁸¹.

Унификация материальной культуры, в частности жилища, характерна не только для русских, но и для многих крупных народов, у которых локальные этнографические группы сохраняли до недавнего времени свои особенности. Так, например, жилище картлийцев, кахетинцев, тушинцев, хевсур, пшавов и некоторых других этнических групп, живущих в горной Грузии, в настоящее время по своему облику мало отличается от жилищ равнинной части Восточной Грузии.

Преобразования наиболее заметны в жилище хевсур. Уже в 1920 г., когда традиционная планировка еще полностью сохранялась, назначение отдельных помещений изменилось за счет выделения во втором этаже (использовавшемся раньше только для хозяйственных целей) жилой комнаты. Очаг был перенесен из центра жилища к стене и дополнен дымоходом. Коллективное производство, пришедшее с колхозным строем, сделало ненужными некоторые индивидуальные производственные и складские помещения. Дом становится на один этаж ниже и тем не менее сохраняет традиционную планировку, оставаясь комплексным жилищем, совмещающим жилые и хозяйственные функции.

Лишь в последние два десятилетия появляются дома, предназначенные только для жилья, хотя по-прежнему они имеют два этажа. Строят эти дома более основательно, чем прежде. Сухую кладку вытесняет кладка на известковом растворе, местные кровельные материалы заменяют черепицей и железом, глинобитные полы — полами с дощатым настилом, окна увеличивают и застекляют. Во многих домах появляются красиво оформленные балконы. Иначе говоря, по своему внешнему виду эти дома приближаются к равнинному жилищу Восточной Грузии.

Аналогичные процессы характерны и для сванского жилища. Вырабатывается единый тип грузинского жилища, характерный и для западногрузинской низменности и для восточногрузинской равнины⁸².

На Северном Кавказе унификация жилища происходит на иной основе, а именно — под влиянием русской народной архитектуры. Еще в конце прошлого века в Карачае, Балкарии, у чер-

---

⁸⁰ *И. С. Вдовин*. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965, стр. 379—382; *Л. В. Хомич*. Ненцы. Л., 1966, стр. 288; «Народы Сибири», стр. 603, 684, 950 и др.; *И. С. Гурвич*. Этническая история северо-востока Сибири, стр. 232, 235, 240, 249 и др.; *он же*. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР. СЭ, 1967, № 5, стр. 62—77; *Е. А. Алексеев*. Кеты. Л., 1967, стр. 241, 242.

⁸¹ *Л. В. Хомич*. Ненцы, стр. 288.

⁸² «Народы Кавказа», II, стр. 212, 292, 294; *А. И. Робакидзе*. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем. КСИЭ, 1962, вып. XXXVI, стр. 34.

кесской местной знати, у осетин появились дома русского типа с деревянной крышей, окаймленной резьбой с расписными ставнями, с русской печью и выбеленными стенами. В плане они чаще всего приближались к квадрату (в отличие от традиционного жилища — сильно вытянутого прямоугольника), застекленные окна делались больших размеров. В конце 1910-х годов жилище старого типа у черкесов можно было встретить лишь среди беднейшей части населения⁸³.

За годы Советской власти жилой фонд большинства равнинных и горных аулов обновился. Жилище из камня типа родовых башен и турлучные дома с вытянутым планом исчезли из строительной практики. Турлук у народов северо-западного Кавказа (кабардинцев, северных осетин, чеченцев, ингушей) кое-где еще используется, однако дома делаются не наземные, а на фундаменте (из кирпича или бетона), стены приобретают жесткий каркас. Повсеместно появились потолки и дощатые полы (которые вплоть до 40-х годов можно было встретить лишь в комнатах повобрачных). Обособилось помещение для приготовления пищи — очаг уступил место плите.

Особо надо сказать о новшествах, отразивших изменившиеся семейные отношения. Между смежными жилыми помещениями появились двери, что ранее считалось совершенно невозможным. Разделение дома на две половины — хозяйственную и парадную (кунацкую) также уходит в прошлое. Большинство домов имеет один вход и состоит из трех-четырёх комнат, террасы, кухни, детской, гостиной. Однако кухню и кунцкую по традиции устраивают в противоположных концах дома, так что непосредственного сообщения между ними нет. Типовое строительство, распространившееся в послевоенные годы, приближает сельское жилище по внешнему облику и плану к индивидуальным домам городского типа⁸⁴.

В Средней Азии так же, как у народов Кавказа, постепенное исчезновение историко-культурных и локальных традиций, усиление культурного обмена внутри наций и между различными нациями сказываются и на жилище. Это можно отчетливо проследить, в частности, и на узбекском народном жилище. Еще в начале 20-х годов оно имело ряд ярко выраженных локальных разновидностей (бухарский, ферганский, хивинский и шахрисябский типы), проявляющихся в конструкции, строительных приемах, планировке и декоративной отделке зданий. За последние десяти-

---

⁸³ В. Тенцов. По истокам Кубани и Терека. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 14. Тифлис, 1892, стр. 99; В. К. Гарданов. Селение Христиановское в фактах жизни. «Изв. Осетинского НИИ краеведения», вып. 1. Владикавказ, 1925, стр. 183; «Материалы по этнографии России», т. II. Пг., 1914, стр. 64—66; С. А. Миллер. Черкесские постройки, стр. 77.

⁸⁴ В. П. Кобычев. Города, селения, жилище, стр. 145.

летия, однако (под влиянием общесоветской городской культуры), процесс унификации зашел настолько далеко, что современное узбекское народное жилище можно отнести к единому типу, близкому по своим формам к городскому. Этому в значительной мере способствовало появление на землях нового орошения (Голодная степь) и в целинных районах благоустроенных селений, с многоквартирными домами, оборудованными в соответствии с современными требованиями. Большая часть индивидуальных жилищ узбеков сейчас возводится по типовым проектам. В Ферганской долине, например, с 1936 г. входят в быт так называемые культурные дома (мадани уй⁸⁵) — четырехкамерные постройки из сырцового кирпича с двух- или четырехскатной крышей, с большими обращенными на улицу окнами. План дома, приближающийся к квадрату (взамен традиционного узкого прямоугольника), фундамент из обожженного кирпича или иного влагостойкого материала, крашенные полы и другие нововведения — все это говорит о влиянии города. Тот факт, что окна этих домов обращены не к усадьбе, а на улицу и в самой усадьбе отсутствует традиционное деление на внешний и внутренний двор, указывает на изживание былых религиозных запретов.

Несмотря на то что эти дома создаются по типовым проектам и часто уже не руками самих хозяев, а строительными артелями, в планировке и в конструкции их используются местные традиции. Так, например, в связи с тем, что в Фергане часто бывают землетрясения, при строительстве сооружают традиционный двухрядный каркас, делающий дом более сейсмоустойчивым; в районах, где выпадает мало влаги (Хорезмская область), сохраняют плоские крыши без карниза⁸⁶, повсеместно со стороны двора пристраивают традиционные айваны, где летом отдыхают и занимаются домашними работами. Михмонхона — комната для приема гостей-мужчин (находившаяся ранее во внешнем дворе) перестала быть изолированной. Теперь она находится непосредственно в доме и служит для приема гостей обоего пола, а в обычные дни в ней занимаются школьники.

Узбекское жилище оказало влияние на жилище некоторых народов и этнических групп, живущих на территории Узбекистана. Уйгуры Ферганской области заимствовали у узбеков каркасную конструкцию жилища, способы его отделки, а во внутреннем оформлении — ниши, «токча»⁸⁷. В жилище каракалпаков

⁸⁵ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 278; Л. Ремпель. Указ. соч., стр. 32—33; О. А. Сухарева, М. А. Бижанова. Указ. соч., стр. 97.

⁸⁶ М. В. Сазонова. К этнографии узбеков Южного Хорезма. «Труды Хорезмской экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 317; А. Н. Жилина. К истории формирования современного узбекского жилища (северные районы Узбекистана). Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 25.

⁸⁷ Н. В. Захарова. Материальная культура уйгур СССР. «Среднеазиатский этнографический сборник», т. II, стр. 288.

Ферганы также прослеживается влияние узбекского жилища. На севере Туркмении до последнего времени бытовали три типа жилища и значительное число их разновидностей; в юго-западной части Хорезмского оазиса на территории давнего расселения йомутов-земледельцев было распространено жилище, объединенное под одной кровлей с хозяйственными постройками, отделенными от него лишь коридором—далан; в восточной части — у туркмен чоудоров — жилище, слитое с хозяйственными строениями, но имеющее изолированные входы; и наконец, на севере, в районе Куны-Ургенча, где в основном жили туркмены-скотоводы, бытовало жилище простого плана с юртой.

Каждый из этих типов развивался самостоятельно, в зависимости от этнических и культурных традиций. В прошлом йомутское жилище центральных районов Хорезмского оазиса имело развитый план, характерный для народов с древней земледельческой культурой, и во многом было сходно с жилищем узбеков Южного Хорезма; в менее сложном по плану чоудорском жилище прослеживались черты недавнего кочевого быта: в нем обязательно имелось отдельное помещение — ойтыр для юрты. Жилище последнего, третьего типа сформировалось совсем недавно — в 40-е годы. Оно имело простую конструкцию и план (комната + айван + комната) и использовалось главным образом зимой, так как летом семья переселяется в юрту. Жилище этого типа бытовало и у казахов Куны-Ургенчского района, однако назначение комнат и терминология деталей и частей жилища было иным. В последние годы здесь получило особенно широкое распространение многокамерное глинобитное жилище усовершенствованной конструкции. Стены его возводятся на фундаменте, в комнатах настилаются деревянные полы, делаются фанерные потолки, увеличивается размер дверей и окон⁸⁸. Что касается части южных туркмен, то у них наблюдается тенденция унификации жилища на основе улучшенного традиционного глинобитного жилища типа «там» и каркасно-камышового жилища⁸⁹, распространенных также у каракалпаков⁹⁰.

Общим для всех типов построек является материал (лессовая глина), техника постройки (глинобитная) и некоторые детали планировки, в частности наличие сквозного коридора — долиз, летних и зимних айванов.

Резко отличается от местных традиционных форм жилище туркмен Каспийского побережья. Конструкция его, приспособлен-

---

⁸⁸ Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 174—180, 376 и др.

⁸⁹ Г. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. «Труды Хорезмской экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 539; «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 466; Я. Р. Винников. Указ. соч., стр. 48; «Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР», М., 1969, стр. 154—156.

⁹⁰ Г. А. Жданко. Быт колхозников-переселенцев на вновь освоенных землях древнего орошения Кара-Калпакии. «Труды Хорезмской экспедиции», т. II. М., 1958, стр. 740—742.

ная к влажному грунту побережья (деревянный сруб, поставленный на высокие сваи), была заимствована от местных русских военных поселенцев еще в середине прошлого века и полностью вытеснила менее приспособленную для данных условий юрту. План этого жилища развился от одной к нескольким камерам и представляет теперь комплекс крытых и открытых помещений. Чаще всего оно состоит из двух комнат и галереи, а также складских помещений, размещенных под помостом между сваями⁹¹.

В туркменском жилище, как мы видим, четко выражены общность туркменского народа, историко-культурные связи локальных групп его с другими народами, населяющими Туркмению, а также общая направленность социального развития.

Стойкому сохранению локальных типов жилища в ряде случаев способствует не столько этническая традиция, сколько природные условия. Так, например, в таджикской народной архитектуре имеется несколько ведущих типов, каждый из которых соответствует зоне обитания. Для теплого сухого климата Кулябской и Гиссарской долин типична легкая пахсовая постройка с плоской глино-соломенной кровлей; для более влажных предгорий тех же областей — более капитальная глинобитная с двускатной камышовой кровлей (чубтора); для высокогорных районов Таджикистана — дома с массивными каменными стенами и приподнятым полом (дукон) или высокими глинобитными нарами. Жилище горского типа в улучшенном виде (современные способы отопления, увеличенные размеры окон, деревянные полы, штукатурка) бытует вследствие своей хорошей приспособленности к суровым условиям высокогорья. Эти формы восприняли также южные киргизы и ошские уйгуры, живущие бок о бок с таджиками⁹².

Различные этнические процессы отражает развитие жилища южных районов Таджикистана, в частности сближение и частичное слияние оседлого (преимущественно ираноязычного) и в недавнем прошлом кочевого (преимущественно тюркоязычного) населения. Последние при переходе к оседлости восприняли жилище местного таджикского населения, имевшего многовековую культуру оседлого быта. В настоящее время они, как и сами таджики и другие, недавно кочевавшие здесь этнографические группы и народы (хазары, белуджи, арабы), зимой живут в глинобитном жилище типа чибторы с двускатной крытой камышом крышей; летом же — как это принято у всех народов Средней Азии — спят и выполняют домашнюю работу под открытым небом на глинобитном возвышении (суфе, айване или деревянном помосте —

---

⁹¹ А. Джикиев. Поселения и жилище туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря. СЭ, 1957, № 4, стр. 83—87.

⁹² «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 585, 597; В. Л. Воронина. Жилище Ванча и Ягулема. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1954; «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана». Душанбе, 1973, стр. 65, 79 и др.; И. В. Захарова. Указ. соч., стр. 228.

чайлоб), устанавливаемом в соответствии с традицией подле-
дома⁹³.

Переход к жизни в жилище оседлого типа у большинства народов происходил постепенно, причем на первых этапах существовали оба типа. Сосуществуют они, хотя и в значительно меньшей мере, у ряда народов и в наши дни. У каракалпаков, туркмен и киргизов наряду с благоустроенным зимним домом традиционного или городского типа в качестве летнего жилища нередко встречается юрта. Она служит жилищем чабанов на пастбище. Традиционный белуджский шатер гедап используют в качестве летней кухни и лишь у старшего поколения кое-где как легнее жилище⁹⁴.

До революции почти по всему Казахстану была распространена в качестве зимника однокамерная квадратная полуземлянка, крытая плоской земляной кровлей — казба уй, жер-теле, а в Северном, Восточном и Центральном Казахстане круглое (с купольной крышей) наземное жилище из различных материалов — шопала. Дома баев обычно возводились русскими каменщиками или плотниками по русскому образцу⁹⁵. Местное оседлое население (узбеки, русские)⁹⁶ обучали казахов строить первые оседлые жилища. Особенно сильно их влияние сказалось в период массового оседания (1930-е годы), когда казахи познакомились с конструкцией и техникой постройки саманных и срубных жилищ. Наибольшее распространение в это время получает двухкамерный саманный или срубный дом, дополненный в некоторых областях (например, в Кызыл-Ординской) деталями, заимствованными из узбекской архитектуры, а в 1950—1960-е годы — трех или четырехкамерное жилище. Увеличения многокамерности достигали путем пристройки к традиционному казахскому однолинейному жилищу дополнительного помещения (такой дом получил название коржин уй) — двусторонней застройки по типу русского так называемого крестового дома⁹⁷.

⁹³ Б. Х. Кармышева. К истории формирования населения Южного Узбекистана и Таджикистана. СЭ, 1964, № 6, стр. 100; А. К. Писарчик, Б. Х. Кармышева. Указ. соч., стр. 87—94.

⁹⁴ Г. А. Жданко. Быт каракалпакского колхозного аула. СЭ, 1949, № 2, стр. 51; «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 470—471; Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 171; Я. Р. Вилликов. Указ. соч., стр. 48; М. Г. Айбаев. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. Фрунзе, 1957, стр. 110; Э. Г. Гафферберг. Белуджи, стр. 107, рис. 25.

⁹⁵ С. И. Руденко. Казаки. Л., 1927, стр. 111—116; В. В. Востров. К истории развития оседлого жилища у казахов. «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана». ТИЭ, т. 48, стр. 183.

⁹⁶ Ш. Юсупов. Из истории перехода кочевого казахского населения к оседлости, стр. 40; В. В. Востров, Х. А. Кауанова. Материальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата, 1972, стр. 111.

⁹⁷ В. В. Востров. Некоторые вопросы этнографии казахов Кызыл-Ординской области. «Материалы и исследования по этнографии казахского народа». Алма-Ата, 1963, стр. 34; он же. К истории развития оседлого жилища у казахов, стр. 194.

Займствование у местного оседлого населения конструкций, техники постройки, планировки и отделки жилища — явление довольно распространенное. Казахи многое восприняли у местного восточно-славянского населения: в северном и восточном Казахстане — срубную технику, конструкцию и планировку дома севернорусского типа; в Алма-атинской и других степных областях — технику постройки дома из саманного кирпича. Киргизы Джамбульской и Иссыккульской областей расселялись в готовых или строили свои первые постоянные жилища по образцу срубных или саманных южнорусских жилищ или украинских мазанок⁹⁸. Влияние украинско-русской культуры сказывалось и на культуре народов с древними традициями оседлого быта: узбекские мастера (издавна применявшие сырцовый кирпич для хозяйственных и культовых сооружений) стали использовать его для жилых построек, одновременно заимствовав у переселенцев станки для формовки кирпича, конструкцию дома и конструктивные приемы постройки, а также способы отделки его. Вместе с приемами внедрялась и терминология: строила (исторпила), вершок, метр, рама (ром), дом русского типа (яврупоча) и др.⁹⁹ Внедрялась эта терминология через личные контакты, а иногда опосредствованно.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что индивидуальное сельское жилище народов северо-востока Средней Азии и Казахстана (казахов, киргизов) в настоящее время представляет собой единый тип. Жилище народов юго-западных республик (таджикское, узбекское, туркменское) развивается на основе традиционных типов оседлого жилища и сохраняет значительное число локальных разновидностей. В последнее десятилетие под влиянием общих принципов типового строительства в сельском жилище Средней Азии и Казахстана появляется много общего с городским жилищем индивидуальной застройки не только этого, но и других регионов.

Анализируя основные изменения в разных этнокультурных регионах, следует отметить, что наиболее распространенным типом жилища в сельской местности все еще остается индивидуальный усадебный дом с тремя-четырьмя комнатами и прихожей, составляющий около 80% сельского жилого фонда.

Новое жилищное строительство в сельской местности планируется с учетом специфики ведения сельского хозяйства и при

---

⁹⁸ Т. В. Станюкович. Поселения и жилище русского, украинского и белорусского населения..., стр. 272; «Культура и быт казахского колхозного аула», стр. 96; С. М. Абрамзон. В киргизских колхозах Тянь-Шаня. СЭ, 1949, № 4, стр. 65; М. Г. Сахаров. Указ. соч., стр. 140; С. М. Абрамзон, К. И. Ангипина и др. Указ. соч., стр. 148; И. Т. Айтбаев. Русско-киргизские исторические связи и их влияние на хозяйство и культуру киргизов. Автореф. канд. дисс., Л., 1955, стр. 9.

⁹⁹ А. К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины. ТИЭ, т. XXI, 1959, стр. 224—258; В. В. Востров, Х. А. Кауанова. Указ. соч., стр. 113.

этом предусматривается городской уровень благоустройства. В связи с этим в сельской местности начато строительство многоквартирных и многоэтажных зданий.

В сельское строительство внедряются индустриальные методы, используются заводские стандартизированные детали, применяются новые строительные материалы. Около 30% общего объема сельского строительства ведется специализированными государственными строительными организациями. Многоэтажные многоквартирные крупнопанельные дома городского типа выстроены в зоне Каракумского канала. Положительный опыт в этом отношении имеется в Казахстане, Узбекистане, Прибалтике¹⁰⁰, в сельской местности Украины также строятся двух- и четырехэтажные дома секционного типа¹⁰¹. Жилые дома повышенной этажности проектируются и строятся в селах РСФСР и Белоруссии¹⁰².

Яркое отражение этнические традиции и культурные связи между народами находят в интерьере жилища, особенно сельского. Менее отчетливо этнические черты проступают в интерьере современного городского жилища. Это связано с индустриализацией и типизацией жилищного строительства в городах. За последние десятилетия резко увеличился выпуск легкой промышленностью новых материалов для внутренней отделки жилища, широко применяющихся в городах, а также выросло производство мебели, предметов убранства, разнообразных бытовых приборов. Все это в комплексе создает единый облик интерьера жилища большинства городов. Однако в ряде этнокультурных регионов — таких, как Средняя Азия, Кавказ, — сохраняются и некоторые традиционные особенности в интерьере городского жилища.

Развитие интерьера сельского жилища за годы Советской власти прошло несколько этапов. В 20-е — начале 30-х годов он медленно видоизменялся в основном в традиционном русле. Во второй половине 30-х — начале 40-х годов (после коллективизации сельского хозяйства и оседания кочевников) темпы его трансформации резко ускорились, а направление изменилось в сторону интернационализации. В послевоенный период (1950—1970 гг.) процесс шел особенно интенсивно и тем не менее в интерьере сельского жилища и по сей день сохраняется много традиционного.

---

¹⁰⁰ L. N. Terentjeva. Fischersiedlung und Fischerhaus in Lettland. «Kolloquium Balticum Ethnographicum, 1966». Berlin, 1968, стр. 164—165; В. В. Востров, X. А. Кауанова. Указ. соч., стр. 118.

¹⁰¹ Г. А. Демур. Опыт проектирования сел Украины. «Строительство и архитектура». Киев, 1974, № 1, стр. 7.

¹⁰² Г. П. Давидюк. Проблемы планирования перестройки белорусской деревни. «Социологические проблемы сельского расселения». М., 1971, стр. 82; И. Г. Малов, Р. И. Белогородцев. Населенные пункты сельскохозяйственных промышленных комплексов Белоруссии. «Строительство и архитектура». Киев, 1973, № 1; В. И. Рубцов. Сельские поселки в зоне КамАЗа. «Жилищное строительство», 1973, № 9, стр. 12.

Интерьер жилища восточнославянских народов к моменту Великой Октябрьской социалистической революции на всем протяжении расселения отличался удивительной однородностью. Особенностью его было преобладание неподвижной мебели, конструктивно связанной со срубом, формы и размещение характеризовались рациональностью. Вдоль стен закреплялись неподвижные лавки (у украинцев — лави), над ними — полки (у украинцев — полица, у белорусов — паліці), в красном углу — полочка (киот) для икон, у печи — полки и шкафчики для посуды (судник, залавок — у русских, мыслик — у украинцев, палица — у белорусов). Наиболее массивная конструкция предназначалась для сна. Это был деревянный помост: у русских на севе́ре и в средней полосе — полаты, которые из-за суровых зим устраивали под самым потолком; на Украине, в Белоруссии и в западно-русских губерниях — пол (піл)¹⁰³. Лишь в пригородных селениях да у наиболее зажиточных слоев населения деревни бытовала кустарная мебель — деревянные кровати, диваны (канапели) и стулья, сделанные местными мастерами в подражание городским. Этот однообразный по типу интерьер отличался ярким своеобразием отделки не только у отдельных народов, но и у локальных групп одного и того же народа. У русских в ряде северных и приволжских губерний, Сибири и Алтая также было принято раскрашивать и расписывать интерьер, однако делалось это по срубам масляными красками; в Оренбургской губернии чаще всего можно было встретить роспись потолков; в Московской и Тверской губерниях украшались росписью и рельефной орнаментацией главным образом печи¹⁰⁴. Различные группы украинского народа белили и расписывали белоснежные стены и печи своих хат, украшали их расписной керамикой или различными ткаными вышивками домашнего производства¹⁰⁵.

Непременным элементом декоративного убранства были полотенца — «набожники», вышивка которых (по расцветке и мотивам) свидетельствовала о большом разнообразии местных традиций.

---

¹⁰³ Е. Э. Бломквист. Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев. СЭ, 1954, № 4, стр. 35—38; Л. А. Молчанова. Указ. соч., стр. 114—115.

¹⁰⁴ В. М. Вишневская, Н. И. Каплан, С. М. Буданова. Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1956; Д. В. Прокопьев. Живопись в крестьянском быту. «Нижегородский краеведческий сборник», II. Нижний Новгород, 1929, стр. 226—244; Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930, стр. 269.

¹⁰⁵ П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины. М., 1941, стр. 70—76; А. С. Бежкович. Украинський народний настений розпис. «Народна творчість та етнографія», 1957, № 4; М. В. Бабенчиков. Народное декоративное искусство Украины и его мастера. М., 1945, стр. 11—17; В. С. Бугник-Сиверский. Українсько радянське народно мистецтво. Київ, 1966, стор. 53—58.

В советский период процесс вытеснения неподвижных конструкций подвижной мебелью ускорился, чему в значительной мере способствовало увеличение камерности жилища. Сперва переносная мебель приобреталась для горницы, затем для спальни. Теперь даже у локальных групп русского населения, живущих на далекой периферии (например, на Европейском Севере, в Восточном Казахстане, на Алтае)¹⁰⁶ неподвижные конструкции можно встретить лишь изредка и то в виде рудимента. Так, например, значительно укороченные полаты встречаются лишь в кухне, причем используются уже не по прямому назначению, а в качестве кладовой. Вплоть до Великой Отечественной войны в сельском жилище превалировала мебель местного кустарного производства, в последние же два десятилетия отмечается массовое распространение фабричной мебели как отечественного, так и зарубежного производства.

Вместе с тем этническое своеобразие интерьера сохраняется в известной мере и по сей день. В кухне это сказывается как в обстановке, так и в планировке; в других помещениях сохраняются главным образом декоративные элементы традиционного оформления. В 30—40-е годы кое-где, особенно в районах, где быстрее развивалась промышленность, наблюдался массовый отказ от некоторых форм традиционного убранства, в частности от декоративных полотенец домашнего производства, распространилась вышивка техникой «решилье». В последние десятилетия, однако, в связи с увеличением прослойки интеллигенции на селе наблюдается возрождение интереса, а вместе с этим и увеличение удельного веса декоративных изделий традиционного типа. Так, например, в Новгородской области широко используются скатерти, салфетки и другие изделия, украшенные крестецкой строчкой; в Рязанской — домотканые ковры и скатерти, в Тамбовской — ковры; на Урале — расписные подносы и повсеместно — яркие декоративные ткани в национальном стиле. Ряд локальных групп, например русское население юго-западных районов Одесской области, и теперь украшает жилище яркими домоткаными рушниками, коврами и скатертями, которые ткнут даже молодые женщины. Наряду с исконно русскими узорами очи, однако, используют в вышивке и ткачестве орнаментику, заимствованную от окружающего их украинского, молдавского и болгарского населения¹⁰⁷. Художественные изделия других народов СССР можно встретить в интерьере жилищ любой группы русского периферий-

¹⁰⁶ *Е. Э. Бломжвист. Полотенца в русском быту. Л., 1926, стр. 1—4; Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович. Поселения и жилища русского, украинского и белорусского населения..., стр. 265; В. А. Липинская. Поселение, жилище и одежда русского населения Алтайского края, стр. 54.*

¹⁰⁷ *Л. Н. Чижикова. Жилища русского населения Молдавии. «Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г.», ч. II. М., 1972, стр. 249; она же. Этнографические особенности русского населения Молдавии. СЭ, 1973, № 3, стр. 34—36.*

ного населения: у русских Северного Кавказа и Средней Азии — кавказские и среднеазиатские ковры, у русских Сибири — меховые коврики, бурятские декоративные карманы, у русских Литвы и Эстонии — декоративные ткани, прибалтийскую керамику, причем особенно активное смешение разноэтнических элементов характерно для интерьера горожан.

Аналогичная картина типична и для белорусов, интерьер которых характеризуется изобилием традиционных вышивок по белому фону, а также сохранением некоторых форм традиционной мебели¹⁰⁸.

Интерьер большей части народов, населяющих европейскую часть Союза (белорусы, карелы, коми, мордва и др.), был очень близок к описанному выше. Планировка, отделка и меблировка его если и отличаются, то лишь второстепенными деталями (например, традиционные места для стола у славян — угол по диагонали от печи, а у карел — центр лицевой стены)¹⁰⁹. У всех этих народов в связи с увеличением камерности жилища происходит дифференциация интерьера по функциональному назначению комнат. У одних раньше (например, у прибалтийских народов, украинцев), у других позже (например, у народов Поволжья) происходит замена неподвижной мебели подвижной, причем медленнее всего видоизменяется интерьер кухни, сохраняющий у ряда народов традиционные элементы обстановки и в наши дни. Горница из парадного помещения превращалась в жилое, используемое в качестве общей комнаты для различных занятий и праздничной трапезы. В обстановке ее в еще меньшей мере, чем в спальнях, сказывается отсутствие стандартизации, проявляется индивидуальный вкус. В интерьере этих помещений часто можно встретить общесоветские и общеевропейские элементы.

В районах со смешанным населением взаимовлияние культур особенно заметно. Русские, например, оказывая влияние на интерьер жилища народов Поволжья, в 50-х годах сами воспринимали от них некоторые детали: живущие поблизости от чувашей заимствовали некоторые мотивы чувашской полихромной росписи; живущие в окружении татар так же, как и они, широко использовали ситцевые занавески традиционных татарских расцветок. Воспринимались иногда и термины, так, например, занавески, закрывающие кровать, в ряде мест получили название шарпад (от татарского чаршау)¹¹⁰.

¹⁰⁸ «Беларускі этнаграфічны зборнік». Мінск, 1958, стр. 29—31.

¹⁰⁹ Р. Ф. Тароева. Материальная культура карел, стр. 103, 104.

¹¹⁰ Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1956; Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин. Русское население чувашской АССР. Чебоксары, 1960, стр. 142; Е. П. Бусыгин. Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань, 1966, стр. 281; он же. Этнографические исследования материальной культуры русского населения восточных районов Среднего Поволжья. СЭ, 1959, № 2, стр. 140.

Особенно явственно взаимовлияние культур сказывается при долговременном соседстве. В переселенческих поселках Казахстана и Средней Азии, население которых составляют выходцы из различных украинских, русских и белорусских областей, в убранстве жилища можно обнаружить черты, свойственные всем этим народам: архитектурная резьба, весьма здесь распространенная, сформировалась в русско-белорусской этнической среде, архитектурная раскраска и роспись — в украинской. Применение их в быту диктуется не только и не столько национальной принадлежностью жителей, сколько природной зоной, в которой они обитают, а именно в Северном Казахстане превалирует резьба, а в Южном — полихромная роспись.

Анализ элементов орнамента показывает наличие территориального разнообразия влияний. Наряду с общими для восточнославянской орнаментики мотивами в некоторых областях Казахстана в декоративном искусстве переселенцев по преимуществу бытует севернорусская орнаментика (Восточный Казахстан), украинская (Южный Казахстан), белорусская (Кустанайская область). Это явление в одних случаях объясняется численным превосходством той или иной группы переселенцев (например, в районе Бухтармы), в других же диктуется местными природными условиями (Южный Казахстан) или более высокими профессиональными навыками в данной сфере (например, белорусская культура обработки дерева, распространившаяся в Кустанайской области).

Помимо народных мотивов во всех видах декоративного искусства переселенцев встречаются близкие к традиционным мотивы, заимствованные из города. В результате переработки их соответственно общему орнаментальному строю вырабатываются новые своеобразные формы, присущие именно сельскому декору.

Общение переселенцев с местным населением приводит к тому, что в некоторые виды декора проникает ряд сходных по формам казахских мотивов.

Во внутреннем убранстве казахского и киргизского современного жилища также используются некоторые приемы, заимствованные от украинцев и русских. Однако в соответствии с собственными национальными традициями они главное внимание обращают не на печь (как у переселенцев), а на стены. Нижняя половина их окрашивается и украшается бордюром (с помощью штампов) или расписным орнаментом. Таким образом, новое оседлое жилище украшается привычным для глаза, некогда опоясывавшим юрту орнаментальным фризом¹¹¹.

---

¹¹¹ Т. В. Станюкович. Декоративное убранство жилища восточнославянского населения Казахстана. «Сборник МАЭ», т. XXVI. Л., 1970, стр. 233; К. И. Литвина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962, стр. 185.

Таджикское жилище почти не имело мебели: посуда и утварь размещались в стенных нишах, расположенных подле очага, постельные принадлежности складывались горкой в нишах тахмон у передней, чаще всего ориентированной на юг стены. Количеством одеял и подушек, сложенных в горку джуль, джук, определялось благосостояние хозяев дома. В ночное время джуль разбирался и постельные принадлежности расстилались в определенном порядке поверх копит и паласов, которыми была застлана часть пола. В дневное время здесь же подавалась еда. Члены семьи рассаживались вокруг скатерти — дастархон на специальных ватных матрасиках и подушках ¹¹².

Меблировка помещений сводилась к столыку сапдали над отопительной ямой (расположенной в большинстве районов в центре передней стены, а в Фергане — около окон), шкафчику для посуды (дживон) и сундуку для лепешек (нон-дон). Носильные вещи каждого члена семьи увязывались в узлы (бухча) и также укладывались в горки, причем способы увязывания узлов были разными.

Люлька для маленьких детей подвешивалась зимой близ очага, а летом на айване, куда переселялась на жаркий сезон вся семья.

Аналогичная обстановка была характерна и для других оседлых народов Средней Азии: уйгур, дунган и южных киргизов, культура которых формировалась под сильным таджикско-узбекским влиянием ¹¹³. Этнические особенности обстановки сказывались лишь в различных способах увязывания бухча, а у некоторых народов, например у киргизов, в наличии сундуков, в которые складывались носильные вещи. Элементы традиционного интерьера в настоящее время сохраняются главным образом в облике кухни и комнаты для гостей. Другие комнаты обставляются мебелью современного типа. В кухне же продолжают бытовать ниши и полки для утвари; в комнате для гостей — горка из постельных принадлежностей. Традиционная стенная ниша у большинства народов Средней Азии не однотипна. У горных таджиков, уйгур ниши невелики и служат лишь для хранения мелочей. В восточнотуркестанских кишлаках ниши для вещей — явление совершенно новое, появившееся к середине нынешнего века, встречается не в каждом доме; у ленинабадских таджиков, где использование ниш имеет длительную традицию, они есть почти во всех стенах, причем величина и глубина их очень разнообразны в зависимости от функций. Уже с предвоенного времени эти ниши (так же, как и в узбекском и туркменском жилищах) часто застекляются и превращают-

---

¹¹² «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства». М.—Л., 1954, стр. 121—126.

¹¹³ *К. И. Ангиллина*. Указ. соч., стр. 185; *И. В. Захарова*. Указ. соч., стр. 284—290; *Г. П. Васильева*. Указ. соч.; *Л. Н. Жилина*. Указ. соч., стр. 25.

ся в красивые и удобные стальные шкафы. У уйгур, дунган и киргизов здесь хранятся постельные принадлежности¹¹⁴.

Различаются интерьеры разных народов также по цветовой гамме, характеру орнамента ковров, кошм, разнообразных вышивок и других декоративных элементов. У локайцев особенно распространены декоративные ковровые и вышитые сумы ильгич, обрамленные бахромой и узорчатой тесьмой; у таджиков и узбеков — филигранно вышитые сюзани и мозаичные изделия из лоскутков — куроки, у киргизов — кожаные изделия, у дунган — самодельные рисунки, изображающие чаще всего цветы, а также белые занавески, на которых вышиты традиционные сюжеты (феникс, любующийся цветами, рыба подле лотоса и т. п.), у киргизов широкое распространение имеют вышитые занавески — тушкийиз, подзоры, меховые коврики¹¹⁵.

Богато украшаются комнаты молодоженов. Так, у киргизов спальню сплошь зашивают декоративными полотенцами, богато вышитыми занавесями, прикрывающими одежду, настенными ковриками; кровать застилают вышитым покрывалом, украшают подзором и подушками в вышитых наволочках. Полы поверх кошм застилают тюфячками с бархатным или шелковым покрытием и меховыми ковриками.

В многонациональных районах Средней Азии, например в Кулябской долине, где совместно проживают таджики, узбеки, белуджи и арабы, постепенно вырабатывается интерьер единого типа, расцвеченный декоративными элементами, пришедшими из традиционных культур перечисленных народов. Общим для интерьера этого типа является многофункциональное использование пола (который в жилище местного узбека может быть покрыт арабским паласом, а у таджика — узбекской кошмой) и минимальное количество мебели. Это же явление в еще большей мере характерно для населения городов, вместе с тем интерьер жилища многих горожан (туркмен, таджиков и др.) нередко имеет ярко выраженный национальный характер¹¹⁶.

---

¹¹⁴ Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков..., стр. 159; И. В. Захарова. Указ. соч., стр. 288; «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 122; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Указ. соч., стр. 102; Е. И. Англипина. Указ. соч., стр. 155.

¹¹⁵ В. Х. Кармышева. Локайские «мапрамачи» и «ильгичи», стр. 121—159; «Сообщения республиканского краеведческого музея», вып. II. Сталинабад, 1955; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 179—182; М. Т. Айбаев, С. В. Иванов. Тиснение по коже. «Народное декоративное прикладное искусство киргизов». М., 1968, стр. 131; Л. Т. Шило. Культура и быт советских дунган, стр. 49, 63 и др.; С. М. Абрамзон. В киргизских колхозах Тянь-Шаня. СЭ, 1949, № 4, стр. 65; С. М. Абрамзон, К. И. Англипина и др. Указ. соч., стр. 163.

¹¹⁶ А. К. Писарчик, В. Х. Кармышева. Указ. соч., стр. 94; Ш. Аннаклычев. Роль промышленных центров в процессе сближения национальностей на примере Туркменской ССР. СЭ, 1964, № 6, стр. 34; Г. П. Васильева. Современные этнические процессы в Северном Туркменистане. СЭ, 1968, № 1, стр. 3—17.

В развитии интерьера народов, недавно перешедших к оседлому быту, прослеживается ряд общих черт. Привычка обитания в юрте, где мебель почти отсутствовала, сказывалась долгое время и в стационарных жилищах. Первоначально в новый дом переносили привычные элементы интерьера: посудные полки, сундук, низенький столик для еды, причем размещение их оставалось прежним, регламентированным вековым навыком житья в юрте¹¹⁷. Переносились туда и декоративные элементы. Так, например, локайцы Таджикистана и в глинобитном доме раскладывали и развешивали по его периметру декоративные мешки и сумы для хранения утвари и других вещей примерно в тех местах, где они ранее висели в юрте¹¹⁸.

В настоящее время исследователи фиксируют повсеместное появление в сельском интерьере покупной мебели и ряда элементов современного комфорта. Однако по традиции количество мебели очень незначительно. Плоскость пола широко используется¹¹⁹. В связи с этим за чистотой пола следят особенно тщательно: обувь снимают при входе или меняют на домашнюю.

Печи — один из наиболее стойких элементов материальной культуры. Не только в мононациональных районах, но и в смешанных традиционные их формы продолжают бытовать: плита с вмазанным котлом у казахов, каминьы — чури и косаба у горных таджиков, очаг — ошдон и сандали у равнинных таджиков и узбеков, печь с камином у дунган, печь с кудуром у корейцев, печь с подвесным котлом у карел и чувашей, русская печь у русских, печь с жаровыми нишами у немцев¹²⁰.

С повышением требований к комфортабельности жилища исчезают главным образом открытые формы очага. Это касалось прежде всего печей для обогрева тепловыми лучами (сандали), а также очагов для приготовления пищи, которые переносятся в помещение летних кухонь или просто во двор. На территории Латвии, например, этот процесс начался еще в первые десятилетия XX века, когда открытые очаги в кухнях-копильнях были заменены плитами, которые устанавливались под вытяжными колпаками-каминасами. Массовая смена форм печей, очаги которых были мало пригодны для стационарного жилища, наблюдалась несколькими десятилетиями позже у перешедших на осед-

¹¹⁷ «Народы Сибири», стр. 361; «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 472.

¹¹⁸ Б. Х. Кармышева. Локайские «мапрамачи» и «ильгичи»..., стр. 123, 124, 147 и др.

¹¹⁹ Л. П. Поганов. Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев, стр. 114—116.

¹²⁰ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 306, 605—606; II, стр. 405—545 и др.; М. Е. Малиновский. Жилище немцев-колонистов в Сибири. СЭ, 1968, № 3, стр. 105; Р. Ш. Джарылгасинова. Культурные сближения корейцев Узбекской ССР с соседними народами. СЭ, 1966, № 5, стр. 9—11 и др.

лый образ жизни кочевников (например, открытые очаги адыгов, алтайцев, тувинцев, белуджей и др.). В новом доме чаще всего устанавливались чугунные или железные печи (туркмены, белуджи, буряты) или же кирпичные плиты с вмазанным котлом для приготовления пицци (казахи). Традиционным остается лишь место печи в центре восточной (женской) половины помещения. Печь устанавливается таким образом, чтобы было удобно сидеть вокруг нее. В 1940—1960 гг. массовая смена форм печи зафиксирована в районах газификации¹²¹.

Аналогичные процессы также характерны для интерьера народов Севера и Сибири. Здесь имело место примерно такое же соотношение и последовательность внедрения мебели в жилище народов, недавно перешедших к оседлому образу жизни, смена печей¹²².

Как у недавно еще кочевых, так и у оседлых народов здесь сохраняется и традиционное декоративное убранство жилища. У якутов стены помещения обтягивают тканями, украшают коврами из оленьих головных шкурок и чепраками, богато расшитыми бисером. У алтайцев бытуют войлочные ковры, кожаные сумины и красиво орнаментированные кожаные сосуды, у тюменских татар — ковры и вышивки; у чукчей и эскимосов — меховые изделия, у хантов и манси — коробка и другие художественные изделия из бересты, у ненцев — красивые декоративные сумки; нивхи совмещают в интерьере своего жилища фабричную мебель и ряд элементов традиционного интерьера (полочки для утвари, сундуки, низкие столики); эвены, эвенки и нганасаны пользуются декоративными ковриками и другими предметами, сделанными из меха, а также украшают стены своего жилища традиционными вышивками и драпировками¹²³.

Стойкое сохранение традиционных элементов в интерьере сельского жилища характерно и для народов Кавказа. Назовем хотя бы карачаевцев, сплошь завешивающих и застилающих (по традиции) свое жилище коврами, сюзани и кошмами. Распространяется это и на цветковое решение убранства, выдержанное в

¹²¹ Л. Н. Терентьева. Колхозное крестьянство Латвии, стр. 39—40; Л. П. Поганов. Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев, стр. 91, 92; Э. Г. Гафферберг. Белуджи, стр. 106, 108; Я. Р. Винников. Указ. соч., стр. 49; «Кубанские станицы», стр. 143.

¹²² П. И. Каралькин. Жилище в Западной Туве. «Труды Тувинской экспедиции», т. I, стр. 267—283; Л. П. Поганов. Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев, стр. 115; «Народы Сибири», стр. 361 и др.; К. В. Вяткина. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969, стр. 179.

¹²³ «Народы Сибири», стр. 318, 368, 488, 565; А. В. Смоляк. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана, стр. 131—132; И. С. Гурвич. Быстринские эвены Камчатской области. КСИЭ, 1959, т. 32, стр. 104—110; Б. О. Долгих, Л. А. Файнберг. Таймырские нганасаны. «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера». М., 1960; В. А. Туголуков. Экондские эвенки. Там же, стр. 167; И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири, стр. 255.

блеклых черно-сине-коричневых тонах. Количество примеров, характеризующих традиционные элементы сельского жилища народов СССР, можно было бы увеличить, однако и приведенное красноречиво свидетельствует об их сравнительной устойчивости.

Вместе с тем изучение характера изменений, происшедших в расселении, типах поселений, жилища, интерьера на территории СССР показывает, что в них находят отражение основные процессы, протекающие в нашем обществе, а именно сближение быта городского и сельского населения, взаимовлияние и взаимообогащение культур различных народов.

В целом в развитии поселений и жилища прослеживаются ярко выраженные тенденции, свидетельствующие об интернационализации быта, чему способствует общий процесс индустриализации, развития средств массовой коммуникации и другие факторы научно-технического прогресса.

Число типов жилых домов сельского населения резко сократилось. Стойко сохраняются лишь те региональные формы, которые обусловлены природными особенностями. Такие формы жилища сейчас получают особенно большое распространение как у родственных народов, так и у неродственных, издавна имеющих устойчивые этнокультурные связи.

Под влиянием домостроительной индустрии традиционные жилища всех типов по своему плану и конструкции неуклонно сближаются между собой и городским жилищем индивидуальной застройки.

Этнические традиции проявляются главным образом в интерьере, однако и в нем произошли существенные изменения. Уже исчезли резкие различия в интерьере жилища разных социальных групп, сближаются городской и сельский интерьеры.

Культурные взаимовлияния сказываются в планировке и функциональном использовании помещений: в сельской местности получает широкое распространение жилище с планировкой городского типа, в то же время некоторые черты сельского жилища проникают в городской быт. Как для городского, так и для сельского жилища намечается тенденция увеличения камерности с функциональным обособлением необходимых помещений (кухни, спальни, детской) и использованием для повседневной жизни ранее нежилых парадных помещений (гостиная), благодаря чему функциональная нагрузка на отдельные помещения становится равномернее.

2. Одежда

Одежда является одним из устойчивых элементов материальной культуры. Традиционные формы одежды, как правило, отражают этническую принадлежность, с ними нередко связано этническое самосознание народа. На формирование одежды налагают отпечаток особенности исторического развития и народа в целом,

и его отдельных групп. Вместе с тем в ней всегда проявляется специфика художественного вкуса народа. Все это делает одежду важной составной частью культуры, в которой отражаются этнические процессы.

К моменту Октябрьской революции народная одежда в стране была очень разнообразна, несмотря на развитие капиталистических отношений, способствовавших нивелировке национальных и локальных особенностей в одежде. Во многих этнокультурных регионах произошел переход, особенно в городах, от традиционных форм к общеевропейским.

Разнообразие в тот период обуславливалось многоукладностью быта и сложностью национального и социального состава населения (а также разнообразием вероисповеданий), неравномерностью социально-экономического развития отдельных народов.

В городах европейской России (включая Украину, Белоруссию и Прибалтику) и Сибири господствовали общегородские, общеевропейские формы одежды, моды того времени. Национальный костюм в трансформированном виде бытовал лишь у отдельных слоев городского населения. Так, например, рубаху-косоворотку, русские сапоги, поддевку и картуз носили рабочие в городах. Части этого костюма (косоворотку с поясом, выпущенную поверх брюк) нередко надевали и представители демократической интеллигенции, подчеркивая этим свою связь с народом. В Прибалтике национальный костюм превратился в одну из форм праздничной одежды.

Основным хранителем русских традиционных форм одежды в XIX — начале XX в. было крестьянство, но к моменту революции эти формы бытовали лишь среди отдельных историко-культурных или этнографических групп населения. Мужская традиционная одежда почти повсюду состояла из рубашки-косоворотки и нешироких штанов. Шили их из белого холста или крашенины — «пестряди». В женской одежде наиболее ярко выделялись два типа: севернорусский и южнорусский. На севере рубахи шили с прямыми поликами и сверху надевали сарафан, а на голову кокошник. В южнорусских губерниях рубаха имела другой покрой (с косыми поликами) и носили ее с поневой, реже — с полосатой юбкой; дополнял костюм сложный головной убор — «сорока», состоявшая из нескольких частей и часто имевшая форму рогов. Верхняя одежда у мужчин и у женщин была сходной и состояла из различного рода кафтанов и халатообразных (длинных, прямых, расширяющихся книзу) форм, имевших множество вариантов и названий. В предреволюционные годы традиционная одежда сохранялась главным образом у бывших государственных и монастырских крестьян, в частности у однодворцев, крестьян четвертного права — потомков бывшего военнослужилого населения XVI—XVII вв. (живущих в южнорусских областях), державшихся несколько обособленно от окружающего крестьянского населения, а также у жителей отдельных лесных массивов (Брян-

ского полесья, Мещерского края и др.)¹²⁴. Наибольшее число районов и селений, где накануне революции носили еще традиционный костюм, было сосредоточено в южнорусских областях, частью на Севере и в Сибири.

В связи с отходничеством, вызванным малоземельем, у бывших помещичьих крестьян традиционный костюм сохранялся значительно меньше¹²⁵.

Большую роль в сохранении некоторых черт традиционной одежды сыграло старообрядчество (на Севере, в Прибалтике, в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дону)¹²⁶.

На Украине бытование традиционных форм одежды также было ограничено определенными сельскими районами и этнографическими группами населения. Большое разнообразие представлял народный костюм у разных групп украинцев западных областей — гуцулов, лемков, бойков и др. У них выделялось несколько локальных комплексов женской одежды, которые в свою очередь в разных областях подразделялись на несколько разновидностей. Только в одной Закарпатской области выделялось пять своеобразных типов женской одежды¹²⁷. Такое разнообразие наиболее характерно для горных областей, где сам характер местности затруднял общение. Вместе с тем оно определялось пережитками бывшей феодальной раздробленности, полунатуральным хозяйством и пр. Кроме того, ношение национальной одежды здесь, в условиях национального гнета, являлось как бы своеобразным протестом против него, подчеркивало этническую принадлежность ее носителей.

---

¹²⁴ А. Н. Нечаева. Костюм Тульского округа в районе рек Непрядва и Дон. «Тульский край». Тула, 1929, № 2—3, стр. 47—58; Н. П. Гринкова. «Однородческая одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии. «Изв. Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», вып. 1, 1928; она же. Женская одежда в бывших однодворческих селах Задонского и Землянского районов Воронежской области. СЭ, 1937, № 1, стр. 137—154; Н. И. Лебедева. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Рязань, 1929; В. А. Куфтин. Материальная культура русской Мещеры. М., 1926; Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927.

¹²⁵ С. К. Жегалова, В. Т. Шмакова, М. А. Попова. Положение крестьянства в Курской губернии. Историко-бытовые экспедиции 1951—1953 гг. «Труды ГИМ». М., 1955, стр. 159—176.

¹²⁶ М. П. Званцев. Жилище и костюмы Чернухинского района (Арзамасский уезд Нижегородской губернии). «Культура и быт населения Центрально-Промышленной области». М., 1929, стр. 114—119; Н. П. Гринкова. Одежда бухтарминских старообрядцев. «Бухтарминские старообрядцы». Л., 1930, стр. 313—396; А. М. Попова. Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928; А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы — семейские. Иркутск, 1920; Г. С. Маслова. Народная одежда русского населения Забайкалья. «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири», ч. II, Забайкалье. Новосибирск, 1974.

¹²⁷ Е. Л. Кульчицкая. Народный костюм Западных областей УССР. Киев, 1959, стр. 3—4; М. Н. Шмелева. Народная одежда украинцев Закарпатской области. Автореф. канд. дисс. М., 1949, стр. 4, 15.

В деревнях Белоруссии (в Полесье и других районах) крестьяне носили традиционную одежду еще в начале XX в. В культуре белорусской деревни новые явления, связанные с развитием капиталистических отношений, нередко уживались с глубокой архаикой быта, что объясняется бедностью основной массы белорусского крестьянства¹²⁸.

Прибалтика — одна из областей, где нивелирующая роль капитализма очень сильно отразилась на одежде начиная уже с середины XIX в. В начале XX в. традиционная одежда, исчезнув у большей части сельского населения, частично сохранялась лишь в Латгалии и отдельных районах Курземе (в Латвии), у своеобразной этнографической группы эстонцев-сету, на островах Эстонии, в некоторых селениях Аукштайтии, Дзукии (в Литве)¹²⁹ и немногих других местах.

На востоке европейской части России у народов Урала и Поволжья традиционная одежда преобладала у сельского (а частью городского) населения, жившего компактно или представлявшего особые, иногда оторванные от основного массива населения этнографические группы, как бы вкрапленные в инациональное окружение. Это определялось уровнем развития экономики, социальных отношений этих народов, замкнутостью отдельных групп. Большую роль играло и национальное самосознание народов, сохранявшееся, несмотря на русификаторскую политику самодержавия.

Широкое распространение имела местная традиционная одежда у большинства народов Севера и Сибири, не вступивших еще на путь развитого капитализма. Однако и ее коснулись изменения, выразившиеся в проникновении русских городских форм.

На южных окраинах страны — в Средней Азии, на Кавказе, где сохранялись сильные пережитки патриархально-феодалных отношений при сравнительно слабом развитии капитализма, традиционная одежда была широко распространена не только в кишлаках и аулах, но и в городах. Ее носила феодальная знать, торгово-ремесленное население.

Традиционная одежда в тот период имела резко выраженные классовые различия. Так, например, на Северном Кавказе у кабардинцев, адыгейцев, осетин и других народов, где феодальная иерархия была особенно развита, существовал особый аристократический костюм. Женский костюм в княжеских и дворянских семьях этих народов отличался не только богатством золотого шитья и отделкой галунами, но и особо высоким головным убо-

---

¹²⁸ Л. А. Молчанова. Указ. соч., 1968, стр. 226.

¹²⁹ M. Slava. Latviešu tautas terpi. Riga, 1966, с. 157, 160; «Эстонская народная одежда XIX и начала XX века». Таллин, 1960, стр. 30; M. Масгоните. Литовская народная женская одежда в XIX — начале XX вв. Автореф. канд. дисс. Вильнюс, 1967, стр. 21—22; Lietuvių liaudies menas. Drabužiai. Vilnius, 1974.

ром (шапочка с коническим верхом с золото-серебряной отделкой), обувью на высоких подошвах, длинными, декоративными рукавами¹³⁰.

В Восточной Грузии мужчины высшего сословия носили особую одежду — каба, а крестьяне — чоху. В Абхазии ношение настоящей черкески было привилегией князей и дворян, а крестьяне одевались в более короткие кафтаны без газырей¹³¹.

В Средней Азии и Сибири наблюдалась та же картина. Например, одежда бурятских нойонов, их жен и членов семьи отличалась дорогим материалом, чаще всего это была парча, из которой шили халат терлик, шубу дегел, отделявая их мехом выдры или бобра, обшивая золотыми и серебряными монетами. Полный набор золотых украшений носили лишь немногие женщины в улусе.

Костюм формировавшейся буржуазии в ряде национальных районов все больше сближался с общеевропейской модой¹³².

Изменения коснулись также одежды пролетарской части населения. В промышленных районах Грузии, например, с конца XIX в. сложился своеобразный костюм рабочего, сохранявший некоторые черты крестьянского.

У народов с развитыми капиталистическими отношениями господствующие классы перешли к одежде общеевропейского образца. У русских этот переход совершился в XVIII в., главным образом в петровское время. Национальная одежда в XIX — начале XX в., бытовавшая в основном у крестьян (и лишь у части городского населения), не была единообразной, поскольку само крестьянство не было однородно в социальном и этническом отношениях.

Национальный костюм был нередко связан с принадлежностью к определенной религии. Так, например, у курдов Закавказья одежда курдюнок-мусульманок и курдюнок-езидок заметно различалась, особенно по цвету¹³³.

Отметим, что обычай закрывания лица мусульманками (паранджа и чачван) Средней Азии был наиболее характерен для горожанок и лишь в немногих местах соблюдался сельскими женщинами, но именно там, где влияние мусульманского духовенства было наиболее сильным.

Религиозная принадлежность содействовала введению в одежду некоторых особенностей или устойчивости традиционных типов одежды. Так было с удмуртами-бесермянами, татарами-кря-

---

¹³⁰ *Е. Н. Студенецкая*. Одежда. «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968, стр. 158.

¹³¹ «Народы Кавказа», II, стр. 303, 305, 397.

¹³² Один из примеров — одежда казанских татар (см.: *Н. И. Воробьев*. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 313).

¹³³ *Т. А. Аристова*. Курды Закавказья. М., 1966, стр. 114, 115.

пенами¹³⁴, православной группой эстонцев-сету, русскими старообрядцами и т. д.

Подводя итоги изложенному, можно сказать, что одежда народов накануне революции в известной мере отражала сложность национального состава и социального развития населения страны. Сохранение пережитков родо-племенной организации и феодальных отношений (у многих народов Средней Азии, Сибири, Кавказа), сложность внутренней этнической структуры народов, еще не сформировавшихся в нации, создавали большое разнообразие и пестроту форм и типов одежды.

Революция оказала огромное влияние на изменение быта народов, их идеологию. Изменились требования, предъявлявшиеся к одежде. После революции происходили существенные перемены в одежде не только города, но и деревни, особенно в одежде мужчин, молодежи. Резко возросло значение русской общегородской одежды. Однако недостаток промышленных товаров (тканей, обуви и пр.), создавшийся в стране в 1917—1921 гг. в результате войны и интервенции, обусловил некоторую консервацию старых форм. В европейской части России (в Сибири и других областях) оживают домашнее прядение и ткачество, обработка кож, овчин, шерсти¹³⁵. Применяются домашняя окраска тканей, набоечное ремесло¹³⁶. Это продлило на какое-то время бытование традиционного русского костюма в тех местах, где он еще сохранялся, а там, где он исчез уже давно, из домотканины стали шить одежду городского типа.

На Кавказе, в Средней Азии в эти годы тоже широко практиковалось домашнее и кустарное изготовление тканей (сукна, шелка, бумажной материи), войлока, обуви, головных уборов и т. д.

В последующие десятилетия коренная социальная перестройка общества, развитие экономики и культуры народов Советского Союза оказывали воздействие и на одежду. В 1920-х годах возникло движение против вредных пережитков в национальной одежде, элементов, связанных с суевериями или подчеркивавших приниженное положение женщин. Особое значение приобрела борьба за снятие паранджи в Средней Азии, чадры — на Кавказе, за открытие лица и головы замужними женщинами, что раньше запрещалось у многих народов. Примером отказа от антигигиени-

---

¹³⁴ Так, например, головной убор татарок-кряшенок отличался от убора татарок-мусульманок. Прическа и убор кряшенки были близки к русским. По православному обычаю молодую «окручивали» еще в церкви после венчания. Отличался и способ подвязывания платка у татарок-кряшенок (см.: *Н. И. Воробьев*. Указ. соч., стр. 240, 269).

¹³⁵ *Д. А. Золотарев*. Этнологические наблюдения в деревне РСФСР. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1. Л., 1927, стр. 147.

¹³⁶ *М. Е. Шереметьева*. Производство набойки в с. Перемышль Калужского уезда. «Краеведение», 1929, № 8, стр. 501.

ческих видов одежды является снятие жепского «чегедека»¹³⁷ у алтайцев («сигидека» у хакасов), который носила замужняя женщина вплоть до износа и который стал восприниматься как символ зависимого и приниженного положения женщины.

Однако наряду с борьбой против архаических форм в национальной одежде возрождается особый интерес к ней как к элементу национальной культуры. Ношение национального костюма¹³⁸ подчеркивало идею свободного развития наций и народностей и их равноправное участие в государственной жизни. В 1920-е годы было принято, например, чтобы делегаты, и особенно делегатки — представители разных национальных республик на съездах, конференциях, депутаты советов на заседаниях появлялись в своих национальных костюмах (эта традиция сохраняется до настоящего времени). Национальное самосознание, а вместе с тем развитие идей интернационализма вызвали к жизни новые образцы национальной одежды, разработанные на основе традиций и затем широко распространенные за пределами расселения создавшего их народа. В результате обращения к национальным формам в эти годы были созданы как бы вторичные по отношению к традиционным формы, получившие национальное значение или по крайней мере осмыслившиеся как национальные: русская рубаха-косоворотка из фабричного полотна с вышитым стоячим воротником и грудью, украинская мужская сорочка с вышитым отложным воротником и сходная с нею белорусская рубаха. Русскую косоворотку и белорусскую рубашку носили навыпуск, с поясом, украинку заправляли в брюки. В 1920-е годы распространяется женская вышитая блузка с пышными рукавами, созданная на основе традиционной женской украинской сорочки. Эти городские типы одежды проникли и в деревню, где бытовали сравнительно долго и встречаются кое-где до настоящего времени.

Известно, что широкое распространение получили почти у всех народов Союза среднеазиатские тюбетейки, ставшие с 1920-х годов популярным головным убором — мужским, женским и детским. Если первоначально они были «настоящими», т. е. привозились из среднеазиатских республик, то в дальнейшем налажилось местное производство; их шили из парчевой ткани, иногда бумажной, украшая машинной тамбурной или другой вышивкой. Несколько позднее распространилась северокавказская «кубанка» — низкая папаха с расширяющимся кверху околышем из каракуля или овчины.

Уже в 1920-е годы усилилось стирание резких локальных особенностей в одежде и стали складываться общенациональные

---

¹³⁷ «Чегедек» — длинная безрукавная, распашная одежда, надевалась женщиной после свадьбы. Без чегедека жена не могла показаться свекору и старшему брату мужа (*Л. П. Поганов*. Одежда алтайцев. «Сборник МАЭ», вып. XIII. М.—Л., 1951, стр. 27—28).

¹³⁸ Под костюмом понимается комплекс: одежда, головной убор, обувь.

формы одежды у молодых формирующихся наций (в Средней Азии, Казахстане и других регионах страны).

В 30-е и в начале 40-х годов снова обострилась борьба против архаических пережитков в традиционной одежде там, где она еще бытовала. В ряде районов Марийской АССР имели место случаи публичного сжигания на костре старинных, в значительной мере антигигиенических головных уборов — сороки и шмакши, отказа от старых видов обуви. Массовый отход от старинных форм одежды происходил и у удмуртов¹³⁹.

Тем не менее традиционный костюм исчез не сразу и не полностью, он подвергся сильной трансформации при сохранении основных характерных черт. Изменения касались в первую очередь материала одежды, ее украшений, реже ее конструктивных особенностей, а также обуви и головных уборов. Это наблюдалось в послевоенный период в южнорусских областях, у народов Средней Азии, Поволжья и др.

Послевоенный период (вплоть до настоящего времени) характеризуется усилением взаимовлияния национальных культур и неуклонной урбанизацией населения, унификацией быта. Этот процесс охватывает все народы страны.

В некоторых национальных районах общегородская или общесоветская (общесоветская одежда соответствует общеевропейским формам, но имеет и некоторую специфику в отдельных чертах) одежда стала широко распространяться под влиянием пришлого инонационального населения — русских, украинцев, татар и др. В зависимости от того, откуда распространяются те или иные общесоветские формы, в них могут обнаруживаться отдельные детали, терминология, характерные для определенного народа.

В первую очередь народ отбирает для себя то, что наиболее соответствует его вкусам, традициям и местным условиям. Так, например, у женщин поволжских народов в 40—50-х годах фабричные черные чулки (с резиновой, кожаной обувью) заменили черные шерстяные повилы, которыми обертывали ноги, обуваясь в лапти.

Суммируя материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, об одежде народов советского периода попытаемся охарактеризовать происшедшие в ней изменения по основным историко-культурным регионам страны.

В Средней Азии и Казахстане в ходе этнической консолидации наций сформировались общие для каждой из них типы костюмов, что отмечается всеми исследователями одежды народов Средней Азии. Если до революции одежда наиболее крупных среднеазиат-

---

¹³⁹ Т. А. Крюкова. К вопросу об изучении современной одежды марийцев. «Уч. зап. Марийского НИИ языка и литературы», вып. V. Йошкар-Ола, 1953, стр. 172, 173; она же. Современная женская одежда народов Поволжья. СЭ, 1950, № 2, стр. 82, 83.

ских народов, имея немало общих черт, вместе с тем подразделялась на множество локальных вариантов, то сейчас можно говорить об общенациональной киргизской, узбекской, таджикской, туркменской, каракалпакской и казахской одежде.

У узбеков, одной из наиболее крупных социалистических наций Средней Азии, особенности костюма многих в прошлом относительно замкнутых групп в значительной степени нивелированы. Весьма показателен в этом отношении мужской головной убор — тюбетейка. Тюбетейки сильно различались по форме, цвету и узорам у отдельных этнографических групп. По этим особенностям безошибочно определялось, откуда происходит человек. В советское время вместо множества типов и разновидностей тюбетеек, отражавших локальные традиции, стали общенациональными чустский и ходжентско-уратюбинский типы, которые широко распространились среди узбеков и других народов Средней Азии.

Узбекский национальный костюм, особенно мужской, в основном однороден по своему составу, покрою отдельных частей. В нем сочетаются общегородские и национальные элементы (из национальных деталей особенно характерны халат, пояс-платок, тюбетейка). Преобладание тех или иных деталей зависит от социального положения, возраста, профессии носящего костюм¹⁴⁰.

Общегородские формы одежды с большей интенсивностью проникали в города и поселки, чем в сельскую местность. Фабричные мужские костюмы распространились в основном в послевоенный период, вместе с тем и в городах сохраняется обычай поверх костюма надевать халат, носить тюбетейку.

Одежда горожанок также имеет свою специфику, особенно у женщин пожилого возраста. Женская одежда в сельской местности сходна в основных своих частях с городской. Нередко она состоит из платья, сшитого из яркой ткани на кокетке со сборками на груди (появившегося в Ташкенте в начале XX в. и широко распространившегося в 1940-х годах), и шаровар; дополняется этот костюм безрукавкой, а в последнее время широко распространился «кастим» — жакет английского покроя. Головным убором молодых служит тюбетейка. Локальные различия в костюме теперь

---

¹⁴⁰ О. А. Сухарева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. 1. М., 1954, стр. 344, 352; К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 319—426; она же. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., 1958, стр. 795—808; она же. Этнографические материалы о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана. М., 1959, стр. 95—131; Н. Г. Борозна. Полевые материалы Ферганского отряда Среднеазиатской экспедиции 1968 г. Архив ИЭ, фонд Среднеазиатской экспедиции; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Указ. соч., стр. 118.

проявляются в основном в расцветке, узорах используемых тканей. Халаты, широко распространенные в качестве мужской и женской верхней летней и зимней одежды, имеют кроме особенностей ткани различия в деталях, способах ношения и т. д. Варьируют по областям и женские головные уборы.

Сближение узбекской одежды с одеждой других народов, протекавшее издавна, в настоящее время идет более быстро. Этому способствует распространение общесоветских форм одежды.

Исследователи этнических процессов среди современного населения Средне-Зеравшанской долины (Самаркандская область) отмечают двух- и трехязычие населения (чрезвычайно сложного по национальному составу) и сближение культуры местного населения, русских и татар. В частности, отмечается распространение узбекской традиционной одежды, некоторые элементы ее усваиваются соседним иноэтническим населением (тибетейка, мягкие сапожки, покрой платья, атласная безрукавка и пр.)¹⁴¹.

Одежда населения Ферганской долины — одного из наиболее многонациональных районов Узбекистана — отражает интенсивное сближение разных народов между собой: она в основном узбекско-таджикского типа или испытала сильное влияние узбеков и таджиков. Киргизы, уйгуры, дунгане Ферганской долины не отличаются от них по одежде¹⁴².

Некоторые черты узбекского костюма (например, узбекское платье с короткой кокеткой, тибетейки, особенно чустского типа) распространяются не только в зоне непосредственных контактов с узбеками, но и за границами среднеазиатских республик.

В прошлом значительное влияние на узбекскую одежду, главным образом городскую, оказывали казанские татары. Татарское влияние на одежду населения Средней Азии продолжалось и в послереволюционный период. Вместе с тем заметнее стало русское влияние. Основным источником его распространения — город. Но и контакты с сельским русско-украинским населением в Средней Азии ведут к взаимовлияниям. В некоторые селения, например, проникла украинская рубаха. Многие узбечки научились вязанию кружев от русских и татарских женщин, живущих по соседству¹⁴³.

Одежда территориально близкого к узбекам каракалпакского народа приобрела общесреднеазиатский облик, хотя и имеет свою специфику. Общесоветские черты проявляются в ней очень сильно, особенно у горожан. У сельского населения националь-

¹⁴¹ «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 47, 48.

¹⁴² И. В. Захарова. Материальная культура уйгур СССР, стр. 269—274; Л. Г. Шинло. Изменения в национальной культуре дунган в процессе их сближения с другими народами Средней Азии и Казахстана. М., 1964, стр. 6.

¹⁴³ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Указ, соч., стр. 122.

ный костюм бытует шире, но по сравнению с прошлым он значительно трансформирован¹⁴⁴.

Большие группы каракалпаков расселились в ряде областей Узбекистана, в Туркменистане и в Казахской ССР. Их этническое развитие идет иным путем, чем развитие основного этнического массива на территории республики, что отразилось и на их одежде.

Каракалпаки Самаркандской области (в долине Зеравшана) вошли в состав узбекской нации, и их материальная культура, в частности одежда, — узбекского типа. Одежда каракалпаков Ферганской долины в настоящее время также не отличается от одежды узбеков и таджиков, живущих там. Имеются в ней лишь некоторые незначительные отличия.

Одежда каракалпаков Бухарской области сходна с одеждой соседних казахов. Среди них распространены казахские мужские головные уборы — меховая шапка тумак и войлочная — колпак. Головные уборы девушек и замужних женщин различаются по цвету ткани; женщины, как и у казахов, носят белые платки, а девушки — красные, в то время как в Каракалпакии у молодых женщин повязки красные. Лишь отдельные детали — длина шаровар, покрой мужской рубахи и т. п. — отличают одежду каракалпаков от одежды казахов¹⁴⁵.

Ярким и выразительным является современный туркменский костюм, пожалуй, в наибольшей степени (сравнительно с другими народами Средней Азии) сохраняющий свой национальный колорит, хотя и в нем сочетаются в большей или меньшей степени общесоветские и традиционные черты (последние сильнее у женщин).

В городах Туркмении, в частности у рабочих, на этой основе сформировался своеобразный комплекс. Характерный стиль ему придает использование определенных тканей (шелка, узбекского атласа, плюша, вельвета, особой ткани — кептени цвета бордо, в полоску), вырабатываемых текстильной промышленностью республики. Видна особая любовь туркмен к обилию ювелирных украшений, среди которых нередко преобладают ювелирные изделия современного фабричного производства¹⁴⁶. В сельской местности современный национальный костюм бытует шире.

Мужской туркменский общенациональный костюм формировался на основе городских форм и элементов костюма туркмен-текинцев. Он состоит из рубахи (традиционного или городского

¹⁴⁴ Т. А. Жданко. Каракалпаки (основные проблемы этнической истории и этнография). М., 1962, стр. 55.

¹⁴⁵ Л. С. Толстова. Материалы этнографического обследования группы «каракалпак». СЭ, 1961, № 3, стр. 41—44; она же. Каракалпаки Ферганской долины. Историко-этнографический очерк. Нукус, 1959, стр. 162; она же. Каракалпаки Бухарской области. СЭ, 1961, № 5, стр. 50.

¹⁴⁶ Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага (историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1961, стр. 91, 98.

покроя), штанов и халата. Головной убор — высокая овчинная шапка — тельпек, с длинными завитками меха.

В 1940—50-е годы широко распространились брюки галифе, пиджачная пара. Причем полувоенный костюм шили обычно из бархата или вельвета темных цветов, а пиджачную пару (или китель и брюки) — из светлой ткани в соответствии с жарким климатом республики.

Женский туркменский костюм более колоритен. Он состоит из платья-рубахи туникообразного покроя, штанов — балак, халата разнообразных видов, кемзора — распашной одежды, спитой в талию, с рукавами и воротником с отворотами. Кемзор (особенно широко распространившийся на северо-западе республики) появился у туркмен с 30-х годов, будучи заимствован от соседей-казахов, каракалпаков и узбеков, которые в свою очередь заимствовали его у татар.

Излюбленный цвет одежды туркменок — красный разных оттенков, особенно алый — гырмызы. Женский головной убор из двух платков, распространившийся в советское время, все более вытесняет остальные головные уборы. Все же бытуют кое-где и другие их типы. В южных районах еще в 1950-х годах носили борик — убор цилиндрической формы. Но он был значительно облегчен и делался более низким, чем прежде.

Украшения туркменских женщин в прошлом отражали переходы из одной возрастной группы в другую, изменения семейного положения, а также племенную принадлежность носящей украшения. Теперь такое значение украшений забывается. Многие из массивных старинных металлических изделий, украшавших шею, грудь, руки, сейчас не носят. Некоторые украшения стали носить все туркменки. Например, брошь «гульяка» в прошлом — украшение туркменок-иомуток сейчас широко распространилось среди сельских жительниц и особенно в городах, где она подвергалась переработке и превратилась в небольшую изящную брошь. В отдаленных селениях до сих пор можно встретить тяжелые старинные украшения; на одежду и головные уборы женщин и детей в изобилии нашиваются старинные серебряные монеты — апбасы и подвески.

Многие детали одежды и украшений связаны с прежним своеобразием культуры родо-племенных и локальных групп¹⁴⁷. Одежда вместе с тем отражает современные взаимосвязи туркмен с соседями. В Северном Туркменистане, особенно сложном по национальному составу (где кроме туркмен живут узбеки, казахи, каракалпаки, татары, русские, корейцы и др.), в одежде это выражено

---

¹⁴⁷ Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в северном Туркменистане. М., 1969, стр. 198, 226; Я. Р. Винников. Указ. соч., стр. 60; Г. П. Васильева. Туркмены-нухурли. «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. 1, стр. 163—170.

очень четко. С одной стороны, здесь наблюдается унификация одежды отдельных групп туркмен на основе традиционных форм одежды туркмен-иомутов, которая потом развивалась под сильным воздействием общесоветской городской культуры, с другой стороны — видны взаимовлияния в современной одежде казашек, каракалпачек, узбечек, туркменок и др. Среди некоторых групп заметно влияние узбекского костюма. Но и в одежде местных узбечек прослеживаются туркменские черты.

В южном Туркменистане наблюдается сближение материальной культуры курдов и этнографической группы «тюрк» с туркменской материальной культурой. В одежду современного городского типа курдов-мужчин включают иногда туркменские тюрбетейки и халат. Многие женщины-курдянки, особенно живущие по соседству с туркменками, шьют рубахи из красного туркменского шелка, а некоторые восприняли и покрой туркменского платья-рубахи. Туркменские женщины научились у курдянок вязать узорные чулки, заимствовали покрой курдского мужского халата, одежду типа архалука; курдские узоры используются в туркменских коврах¹⁴⁸. Вместе с тем сильно и русское влияние, проникающее через город¹⁴⁹.

Процесс сложения современного киргизского костюма идет в том же направлении, что и у других народов Средней Азии: исчезли наиболее архаические части, вошло немало общесреднеазиатских черт и заметно усилилась общность с одеждой других народов.

При наличии общенациональных черт современный костюм киргизов разнообразен. Как и у других народов Средней Азии, костюм современной киргизской женщины основан на традициях, но по сравнению с прошлым сильно изменен. Платье — койнек по покрою приближается к современному городскому, а по деталям — к таджикскому платью. В Северной Киргизии его шьют отрезным ниже талии, как и по всему Казахстану. В Южной Киргизии шьют и платья узбекского типа на короткой кокетке. Часть женщин носит традиционные, но укороченные шаровары. Поверх платья надевают жилет или камзол из бархата, вельвета. Значение головных уборов, особенно женских, как показателя былой племенной принадлежности исчезает. Женские головные уборы (элечек северных киргизок и чачкеп — южных) сохраняются лишь в отдельных местах. В Северной Киргизии почти сгладилась разница в прическе девушки и замужней женщины, но в южных районах девушки в отличие от замужних женщин заплетают множество кос и носят тюрбетейки. Основной женский

---

¹⁴⁸ Г. П. Васильева. Современные этнические процессы в Северном Туркменистане, стр. 8, 10; Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева. Об этнических процессах на территории Южной Туркмении, стр. 17—30.

¹⁴⁹ Нужно отметить, что курды двуязычны (они восприняли туркменский язык) и иногда трехязычны (знают русский).

и девичий головной убор — платок, нередко с ярким цветастым узором.

Своеобразная распашная нарядная юбка — бельдемчи, весьма характерная для всех киргизок в прошлом и составлявшая элемент праздничного костюма, теперь надевается в редких случаях. Но жены чабанов, живущие на отгонных пастбищах, шьют себе бельдемчи из овчины, покрывая сверху хлопчатобумажной тканью, и носят для тепла. У колхозников-животноводов, проводящих зиму на отдаленных пастбищах, сохраняются некоторые традиционные формы. Разнообразная верхняя одежда типа халата хорошо защищает от холода, резких колебаний температуры. Колхозники, живущие зимой на высокогорных пастбищах, имеют овчинные шубы, шьют чапан из вельвета. Последний считается праздничным, и его надевают, когда идут в поселок или передвигаются на другое пастбище. В этом проявляется старинная традиция одеваться в лучшую одежду при кочевьях.

В одежде киргизского населения южных районов республики, соседних с Узбекистаном, отразилось узбекское влияние в характере предпочитаемых тканей, в покрое одежды, в способах повязывания платков и т. д.¹⁵⁰ Многие черты киргизского костюма усвоены дунганями, живущими в Киргизии¹⁵¹.

Отразились в киргизском костюме и современные связи с русско-украинским населением Средней Азии. Например, в комплект девичьей одежды в Прииссыккулье включается блузка, вышитая крестиком, и юбка с широкими бретелями — сарапан. Узоры на блузках сходны с узорами соседнего украинского населения; сарафан — один из видов городской одежды, являющийся переработкой русского сарафана. С 1930-х годов наряду с халатом появилась одежда из овчины, по типу сходная с русским полушубком (отрезная в талии), и поддевка того же покроя, сшитая из ткани. Многие части современной городской одежды также восприняты от русских, как, например, кастум — женский жакет. Широко распространились валенки, мужские шапки-ушанки, теплые шерстяные и пуховые платки и шали, которые киргизки вяжут на спицах, научившись этому у русских. От них же восприняли киргизские женщины вязанье крючком кружев для белья (которое теперь прочно вошло в обиход киргизов)¹⁵².

¹⁵⁰ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 252—256; *К. И. Ангипина*. Указ. соч., стр. 272—273; *С. М. Абрамзон, К. И. Ангипина* и др. Указ. соч., стр. 182—184, 191; *Е. И. Махова*. Материальная культура киргизов как источник для изучения их этногенеза. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», III. Фрунзе, 1959, стр. 44—58.

¹⁵¹ *Л. Г. Шинло*. Культура и быт советских дунган. Фрунзе, 1955, стр. 68. Одежда дунган, живущих разобщенно, отражает их тесные связи не только с киргизами, но и с другими народами (с казахами, узбеками, уйгурами), в зависимости от того, в каком этническом окружении они живут. Сохраняются и черты традиционной одежды дунган.

¹⁵² Архив ИЭ. Материалы Киргизской экспедиции 1950—1955 гг., собранные *Е. И. Маховой*.

Не останавливаясь подробно на сложении таджикского общенационального костюма, отметим основные проявляющиеся в нем тенденции; они связаны с усилившимися взаимовлияниями между отдельными группами таджиков и другими народами. Развитие связей населения равнин и гор (особенно с перемещением некоторой части горного населения на орошаемые земли) прослеживается в одежде. Из равнинных районов в горы распространилось платье куртаи узбаки, камзурча — безрукавка (широко бытовавшая в Таджикистане и Узбекистане), камзур — женское пальто из вельвета, шитое в талию¹⁵³. В прошлом женщины горных районов Таджикистана (как и на Кавказе) не имели верхней одежды; считалось, что горянка в ней не нужна.

В одежде таджиков сказывается и русское влияние; распространяются общегородские типы одежды¹⁵⁴.

Развитие общенационального костюма у казахов шло тем же путем, что и у народов Средней Азии. К 50-м годам у них сложился национальный костюм, сочетавший общегородские и традиционные формы. Этот костюм в большей степени бытует в селениях, чем в городе, в основном у женской части населения. Надевают его в особых случаях (семейное торжество, традиционный праздник)¹⁵⁵.

В одежде казахов (как и у части северных киргизов) контакты с русским населением оставили более значительные следы, чем в одежде других соседних народов — узбеков, туркмен и других, что объясняется установлением более ранних и активных культурных связей между казахами и русскими.

Весьма важно отметить, что в связи с отходом от ислама население перестало соблюдать порожденные им формы одежды. В Средней Азии исчез обычай, обязывающий женщину закрывать лицо. Надевают паранджу лишь в редких случаях, отправляясь на

---

¹⁵³ С. П. Русайкина. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР. «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. II. М., 1952, стр. 190—192; М. А. Хамиджанова. Материальная культура матчинцев до и после переселения на орошаемые земли. Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1965, стр. 130, 160; «Таджикки Каратегина и Дарваза», вып. 2. Душанбе, 1970, стр. 116—202.

¹⁵⁴ Н. П. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерова, С. П. Русайкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.—Л., 1954, стр. 135; «Материальная культура таджиков верховьев Заравшана». Душанбе, 1973, стр. 182—263.

¹⁵⁵ А. С. Морозова. Опыт изучения рабочего класса Казахстана. СЭ, 1962, № 6, стр. 25; И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева. Казахская национальная одежда XIX—начала XX в. Алма-Ата, 1964, стр. 100; В. В. Востров. Казахи Джэныбекского района Западно-Казахстанской области (историко-этнический очерк). «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. 3. Алма-Ата, 1956, стр. 81, 82; И. В. Захарова. Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 гг. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. 6. Алма-Ата, 1959, стр. 11—14.

свадьбу или похороны. Вышли из быта халаты-накидки, имевшие сходные функции с паранджой.

В прошлом мусульманин не мог носить некоторые виды одежды без опасности прослыть неверным. Особенно это относилось к головным уборам, имеющим козырек (фуражке, кепке). Ношение их резко осуждалось духовенством. В настоящее время эти головные уборы распространяются повсеместно¹⁵⁶. Особенности в одежде, прическе, диктовавшиеся ранее религией, не имеют в настоящее время массового распространения.

Итак, процесс выработки общенациональных форм современной одежды у народов Средней Азии и Казахстана был сложным. В ее состав, как правило, вошли как традиционные элементы одежды, которые в прошлом были свойственны не всему этносу, а лишь его отдельным локальным группам или родо-племенным подразделениям, так и элементы, в прошлом не известные этим народам и проникшие в их среду в результате межнациональных контактов и современных процессов урбанизации. Весьма характерно и то, что некоторые элементы одежды современных народов Средней Азии и Казахстана распространены шире границ расселения отдельных этносов и в известном смысле могут быть названы региональными.

Обратимся к другой историко-культурной зоне страны с многонациональным населением — Сибири и Крайнему Северу.

Консолидация тюркоязычных племен Горного Алтая, происшедшая в советское время, привела к сложению более широкой монолитной этнической общности алтайцев. Этот процесс отразился и в материальной культуре алтайцев, в том числе в их одежде. Приобретение разнообразных тканей и готовых изделий сыграло большую роль в выработке однородности одежды разных территориальных, а в прошлом — родо-племенных групп. Однако использование определенных видов готовой одежды в 1940—1950-х годах было весьма специфичным. Так, например, мужские пиджаки, жилет, шапку тогда носили не только мужчины, но и пожилые женщины. Это объясняется, как полагают, особенностями быта алтайцев в прошлом, когда мужская и женская одежда еще не была в достаточной степени дифференцирована. Женский костюм, испытавший влияние русской крестьянской женской одежды начала XX в., состоит из кофты и юбки, но отличается особым украшением ворота и манерой ношения. В ряде случаев алтайская шапка и местная обувь придают ему своеобразный облик¹⁵⁷. Традиционная алтайская шуба халатообразного покроя подверглась изменениям, но сохранила харак-

---

¹⁵⁶ О. А. Сузарева, М. А. Бикжанова. Указ. соч., стр. 114—115.

¹⁵⁷ Л. П. Поганов. Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев, стр. 118; он же. Одежда алтайцев. «Сборник МАЭ», вып. XII. М.—Л., 1951, стр. 5—59.

терные особенности, в частности как бы ступенчатое украшение верхней части левой полы, наложенной на правую.

С переходом на оседлость длиннополую одежду укоротили. Одновременно с украшениями фабричного производства некоторые алтайские женщины носят украшения из бисера, металлических блях, раковин-каури, подвешенные к поясу.

Усилившиеся взаимовлияния алтайского и русского населения сказываются в том, что характерная алтайская круглая шапка (из овчины, крытая тканью) вошла в быт русского населения и стала популярной наряду с кубанкой. Восприняли русские и местную алтайскую обувь — кисы, а алтайцы в свою очередь (с конца 1940-х годов) — русские сапоги, валенки. Широко вошла в быт (особенно в северных районах) русская ушанка. Однако стирание бывших территориальных и племенных особенностей в одежде протекает неравномерно: в одних районах более, в других менее интенсивно.

Процесс сближения в прошлом обособленных хакасских этнографических групп отразился и в одежде, ставшей в основных чертах одинаковой по всей Хакасии¹⁵⁸. Сейчас по одежде уже нельзя определить племенную принадлежность человека (как это было ранее). Одежда городского населения Хакасии не отличается от одежды жителей прочих городов Советского Союза. В селениях же она имеет известное своеобразие. Мужчины носят рубаху («русскую» или «украинскую», реже хакасский хёгенёк) и брюки. Обуваются в русские сапоги, которые умеют шить сами, или же фабричную обувь. Носят и местную обувь из кожи и меха — маймах, иногда с вышитым орнаментом. Верхней одеждой служат те же тон — тип русского тулупа, полшубок, а в дорогу поверх них надевают доху, распространенную по всей Сибири.

Основу женской праздничной одежды составляет платье когенок из современной ткани. Характерна в качестве свадебного наряда шуба — тон традиционного покроя, из овчины, иногда крытая тканью, отделанная мехом и многоцветной вышивкой.

Одежда других народов Севера и Сибири не менее ярко отражает происходящие в этом регионе этнические процессы. Лишь некоторые народности, как, например, нганасаны, продолжают сохранять в почти неизменном виде свою зимнюю традиционную одежду¹⁵⁹.

Соседи нганасан — энцы, живущие в Таймырском национальном округе, тесно соприкасаются в быту и производстве с населением разных национальностей: в один колхоз нередко кроме

---

¹⁵⁸ Ю. А. Шибалева. Одежда хакасов. Сталинабад, 1959, стр. 4—5.

¹⁵⁹ Ю. Б. Симченко. Основные черты современных этнических процессов у коренного населения Авамской тундры Таймырского национального округа. «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера». М., 1970, стр. 177.

энцев входят также ненцы, эвенки, селькупы, русские и украинцы. Не удивительно, что в быт здесь широко вошла одежда общесоветского типа, а традиционная одежда энцев — малица, сокуйненецкого типа бытует главным образом в качестве зимней¹⁶⁰.

Традиционная одежда ненцев (наиболее крупного народа самодийской группы)¹⁶¹, хорошо приспособленная к местному климату, находит применение и теперь. В современных условиях, когда обычай ношения белья и платья из тканей прочно вошел в быт ненцев, традиционная одежда приобрела значение только верхней, которая снимается в помещении. Это относится к малицам из оленьего меха и к летним паницам, сшитым из разноцветного сукна. Ненецкие зимние формы одежды, такие, как малица, гусь, совик, широко используются местными русскими и коми.

Ханты и манси, живущие в Обском бассейне, в прошлом подразделялись на ряд групп, что отразилось на их одежде. При наличии общих черт различалась одежда трех основных больших подразделений хантов — северных, южных и восточных¹⁶². В советский период усилился процесс унификации одежды на основе распространения общегородских форм. Особенно значителен он у южных хантов (исчезла одежда из крапивного волокна с богатой вышивкой и бисерными украшениями). У северных хантов в условиях тундрового промыслового хозяйства продолжает бытовать и в наши дни меховая одежда (глухого арктического типа), сходная с ненецкой. Части одежды из фабричной ткани (особенно рубаха) очень своеобразны. Нередко рубахи украшают узорами из аппликаций ткани, сходными с традиционными узорами меховых аппликаций на верхней одежде. Это, в частности, было характерно для казымских хантов в 40—50-е годы.

Эвенки, расселившиеся на огромной территории от Енисея до побережья Охотского моря, подразделяются на ряд территориальных, а ранее — родо-племенных групп. Сближение отдельных групп эвенков с русскими, бурятами, якутами началось задолго до революции, но в советский период этот процесс усилился. Характерный для эвенков (а также для эвенов и негидальцев) распахнутый кафтан (так называемый тунгусский фрак), надевавшийся с нагрудником (так как полы его не сходились), в прошлом имел определенные локальные отличия. Кафтан с нагрудником, эвенкийская обувь были хорошо приспособлены к жизни и работе в тайге. Эвенкийский кафтан был в ряде районов

---

¹⁶⁰ В. И. Васильев. Лесные энцы (Очерк истории хозяйства и культуры). «Сибирский этнографический сборник», V. «Труды ИЭ», т. 84. М., 1963, стр. 62, 64.

¹⁶¹ В эту группу входят кроме ненцев нганасаны, энцы, селькупы.

¹⁶² Н. Ф. Прыжкова. Одежда хантов. «Сборник МАЭ», вып. XV. М.—Л., 1953, стр. 123—233.

воспринят в качестве производственной одежды соседями эвенков¹⁶³. Зимняя эвенкийская обувь сохраняется и в настоящее время.

Сообщения исследователей об одежде разных групп эвенков свидетельствуют о нивелировке ее на основе общесоветских типов одежды. Так, например, обстоит с одеждой у экондских эвенков, в прошлом одной из изолированных групп эвенков¹⁶⁴.

Такие же изменения характерны и для одежды кетов (Томская область). В поселках они носят одежду общегородского типа. Традиционная одежда кетов (парка, сокуй — из оленьих шкур, камусовая обувь, меховые рукавицы и головной убор) используется в качестве зимней и специально охотничьей.

Стойко сохраняются специфические черты в одежде народов Крайнего Северо-Востока. Так, чукчи-мужчины в качестве промысловой одежды носят оленью (глухую) кухлянку, длинные меховые штаны, короткие камусовые торбаза и меховую шапку. Женская глухая чукотская одежда в ряде районов заменяется эвенским распашным кафтаном с нагрудником, штанами и торбазами до колен. Для маленьких детей в тундре в качестве зимней одежды часто шьют меховой комбинезон. Коряки оленеводы, охотники также сохраняют традиционную меховую одежду в качестве зимней. Современные городские формы одежды применяются главным образом в домашней обстановке (для летнего периода). Одежда женщин-корячек отличается своеобразием покроя, подбором тканей и украшений. Одежда эвенов Колымского округа с переходом на оседлость, а также юкагиров, селившихся с отдаленных притоков Колымы в крупные поселки, состоит из элементов якутской, чукотской и русской одежды. Широко используется ими на промысле чукотский костюм. Одежда чукотско-коряцкого типа частично распространилась и среди эвенов в Корякском национальном округе.

Отмечаются изменения одежды у обособленных в прошлом старожильческих русских групп — русскоаустинцев, колымчан, чуванцев, пенжинцев. Значительное распространение получила и здесь общесоветская городская одежда. Меховая кухлянка, сибирская обувь — бродни находят применение лишь в производственной жизни¹⁶⁵.

Значительные изменения в одежде произошли у народов, живущих в бассейне Амура. Если еще в 1920-е годы одежда оро-

---

¹⁶³ Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 131 и др.; она же. Тунгусский кафтан (к истории его развития и распространения). «Сборник МАЭ», вып. XVIII. М.—Л., 1958, стр. 168.

¹⁶⁴ В. А. Тугулуков. Экондские эвенки, стр. 169—170.

¹⁶⁵ И. С. Гурвич. Этническая история Северо-Востока Сибири, стр. 223 и др.; К. Г. Кузаков. Хозяйство, культура и быт колхозников Аянки. «Современное хозяйство, культура и быт коряков», М., 1971; В. В. Антропова. Культура и быт коряков. М., 1971.

чей и ульчей при большой общности имела локальные своеобразия, то сейчас она нивелируется на основе русского влияния, правда, сохраняя известный национальный колорит (особенно этим отличается одежда женщин). Нивхи, нанайки, ульчанки иногда поверх платья надевают халат (покроя кимоно), накладывая левую полу на правую. Халаты шьют из современных фабричных тканей (для зимы — стеганые), но в соответствии с традицией украшают их по краям каймой, а нередко и узорами. Бытуют такие детали одежды, как наголенники, нарукавники из ткани, а также своеобразная обувь из меха камусов лося или оленя, рыбьей кожи, нерпичьей шкуры. Особое значение приобретает национальная одежда на традиционных праздниках, семейных торжествах, а также на промыслах.

Имеющиеся наблюдения свидетельствуют о сглаживании особенностей в одежде народностей Севера и Сибири. Наиболее рациональные традиционные ее формы распространяются за пределы расселения создавших их народов. Традиционная одежда народов Сибири и Севера широко бытует в качестве промысловой (зимней) верхней одежды¹⁶⁶.

Поволжье и Прикамье — многонациональный регион. Как упоминалось выше, еще в 20-е годы у большинства народов здесь сохранялась национальная одежда в своих архаических вариантах. Изменения одежды в советский период заключались не только в том, что распространялись современные городские формы, вытеснившие старинные, но и в том, что происходила длительная творческая переработка традиционного костюма, причем у каждого народа по-своему.

У удмуртов к 50-м годам сильное влияние города особенно проявилось в северных районах республики. Традиционную одежду более всего сохраняла группа удмуртов — бесермян, что свидетельствует о том, что они не утратили своих особенностей, отличавших их от окружающего населения. В распространившийся костюм общесоветского типа удмурты переносили традиционные элементы или приспособляли к нему привычные типы одежды. В южных и центральных районах Удмуртии ранее бытовавшее широкое платье с оборкой (татарского покроя) в 1940—50-е годы было заменено платьем городского покроя, которое также стали шить с оборкой¹⁶⁷. Украшения платья представляли переработку прежних вставок узорного тканья. В северных

---

¹⁶⁶ А. В. Смольяк. О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура. СЭ, 1963, № 3, стр. 21—30; она же. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966, стр. 214—219; Ч. М. Таксами. Нивхи. Современное хозяйство, культура и быт. Л., 1967, стр. 174—176.

¹⁶⁷ Т. А. Крюкова. Современная женская одежда народов Поволжья, стр. 80.

районах основу женской одежды в эти же годы составляло платье прямого покроя в соответствии с покроем туникообразных рубах. Распространившаяся в женском костюме суконная жилетка заменила татарский камзол-безрукавку.

Степень бытования национальной одежды у разных групп марийцев различна. Менее всего она бытует у марийцев, живущих малочисленными группами за пределами республики. Небольшая группа тоншаевских мари (Горьковская область), у которых еще в 1920-е годы женщины носили свою домотканую вышитую одежду, сейчас не отличается по одежде от русских. Но мари, живущие большим компактным массивом в пределах Уржумского района Кировской области, сохранили в 60-е годы основу национального костюма, внося в него изменения¹⁶⁸. У марийцев республики (имеется в виду сельское население и преимущественно женщины) в 40—50-е годы складывались новые типы народного костюма; причем процесс творческой переработки традиционных форм протекал по-разному у луговых и горных мари¹⁶⁹. У луговых марийцев одежда изменилась не только по материалу и расцветке (вместо холста применяются разнообразные ткани современной выработки), но и по характеру ornamentации, а в ряде случаев и по покрою отдельных частей.

У горных мари изменения коснулись главным образом внешнего оформления костюма — произошло обогащение его новыми видами украшений из разноцветных лент, кружев и пр., что придавало ему большую красочность.

Изменения в одежде мордвы тесно связаны как с общим изменением экономики и быта этого народа, так и с теми этническими процессами, которые характерны для него. Мордва, составляя основное население Мордовской АССР, кроме того, широко расселилась и за ее пределами. Развитие ассимиляционных процессов, особенно среди мордвы-эрзи, началось издавна в результате тесного общения с русскими. Этот процесс заметно усилился в последнее время, особенно среди мордвы, живущей за пределами республики¹⁷⁰. С ним в значительной степени связана и утеря бывшей этнической специфики в одежде отдельных групп мордвы — терюхан, слившихся с русскими, каратаев, сблизившихся с татарами, а также и других мордовских групп, живу-

---

¹⁶⁸ К. И. Козлова. Марийцы Горьковской и Кировской областей. «Труды Марийского НИИ языка, истории и литературы», вып. XVI. Йошкар-Ола, 1961, стр. 183; она же. Полевые этнографические работы 1960 г. по изучению марийского населения. Там же, стр. 201—202.

¹⁶⁹ Т. А. Крюкова. Указ. соч., стр. 89—91, 175—176.

¹⁷⁰ В. И. Козлов. Расселение мордвы (исторический очерк). «Вопросы этнической истории мордовского народа». М., 1960, стр. 5, 60; В. Н. Беллицер, В. А. Балашев. Некоторые особенности современного этнического развития мордовского народа. СЭ, 1968, № 1, стр. 122—125.

щих во многих областях и республиках Поволжья, в Сибири. У основного населения республики, но главным образом у мордвы-мокши, жепская национальная одежда при всех тех изменениях, которые вносятся в нее под влиянием города, сохраняет больше своеобразных черт. 40—50-е годы — период интенсивной трансформации этой одежды. Переработка основных конструктивных особенностей и орнаментации одежды ярко проявилась у мокши, создавшей по существу новые виды женской национальной одежды¹⁷¹, которые носят в отдельных мокшанских районах республики.

Мужской костюм у чувашей, как и у других народов Поволжья, в советское время приобрел черты общегородского типа. Что же касается одежды женской части сельского населения, то здесь на основе традиционного сформировался новый женский костюм. Комплекс состоит из рубахи-платья, более или менее приближенного к платьям городского покроя, штанов, передника, головного платка и кожаной или резиновой обуви. Этот комплекс сблизил одежду разных этнографических (а в прошлом — племенных) групп чувашей — анатри и вирьял, значительно отличавшуюся друг от друга. Вместе с тем и в этот общенациональный комплекс внесены особенности, иногда детали, отличающие одежду одной группы чуваш от другой. Каждый из них имеет свою цветовую гамму¹⁷². У верховых чувашек (вирьял) преобладает белый цвет, цветные ткани встречаются сравнительно редко, и они всегда однотонные. Низовые чувашки (анатри) применяют сложную гамму ярких цветов, преимущественно из узорных тканей. В одежде чувашек групп анат енчи используются и та и другая гамма цветов и тканей. Есть различия и в украшениях.

Татарский национальный костюм оказал влияние на костюм многих народов Поволжья (удмуртов, мордвы-мокши, чуваш и др.), и Средней Азии (как упоминалось выше). Однако и он в свою очередь испытал влияние как одежды среднеазиатских народов, так в известной степени и русской одежды. В настоящее время общегородские формы в нем преобладают не только в городе, но и в деревне, хотя здесь сохраняются и некоторые отдельные характерные черты — в головных уборах, способах повязывания платков, в обуви и т. д.¹⁷³ Народная татарская вышивка и многоцветная узорная обувь приобрели большую популярность. Обувь — мягкие выворотные сапоги или сапоги на твердой подошве с каблучком и туфли — распространилась за пределами Та-

---

¹⁷¹ В. Н. Белицер. Народная одежда мордвы. М., 1973, стр. 6; Т. А. Крюкова. Указ. соч., стр. 89—91.

¹⁷² Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши. Этнографические исследования, ч. I. Чебоксары, 1956, стр. 272—277, 346—348.

¹⁷³ Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953; «Татары Среднего Поволжья». М., 1968, стр. 254—255.

тарской АССР. К сожалению, однако, в последнее время изготовление их сильно сократилось и делают их главным образом на заказ.

Татары, широко расселившиеся в Поволжье, на Урале, в Сибири и Средней Азии, подразделяются на ряд своеобразных групп (касимовские татары Рязанской области, мишари — Горьковской и других областей Поволжья), в одежде которых было немало общего, но имелись и характерные отличия.

Так, например, в женской одежде татар-мишарей Поволжья в прошлом выделялось восемь локальных комплексов. Под влиянием соседнего населения в костюм включались отдельные мордовские и русские детали одежды или обуви¹⁷⁴. С первых лет Советской власти у всех групп татар шел процесс сглаживания различий в одежде на основе широкого внедрения общесоветских форм.

Имеющиеся данные об одежде башкирского народа позволяют считать, что у башкир в советское время также ускорило проникновение городских форм одежды. У сельского населения эти общие формы складывались на основе локальных типов и освоения ими общегородских элементов¹⁷⁵.

Кавказ — один из крупных и наиболее многонациональных регионов Союза. На Северном Кавказе в Дагестане в советский период усилился процесс консолидации крупных народностей и мелких территориальных племенных подразделений¹⁷⁶. Это отразилось и на одежде. Так, например, в прошлом в народном даргинском женском костюме по ряду признаков выделялось одиннадцать этнографических комплексов¹⁷⁷. Для современного костюма даргинцев характерны утрата былых мелких локальных особенностей и сближение с одеждой города. Это явилось следствием развития экономики и культуры горского населения, увеличением его покупательной способности и т. п.

Аваро-андо-дидойская группа, издавна имевшая много общего в языке и культуре, распадалась на множество мелких народов и групп, отличных друг от друга по ряду диалектологических и бытовых признаков¹⁷⁸. Отличались своеобразием и их одежда, особенно головные уборы (по форме, украшениям), обувь. Сближение этих групп в советское время выразилось в усилении их хозяйственных и культурных связей, в развитии общих форм материальной культуры, в частности одежды. Это осуществлялось путем распространения общегородских форм (особенно среди муж-

¹⁷⁴ Р. Г. Мухамедова. Татары-мишари. М., 1972, стр. 119—126.

¹⁷⁵ С. Н. Шитова. Формирование и развитие башкирского народного костюма. Автореф. канд. дисс. М., 1968.

¹⁷⁶ «Народы Кавказа», I, стр. 126.

¹⁷⁷ С. Ш. Гаджиева, Ш. О. Османова, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 249—251.

¹⁷⁸ Э. А. Никольская. Аварцы. «Народы Кавказа», I, стр. 440—466.

чин), отмирания архаических элементов, которые являлись наиболее характерными отличиями отдельных в прошлом родо-племенных групп. Так, например, исчезла «рогатая чухта» — головной убор андийских женщин, своеобразное украшение из серебряных монет на чухте, что отличало арчинок и т. д. Шелковый платок, как правило, вытеснил чухту.

Шире стал обмен изделиями между отдельными группами и народами. Узорные нарядные «ахтынские носки», изготовлявшиеся в селениях южного Дагестана, стали известны по всему Дагестану. Повсюду распространились аварские бурки и т. д.¹⁷⁹

20—30-е годы — период интенсивной трансформации традиционной одежды на Северном Кавказе. В это время сложился общекавказский мужской горский комплекс одежды, бытовавший до 40-х годов. Он состоял из «кавказской» рубахи, носившейся с узким «кавказским» ремнем, брюк-галифе, «русских» сапог и шапки-кубанки. Кавказскую рубаху шили со стоячим воротником и разрезом посередине груди, с застежкой из шнуровых петель и узелков-пуговиц. На рубаху шел фабричный материал светлых или темных тонов. Женская одежда хотя и медленно, но так же подверглась изменениям.

Своеобразное движение за «пальто горянке», начавшееся на Кавказе с конца 20-х годов, привело к ликвидации обычая, по которому женщине-горянке не полагалось иметь теплой зимней одежды. Такое положение поддерживалось мусульманским духовенством, так как препятствовало появлению женщины вне дома, ограничивая ее жизнь узким кругом семьи, домашним очагом.

Женское платье-рубаха изменялась в сторону сближения с платьями городских фасонов. Стали широко применять фабричные платки, шали, сохраняя своеобразные способы повязывания. В качестве особенности кавказской одежды 30-х годов (что характерно и для настоящего времени) отмечается использование для нее дорогих тканей: натурального и искусственного шелка, бархата, по-прежнему светлых и темных тонов. Возможно, что широкое применение здесь, как и в Средней Азии, шелковых тканей явилось возрождением давних традиций. Развитие их стало возможным лишь с ростом благосостояния городского населения и колхозного крестьянства. Интерес к национальной одежде вызвал организацию в ряде областей Северного Кавказа специальных мастерских и комбинатов по изготовлению национальных изделий¹⁸⁰.

Резко изменилась одежда в послевоенный период, главным образом с 50-х годов, когда промышленная продукция стала широко проникать не только в города, но и в горные аулы Кавказа. Произошло сближение сельской одежды с городской. Од-

¹⁷⁹ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 354.

¹⁸⁰ Е. Н. Студенецкая. Указ. соч., стр. 167, 173—176.

нако включение отдельных характерных деталей, своеобразие способов пошения, приверженность к определенной цветовой гамме придают ей своеобразный облик. Так, например, в горных осетинских селениях (как и у многих других народов Кавказа) в мужской комплекс костюма входят папаха или войлочная шляпа, мягкие сапоги, иногда — кавказская рубаха¹⁸¹.

Папаха из «азиатского» каракуля или овчины (нередко с матерчатым дном) — так же широко распространенный головной убор на Кавказе, как тубетейка в Средней Азии.

Используются типы традиционной обуви: многоцветные вязаные узорные носки (иногда с подшитой кожаной подошвой, как у азербайджанцев), орнаментированные войлочные сапоги аварцев, кожаные чувяки и т. д.

Авторы, исследовавшие современную одежду народов Кавказа, указывают на большую сохранность традиционных форм у представителей старшего поколения (преимущественно у женщин), а также у лиц, занятых в животноводстве, работающих в определенных природных условиях. К ним относятся бурка (которая служит как одеждой, так и постелью чабана), мужские и женские овчинные шубы-накидки (безрукавные или с ложными рукавами), папаха, башлык, кавказский пояс с ножом, мягкая матерчатая или кожаная обувь, женщины шьют платье туникообразного покроя, шаровары, носят головную повязку и т. д.

Национальная одежда бытует и как праздничная, свадебная¹⁸². В 50-е годы мужчины еще надевали череску в торжественных случаях, особенно при выездах на коне¹⁸³, однако в настоящее время ее можно видеть лишь на участниках хоровых и танцевальных ансамблей.

Местная, удобная в горных условиях обувь и бурки выпускаются предприятиями местной промышленности. Папахи делают специальные мастера. Одежда в Грузии в прошлом отражала этнографическую пестроту, замкнутость быта отдельных групп, хотя уже к середине XIX в. сформировался общенациональный грузинский костюм. Разновидностями этого единого типа были: восточногрузинский, западногрузинский и горский комплексы одежды, соответственно существовавшим различиям хозяйственно-культурных типов¹⁸⁴. В горной части Грузии особенно отличались своей одеждой хевсуры, сваны, пшавы и др.

Теперь основной одеждой грузин является костюм общегородского типа, стираются особенности одежды отдельных групп, исчезли архаизмы, хотя некоторые традиционные элементы, осо-

¹⁸¹ Б. А. Калоев. Осетины, стр. 158; *он же*. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973, стр. 31.

¹⁸² М. З. Азаматова. Одежда. «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области». М.—Л., 1964, стр. 102.

¹⁸³ «Народы Кавказа», II, стр. 399.

¹⁸⁴ Г. А. Чачашивили. Народные истоки грузинского костюма середины XIX в. Тбилиси, 1964, стр. 5.

бенно в одежде горского населения, еще бытуют. В частности, у хевсур национальная одежда хранится женщинами и ее надевают в дни особых праздников. Однако эта одежда не архаическая, которую хевсурки носили до 1940-х годов, а современная, лишь в основных чертах напоминающая традиционную одежду.

Большие изменения произошли в костюме армянского и азербайджанского народов, воспринявших общегородские формы одежды. Распространение их происходило неравномерно. Армянки в отдельных зонах (в Апаране, Зангезуре, Нагорном Карабахе) носят одежду, которая по покрою, колориту, общему силуэту близка к традиционной. Этим пожилые женщины сильно отличаются от своих молодых невесток и дочерей, одетых в современную городскую одежду. Еще используются серебряные женские пояса и украшения из монет¹⁸⁵.

Унизительный обычай ношения чадры женщинами-азербайджанками ушел из быта. Азербайджанки, армянки, курдки почти перестали носить и яшмак, закрывавший рот и всю нижнюю часть лица (обычай, связанный не столько с исламом, сколько с более древними верованиями).

Произошло сближение культуры областных и этнографических групп. Начавшееся еще до революции сближение двух ираноязычных народов — татов и тылышей с азербайджанцами в настоящее время приобрело более интенсивный характер. Прежде женский костюм татов и талышей в своих традиционных формах не отличался от азербайджанского, а в настоящее время, как и у азербайджанцев, в одежду их вошло немало общегородских черт¹⁸⁶.

У курдов, живущих разобщенно в трех закавказских республиках, этническое развитие протекает разными путями, что отражается на их культуре, в частности — на одежде¹⁸⁷. Курды мужчины во всех республиках перешли от национального костюма к общегородскому (сохраняя отдельные традиционные элементы — папаху, бурку, вязаные узорные чулки). Но женская национальная одежда бытует, сохраняя наибольшее своеобразие у курдянок в Армении и Грузии. Сходство курдского женского традиционного костюма с армянской или грузинской одеждой в общем незначительно. Общность если и развивается в настоящее время, то главным образом за счет усвоения некоторых частей общегородской одежды (покупают мужские костюмы, пальто, обувь, чулки и т. д.).

---

¹⁸⁵ По экспедиционным материалам Института этнографии АН СССР, собранным А. Е. Тер-Саркисянц в 1965—1972 гг.; Н. Х. Авакян. Народная одежда армян Арцаха в XIX — начале XX вв. «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.», вып. 1. М., 1971, стр. 232.

¹⁸⁶ А. А. Измайлова. Социалистические преобразования хозяйства, культуры и быта талышей. Автореф. канд. дисс. М., 1964, стр. 10.

¹⁸⁷ Т. Ф. Аристова. Курды Закавказья, стр. 113—119.

По-иному развивалась одежда курдов Азербайджана. В 30—40-е годы курдянки стали воспринимать традиционную азербайджанскую одежду. Этому способствовало сходство их одежды (юбка-штаны, головные платки и т. д.) и ассимиляционные процессы, происходившие в Азербайджане. В последнее время (особенно с 50-х годов) как курдская, так и азербайджанская одежда все более сближается с общесоветской.

Обращаясь к европейской части Союза с компактным русским, украинским и белорусским населением, нельзя не заметить, что в одежде его также отразились этнические процессы, протекавшие в советский период. Прежде всего нужно сказать о последовательном сокращении числа «особых» — этнографических или историко-культурных групп, которые отличались своей одеждой еще в первые годы после революции.

Мелкие этнографические группы русских, такие, как «тудовляне»¹⁸⁸, «теблешане», «гамаюнщина»¹⁸⁹ и многие другие, «растворились» в окружающей среде, и сейчас их одежда не отличается от одежды соседнего населения. Бытование традиционного костюма (в измененном виде) ограничено небольшим числом селений, главным образом в южнорусских областях (Рязанской, Брянской, Белгородской, Воронежской, Курской и некоторых других)¹⁹⁰.

Различие в одежде крупных этнографических подразделений северных и южных великоруссов сгладилось, хотя имеются еще отдельные селения, где носят традиционную одежду или сохраняются ее характерные элементы.

Создание общих форм одежды у русского населения из разных областей страны заметно усилилось. Это относится к Сибири, где сейчас во многом сгладились прежние различия в одежде старожильского и переселенческого населения, к Средней Азии, где сформировалось своеобразное русско-украинское население, Казахстану с новообразовавшимся населением на целинных землях¹⁹¹ и т. д.

Если в 20-е годы многие старообрядческие группы в разных местах страны существенно отличались по одежде от окружающего населения, то сейчас особенности этих групп почти исчезли. Из трех больших сибирских старожильческих групп старообрядцев («поляков» на Алтае, «бухтарминцев» в Казахстане и «семейских» в Забайкалье) лишь одни «семейские» носят еще традици-

---

¹⁸⁸ П. П. Гринкова. Одежда «тудовлян» Ржевского уезда. «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 83—96.

¹⁸⁹ М. Е. Шереметьева. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Калуга, 1925.

¹⁹⁰ Г. С. Маслова. Изменение рязанского народного костюма. СЭ, 1966, № 5.

¹⁹¹ В. А. Липинская. Современная материальная культура русского населения Алтайского края. Автореф. канд. дисс. М., 1968. «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 683—688.

онную одежду. Однако в последнее время и у них эта одежда стала быстро исчезать. Переход женщин от «семейской» одежды (рубахи, сарафана, передника из ярких тканей, узорного пояса и кички) к одежде общегородского типа, несомненно, связан с преодолением былой замкнутости этой группы старообрядцев. Усиление связей с окружающим русским и инонациональным населением (общая работа в колхозах, тесные бытовые контакты, совместное обучение в школе и т. д.) ведет к ослаблению былой замкнутости, к изменению всего бытового уклада «семейских», что отражается и на одежде.

За годы Советской власти интенсивно протекал процесс консолидации населения Кубани, сложного по происхождению; различие в одежде отдельных украинских и русских групп, наблюдавшееся ранее, исчезло¹⁹².

Всесторонние контакты с другими народами в многонациональных районах РСФСР влияют и на одежду. Ранее упоминалось об использовании русскими на Крайнем Севере непечких, чукотских, эвенкийских типов одежды, якутской, бурятской, эвенкийской обуви и т. п. Русское сельское население в Среднем Поволжье заимствует некоторые черты одежды соседних народов¹⁹³.

Усвоение русскими некоторых локальных особенностей соседей не препятствует широкому распространению среди них общесоветского типа одежды не только у городского, но и у сельского населения разных областей. Общесоветский тип костюма (подверженный изменениям общеевропейской моды) — основной у русских и оказывает немало влияние на одежду других народов.

Общесоветские формы также главенствуют в одежде украинцев и белорусов как в городе, так и в деревне. Среди сельского населения Белоруссии и Украины¹⁹⁴ протекают те же процессы сглаживания прежних особенностей в одежде отдельных групп населения или целых районов и распространения одежды городского типа, хотя отдельные характерные детали местами в ней сохраняются. Наиболее сложное по этнографическому составу и разнообразию одежды население западных областей Украины также подверглось влиянию общесоветских форм костюма. В некоторых районах, где еще сравнительно недавно носили традиционный костюм, в 60-е годы он уже стал только праздничным и

---

¹⁹² «Кубанские станицы», стр. 354—355.

¹⁹³ *Е. П. Бусыгин*. Русское сельское население Среднего Поволжья, стр. 345, 352.

¹⁹⁴ «Народы европейской части СССР», I. М., стр. 646—677; *М. Я. Грынблат* и *Л. А. Молчанова*. Новые з'явы у быце калгаспнай вёскі. «Беларусі этнаграфічны зборнік». Мінск, 1958, стар. 31—39; *О. А. Ганцкая*. Матеріальна культура колхозників Бобруйської області БССР. Автореф. канд. дисс. М., 1952.

лишь пожилые и старые люди продолжали носить его повседневно (как, например, было в Соколычине Львовской области)¹⁹⁵. Носят еще национальную одежду в Закарпатье, в Черновицкой области¹⁹⁶. Она сохранилась у гуцулов, но в разной степени у разных групп. Костюм их также подвергся изменениям, особенно мужской. В мужской комплекс входят части одежды общегородского типа, но при этом носят овчинную безрукавку — кептарь (иногда вышитый или украшенный аппликациями). Женский костюм, как и везде, более сохраняет свой национальный облик (он состоит из сорочки, запаски, кептаря), вышитые узоры и бисерные украшения придают ему большую красочность, но костюм не остался неизменным, особенно в части используемых тканей.

Красочная одежда украинцев западных областей охотно перенималась населением других республик, некоторые ее характерные детали нашли применение по всей Украине и за ее пределами. Особенно полюбилась мужская сорочка «гуцулка», которую стали шить и носить по всей стране. Ее изготавливают из фабричного полотна, шьют с небольшим стоячим воротником (со шнуровыми завязками), с прямым разрезом посередине груди, который украшается прямоугольной плотной вышивкой, выполненной многоцветными нитками (с геометрическим узором). Гуцулка в послевоенный период широко распространилась в городах и селах, в 50-х годах она появилась в магазинах Средней Азии и с тех пор нашла широкое применение в одежде населения среднеазиатских республик.

В Северном Туркменистане «рубахи-гуцулки» в эти годы носили туркмены из среды сельской и городской интеллигенции, заправляя их в брюки. Кроме покупных гуцулок носили и спитые дома, причем украшали их туркменским народным орнаментом¹⁹⁷.

В период буржуазной власти в республиках Прибалтики как городское, так и сельское население носило в основном одежду городского типа соответственно модам того времени. В крестьянской одежде сохранялись, естественно, некоторые специфические черты, особенно у старшего поколения — например, ношение длинных юбок, передников, больших наплечных шалей с праздничным костюмом. В Эстонии старшее поколение мужчин в праздники надевало не галстуки, а шейные платки и т. д. Пользовались повсеместно овчинными шубами и т. д. Сохранилось в известной мере и домашнее производство тканей, что налажало

---

¹⁹⁵ В. А. Маланчук. Некоторые особенности крестьянской одежды, вышивки и художественного ткачества Соколычины. М., 1964, стр. 3.

¹⁹⁶ М. Н. Шмелева. Народная одежда украинцев Закарпатской области. М., 1949; Е. Л. Кульчицкая. Народный костюм западных областей УССР. Киев, 1959.

¹⁹⁷ Г. П. Васильева. Преобразования быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, стр. 204.

свой отпечаток на общий вид одежды. Домашним ткачеством занимались не только бедняки, оно было распространено и в кулацких семьях. Это объяснялось широкой пропагандой домашних ремесел, преимущественно женских. Умение выполнять подобные работы считалось «хорошим тоном» в среде националистически настроенных богатых крестьян.

Делались попытки (особенно активно в Латвии и Эстонии) возрождения для торжественных случаев старинной народной одежды. Создавались стилизованные и модернизированные «национальные костюмы», которые оказались в основном неудачны по формам и быстро исчезли.

В наши дни народную одежду носят лишь представительницы старшего поколения в отдельных местностях — на юго-западе Литвы, Латвии, в восточной Эстонии и в Псковской обл. (у сету), а также в качестве свадебного костюма на о. Кихну.

Теперь одежда как городского, так и сельского населения изготавливается с учетом современных направлений в моде и в праздничных формах практически не отличается. Различия же рабочей одежды определяются спецификой производственной деятельности¹⁹⁸.

Для Прибалтики можно отметить лишь некоторые особенности: широкое использование изделий ручной вязки, в частности сохранение специфических пестрых варежек с народным орнаментом (и у мужчин и у женщин), а также женских украшений из металла и янтаря, выполненных с учетом народных традиций.

Современная одежда сельского населения очень сблизилась с общегородской, ее шьют из фабричных тканей или покупают готовой, но она имеет некоторые особенности. Современная одежда, несомненно, отражает усилившиеся взаимосвязи прибалтийских народов друг с другом и с соседними народами (в частности — с русскими, белорусами).

Надо подчеркнуть, что в обиход народов Советского Союза, особенно его европейской части, с 40-х годов широко вошли прибалтийские вязаные изделия — варежки, перчатки, жакеты и джемпера с оригинальным орнаментом; разнообразные украшения из янтаря, а также ювелирные изделия, особенно броши и пряжки, созданные на основе переработки традиционных латвийских, эстонских и литовских фибул. Большой известностью пользуются кожаные эстонские изделия с тисненным орнаментом (сумочки,

---

¹⁹⁸ *Е. В. Рихтер*. Итоги этнографической работы среди сету Псковской области летом 1952 г. «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952)». М., 1954, стр. 192; *В. Д. Калитс*. Современная свадьба на острове Кихну. «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики». М., 1962, стр. 123; *Л. Н. Терентьева*. Колхозное крестьянство Латвии, стр. 160; *А. И. Вишняускайте*. Современный быт литовских колхозников Прибалтики. «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики», стр. 11.

кошельки и т. п.). Литовские узорные пояса послужили образцами для создания мужских галстуков, распространившихся за пределами республики.

Обмен творческим опытом в изготовлении национальных типов одежды, головных уборов, обуви, украшений широко развит между народами страны. То же можно сказать о тканях, вырабатываемых в разных концах Союза и нередко имеющих национальную специфику в цветовой гамме и узорах (российские, среднеазиатские, прибалтийские и другие ткани).

В современном моделировании одежды, развивающемся в городских центрах страны, создаются не только модели общесоюзной моды, но уделяется внимание национальному стилю в одежде на основе использования народных традиций. Такая работа проводится в большинстве республик Союза. В практике многих домов моделей разрабатываются образцы одежды на основе ее локальных типов (например, на Украине). Национальные мотивы более всего используются в детской, в спортивной одежде. Но и другие виды современного костюма (платья, верхняя одежда) часто создаются с учетом традиционных принципов покроя¹⁹⁹. Последние особенно широко применяются для оформления разнообразных текстильных изделий декоративного назначения. В целом анализ имеющегося материала о современной одежде народов Советского Союза позволяет сделать некоторые общие выводы в интересующем нас отношении.

Одежда народов СССР в настоящее время уже не представляет той сложной и пестрой картины, того разнообразия локальных вариантов, которые были к моменту революции и в первые годы после нее. В советский период в одежде произошли огромные изменения. Народная одежда в ее архаических вариантах в настоящее время, как правило, исчезла. Современный национальный костюм у ряда народов сформировался на основе переработки традиционных форм и большей частью представляет сочетание отдельных традиционных и общегородских частей. Если 30-е — начало 50-х годов были периодом усиленной творческой переработки старых форм, то с середины 50-х и в 70-е годы наступает новый этап в развитии одежды, когда общесоветские современные городские типы стали повсеместно превалировать.

Изменялся не только костюм, но и те идеологические функции которые он нес. В царской России ношение национального костюма нередко являлось своеобразной демонстрацией протеста

¹⁹⁹ «Украинское народное искусство. Одежда». Киев, 1961, рис. 221—248; Т. А. Крюкова. Марийская вышивка. Л., 1951, стр. 82—88; она же. Мордовское народное изобразительное искусство, т. XXXVI—XLIV. Саранск, 1968; Ф. М. Пармон. Народная одежда из овчины у славян и их соседей и возможности использования некоторых ее элементов в современной одежде. СЭ, 1971, № 2, стр. 99—113, и др.

против национальных ограничений или же выражало стремление выделить, изолировать себя от иноэтнического окружения. Националистически настроенная феодально-буржуазная верхушка общества часто использовала национальный костюм в качестве символа национального единства народа, стараясь затушевать существовавшие внутринациональные классовые противоречия. Выше упоминалось об архаизации и идеализации старинных костюмов в Прибалтийских республиках в буржуазное время.

Иные функции выполняет национальный костюм в социалистическом обществе, где нет антагонистических классов. Он выражает национальное самосознание свободно развивающихся малых и больших народностей и наций Советского Союза. Его специфические особенности говорят о принадлежности к определенной этнической общности, а общесоветские элементы, входящие в его состав и часто преобладающие в нем, свидетельствуют о ликвидации ее былой изолированности и вхождении народов в единую многонациональную семью — советский народ.

Народы, у которых традиционный костюм давно исчез из быта, сохраняют представление о нем как о выразителе этнического своеобразия. Этот костюм используют в художественной самодеятельности, усиливая выразительность и этническую специфику народного танца, песни, музыки.

Национальный костюм находит применение в дни особых торжеств, на фестивалях, олимпиадах искусств и т. д. По всей Прибалтике, например, стало обычаем надевать национальный костюм в праздничные дни, главным образом в «дни песни» — певческие праздники, которые регулярно проводятся во всех республиках. Костюмы шьются по образцам традиционных, по часто создаются «обобщенные» формы²⁰⁰.

Сложение новых общенациональных типов одежды связано с формированием новых социалистических наций и народностей (как это видно из среднеазиатских, алтайских и других материалов). В одежде отразился процесс сближения прежних родо-племенных, территориальных или этнографических групп между собою или с другими народами. Этот процесс продолжается и в наши дни.

В современной одежде нового типа нередко видны еще области, этнографические различия, хотя, разумеется, не столь значительные, как были в прошлом. Возникновение общих черт в одежде в ряде случаев может говорить о слиянии этнографических групп, в других — лишь о сближении культур.

---

²⁰⁰ Национальные костюмы создаются во всех республиках, но, к сожалению, их при этом нередко искажают. Этнографы содействуют изготовлению исторически достоверных национальных костюмов, и в этих целях создано немало трудов («Эстонская народная одежда». Таллин, 1960; М. Н. Глемжайте. Литовская национальная одежда. Вильнюс, 1955 (на литовск. яз.); «Украинское народное искусство. Одежда», и др.).

Современная национальная одежда отличается значительной однородностью в социальном отношении. Резкие классовые различия в национальной одежде исчезли вместе с ликвидацией эксплуататорских классов, отменой сословий и классовых привилегий. Роскошные одежды эмира бухарского, костюмы черкесских и кабардинских княжен стали достоянием музеев; исчезли резкие отличия в одежде разных групп крестьян, а также сословные различия. Так, например, потомки бывших русских однодворцев или казачества, отличавшихся сословной замкнутостью, позабыли о различиях, существовавших ранее между ними и крестьянами, и одежда их не отличается от одежды остального населения. К этому привели новые социально-экономические условия жизни, отразившиеся на всех сторонах быта бывших казаков и крестьян²⁰¹.

Основные социальные различия в одежде сейчас сводятся к различиям в одежде горожан (рабочих, служащих и интеллигенции) и сельского населения — колхозников, рабочих совхозов. Одежда сельской интеллигенции и служащих более близка к городской. Одежда горожан в большей степени связана с общеевропейскими модами, которые в городе быстрее сменяются и больше отражают интернациональные связи городского этнически наиболее смешанного населения, чем одежда населения в большинстве сельских районов. Между тем процесс сближения одежды города и деревни неуклонно развивался на протяжении всего советского периода во всех республиках и областях Союза. Влияние города (рабочих, интеллигенции) очень значительно. Однако оно не является односторонним. Город в известной мере заимствует отдельные детали из одежды села. На основе сельской одежды создано немало национальных образцов (косоворотка, сорочка-украинка, гуцулка и т. д.). Укажем на ношение в современном городе ярких платочков, завязанных под подбородком по русскому крестьянскому обычаю, использование вязаных платков, в том числе знаменитых пензенских и оренбургских пуховых платков, и т. д.

Все исследователи современной национальной одежды у разных народов СССР отмечают большую степень ее бытования в селе, чем в городе, и больше у женской части населения, чем у мужской.

Весьма характерно стирание тех особенностей в одежде, которые подчеркивали семейное положение (девушки, замужней женщины, вдовы и т. д.), что раньше обязательно имело место в одежде, прическе, головном уборе или украшениях. Возрастные различия сохраняются; более того, в какой-то степени за последние годы они даже несколько углубились, поскольку национальный облик одежды имеет главным образом у среднего и

---

²⁰¹ «Кубанские станицы», стр. 353.

старшего поколения; молодежь стремится к современным интернациональным типам одежды.

Вместе с тем нельзя не заметить связи национальной одежды с бытовыми традициями, в частности связи ее с семейными событиями, обычаями и праздниками.

Четко видна живучесть выработанных веками форм одежды, приспособленных к определенным типам хозяйства и природным условиям.

Несомненна зависимость одежды от климатических условий. Однако роль природных условий в формировании этнографических особенностей в одежде или в их сохранении значительно снизилась по сравнению с прошлым. Социалистические преобразования экономики и быта, развитие дорожного строительства и транспорта содействуют сближению населения ранее изолированных районов. В частности, произошло сближение населения горных и равнинных районов (например, у таджиков, осетин), что, как мы видели, отразилось и на одежде. В некоторых горных районах одежда больше сохраняет свой традиционный облик (в качестве примера назовем арчинцев — горное население селения Арчи в Дагестане)²⁰². Возможно, что такое явление в значительной степени обусловлено интенсивностью экономических и миграционных процессов, сильнее захвативших население равнинных областей, чем горных, в которых в большей мере сохраняется однородность его этнического состава²⁰³.

В современной одежде народов СССР ясно выражена тенденция к смене национальных особенностей зональными, т. е. характерными для целой историко-этнографической и вместе с тем природно-хозяйственной зоны. Общность в одежде народов Средней Азии и Казахстана отмечалась издавна, но сейчас она проявляется значительно ярче. Халат, пояс-платок, тибетейка, женское платье (узбекского или казахского типа) стали общесреднеазиатскими элементами одежды.

В целом же современная одежда народов СССР отражает процесс все большего их этнического сближения в общесоюзном масштабе.

3. Пища

Пища как одна из важнейших сторон материальной культуры народов представляет большой интерес в плане изучения многообразных этнических процессов. Она самым непосредственным образом связана с социально-экономическими условиями жизни об-

---

²⁰² Т. А. Сергеева. Арчинцы. М., 1967, стр. 101—119.

²⁰³ Н. Г. Волкова. Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы Советской власти. СЭ, 1966, № 1, стр. 15.

щества, определяется ими и в то же время обладает значительной устойчивостью национальных форм, длительной сохранностью исторически складывающихся традиций. Характер питания народов, состав потребляемых продуктов и блюд, способы и порядок приготовления и приема пищи, предпочтения и запреты в ней, особенности пищевого рациона (годового и дневного) — все это дает прекрасный материал для изучения процессов консолидации и интеграции, для выявления путей распространения общесоветских черт в области культуры и быта.

После Октябрьской революции новые принципы распределения пищевых ресурсов между трудящимися, основанные на их социальном равноправии, успехи социалистической экономики, способствующие количественным и качественным изменениям в питании, перестройка всей системы торговли, а также создание новой экономической основы семьи привели к коренным изменениям в питании, в его структуре и организации. Расширение внутринациональных и межнациональных связей, освобождение от религиозных и бытовых условностей и запретов наложили заметный отпечаток на пищу различных народов.

Определить временные границы происшедших изменений крайне трудно, тем более что современные особенности в питании у различных народов еще недостаточно изучены. Единичные работы, посвященные этим вопросам²⁰⁴, и соответствующие разделы этнографических монографий и сборников по отдельным народам и этнокультурным регионам²⁰⁵ обычно ограничиваются описанием состава и способов приготовления пищи, тогда как только ее сравнительное изучение в связи с этнической историей народов может дать нам необходимые сведения. Начатый в настоящее время Институтом этнографии АН СССР сбор материала по национальной кухне для региональных историко-этнографических атласов, вероятно, поможет научно решить эту проблему.

---

²⁰⁴ В. К. Милюс. Пицца и домашняя утварь литовских крестьян в 1920-е годы. М., 1954; «Кулинария народов Северного Кавказа». Махачкала, 1963; Н. К. Алхазов. Азербайджанская кулинария. Баку, 1963.

²⁰⁵ Л. Н. Терентьева. Колхозное крестьянство Латвии, стр. 57—66, 301—303; О. А. Ганицкая, П. И. Лебедева, А. С. Парникова. Материалы к исследованию по этнографии русского населения европейской части СССР. М., 1960, стр. 143—171, 205—210; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Культура и быт колхозников Калининской области, стр. 156—168; «Кубанские станицы», стр. 172—188; Е. П. Бусыгин. Русское сельское население Среднего Поволжья, стр. 360—384; «Народы европейской части СССР», I, II. М., 1964; «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 304—313, 604—609 и др.; «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства». М.—Л., 1954, стр. 152—160; Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, стр. 236—250; Э. Г. Гафферберг. Белуджи, стр. 125—149; «Культура и быт казахского колхозного аула», стр. 129—143; «Культура и быт крестьянства Адыгейской автономной области», стр. 103—119; Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 123—140; Л. В. Хомич. Ненцы, стр. 133—140 и др.

Формирование новых черт в питании народов СССР, как и в других сторонах быта, началось вскоре же после установления Советской власти, но сравнительно долго оно протекало на фоне тех трудностей и материальных недостатков, которые переживала наша страна. Гражданская война и борьба с иностранной интервенцией, голод и разруха первых послереволюционных лет тормозили процесс выработки новых бытовых форм. Первостепенное значение имели вопросы удовлетворения самых насущных потребностей в питании и целесообразного распределения продовольствия. Но уже в этот период начался характерный для последующих десятилетий процесс стирания резких различий в количестве и составе пищи разных социальных групп одного и того же народа. Процесс этот в различных этнических средах и в разных регионах протекал с разной степенью интенсивности в зависимости от конкретных условий. Вплоть до начала 1930-х годов большая часть сельского населения страны продолжала питаться продуктами, получаемыми от своего индивидуального хозяйства, лишь изредка приобретая некоторые бакалейные товары. Поэтому характерными особенностями питания любого народа в эти годы были еще достаточно сильно выраженные зональность и сезонность. Особенности в пище городского населения, как и ранее, определялись во многом тем, что продовольствие приобреталось на рынках, в магазинах и лавках и не производилось в своем хозяйстве; большую роль здесь начинает играть общественное питание.

С созданием социалистической индустрии, с развитием и укреплением колхозного строя, повышением благосостояния трудящихся питание постепенно стабилизируется. Повсеместно увеличивается количество потребляемой пищи, меняется ее качество, повышается калорийность. Многие блюда, входившие ранее в праздничное меню, становятся повседневными. Успехи пищевой промышленности, налаживание регулярного снабжения продуктами городов, развертывание торговой сети в сельской местности, увеличение удельного веса продуктов общественного хозяйства в семьях колхозников способствовало расширению состава пищи, появлению в питании разных народов многих новых черт.

Но этот процесс был прерван событиями Великой Отечественной войны, принесшей советскому народу неисчислимые разрушения. Лишь после восстановления народного хозяйства начинается новый период в развитии питания, протекающий в условиях подъема экономики и культуры, связанного с построением развитого социалистического общества и созданием материально-технической базы коммунизма.

Важнейшей особенностью изменений, происходящих в питании народов СССР на современном этапе, является дальнейшее выравнивание уровней потребления у различных социальных групп. Это достигается в значительной степени благодаря тому, что уже сейчас для всех граждан нашего общества созданы единые

социально-экономические основы быта²⁰⁶. Огромное значение имеет постоянно расширяющееся обобществление сферы удовлетворения запросов городского и сельского населения в области питания, подчинение этой сферы единым законам управления и планирования, принятым в социалистическом государстве. Питание теперь у значительной части населения базируется на продуктах, предоставляемых централизованной государственной торговлей. Большую роль играет общественное питание во всех его проявлениях. Заняв прочные позиции в производственном быту, оно оказывает сильное воздействие и на домашний быт. Качественные изменения в народном питании происходят в связи с ростом материального достатка трудящихся, с подъемом их культуры, с внедрением бытовой техники. Широкий ассортимент изделий, выпускаемых пищевой промышленностью, развитие заготовительного и холодильного дела способствуют расширению пищевого ассортимента, широкому распространению многих видов пищи, неизвестных или мало известных ранее в том или ином районе. Важные перемены в приготовлении и составе пищи связаны с газификацией и электрификацией страны, с применением в домашнем хозяйстве газовых и электрических плит.

Все это приводит к созданию достатка в питании, к его стабильности и разнообразию. На первый план теперь в этой области выдвигаются проблемы культуры питания. Широко распространяются, например, представления о рациональном питании, о диете, о витаминах, о калорийности пищи; становятся обычными заботы о соблюдении наиболее целесообразного пищевого режима для всей семьи в целом и для отдельных ее членов, о лучших способах приготовления блюд (улучшение их вкусовых качеств и совершенствование технологии) и т. п. В повышении культуры питания важная роль принадлежит специальной литературе, которая пользуется большим спросом у населения. Наибольшие успехи достигнуты в настоящее время в детском питании.

Новое в питании с наибольшей полнотой проявляется в городе, но существенные перемены происходят и в сельской местности, и процесс этот по мере сближения города и деревни все более усиливается. В целом питание народов СССР в настоящее время обнаруживает ярко выраженную тенденцию к нивелированию, к стиранию зональных особенностей в пище, к сближению сельского и городского питания. Важнейшая эта тенденция развивается, однако, главным образом в рамках национальных типов питания, характерных для тех или иных народов или этнокультурных регионов. Особенно стойко сложившиеся традиции сохраняются в пище сельского населения, но и пища горожан,

---

²⁰⁶ «Социализм и коммунизм. Строительство коммунизма и развитие общественных отношений». М., 1966, стр. 4, 315.

несмотря на многие изменения в ней, продолжает оставаться в целом традиционной.

Национальные особенности в питании в настоящее время более всего сказываются в бытовании традиционных блюд и традиционной структуры пищи, в избирательном отношении к покупным изделиям, в традиционной последовательности и очередности приема повседневной, а в особенности праздничной и некоторых видов обрядовой пищи, в своеобразии сервировки и т. д.

Интереснейший материал, свидетельствующий о стойкости традиций, могут составить сведения о способах приготовления и формах хлеба.

Не только в сельских местностях, где хлеб часто и сейчас еще выпекают дома, но и в больших городах наряду с общераспространенными видами хлеба большую роль в питании населения играет традиционный хлеб, который изготавливается в государственных пекарнях. Так, русские, живущие на севере европейской части РСФСР, белорусы, народы Прибалтики и Верхнего Поволжья (например, мордва) предпочитают подовый или формовой ржаной хлеб из кислого теста и в меньшей мере кислый пшеничный хлеб, украинцы и русские центральной черноземной зоны — различных видов пшеничный хлеб на закваске; народы Северного Кавказа по-прежнему любят пресные лепешки, которые теперь пекут из пшеничной муки, у народов Закавказья распространены лаваш, шота, гомиджи — плоские, иногда орнаментированные хлеба (у армян, азербайджанцев), различающиеся по форме, толщине, а иногда по помолу (іуха, халералы, фетир и др.), а также пресные лепешки или, например, густая каша из кукурузы (гоми), употребляемая у азербайджанцев вместо хлеба, народы Средней Азии и Казахстана (узбеки, таджики, киргизы, казахи, уйгуры, туркмены и др.) предпочитают всем видам хлеба лепешки из пресного, а чаще из кислого теста (нан), а пастухи любят хлеб (чорек вари) из кислого теста, выпекаемый в золе или горячем песке (туркмены, белуджи).

В районах со смешанным населением различные виды хлеба сосуществуют. Так, например, в некоторых местах северной Туркмении (значительный процент населения которой составляют узбеки) туркменские хозяйки зимой выпекают традиционные толстые лепешки (чорек), а летом маленькие тонкие лепешки узбекского типа (нан). На Кубани, население которой составляют украинцы и русские, ржаной и пшеничный хлеб имеет равное распространение, в Казахстане, в районах, населенных казахами, русскими и украинцами, в быту всех перечисленных народов можно встретить хлеб ржаной и пшеничный, а также лепешки. Лишь у некоторых народов под влиянием длительных контактов происходит подчас вытеснение одних видов хлеба другими. Так, например, у молдаван вместо хлеба из кукурузы под влиянием украинской кухни появляется хлеб из пшеницы (житній

хлеб), а у черкесов и кабардинцев — вместо густой каши, подававшейся к каждому блюду (паста), — хлеб русского типа. Интересно отметить, что у других народов Кавказа, не имевших столь длительных тесных контактов с русскими (например, у абхазцев), густая каша из кукурузной муки (абыста), употребляемая вместо хлеба, продолжает бытовать и в наши дни.

Различаются и традиционные способы выпечки хлебных изделий: казахи пекут лепешки в котле. Большим разнообразием видов и размеров отличаются лепешки, которые выпекает древнее оседлое население — таджики и узбеки — на раскаленных стенках хлебной печи — тандыра. Этот же способ выпечки был воспринят туркменами, белуджами, живущими на территории Туркмении, киргизами и уйгурами, однако тандыр у них имеет несколько иное устройство. Совершенно другой способ выпечки хлеба применяют живущие в Киргизии дунгане: они пекут пшеничные хлебцы из пресного или кислого теста в деревянных формах на пару. Что касается охотников и животноводов Сибири и Дальнего Востока, ранее не знавших хлеба, то этот продукт вошел в их рацион сперва в виде лепешек (колобо, лепеске), а затем в виде буханок и булок и выпекается (главным образом в пекарнях) в жестяных формах и на поду²⁰⁷.

С подобной ситуацией мы сталкиваемся и при рассмотрении многих других видов пищи.

Как свидетельствуют этнографические материалы, наиболее стойкими в настоящее время в пище народов СССР оказываются те специфические национальные черты, которые связаны с особенностями природных и хозяйственных условий, с характером национальной экономики, а также обусловлены некоторыми традиционными вкусами и представлениями. Дальнейшее развитие национальной пищи, ее изменение и обогащение в результате все усиливающихся этнических контактов и развития многообразных других форм общения в отдельных этнокультурных регионах имеют свои отличительные черты.

Пища народов европейской части СССР, издавна занимавшихся земледелием, имеет много общего, хотя хозяйственная специализация отдельных районов не могла не отразиться на ее структуре. У всех этих народов в питании преобладают растительные продукты (мучные, крупяные, овощные), а молочные и мясные по сравнению с ними распространены меньше. В прошлом потребление животных продуктов (мяса, молока, масла) у

---

²⁰⁷ «Народы европейской части СССР», т. II, стр. 582, 814; *М. Я. Грин-блат*. Белорусы. Минск, 1968, стр. 220; «Народы Кавказа», I, стр. 175; II, стр. 129, 307, 397, 520; *Я. А. Рустамов*. Хозяйство и материальная культура колхозного крестьянства Азербайджана. Тбилиси, 1960, стр. 23; «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 305; II, стр. 97, 260, 427, 550, 643 и др.; «Кубанские станицы», стр. 172; «Кульгура и быт казахского колхозного аула», стр. 135—137, 140; *Г. М. Василевич*. Эвенки, стр. 127; «Народы Сибири», стр. 366.

подавляющего большинства городского и сельского населения ограничивалось даже там, где животноводство было более развито (например, в Прибалтике). В настоящее время роль мясных и молочных продуктов в питании народов сильно возросла, однако мучные и крупяные блюда по-прежнему составляют его традиционную специфику. Первостепенное место с середины XIX в. приобрел здесь и картофель. Различные каши и картофель потребляются и как отдельные блюда и как гарниры; большинство жидких блюд (похлебки, супы) также содержит мучные и крахмальные компоненты. Большое значение имеют хлеб и хлебные изделия. Широко бытуют пироги и печенье. Традиционным напитком здесь издавна служит хлебный квас, а также пиво. В мясной пище у русских преобладают блюда из говядины, у народов Прибалтики, украинцев и белорусов — из свинины. Немаловажную роль играет и рыбная пища.

У народов с давними скотоводческими традициями (например, у калмыков, башкир, отчасти татар, а также гагаузов) важное место в питании занимает молочная и мясная пища, которая часто сочетается с мучной.

Общие черты в пище народов европейской части СССР выработывались на основе их хозяйственной общности и длительных этнических контактов. Вместе с тем повседневное общение русских с другими народами значительно обогатило и их рацион. Так, например, у русского населения, контактировавшего с украинцами, издавна бытовали борщ, сало, вареники; русское население Поволжья заимствовало ряд блюд из татарской и башкирской народной кухни (например, беляши, пельмени, каймак, айран, салма), а также от марийцев (марийские ватрушки с конопляным семенем)²⁰⁸.

За годы Советской власти под влиянием общих тенденций в развитии пищи ассортимент блюд, входящих в рацион всех народов европейской части РСФСР, значительно расширился. В него вошли многие ранее неизвестные или мало известные блюда из разнообразных круп (в том числе из риса), из готовых мучных изделий, мяса, рыбы, овощей, в том числе заимствованных у народов Кавказа, Средней Азии (плов, шашлык и т. п.). В Прибалтике, например, вплоть до 1940-х годов отмечался недостаток в пищевом рационе овощей и совершенно не использовалось растительное масло²⁰⁹. Теперь же эти продукты заняли видное место в национальной кухне. У всех народов в состав пищи вошли блю-

---

²⁰⁸ *Е. П. Бусыгин*. Русское население Среднего Поволжья, стр. 362; *Н. И. Воробьев*. Казанские татары. Казань, 1951, стр. 321; *С. И. Руденко*. Башкиры, стр. 128; *Т. А. Крюкова*. Материальная культура марийцев, стр. 91; «Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР», стр. 209.

²⁰⁹ Вместо него в качестве заправки применялось толченое конопляное семя.

да из самых различных овощей, фруктов и ягод, что до недавнего времени было характерно в большей степени для кухни молдаван, украинцев и частично белорусов. В то же время блюда национальной кухни того или иного народа, приготовление которых требовало большой затраты времени, упростились или же получили замену соответствующими покупными изделиями. Так, например, домашняя сдоба часто заменяется изделиями фабричного производства. Традиционные украинские галушки и столь любимая народами Поволжья домашняя лапша теперь в значительной степени вытеснены макаронами и покупной лапшой. Некоторые же простейшие блюда (например, овсяный или гороховый кисель у восточнославянских народов), вышедшие из повседневного потребления в связи с повышением требований к вкусовым качествам пищи, сохраняются иногда как обрядовые.

Все эти изменения способствуют еще большему сближению пищи народов этого региона. Но наряду с общностью рациона следует отметить, однако, и различия. Они часто заключаются в том, что народы, живущие в сходных природных условиях и ведущие хозяйство сходных типов в соответствии с этническими традициями, готовят одни и те же блюда из различных продуктов и наоборот — различные блюда из одних и тех же продуктов. Так, например, для обеда «на скорую руку» (до широкого включения в рацион покупных продуктов) украинская хозяйка делала из муки галушки, русская — заварную кашу из поджаренной муки — саламат или салму, а белорусская — баштурку или зацирку из мучной крошки. В районах со смешанным восточнославянским населением эти блюда сосуществовали, а кое-где бытуют и теперь²¹⁰. Древнейший вид мучного блюда — блины у многих народов и теперь входят в состав наиболее любимых блюд и готовятся из различных видов муки. При этом все же одни народы предпочитают печь их из просяной муки (мордва), другие преимущественно из гречневой или пшеничной, а кое-где и из овсяной (русские), третьи — из картофеля (белорусы); у литовцев блины пекут из картофеля, гороховой, гречневой и ячменной муки. Выбор именно этих продуктов для приготовления блинов не случаен. Для этого блюда, используемого и по сей день в качестве обрядового, в частности поминального, вероятно по традиции, избирается исконная зерновая культура, выращиваемая данным народом. В мордовской кухне, например, издавна значительную роль играло пшено. Блюда, приготовленные из него, сопровождали основные моменты жизни мордвы: каша из пшена являлась непременным блюдом на крестинах, на свадьбе, на угощении при подъеме матицы вновь

---

²¹⁰ Д. К. Зеленин. Об исторической общности культур русского и украинского народов. СЭ, 1940, № 3, стр. 30; «Народы европейской части СССР», т. I, стр. 849; «Кубанские станицы», стр. 186.

строящегося дома. Из пшена же делалась начинка колбас и пирога (лукш), который и теперь обязательно пекут на свадьбу.

Аналогичную роль в русской обрядовой пище в большинстве районов играла гречневая крупа, каша из которой до недавнего времени использовалась в тех же случаях. Была распространена она и у белорусов (например, «бабина каша» из гречи на крестинах), но за последние два столетия картофель настолько вошел в быт белорусов, что вытеснил другие культуры и получил наименование «второго хлеба». Он составляет основу или входит как составная часть в большую часть белорусских блюд. Наряду с общепринятыми блюдами белорусы готовят из него ряд кушаний, неизвестных другим народам (например, картофельная каша, камы и др.). Из него же готовят и традиционные блины-драницы.

Традиционная пища народов среднеазиатских республик и Казахстана имела иную структуру, хотя основу их питания также составляли продукты растительного происхождения. Особенности климата этой зоны породили специфический режим дня. В то время как народы европейской части Союза потребляют главным образом горячую пищу, причем наиболее питательные блюда едят в обед и на завтрак, т. е. в первую половину дня, народы Средней Азии в летний сезон ели мало и наиболее плотно по вечерам. Как только спадал дневной зной, семья садилась за сытный горячий ужин. Утренние же и дневные приемы пищи состояли из небольшого количества сухих или свежих фруктов (у земледельцев), лепешек и кислого молока, а с 1930-х годов — и чая, который раньше был лишь в рационе зажиточных семей. Традиция приема горячей пищи в дневное время формируется у ряда народов только в последние десятилетия. В Узбекистане, например, она появилась с развитием общественного питания и под влиянием русских. Колхозные повара, готовящие пищу в бригадах, называются русским термином — «поур», в Таджикистане же дневной прием пищи получил название «абет»²¹¹.

За советские годы пища народов Средней Азии неизмеримо улучшилась. Ушли в прошлое систематические весенние голодовки. Такие культуры, как джугара, просо, уступили место пшенице. Существовавшие ранее резкие различия в пище горожан и сельских жителей, оседлых земледельцев и скотоводов стали сглаживаться. Ярким примером в этом отношении может служить пища узбекского народа. В дореволюционное время пища узбеков-горожан включала блюда инационального происхождения: в городах западного Узбекистана сказывалось влияние персидской кухни, в городах восточной части — уйгурской²¹². Что ка-

²¹¹ «Народы европейской части СССР», I, стр. 850, 851; II, стр. 583; «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952)», стр. 63; «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 314; *О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова*. Прошлое и настоящее селения Айкыран, стр. 110, 111; «Кульгура и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 153.

²¹² «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 160.

сается сельского населения, то основу питания узбеков-земледельцев, так же как и равнинных таджиков, составляла мука, зерно, фрукты, а в семьях полукочевых скотоводов мясо-молочные продукты. Кислое молоко (коровье, овечье, верблюжье, кобылье), сушеный и соленый творог (курут) употреблялись ежедневно. Хлебка из ячменя, заправленная молочными продуктами или консервированным среднеазиатским способом мясом (залитое салом), или лепешки, размоченные в айране, также служили повседневной пищей. В праздник же варился бульон — шурпа с большим количеством мяса или подавалось жареное мясо (каурма)²¹³.

В настоящее время пища узбеков, проживающих в сельских местностях, значительно обогатилась и мало отличается от местной городской. Рационы бывших кочевников и земледельцев сблизились: в пище древнего оседлого населения увеличилось число мясных блюд, а у бывших скотоводов — мучных, овощных и фруктовых. Народы и этнографические группы, перешедшие к оседлости в Таджикистане, восприняли ряд блюд, ранее характерных только для оседлого населения, — пельмени (барак), пирожки (самса, бечак) и др. Исконное праздничное блюдо оседлого населения — плов (ош) стало постепенно вытеснять традиционные праздничные блюда кочевников (каурма, шорва)²¹⁴. Плов получает распространение и у других недавно кочевавших народов, например у киргизов (в особенности в южной части республики, где культивируется рис). Готовится он, по-прежнему, даже при наличии газовой плиты, в казане — универсальном сосуде для приготовления горячей пищи (плова, бульона, жаркого, лепешек, печенья и др.), распространенном у всех народов Средней Азии. В нем же раньше кипятили и воду для чая; теперь ее кипятят в самоваре, кумгане или чайнике.

Повседневное общение различных народов приводит к еще большему взаимному обогащению пищи. Примером этого может служить киргизская кухня, впитавшая за последнее пятидесятилетие ряд элементов из рационов других народов, проживающих на территории Киргизии (узбеков, уйгур, дунган, русских и украинцев). Плов, паровые манту, фрукты и сурепное масло появились в киргизской кухне под влиянием узбекской; блюда из пшена, картофеля, капусты (в частности, щи и другие супы), а также огурцы, приправа из лука, чеснока были заимствованы от русских. Переняли они и способ засолки овощей, умение варить хлебный квас. В свое традиционное праздничное блюдо — жареное мясо — киргизы стали добавлять картофель²¹⁵, в традиционные супы из ячменя, толокна и муки (максым, жарма, талкан,

²¹³ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 307.

²¹⁴ Б. Х. Кармышева. Этнографический очерк животноводства у локайцев. Автореф. канд. дисс. Л., 1951, стр. 18; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 143—144.

²¹⁵ С. М. Абрамзон, К. И. Ангипина и др. Указ. соч., стр. 198; «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 263.

кожо) стали добавлять мясо; из украинской кухни в рационе киргизов появился борщ, а также разнообразные варенья; из дунганской — печенье типа «хвороста» (саны); из уйгурской — паровые пельмени (чомуре), пирожки с мясом (самса, самбуса, хошан, жута) и мясной соус для лапши (манмен-киймиси), а также сам способ приготовления пищи на пару.

Киргизская кулинария в свою очередь обогатила пищу других живущих в Киргизии народов. Дунгане, например, раньше почти не употреблявшие молока, научились у киргизов делать и заготавливать впрок молочнокислые продукты (айран, курут и др.). Русские и украинцы включили в свой рацион киргизские блюда из баранины и козины (бешбармак, гульчатай, манту, чучук), кумыс, а также некоторые печеные изделия (боорсак, журка и др.).

Однако традиционная структура пищи, дневной и годовой режим питания во многом продолжают сохраняться и теперь. У ряда народов сохранились и некоторые локальные различия. Так, например, корейцы, проживающие на территории Узбекистана, значительно обогатили свой рацион за счет блюд, заимствованных у других народов республики, но неизменно продолжают трижды в день употреблять свою исконную пищу — вареный рис. Сказывается это также и в праздничной пище. Любимое традиционное блюдо киргизов — бешбармак равнинные киргизы заправляют лапшой, а тьяньшаньские варят без заправки. Дунгане и уйгуры, освоившие это блюдо, добавляют в него в соответствии со своей привычкой к острой пище овощи и большое количество перца. Плов своим национальным блюдом считают как таджики, так и узбеки и уйгуры, но готовят его по-разному. Большая часть узбеков варит плов из бараньего мяса, риса, муки и моркови в одном котле; жители Бухары подбавляют в плов бобовые (маш) и часто готовят его в двух котлах «по-кабульски», таджики помимо обычного плова делают плов с голубцами из виноградных листьев, плов с изюмом, курды, живущие в Туркмении, готовят его не на сале или растительном масле (как исконные народы Средней Азии), а на топленом масле и добавляют в рис жареную лапшу (ариште)²¹⁶. Различаются и способы приготовления лапши: большая часть народов Средней Азии замешивает ее на специальной коже для приготовления теста, народы европейской части — непосредственно на столе или в сосуде. Нарезают ее полосками, треугольниками, квадратами. Некоторые

---

²¹⁶ Р. Ш. Джарылгасинова. К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами. СЭ, 1966, № 5, стр. 12—13; «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 308—309; «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 159; Г. П. Васильева. Современные этнические процессы в Северном Туркменистане, стр. 3—17; Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева. Об этнических процессах на территории Южной Туркмении. СЭ, 1964, № 5, стр. 23—24.

же народы (уйгуры) делают ее методом растягивания — созган ленгмен²¹⁷.

Проявляется национальный вкус и в приготовлении пицци из покупных продуктов. Так, например, из покупной лапши киргизы варят суп, заправляя его мясом и помидорами; дунгане варят ее густо и сдабривают мясным соусом, в который прибавляют овощи (лук, баклажаны, фасоль, перец). Уйгуры готовят лапшу так же, но в соус добавляют несколько меньше, чем дунгане, перца и пряностей.

Обстановка трапезы сельского населения Средней Азии сохранила много традиционного. В летнее время едят на суффе, зимой — в помещении. Нередко непосредственно на ковре или на низеньком столике расстилается скатерть, вокруг на ватных подстилках рассаживается в определенном порядке семья. Обычай раздельной трапезы по половозрастному признаку (столь характерный для дореволюционной эпохи) теперь не соблюдается. Каждая еда начинается с чая. Традиция пить чай из одной пиалы, передавая ее по кругу от старшего к младшему, в настоящее время наблюдается лишь в некоторых семьях в исключительных случаях, например при приеме пожилых особо уважаемых гостей. Лепешки по обычаю не режут, а ломают, причем делать это должен хозяин дома (узбеки). Жидкая пицца подается к столу в фарфоровых или глиняных мисках, густая на тарелках и изредка на общем блюде. Дунгане и уйгуры наряду с ложками используют для еды палочки.

Приведенные здесь примеры позволяют проследить давние культурные контакты, существовавшие между народами как на территории этого региона (например, между равнинными таджиками, оседлыми узбеками и хорезмскими туркменами)²¹⁸, так и вне его (например, между народами Средней Азии и народами Кавказа). Это касается распорядка дня (в частности, обильных преимущественно вечерних трапез), манеры готовить и принимать пищу на полу, а также структуры пицци.

В пище многих народов Кавказа²¹⁹, так же как и у народов Средней Азии, большое место занимают мясо-молочные продукты. Предпочтение отдают молочнокислым изделиям, баранине и конине. Говядина готовится редко, а свинина (использование которой в пищу запрещалось исламом) употребляется и теперь, как у народов Средней Азии, главным образом в виде покупных гастрономических изделий.

---

²¹⁷ *И. В. Захарова*. Уйгуры. «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 515—517.

²¹⁸ *Г. П. Васильева*. Преобразование быта и этнические процессы..., стр. 246; *К. Л. Задыхина*. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 372—376.

²¹⁹ «Кулинария народов Северного Кавказа».

Многие блюда, распространенные у народов Средней Азии (плов, лапша, бульоны, печенье), характерны и для традиционной кухни народов Кавказа, однако в приготовлении есть определенная этническая специфика. Бульон, например, называемый рядом народов (кабардинцами, карачаевцами и др.) также «шурпа», обязательно заправляют душистыми травами и айраном. Грузины готовят его из куриного мяса и заправляют яичным желтком, уксусом и кинзой. Плов едят чаще всего сладкий (с изюмом, алычой), запивая кислым молоком или сметаной. Азербайджанцы, у которых это блюдо имеет особенно много вариантов, готовят плов в двух котлах, причем рис часто подкрашивают шафраном, а в мясной плов обязательно добавляют алычу и другие фрукты.

Манера добавлять в мясные блюда фрукты и травы наиболее ярко представлена в армянской и азербайджанской кухне, использующей для этой цели айву, алычу, курагу, гранаты, сумач, тмин, орехи, укроп, лук, чеснок, мяту, кинзу, петрушку и т. п. В кухне грузин и лакцев, помимо того, используются дикорастущие травы и плодовые (крапива, макрица, терн, кизил, шавель, мильва, портулак, ширита, купень и др.), из которых готовятся супы, подливы, пирожки²²⁰.

Специфика кухни народов Кавказа наряду с упомянутыми выше гарнирами из фруктов, обилием острых и пряных приправ с чесноком и луком заключается в постоянном использовании в рационе овечьего сыра, куриного мяса, бобовых и кукурузы, а также в способах приготовления и заготовки впрок мяса: копчение его производится в дыму дикой крапивы, а жаренье на вертеле.

Чечевица, горох, фасоль (лоби) часто употребляются в кухне народов Кавказа, главным образом для супов (грузины, аварцы, кабардинцы), а у некоторых народов (таты) обязательно входят в состав блюд, подающихся на свадебный стол (ягни по-дербентски). Кукуруза, мука и крупа из нее, как упоминалось выше, широко применяются на Кавказе. Особенно большое число блюд из кукурузы характерно для осетинской и балкарской кухни (амыш, олкай, дзычка, нахторн каш, дзарыа, хуру и др.).

Любимые национальные блюда — жаркое из птицы и шашлык из баранины — имеют много способов приготовления. Грузины готовят курицу с большим количеством специй и подают как в холодном виде (сациви), так и в горячем (чахохбили), абхазцы заправляют ее яйцами и соком незрелого винограда (чыгыртма), лакцы также сдабривают ее яичной подливкой, адыги — готовят курицу в виде соуса (чэтшыпс). В таком же виде они употребляют

---

²²⁰ «Народы Кавказа», II. М., 1962, стр. 130, 306, 492, 521; Г. А. Сергеева. Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М., 1964; Н. К. Алхазов. Азербайджанская кулинария, стр. 34—74.

и индюшатину (тхьфчэтщыс). Распространено также жаркое из гусей и уток²²¹. Шашлыки лакцы предпочитают поджаривать с луком, даргинцы с помидорами, армяне перемежают на вертеле мясо с луком, помидорами, баклажанами и сладким перцем; осетины и балкарцы делают шашлык из внутренностей — жалбаур. В азербайджанской кухне наряду с традиционным шашлыком имеется также много блюд, приготовленных из молотого мяса на вертеле (люля-кебаб, това-кебаб и др.), что подтверждает прочные традиции этого способа приготовления пищи.

В кухне народов Северного Кавказа опутимо сильное влияние русской культуры. Об этом помимо широкого распространения хлеба русского типа свидетельствуют внедрение в рацион ряда народов (кабардинцев, балкарцев и др.) картофеля, а также предпочтение, отдаваемое говядине²²². Кавказские национальные блюда в свою очередь широко бытуют среди многих народов СССР, как, например, шашлык, чахохбили, харчо и др.²²³

У народов Севера коренное изменение хозяйства в ходе социалистического строительства повлекло за собой разительные перемены в пище. Прежде базой для нее служили почти исключительно промыслы: охота, рыболовство, собирательство, а также оленеводство.

Основу питания обитателей тундры составляли мясо, жир и лишь в незначительной доле рыба и растительные продукты. Покупные («чужие», по выражению чукчей) продукты использовались далеко не всеми народами и лишь изредка. Это были главным образом кирпичный чай и некоторые бакалейные товары: мука, сахар, растительное масло²²⁴.

Основным пищевым продуктом оленеводов (ненцев, чукчей, коряков, юкагиров, эвенов) было мясо домашнего оленя, потреблявшееся осенью и зимой в больших количествах²²⁵ в вареном и частично в сыром виде. В весеннее и летнее время питание было очень скудным — оно состояло главным образом из сырых или вареных диких растений, сдобренных оленьим молоком, и небольшого количества рыбы.

У народов Туруханского края (селькупов, энцев, кетов, долган) значительную роль в питании играла крупная дичь — дикий олень и лось. Охотничьи народы использовали в пищу мясо и некоторых пушных зверей — белки, зайца, сурка и др. Промысловую птицу употребляли все народы, однако в пище гнасан и юкагиров она играла основную роль.

Эскимосы, оседлые чукчи и коряки питались почти исключительно мясом и жиром морских животных, употребляя другие

²²¹ Э. Л. Коджесау. Указ. соч., стр. 88—94.

²²² «Народы Кавказа», I, стр. 175.

²²³ «Культура и быт народов Северного Кавказа», стр. 342.

²²⁴ Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 123.

²²⁵ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. ТИЭ, т. 27, стр. 74—76.

продукты, например рыбу, в незначительном количестве. Некоторые оседлые народы, особенно обитатели восточных районов Сибири (нивхи, ульчи, ороки, нанайцы, восточные коряки), а также безоленные ненцы, селькупы и манси питались почти одной только рыбой. Летом ее ели сырой (чуть присаливая), зимой морозили и мелко стругали (тала); квашеную же и сушеную (юкола) — варили, сдабривая рыбьим жиром. Некоторые народы (нанайцы) коптили ее, а из толченой юколы, рыбы, рыбьего жира и ягод приготавливали любимое блюдо — фирун.

Основу питания у народов Южной Сибири (бурят, якутов и алтайцев) составляли продукты, приготавливавшиеся из кипяченого молока. Буряты, например, своими национальными блюдами считали урме (подсушенная пенка), арул, хурт (сушеная творожная масса в виде ломтиков), саламат (мука, прокипяченная в сметане). В рацион якутов в большом количестве входили кумыс, приготовленный особым способом (с ягодами, корнями и даже костным веществом), кислое молоко (суорат, тар), топленое масло (которое в праздники пили в растопленном виде) и другие молочные продукты. Большой удельный вес имели молочные продукты и у алтайцев, хакасов и тувинцев. Здесь употребляли главным образом кислое молоко (чегень, айран, хойтпак) и сыр. Блюда из мяса и рыбы готовили редко. Исключение представляли сибирские татары, пища которых состояла преимущественно из растительных и мучных компонентов и в меньшей степени из молочных, рыбных и мясных (кошнина, баранина, дичь).

Некоторые народы приготавливали из диких растений подобие хлеба: ительмены — из клубней лилейных, манси и народы Амура — из черемухи, ханты — из кедровых орехов.

Отличительной особенностью кухни народов Сибири являлось порожденное, по всей вероятности, недостатком витаминов употребление продуктов в сыром виде. В сыром виде употребляли не только растительные продукты (ягоды, травы, корни, молодые побеги кустарника), но также рыбу и мясо. Многие народы, например ороchi, ели талу из свежей рыбы или строганину. Лакомством считался сырой костный мозг, печень лося или изюбра, хребты и сырые головы кеты и горбуши.

Русские, переселившиеся в Сибирь, в основном сохранили свою традиционную мучную пищу, однако в тех районах, где преобладали промыслы, пища их под влиянием географической среды и окружающего населения включала новые компоненты. На Крайнем Севере это были оленина, причем костный жир и печень употреблялись в сыром виде. Русско-устинцы и марковцы употребляли строганину из мороженой рыбы, помимо обычного пили плиточный чай (со сметаной или по способу алтайцев и монголов делали чайный суп, приправленный мукой) ²²⁶.

---

²²⁶ Л. В. Хомич. Ненцы, стр. 135—136; М. А. Сергеев. Указ. соч., стр. 74, 75, 479; «Народы Сибири», стр. 165—169, 234, 289, 290, 343, 365,

Русская народная кулинария в свою очередь влияла на кухню сибирских народов. Помимо хлеба, который научились печь еще в дореволюционное время оседлые буряты, якуты, алтайцы, некоторые группы хантов и манси усвоили русский способ приготовления масла, стали употреблять картофель, овощи, некоторые овощные блюда прочно вошли в их рацион.

В настоящее время пища народов Сибири, естественно, разительно изменилась. Многие традиционные виды ее, известные в прошлом лишь отдельным народам, получили всеобщее распространение: исчезли, например, запреты на употребление некоторых сортов рыбы и мяса. Современная пища состоит не только из местных продуктов тайги и моря, но в значительной мере и из привозных или тех, которые недавно начали получать на местах. Поэтому она теперь уже не носит столь резко выраженный локальный характер, как это было прежде. Значительное место в рационе всех народов Сибири завоевали хлеб, другие мучные изделия, овощи, молочные продукты, новые для многих народов виды мяса (говядина, свинина), мед и яйца, ранее неизвестные многим народам (тофалары, удэ, нанайцы, ульчи), а также фрукты. Распространялись эти продукты по-разному. Некоторые из них (хлеб, мука, крупа, сахар) прививались легко и быстро, другие, как, например, соль, до сих пор имеют успех лишь у некоторых народов. Старшее поколение у таких народов, как ханты, манси, кеты, нганасаны, эскимосы, кочевые чукчи, соль и теперь использует мало²²⁷. С появлением плиты русского типа (вместо прежнего очага) основная масса пищи готовится в вареном, а кое-где и в жареном виде.

У всех народов вошли в быт супы на мясном и рыбном отваре (ранее многим неизвестные), жареное и тушеное мясо, рыба, овощи. Распространению этих блюд и введению регулярного питания значительно способствуют общественные формы его, получившие широкое распространение в школах-интернатах, рыбо-ловецких и оленеводческих бригадах.

Процесс формирования известной общности в пище у народов Сибири идет в разном темпе. В Южной Сибири этот процесс зашел очень далеко. Пища хакасов почти не сохранила следов недавнего кочевого быта. Домашнее питание у них мало отличается от питания русских, живущих в селах и городах этой области. Только изредка можно встретить айран, приготовленный традиционным способом, да домашнюю кровяную колбасу (кан).

Пища тувинцев, хозяйство которых не так резко изменилось, естественно, сохраняет больше традиционных черт, особенно в употреблении молочных продуктов. Летом здесь, как некогда у

413, 461, 482; К. В. Вяткина. Очерки культуры и быта бурят, стр. 90—92; В. Г. Ларькин. Орочи. М., 1964, стр. 157; Г. М. Василевич. Звенки, стр. 126.

²²⁷ М. А. Сергеев. Указ. соч., стр. 475, 476; «Народы Сибири», стр. 580, 582, 601, 716 и др.

алтайцев и хакасов, самым распространенным продуктом является кислое молоко (хайтпак, алтайский чегень, хакасский айран)²²⁸, употребляемое в чистом виде как напиток и в составе ряда кушаний, сыр (курут), сушеный творог (арчы) и другие изделия, сушеное оленьё молоко, которое, как и арчы, добавляют в чай. Мясо по-прежнему едят лишь в варёном виде, а рыбу варят или жарят на вертеле.

Народы Северной Сибири и Дальнего Востока, питавшиеся преимущественно мясо-рыбной пищей, в настоящее время расширили свой рацион за счёт включения мучных, молочных и растительных продуктов. Последние особенно быстро вошли в быт ульчей, познакомившихся ещё в начале века через русских с некоторыми огородными культурами.

Однако многие традиционные особенности в пище прочно сохраняются. Так, например, ульчи готовят картофель по-своему. Они замораживают его и настругивают так же, как и мороженую рыбу (картофельная тала). Бытуют повсеместно и привычные способы заготовки пищи — юкола, строганина (сдабриваемые часто теперь солью, уксусом и перцем), вяленое мясо, рыбий жир. Ханты, манси и селькупы наряду с варёной рыбой употребляют и сырую, но обычно её несколько присаливают. В пище значительный удельный вес сохраняют продукты леса (кедровые орехи, ягоды)²²⁹. Чукчи и коряки продолжают употреблять в пищу оленьё мясо и нерпичий жир. Охотники любят лакомиться сырыми внутренностями и костным мозгом молодого оленя²³⁰, ластами, печенью и хрящами морского зверя; рыбаки — сырыми головными хрящами и печенью рыбы.

В сыром виде по-прежнему употребляют некоторые растения. Женщины собирают и заготавливают ягоды, считают лакомым блюдом молодые побеги тальника, стебли белокопытника, корни дикой лилии и др.²³¹

Интересно и разнообразно употребление новых продуктов. Ханты и ненцы, например, иногда замешивают хлебное тесто не на воде, а на оленьей крови, на мясном или рыбном отваре и подбавляют в него икру или растёртую с рыбьим жиром вяленую рыбу (порсу). Кашу заправляют икрой и рыбьим жиром, а в своё любимое национальное блюдо фирун нанайцы подмешивают муку и сахарный песок²³².

Итак, ознакомление с современной пищей народов СССР показывает, что этот вид материальной культуры отличается значительной устойчивостью. Вместе с тем социально-экономические

---

²²⁸ Л. П. Поганов. Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев, стр. 92.

²²⁹ «Народы Сибири», стр. 566, 683, 828.

²³⁰ М. А. Сергеев. Указ. соч., стр. 477, 478.

²³¹ В. Г. Ларькин. Указ. соч., стр. 157.

²³² М. А. Сергеев. Указ. соч., стр. 479.

преобразования в стране наложили на нее сильный отпечаток. Исчезли различия имущественные и классовые. Резко снизилась зависимость питания от зональных и сезонных предпосылок. Сближаются способы приготовления пищи, режим питания.

У большинства народов влияние социально-экономического фактора сказывается главным образом на изменении количественного показателя в пище. У некоторых же народов с наименее развитой в прошлом экономикой (например, у народов Сибири) происходит изменение самой структуры пищи.

Под влиянием изменения типа хозяйства сглаживается принципиальная разница между рационом бывших скотоводов и исконных земледельцев. У первых увеличивается количество растительной пищи, у вторых — мясных блюд.

Государственная торговля и общественное питание способствуют исчезновению различий между сельским и городским рационом, сглаживается резкая разница между регионами.

В результате культурных контактов народов происходит взаимное обогащение пищевых рационов. Если структура пищи контактирующих народов различна, заимствование развивается в обе стороны, по линии преобладающих компонентов. Так, например, русские, где бы они ни поселялись, обогащают рацион народов, с которыми соприкасаются, главным образом хлебными изделиями и блюдами растительного происхождения (народы Сибири, Кавказа, Средней Азии), сами же с легкостью усваивают местные блюда из рыбы и мяса: в Казахстане и Средней Азии — бешбармак, манты, плов; на Кавказе — пашлык, харчо, люля-кебаб; в Сибири — талу, оленину; в Поволжье — пельмени и беляши.

В случае же, если пища контактирующих народов имеет сходную структуру, многие блюда из национальных превращаются в региональные (в среднеазиатском регионе, например, такими блюдами стали плов, манты, каурма, жаркоб и др.). Известны также случаи, когда региональные блюда превращаются в общесоветские (пашлык, плов, пельмени и др.).

Тем не менее в структуре пищи у большей части народов СССР остались традиционные черты. Сохраняются эти черты не только на основной территории расселения народа, но и у локальных групп, живущих в иноэтничном окружении (например, в районе русского населения Сибири продолжает преобладать мучная пища), сохраняются они даже в отдельных семьях (например, рацион армянских семей Москвы и Ленинграда, в котором широко применяются травы и фрукты; или рацион татарских семей в тех же городах, в котором преобладает баранье мясо и бытуют блюда, мало употребляемые москвичами и ленинградцами, например беляши).

По сравнению с другими элементами материальной культуры в пище заметнее сохраняются традиции. Это дает возможность использовать ее для выявления этнического происхождения населе-

ния и культурных взаимовлияний. При этом, как нам представляется, необходимо изучать способы приготовления и применения не только традиционных блюд и напитков (что в особенности касается поминальной, свадебной и другой ритуальной пищи), но и сравнительно новых блюд и продуктов (например, черного, зеленого, кирпичного чая) и способов их приготовления (например, чай без сахара, чай с сахаром, чай с солью, чайный суп и т. п.).

Громадный интерес представляет связанная с пищей терминология, которая помогает установить этнические источники той или иной формы и выявить реальный вклад отдельных народов в пищевую рацион регионов, зон и страны в целом.

* * * * *

Суммируя данные об изменениях, происшедших во всех областях материальной культуры народов СССР за советский период, необходимо отметить прежде всего развитие ее общесоветских форм, определяющихся общностью социально-экономического и культурного развития народов страны. Вместе с тем продолжают существовать традиционные формы, которые, однако, в ходе исторических преобразований, межэтнических взаимодействий в различных этнокультурных регионах претерпели значительные изменения.

В 20-х — начале 30-х годов традиционные типы поселений и жилищ бытовали у большинства народов Союза. Пища также сохраняла традиционный характер. Что касается традиционной одежды, то у русских, украинцев и некоторых других народов она бытовала лишь в немногих этнографических и локальных группах; у народов Средней Азии, Кавказа, Сибири и Поволжья (за исключением особенно устаревших форм) — почти повсеместно. Урбанизация материальной культуры коснулась преимущественно европейской части страны и протекала сравнительно медленными темпами.

С середины 30-х до 50-х годов процесс сближения материальной культуры города и деревни в ряде сфер (пища, жилище) в большей или меньшей мере становится всеобщим, в других (одежда) — процесс как бы расщепляется и идет по нескольким путям: у большинства народов усиливается ее урбанизация; у других (народов Средней Азии, Сибири, Поволжья) продолжается разработка новых типов одежды на основе традиционных форм.

50—70-е годы характеризуются все большей интеграцией различных видов материальной культуры, в особенности тех ее сторон, которые тесно связаны с техническим прогрессом.

Исследование поселений, жилища, одежды, пищи народов в советский период показало, что темп и направленность изменений в них связаны как с общим ходом научно-технического прогресса, так и с интенсивными этническими процессами. Тенденция к культурной однородности внутри отдельных этносов весьма

явственно выражена во всех разделах материальной культуры. В сфере жилища, например, этот процесс, как уже отмечалось, проявился в сокращении числа типов жилых и хозяйственных построек. Племенные и локальные различия жилища, свойственные в прошлом многим народам, в основном стерлись. Сохраняются лишь некоторые формы, обусловленные природными особенностями. Этническая консолидация приводит к выравниванию пищевых рационов отдельных локальных групп, причем изменения протекают не путем ломки, а путем обогащения рациона. В одежде, украшениях наблюдается сглаживание резких этнографических различий у отдельных этнографических и территориальных групп, хотя нельзя говорить еще о полной унификации в этой области материальной культуры у народов Средней Азии, Сибири и Севера.

Современная степень однородности материальной культуры у разных народов не одинакова: у одних — давно сформировавшихся наций — процесс выравнивания форм идет по линии исчезновения специфики материальной культуры некоторых небольших локальных групп, пережиточно, в силу тех или иных причин сохранявших своеобразие; у других — главным образом молодых наций и народностей — степень однородности в материальной культуре находится на ином уровне: происходит стирание былых этнографических различий. Степень выработки единых форм зависит также от характера расселения народа и миграционных процессов внутри него.

Надо также отметить, что развитие однородности в различных сферах материальной культуры протекает по-разному в зависимости от степени связи ее с техническим прогрессом в этой области, от природных и хозяйственных факторов, а также от того, насколько тесно связана та или иная сторона материальной культуры с этническим самосознанием.

Развитие декоративных традиций в современной архитектуре, в одежде, украшениях, орнаментике текстильных, металлических, деревянных резных изделий и пр. отражает не только художественный вкус, склонности и навыки каждого народа, но связано и с сознанием принадлежности к определенной этнической общности.

Параллельно со стиранием локальных особенностей усиливается региональная культурная общность. Процесс развития однородности материального быта в крупных историко-культурных регионах страны охватывает как родственные, так и не родственные народы, живущие в одних и тех же природных и хозяйственных условиях.

Степень внедрения общесоветских форм весьма значительна в таких областях материальной культуры, как поселения (чему способствовал огромный размах работ по их реконструкции) и жилище (городское и частично — сельское). Рост городов и поселков городского типа, а вместе с тем интенсивное строительство жи-

лых и общественных зданий по выработанным типовым проектам, как уже отмечалось, определили общность строительной практики в разных республиках и областях.

Сельское жилище различных народов под влиянием домостроительной индустрии (стандартных материалов и конструкций) по своему плану и конструктивным особенностям неуклонно сближается и приобретает много общего с городским жилищем индивидуальной застройки. Однако традиции накладывают отпечаток и способствуют созданию этнических вариантов, базирующихся на всесоюзных стандартах. Они проявляются в целом ряде аспектов, некоторые из них получают дальнейшее развитие в городском интерьере и архитектуре (особенно во внешнем и внутреннем декоративном убранстве).

Из года в год увеличивается роль фабричных изделий в народном costume. Изготовление многих видов одежды, обуви, головных уборов сосредоточено в сфере промышленного производства. Но вместе с тем все еще сильны и местные традиции в одежде (в подборе цветовой гаммы, в выборе фасонов, в способах ношения и т. п.).

Развитие пищевой промышленности и широкой сети общественного питания в стране значительно сглаживает существовавшие резкие отличия в питании народов или населения отдельных регионов. Однако народная кулинария наименее (по сравнению с другими сторонами материальной культуры) подвергалась стандартизации и устойчиво отражает традиционные вкусы, выработанные многими поколениями.

То рациональное и ценное, что есть в культурном наследии каждого народа (в области архитектуры, костюма, кулинарии и пр.), входит как составная часть в общую культуру советского народа.

Сближение народов в материальной культуре выражается в распространении как ее индустриальных форм, так и форм, созданных на основе традиций.

При определении содержания этнолингвистических процессов как важной составной части этнических процессов необходимо учитывать, во-первых, наличие у каждого языка некоей самостоятельной структуры, во-вторых, выполнение языком различных социальных функций, которые он осуществляет, являясь средством коммуникации в тех или иных сферах человеческой деятельности, и, в третьих, — реализацию (употребление) языка в речевом поведении людей.

Как в целом при изучении языков, так и при их этнолингвистическом исследовании можно выделить три важнейших аспекта: 1) структурный, выражающий изменения лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса и других единиц языка; 2) функциональный, понимаемый как развитие социальных функций языка, соотносимых со всевозможными сферами человеческого общения, и 3) поведенческий, состоящий в речевом поведении и квалифицируемый как неотъемлемая часть социальной деятельности человека. Следует также иметь в виду, что языки резко различаются между собой по формам существования¹, по социальной значимости и коммуникативной нагрузке, по «стажу» литературной традиции и, наконец, по степени развития национальной культуры, выра-

---

¹ Поскольку языковое общение предполагает в своей основе взаимодействие между людьми, а последние в рамках этнической общности составляют различные относительно замкнутые группы, постольку принято считать, что каждый язык обычно представляется совокупностью всех форм своего существования (разговорный язык с его обычным членением на территориальные, надтерриториальные и социально-классовые диалекты, литературный язык в устной и письменной разновидности, наддиалектное койне, особый культовый язык, вспомогательный искусственный язык и т. д.). См.: В. А. Аврорин. Ленинские принципы языковой политики. «Вопросы языкознания», 1970, № 2, стр. 7—8; А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970; «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970; Л. Б. Никольский. О предмете социолингвистики. «Вопросы языкознания», 1974, № 1, стр. 61.

зителями и хранителями которой они выступают. Соответственно этнолингвистическими процессами в широком смысле можно считать процессы развития и изменения структур и общественных функций отдельных языков, а также процессы изменения типов и форм речевого поведения.

Многочисленным сферам общения людей соответствуют коммуникативные функции языка. Назовем лишь некоторые наиболее важные сферы — школа, наука, литература, искусство, периодическая печать, переписка и делопроизводство, общественно-политические и культурно-просветительные мероприятия, спорт, отдых и т. д.

В данной главе рассматриваются все три вышеназванных аспекта этнолингвистических процессов. Однако предпочтение отдается проблеме функционального развития языков и проблеме взаимодействия языков народов СССР в речевом поведении. Выбор именно этих сюжетов обуславливается прежде всего тем, что употребление языка (поведенческий аспект) влияет на функциональное развитие, а последнее в свою очередь оказывает влияние на структурное развитие языка, тогда как обратная зависимость незначительна. Из большого числа сфер проявления общественных функций языков нами выделены только две: школьного обучения и книгоиздательства. В отличие от обычного социолингвистического (синхронного) подхода, как правило, дающего картину языковой жизни на определенном этапе, здесь сделана попытка на примере двух важнейших сфер проследить диахронное (историческое) развитие функционального изменения языков народов СССР. В свою очередь выбор школы и книгоиздательства обусловлен тем, что они играют решающую роль в повышении образования и культурного уровня, являющихся главными факторами социальных перемещений, в изменении социальной структуры общества, а также в развитии этнических процессов.

1. Развитие общественных функций языков народов СССР в сфере школьного образования

Перед Октябрьской социалистической революцией этнолингвистические процессы в России отличались чрезвычайной пестротой и разнообразием. Многие народы России были почти сплошь неграмотны. У них не было своей письменности, языки делились на диалекты и говоры. Все это наряду с другими объективными факторами тормозило преодоление территориальных и социальных различий в языках, мешало этнической консолидации.

Процессы, протекающие в русском языке и в языках некоторых других развитых старописьменных народов, не были типичны с процессами в бесписьменных языках. Существовавшая в царское время социальная дифференциация не способствовала

выработке общенациональных форм устной или письменной речи в этих языках.

Взаимодействие языков до революции выражалось главным образом в проникновении слов одного языка в словарный состав другого. Это чаще всего было связано с заимствованием отдельных элементов материальной и духовной культуры. Царизм, как известно, стремился задержать развитие языков нерусских народов. Русский язык был возведен в ранг государственного, его общественные функции были расширены за счет сокращения использования языков других народов. Понимая опасность, которую представляло для царизма просвещение народных масс на их родных языках, один из реакционных деятелей просвещения в свое время писал: «Утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школы и вы тем самым (страшно выговорить!) утвердите и разовьете соответствующую народность»².

У народов Средней Азии и Кавказа в дореволюционный период не было высших учебных заведений. В немногочисленных средних школах учились главным образом дети русских чиновников, офицерства, а также дети местного духовенства и буржуазии. В Башкирии в 1914 г. на 4778 учащихся средних школ приходилось всего 0,25% башкир. О масштабах неграмотности народов Средней Азии, например, свидетельствуют следующие данные за 1912 г.: количество учащихся коренных национальностей к числу детей школьного возраста этих же национальностей в Сырдарьинской области составляло 2,0%, в Самаркандской — 0,9%, в Ферганской — 0,5%^{2а}.

Основные принципы языковой политики Советского государства и Коммунистической партии были разработаны В. И. Лениным, который писал: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка!»³ Большевицкая партия в своей первой программе сформулировала тезис о полном равноправии всех языков: «Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием за счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях»⁴.

Сразу же после Октябрьской революции, несмотря на крайне тяжелое положение в стране, Коммунистическая партия и Со-

² «Журнал Министерства народного просвещения», 1887, февраль, стр. 37.

^{2а} «См.: Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948, стр. 7, 8.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 150; об этом см. также стр. 425, 316, 317; т. 24, стр. 124, 125.

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 1, 1898—1917 гг. М., 1970, стр. 63.

ветское правительство стали уделять серьёзное внимание развитию функций языков народов СССР, прежде всего в сфере школьного образования. В октябре 1918 г. Государственная комиссия по просвещению при Наркомпросе РСФСР в своем постановлении «О школах национальных меньшинств» впервые определила основные принципы создания школ, которые обслуживали группы населения, отличавшиеся своим языком и бытовыми особенностями. Обучение в национальных школах должно было осуществляться на родном языке для всех школ Российской республики по единым учебным программам⁵. Тогда же правительство наметило меры по созданию письменности для народов, не имевших ее до революции⁶.

Вскоре стали появляться и первые учебники для нерусских школ на языках народов СССР. При развертывании сети нерусских школ острыми были вопросы подготовки педагогических кадров, особенно для тех народов, школы которых создавались впервые и где своих учителей не было.

Огромную роль в формировании общественных функций языков народов СССР в школьной сфере сыграл подписанный в конце 1919 г. В. И. Лениным декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», согласно которому все население страны в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, призвано было обучаться грамоте на родном языке или на русском (по желанию самих обучающихся).

Следует подчеркнуть, что в первые годы Советской власти большое внимание уделялось не только функциональному, но и структурному развитию языков. Методологическую основу расширения функционального взаимодействия языков нерусских народов, в том числе в сфере школьного обучения, воспитания и образования, в сфере развития культуры на родных языках Коммунистическая партия и Советское правительство видели в том, что: 1) родной язык — наиболее важное и понятное народу средство выражения национальной культуры; 2) всякое познание наиболее эффективно осуществляется на родном языке, конечно, если этот народ широко не пользуется другим языком; 3) даже если народ владеет в качестве второго языка развитым литературным языком, то, как правило, на родном языке он может достигнуть в короткий срок больших успехов в ликвидации неграмотности, в повышении своего общеобразовательного и культурного уровня⁷.

Первой была проведена реформа письменности русского языка⁸, закрепленная законодательными актами Советской республи-

⁵ Н. В. Галдин. 50 лет СССР и просвещение национальностей. «Советская педагогика», 1972, № 11, стр. 13.

⁶ В. А. Куманев. Революция и просвещение масс. М., 1973, стр. 82.

⁷ П. А. Азимов, Ю. Д. Дешериев. Советский опыт развития национальных культур на базе родных языков. М., 1972, стр. 9, 10.

⁸ «Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию», вып. 1. М., 1918, стр. 30—32.

ки от 23 декабря 1917 г. Упрощение графики, орфографии и правописания способствовало развертыванию борьбы за ликвидацию неграмотности в стране и оказало прогрессивное влияние на совершенствование орфографии других старописьменных языков.

На протяжении нескольких лет В. И. Ленин ставил вопрос о создании словаря русского языка и лично следил за ходом его подготовки⁹. В письме к А. В. Луначарскому в 1920 г. В. И. Ленин писал: «Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького»¹⁰.

Важную роль в функциональном развитии языков сыграло национально-государственное строительство, в результате которого разобщенные административными границами языковые общности были воссоединены в рамках республик, областей и национальных округов¹¹.

Языковая политика Советского государства подготавливала почву для процессов тройкого рода: во-первых, создавались условия для ускоренного развития функционально отсталых в прошлом языков; во-вторых, расширялись предпосылки для усиления языковых контактов и языковых взаимодействий; в-третьих, создавались условия для дальнейшей языковой консолидации этнических общностей на новой социалистической основе.

В первые годы Советской власти были заложены основы развития общественных функций языков народов СССР в школьной сфере. Одновременно с расширением сети перусских школ с обучением на родном языке шла подготовка учебников для этих школ. В 1925 г. учебники издавались на 34 языках народов России, а к 1929 г. их выпускали миллионными тиражами на 56 языках народов РСФСР¹². Однако у большинства национальностей, получивших к середине 20-х годов свою письменность, преподавание на родном языке велось только в первых двух классах. Дальнейшее расширение преподавания на родном языке и изучение его как особого предмета в старших классах тормозилось тем, что во многих школах еще не хватало преподавателей из среды коренного населения.

Развитие языков и расширение их общественных функций в 20-е годы путем введения родного языка в сферу управления, судопроизводства, преподавания в школах, в работу культурно-просветительных учреждений и общественных организаций в ав-

---

⁹ См. соответствующие документы в статье: *Е. А. Левашев, В. П. Петушков. У истоков советской лексикографии. «Известия АН СССР», серия литературы и языка, том XXIX, вып. 2, 1970, стр. 165—169.*

¹⁰ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 122.*

¹¹ *Т. А. Жданко. Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии. СЭ, 1972, № 5, стр. 13—29.*

¹² *П. В. Талдин, Д. П. Корж, Е. А. Кузакова. Национальная школа. «Народное образование в РСФСР». М., 1970, стр. 106.*

тономных республиках и автономных областях увеличивало масштабы этнолингвистических процессов. Существенное значение имел взятый партией курс на осуществление коренизации государственного и партийного аппарата. О том, какое значение придавалось роли родных языков в процессе коренизации, свидетельствует речь Г. К. Орджоникидзе на XII Бакинской партконференции в 1923 г.: «Мы никогда не сумеем создать крепкой Советской власти в Азербайджане, власти, которую бы любили и признавали и за которую стали бы драться, если эту власть не приблизим к крестьянству и если сам крестьянин не будет участником, творцом этой власти. А как это можно сделать? Конечно, не на немецком, французском или английском языках, а только на азербайджанском, на тюркском языке. Этот язык нужно ввести без всяких разговоров во всех учреждениях»¹³.

Особенно заметно общественные функции нерусских языков в школьной сфере стали развиваться с середины 20-х годов. Например, в РСФСР это сказывалось в том, что число нерусских школ, начиная с 1924 г., увеличивалось в автономных республиках и областях значительно быстрее, нежели русских школ. Частично это объяснялось тем, что в дореволюционный период нужда в школах в областях с русским населением все же удовлетворялась лучше, чем, например, у татар, марийцев, чувашей и других народов.

Так, во второй половине 20-х годов в ТАССР число школ изменялось следующим образом (в %) ¹⁴:

Школы с языком обучения	1925/26 г.	1927/28 г.
русским . .	49,6	37,4
татарским .	34,8	54,0

К концу 20-х годов для некоторых нерусских народов наряду с начальными стали открываться школы повышенного типа. Однако увеличение числа семилетних и средних школ, которых многие нерусские народы вообще не имели до революции, шло в эти годы медленно, хотя сами темпы были более высокими по сравнению с развитием аналогичной сети школ с русским языком обучения ¹⁵.

Так, например, в 1929/30 учебном году по сравнению с 1928/29 г. количество школ с русским языком обучения в краях и областях РСФСР возросло на 45,0%, в то время как в авто-

¹³ «Стенографический отчет XII Бакинской партконференции». Баку, 1923, стр. 27.

¹⁴ Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский. Очерки по истории советской школы..., стр. 181.

¹⁵ Там же, стр. 183.

номных республиках РСФСР школы с родным языком обучения увеличились на 83,0%. Численность учащихся возросла соответственно на 53,0% и 104,0%.

В 1927 г. была проведена Всесоюзная школьная перепись, выявившая заметный рост числа детей, обучающихся на родном языке; она показала, например, что в 1926/27 учебном году в подавляющем большинстве школ Грузии основным языком преподавания был грузинский. Кроме того, имелось 359 школ с преподаванием на языках других, проживающих здесь народов: 128 армянских школ, 87 — азербайджанских, 63 — русских, 36 — греческих, 27 — осетинских, 11 — немецких, 3 — еврейских, 2 — айсорских, одна польская и одна курдская¹⁶. В том же году в Азербайджане школы 1-й ступени (всего 1420) по языкам преподавания распределялись так: с азербайджанским — 72,3%, с армянским — 14%, с русским — 9,6%, с прочими языками — 4,1%¹⁷.

Последовательному распространению языков народов СССР в школьной сфере способствовало начавшееся со второй половины 20-х годов обеспечение нерусской школы национальными кадрами. Согласно декрету СНК РСФСР «О подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка»¹⁸, принятому в 1925 г., в высших учебных заведениях были организованы национальные отделения (марийское, удмуртское, чувашское в Казанском пединституте, мордовское в Саратовском университете, бурят-монгольское в Иркутском университете и т. д.). Уже в 1924/25 учебном году подготовка учителей для начальных национальных школ осуществлялась в 36 педагогических техникумах, а через 5 лет, в 1929/30 учебном году, — в 85 педагогических техникумах с 15 292 учащимися¹⁹. В 1929/30 учебном году в РСФСР работали восемь национальных педвузов и 24 национальных отделений в русских вузах. В них училось 4 тыс. студентов²⁰. Подготовка педагогических кадров для нерусских школ и разработка учебников были двумя решающими условиями для развернувшегося в начале 30-х годов перевода обучения на родные языки.

Перед началом первой пятилетки в РСФСР обучение в начальных школах велось на 60 языках. Однако, как правило, оно охватывало лишь первые классы школ среди тех народов, у которых имелись подготовленные учителя и были созданы учебники. Не было еще единой общепринятой учебной программы для национальной школы.

---

¹⁶ «Братское содружество народов СССР. Сборник документов». М., 1964, стр. 362.

¹⁷ Там же, стр. 363.

¹⁸ «Народное образование в РСФСР», стр. 274.

¹⁹ *Н. В. Талдин*. 50 лет СССР и просвещение..., стр. 16.

²⁰ *Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский*. Очерки по истории советской школы..., стр. 189.

В годы первой пятилетки в связи с введением всеобщего начального обучения в Советском Союзе было открыто 29 тыс. новых национальных школ с числом учащихся 5 млн. 280 тыс. человек (без национальных школ вне автономий) ²¹.

Расширение функции национальных языков в начале 30-х годов шло неодинаковыми темпами в автономных республиках, в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока ²².

Диалектика развития этнолингвистической ситуации в стране середины 30-х годов состояла в том, что одновременно с расширением общественных функций национальных языков в ряде сфер, в том числе и в сфере школьного обучения, росла необходимость в языке межнационального общения. В условиях полного равноправия у нерусских народов, повысивших к этому времени свой культурный и образовательный уровень, постепенно усиливалось стремление быстрее овладеть русским языком. Ко второй половине 20-х годов относится создание первых программ по русскому языку для национальных школ нерусских народов (татарских, украинских, чувашских, марийских и др.).

Согласно этим программам изучение русского языка в национальных школах первой ступени охватывало следующие задачи: обучение устной разговорной речи, обучение чтению русских книг и газет, овладение письмом для практических жизненных целей ²³.

Тем не менее на пути широкого становления русского языка как языка межнационального общения в то время было еще немало трудностей. В научной литературе тех лет, посвященной не только языковым процессам, но и национальным отношениям в целом, внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на развитии родных языков и национальных культур большинства нерусских народов, в то время как вопросы развития общественных функций русского языка как языка межнационального общения разрабатывались недостаточно.

Недооценка роли русского языка как средства межнационального общения стала ощущаться на практике уже в начале 30-х годов ²⁴. Большинство учащихся, оканчивающих в то время начальную школу на родном языке, не овладевали в достаточной мере русским, что крайне затрудняло межнациональное общение. В связи с этим в некоторых республиках были приняты реше-

---

²¹ Н. В. Талдин. 50 лет СССР и просвещение..., стр. 17.

²² Об этом см., например: И. Д. Давыдов. Об очередных задачах культурного строительства на Крайнем Севере. «Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера». М.—Л., 1932, стр. 13—24.

²³ В. Краснов. Язык межнационального общения. «Народное образование», 1972, № 12, стр. 80.

²⁴ См., например: «Культурное строительство в Татарии. Сборник документов». Казань, 1974, стр. 463;

ния о создании благоприятных условий для более широкого распространения русского языка ²⁵.

В марте 1938 г. СНК и ЦК ВКП(б) приняли специальное постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В этом постановлении, в частности, говорилось: «Учащиеся, окончившие неполную среднюю школу (7 классов), должны уметь свободно и правильно выражать на русском языке свои мысли как устно, так и письменно, иметь навыки самостоятельного пользования книгой, соответствующей их возрасту, получать знания основ русской грамматики и синтаксиса и на некоторых примерах получать знакомство с русской литературой» ²⁶. Значение этого постановления, а вместе с ним и целого ряда других подобных решений, принятых в союзных республиках, состояло, во-первых, в том, что с 1938 г. во всех национальных школах дети стали изучать русский язык, а, во-вторых, в том, что русский язык как особый предмет изучения обрел свое прочное место в учебном плане национальной школы. Функциональное развитие национальных языков, достигшее высокого уровня, позволило в свою очередь улучшить и преподавание русского языка, которое теперь стало строиться с учетом специфики родного языка учащихся. Таким образом, можно полагать, что развитие национальных языков в сфере школьного обучения в конечном итоге подготовило благоприятную почву для широкого распространения русского языка, которое, как будет показано ниже, приобретает большие масштабы в послевоенный период и особенно в период развитого социализма.

Важным событием в культурной жизни многих народов, облегчившим дальнейшее развитие и обогащение национальных культур, овладение передовой социалистической культурой и наукой, явился перевод письменности с латинизированного или других алфавитов на алфавит на основе русской графики ²⁷. Новый алфавит облегчал и ускорял изучение русского языка нерусскими народами, открывал перед ними широкие возможности для овладения сокровищами культуры русского народа и через него усвоения великих ценностей мировой культуры, науки и искусства.

К концу 30-х годов коренные народы союзных республик в основном перевели школьное обучение на родные языки. Характерно в этом отношении расширение употребления белорусского, армянского, украинского языков, общественные функции которых особенно страдали в дореволюционное время от ассимиляторской

---

²⁵ К. Каракеев. Из истории культурного строительства в Киргизстане. Фрунзе, 1968, стр. 51, 52; Культурное строительство в Удмуртии. Сборник документов (1917—1940). Ижевск, 1970, стр. 267 и др.

²⁶ Цит. по: В. Краснов. Язык межнационального общения, стр. 80.

²⁷ М. И. Исаев. Сто тридцать равноправных. (О языках народов СССР). М., 1970, стр. 13—22; М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития, М., 1972, стр. 346—347.

политики царизма. В 1938/39 учебном году в этих республиках почти все дети обучались на родном языке. Темпы распространения русского языка как языка школьного обучения у большинства коренных национальностей союзных республик были почти одинаковы. Только в Казахстане доля школ с русским языком обучения достигала 38,6% и доля учеников в них — 52,3%. Это объясняется наличием сравнительно большого числа русских детей и детей других национальностей и т. д.²⁸

В автономных республиках одни народы широко и быстро решили проблему языкового развития, другие — в данном отношении заметно отставали. В целом же и для народов этих республик была характерна общая тенденция. Доля школ с преподаванием на родном языке за некоторыми исключениями превышала долю учащихся, обучаемых на родных языках. Все это позволило национальным языкам развиваться в сфере школьного обучения преимущественными по сравнению с русским языком темпами.

В послевоенный период в союзных республиках ситуация в сфере языка школьного обучения существенно не меняется. Следует вместе с тем отметить, что в 60-е и в начале 70-х годов в большинстве союзных республик языками обучения в школах были по-прежнему не только язык коренной национальности и русский язык, но также и языки некоторых других, живущих в пределах каждой союзной республики народов. В Украинской ССР, например, обучение велось также на молдавском, венгерском и польском, в Узбекской ССР — на таджикском, туркменском, казахском, каракалпакском и киргизском, в Казахской ССР — на корейском, таджикском, узбекском, уйгурском, в Грузинской ССР — на абхазском, азербайджанском, армянском и осетинском, в Азербайджанской ССР — на армянском, грузинском, в Киргизской ССР — на таджикском и узбекском, в Таджикской ССР — на туркменском, узбекском, киргизском и казахском, в Армянской ССР — на азербайджанском, в Туркменской ССР — на казахском и узбекском²⁹. В общественных функциях языков коренных народов союзных республик и во взаимодействии их с русским языком в сфере общеобразовательной школы вместе с тем продолжают изменяться. Об этом, в частности, наглядно свидетельствует табл. 1. В подавляющем большинстве союзных республик за период между 1965 и 1972 учебными годами произошло увеличение численности учеников как в школах, в которых преподавание велось на языке коренной национальности республики, так и в школах с русским языком числа школьников, обучающихся на русском языке (Азербайджанская и Узбекская ССР; соответственно 94,8 и 90,9%), а в двух других — на Украине и в Белоруссии снизилась численность школьников, обучающихся на языке коренной национальности (93,8 и 85,8%).

²⁸ Данные приводятся по источнику: «Культурное строительство в СССР». Статистический сборник. М.—Л., 1940, стр. 73—77.

²⁹ Ср.: Н. В. Талдин. Указ. соч.; М. А. Прокофьев. Советская школа к 50-летию образования СССР. «Советская педагогика», 1972, № 12, стр. 10, 11.

Еще менее значительны были в рассматриваемой сфере изменения в соотношении функциональной нагрузки языков коренных национальностей союзных республик с объемом соответствующих функций русского языка. Так, например, удельный вес учащихся, обучающихся в союзных республиках на языке коренной национальности в 1972/73 учебном году, оставался таким же, как и в 1965/66 учебном году, или же претерпел совсем незначительные изменения (в интервале около 1%) в Грузии, Литве, Молдавии, Латвии, Армении, Эстонии. В Украинской и Белорусской ССР доля учащихся в школах с родным языком обучения несколько сократилась (в интервале от 3 до 9%), а в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской ССР, наоборот, возросла в пределах 4—10%.

Приведенные факты дают основание полагать, что за последний период в соотношении общественных функций национальных языков коренных народов союзных республик с функциями русского языка как языка межнационального общения не произошло кардинальных изменений в сфере школьного обучения. Рост же удельного веса учащихся с родным языком обучения в перечисленных выше четырех союзных республиках объясняется высокими темпами естественного прироста коренного населения, ведущими к более резкому по сравнению с другими народами росту численности учащихся в школах с родным языком обучения. Об этом же, в частности, говорят и данные статистические, из которых отчетливо видна прямо пропорциональная зависимость роста удельного веса учащихся с родным языком обучения именно в тех союзных республиках, коренное население которых выросло наиболее значительно (от 146,3% — казахи до 152,9% — узбеки и таджики) за период между двумя переписями населения — 1959 и 1970 гг. (табл. 1).

Несколько иначе протекали процессы функционального взаимодействия языков народов СССР с русским языком в сфере школьного обучения в автономных республиках.

В послевоенные годы вплоть до середины 60-х годов повсеместной тенденцией был преимущественный рост числа учащихся, обучающихся на русском языке. В Чечено-Ингушской, Дагестанской и Коми АССР число обучающихся на русском языке увеличилось в 1967/68 учебном году по сравнению с 1938/39 уч. годом соответственно в 8, 12, 17 раз; в Чувашской, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР — в 3,5—4 раза, в большинстве других автономных республик — примерно в два раза.

Рост численности учащихся, обучающихся на русском языке³⁰ в автономных республиках, внес заметные коррективы в панора-

³⁰ См., например, об этом: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1972, стр. 321—323; М. И. Куличенко. Развитие наций и национальные отношения в СССР на современном этапе. «Вопросы истории», 1971, № 9, стр. 22.

Таблица 1. Динамика численности учащихся, обучающихся на родном и русском языках в союзных республиках (в сравнении с ростом численности населения)*

Республики	Численность учащихся в 1972 г. к 1965 г., взятому за 100% (в %)		Численность населения в 1970 г. по сравнению с 1959 г. (в %)	
	на родном	на русском	коренная национальность	русские по союзным республикам
Узбекская	165,5	90,9	152,9	134,9
Таджикская	159,0	123,1	152,9	130,9
Туркменская	153,5	107,1	153,3	119,0
Азербайджанская	150,8	94,8	149,0	101,8
Киргизская	150,2	108,6	149,9	137,2
Казахская	143,0	112,7	146,3	139,0
Армянская	128,6	113,3	127,7	117,9
Литовская	113,7	109,6	114,6	116,0
Грузинская	113,4	105,7	120,6	97,3
Латвийская	106,5	103,7	102,2	126,8
Молдавская	105,9	103,5	121,9	141,3
Эстонская	101,5	107,6	101,9	139,6
Украинская	93,8	110,4	109,4	128,7
Белорусская	85,8	128,0	114,4	141,1

* Таблица разработана по источникам: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, Национальный состав населения СССР. М., 1973, стр. 43—321; ср. Н. В. Таадин. 50 лет СССР и просвещение национальностей. «Советская педагогика», 1972, № 11; М. А. Прокофьев. Советская школа к 50-летию образования СССР. «Советская педагогика», 1972, № 12, стр. 3—17; В. Краснов. Язык межнационального общения. «Народное образование», 1972, № 12.

му функционального взаимодействия языков коренных национальностей с русским языком. Об этом, в частности, свидетельствует относительная динамика контингента учащихся на указанных языках. При общем уменьшении доли учащихся в школах с родным языком обучения доля учащихся с русским языком обучения на рубеже 1970-х годов по сравнению с концом 1930-х годов заметно возросла. Причем этот процесс протекал неравномерно. Более интенсивным он был, в частности, в таких республиках, как Коми, Чечено-Ингушская, Дагестанская, Северо-Осетинская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая³¹. С конца 60-х годов в целом соотношение учащихся, получающих школьную подготовку на рус-

³¹ При расчетах численность учащихся, обучающихся на том или ином языке в 1938/39 учебном году, принята за 100%. Соответствующие данные см.: «Культурное строительство в СССР». Статистический сборник. М.—Л., 1940, стр. 73—77. См. также: А. Э. Исаилов. Просвещение в республиках Советского Востока. М., 1973, стр. 115, 225 и др.

ском и языках коренных народов автономных республик, стабилизировалось, а в некоторых из них в начале 70-х годов выявилось незначительное увеличение удельного веса учащихся, обучающихся на языках коренных национальностей (например, на тувинском, башкирском, якутском, бурятском и татарском).

Национальные языки — органический элемент единой советской государственной системы народного просвещения с единым уровнем общеобразовательной подготовки учащихся русских и нерусских школ всех типов³².

В 1972 г. учебный процесс в школах нашей страны осуществлялся на 55 языках народов СССР³³, в наиболее многонациональной среди союзных республик — РСФСР — 47 языков народов СССР являлись языками обучения или преподавались как особые предметы³⁴ (см. табл. 2).

Обучающиеся на языках коренных национальностей учат также русский язык как язык межнационального общения. Недостаточное знание русского языка в условиях современного «информационного взрыва» стало бы серьезным препятствием в овладении достижениями современной науки и техники. Эта новая ситуация нашла отражение в вышедшем в 1959 г. положении о школе «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы образования в РСФСР». В статье 15 этого документа подчеркивается, что все родители имеют право выбирать язык обучения для своих детей в школе в соответствии со своим желанием. Добровольность выбора русского языка обучения еще раз подтверждена принятым в июле 1973 г. «Законом СССР об основах законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании»³⁵, согласно которому только родители могут определять, на каком языке будут учиться их дети в общеобразовательной школе³⁶.

В настоящее время в Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской АССР, Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономных областях обучение всех детей коренных национальностей ведется на русском языке. Вместе с тем дети коренных национальностей ряда союзных и автономных республик и автономных областей, а также дети национальных округов Севера начинают обучаться на родном языке в подготовитель-

³² А. Д. Калинин. Народное образование в СССР. М., 1972, стр. 69—74.

³³ «Народное образование», 1972, № 12, стр. 65.

³⁴ А. Данилов. Многонациональная школа РСФСР — практическое воплощение ленинской национальной политики. «Народное образование», 1972, № 12, стр. 22, 23.

³⁵ «Правда», 21 июля 1973 г.

³⁶ Впрочем, как показывают специальные обследования, в некоторых случаях в сельской местности реальные потребности населения коренной национальности в школах с русским языком обучения к концу 60-х годов оставались не полностью реализованными (см., например: «СССР на пути строительства коммунизма». М., 1971, стр. 398; «Социальное и национальное». М., 1973, стр. 237, 238).

Таблица 2*. Национальные языки народов РСФСР как языки обучения и как особые предметы изучения

Язык	На данном языке ведется обучение	Данный язык преподается как предмет
Абазинский	с 0** по 1 класс	с 1 по 10 класс ¹
Алтайский	» 1 — 3 »	» 1 — 8 »
Аварский	» 0 — 2 »	» 1 — 8 »
Адыгейский	—***	» 1 — 10 »
Азербайджанский	» 0 — 2 »	» 1 — 8 »
Армянский	» 1 — 10 »	» 1 — 10 »
Балкарский	—	» 1 — 10 »
Башкирский	» 1 — 10 »	» 1 — 10 »
Бурятский	» 1 — 6 »	» 1 — 10 »
Грузинский	» 1 — 10 »	» 1 — 10 »
Даргинский	» 0 — 2 »	» 1 — 8 »
Ингушский	—	» 1 — 10 »
Кабардинский	—	» 1 — 10 »
Казахский	» 1 — 10 »	» 1 — 10 »
Калмыцкий	—	» 1 — 8 »
Карачаевский	—	» 1 — 10 »
Коми	» 1 — 3 »	» 1 — 10 »
Коми-пермяцкий	» 0 — 3 »	» 1 — 8 »
Кумыкский	» 0 — 2 »	» 1 — 10 »
Лезгинский	» 0 — 2 »	» 1 — 8 »
Мансийский	—	» 0 — 1 »
Лакский	» 0 — 2 »	» 1 — 8 »
Марийский (горн.)	» 0 — 3 »	» 1 — 10 »
Марийский (луг.)	» 0 — 3 »	» 1 — 10 »
Мордовский (эрзя)	» 0 — 3 »	» 1 — 9 »
Мордовский (мокша)	» 0 — 3 »	» 1 — 9 »
Немецкий	—	» 1 — 10 »
Ненецкий	» 0 »	» 0 — 3 »
Ногайский	» 0 »	» 1 — 8 »
Осетинский	—	» 1 — 10 »
Русский	» 1 — 10 »	» 1 — 10 »
Табасаранский	» 0 — 2 »	» 1 — 8 »
Татарский	» 0 — 10 »	» 1 — 10 »
Тувинский	» 0 — 7 »	» 1 — 10 »
Удмуртский	» 0 — 3 »	» 1 — 8 »
Хакасский	» 0 — 3 »	» 1 — 8 »
Хантыйский (на трех диалектах)	—	» 0 — 1 »

* Составлена по работе: А. Данилов. Многонациональная школа РСФСР, стр. 23.

** «0» обозначает подготовительный класс.

*** На данном языке не ведется обучение: он преподается только как предмет.

Таблица 2 (окончание)

Язык	На данном языке ведется обучение	Данный язык преподается как предмет
Черкесский	—	» 1 — 10 »
Чеченский	» 0 »	» 1 — 10 »
Чувашский	» 0 — 4 класс	» 1 — 10 »
Чукотский	—	» 0 — 3 »
Эвенский	—	» 0 — 1 »
Эвенкийский	—	» 0 — 3 »
Эскимосский	—	» 0 »
Якутский	» 1 — 8 »	—

ных классах с шести или семи лет (см. табл. 2). Однако независимо от количества лет обучения детей на родном языке или от времени преподавания его как особого предмета изучение русского языка (как предмета или языка обучения) во всех школах РСФСР осуществляется с первого по десятый класс включительно. В многонациональных автономных республиках и областях, где особенно тесными являются этнолингвистические контакты, в настоящее время создаются школы смешанного типа, в которых обучение ведется на различных языках. Например, в 1971 г. в 213 сельских школах Татарской АССР обучение осуществлялось на 2—3 языках. В целом из общего числа национальных (нерусских) школ РСФСР в 30% из них обучение велось на 2—3 языках³⁶.

Особенно интенсивно процесс расширения функций русского языка в школьном образовании идет в последнее время у малых народов Сибири, Севера и Дальнего Востока³⁷. Однако, широко приобщаясь к русскому языку и отдавая ему предпочтение как языку обучения в школе, многие из этих народов выражают желание оставить родной язык как предмет в русских школах, а в ряде случаев — и как язык обучения в начальных классах³⁸.

³⁶ А. Данилов. Многонациональная школа РСФСР..., стр. 23.

³⁷ Г. Ф. Севильчаев. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л., 1972.

³⁸ В ходе специального социоллингвистического обследования выяснилось, например, что 28% хантов, 22% манси, 16% ненцев, 18,5% селькупов, 12% иганасан изъявили желание, чтобы на их родном языке осуществлялось начальное обучение в школе. В то же время 50,5% хантов, 34,5% манси, 32,5% ненцев, 33% селькупов и 53% иганасан «проголосовали» за свой родной язык как за особый предмет в школах с русским языком обучения. См.: В. А. Аврорин. Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири. «Вопросы языковедения», 1970, № 1, стр. 41.

Таким образом, мы можем выделить несколько этапов в развитии и взаимодействии общественных функций языков народов СССР в процессе школьного обучения.

В начальном периоде, длившемся с первых лет Советской власти до конца 20-х годов, разрабатывались основные принципы функционального взаимодействия языков в школьной сфере. В этот период создавались основы для организации школ с родным языком обучения. Основной ареной развертывания социальных функций языков нерусских народов являлась преимущественно начальная школа.

Во втором периоде (с конца 20-х до конца 30-х годов) проводилась качественная перестройка и улучшение структуры нерусских школ за счет увеличения удельного веса семилетних и средних школ. В этот период соотношение функциональной нагрузки национальных и русского языков резко изменилось за счет относительного сокращения в школах национальных республик преподавания на русском языке и за счет создания новых школ с родным языком обучения. Начальная школа почти полностью перешла на национальные языки. В третьем периоде (1940—середина 50-х годов) расширение преподавания на национальных языках достигает своего максимума. Однако при растущем культурном уровне этих народов знание одного только родного языка перестает удовлетворять их новые потребности, что и является важнейшей предпосылкой широкого распространения двуязычия³⁹. Этот процесс начинает отчетливо проявляться на рубеже 50—60-х годов. Он особенно характерен для автономных республик и областей, среди населения которых довольно широкое распространение получило стремление направлять своих детей в среднюю школу с русским языком обучения. Стало ясным, например, что расширять функциональную нагрузку языков малых народов Сибири в новой этнолингвистической ситуации нецелесообразно. И хотя в ряде случаев (в частности, в некоторых союзных республиках) несколько возросла доля учащихся в школах с родным языком обучения, в последнее десятилетие в большинстве союзных республик наблюдается постепенное расширение функций русского языка в качестве языка обучения в школах. Вместе с тем в подобных случаях вводится обучение родному языку в качестве специального предмета.

2. Развитие общественных функций языков народов СССР в сфере печати

Динамика общественных функций языков народов нашей страны в сфере книгоиздательства проявляется, в частности, в постоянном развитии выпуска книг на этих языках. Данный процесс прежде всего связан с расцветом национальных языков и с расширением

³⁹ См. также главу IX настоящего издания.

их функциональной нагрузки. Но на каждом историческом этапе социалистического строительства соответствующие запросы советских народов были различными.

В довоенном периоде действовали две взаимосвязанные тенденции развития общественных функций языков народов СССР в сфере книжной печати⁴⁰. Сущность первой тенденции выражалась в расширении этих функций, в возрастании абсолютного количества книг, издаваемых на национальных языках, и повышении их удельного веса в общей книжной продукции страны.

Вторая тенденция развития языков народов СССР состояла в увеличении доли оригинальных произведений среди общего объема книг, выпущенных на национальном языке. Начавшись с фольклора и художественной литературы и учебников для начальных классов, оригинальные произведения на национальных языках начинают появляться и в более специализированных видах книжной продукции: научной, технической, промышленной, медицинской и т. д.

В то же время, несмотря на невиданные темпы расширения функциональной нагрузки, бесписьменные языки малых народов так и не догнали языки, имевшие давние литературные традиции⁴¹. В условиях начавшегося распространения русского языка как языка межнационального общения в конце 30-х годов представители многих малых народов сами убедились в том, что нет необходимости переводить на языки малочисленного народа специальные отраслевые словари, университетские учебники, научно-техническую литературу и т. д. Стало очевидным, что нецелесообразно, например, на языке северных народностей или других малых народов издавать литературу по атомной энергетике, авиации, приборостроению и т. д. Иными словами, жизнь показала, что соотношение функциональных нагрузок языков в сфере печати различных по уровню развития этнических общностей равным быть не может. Более того, в условиях многонациональных контактов даже у некоторых однотипных по степени развития этносов потребность в функциях родного языка и функциях языка межнационального общения оказалась неодинаковой. Анализ книжной продукции страны дает возможность сделать вывод о том, что на протяжении всего переходного от капитализма к социализму периода⁴² преобладала первая из отмеченных тенденций — тенденция развития вширь общественных функций родных языков народов СССР. В дальнейшем большое значение в этом отношении имело постановление ЦК ВКП(б)

---

⁴⁰ Подробнее об этом см.: М. Н. Губогло. Развитие многонациональной советской печати в 1917—1940 гг. «История СССР», 1972, № 6, стр. 121—132.

⁴¹ Подробнее см. главу IX настоящего издания.

⁴² «Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций». М., 1973, стр. 15.

от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»⁴³ и постановление ЦК ВКП(б) от 27 января 1945 г. «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации»⁴⁴.

Начиная с середины 50-х годов в книжной продукции на языках народов СССР (кроме русского) наблюдается некоторое снижение ее удельного веса по числу названий, хотя общий объем этой продукции как по тиражу, так и по печатным листам за весь послевоенный период неуклонно возрастает (см. табл. 3).

Функциональное развитие литературных языков народов союзных и автономных республик в сфере книгоиздательского дела имело в это время некоторые отличительные особенности. Выпуск книг и брошюр на языках коренных народов союзных республик (группа языков А) возрастал как по числу названий⁴⁵, так и по тиражу (1950—1970 годы). Что касается выпуска книг на языках коренных национальностей автономных республик (группа языков Б), то здесь наблюдалась тенденция к некоторому снижению числа этих публикаций, сочетавшееся с дальнейшим расширением издания художественной литературы на национальных языках. Следует также подчеркнуть, что в соответствующих республиках в рассматриваемый период имело место общее увеличение объема всей книжной продукции (табл. 4). Анализ числа изданий на языках групп А и Б показывает, что внутри каждой языковой группы между отдельными языками наблюдались различия, но в целом межгрупповые различия были выражены сильнее, чем внутригрупповые.

Отметим, что выпуск книг на языках малых народов Севера (ненецком, эвенкийском и др.) в послевоенном периоде последовательно сокращается. Это объясняется тем, что в своем развитии эта группа языков подвергается влиянию ряда объективных факторов, в числе которых первое место занимают реальные потребности самих носителей этих языков. В ходе социалистического строительства этими малыми народами была найдена возможность ускоренного развития своей национальной культуры с помощью более развитого языка. Любовь к родному языку не мешает представителям этих народов пользоваться русским языком и развивать с его помощью свою художественную культуру⁴⁶. Прекрасным подтверждением этому служат написанные как на родном,

⁴³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 6, стр. 113—120.

⁴⁴ Там же, стр. 130—134.

⁴⁵ О соотношении показателей «число названий» и «тираж» см., например: Т. А. Ермолаева. Становление статистики печати в СССР (20—30-е годы). «Книга. Исследования и материалы». Сборник. XXI. М., 1970, стр. 72—89.

⁴⁶ См. подробнее: К. В. Чистов. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. СЭ, 1972, № 3, стр. 73—86.

Таблица 3. Динамика удельного веса книг на языках народов СССР в общем объеме книжной продукции (%)*

Годы	Соотношение книжной продукции по языкам изданий			
	на русском языке	на языках народов СССР	на языках народов зарубежных стран	на языках народов СССР в абсолютных показателях
По числу названий		В печатных листах (в млн. экз.)		
1946—1950	73,9	25,4	1,6	4,7
1951—1955	70,3	27,3	2,3	6,9
1956—1960	72,2	25,3	2,5	7,9
1961—1965	74,3	22,6	3,1	9,3
1966—1970	76,0	20,3	3,7	11,1
По тиражу книг		Тираж (в млн. экз.)		
1946—1950	78,9	18,5	2,6	575,0
1951—1955	79,5	17,4	3,1	797,5
1956—1960	81,5	15,7	2,8	892,9
1961—1965	80,5	15,5	3,9	958,7
1966—1970	79,1	17,0	3,9	1101,0

* Исчислено по источнику: «Печать в СССР в годы пятилеток», стр. 9—10.

так и на русском языке произведения чукчи Ю. Рытхеу, манси Ю. Шесталова, нивха В. Санги, нанайца Г. Ходжера и многих других.

Если взять за точку отсчета последний предвоенный год, то нетрудно обнаружить, что кривая роста выпуска книг на русском языке (по числу названий), хотя и неравномерно, но постоянно и неуклонно повышается, в то время как количество книжной продукции на большинстве остальных языках группы А, достигнув значительного уровня в 1960 г., затем на протяжении 60-х годов обнаруживает тенденцию к некоторому снижению главным образом за счет переводной литературы. Исключение составляют только эстонский, молдавский и казахский языки, для которых рекордным был не 1960 г., а 1965 или 1970 годы (см. табл. 4).

Следует вместе с тем подчеркнуть, что по тиражу выпуск книг к 1970 г. увеличивался на всех языках группы А. В том числе на пяти языках (молдавском, латышском, эстонском, литовском, киргизском) увеличение объемов книжной продукции было более значительным, чем увеличение общего выпуска книг на русском языке (как по тиражности, так и по числу названий).

Таблица 4*. Динамика издания книг на отдельных языках народов СССР

Языки	Число названий книг					Тираж 1970 г. в % к 1955 г. в целом по соответствующей республике
	показатели базисного роста в % к 1940 г., взятому за 100%					
	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.	
Языки народов, образующих союзные республики (группа А)						
Русский	88,6	114,4	160,8	167,2	175,0	123,9
Украинский	92,3	118,4	191,4	149,2	154,6	140,8
Белорусский	91,4	68,9	112,3	78,1	112,3	194,3
Узбекский	82,7	113,2	154,2	146,3	134,6	145,2
Казахский	112,3	151,7	150,7	149,3	165,5	169,1
Грузинский	91,5	128,3	158,3	140,3	135,2	156,1
Азербайджанский	120,1	117,8	162,4	167,9	113,7	130,5
Литовский	268,1	383,0	518,4	464,9	413,7	139,5
Молдавский	334,1	382,4	378,7	424,1	509,3	176,3
Латышский	331,2	317,3	512,9	352,5	394,9	162,3
Киргизский	145,8	185,9	267,8	238,4	231,6	118,8
Таджикский	90,3	112,0	159,0	110,0	125,7	170,9
Армянский	119,0	132,6	155,8	125,7	120,0	117,1
Туркменский	82,9	137,1	141,8	125,7	110,0	132,3
Эстонский	337,2	350,9	509,0	582,5	575,2	182,6
Языки народов, образующих автономные республики (группа Б)						
Башкирский	57,8	59,2	105,9	70,0	63,6	243,4
Бурятский	130,9	122,1	94,1	77,9	70,6	193,5
Кабардинский и балкарский	107,3	214,6	287,8	175,6	151,2	264,6
Калмыцкий	Нет сведений	Нет сведений	89,7	39,7	48,3	Нет сведений
Коми	93,5	77,6	50,5	33,6	29,0	132,7
Марийский	121,8	133,3	107,7	85,9	62,8	134,7
Мордовский	75,0	104,6	70,4	57,4	49,1	122,9
Языки Дагестана	86,1	56,3	66,9	51,0	50,0	185,7
Осетинский	88,9	122,3	81,5	75,9	65,7	98,7
Татарский	117,0	101,5	120,1	69,9	59,8	90,4
Тувинский	100	78,1	106,2	82,8	89,3	137,2
Удмуртский	87,7	92,3	73,8	27,7	43,1	148,1
Чеченский и ингушский	1,9	7,1	62,3	29,2	31,8	Нет сведений
Чувашский	109,06	145,6	185,6	205,6	75,2	103,5
Якутский	78,3	107,0	107,0	89,9	49,0	92,8

* Исчислено по источникам: «Народное хозяйство СССР в 1965 г.», М., 1966, стр. 733; «Народное хозяйство в 1968 г.», М., 1969, стр. 719; «Печать СССР в 1955 году. Статистические материалы», М., 1956, стр. 47—49; «Печать СССР в 1960 году», М., 1961, стр. 60, 61; «Печать СССР в 1970 году», М., 1971, стр. 10, 11.

В период строительства развитого социализма характерная черта функционирования языка межнационального общения (русского), призванного служить общим интересам всех народов СССР, заключается в постоянном увеличении выпуска книг на нем. Остальные языки группы А призваны удовлетворять в основном внутринациональные потребности, а перед русским языком ставится более широкая и сложная задача: он должен обеспечивать коммуникации не только внутринационального, но и межнационального характера. Не противопоставляя значение тех и других форм коммуникаций, следует подчеркнуть, что в современных условиях межнациональные контакты приобретают глубокий социальный смысл⁴⁷. Чем более развита нация, тем богаче ее культурный фонд, чем выше ее образовательный уровень и другие показатели культурного роста, тем сильнее она нуждается в приобщении к элементам передовой культуры других наций⁴⁸.

В развертывании функций языков группы А в сфере книгоиздательства обнаруживается определенная связь между стремительным развитием функций языка и «стажем» соответствующего национально-государственного образования. Начиная с первых послевоенных лет и вплоть до конца 60-х годов, наиболее интенсивен прирост выпуска литературы на национальных языках коренных народов тех союзных республик, которые несколько позднее остальных вошли в состав СССР. Установление Советской власти и всесторонняя помощь всего государства дали возможность республикам Прибалтики и Молдавии быстро увеличить в 4—5 раз выпуск книг на родных языках (по тиражу), в то время как в остальных союзных республиках выпуск национальной литературы увеличился за этот же период в 1,5—2,5 раза. В итоге функциональная нагрузка молдавского языка и языков народов Прибалтийских республик в сфере литературы значительно расширилась.

Внутри языков группы А выделяются две подгруппы с относительно большими и меньшими объемами книжной продукции. Одну подгруппу составляют украинский, грузинский, армянский, эстонский, литовский, латышский, узбекский и азербайджанский языки, другую — казахский, киргизский, туркменский, белорусский, молдавский и таджикский языки. Это распределение в некоторой степени связано со стажем литературной традиции. Чем более длителен исторический опыт соответствующей литературы, тем относительно большими являются объемы книжной продукции на данном языке сегодня. Важными факторами являются также доля лиц, занятых умственным трудом, и численность коренных

---

⁴⁷ М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития; Л. М. Дробижеева. Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений (некоторые вопросы методологии). СЭ, 1974, № 4, стр. 16.

⁴⁸ Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. СЭ, 1972, № 3, стр. 3—20.

национальностей союзных республик, расселенных как в одноименных республиках, так и вне их.

Кроме того, функциональное развитие языка в сфере книгоиздательского дела согласуется с функциональным развитием их в других сферах: в сфере образования, управления и др.

Развитие социальных функций языков коренных национальностей автономных республик в сфере книгоиздательского дела происходило менее однотипно, чем у народов союзных республик. Ко времени достижения максимального уровня выпуска книг (по сравнению с 1940 г.) языки группы Б (по числу названий) распределяются на три подгруппы (табл. 4). В первой подгруппе языков максимальное количество книг за все послевоенные годы было издано в 1950 г., к этим языкам относятся бурятский, коми, мордовский и языки народов Дагестана. Во второй подгруппе (марийский, татарский, осетинский, удмуртский и якутский языки) рекордное увеличение объемов книжной продукции было достигнуто в 1955 г. И, наконец, третью подгруппу составили те языки, «вершиной» выпуска книг для которых стали 1960—1970 гг.: чувашский, кабардинский и балкарский, башкирский, чеченский, ингушский и тувинский. После того как языки группы А и группы Б в издательском деле достигли высшего уровня, в их дальнейшем развитии появились различия. На одних языках группы А выпуск общего количества книг (по числу названий) сокращался (узбекский, грузинский, литовский, киргизский, армянский, туркменский), на других — увеличивался (украинский, белорусский, латышский, таджикский). Языки же группы Б проявили в указанной тенденции большую однородность. Однако уменьшение числа названий книг этой группы во многих случаях сочеталось с повышением тиражей книжной продукции в целом по республикам.

Неодинаковые темпы роста выпуска книг на национальных языках и на русском языке внесли определенные коррективы в соотношение удельных весов книжной продукции на языках коренных национальностей союзных республик и на языке межнационального общения.

При этом весьма существенно отметить, что общественные функции литературных языков народов СССР в послевоенный период развертывались не столько вширь, сколько вглубь. Под развитием вширь понимается рост общего количества изданной книжной продукции, независимо от того, являются ли все книги и брошюры оригинальными или переводными. Развитие вглубь определяется созданием оригинальных произведений на национальном языке и постоянным расширением тематики выпускаемых книг.

В течение всего послевоенного периода тенденция углубления общественных функций литературных языков коренных народов союзных республик преобладала над тенденцией расширения. Об этом свидетельствует тот факт, что прирост оригинальной литературы на протяжении 15 лет (1956—1970 гг.) постоянно

превышал прирост переводных изданий (см. табл. 5) в данной группе (А). К 1970 г. на всех языках коренных национальностей союзных республик нарастало преимущество в приросте увеличения оригинальной книжной продукции над переводной.

Преимущественный рост оригинальной литературы по сравнению с переводной имел первостепенное значение в процессах качественного «выравнивания» печатной продукции, изданной на языках группы А. Данные показывают, что особенно высокие темпы нарастания оригинальной литературы были у двух групп языков: в первую очередь тех, чьи письменные традиции были заложены в советский период или же имели слабые позиции в дореволюционный период (киргизский, казахский, таджикский), или же у тех языков, функциональное развитие которых в силу целого ряда исторических обстоятельств оказалось искусственно заторможенным (литовский, молдавский, эстонский). Если комплектование национальной книжной продукции 20-х и отчасти 30-х годов шло за счет переводов с других языков, и в первую очередь за счет переводов с русского языка, то в 60—70-е годы этот разрыв был в основном преодолен, и книжная продукция братских народов союзных республик стала формироваться в основном за счет оригинальных произведений.

Доля оригинальных изданий в национальной книжной продукции в первом послевоенном десятилетии заметно отставала от доли переводных. Это было характерным для всех языков коренных национальностей союзных республик, за исключением русского, украинского и грузинского, раньше других углубивших свои общественные функции в сфере печати. На языках народов Средней Азии — казахском, туркменском и киргизском, для которых общенародная письменность была создана только в советскую эпоху, а также на некоторых старописьменных языках, таких как узбекский и таджикский, доля оригинальных изданий практически не превышала одной трети в общем объеме всей печатной продукции. Особенно низким был процент оригинальных изданий на родном языке у молдаван. На этом примере особенно наглядно проявилась прямая связь между функциональным развитием национального языка вглубь в сфере книгоиздательства и общим социально-экономическим развитием самого народа, выражающимся, в частности, в преобразовании его в социалистическую нацию. Как известно, завершение этого процесса у молдавского народа в силу особых исторических условий произошло с некоторыми особенностями по сравнению с другими социалистическими нациями СССР⁴⁹. Именно для тех литературных

---

⁴⁹ Д. Т. Урсул. Развитие общественных отношений в Советской Молдавии. Кишинев, 1967, стр. 340; С. А. Афтенюк. Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971, стр. 363—371; М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденция их развития. М.,

Таблица 5. Динамика выпуска оригинальной и переводной литературы на языках коренных национальностей союзных республик в послевоенные годы (в % к среднегодовому числу изданий в 1946—1956 гг.)*

Язык	1960 г.		1965 г.		1970 г.	
	оригинальная	переводная	оригинальная	переводная	оригинальная	переводная
Русский	178,3	239,6	187,3	198,2	197,0	84,4
Другие языки народов СССР	226,6	110,0	200,6	86,2	207,4	72,6
в том числе:						
Украинский	236,5	101,0	185,2	76,3	192,1	78,6
Белорусский	208,9	71,2	137,2	58,2	211,5	63,5
Узбекский	229,4	169,8	342,1	147,5	260,9	114,8
Казахский	225,6	102,4	276,8	78,5	315,2	83,3
Грузинский	193,4	131,6	174,4	110,2	173,6	94,6
Азербайджанский	217,1	108,0	221,8	107,3	200,6	72,0
Литовский	284,9	114,7	289,0	75,5	257,1	67,2
Молдавский	158,8	99,6	157,8	119,8	269,6	110,8
Латышский	258,7	110,5	171,4	81,8	224,6	62,6
Киргизский	258,2	171,9	291,1	122,3	317,7	101,3
Таджикский	237,8	176,0	206,7	103,5	281,1	98,8
Армянский	206,1	95,0	157,9	85,6	171,2	60,0
Туркменский	201,4	151,8	247,2	104,8	226,4	87,3
Эстонский	210,9	92,0	253,6	94,4	261,5	83,0

* Разработана по статистическим сборникам: «Печать СССР за сорок лет», стр. 47; Печать СССР в 1960 г.» М., 1961, стр. 60; «Печать СССР в 1965 г.» М., 1966, стр. 10; «Печать СССР в 1970 г.» М., 1971, стр. 10.

языков, носители которых в прошлом отставали в своем развитии, проблема дальнейшего расширения общественных функций языка вглубь в сфере книгоиздательского дела продолжала сохранять особую актуальность вплоть до последнего времени.

Идеологи антикоммунизма обвиняют Советский Союз в стремлении навязать всем народам русский язык. Для зарубежных читателей сочиняются тезисы о мнимой «русификации» нерусских народов, об отмирании национальных языков, об упадке национальных культур, о количественном снижении отрядов национальной интеллигенции. Подобные клеветнические измышления неоднократно подвергались резкой и основательной критике в со-

1972, стр. 302, 311; «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1972.

ветской литературе⁵⁰. Приведенные выше статистические материалы свидетельствуют о неуклонном углублении общественных функций национальных языков в сфере печати. Рост доли оригинальных изданий в общем потоке национальной литературы послевоенного периода красноречиво показывает несостоятельность буржуазной пропаганды. Совершенствование функциональной нагрузки литературного языка, вызванное интенсивным развитием его в сфере печати, достаточно тесно коррелируется с развитием внутренней структуры самого языка: его лексических ресурсов и т. д.

На различных этапах развития литературного языка, однако, соотношение доли оригинальных и переводных изданий в объеме печатной продукции неодинаково. Оно определяется социальным заказом общества, реальными потребностями людей, а также знанием языков; между тем уровень образования советского читателя, его многосторонние знания и распространение двуязычия значительно возросли и будут расти и впредь.

Это обстоятельство не могут не учитывать представители научной и творческой интеллигенции, к какой бы национальности они ни принадлежали. В этих условиях в период развитого социализма на повестку дня встают вопросы не только количественного, но и качественного соотношения оригинальных и переводных изданий. Широкое знание и употребление русского языка нерусскими народами дает возможность квалифицированно сравнивать достоинства и недостатки произведений своих писателей с произведениями других народов.

В книжном деле отражаются как интересы каждой нации, каждого народа, его национальной культуры, так и интересы всего советского общества. Решение вопросов конкретного соотношения языка изданий в каждой союзной и автономной республике, разумеется, требует всестороннего учета факторов идейно-политического, культурно-исторического, экономического и другого характера. Однако анализ количественных показателей книжной продукции позволяет очертить общие тенденции ее динамики, в частности тенденцию ускоренного роста выпуска книг на русском языке, в котором одинаково заинтересованы все народы Советского Союза. Глубокое знание истории книгоиздательства на языках народов СССР дает возможность осветить одну из существенных сторон национальных процессов в нашей стране, изучению которых Коммунистическая партия придает огромное значение⁵¹.

---

⁵⁰ См. Ю. Д. Дешериев. Язык, идеология и проблемы современной культуры. «Идеологическая борьба и современная культура». М., 1972, стр. 426, 427.

⁵¹ См.: Э. А. Баграмов. Развитие КПСС марксистско-ленинского учения о национальных отношениях. «Коммунист», 1973, № 4, стр. 34—48, 46.

3. Советский опыт «языкового строительства» и некоторые итоги структурного развития языков⁵²

В первые годы Советской власти письменность для ранее бесписьменных языков создавалась на тех же графических основах, которыми пользовались литературные языки в царской России. Типы алфавитов у литературных языков Российской империи зависели главным образом от религиозной принадлежности населения: православные пользовались русской графической основой (исключение составляли грузины, имевшие свой особый алфавит); лютеране и католики — латинской, мусульмане — арабской, ламаясты — старомонгольской и древнеуйгурской, у евреев и армян существовали свои алфавиты.

Так как многие народы бывшей Российской империи не имели своей письменности, то одной из первоочередных задач культурной революции было ее создание. Это в свою очередь потребовало срочного изучения бесписьменных языков (их звукового состава, лексики, грамматики и диалектов), определения возможной диалектной основы будущего литературного языка, выработки правописания, создания недостающей терминологии, издания газет и книг. Все эти задачи приходилось решать Советскому государству по существу одновременно, чего в истории письменностей никогда не было.

Распространение массовой грамотности изменило место литературных языков в общественной жизни: из привилегии сравнительно незначительного социального слоя они стали приобретать всенародный характер и тем самым явились важным фактором национальной консолидации. Этому способствовала и происшедшая после революции демократизация письменности и литературных языков, в частности отказ от сложных для освоения и употребления арабской и персидской письменности (среди мусульманских народов), а также упрощение других алфавитов и орфографии. Оказалось, например, что русская письменность без ущерба может резко сократить употребление «твердого знака» и вовсе обойтись без «ять», десятиричного «и» и «фиты», а украинская — без особого обозначения редкоупотребляемого звука

---

⁵² Подробнее см.: «Младописьменные языки СССР». М.—Л., 1959; В. П. Григорьев и М. И. Исаев. О некоторых проблемах исследования закономерностей развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1962, т. 21, вып. 6; К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальных языков в СССР. Ташкент, 1963; «Вопросы развития литературных языков народов СССР». Алма-Ата, 1964; М. Мусин. Братство народов, содружество языков. Казань, 1964; «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, 1965; «Языки народов СССР», т. I—III. М., 1966; т. IV. М., 1967, т. V. Л., 1968; Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966 и др.

взрывного «г». Произошла унификация, а в ряде случаев и упрощение русской, украинской, белорусской, грузинской и некоторых других орфографий. Лексика всех языков пополнилась множеством новых терминов, выражающих новые понятия, порожденные социалистической действительностью. Появились неизвестные прежде словообразования из усеченных основ типа «сельсовет», «колхоз», «комсомол» и т. д.

Стремление к скорейшему приобщению народов с младописьменными языками к советской культуре привело к замене их алфавитов новыми, в основу которых была положена латинская графика. В 1926 г. был образован Центральный комитет нового тюркского алфавита, возглавивший работу по переводу национальных письменностей на латинскую графическую основу. К концу 1920-х годов последнюю приняли все народы СССР за исключением русских, украинцев, белорусов, грузин, армян и евреев. В начале 1930-х годов ее же приняли не входившие еще в состав СССР тувинцы. Латинизированный алфавит сыграл свою положительную роль (в частности, он оказался проще, чем арабский), но не достаточно способствовал знакомству с достижениями русской культуры. В связи с этим возникло движение за новую реформу письменности, которая и стала осуществляться с 1936 г. На этот раз подавляющее большинство народов СССР приняло кириллицу в ее русском варианте⁵³.

Нарисованная выше общая линия развития письменности у народов СССР имела и отдельные отклонения. Так, абхазы и та часть осетин, которая проживает в Юго-Осетинской автономной области, прежде чем перейти с латинской на русскую графическую основу, пользовалась в 1938—1953 гг. несколько измененным грузинским алфавитом. Курды Армении в 1921—1928 гг. употребляли армянский алфавит. Абхазы в 1926—1928 гг. применяли лингвистическую транскрипцию академика Н. Я. Марра, известную под названием «аналитического алфавита», а якуты с 1922 по 1929 г. — международную лингвистическую транскрипцию.

К настоящему времени арабское, старомонгольское и древнеуйгурское письмо в СССР окончательно уступило место алфавитам на русской графической основе. Латинской графикой сейчас пользуются только литовцы, латыши, эстонцы, карелы и проживающие в СССР представители западноевропейских национальностей. Грузины, армяне и некоторые другие народы продолжают пользоваться своими традиционными алфавитами.

СССР впервые в истории показал пример того, как под руководством научных, общественных и государственных организаций можно в плановом порядке руководить процессом массового возникновения и развития письменности и литературных языков. Это позволило избежать разнобоя, стихийности и медленных тем-

⁵³ К. М. Мусаев. Алфавиты языков народов СССР. М., 1966, стр. 5—22.

пов в языковом строительстве. Однако следует учесть, что при переходе на латинизированный алфавит еще не так много было людей, достаточно освоивших письменность, а ко времени перехода на алфавит с русской графической основой многие уже владели русским языком и письменностью.

В процессе языкового строительства иногда оказывалось, что письменность, созданная в 1920-х или в начале 1930-х годов, не получала распространения.

Это имело место в тех случаях, когда при введении письменности не учитывались малочисленность носителей данного языка и широко распространенное среди них знание языка соседней, более крупной народности или нации. Так, в 1930-х и в начале 1940-х годов не получила дальнейшего развития письменность талышей, белуджей, шуганцев, караимов, карел, вепсов, ижорцев, ливов, саамов, цахуров, алыторцев, ительменов, пивхов, ассирийцев (айсоров) и некоторых других народов. В настоящее время литературным языком у талышей является азербайджанский, у белуджей — туркменский, у шуганцев — таджикский, у ливов — латышский, у цахуров — азербайджанский и русский, у остальных — преимущественно русский.

Необходимо заметить, что в СССР есть сравнительно крупные народы, пользующиеся письменностью других народов (например, карелы), и, наоборот, существует национальная письменность у ряда сравнительно малочисленных народов (чукчей, нанайцев, эвенов, манси, эскимосов).

При выборе диалектной основы младописьменных языков в Советском Союзе обычно отдавалось предпочтение диалекту, на котором говорило большинство данного народа. Возникнув, литературные языки в дальнейшем обычно обогащались заимствованиями из других диалектов. Так, например, своеобразен современный литературный язык аварцев, говоривших в быту на диалектах, которые значительно отличаются друг от друга. В районе, где живут аварцы, проживают еще 14 этнических групп, имеющих свои особые языки. В этих условиях здесь еще до XIX в. выработался особый разговорный язык для междиалектных и межэтнических общений, известный под названием «болмаці», т. е. буквально «язык войска». На нем говорили не в быту, а там, где встречались представители разных диалектов и языков, например, в военных ополчениях, на базарах, в дальних поездках и т. д. Этот язык (точнее искусственная речь, возникающая на базе нескольких преимущественно северных диалектов аварского языка) и был положен в основу современного литературного языка аварцев.

В ряде случаев приходилось менять диалектную базу литературного языка. Так, буряты писали на селенгинском диалекте, а с 1936 г. — на хоринском. Эвенкийская письменность сперва развивалась на непском говоре южного диалекта, а с 1962 г. перешла на полигусовский говор, распространенный в бассейне р. Подкаменной Тунгуски. В основу хакасской письменности

сперва был положен качинский диалект, на котором говорило большинство грамотных людей, а позже — сагайский вместе с качинским. Хантыйская письменность первоначально развивалась на базе северного диалекта, а теперь — северного и восточного вместе. У мордвы и марийцев сложилось по два литературных языка: эрзя-мордовский и мокша-мордовский, марийско-луговой и марийско-горный. После воссоединения западных украинцев и западных белорусов с основными этническими массивами (1939 г.) языки этих народов начали развиваться на единой основе.

Преувеличение диалектных различий на практике приводило иногда к неоправданному развитию двух или нескольких литературных языков у одного и того же народа. Однако нарастающие внутренние связи в процессе национальной консолидации рождали потребность в едином литературном языке. Поэтому, например, осетины-дигорцы отказались от дальнейшего развития дигорского литературного языка и перешли на общесетинский.

Школа, радио, печать, театр и другие каналы распространения литературного языка играют важную роль в повсеместно наблюдаемом процессе стирания различий между диалектами. Особенно это обнаруживается у молодого и среднего поколений, в речи которых меньше диалектизмов, чем в речи стариков.

Если стирание различий между диалектами является одним из проявлений внутреннего процесса национальной консолидации, то рост влияния одних языков на другие свидетельствует об усилении межнациональных контактов. В большей или меньшей степени языки малых народов обогащаются лексикой более крупных соседних народов, особенно тех, которые представляют большинство населения данной республики или области. Так, абхазский язык испытывает на себе влияние грузинского, эвенкийский — якутского, абазинский — кабардинского и т. д. Особенно велико влияние русского языка, которое прослеживается на всей территории Советского Союза, у всех населяющих его народов.

Среди лексических заимствований из русского языка преобладают имена существительные, особенно обозначающие новые понятия, порожденные революцией, практикой социалистического и коммунистического строительства, современным развитием техники, культуры и международной обстановки. Русские слова «колхоз», «совет», «большевик», «школа», «тетрадь», «больница», «ясли», «самолет», «спутник» и другие вошли в литературную и разговорную речь многих советских народов. Достаточно сказать, что национальные калки слова «колхоз» образовались только в украинском, белорусском, грузинском, абхазском и литовском языках, а слово «совет» употребляется в переводе с русского лишь украинцами, армянами, грузинами, эстонцами, латышами, литовцами и тувинцами. Многие народы РСФСР употребляют без перевода русские выражения: «советская власть», «производственное совещание», «художественное творчество», «отчетно-выборное собрание» и т. д.

Иностранные слова, ставшие интернациональными терминами, заимствуются другими языками СССР, как правило, также через русский язык.

Современные литературные языки народов Советского Союза обычно не меняют фонетический облик заимствованных слов. Своеобразно выглядят лишь те заимствования, которые вошли в язык с дореволюционного времени, например, в кабардинском «кӀэртӀоф» (картофель), в чеченском «эпсар» (офицер), в осетинском «кӕбауска» (капуста), в калмыцком «першл» (фельдшер), в мордовско-эрзянском «цюлка» (чулок), в туркменском «берде» (ведро) и т. д.

Народы Советского Союза перенимают от русских не только те термины, которые обозначают новые понятия. Влияние русского языка часто приводит к замене своих терминов русскими с адекватным значением. Например, адыгейцы нередко говорят и пишут «войско», «область» и «договор» вместо бытующих «дзэ», «хэку» и «зэзэгъыныгъэ», а украинцы «союз» и «библіотека» вместо «спілка» и «книгозбірня».

Все это вместе взятое приводит разноязычные народы СССР к непрерывному накапливанию общего для них лексического фонда⁵⁴. О размерах его дает некоторое представление хотя бы то, что, например, 8% слов современного таджикского языка понятны любому образованному гражданину СССР, а в современном кабардинском языке таких слов свыше 16%. Следует отметить, что повседневная разговорная речь многих советских народов содержит, как правило, гораздо больше общей лексики, чем литературные языки. Особенно это относится к разговорной речи народов РСФСР, УССР, БССР. У всех у них наблюдается все возрастающее проникновение не только русских имен существительных, но также прилагательных (например, «советский», «промышленный», «хороший»), числительных, наречий («хорошо», «обязательно», «конечно»), союзов («и», «или», «но») и др.

Помимо прямого лексического заимствования из русского языка, народы СССР широко пользуются калькированием русских слов и выражений, т. е. созданием у себя новых лексических форм путем перевода с русского, например: в белорусском — «семігодка» (семилетка) и «спадарожнік» (спутник); в украинском — «примісичення» (прилуние) и «крокуючий екскаватор» (шагающий экскаватор); в армянском — «ашхор» (трудодень), в чувашском — «херле кетис» (красный уголок), в кумыкском — «иш гюн» (трудодень), в лезгинском — «эвер гун» (воззвание), а табасаранском — «кіакіначи» (передовик) и т. д.

О современном удельном весе заимствований и терминов-калек у народов РСФСР может дать некоторое представление, на-

⁵⁴ См., например: В. В. Акуленко. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972.

пример, подсчет слов в «Кратком терминологическом словаре якутского языка», изданном в 1965 г. Он содержит 5534 слова, из которых 2448, т. е. 44,2%, непосредственно заимствованы из русского языка, 957, т. е. 17,2%, представляют собой кальки с соответствующих русских терминов и лишь 2139 слов, т. е. 38,6%, — это термины собственно якутского языка⁵⁵. В языках Прибалтики и Закавказья заимствования из русского языка играют сравнительно меньшую роль.

Вместе с лексическими заимствованиями, о которых говорилось выше, в языки проникают прежде не свойственные им звуки (например, «ц» — таджикский, «ф» — в чеченский и мордовский или «о» и «у» — в языки абхазо-адыгейской группы), звукосочетания (например, «пр», «фр», «тр», «шк» — в чеченском) и ударения (например, «ясли» — в тюркских языках, вместо ожидаемого «яслі»). В настоящее время нередко обнаруживается влияние русского языка на морфологию (появление во многих языках интернациональных приставок «контр-», «анти-», русских фамильных окончаний «ов», «ев», а в казахском, киргизском, татарском и в др. — показателей грамматического рода в заимствованных словах) и даже на синтаксис (например, распространение сложноподчиненных предложений в ительменском, мордовском и в других языках). Межнациональные культурные контакты в наши дни приводят к формированию у разных народов сходных стилей в политической, художественной, технической и научной литературе, чему особенно способствуют литературные переводы.

Однако в СССР не наблюдается слияния языков. Литературные языки в СССР продолжают беспрепятственно развиваться на национальной базе и не обнаруживают тенденции к слиянию друг с другом. У бесписьменных языков происходит постепенное сужение лексического состава и сферы бытования, но опять-таки не слияния их с другими языками. Известно, что структурное развитие языков протекает гораздо медленнее, нежели их функциональное развитие. Наиболее ощутимым результатом языковых контактов в наше время являются односторонние (как правило, русско-национальные) лексические заимствования. Перепиаемые русским языком местные топонимы и некоторые термины, большую часть обозначающие местные особенности, позволяют говорить и о наличии некоторых двусторонних лексических заимствований.

Не требуется доказательств, что языки даже таких крупных народов, как украинцев, белорусов, азербайджанцев, узбеков и др., не говоря уже о малых народах, испытывают на себе несравненно большее влияние русского языка, чем то, которое они оказывают на русский.

---

⁵⁵ См.: А. П. Слепцов. Развитие якутского языка в советскую эпоху. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, 1965, стр. 67.

Великая Октябрьская социалистическая революция подняла роль русского языка и на международной арене. Многие народы мира, особенно славянские, употребляют без перевода русские слова «большевик», «совет», «пятилетка», «колхоз», «спутник» и др. Русский язык получил широкое распространение во всем мире. Во всех социалистических и во многих капиталистических странах русский язык преподается в школах, и он официально признан одним из пяти рабочих языков Организации Объединенных Наций.

4. Современные антропонимические процессы у народов СССР

Этнические и этнолингвистические процессы у народов Советского Союза нашли свое отражение и в антропонимии. Изменения выразились главным образом в двух направлениях — это, во-первых, в именнике и, во-вторых, в перемене структуры самой антропонимической модели.

Наиболее ощутимы перемены, происшедшие в именнике. Так, стали общими для многих народов имена, бывшие прежде характерными только для одного народа. У большинства народов страны вошли в употребление имена, наиболее частые теперь у русских, — Сергей, Андрей, Юрий, Владимир, Ирина, Елена, Светлана, Марина⁵⁶. У русских в свою очередь распространяются имена других народов, в частности, очень популярно украинское имя Оксана.

У многих народов СССР стали употребительны интернациональные имена: Артур, Альберт, Эдуард, Эльмира, Жанна, Анжелика и многие другие. В 1970 г. у татар Казани имя Альберт заняло третье место, Эдуард — пятое⁵⁷, в кабардинских семьях Нальчика в том же году имя Артур оказалось на пятом месте, Альберт — на седьмом, Эдуард — на восьмом. Имя Эльмира стало очень частым у башкирок, киргизок, становится частым у азербайджанок, заняло в 1967 г. четвертое место у новорожденных татарок Казани и у казахских девочек Чимкента в 1969 г.

Наряду с появлением новых имен резко убывают имена с ярко выраженной религиозной окраской. Так, если в прошлом у народов, исповадовавших ислам, самыми частыми были имена, в которые входили частицы «абд» — раб (аллаха), «дин» — религия, «улла» — аллах, то теперь таких имен сравнительно немного. Уходят в прошлое и имена, имевшие уничижительную окраску.

⁵⁶ Р. Ш. Джарылгасинова. Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем». М., 1970, стр. 148; В. А. Никонов. Имя и общество. М., 1974, стр. 119.

⁵⁷ И. В. Большаков. О татарских именах. «Ономастика Поволжья», 2. Уфа, 1970, стр. 50.

Одним из самых характерных современных антропонимических процессов является уменьшение «разброса» имен. В настоящее время у русских установился очень компактный именной, в котором десять самых частых имен охватывают 80% всех новорожденных — как мальчиков, так и девочек. Можно сказать, что за вычетом однократных имен в употреблении находится 40—50 мужских имен и немного больше — женских. У других народов также прослеживается тенденция к сжатию именника, причем особенно заметно это в городах. Так, у татар Казани в предреволюционные десятилетия десять самых частых имен охватывали 12% жителей, а в 1967 г. — 53%, в сельских районах 1967 г. — 24%, у киргизов Фрунзе — 32%, в сельских местностях — 25% (1969 г.), у узбеков Самарканда — 25%, в кишлаках — 12% (1965 г.).

Опыт русской антропонимии помог отдельным народам размежевать имена по полу различием их формы. Этот процесс близок к завершению у татар и башкир, у киргизов во Фрунзе, заметно продвинулся у азербайджанцев в Баку, слабей вне городов у азербайджанцев и киргизов, а у туркмен и народов Дагестана почти еще не начался⁵⁸.

Новый тип именника возникает в межнациональных семьях. Здесь наиболее часты «непривычные имена». Возможно, привлекает нейтральность этих имен по отношению к именникам обеих национальностей, представленных в семье. Муж и жена поступают взаимно дружески, избирая такое имя, чтобы не оказать предпочтения одной стороне. Но не только семейным тактом продиктован выбор. Сильней другая причина. Выбирающие непривычное имя противопоставляют себя тому прошлому, с которым в сознании людей были связаны старые имена (независимо от их этимологических значений). В выборе имени создающие межнациональную семью стремятся порвать со старым (хотя, к сожалению, не всегда паходят лучшее имя). Вот почему именной детей в межнациональных семьях очень часто отличается от именников обеих национальностей, соединенных в семье. На выбор имени может влиять численное преобладание какой-то национальности в данной местности.

Имена детей в национально-смешанных семьях, как и сами межнациональные браки, отражают становление новых отношений между народами нашей многонациональной страны. Выбор имени в межнациональных семьях показывает глубинные массовые процессы перестройки сознания и быта, трудности и противоречия на этом пути.

Как этап, или вариант, процесса интеграции можно отметить распространение вторых имен: у самых различных народов сосуществуют параллельно две антропонимические системы —

---

⁵⁸ В. А. Никонов. Размежевание личных имен по полу у тюркоязычных народов. «Советская тюркология». Баку, 1972.

прежняя и новая. Так, у якутов часто можно встретить два имени — русское (полное) и якутское, традиционное, сопутствующее русскому⁵⁹. То же самое явление наблюдается у эвенков⁶⁰, удмуртов⁶¹, корейцев Средней Азии⁶² и у многих других народов.

Менее известны, но не менее важны процессы интеграции в обычаях, связанных с выбором и наречением имени (кто и как выбирает имя, кто и как его дает, и т. д.).

Помимо существенных перемен, в именнике народов нашей страны происходят не менее важные изменения в структуре антропонимической модели: оформление отчества и фамилии у тех народов, которые в прошлом их не имели.

На протяжении нескольких столетий у ряда народов складывались именованья по имени отца. Способы выражения этого были различными у разных народов. Тюркские языки выражали отчество именем отца с добавлением слов «оглы» — сын, или «кыз» — дочь; иранские добавляли к имени отца слово «задэ» — ребенок, потомок; персские (удмурты, коми) пользовались прилагательным с -нь, латышский язык — именем отца в родительном падеже; у русских выработалась форма отчества на -ович (-инич), -овна (-инична) и др. Однако у большинства народов страны отчества не были постоянным, повседневным и обязательным членом именования (даже с введением паспортизации). Только «Основы законодательства СССР о браке и семье», принятые в 1968 г., установили обязательность отчеств для всего населения страны.

Некоторым народам отчества давно привычны, у других только прививаются, пока преимущественно в отношениях официальных; проникновение их в быт очень неравномерно — широкое у одних народов, ограниченное определенными кругами — у других.

Ко времени установления Советской власти многие народы страны еще не знали фамилий. Не имели или почти не имели фамилий малые народы Севера, Сибири, Дальнего Востока. Даже у таких крупных народов, как казахи, киргизы, туркмены, азербайджанцы, к этому времени становление фамилий не завершилось. Не завершилось оно и у ряда народов Европейской части страны (удмурты, коми). Распространение фамилий на все население заняло несколько десятилетий — срок исторически краткий. «Основы законодательства о браке и семье» 1968 г. закрепили общегосударственную обязательность трех-

⁵⁹ А. И. Рудных. Вторые имена у якутов. «Антропонимика». М., 1970.

⁶⁰ В. А. Туголуков. Хантайские эвенки. М., 1963.

⁶¹ Т. И. Тепляшина. Двойные имена удмуртов. «Личные имена...».

⁶² Р. Ш. Джарылгасинова. «Вторые имена» как историко-этнографический источник. «Ономастика Поволжья», 1. Ульяновск, 1969.

членного именованя для каждого. В настоящее время и у тех народов, которые полвека назад не имели фамилий, они входят в общее употребление не только в городах, но и в кишлаках и аулах, хотя не с равной степенью интенсивности в различных слоях населения.

5. Взаимодействие языков народов СССР и развитие двуязычия

Развитие этнолингвистических процессов характеризуется не только структурным и функциональным развитием языков народов СССР, но и процессами взаимодействия языков в речевом поведении людей различных национальностей. Это взаимодействие в свою очередь во многом зависит от ввелингвистических факторов. Ведомственная статистика обычно не дает достаточных материалов для изучения этнолингвистических процессов в указанном аспекте. Поэтому и предпринимаются попытки восполнить имеющийся пробел специальными социолого-лингвистическими исследованиями⁶³ или же включают «языковые» вопросы в программу этносоциологических исследований⁶⁴. Однако такого рода материалы не позволяют судить о ходе этнолингвистических процессов в указанном аспекте в прошлом. В этой связи особое значение приобретают данные о родном языке, содержащиеся в материалах переписей населения. Хотя они не являются идентичными данным о конкретном речевом поведении, они в некоторой степени позволяют судить о соотношении у каждого народа общественных функций языка своего народа с функциями языков других народов. В СССР информация, собранная в ходе переписи, используется не только для решения народнохозяйственных проблем страны, но и для решения проблем национальных, в том числе и «языковых» отношений⁶⁵. Разделение общественных функций между языками в любом этнолингвистическом регионе имело свои специфические черты, сложившиеся под влиянием ряда факторов. К ним относятся: 1) социально-экономические условия; 2) численное соотношение народов, говорящих на различных языках в данном регионе; 3) «простран-

---

⁶³ См.: М. Н. Губогло. Некоторые вопросы методики при социологическом анализе функционального развития языков. (О социолого-лингвистических исследованиях в Сибири). СЭ, 1973, № 2, стр. 113—121; *он же*. Вопросы методики исследования этнолингвистических процессов. «Доклады советских социолнгвистов на VIII Всемирном социологическом конгрессе». М., 1974, стр. 68—77.

⁶⁴ «Социальное и национальное». М., 1973, стр. 230—273.

⁶⁵ Отсутствие сведений о родном языке в сочетании с данными о национальной принадлежности в дореволюционной статистике (перепись 1897 г.) весьма ограничивает возможность изучить этнолингвистические процессы предреволюционного времени.

ственное» (географическое) распределение этих народов, компактность их расселения; 4) «временные» факторы — хронологическая продолжительность этнолингвистических контактов; 5) этнолингвистические факторы — прежде всего степень генеалогического родства контактирующих языков и этносов⁶⁶.

Степень овладения вторым языком и масштабы распространения двуязычия у различных народов нашей страны в первые годы Советской власти были различными. Среди народов, создавших впоследствии свои союзные и автономные республики, наибольшая доля лиц, владеющая русским языком и указавшая его своим родным в городах, была среди белорусов, украинцев, мордвы, карел, чувашей, удмуртов и марийцев. Некоторые из перечисленных народов «лидировали» и в сельской местности (белорусы, украинцы, мордва, карелы — см. табл. 6 и 7). Наименьшая доля лиц, усвоившая русский язык, была у городских таджиков, узбеков, туркмен, казахов, киргизов, азербайджанцев, балкарцев и некоторых других. В целом же в селах национальных окраин России в первые годы Советской власти знание русского языка было очень слабым, а переход на русский язык — редким. Так, например, из 830 тыс. сельских таджиков только для двух русский язык стал родным языком, а из 3,2 млн. узбеков — только для 39 человек. Это объясняется тем, что на этнолингвистические процессы у разных народов одни и те же факторы оказывали неодинаковое воздействие. Первостепенную роль в приобщении украинцев, белорусов, мордвы, карел, чувашей, удмуртов и марийцев к русскому языку, видимо, сыграла продолжительность этнокультурных и этнолингвистических контактов этих народов с русским народом, а также их расселение. Объяснять это только близостью украинского и белорусского языков к русскому (как иногда делается в литературе) нельзя, так как среди народов финно-угорской языковой группы (карелы, мордва, удмурты, марийцы) и тюркской (чуваша) доля лиц, употребляющих в своей речевой практике язык другой национальности, была на таком же высоком уровне, как и у народов славянской языковой группы. Итоги приобщения к языку другой национальности были особенно значительными в тех случаях, когда представители той или иной народности жили в ипонациональной среде, в отрыве от основной массы своего народа (см. табл. 8). Эту закономерность подтверждают также данные табл. 6, показывающие в пределах СССР преобладание долей литовцев, латышей, эстонцев и молдаван с родным языком другой национальности по сравнению с соответствующими долями у других нерусских народов. Перечисленные народы в 1920-е годы были территориально отделены от своих основных этнических массивов и поэтому раньше адаптировались в ино-

⁶⁶ М. Н. Губогло. Взаимодействие языков и межнациональные отношения в советском обществе. «История СССР», 1970, № 6, стр. 25, 26.

Таблица 6. Соотношение национального и русского языка у коренных народов союзных республик в первые годы Советской власти (по переписи 1926 г. *) (в %)

Национальность	Для города с родным языком		Для сельской местности с родным языком	
	своей национальности	русским	своей национальности	русским
Украинцы	64,9	34,4	89,7	10,0
Узбеки	99,2	0,02	99,1	—
Армяне	80,0	6,0	94,9	0,3
Белорусы	37,5	60,5	65,1	23,8
Грузины	97,9	1,4	96,4	0,1
Азербайджанцы	98,4	0,3	93,0	—
Таджики	99,3	—	98,1	—
Казахи	98,4	0,7	99,6	0,1
Латыши	66,1	31,4	87,2	11,4
Эстонцы	68,3	29,3	94,4	5,1
Литовцы	38,3	50,9	61,8	27,6
Молдаване	74,2	19,2	93,2	2,4
Туркмены	98,8	0,4	97,3	—
Киргизы	96,1	0,8	99,0	—

* Исчислено по: «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XVII. СССР. М., 1929, стр. 8—25; 14—24; 38—46; т. XIV. Закавказская Социалистическая Федеративная Советская республика, стр. 11—18 (Азербайджанская ССР); стр. 7—10 (Армянская ССР), стр. 15—20 (Грузинская ССР); т. X. Белорусская ССР. М., 1928, стр. 9—15; т. XVI. Туркменская ССР. М., 1928, стр. 6—10.

этнической среде, усвоив, в частности, русский язык как средство общения с другими народами.

У большинства народов масштабы смены языка в городах были шире, чем в сельской местности. Поэтому закономерны показания табл. 8, из которых видно, что этническая среда в сельских условиях способствует сохранению родного языка больше, чем в городах. У лиц, проживающих в «своих» селах, наблюдается большая устойчивость к родному языку, чем у лиц, живущих в «своих» городах.

Переходя далее к сравнению данных переписей населения, показывающих динамику устойчивости родных языков народов СССР в разные периоды истории нашего общества, подчеркнем необходимость такого сопоставления на двух уровнях: в основных местах расселения народов (территории союзных и автономных республик) и в целом по стране.

Главная тенденция в языковой жизни сельской части этносов в пределах «своих» республик в период строительства социализма выражалась в сохранении относительной устойчивости их

Таблица 7. Соотношение национального и русского языка у коренных народов автономных республик в первые годы Советской власти (по переписи 1926 г.) (в %)*

Национальность	Для города с родным языком		Для сельской местности с родным языком	
	своей национальности	русским	своей национальности	русским
Татары	96,2	2,9	99,4	0,3
Мордва	64,2	35,3	93,2	5,1
Осетины	87,2	17,5	98,8	0,2
Чуваши	82,2	17,1	99,0	0,8
Народности Дагестана	87,9	4,7	97,1	0,1
Башкиры	72,7	1,2	53,4	—
Коми	84,1	15,6	95,7	4,2
Карелы	70,3	27,6	96,3	3,7
Удмурты	85,6	13,9	79,0	0,6
Якуты	96,8	3,0	99,8	0,1
Каракалпаки	99,3	—	87,2	—
Марийцы	87,4	12,0	99,4	0,3
Чеченцы	94,2	4,2	99,8	—
Абхазы	85,3	3,6	83,9	—
Ингуши	94,4	4,1	99,7	0,1
Буряты	89,5	9,7	98,2	1,3
Кабардинцы	91,4	6,5	92,1	—
Калмыки	92,2	6,9	99,4	0,5
Балкарцы	95,1	1,0	99,7	—

* Исчислено по тем же источникам, что и табл. 6.

родных языков. В 1959 г. по сравнению с 1926 г. доля сельских жителей, указавших родным языком язык своей национальности, увеличилась лишь у белорусов на 13,6%, у азербайджанцев — на 5,8%, у грузин — на 3,4%, у украинцев — на 2,1%.

У остальных этносов значительных изменений не произошло. Подавляющее большинство армян, киргизов, казахов, туркмен, таджиков и узбеков (жителей сельской местности) назвали родным язык своей национальности. У каждого из перечисленных этносов доля лиц, утративших свой родной язык и указавших своим родным языком язык другой национальности, не превышала 1%. У сельских казахов, в селах Казахстана, доля лиц с родным казахским языком сократилась на 0,4%, у киргизов, армян и узбеков это сокращение было еще менее заметным (см. табл. 9 и 10). Национально-государственное строительство,

Таблица 8. Родные языки коренных национальностей союзных республик в своей и в инонациональной среде (по переписи 1926 г., в % к показателям национальной принадлежности)*

Национальность	Для города		Для села	
	1**	2**	1**	2**
Армяне	99,6	83,7	99,7	87,6
Таджики	99,6	99,2	99,2	95,5
Казахи	99,5	57,3	99,9	95,1
Туркмены	99,4	94,8	99,2	66,1
Узбеки	99,2	99,3	99,0	99,3
Киргизы	99,2	92,9	99,9	92,7
Грузины	98,7	76,8	96,4	88,1
Азербайджанцы	98,5	97,5	92,5	95,6
Украинцы	74,5	3,6	96,5	7,4
Белорусы	49,4	12,1	84,9	16,2

* Исчислено по данным «Всесоюзной переписи населения 1926 г.», т. VIII. Казахская АССР, стр. 15—19; т. XI. Украинская ССР. Итоги по республике. Полесский район. М., 1929, стр. 8—16; т. XV. Узбекская ССР. М., 1928, стр. 8—13, 49—52.

** 1 — проживающие в местах основного расселения своего этноса (в границах национально-государственных устройств 1926 г.); 2 — проживающие в инонациональной среде.

а также процессы этнической консолидации содействовали устойчивости родных языков и в пределах соответствующих автономий. Однако в городах еще в 1926 г. языковая ситуация была несколько иной, чем в сельской местности. С одной стороны, у горожан некоторых этносов (армян, таджиков, казахов, туркмен, киргизов) наблюдалась значительная устойчивость родных языков, с другой стороны — у городских белорусов и украинцев утрата (или недостаточное осознание) родного языка была очень большой. Лишь 60% белорусов, проживающих в городах Белоруссии, назвали белорусский язык родным.

К 1959 г. доля горожан, считающих родным язык своего этноса, сократилась у узбеков — на 2,1%, у таджиков — на 1,7%, у туркмен — на 1,3%, у казахов — на 1,3%, у армян — на 0,9%, у азербайджанцев — на 0,8%, у киргизов — на 0,7% (см. табл. 9). Этот процесс в городе был более заметным, чем в сельской местности. Напротив, у белорусов и украинцев довольно резко увеличилась доля горожан с родным языком своей национальности. Стремительное развитие общественных функций украинского и белорусского языков при их полном равноправии с языками других народов СССР и послужило основой для значительного увеличения доли белорусского (на 28,1%) и украинского (на 10,2%) городского населения, указавших родным язык своих этносов (см. табл. 9).

Таблица 9. Совпадение родных языков с национальной принадлежностью у коренных народов союзных республик (в 1959 г. по сравнению с 1926 г.) (в %)*

Национальность	Для села		Для города	
	1959 г.	1959 г. по сравнению с 1926 г.	1959 г.	1959 г. по сравнению с 1926 г.
Туркмены	99,9	+0,8	98,0	-1,3
Армяне	99,9	-0,1	98,6	-0,9
Киргизы	99,9	-0,1	98,5	-0,7
Грузины	99,6	+3,4	98,9	+0,2
Таджики	99,6	+0,5	97,9	-1,7
Казахи	99,5	-0,4	98,1	-1,3
Узбеки	99,0	-0,02	97,2	-2,1
Украинцы	98,6	+2,1	84,6	+10,2
Белорусы	98,5	+13,6	77,5	+28,1
Азербайджанцы	98,3	+5,8	97,7	-0,8
Эстонцы	99,8	—	98,7	—
Литовцы	99,1	—	99,4	—
Молдаване	99,1	—	90,4	—
Латыши	98,8	—	97,9	—

* Расчеты даны по переписи 1959 г. «Итоги Всесоюзной переписи населения СССР. Сводный том». М., 1962, стр. 190, 196; Азербайджанская ССР, М., 1963, стр. 134—146; Белорусская ССР, М., 1963, стр. 124—132; Грузинская ССР, М., 1963, стр. 162—185; Киргизская ССР, М., 1963, стр. 128—137; Литовская ССР, М., 1963, стр. 160—164; Молдавская ССР, М., 1962, стр. 90—94; Таджикская ССР, М., 1963, стр. 116—128; Туркменская ССР, М., 1963, стр. 128—138; Узбекская ССР, М., 1962, стр. 138—156; Украинская ССР, М., 1962, стр. 168—192; Эстонская ССР, М., 1962, стр. 93—95; РСФСР, М., 1963, стр. 300—309; исчисления данных переписи 1926 г. произведены по тем же источникам, что и в табл. 6.

Таблица 10. Динамика относительной устойчивости родного языка у сельского населения по сравнению с городским у некоторых народов (по материалам переписей 1926 и 1959 гг.)*

Национальность	1926 г.	1959 г.	Национальность	1926 г.	1959 г.
Украинцы	+22,0	+4,0	Узбеки	-0,2	+1,8
Киргизы	+0,86	+1,3	Туркмены	-0,2	+1,9
Казахи	+0,5	+1,4	Таджики	-0,4	+1,8

* Исчисления произведены по тем же источникам, что и в табл. 9.

Вариационный размах между находящимися в крайних позициях этносами (грузинами и белорусами) стал в городах 21,4%. Это на 28,8% меньше, чем в 1926 г. Следовательно, за время между 1926 и 1959 гг. в данном отношении также произошло известное выравнивание; при этом в 1926 г. у белорусов, украинцев, киргизов, казахов, армян устойчивость родного языка была более высокой у сельского населения; у туркмен, узбеков, таджиков, грузин и азербайджанцев, наоборот, — более прочную позицию родной язык занимал в городе. В 1959 г. у всех этносов родной язык имел более устойчивые позиции в сельской среде.

Сравнение данных переписей населения показывает, что у коренных национальностей автономных республик быстрее (чем у народов, имеющих свою союзную республику) проходил переход от родного языка к языку другой национальности. Это объясняется отчасти тем, что для большинства из них (кроме татар) письменность была создана только в годы Советской власти. Без знания русского языка, особенно на первых порах, пока у них еще не функционировали школы на национальных языках и пока они не имели литературы, переведенной на свои родные языки, им трудно было знакомиться с научными и культурными достижениями других народов. Поэтому в годы социалистического строительства у этих народов особенно широко внедрилось двуязычие и как одно из последствий его — смена языка (см. табл. 12). Следует иметь также в виду, что приобщение к русскому языку нерусских народов, имеющих свои автономные республики в РСФСР, тесно связано с историей функционального развития языков этих народов в таких сферах, как школьное обучение и сфера книгоиздательства⁶⁷.

За период с 1926 по 1959 г., фактически за 32 года⁶⁸, число лиц нерусской национальности, указавших русский язык своим родным, увеличилось на 3,3 млн. человек (от 6,5 до 10,2 млн.), а за последующие 11 лет, между 1959 и 1970 гг. — еще на 2,8 млн. человек. Следовательно, есть основания говорить о тенденции постепенного ускорения этого процесса. Однако, несмотря на развитие этого процесса, особенно в период между переписями 1959 и 1970 гг., в целом соотношение национальности и родного языка изменилось мало. По-прежнему очень высока доля лиц, считающих родным язык своей национальности. Среди народов, имеющих союзные республики, она составляет свыше 95% (за исключением армян, украинцев, белорусов, у которых эта доля соответственно равна 91,4, 85,7 и 80,6%), а среди народов, образующих автономные республики и автономные области, свыше 85% (более низкий процент лишь у башкир, карелов, мордвы, удмуртов, коми). У не-

⁶⁷ См. выше, стр. 260—283.

⁶⁸ Перепись населения 1926 г. была проведена в декабре, а перепись 1959 г. — в январе.

которых народов, не имеющих своих национальных автономий, доля лиц, считающих родным язык своей национальности, ниже 50%. В целом по стране в 1970 г. 93,9% населения указали родным язык своей национальности. Если исключить русских, среди

Таблица 11. Русский язык в качестве родного у коренных национальностей союзных республик (в %) на 1959 г. *

Национальность	В своей республике	За ее пределами	Всего по СССР	В своей республике	За ее пределами	Всего по СССР
	Города союзных республик			Сельские местности союзных республик		
Русские	99,99	99,4	99,9	99,97	98,0	99,8
Украинцы	15,3	53,9	22,7	1,3	41,6	5,4
Белорусы	22,4	60,9	36,0	1,4	46,1	5,1
Узбеки	1,4	3,4	1,8	0,08	0,4	0,4
Казахи	1,81	6,7	2,9	0,43	1,6	0,7
Азербайджанцы	2,1	11,4	3,2	0,05	0,9	0,7
Армяне	1,3	26,5	13,5	0,08	4,0	1,6
Грузины	1,1	30,8	3,1	0,1	11,7	0,3
Литовцы	0,3	20,6	2,6	0,03	8,5	0,5
Молдаване	8,63	36,3	18,8	0,5	7,5	1,3
Латыши	2,0	54,3	6,6	1,0	31,1	2,8
Таджики	1,7	3,2	2,1	0,1	0,3	0,1
Туркмены	1,9	12,2	2,3	0,03	0,6	0,1
Эстонцы	0,7	55,0	6,7	0,1	29,2	2,9
Киргизы	1,2	6,5	1,9	0,1	0,2	0,1

* Исчисления произведены по тем же источникам, что и в табл. 9.

которых не на родном языке (главным образом украинском) говорит несколько более 200 тыс. человек, то окажется, что язык своей национальности в качестве родного языка показали 87,1% представителей остальных народов (см. табл. 11 и 12).

Сопоставление данных переписей населения 1926, 1959 и 1970 гг.⁶⁹ вновь показывает, что в городах население переходит на язык другой национальности быстрее, чем в сельской местности.

Следует также отметить, что по отдельным народам показатели сохранения языка своей национальности сильно колеблются (см. табл. 12).

В ходе этнолингвистических процессов мужчины несколько быстрее переходили на другой язык, чем женщины. Лишь у двух

⁶⁹ Результаты переписи 1939 г. были опубликованы, во-первых, фрагментарно, во-вторых, лишь по крупным народам. Поэтому мы вынуждены вести сравнительный анализ, исключив данные за 1939 г.

Таблица 12. Доля лиц с родным языком своей национальности (в %) по данным переписей 1926, 1959, 1970 гг.*

Народ	1926 г.	1959 г.	1970 г.
Все население СССР	94,2	94,3	93,9
Народы, имеющие союзные республики			
Русские	99,7	99,8	99,8
Украинцы	87,1	87,7	85,7
Узбеки	99,1	98,4	98,6
Белорусы	71,9	84,2	80,6
Казахи	99,6	98,4	98,0
Азербайджанцы	93,8	97,6	98,2
Армяне	92,4	89,9	91,4
Грузины	96,5	98,6	98,4
Молдаване	92,3	95,2	95,0
Литовцы	46,9	97,8	97,9
Таджики	98,3	98,1	98,5
Туркмены	97,3	98,9	98,9
Киргизы	99,0	98,7	98,8
Латыши	79,0	95,1	95,2
Эстонцы	88,4	95,2	95,5
Народы, имеющие автономные республики и другие формы автономии			
Татары	98,9	92,1	89,2
Евреи	71,9	21,5	17,7
Чуваши	98,7	90,8	86,9
Народности Дагестана	96,7	96,2	96,5
Мордва	94,0	78,1	77,8
Башкиры	53,8	61,9	66,2
Удмурты	98,9	89,1	82,6
Чеченцы	99,7	98,8	98,7
Марийцы	99,3	95,1	91,2
Осетины	97,9	89,1	88,6
Коми и коми-пермяки	96,5	88,7	83,7
Буряты	98,1	94,9	92,6
Якуты	99,7	97,6	96,3
Кабардинцы	99,3	97,9	98,0
Каракалпаки	87,6	95,0	96,0
Ингуши	99,5	97,9	97,4
Народности Сибири, Севера и Дальнего Востока	78,4	75,9	67,4
Карелы	95,5	71,3	63,0
Тувинцы		99,1	98,7
Калмыки	99,3	91,0	91,7

Таблица 12 (окончание)

Народ	1926 г.	1959 г.	1970 г.
Карачаевцы	99,6	96,8	98,1
Адыгейцы	98,4	96,8	96,5
Абхазы	84,2	95,0	95,9
Хакасы	87,8	86,0	88,7
Балкарцы	99,6	97,0	97,2
Алтайцы	80,0	88,5	87,2
Черкесы	98,4	89,7	92,0

* Расчеты данных переписи населения 1970 г. произведены по «Итогам Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV. М., 1973; остальные исчисления по данным переписей 1926 г. и 1959 г. произведены по тем же источникам, что и в таблицах 6 и 9.

Таблица 13. Доля лиц (в %) с родным языком своей национальности по данным переписи населения 1970 г. (город — село) *

Народ	Всего		Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Русские	99,8	99,8	99,9	99,9	99,8	99,8
Украинцы	84,3	86,8	74,3	77,3	94,2	95,3
Узбеки	98,6	98,7	96,9	96,8	99,2	99,3
Белорусы	78,6	82,2	61,1	65,4	93,0	94,6
Казахи	97,9	98,2	95,6	96,1	98,7	98,9
Азербайджанцы	98,1	98,3	96,6	96,8	99,2	99,2
Армяне	91,3	91,6	87,7	87,9	98,0	98,3
Грузины	98,3	98,5	97,0	97,2	99,4	99,4
Молдаване	94,4	95,5	82,2	82,8	98,0	98,4
Литовцы	97,7	98,0	96,8	97,3	98,5	98,7
Таджики	98,4	98,6	96,7	96,7	99,1	99,2
Туркмены	98,8	99,0	97,2	97,2	99,6	99,7
Киргизы	98,7	98,9	97,4	97,9	98,9	99,0
Латыши	95,0	95,4	93,0	93,5	97,2	97,6
Эстонцы	95,5	95,5	93,9	93,8	97,4	97,9

* Исчислено по «Итогам Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV.

народов — русских и эстонцев — доля мужчин и женщин, сохранивших язык своей национальности, была соответственно одинаковой. Наиболее заметная разница между полами была у белорусов (82,2% — у женщин и 78,6% — у мужчин), украинцев (соответственно 86,8 и 84,3%), у молдаван (95,5 и 94,4%). Среди остальных народов эта разница колебалась в интервале от 0,1 до 0,4% (см. табл. 13).

Среди жителей сельских районов — русских, азербайджанцев и грузин — доля мужчин и женщин, сохранивших родным язык своей национальности, была одинаковой, среди узбеков, таджиков, туркмен и киргизов доля женщин с родным языком своей национальности была выше, чем у мужчин лишь на 0,1%, а среди остальных народов — на 0,2—1,6%. Среди городского женского населения у украинцев и белорусов родной язык своей национальности сохранился соответственно на 3,0% и 4,3% больше, чем у мужчин. У городских узбеков и эстонцев мужчины всего на 0,1% больше, чем женщины, сохранили язык своей национальности. У городской части остальных коренных народов союзных республик (азербайджанцы, армяне, грузины, казахи, киргизы, латыши, литовцы, молдаване) женщины сильнее, чем мужчины (от 0,2% до 0,6%), были «привязаны» к своему родному языку (см. табл. 13).

Т а б л и ц а 14. Соотношение лиц, показавших родным язык своей национальности, по переписям населения 1959 и 1970 гг. (в %).*

Народ	В пределах своей республики		За пределами своей республики	
	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.
Русские	100,0	100,0	99,3	99,1
Украинцы	93,5	91,4	51,2	48,4
Узбеки	98,6	98,9	97,4	97,4
Белорусы	93,2	90,2	41,9	40,8
Казахи	99,2	98,9	95,6	94,8
Азербайджанцы	98,1	98,9	95,1	94,0
Армяне	99,2	99,8	78,1	77,9
Грузины	99,5	99,4	73,4	71,5
Молдаване	98,2	97,7	77,7	79,0
Литовцы	99,2	99,5	80,3	72,0
Таджики	99,3	99,4	94,6	95,6
Туркмены	99,5	99,3	92,0	93,4
Киргизы	99,7	99,7	92,3	91,7
Латыши	98,4	98,1	53,2	51,4
Эстонцы	99,3	99,2	56,6	53,5

* Исчислено по тем же источникам, что и в табл. 12.

В 1959 г. наибольшие расхождения между национальностью и языком у групп, живущих в пределах своих республик и вне их, были у белорусов, латышей, эстонцев, украинцев, грузин, армян и молдаван; наименьшими они были у народов среднеазиатских республик: узбеков, туркмен, таджиков, киргизов, казахов, а также у азербайджанцев. С 1959 по 1970 г. расхождения между национальностью и языком в своей и вне своей республики у всех народов союзных республик (за исключением белорусов, молдаван и киргизов) несколько возросли.

Этот факт свидетельствует о значительном влиянии этнической среды на ход и направление этнолингвистических процессов. Следует подчеркнуть достаточно универсальный характер этой тенденции, проявляющейся даже среди русских, язык которых чаще всего и в большинстве районов СССР выступает языком межнационального общения (см. табл. 14). За 11 лет между двумя последними переписями населения численность русских, указавших родным язык другой национальности, возросла с 177,5 тыс. до 203,8 тыс. человек.

Выявленные переписями масштабы языковой смены у всех народов СССР представляют лишь самую общую, итоговую панораму. «За кадром» остались сведения, отражающие реальное владение вторым языком и разделение труда между двумя языками в различных языковых сферах. Кроме того, материалы переписи не дают достаточно ясного ответа на вопрос о завершенности языковой ассимиляции.

* * * * *

Научно-технический прогресс и совершенствование социальных отношений в период развитого социализма вызывают настоятельную потребность наиболее оптимального решения межязыковых отношений. Ускоренные темпы развития страны в немалой степени зависят от того, как быстро и оперативно передается полезный опыт каждого народа всем остальным. Такая языковая коммуникация осуществляется путем всестороннего использования двуязычия⁷⁰.

Магистральная линия развития двуязычия в СССР связана со стремлением представителей нерусских народов к русскому языку как языку межнационального общения. Этот процесс имеет реальную жизненную основу и отражает насущную потребность всех народов Советского Союза. Оценка его содержится в программе КПСС: «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения наряду с родным языком русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре»⁷¹.

⁷⁰ См. главу IX настоящего издания.

⁷¹ «Программа КПСС и устав». М., 1967, стр. 194.

При проведении переписи 1970 г. 11,6% лиц нерусской национальности указали русский язык своим родным языком, кроме того, 17,3% всего населения СССР указали русский язык в качестве второго языка, которым они «свободно владеют». Действительное распространение двуязычия, включая и сравнительно слабое знание русского языка, не отраженное в материалах переписи 1970 г., значительно шире. Такой вывод позволяют сделать исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР в Молдавской ССР. По переписи 1970 г. русским языком владеют 33,8% молдаван, проживающих в Молдавской ССР (в том числе 62,5% горожан и 27,8% сельских жителей).

В ходе указанного выше исследования было выявлено, что процент городского молдавского населения в возрасте 18 лет и старше, владеющего русским языком, достигает 94,0%. Среди этой группы городских молдаван 29,0% ответили, что думают на русском языке, еще 37,0% хотя и думают на молдавском, но могут свободно говорить на русском языке, 22,0% — говорит по-русски с некоторыми затруднениями и только 7,0% — говорят с большим трудом. Более широкое распространение русского языка по сравнению с тем, что обнаружила перепись 1970 г., свойственно не только городскому, но и сельскому молдавскому населению. Даже среди той группы сельских молдаван, которые на вопросы анкеты: «Каким языком вы наиболее свободно владеете?» — указали молдавский язык, оказалась значительная доля лиц, владеющих в разной степени русским языком (см. табл. 15).

Причины и условия возникновения двуязычия как массового явления в многонациональном обществе кроются прежде всего в необходимости широкого общения между людьми, говорящими на разных языках.

В работе, относящейся еще к дореволюционному периоду, В. И. Ленин писал о том, что «...потребности экономического оборота всегда заставляют живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства. Чем демократичнее будет строй России, тем... настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих... сношений»⁷². В этом указании В. И. Ленина раскрывается основная причина формирования единого языка общения там, где живут посетители разных языков.

Отметим некоторые, наиболее важные причины широкого приобщения представителей нерусских народов именно к русскому языку: 1) относительно большая численность и широкое расселение русских среди других народов, обеспечивающее широкие контакты с ними; 2) богатство русского языка, наличие созданных с помощью русского языка духовных ценностей; 3) широкая функциональная развернутость русской национальной культуры,

⁷² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 423.

Таблица 15. Данные о владении вторым языком среди молдавского населения МССР (в %)*

Место проживания	В какой мере знают второй (русский) язык			
	совершенно свободно (думают на языке)	свободно говорят	говорят, с некоторыми затруднениями	говорят с большим трудом
Город	29,0	37,0	22,0	7,0
Село	10,7	19,2	28,6	22,5

* См. текущий архив ИЭ АН СССР, а также журнал «Коммунист Молдавии», 1973, № 9, стр. 15.

ее более высокий уровень развития и многофункциональность русского языка как выразителя этой культуры; 4) относительная близость произношения и письма на русском языке; 5) близость народно-разговорного и литературно-письменного языка и т. д.

Изучение языковой жизни союзных республик в наши дни показывает, что и русские, живущие среди народа, имеющего свою республику, усваивают этот национальный язык. Как отмечают исследователи, те русские, которые родились или выросли в Эстонии, в той или иной степени знают эстонский язык⁷³.

Русские семьи, живущие в гагаузских селах Молдавии овладевают или молдавским или гагаузским языком.

В литературе неоднократно отмечалось, что двуязычие в советском обществе, как правило, складывается на базе языка какой-либо национальности и свободного владения русским языком (национально-русское двуязычие). Из более чем 100 народов СССР, вывлеченных Всесоюзной переписью населения 1970 г., только у белуджей, евреев, рутульцев, юкагиров, курдов и турок доля лиц, свободно владеющих вторым нерусским языком, превысила долю лиц со вторым русским языком.

Следует отметить, что доля лиц, свободно владеющих русским языком, среди коренных народов союзных республик, как правило, меньше, чем у народов, имеющих иную форму национальной государственности: среди 16 из 20 коренных народов автономных республик РСФСР⁷⁴, среди 10 из 14 коренных на-

⁷³ Э. Пяль. О некоторых вопросах развития наций и национальных языков Советского Союза. «Известия АН Эстонской ССР», т. XVII, № 4, 1968. Таллин, стр. 398.

⁷⁴ Для характеристики двуязычия у народностей Дагестана употребляется усредненный показатель. Согласно переписи 1970 г. у одних народов Дагестана доля лиц, хорошо владеющих русским языком, превышает 50% населения (например, 68,5% ногайцев, 57,4% кумыков, 56,0% лакцев свободно владеют русским языком), у других — доля двуязычных лиц со вторым русским языком незначительна (у цахуров — 12,2%, у рутульцев — 30,7%, у лезгин — 31,6% и у табасаранцев — 31,9%).

родов автономных областей и национальных округов, а также среди большинства остальных народов, не создавших свою национальную государственность, доля двуязычных лиц с русским языком в качестве второго языка превышает половину численности всего народа.

У большинства малочисленных народов, особенно у тех, кто не имеет своей национальной государственности, наряду с двуязычием с русским вторым языком распространено двуязычие с каким-либо другим из языков народов СССР. Например, 19,9% курдов свободно владеют русским языком, еще 36,2% владеют другими языками народов СССР, у цыган — 53,0 и 10,0%, у греков — 35,4 и 14,5%, у цахуров — 12,2 и 43,5%.

Знание второго перусского языка распространено не только среди малочисленных народностей, но и среди коренных национальностей союзных и автономных республик (подробные данные см. в табл. 16). Среди сельских таджиков, например, по данным последней переписи, свободное владение вторым нерусским языком было распространено даже несколько шире, чем вторым русским языком — соответственно 9,5% и 11,9%.

Масштабы распространения двуязычия среди коренных национальностей союзных республик в целом более однотипны, чем среди других народов СССР. Об этом свидетельствует малый размах вариации между крайними показателями в группе национальностей союзных республик (он равен 34,5%) — между белорусами и узбеками — и значительно большая вариативность между полярными по масштабам показателями владения русским языком у народов в остальных группах. Среди коренных народов — автономных республик, автономных областей и национальных округов — 70,5% — между калмыками и каракалпаками, и, наконец, среди народов, не имеющих национально-государственного устройства — 66,6% (между абазинами и белуджами). Это свидетельствует о том, что языковая жизнь малочисленных народов в большей степени, чем крупных наций, зависит от различных внешних экстралингвистических условий.

На этнолингвистические процессы и, в частности, на неравномерные масштабы приобщения нерусских народов к русскому языку по-разному действуют социально-экономические факторы, среди которых следует в первую очередь назвать форму хозяйственной деятельности, род занятий, материальное благосостояние, образование, урбанизацию (понимаемую двояко: узко — как рост доли городского населения и широко — как привнесение городского образа жизни сельскому населению). Характерной особенностью каждого из перечисленных факторов является их косвенное (опосредствованное другими факторами) влияние, эффективность которого проявляется по-разному в разных ситуациях и подчас резко колеблется в зависимости от сложного переплетения с совокупностью других факторов.

Рассмотрим, в частности, воздействие образовательного уровня⁷⁵ — фактора, влияние которого на знание второго языка у народов СССР почти ни у кого не вызывает сомнения. В большинстве районов союзных и автономных республик созданы благоприятные условия для удовлетворения стремления лиц различных национальностей к овладению русским языком как языком межнационального общения. И действительно, сопоставление доли лиц со средним и высшим образованием с долей лиц, свободно владеющих русским языком в союзных республиках СССР, позволяет выявить, что с увеличением уровня образования увеличивается и хорошее знание русского языка.

Статистические данные показывают и сложность этого влияния: у одних народов союзных республик доля лиц, свободно владеющих русским языком или считающих его своим родным, выше (белорусы, украинцы, казахи, литовцы, латыши, молдаване) доли населения, имеющего высшее и среднее (полное и неполное) образование; у других (эстонцы, армяне) соответствующие показатели более или менее близки друг к другу.

Но у некоторых народов, наоборот, доля населения со знанием русского языка ниже доли населения, имеющего среднее и высшее образование: у грузин — на 35,1%, у туркмен — на 26,8%, у узбеков — на 26,2%, у азербайджанцев — на 24,5%, у киргизов — на 20,6%⁷⁶.

Названное явление объясняется тем, как уже подчеркивалось в литературе, что в некоторых республиках порой неудовлетворительно организовано дело по широкому и глубокому изучению русского языка, ощущается недостаток в квалифицированных преподавателях средней и высшей школы. В результате часть населения в некоторых союзных республиках оказывается не в состоянии в полной мере овладеть русским языком.

Взаимосвязь образования с двуязычием дополняется действием урбанизации⁷⁷, ростом численности городского населения. Во всех без исключения союзных республиках доля городского населения, свободно владеющая русским языком или указавшая его своим родным языком в 1970 г., значительно превосходила соответствующую долю сельского населения (табл. 17).

Однако действие фактора урбанизации также не следует преувеличивать; в некоторых республиках даже среди городского населения, особенно среди лиц пожилого возраста, а также среди лиц, занятых малоквалифицированным трудом, имеется некоторая часть людей, не владеющих русским языком или владеющая им в незначительной степени.

---

⁷⁵ Подробнее см.: *С. И. Брук, М. П. Губогло. Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе на современном этапе. «История СССР», 1974, № 4, стр. 26—45.*

⁷⁶ «Развитие социалистического общества», стр. 188.

⁷⁷ *С. И. Брук, М. Н. Губогло. Указ. соч., стр. 32—33.*

И все же урбанизация в целом, как и фактор образования, расширяет возможности народов СССР изучать русский язык и тем самым способствует становлению единого для страны языка межнационального общения и последовательно расширяет сферу его функционирования.

При проведении переписи населения 1970 г. выявилось, что общее число свободно владеющих русским языком или указавших его своим родным языком в СССР составило 183,7 млн. человек (в том числе родным он является для 128,8 млн. русских и для 13 млн. лиц других национальностей, вторым — для 41,9 млн. человек), или 76,0% всего населения⁷⁸. Если же взять только перусское население страны, то русским языком свободно владеют 54,8 млн. человек, что составляет около половины этого населения (в том числе 11,6% указало русский язык своим родным языком, и еще 37,1% назвало его в качестве второго языка, которым они свободно владеют). Таковы общие итоги распространения русского языка, ставшего могучим средством взаимосвязи и сплочения советских наций и народностей, которые добровольно избрали его в качестве общего языка межнационального общения и сотрудничества.

Анализ данных переписи о распространении двуязычия в различных возрастных группах позволяет, во-первых, ретроспективно установить главные тенденции развития этого явления и, во-вторых, наметить некоторые прогнозы на будущее. В возрасте до 10 лет двуязычие, как и следовало ожидать, распространено слабо почти у всех народов. Например, среди национальностей, имеющих свою союзную республику, доля двуязычных детей составляет 9,3%, в автономных республиках и автономных областях этот показатель несколько выше — 12,5%⁷⁹. В следующей возрастной группе (11—19 лет) удельный вес двуязычных лиц среди представителей коренных национальностей союзных республик составляет 47,5%, в автономных республиках и областях 52,0% и далее соответственно: в возрасте 20—29 лет — 64,5% и 66,9%, 30—39 лет — 54,1% и 58,1%, 40—49 лет — 46,6% и 50,7%, 50—59 лет — 35,1% и 39,0%, 60 лет и старше — 23,2% и 26,4%.

Все эти данные показывают важную роль, которую играет школа в развитии процессов двуязычия.

Доля двуязычия среди юношей и девушек в возрасте 11—19 лет в среднем возрастает по сравнению с предыдущей возрастной группой более чем в 5 раз и хотя не достигает максимума, тем не менее охватывает почти половину юношества среди народов союзных республик. Наряду со средней школой важную роль в распростра-

⁷⁸ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, стр. 5, 331.

⁷⁹ Методику расчетов и более подробный анализ см.: С. И. Брук, М. Н. Губогло. Двуязычие и сближение наций СССР (по материалам переписи населения). СЭ, 1975, № 4.

Таблица 16. Двуязычие у народов СССР по данным переписи 1970 г. (в %)*

Народы	Владеют		Народы	Владеют	
	русским	другими языками народов СССР		русским	другими языками народов СССР
Народы, образующие союзные республики			Карелы	59,1	0,4
Русские	—	3,1	Тувинцы	38,9	0,1
Украинцы	36,3	0,4	Калмыки	81,1	0,3
Узбеки	14,5	3,1	Карачаевцы	67,6	0,8
Белорусы	49,0	0,9	Адыгейцы	67,9	0,2
Казахи	41,8	1,2	Абхазы	59,2	2,2
Азербайджанцы	16,6	1,8	Хакасы	65,5	0,3
Армяне	30,1	3,7	Балкарцы	71,5	2,0
Грузины	21,3	0,5	Алтайцы	54,9	0,4
Молдаване	36,1	1,8	Черкесы	70,0	1,4
Литовцы	35,9	1,3	Народы, не образующие своей автономии		
Таджики	15,4	11,7	Поляки	37,0	12,7
Туркмены	15,4	1,1	Корейцы	50,3	1,7
Киргизы	19,1	3,1	Болгары	58,8	7,9
Латыши	45,2	0,7	Греки	35,4	14,5
Эстонцы	29,0	0,4	Цыгане	53,0	10,0
Народы, образующие иной тип автономии			Уйгуры	35,6	9,5
Татары	62,5	1,6	Венгры	25,8	9,8
Евреи	16,3	21,0	Гагаузы	63,3	7,4
Чуваши	58,4	1,4	Румыны	28,5	16,3
Народности Дагестана	41,7	8,3	Курды	19,9	36,2
Мордва	65,7	0,3	Финны	47,0	8,5
Башкиры	53,3	1,3	Дунгане	48,0	5,7
Удмурты	63,3	1,8	Иранцы	33,9	12,7
Чеченцы	66,7	0,7	Абазинцы	69,5	5,3
Марийцы	62,4	3,5	Ассирийцы	46,2	14,7
Осетины	58,6	8,3	Чехи	35,6	21,4
Коми	64,8	0,2	Таты	57,7	10,7
Буряты	66,7	0,1	Шорцы	59,8	0,4
Якуты	41,7	0,1	Белуджи	2,9	40,4
Кабардинцы	71,4	0,3	Словаки	39,3	34,3
Каракалпаки	10,4	3,5	Вепсы	32,8	1,1
Ингуши	71,2	0,2	Удины	36,4	32,2
Народности Сибири, Севера, Дальнего Востока	52,5	2,4	Эскимосы	50,5	3,4
			Ижорцы	24,5	5,9
			Тофы	48,7	1,8
			Алеуты	18,8	1,8
			Немцы	59,6	1,1

* Исчислено по: «Итогам Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV.

Таблица 17. Данные о двуязычии и об уровне образования (в % в целом по СССР)*

Национальность	В городе			В селе		
	Образование (высшее и среднее)**	Считают русский язык своим родным и свободное им владеют	Свободно владеют русским языком, но не считают родным	Образование (высшее и среднее)	Считают русский язык своим родным и свободное им владеют	Свободно владеют русским языком, но не считают родным
Украинцы	65,5	70,9	46,9	33,8	31,4	26,3
Белорусы	62,6	85,1	48,9	28,2	54,6	49,0
Узбеки	49,7	36,4	34,5	38,4	7,9	7,8
Казахи	51,3	61,1	57,4	34,1	37,8	36,1
Грузины	73,4	40,0	37,2	45,7	9,0	8,8
Азербайджанцы	53,0	34,9	31,9	34,8	6,7	6,5
Литовцы	52,0	54,1	51,6	21,2	22,8	22,1
Молдаване	54,0	76,6	60,7	29,2	31,0	29,8
Латыши	59,9	57,9	51,4	36,8	40,6	32,2
Киргизы	60,6	54,9	53,1	36,3	13,4	13,3
Таджики	46,4	33,4	32,3	36,4	9,6	9,5
Армяне	59,1	48,6	37,6	37,7	17,6	16,4
Туркмены	48,8	35,4	32,0	40,4	8,0	7,9
Эстонцы	58,2	42,7	36,7	31,4	22,0	19,6

* Исчислено по тем же источникам, что и табл. 16.

** Лица в возрасте от 10 лет и старше, имеющие высшее и среднее образование.

нении двуязычия играют ВУЗ'ы, общение и межнациональные контакты на производстве и в армии, о чем свидетельствует довольно резкое возрастание доли двуязычных лиц при переходе из возрастной группы 11—19 лет в следующую возрастную группу. Однако это относится в полной мере лишь к народам, образующим союзные республики. Среди некоторых остальных народов, в частности среди образующих автономные республики и области, где двуязычие начало распространяться раньше и охватило большой процент населения, максимальную долю двуязычных мы видим у лиц более зрелого возраста.

Расчеты показывают, что в среднем по стране доля двуязычных в возрасте 11—19 лет примерно равна этой доле в возрастных категориях 39—49 лет и во всяком случае выше, чем доля двуязычных в целом по всем возрастным группам. На основе этого можно сделать вывод о тенденции постепенного расширения этнолингвистических процессов, в ходе которых соответственно будут возрастать масштабы распространения двуязычия в ближайшее время.

Два важнейших аспекта этнолингвистических процессов — свободное владение другим языком и переход на другой язык тесно связаны между собой. Народы, у которых высок удельный вес перешедших на другой язык, имеют также высокий процент лиц, знающих, кроме родного языка, и второй язык. Оба эти показателя сравнительно низки у народов, образующих союзные республики, более высоки — у остальных народов.

Усвоение языка другой национальности не всегда приводит к смене родного языка. Признание языка другой национальности родным языком свидетельствует о преодолении важного психологического барьера, который обычно возникает при смене человеком одного из определителей своего этноса. Однако это возможная, но далеко не всегда обязательная крайняя точка развития двуязычия.

Этнолингвистические процессы, происходящие в современном советском обществе, значительно отличаются от процессов взаимовлияния и взаимообогащения, развивавшихся в дореволюционный период, а также от языковых процессов переходного периода и периода строительства социализма.

До революции этнолингвистические контакты в большинстве своем имели ограниченный, локально-региональный характер. Это, например, находило отражение в сравнительно узких и замкнутых ареалах действия языков межнационального общения. В Поволжье наряду с русским роль «лингва франка» выполнял татарский язык, в некоторых районах Средней Азии — узбекский, на Кавказе — то азербайджанский, то аварский, то грузинский, то армянский — в зависимости от района; в Прибалтике — немецкий язык и т. д.⁸⁰ Отсутствие одного языка межнационального общения ограничивало этнокультурные контакты разноразличных групп населения, хотя контакты, конечно, имели место во всех районах Российской империи.

На современном этапе развития социалистического общества широкое приобщение к русскому языку нерусских народов и распространение двуязычия расширяет сферу интеграционных процессов. Это выражается, в частности, в том, что часть нерусского населения страны охотно читает газеты, книги, журналы на русском языке, слушает радио и телепередачи, желает обучать своих детей в русских школах и т. д. Распространение двуязычия в таких условиях меняет соотношение функциональной нагрузки взаимодействующих языков в сфере литературы, печати, радио, телевидения и т. д.

Подводя общие итоги, следует подчеркнуть, что одно из наиболее важных отличительных свойств этнолингвистических про-

---

⁸⁰ Подробнее см.: *Н. Г. Волкова*. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. СЭ, 1967, № 1, стр. 27. *М. Н. Губогло*. Ленинская национальная политика и проблемы языка межнационального общения. «Торжество ленинской национальной политики». Чебоксары, 1972, стр. 359—380.

цессов в период развитого социализма состоит в дальнейшем углублении знания второго языка и в расширении масштабов распространения двуязычия. Это обусловлено самой природой социализма и протекающими ныне урбанизацией и индустриализацией страны в условиях научно-технической революции.

Разнообразие и специфика достижений в различных сферах жизни в тех или иных советских республиках выдвигает на первый план совместную деятельность и взаимодействие народов, а средством взаимного общения выступает русский язык. Вместе с развитием национальных языков эта тенденция становится основой дальнейшего развертывания этнолингвистических процессов за счет интенсификации двуязычия и за счет дальнейшего совершенствования функционального взаимодействия языков народов СССР.

Глава IX. Духовная культура и этнические процессы

---

1. Вводные замечания

Рассмотрение проблемы, обозначенной в названии главы, представляет значительную сложность. Как уже говорилось в первой главе, общая теория этноса стала разрабатываться советскими учеными только в последнее время. Что же касается этнографического аспекта общей теории духовной культуры, то без преувеличения можно сказать, что его теоретическое осмысление только начинается.

Для нашей темы чрезвычайно существенно, что духовная культура, во многом определяя этническое сознание, сама находится под его сильнейшим и непосредственным воздействием. Так, например, те или иные обряды могут совершаться по традиции, но могут приобретать и демонстративный характер, если их исполнение подчеркивает этническую принадлежность участников, выделяет их из окружающей иноэтнической среды. Давно замечено, что иноэтническое окружение, особенно при наличии какой-либо конфликтной ситуации, способствует консервации традиционных форм и духовной, и материальной культуры. При этом самое сильное влияние обостренного этнического сознания испытывает именно духовная культура.

Этническое сознание может воздействовать на разнообразные формы как материальной, так и особенно духовной культуры (язык, религия, обряды, этногенетические предания, эпос, исторические песни; на более поздней стадии — литература, искусство, особенно национально-политические теории и т. д.) и тем самым способствовать консервации или обновлению традиций, закреплению или изменению тех или иных этнических признаков. Или иначе — этническое сознание является не только результатом, но и одним из факторов, воздействующих на этнические процессы (их направление, темп, содержание и т. д.) в области духовной культуры. Вместе с тем восприятие элементов материальной культуры как этнодифференцирующих может превратить их в символы, и тогда они функционируют как элементы проявления этнического сознания¹.

¹ Подробнее см.: *К. В. Чистов*. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. СЭ, 1972, № 3.

Необходимо учитывать и то, что по сравнению с большинством форм материальной культуры (одни из которых весьма жестко детерминированы развитием производительных сил — например, сельскохозяйственные орудия; другие — относительно слабее — например, женские украшения и т. п.) формы духовной культуры, как правило, значительно свободнее в своем развитии, дают больший простор для возникновения параллельных и почти «равноценных» в историко-культурном отношении форм. Этот выбор собственно и составляет основу этнических различий в области духовной культуры, когда речь идет о народах, стоящих на примерно одинаковом уровне развития. Так, свадебная обрядность у народов, живущих в примерно одинаковых географических условиях и находящихся на примерно одинаковой ступени обществено-экономического развития, может существенно различаться, по крайней мере заметно больше, чем свойственные им формы материальной культуры².

Своеобразие отражения этнических процессов в области духовной культуры определяется, помимо иных факторов, теснейшей связью большинства ее форм с языком. И это особенно важно, поскольку язык принадлежит к числу наиболее устойчивых этнических признаков, наименее жестко детерминированных социально-экономическими факторами. С другой стороны, как уже говорилось в предыдущей главе, язык (и прежде всего — его лексика) отражает историю народа, характер и интенсивность его связей с соседями, степень его внутреннего единства (ср. существование или отсутствие наддиалектного литературного языка, его взаимоотношение с диалектами и т. д.), его социальную дифференциацию (наличие или отсутствие так называемых «социальных диалектов», соотношение литературного языка и локальных говоров), степень его культурного развития (развернутость социальных функций языка), следовательно — этнический облик культуры в конкретный период развития того или иного этноса.

В прямой зависимости от того, какие именно особенности духовной культуры оказываются в конкретной этнокультурной ситуации для данного этноса особенно важными, находится его способность к усвоению «чужих» форм и культурных ценностей. Как правило, подобное усвоение (если оно только не связано с ассимиляцией, способной изменить направление этого процесса) осуществляется в тех случаях, когда тот или иной этнос исторически готов сам создать новые формы, либо переработать уже готовые, существующие, созданные в сходной ситуации другим этносом. Способность к усвоению иноэтнических культурных достижений повышается в некоторых специфических ситуациях, например, в условиях контакта генетически родственных

---

² Так, например, сельскохозяйственные орудия и жилище поволжских татар и окружающего русского населения во многом сходны, а свадебный обряд у них сильно различается.

народов и их культур или народов, находящихся на примерно одинаковой стадии исторического развития.

Взаимообмен культурными достижениями в сфере духовной культуры по сравнению с материальной культурой одновременно и облегчен и затруднен. Облегчен, потому что возникновение или усвоение отдельных форм или явлений духовной культуры не связано столь непосредственно с уровнем развития производительных сил и способом производства; и затруднен, так как при этом часто возникает необходимость преодоления так называемого языкового барьера и, при известных обстоятельствах, — барьера психологического, связанного с культурной, социальной и политической ориентацией этноса в целом или каких-то его составных частей или слоев.

И, наконец, отдельные формы духовной культуры по своей природе отличаются большей или меньшей «проницаемостью» (например, так называемые бытовые сказки, лирические песни и т. п.) или «герметичностью» (архаические формы героического эпоса, волшебных сказок, календарные обряды и т. п.).

В одной из предыдущих глав было показано, какое влияние оказывают этнические процессы на определенные формы материальной культуры (поселение, жилище, одежду, пищу и т. п.) или как они отражаются в них. Что же касается духовной культуры, то следует сказать, что она находится в постоянном взаимодействии со всем кругом факторов, которые на данном отрезке истории народа приобретают этнический характер или этническое значение. Так, например, примечательно, что если целый ряд явлений современной материальной культуры бытует в глобальном масштабе или, по крайней мере, в пределах весьма широких историко-этнографических регионов, то, несмотря на наличие активного обмена в области духовной культуры, многие явления, приобретая интернациональный характер, одновременно не теряют способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах. С наибольшей отчетливостью это наблюдается в формах духовной культуры, связанных с языком (фольклор, литература, театр, художественная кинематография, современная пресса, система народного образования и т. п.) или эстетическими традициями народа, например с изобразительным искусством (особенно орнамент), танцем и музыкой, и менее ощутимо — в формах, которые пользуются языком, но не связаны с ним внутренние и поэтому легче допускают возможность перевода в другую языковую систему (ср., например, в этом смысле поэзию и эстетическую теорию, исторический роман и научно-исторические сочинения, художественную и так называемую «деловую» прозу и т. д.). Поэтому в сфере духовной культуры параллельно с современным процессом глобального обмена ценностями, нивелировки исторически выработанных форм и усилением интенсивности межэтнических связей идет процесс развертывания интернациональной культуры в ее националь-

ных вариантах. Помимо прямого усвоения многих явлений и форм, постоянно имеет место возникновение параллельных (подобных, сходных и т. д.) и типологически близких форм. Все это создает значительные сложности не только для детализированного исследования, но даже и для простого различения форм, возникших параллельно, от форм, сложившихся под иноэтническим влиянием.

Отмеченная выше тесная связь явлений духовной культуры с языком обуславливает еще одну важную особенность, касающуюся проблемы, которая уже рассматривалась в предыдущей главе с лингвистической точки зрения, — возможность возникновения при определенной ситуации двуязычия или многоязычия культуры, т. е. параллельного использования двух (или более) языков в различных сферах духовной культуры народа.

Двуязычие духовной культуры того или иного этноса как определенной социальной общности означает ситуацию, при которой в развивающейся и единой системе духовной культуры народа отдельные ее функциональные и структурные элементы обслуживаются разными (по крайней мере, двумя) языками. Подобная ситуация как бы переносит межэтнические отношения (или процессы взаимодействия этносов) внутрь культуры этноса, превращает их в структурные элементы этнического облика народа.

При изучении этнических процессов необходимо также иметь в виду специфический культурный дуализм, возникающий в результате общественного разделения труда в области духовного производства и вычленения определенных форм духовной культуры из быта. Иными словами, речь идет о параллельном существовании бытовых и профессиональных форм культуры (народные знания и наука, фольклор и литература, народное искусство и профессиональное искусство, верования и теология, бытовые обряды и церковь и т. д. и т. п.). При той ситуации, которая характерна в настоящее время для духовной культуры большинства народов мира, проблема функциональных взаимосвязей бытового и профессионального слоя особенно важна. Именно их соотношение в конечном счете характеризует структуру духовной культуры каждой этнической общности, ее этнический облик, играет важную роль во внутренней жизни этноса и в механизме межэтнических связей и отношений, т. е. в процессах, которые мы именуем этническими.

* * * * *

Изучение проявления современных этнических процессов в СССР в области духовной культуры сопряжено со значительными трудностями не только теоретического, но и практического характера. Современные этнографические описания народов СССР обычно уделяют главное внимание общим культурно-бытовым изменениям и их сопоставлению с традиционными формами куль-

туры того или иного народа. При этом этническим особенностям материальной культуры, как правило, отводится значительно больше места, чем аналогичным аспектам духовной культуры. Что же касается этнических проблем духовной культуры, то дело обычно ограничивается самыми общими соображениями, разрозненными предварительными заключениями или впечатлениями. К сожалению, мало дают для темы настоящей главы и материалы этнографических экспедиций. Правда, в последние годы в этом отношении наметились некоторые сдвиги. Однако собирание материалов об этнических процессах в области современной духовной культуры народов СССР велось эпизодически.

Значительно больше для изучения этнических процессов в области духовной культуры сделали фольклористами (словесниками и музыководами), специалистами по народному искусству и представителями наук, занимающихся изучением профессиональных форм культуры — литературоведами, искусствоведами, театроведами. В последнее десятилетие особенно возрос интерес к межэтническим связям, влияниям и взаимоотношениям в литературоведении: вышло несколько книг и несколько десятков теоретических статей³. Что касается фольклористов, то, несмотря на многократные дискуссии, до сих пор имеется мало работ, которые рассматривали бы современные фольклорные явления не изолированно, а на более или менее широком фоне литературных и полулитературных форм, получивших распространение в быту народов в ходе культурной революции в СССР. Между тем именно в этих формах с наибольшей отчетливостью отражаются современные этнические процессы.

В самые последние годы появился ряд работ в смежных с этнографией науках — в философии, лингвистике, социологии, — которые содержат обобщения, важные для осмысления современных этнических процессов в области духовной культуры⁴. Нельзя не упомянуть и работ этносоциологического характера, хотя они развернулись сравнительно недавно и первые результаты их только начинают публиковаться⁵. Можно надеяться, что в ближайшем

---

³ См., например: *Л. Новиченко*. О многообразии художественных форм и стилей в литературе социалистического реализма. М., 1959; *В. И. Иванов*. Формирование идейного единства советской литературы. 1917—1932. М., 1960; *Г. Ломидзе*. Единство и многообразие. М., 1960; *он же*. Интернациональный пафос советской литературы. Размышления, оценки, спор. М., 1967; «Пути развития советской многонациональной литературы». М., 1967; «Национальное и интернациональное в литературе народов СССР». М., 1973 и др.

⁴ См. выше, стр. 5—6, прим. 6.

⁵ «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». М., 1973. См. также статью: *Э. К. Васильева, В. В. Пименов и Л. С. Христолюбова*. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии. СЭ, 1970, № 2; *Е. И. Клементьев*. Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования Карельского сельского населения. СЭ, 1971, № 6; *М. Энд-*

будущем будет создана более или менее надежная база для изучения социального спектра этнических процессов, в том числе и в интересующей нас сфере духовной культуры.

Издающиеся статистические сборники как всесоюзного, так и республиканского характера, помогают представить ход, некоторые стороны и особенности развития духовной культуры народов СССР (в предыдущих главах уже приводились показатели), национальных кадров и т. д., однако обычно все ведущие показатели обобщены по республикам и областям и не дифференцированы по народам в масштабе всего Советского Союза. Между тем для изучения современных этнических процессов чрезвычайно важна подобная дифференциация.

И, наконец, если этнические (национальные) взаимоотношения в области современных профессиональных форм культуры в некоторых своих аспектах изучаются (литература, искусство, процесс формирования национальных кадров и т. д.) и отчасти отражаются в текущей статистике, то значительно хуже обстоит дело в области изучения массовых (бытовых) форм «сознания» и «потребления» духовной культуры, которые особенно важны в системе этнографического исследования современных этнических процессов.

Учитывая состояние общей и специальной литературы и источников, в настоящей главе мы вынуждены ограничиться лишь характеристикой некоторых аспектов этнических процессов в сфере духовной культуры и постановкой отдельных проблем, выявление которых представляется нам возможным уже сейчас, в надежде, что это поможет будущим исследователям.

2. Основные типы духовной культуры народов предреволюционной России

Для того чтобы правильно оценить современные этнические процессы в области духовной культуры, развивающиеся в Советском Союзе, необходимо обратиться к тому исходному рубежу, с которого начали действовать важнейшие закономерности, донные определяющие социальное, экономическое и политическое развитие народов СССР, — к периоду Великой Октябрьской социалистической революции.

В третьей главе было уже показано, какой пестротой отличалась карта предреволюционной России в социально-экономическом и этническом отношении. Этой пестроте соответствовало многообразие типов и форм материальной культуры. Пестрота же и многообразие в области духовной культуры были еще более значительными. Необходимо вместе с тем отметить, что характерная черта каждой культуры — гетерогенность элементов (т. е. разностадиаль-

---

земе. Свадебные обряды латышского городского населения в XX веке (по материалам малых городов Латгале и Курземе). СЭ, 1973, № 4.

ность их происхождения), образующих ее структуру в каждый данный момент, в переломные эпохи с наибольшей ясностью выявляется именно в области духовной культуры.

Духовная культура не только отражает социально-экономическую жизнь народа, но и является одновременно результатом осмысления противоречий социальной действительности и стимулом к ее ломке или преобразованию, т. е. обгоняет действительность (например, философские и политические концепции). Вместе с тем наиболее архаические пережиточные элементы в том или ином виде сосредоточиваются тоже в области духовной культуры (например, в сфере обыденного сознания, обрядов, в бытовых верованиях, в пережиточных элементах фольклора и т. д.).

В свете сказанного неудивительно, что в духовной культуре народов предреволюционной России можно было обнаружить весьма разнородные явления. С одной стороны, культура подавляющего большинства этносов была неоднородной в социальном отношении. Подчеркивая это обстоятельство, В. И. Ленин писал о о двух культурах в каждой национальной культуре⁶. Различия в национально-классовом характере осложнялись различиями в уровнях культуры. На одном полюсе — наука, литература, искусство, передовая общественная мысль и политическая теория, явившаяся результатом глубокого осмысления исторических процессов периода империализма и пролетарских революций. Известно, что эта теория — ленинизм — сыграла огромную роль в развитии философской, политической, социальной и экономической мысли и общественно-политической практики многих стран земного шара. На другом полюсе — не только реакционная идеология официальных правительственных кругов и соответствующие философские и политические теории, но и весьма архаические формы идеологии, связанные с пережитками ранних стадий развития человечества, например, шаманская идеология и обряды у народов Сибири, отзвуки матриархата в эпических сказаниях у народов Северного Кавказа, тотемические представления у народов Крайнего Севера и т. д.

Различные сочетания подобных диалектически противоречивых черт характеризовали копектные исторически сложившиеся типы духовной культуры всех народов предреволюционной России. Разумеется, при современном состоянии изучения вопросов они могут быть выделены лишь условно и со специальной целью рассмотрения их в этнокультурном аспекте. В основу нашей группировки мы кладем следующие показатели — наличие или отсутствие письменности и ее характер (например, на основе какого языка — своего или чужого она возникла), степень развития литературного языка и степень его демократичности (т. е. характер и широта выполняемых функций, взаимоотноше-

---

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

ние с локальными диалектами). При этом мы исходим не только из факта связи большинства форм духовной культуры с языком (о чем уже говорилось выше), но и из представления о роли письменности в истории духовной культуры человечества. Именно изобретение или применение письменности всегда знаменовало начало перехода той или иной этнической общности от архаической синкретической системы культуры к дифференцированным формам культуры (или точнее к системе дифференцированных форм) и параллельно и одновременно с этим — к социальной дифференциации и общественному разделению труда в области духовного производства. С точки зрения этнографии этот процесс вел к постепенному выведению, вычленению определенных форм духовной культуры из быта (эти формы мы условно называем профессиональными, так как создают их не любые члены общества, а преимущественно профессионалы — ученые, писатели, живописцы, драматурги, артисты и т. д.), подобно тому как в ходе развития производства и социальных отношений, в ходе общественного разделения труда (или распределения социальных ролей) вычленялись определенные формы производства, социальные институты и т. д.

Известно, что в ходе истории могут возникать и при некоторых ситуациях возникали обобщенные формы духовной культуры и на бытовом уровне, охватывавшие всю этническую общность (народность, нацию), например, так называемые интрадиалекты, наддиалектные койне, общий фольклорно-сюжетный репертуар, общие черты народного изобразительного искусства и т. д. Однако, как правило, они все-таки существовали в локальных вариантах или более или менее сильно отличались в различных районах расселения этноса, а их ареалы не совпадали с этническими границами (ср., например, фольклор народов Кавказа, Средней Азии, малых народов Сибири и др., для которых в прошлом были характерны неоднократные этнические перегруппировки). Обычно только более или менее развитым профессиональным видам духовной культуры удается выработать обобщенные формы, имеющие значение для всего этноса. Именно они, особенно при определенных социально-политических и этнокультурных ситуациях, играют весьма важную роль в процессе формирования этнического сознания современных наций и в процессе этнической консолидации духовной культуры, т. е. выработки однородности духовной жизни этноса. Поэтому, выделяя основные типы духовной культуры народов предреволюционной России, необходимо иметь в виду, что для их характеристики важно выявить не только общие очертания структуры духовной культуры, но и степень и характер проникновения достижений профессиональной культуры в быт народа или иначе — функциональные взаимоотношения бытовых и профессиональных форм не только в сфере «производства», но и в сфере «потребления» духовной культуры. При этом, однако, приходится учитывать, что роль

профессиональных форм духовной культуры в прошлом резко ограничивалась неграмотностью наиболее многочисленных социальных слоев этноса, сосредоточенностью профессиональной культуры в городах, ее элитарностью и другими факторами, которые еще недостаточно исследованы.

На основе указанных критериев, представляется возможным выделить следующие главные типы духовной культуры народов России конца XIX — начала XX в.

1. Для народов, которых социалистическая революция застала на наиболее ранних ступенях развития (кочевое или полукочевое оленеводческое или охотничье-рыболовное хозяйство), было характерно архаическое, синкретическое состояние духовной культуры, т. е. недифференцированность функций отдельных ее форм (народных знаний, верований, фольклора, обрядов, народного искусства), отсутствие письменности, профессиональных форм культуры и развитого сознания права собственности в области духовного производства (т. е. авторства). На этой стадии находилось большинство так называемых малых народов Севера.

2. Для народов северной зоны Европейской части СССР и некоторых народов Поволжья, в хозяйстве которых преобладало земледелие (на Севере в сочетании с рыболовством и охотой), были характерны активные экономические и культурные связи с соседними народами, особенно русским (для карел также — с финнами, для народов Поволжья — с татарами и т. д.), относительно развитое двуязычие (главным образом мужского населения) и частичное использование иноязычной письменности (русской, арабской), а для некоторых из этих народов — попытки создания собственной письменности (ранней — с церковной целью: например, древней письменности коми, созданной Стефанием Пермским на основе русского алфавита еще в XIV в., или позже — со светскими целями: например, опыты карела Мирона Смирнова на рубеже XIX—XX в.), которые, как правило, не сыграли значительной историко-культурной роли, так как основная масса народа еще не могла быть к ним приобщена. Характерны первые, более или менее значительные опыты литературного творчества (например, просветитель коми И. А. Куратов, якутские просветители, марийские, мордовские, чувашские писатели и краеведы начала XX в. и др.), публикация произведений национального фольклора не только русскими, но и местными учеными (наиболее яркий пример — мордовский ученый М. Е. Евсевьев).

3. Для некоторых народов Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири (например, буряты) и Поволжья (например, татары) было характерно наличие письменности, возникшей, однако, на чужой графической основе (арабской, старомонгольской) и имевшей сравнительно ограниченную сферу применения (конфессиональные потребности, ученые сочинения традиционного характера и т. д.). У других народов этих областей наблюдались попытки создания письменности для своих языков на основе русской графики (на-

пример, осетины) или путем применения модифицированного арабского или персидского алфавита. Эти попытки совпали по времени с деятельностью первых просветителей, первыми (иногда весьма замечательными) литературными опытами (например, Коста Хетагуров у осетин), первыми сочинениями исторического и краеведческого характера (на родном, русском или ином языке). Внутри этой группы народов структура духовной культуры заметно разнилась, в частности в XVIII—XIX вв. по темпам развития — от туркмен (у которых в XVIII — начале XX в. существовала письменность на персидской основе, но в относительно ограниченной функции) до казахов, новый литературный язык которых активно формировался уже в предреволюционные годы, или, с другой стороны, до бурят и калмыков, отошедших от старомонгольской письменности и старомонгольского литературного языка только в советское время.

4. Для ряда народов, главным образом северо-запада Европейской части России (эстонцы, латыши, литовцы, финны) были характерны не связанные непосредственно и только с конфессиональными традициями национально-русское двуязычие, а также другие его формы (финно-шведское, эстонско-немецкое, латышско-немецкое, литовско-польское и т. д.), активное использование чужого литературного языка, имевшего современный многофункциональный характер и вместе с тем начало создания собственного литературного языка в XVIII—XIX вв., национальной науки и искусства, борьба за право иметь национальные школы, бурное развитие фольклористики, этнографии, истории и других гуманитарных наук.

5. Специфическая культурная ситуация сложилась у народов, обладавших давней и своей (у некоторых народов даже древней) письменной и литературной традицией (армяне, грузины) и давней литературой (узбеки, таджики, азербайджанцы и т. д.) на основе заимствованной графики. Для большинства этих народов в XVIII — XIX вв. или в предреволюционные десятилетия было характерно стремление передовой интеллигенции к перестройке национальной культуры⁷, имевшей в значительной мере средневековый или полусредневековый характер, развивавшейся чрезвычайно медленно и явно отстававшей от формировавшихся потребностей нового времени (отрыв традиционного письменного языка от живых диалектов, его специфические функции, связанные с незавершившейся секуляризацией, ограниченная и традиционная жанровая структура литературы и искусства и т. д.), демократизация письменности, расширение ее функций и т. д.

6. В особую группу выделяются старописьменные народы, длительное время пользовавшиеся письменностью, связанной с

---

⁷ Для некоторых народов этой группы характерно формирование заметного слоя ученых — гуманитариев, писавших как на русском, так и на родном языке (например, армяне, грузины).

близкородственным языком или старым литературным языком, из которого затем ответвлялись самостоятельные литературные языки, развивавшиеся неравномерно. В XIX—XX вв. эти народы, как правило, создавали новый литературный язык, сильно сближенный с народно-разговорной речью (например, украинцы, белорусы, молдаване, башкиры и др.), основы нового национального искусства, литературы и (особенно у украинцев) науки.

7. Специфическая ситуация была характерна для русской национальной культуры в XIX — начале XX в.

К концу XVII — началу XVIII в. многие профессиональные формы русской культуры имели уже длительные традиции, но в целом сохраняли средневековый характер. В XVIII—XIX вв. русская культура чрезвычайно активно воспринимала и перерабатывала достижения мировой культуры, оказывая со своей стороны на нее все возрастающее влияние. В этом смысле русская культура в предреволюционные десятилетия отличалась особой динамичностью, наибольшей интенсивностью и наиболее ярко выраженной обобщенностью этнических связей.

Выдающиеся русские ученые, писатели, художники, архитекторы уже к середине XVIII в. по уровню своих достижений стояли в одном ряду с лучшими представителями западноевропейской культуры. Примерно к середине XIX в. русские наука, литература, искусство обретают международное признание. Следует отметить также огромный вклад русского народа в культуру и общественную жизнь всего человечества в прошлом столетии и начале нашего века: всемирное влияние русского революционного движения и рост международного авторитета русской прогрессивной общественной мысли.

В процессе формирования русской нации развитие профессиональной культуры происходило в условиях сближения русской национальной культуры с культурами других народов России и, особенно, родственных восточнославянских народов — украинцев и белорусов. Этническая близость трех народов благоприятствовала не только их постоянному плодотворному взаимовлиянию, но и объединению усилий в ходе развития общественной мысли, науки, литературы, театра, музыки, живописи. У истоков русской национальной культуры нового времени рядом с именем первопечатника Ивана Федорова стоит имя его соратника белоруса Петра Мстиславца и его замечательного современника Георгия Скорины. Деятельность Киево-Могилянской академии, сыгравшей огромную роль в развитии раннего русского, белорусского и украинского просвещения, связана с именами белоруса Стефана Полоцкого, украинца Феофана Прокоповича, русского Стефана Яворского. В XVIII—XIX вв., как и позднее, многие украинские и белорусские ученые жили, творили и печатались в Петербурге и Москве, русские ученые — в Киеве, Харькове и Минске. Можно назвать целую плеяду русских писателей — выходцев из Украины (начиная с Н. В. Гоголя). Украинские писатели

Т. Г. Шевченко, Е. П. Гребенка, Г. Ф. Квитко-Основьяненко, Марко Вовчек писали и по-украински, и по-русски. Белорусский революционный демократ К. С. Калиновский, классики белорусской литературы Я. Купала и Я. Колас были теснейшим образом связаны с традициями русского общественного движения и русской литературы XIX—XX вв.

Общая картина духовной культуры предреволюционной России была сложной и в социальном отношении. Если у наиболее отсталых народов, несмотря на различную степень социальной и племенной выделенности родоплеменной верхушки или племенной знати, духовная культура отличалась сравнительно архаической однородностью, то для наиболее развитых наций была характерна резкая социальная дифференциация.

Во второй половине XIX — начале XX в. Россия была одновременно страной высоких достижений в области науки, литературы, искусства и страной, во многом сохранявшей фольклорные традиции, развитые народные промыслы и ремесла, уходившие корнями в глубокую древность. Традиционное народное искусство было для подавляющего большинства народов России того времени не только наследием, но и живым фактором народного быта. Высокие достижения науки и технической мысли старой России не могли сколько-нибудь значительно влиять на жизнь народа, в массе неграмотного или малограмотного. Петербург, Москва и еще несколько городов, во многом не уступавшие крупнейшим и передовым городам тогдашней Европы, сосуществовали с десятками городов, мало изменивших свой облик со времен средневековья (например, Самарканд, Бухара и др.), городами, имевшими полусельский облик, своеобразными купеческими городами Поволжья, новыми индустриальными центрами (например, Баку). Российские города были окружены тысячами деревень, в которых еще сохранились примитивные орудия труда, домотканая одежда, архаические аграрные или скотоводческие обряды, бытовали традиционные космогонические и антропогонические представления, стихийно материалистические воззрения объединялись в едином сложном клубке с воззрениями христианскими, магометанскими и т. п. и дохристианскими, доисламскими. Миллионы крестьян и рабочих были отрешены от достижений современной им науки и профессиональной культуры — литературы, музыки, изобразительного искусства, театра. В тундре Крайнего Севера, в степях Нижней Волги и Северного Кавказа, горных областях Алтая, Тянь-Шаня и Памира, пустынях Средней Азии и Казахстана целые народы или этнические группы вели традиционный кочевой или полукочевой образ жизни, тормозивший их культурное развитие. Их контакты с оседлым населением были разнохарактерными, но в целом они мало способствовали усвоению более прогрессивных форм духовной культуры. Социальная и сословная дифференциация духовной культуры и культурно-бытовая замкнутость локальных этнических групп тор-

мости выработку общенациональных форм культуры даже у наиболее развитых народов. Несмотря на усилия передовых деятелей культуры, лучшие достижения науки, литературы, искусства чрезвычайно медленно переливались из сферы профессионального творчества в сферу народного быта и поэтому их влияние на процесс этнической консолидации народов или на межэтнические отношения продолжало оставаться ограниченным.

Весьма пестрой была духовная культура предреволюционной России и в конфессиональном отношении — разновидности христианства, мусульманства, буддизм, ламаизм, иудаизм, разновидности архаических религий у народов Севера и Сибири и т. д.⁸ Хотя этнические и конфессиональные границы редко совпадают полностью, тем не менее взаимовлияние этнической и конфессиональной принадлежности сказывается в ходе исторического процесса достаточно ощутимо. В дореволюционной России национальный гнет, выразившийся в сфере духовной культуры в систематическом сдерживании и ограничении развития науки, литературы и искусства национальных окраин, третирувании их как «инородцев», подкреплялся деятельностью государственной православной церкви.

В свою очередь у неправославных народов настроения этнического превосходства и исключительности находили идеологическое обоснование в претензии на превосходство своей религии, как единственно истинной и единоспасающей. Религиозные различия были одним из источников национальной разобщенности и вражды, нередко доходившей в условиях царской России до кровавых эксцессов и вооруженных столкновений. Вспомним в этой связи хотя бы еврейские погромы и армяно-азербайджанские междоусобия — так называемое мултанское дело и др.

Отчужденность между различными этническими группировками поддерживалась и теми специфическими чертами быта, которые складывались под влиянием религий, распространенных среди населения этих группировок. Сюда относятся формы повседневного и праздничного быта, отражающиеся не только в области материальной культуры (особенностях пищи, одежды и т. п.), но и в выполнении религиозных обрядов, в соблюдении религиозных предписаний и запретов, в формах семейно-брачных, положении женщины, способах и особенностях воспитания детей. Верующему православному или иудею представлялся «нечистым» татарин или узбек, употребляющий в пищу конину, а мусульманин и иудей с отвращением относились к тому, что христианин ест свинину.

Конфессиональные различия были серьезным барьером и на пути к заключению смешанных браков, что было одним из препятствий к консолидации этнических групп в более широкие по масштабу образования.

⁸ Подробнее см. главу III настоящего издания.

Итак, разнотипность духовной культуры различных групп народов царской России, наличие языковых, конфессиональных, бытовых и обрядовых барьеров, — все это накладывало определенные ограничения на межэтнический культурный обмен даже в сфере профессиональной культуры. Что же касается бытовой сферы и форм традиционной духовной культуры, то контакты и взаимодействие здесь были еще более ограничены.

И все же межэтнические связи и межэтнический обмен в области духовной культуры развивались с древнейших времен. Историки культуры, этнографы, фольклористы, музыковеды, искусствоведы накопили значительный материал, ясно свидетельствующий о том, что взаимодействие этносов в области духовной культуры имело место всегда; при этом, разумеется, оно развивалось с большей или меньшей интенсивностью и в тех или иных формах в зависимости от этнических ситуаций, складывавшихся в определенные исторические периоды в конкретных историко-этнографических регионах. Особенно важны были при этом: а) общность происхождения народов, которая продолжала осознаваться; б) близость языков; в) наличие активных экономических и социальных связей; г) сходство социально-экономического уровня развития или по крайней мере — отсутствие более или менее значительного их различия; д) сосуществование в рамках одного политического объединения; е) общность религии и некоторые другие факторы. Хорошо известный в этнографии факт несовпадения границ распространения отдельных явлений культуры, в том числе и духовной, с этническими границами складывался как в результате параллельного развития отдельных явлений в разных этнических средах, так и за счет межэтнического обмена. Различение этих разных по происхождению явлений весьма сложно. Так, например, всем народам индоевропейской языковой семьи свойственна заметная общность сюжетного репертуара волшебных сказок архаического слоя, традиционных календарных и семейных обрядов, дохристианских (или доисламских) верований, древнейших типов обрядов. Вместе с тем отдельные группы индоевропейских народов имеют много общего не только между собой, но и с народами региона, в котором они расселены (например, восточные славяне и финно-угорские народы Восточной Европы, ираноязычные народы Средней Азии и тюркоязычные их соседи, осетины и другие народы Северного Кавказа и т. д.)⁹.

Как уже говорилось в одной из предыдущих глав, в предреволюционные десятилетия наблюдалась заметная активизация этнокультурных связей в процессе развития капитализма в России

---

⁹ О теории повторяемости явлений духовной культуры в разных этнических средах см. например: В. М. Жирмунский. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958.

и консолидации отдельных буржуазных наций и народностей, входивших в ее состав. В целом — хотя и в разных районах страны далеко неодинаково — все более сказывалась не только активизация экономических связей, но и возрастающая роль революционного движения и передовой общественной мысли, литературы и искусства. И все же культурные взаимосвязи по-прежнему еще заметно ограничивались различием языков (особенно большое значение это ограничение имело при контактах народов, принадлежавших к разным языковым семьям), очень сильными религиозными различиями, расовыми и национальными предрезаниями, неприязненными политическими отношениями, возникшими в результате колониальной и русификаторской деятельности царского правительства и, разумеется, различием уровня развития наций и народностей и отдельных этнографических групп, о котором мы уже говорили. Значительное число малых народов Севера и Сибири, часть народов Средней Азии и Северного Кавказа не только не имели современных форм профессиональной культуры, но и потребность в них только начинала осознаваться. Самоотверженная деятельность отдельных просветителей была ограниченной по своим социальным последствиям. Система народного образования была не только крайне несовершенной, но и весьма неравномерно охватывала народы, населявшие царскую Россию. У большинства мусульманских народов существовали духовные школы (мектабе и медресе), обучение в которых велось на труднодоступном арабском или персидском языках по книгам главным образом религиозного содержания. Система народного образования у «христианских» или позже «христианизированных» народов была также ограниченной, особенно в сельских местностях (земские или церковноприходские начальные классы), преподавание велось в нерусских районах главным образом на русском языке (Украина, Белоруссия, Молдавия, Карелия и др.) и на других языках, имевших более или менее ограниченное распространение в быту этих народов (например, в Эстонии и Латвии — на немецком языке, в Литве — на польском). Система среднего и высшего образования предусматривала определенные сословные и отчасти национальные (например, для евреев) ограничения, ограничения для женщин и т. д.

Следует подчеркнуть, что преподавание в существовавших тогда школах или отправление религиозных обрядов на бытовых языках вместе с тем не вело к развитию более или менее широкого бытового и тем более культурного двуязычия, которое могло бы способствовать культурному сближению народов, так как вторым языком овладевал, как правило, лишь узкий слой каждого народа (немногочисленная интеллигенция, представители местной администрации, духовенства и т. д.). Относительное единство в конфессиональных или региональных пределах было единством верхушечных и в сословном отношении замкнутых слоев культуры. В низших социальных слоях продолжали господ-

ствовать (ограничивавшиеся перечисленными выше факторами) только бытовые контакты с родственными или соседними народами. В зонах этнических контактов или чересполосного расселения народов это вело к бытовому двуязычию так называемого маргинального характера, в некоторой степени способствовавшему культурному обмену (который, однако, развивался в ограниченных масштабах). Заметную роль в этом процессе сыграли активизировавшиеся во второй половине XIX — начале XX в. миграции, особенно продолжавшиеся миграции русских, украинцев и белорусов в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. В других случаях это было связано с развитием в национальных районах промышленных и торговых центров всероссийского значения (Баку, Рига, Одесса, Донбасс, Кривой Рог и т. п.). Характерно, что смешанные браки, которые могли способствовать развитию культурных взаимоотношений этносов (в том числе и в области духовной культуры), перенося их во внутрисемейную сферу, имели более или менее значительные масштабы только в районах контакта народов, исповедовавших одну религию (места расселения карел, коми, мордвы среди русских и т. п.), особенно в районах, куда переселились главным образом молодые мужчины (Забайкалье, Дальний Восток). Для этнических взаимоотношений предреволюционных десятилетий в области духовной культуры очень существенным было то обстоятельство, что наибольшей миграционной активностью отличались восточные славяне и они в основном в низших социальных слоях, как правило, и были носителями бытового двуязычия в национальных районах, составляя здесь меньшинство. Исключением были лишь отдаленные многонациональные районы с преобладающим русским населением (например, Поволжье). Бытовое двуязычие в этих районах имело различные варианты в зависимости от конкретной этнической ситуации данной местности (русско-татарское, татарско-русское, мордовско-русское).

Как правило, в этих случаях двуязычие было ограничено в функциональном отношении, затрагивало семейную и обрядовую сферы, в максимальных случаях охватывало некоторые фольклорные слои. Так, например, давние экономические и культурные контакты русских и карел и некоторое количество этнических смешанных браков обусловили фольклорный обмен между этими народами, однако он развивался весьма своеобразно. Существование эпических песен у карел и русских (руны и былины) привело в условиях маргинального и главным образом мужского двуязычия к тому, что некоторые карелы (например, известный карельский сказитель Т. Е. Туруев) и некоторые русские сказители (например, выдающийся сказочник М. М. Коргуев) знали и исполняли эпические песни соседнего народа, однако говорить о взаимовлиянии эпосов в целом нельзя, они продолжали оставаться разностадийными и в значительной мере непроницаемыми друг для друга. Русские и карелы создавали исторические

песни на одни и те же сходные темы (например, об осаде Выборга), однако говорить о влиянии карельских исторических песен на русские или наоборот тоже нет оснований. Так же примерно обстояло дело в арханчском слое волшебной сказки и обрядового фольклора (например, карельские трудовые, заклинательные и русские календарно-обрядовые песни). С другой стороны, исследователи отмечают живой взаимообмен в области поздних по своему происхождению бытовых сказок, исторических преданий, пословиц и поговорок, лирических песен, некоторых форм обрядового фольклора (например, свадебные песни) и песен литературного происхождения, а в последние десятилетия перед революцией — песен рабочих и революционных. Причем, во многих случаях (особенно для перечисленных выше типов поздних по своему происхождению песен) воспринимавшей средой оказывались карелы.

Развитие капиталистических отношений в России во второй половине XIX — начале XX в. в целом влекло за собой размывание национальной замкнутости и ломку средневековых форм духовной культуры, доставшихся в наследство от периода феодализма. Однако даже для наиболее развитых наций (русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, татары и т. д.) было характерно резкое преобладание сельского населения, обилие пережитков феодализма, которые в сфере духовной культуры выражались прежде всего в неграмотности подавляющего большинства населения, классовой и даже сословной дифференцированности форм культуры, влиянии церкви и духовенства в сфере народного образования. Вместе с тем у ряда народов развивался процесс формирования пролетариата и прогрессивной интеллигенции, видевших в царизме общего врага и искавших межнациональных контактов в общественном движении и классовой борьбе (Грузия, Армения, Азербайджан, и особенно Украина, Белоруссия и Прибалтика, в несколько меньшей степени Средняя Азия и Казахстан).

Для большинства народов одновременно были актуальны проблемы национального самоопределения и самостоятельности, национального возрождения и социальной борьбы.

И наконец, если в целом для царской России можно констатировать относительное отставание культуры от социально-экономического развития, то для ряда народов, начиная со второй половины XIX в., было характерно ускорение развития передовых форм духовной культуры (естественных наук, общественно-политических теорий, философии, политической экономии, исторических знаний, этнографии, литературы, искусства) и нарастание конфликта научной и общественной мысли с социальным, экономическим и политическим строем страны, в том числе с ее административным устройством и системой народного образования, не соответствовавшим интересам развивавшихся наций и народностей, тормозившим их культурное и этническое развитие.

Чрезвычайно характерным как для культурной и политиче-

ской ситуации предреволюционной России, так и для культурных взаимоотношений народов, в нее входивших, было то обстоятельство, что передовая русская профессиональная культура этих десятилетий во многих ее разновидностях была в остром конфликте с официальной идеологией и правительством. Поэтому передовыми представителями других народов России она воспринималась как особенно быстро развивавшийся и динамичный фланг культуры многонациональной страны. Это обстоятельство сыграло чрезвычайно важную роль в формировании национальных установок и ценностных ориентаций передовых слоев интеллигенции и рабочего класса национальных окраин. Демократическая по своей направленности передовая русская общественная мысль, русская литература и искусство были своеобразным катализатором, способствовавшим развитию духовной культуры других народов России. Вместе с тем уже в те годы в создании русской культуры в некоторой мере принимали участие ученые, общественные деятели, писатели, художники нерусского происхождения — украинцы, белорусы, армяне, грузины, латыши, эстонцы, литовцы, татары, поляки, евреи и др.

К концу XIX — началу XX в. фольклорным традициям, традиционным народным знаниям и народным ремеслам и искусству начинает угрожать гибель. Они заметно деформируются под напором капиталистических отношений, растущего влияния рынка, поверхностного восприятия модернистских стилей и т. д. В связи с тем, что перспектива развития современных форм искусства еще не прорисовывалась с достаточной ясностью, это воспринималось определенной частью национальной интеллигенции как трагическая потеря этнической самобытности. Вместе с тем в условиях царской России нельзя было и думать о массовом приобщении народа к образованию, науке, литературе, искусству или о выработке рациональной государственной системы охраны памятников, сохранения традиционных художественных ремесел и фольклорного наследия. Изменить эту трагическую для судьбы народной культуры ситуацию могла только социалистическая революция и последовавшие за ней социальные, экономические и культурно-бытовые преобразования, создавшие почву для формирования общенародной культуры, обеспечившие возможность усвоения и переработки лучших достижений мировой науки, искусства и литературы и сохранение богатейшего опыта народных традиций.

3. Выравнивание уровня культурного развития народов СССР

Общезвестны успехи, которых достигла наша страна в области духовной культуры более чем за полвека существования социалистического государства. Большое значение в этом отношении имело выравнивание уровней культуры у народов СССР, оказав-

шее огромное влияние на развитие самого механизма межэтнических отношений в данной сфере.

В силу особенностей исторического пути отдельных народов СССР уровень их культурного развития не только в прошлом, но в известной мере и теперь различен. Это выражается как в материальной базе функционирования культуры, так и в уровне культурного развития самого населения. Последнее анализировать особенно сложно. Об этом можно составить представление по образованию, культурным интересам трудящихся, фактам, свидетельствующим о потреблении и усвоении культурных ценностей, активности участия в создании современных форм духовной культуры. Между тем далеко не все эти характеристики изучаются современной этнографической, исторической и социологической наукой, некоторые из них только еще начинают исследоваться с помощью конкретно-социологических методов. Трудность состоит также в том, что изучение уровня культурного развития требует строгой сопоставимости количественных показателей. Поэтому приходится ограничиваться лишь тем материалом, который позволяет провести необходимое сравнение.

Определенные затруднения для нас связаны также с тем, что статистические органы разрабатывают, как уже говорилось, большинство показателей не по национальностям, а по государственно-административным образованиям — республикам, областям, округам. В подавляющем большинстве случаев это, однако, те территории, в пределах которых живет основной массив нации или иных этнических образований. Поэтому мы рассматриваем условия культурной жизни в республиках как культурную среду, в которой происходит этническое развитие основной массы данного народа. Конечно, представители всех наций и народностей в принципе могут пользоваться культурными богатствами других республик. Чаще всего это касается высшего образования. Для многих народов существенную роль в их социальном развитии сыграла подготовка кадров в давно сложившихся культурных центрах, расположенных за пределами национальных территорий. Однако доминирующее влияние на этнокультурное развитие народов оказывает та среда, где проживает основная часть нации или народности.

Изменения в уровне культурного развития происходили в стране и как естественный результат социально-экономических процессов, и под воздействием целенаправленной политики партии и государства. Индустриализация, урбанизация, преобразование социальной структуры этносов создавали основу для совершенствования условий их культурной жизни. Но и сама культура масс, как известно, влияет на эти процессы. Поэтому государство, заинтересованное в быстром экономическом прогрессе, постоянно заботится о культурном росте населения. Однако непосредственные утилитарные цели никогда не были единственными в культурной политике социалистического государства. С момента создания советского государства партия и правительство счита-

ли своей обязанностью обеспечить трудящимся всех без исключения национальностей право на образование, на участие в культурном творчестве.

Разные возможности и конкретные экономические и политические задачи на отдельных этапах истории нашего государства определяли превалирование тех или иных конкретных форм его культурной политики.

В первые годы Советской власти (вплоть до конца восстановительного периода) культурная политика определялась прежде всего необходимостью демократизации профессиональных видов духовной культуры, политического просвещения масс и обеспечения декларированных революцией прав. Советская власть сразу отменила всякие привилегии (и социальные, и национальные) в пользовании благами культуры и образования. В области просвещения это выразилось в организации и расширении сети школ на национальном языке, ликвидации всех сословных ограничений и постепенной подготовке кадров для новой сети просвещения. Школа была отделена от церкви, создавались новые программы обучения.

Партия и государство ставили задачей, установив правовое равенство наций, осуществить ликвидацию фактического неравенства народов в области культуры¹⁰. Создавалась новая, советская печать, которая ставила своей целью политическое и культурное просвещение масс. Только Народным Комиссариатом по делам национальностей (Наркомнац) к 1920 г. издавалось 60 газет на национальных языках¹¹. В первые годы Советской власти государство применило такую действенную меру демократизации культуры, как бесплатное культурное обслуживание. Плата за обучение в школе была отменена, в высших и средних специальных учебных заведениях, на рабфаках учащиеся обеспечивались стипендией. Вход в театры и музеи стал бесплатным, газеты распределялись среди трудящихся тоже бесплатно. Организовывались рабочие клубы, красные уголки, библиотеки-передвижки, агитпоезда и агитпароходы. Для руководства просвещением в районах с нерусским населением при Наркомнаце были созданы национальные культурно-просветительные отделы.

Первостепенной задачей в области культурного развития являлась тогда ликвидация неграмотности населения и распространение начального образования. В октябре 1918 г. Народный Комиссариат просвещения принял постановление о школах для национальных меньшинств. В постановлении говорилось, что все национальности имеют право на обучение на родном языке в единой трудовой и высшей школе. Для развития классовой солидарности, облегчения общения населения в национальных школах

---

¹⁰ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. Резолюция X съезда РКП(б). М., 1954, стр. 559.

¹¹ М. П. Ким. 40 лет Советской культуры. М., 1957, стр. 42.

вводилось обязательное изучение того языка, на котором говорило большинство населения¹².

При общем бедственном состоянии образования и недоступности широким массам ценностей духовной культуры, созданных профессионалами, уровень культурного развития народов, вступивших на путь социалистического строительства, был существенно различным. Так, например, в Грузии 22% населения было неграмотным, а в Туркестанском крае среди представителей коренных национальностей неграмотных было около 98%. У армян было только 14 средних школ (полных и неполных), а у таджиков, туркмен, киргизов таких школ на национальном языке не было. Народности Крайнего Севера не имели представления ни о школе, ни о грамоте.

Число школ и учащихся в районах, наиболее отстававших в культурном развитии, уже в первые послереволюционные годы росло особенно быстро. К 1920 г. в Туркестанском крае, например, детей узбеков, таджиков, туркмен и киргизов в начальных школах училось в 16 раз больше, чем в 1915 г. Учительские кадры готовились здесь в 7 учительских институтах, 2 педагогических школах и на 37 педагогических курсах. Началась работа по составлению учебников для национальных школ.

Уже первые сдвиги в области развития образования создали условия для подъема уровня культурного развития всех народов страны.

В 20-е годы наибольшие успехи в образовании, в создании школ, пунктов ликвидации неграмотности и т. п. имелись там, где в прошлом был сравнительно более высокий культурный уровень. Наличие материальной базы — помещений, пособий, а также хотя бы минимума педагогических кадров позволило сразу же, тоже, разумеется, в определенных пределах расширить систему просвещения.

Если на Украине уже к 1925 г. создавались реальные предпосылки для широкого охвата детей школьного возраста начальным образованием, то в Казахстане в 1927/28 учебном году посещало школу лишь 20% детей школьного возраста. В районах с мусульманским населением, где до революции почти все дети коренных национальностей обучались в духовных школах, даже системе начального образования приходилось строить заново, а для десятков народностей предстояло создать свою письменность, чтобы организовать обучение на родном языке.

Возможность добиться решающих сдвигов в изменении культурной среды появилась лишь с конца 20-х и в 30-е годы.

Реконструкция народного хозяйства потребовала роста общего образования кадров, притока квалифицированных специалистов. В этот период просвещение трудящихся, подготовка кадров со

---

¹² См.: «Политика Советской власти по национальным делам за три года». М., 1920, стр. 154.

средним и высшим специальным образованием являлись необходимым инструментом в осуществлении политики индустриализации различных районов страны. Вместе с тем сами хозяйственные успехи позволяли выделить необходимые средства для расширения материальной базы культуры. Именно в годы предвоенных пятилеток создана основная сеть школ, клубов, театров, музеев, осуществлено строительство большинства вузов, сложилась полиграфическая база в республиках.

XVI съезд ВКП(б) (1930 г.) принял решение о введении закона о всеобщем начальном образовании. Добиться его претворения в жизнь в республиках удалось в разные сроки. В Армении уже к 1932/33 году 98,5% всех детей было охвачено школой первой ступени. А к 1933/34 г. в городах Армении практически перешли к всеобщему семилетнему образованию¹³. К 1933/34 г. 98% детей было охвачено всеобщем в Грузии, к концу 1934 г. обязательное начальное обучение осуществлено в Азербайджане.

Труднее было ввести всеобщее обучение в Казахстане и Средней Азии. Особенно это касалось сельских жителей и прежде всего девочек. В Казахстане к 1940 г. было охвачено школой 98% детей¹⁴. В Туркмении война помешала полному осуществлению всеобщего начального образования, и оно было здесь завершено только в 1949/50 учебном году¹⁵. Особенно трудно было организовать школьное обучение у малых народов Севера, а также у народов, которые только еще переходили к оседлому образу жизни или жили в труднодоступных горных районах. К началу 30-х годов в образованном тогда Эвенкийском округе было всего три школы, а к середине 30-х годов возникло еще 22.

В годы предвоенных пятилеток в республиках была создана основа современной сети общеобразовательных школ. Впоследствии строились новые школьные здания, изменялся контингент учителей, росло количество семилетних и средних школ и уменьшалось число начальных, но общее число школ существенно не менялось.

В 30-е годы была ликвидирована неграмотность абсолютного большинства взрослого населения. Несколькими медленнее решалась эта задача в Средней Азии, у народов Севера, немногочисленных народов Сибири, Алтая, но и здесь были достигнуты громадные успехи. По переписи 1939 г. на Украине и в Грузии в возрасте от 9 до 49 лет было около 90% грамотных; в Белоруссии, Казахстане, Азербайджане, Таджикистане, Армении в этом возрасте было 80—84% грамотных; в Киргизии, Туркмении, Узбекистане — около 80%¹⁶.

¹³ «Развитие социалистической культуры в союзных республиках». М., 1962, стр. 170.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 331.

¹⁶ «Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР». М., 1962, стр. 89.

В предвоенные пятилетки, как отмечалось выше, уже были созданы многочисленные кадры национальной интеллигенции, активно осуществлялась так называемая «коренизация» аппарата. Во второй половине 20-х и в 30-е годы была создана основная часть вузов и значительная часть средних специальных учебных заведений, функционирующих и поныне. К 1940/41 учебному году на Украине работало 173 высших учебных заведения, в Белоруссии — 25, Узбекистане — 32, Казахстане — 19, Азербайджане — 15, Киргизии — 6, Таджикистане — 9, Туркмении — 5. Число вузов в автономных республиках и областях РСФСР выросло за годы первой пятилетки с 10 до 50¹⁷. Однако еще не во всех автономных республиках и национальных областях имелись свои вузы (например, не было их в Калмыцкой АССР, Горно-Алтайской АО), но молодежь коренного населения этих районов, как, впрочем, и других республик и областей, имеющих свои вузы, училась в высших и средних специальных учебных заведениях, расположенных в Москве, Ленинграде, Казани и других старых центрах культуры.

Наибольшее количество специалистов подготавливалось в вузах Российской Федерации и Украины. Здесь не только готовили студентов из других республик, но и направляли часть русских и украинцев, ставших специалистами, в иные республики, национальные области и округа. Больше же всего учащихся вузов уже в 1928/29 г., а к 1938/39 г. и учащихся техникумов, в расчете на тысячу жителей было в Грузии. К 1940 г. второе среди республик Союза место по удельному весу студентов в составе населения занимала Армения, опережал среднесоюзные показатели и Азербайджан. В силу того, что перераспределение кадров осуществлялось здесь главным образом в пределах закавказских республик (некоторое исключение составляли армяне), насыщение специалистами народного хозяйства шло особенно интенсивно.

В целом же сеть школ, высших и средних специальных учебных заведений за годы предвоенных пятилеток стала такой, что она открыла массам не только в центральных районах страны, но и на бывших национальных окраинах доступ к знаниям.

Рост национальных кадров и одновременно прибывших из других районов специалистов позволил создать в республиках собственную базу для развертывания научно-исследовательской работы. К открытой в 1919 г. Академии наук Украинской ССР в 1929 г. прибавилась еще одна республиканская Академия — в Белорусской ССР. В 30-е годы были организованы филиалы Академии наук СССР в Азербайджанской, Армянской, Казахской, Таджикской, Туркменской, Узбекской ССР. В 1941 г. была основана

---

¹⁷ «Народное хозяйство СССР в 1959 г.» М., 1960, стр. 741, 742; «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1933, стр. 248.

Академия наук Грузинской ССР. Научно-исследовательские институты начали работать в предвоенные годы в Башкирской, Бурят-Монгольской, Дагестанской, Марийской и ряде других автономных республик¹⁸.

Повышение уровня образования населения, создание условий для постоянного увеличения кадров национальной интеллигенции несомненно способствовало развитию профессиональной культуры у всех народов.

Для распространения культуры имело большое значение развертывание во всех районах страны сети культурно-просветительных учреждений — клубов, библиотек, красных уголков, избчитален и т. д. Так, в районах Крайнего Севера получили распространение «красные чумы», на летних пастбищах Средней Азии и Кавказе — «агитповозки», в Казахстане кочевое и полукочевое население обслуживалось «красными юртами» — передвижными клубами-библиотеками. Начало 20-х годов было временем становления массовой печати в большинстве союзных и автономных республик. С конца 20-х и в 30-е годы этого рода издания получили широкое распространение. Повышение грамотности, образования населения и рост полиграфической базы, издание в республиках печатной продукции на языках коренных национальностей¹⁹ создали условия для проникновения газет, журналов и книг в повседневный быт широких кругов населения. В союзных и в большинстве автономных республик уже в предвоенные пятилетки были организованы свои издательства. Однако, несмотря на громадные успехи в распространении источников культурной информации, доступность их населению в отдельных районах страны была еще разной (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, лучше других обслуживалось культурно-просветительными учреждениями население Украины, Закавказских республик, Казахстана. Заметно меньше было клубов, библиотек в Таджикистане, Белоруссии, Узбекистане. В республиках, вошедших в СССР накануне Отечественной войны, положение было разным. Если в Эстонии эти показатели были довольно высокими, то в Литве, Молдавии и Латвии «очагов культуры» имелось меньше, чем в других союзных республиках. Что касается РСФСР, то в ее центральных районах и в автономных республиках и областях условия культурной жизни заметно различались.

В центральных районах РСФСР один клуб приходился более, чем на полторы тысячи жителей, в Коми, Чувашской, Удмуртской и Бурят-Монгольской АССР — несколько больше, чем на тысячу жителей, а в Якутии — даже меньше, чем на тысячу жи-

---

¹⁸ О числе специалистов и научной интеллигенции в составе национальностей союзных и автономных республик см. главу V настоящего издания.

¹⁹ См. главу VIII настоящего издания.

Таблица 1. Обеспеченность населения республик библиотеками, книжным фондом, клубами, газетами республиканских издательств в 1940—1941 гг.*

Союзные республики и по СССР в целом	Число			Разовый тираж газет на 1 чел.
	массовых библиотек на 10 тыс. чел.	книг и журналов в массовых библиотеках на 100 чел.	клубов на 10 тыс. чел.	
Украинская	5,5	88	6,2	1,7
Белорусская	4,7	56	4,3	1,2
Узбекская	2,7	38	4,3	1,4
Казахская	6,4	80	8,7	1,6
Грузинская	4,4	48	4,1	2,0
Азербайджанская	4,3	80	5,1	1,9
Литовская	0,6	20	0,3	1,0
Молдавская	1,0	47	1,4	0,2
Латвийская	0,9	43	0,4	2,1
Киргизская	4,0	49	3,9	1,3
Таджикская	2,7	32	3,4	1,9
Армянская	7,1	54	7,0	1,8
Туркменская	5,7	95	6,0	2,0
Эстонская	8,5	93	4,3	1,8
СССР	5,0	62	6,2	2

* Расчеты произведены на основании данных сборников: «Культурное строительство СССР» (М., 1956) и «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР» (М., 1962).

телей. Однако плотность населения в этих республиках была различна и в районах с менее компактным населением естественно культурное обслуживание улучшалось медленнее. Поскольку город располагал большими возможностями, выигрывали урбанизированные народы.

Стационарные музеи в своем большинстве и театры оставались по сути дела атрибутами городской культуры или в лучшем случае охватывали пригородные зоны.

Во многих республиках основная сеть музеев и театров была развернута в 30-е годы. С 1928 по 1941 г. в Казахстане число музеев выросло с 6 до 26, в Азербайджане — с 2 до 22, в Армении — с 4 до 11, в Грузии — с 13 до 38. На Украине, в Белоруссии, Узбекистане большая часть музеев была создана уже в 20-е годы, однако и в этих республиках музейная сеть в 30-е годы расширилась примерно на одну треть.

Надежную материальную базу получило в годы предвоенных пятилеток и профессиональное театральное искусство. Это выразилось как в расширении финансовых ассигнований, так и в выделении необходимых помещений. В это время в республиках было открыто большинство театров, функционирующих и поныне. С 1928 по 1941 г. число театров увеличилось в Белоруссии с 10 до 20, Узбекистане — с 6 до 45, в Казахстане — с 4 до 40, в Грузии — с 13 до 48, в Азербайджане — с 8 до 31, в Киргизии — с 1 до 18, в Таджикистане — с 1 до 23, в Армении — с 6 до 27, в Туркмении — с 2 до 14. Тогда были открыты театр оперы и балета в Минске, театр имени Спендиарова в Ереване, Таджикский театр оперы и балета имени Айни, Казанский театр оперы и балета и другие, успешно работающие и теперь.

Расширение сети стационарных театров обеспечивало не только возможность развития этого вида профессиональной культуры народов, но и выражение национального самосознания посредством этого нового для ряда народов вида искусства.

Открытие музеев (художественных, историко-революционных, краеведческих) также оказывало влияние на этнокультурные процессы, содействуя осознанию как места и роли национальных традиций в общечеловеческой культуре, так и общности человека с судьбой народа, представителем которого он является.

В годы довоенных пятилеток быстрыми темпами шла радиофикация. В городах она практически была осуществлена во всех республиках. Городскому населению стало доступно кино, начало проникать оно и в сельские районы. Важным средством информации стали газеты. Все это имело чрезвычайно существенное значение не только с точки зрения политического воспитания масс, но и в отношении распространения общих норм морали, этики, ценностных ориентаций, навыков и обычаев. Это способствовало сближению людей различных национальностей, выработке сходных представлений и взглядов, и в конечном счете — общих черт в духовной культуре народов СССР.

Нагрянувшая война задержала развитие учреждений культуры. Вместе с тем годы войны сыграли большую роль в формировании общесоветского патриотизма как явления межнационального, в осознании общности исторической судьбы, целей и стремлений всех советских людей.

После войны понадобилось целое пятилетие для того, чтобы восстановить материальную базу культуры, созданную в предвоенные годы. В 50-е годы сильно выросли ассигнования на культуру. Расходы на просвещение в республиках увеличились почти в два раза, а в некоторых из них — более, чем в два раза.

В это время осуществлялся переход к всеобщему семилетнему и десятилетнему образованию в городах. В начале 50-х годов только в Грузии и на Украине доля учащихся в 5—7 и 8—10 классах превышала 40%, в 1955/56 г. в большинстве республик учащиеся 5—10 классов составляли уже более половины

всех школьников. Медленнее осуществлялось семилетнее и десятилетнее образование в республиках Средней Азии. Сказывались трудности организации школ на селе и особенно привлечения в среднюю школу девочек и девушек.

Быстрые успехи делали республики, позже других вошедшие в состав Советского Союза. В Латвии уже к 1951—1952 гг. было осуществлено всеобщее семилетнее обучение. В Эстонии, где в прошлом, как и в Латвии, было обязательное шестилетнее обучение, главной проблемой стало улучшение школьного обслуживания села. В Литве и Молдавии переход к всеобщему семилетнему образованию осуществлялся с 50-х годов.

Существенные сдвиги в области просвещения произошли в 50-е годы на селе. Это имело особое значение, ибо большинство населения коренных национальностей отсталых в прошлом районов проживало в сельской местности. Республики Средней Азии и Казахстана именно в 50-е годы достигли прогресса в женском образовании (см. табл. 2).

Таблица 2. Уровень образования женщин коренных национальностей республик Средней Азии и Казахстана в 1939 и 1959 гг.*

Национальности и по СССР в целом	Число имеющих высшее и среднее (включая неполное среднее) образование на 1000 человек	
	в 1939 г.	в 1959 г.
узбечки	6	165
казашки	6	133
киргизки	3	150
таджички	4	157
туркменки	3	205
СССР	71	271

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР», стр. 234—235.

Значительными были успехи в подготовке специалистов высшей квалификации. Количество вузов почти не изменилось (за исключением Прибалтики), но прием в них в большинстве республик расширился. 50-е годы и затем период семилетки были временем, когда наиболее заметно расширилась база подготовки высококвалифицированных кадров в республиках Средней Азии. Если с 1950/51 по 1958/59 учебный год число мест увеличилось в Азербайджане на 21%, в Армении — на 25%, Грузии — на 45% (следует к тому же учитывать, что это те республики, где в предыдущие годы были достигнуты наиболее высокие по-

казатели подготовки специалистов), то в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, Туркмении, Казахстане контингент вузов увеличился более, чем вдвое²⁰⁻²².

Одновременно осуществлялась перестройка системы подготовки кадров различных специальностей. В среднеазиатских республиках происходило расширение или создание новых факультетов и кафедр, готовящих специалистов технических профилей. Была создана собственная материальная база для подготовки производственной интеллигенции. Быстрее, чем в среднем по Союзу, в рассматриваемые годы расширялась подготовка квалифицированных специалистов в Литве, Молдавии, Белоруссии — т. е. республиках, к началу 50-х годов имевших относительно меньше студентов.

Такие темпы подготовки кадров явились в значительной мере следствием изменений в экономическом развитии республик. В среднеазиатских республиках, Казахстане, Литве, Молдавии, Белоруссии в годы пятой пятилетки и семилетки сохранились высокие темпы промышленного развития, широко вводились новые производственные мощности. Потребность в квалифицированных кадрах здесь была особенно велика. В то же время это — республики, в хозяйстве которых высок удельный вес сельскохозяйственного производства. Известно, с другой стороны, что в эти годы в развитии сельского хозяйства произошли существенные сдвиги — повысилась механизация²³, государством создавались условия для обеспечения сельскохозяйственного производства специалистами. Тем самым развитие экономики активно стимулировало культурные преобразования. В результате за 50-е годы возможности для получения высшего образования и вообще культурного роста у представителей различных национальностей заметно выравнивались.

За 60-е — начало 70-х гг. число мест в вузах и техникумах увеличилось почти во всех республиках более, чем вдвое²⁴. Повышение общеобразовательной подготовки заметно влияло на выравнивание возможностей представителей всех наций в получении специального образования. Хотя высокие темпы роста подготовки студентов были свойственны всем республикам, относительные показатели числа студентов все же продолжали различаться. Коэффициент вариации, фиксирующий отклонение республикан-

---

²⁰⁻²² «Культурное строительство СССР», стр. 208—209; «Народное хозяйство СССР в 1959 г.», стр. 741—742.

²³ Об этом убедительно свидетельствуют данные о росте энерговооруженности труда в республиках. См.: «Народное хозяйство СССР в 1961 г.» М., 1961, стр. 413; «Народное хозяйство СССР в 1965 г.» М., 1966, стр. 395.

²⁴ Особенно быстрыми темпами росло число мест в вузах и техникумах среднеазиатских республик и Казахстана. См.: «Народное хозяйство СССР в 1969 г.». М., 1970, стр. 682; «Народное хозяйство СССР в 1973 г.». М., 1974, стр. 715.

ских показателей от среднесоюзных, составлял в 1959/60 учебном году 23,3%, а в 1969/70—21,9%. Заметно изменилось представительство национальностей в готовящихся кадрах специалистов (см. табл. 3).

Анализируя данную таблицу, надо иметь в виду, что представители каждой национальности реализуют право на высшее образование не только в пределах своей республики (и этот факт находит отражение в данной таблице). Однако важно другое. Еще в начале 60-х годов относительное число студентов среди всего населения в республиках было выше, чем среди основной национальности (на 1 тыс. человек). К 1970 г. у большинства национальностей союзных республик число студентов на 1 тыс. человек стало больше, чем среди коренного населения республик. Никогда в прошлом все народы Советского Союза не реализовали столь полно свое право на образование.

С повышением культуры трудящихся возрастала их потребность в совершенствовании материальной базы культуры. Государство регулировало темпы строительства культурных учреждений так, чтобы постепенно выровнять условия жизни в разных регионах страны.

Это находило отражение, в частности, в строительстве культурных учреждений. В 1958/59 учебном году в большинстве республик на 1 тыс. человек населения в возрасте до 20 лет²⁵ приходилось приблизительно 2 школы, в Белоруссии, Литве, Таджикистане, РСФСР, Эстонии, Грузии — примерно 3—4 школы. Поскольку, однако, в Грузии и Эстонии значительная часть населения проживает в городах, школьное обслуживание здесь было особенно благоприятным.

В первой половине 60-х годов в целом по СССР вследствие перехода к всеобщему восьмилетнему образованию и ликвидации однокомплектных школ число школьных учреждений сократилось. Однако в республиках за исключением РСФСР, Латвии, Эстонии сеть общеобразовательных школ все же выросла, причем особенно увеличилось число школ в Узбекистане, Туркмении, Азербайджане, Армении, т. е. в тех республиках, в которых в начале 60-х годов школьное обслуживание было в несколько худшем состоянии.

В послевоенные годы были достигнуты заметные успехи в развитии клубной сети. В 1940 г. республики резко различались по степени оснащения клубными учреждениями. В РСФСР тогда на 10 тыс. населения приходилось около 7 клубов, в Казахстане — 9. В то же время в Литве и Латвии, только вступивших в семью советских народов, эти показатели были значительно ниже:

---

²⁵ Расчеты приходится производить по возрастным группам, определенным переписью населения: до 9 лет и 10—19 лет. Исходные данные см.: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР», стр. 54; «Народное хозяйство СССР в 1959 г.», стр. 684.

Таблица 3. Изменения в подготовке кадров специалистов высшей квалификации по союзным республикам и национальностям союзных республик*

Республики и их коренные национальности	Число учащихся в вузах на 1 тыс. человек населения в учебные годы			
	1959/60		1969/70	
	среди всего населения республики	среди корен- ной нацио- нальности	среди всего населения республики	среди корен- ной нацио- нальности
РСФСР	12		20	
русские		7		21
УССР	9		17	
украинцы		5		15
БССР	7		15	
белорусы		4		14
Узбекская ССР	11		19	
узбеки		5		16
Казахская ССР	7		15	
казахи		6		19
Грузинская ССР	12		19	
грузины		9		27
Азербайджанская ССР	8		19	
азербайджанцы		6		20
Литовская ССР	9		18	
литовцы		7		18
Молдавская ССР	7		13	
молдаване		3		11
Латышская ССР	9		17	
латыши		7		16
Киргизская ССР	8		16	
киргизы		7		17
Таджикская ССР	9		15	
таджики		5		13
Армянская ССР	11		21	
армяне		7		22
Туркменская ССР	8,5		13	
туркмены		6		15
Эстонская ССР	10		17	
эстонцы		7,6		18

* См. «Народное хозяйство в СССР в 1959 г.», М. 1960, стр. 725; «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», М., 1971, стр. 651; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», М., 1973, стр. 9.

соответственно — 0,2 и 0,5²⁶. К началу 60-х годов столь резких отклонений уже не было, а самые высокие показатели обеспеченности клубными учреждениями были в Литве: 8 клубов на 10 тыс. жителей. Таким образом распространенность клубов стала равномернее. Коэффициент вариации по интересующему нас показателю составил всего 18%, в то время как в 1940 г. он равнялся 53,5%.

В конце 60-х — начале 70-х годов известные различия сохранялись в основном в клубном обслуживании сельского населения республик²⁷.

Другим показателем, характеризующим культурную среду, является число библиотек и величина их книжного фонда. В середине 60-х годов на 10 тыс. горожан в Белоруссии, на Украине, в Литве, Молдавии, Туркмении, Эстонии приходилось около 3,5—4 библиотек, а в других республиках — 2—2,5 библиотеки. На 10 тыс. сельских жителей в Эстонии было около 15 библиотек, в Азербайджане, Армении, Латвии, Литве, Грузии, Белоруссии — примерно 9—11, а в Таджикистане, Молдавии, Узбекистане — соответственно около 4,5—6 библиотек²⁸. Таким образом, и по этому виду культурного обслуживания горожане различных республик находились в сравнительно более равных условиях, чем сельские жители.

Число книг и журналов в библиотеках в расчете на 100 человек росло по всем союзным республикам²⁹. Особенно быстро увеличивался книжный фонд библиотек в Прибалтике и тех республиках, которые в прошлом в культурном отношении были менее развиты — Молдавии, среднеазиатских республиках. В результате коэффициент вариации между республиками по числу книг и журналов в массовых библиотеках (в расчете на 100 человек населения) составил в 1958 г. 28%, в то время как в 1940 г. он был равен 42%. Библиотечное обслуживание населения различных республик стало более равномерным.

В 60-е годы рост числа книг в библиотеках был неодинаков, однако, если не учитывать очень высокие показатели по Эстонии (768 книг на 100 человек) и Латвии (600 книг на 100 человек), то население всех других республик обслуживалось книгами из

---

²⁶ Исходные данные см.: «Народное хозяйство СССР в 1965 г.», стр. 9, 724.

²⁷ К концу 60-х годов в городах всех республик на 10 тыс. жителей приходилось 1—2 клуба (в Молдавии, Таджикистане—2—2,1, в Узбекистане, Казахстане, Грузии — 1—1,3), в сельской местности в РСФСР — 13 клубов, на Украине, в Эстонии — 10, а в Таджикистане, Туркмении — около 4.

²⁸ В сентябре 1959 г. ЦК КПСС специальным постановлением наметил меры по улучшению материальной базы библиотек и укреплению их квалифицированными кадрами. ЦК компартий союзных республик было предложено рассмотреть вопрос об объединении мелких библиотек, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга («Справочник партийного работника», вып. 3. М., 1961, стр. 474—480). Поэтому число библиотек в начале 60-х годов сократилось.

²⁹ Исходные данные см.: «Народное хозяйство СССР в 1965 г.», стр. 9, 719.

массовых библиотек равномернее, чем в предшествующие десятилетия³⁰.

В Грузии, Азербайджане, Армении число книг и журналов, приходящихся на 100 человек, в городе и на селе в 1970 г. было примерно одинаковым; в Эстонии, РСФСР, Казахстане, Литве, Латвии на 100 сельских жителей приходилось книг больше, чем в городе. Это определялось особенностями расселения в сельских условиях (ведь массовых библиотек на селе в расчете на одного жителя больше).

В последние десятилетия заметны успехи в кинофикации. В середине 50-х годов в большинстве республик на 10 тыс. населения приходилось 2 киноустановки, и только в РСФСР и Белоруссии соответственно — 3 и около 3-х³¹. За 60-е годы число киноустановок в большей степени увеличилось в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Казахстане, Латвии и Литве, причем в основном за счет улучшения обслуживания сельского населения.

И наконец обратимся еще к двум показателям, характеризующим культурную среду: насыщенность радиоприемными точками и прессой. В целом республики с этой точки зрения «выравнены». На каждую семью уже в середине 60-х годов приходилось более одной радиоприемной точки³² (в Киргизской, Туркменской, Таджикской ССР — 1,5—1,6 точки, а в РСФСР, Казахской, Латвийской, Армянской, Эстонской ССР насыщенность ими была еще более высокая — примерно 2 радиоточки)³³.

Показательно также, что уже в середине 50-х годов по количеству экземпляров местных газет (в расчете на 1 семью) между республиками не было больших различий. Несколько выше среднесоюзных были соответствующие показатели прибалтийских республик и РСФСР. В Прибалтике местные газеты, издающиеся главным образом на языках коренных национальностей, являлись основной газетной продукцией, получаемой населением, ввиду языкового барьера, еще играющего роль особенно для населения старших возрастов. Теперь во всех республиках на каждую семью даже если учитывать только тиражи местных газет, приходится более, чем одна газета, а в прибалтийских республиках — не менее 2³⁴. Высокие показатели в республиках Прибалтики, вероятно, в известной мере связаны с значительным процентом город-

³⁰ См.: «Народное хозяйство СССР в 1969 г.», стр. 702—703, 709.

³¹ См.: «Культурное строительство СССР», стр. 302.

³² Под радиоприемной точкой ЦСУ учитываются радиоприемники, телевизоры и трансляционные установки. См.: «Народное хозяйство СССР в 1965 г.», стр. 517.

³³ «Страна Советов за 50 лет», стр. 309—337; «Народное хозяйство СССР в 1965 г.», стр. 9; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР», стр. 244, 243.

³⁴ Исходные данные см.: «Народное хозяйство СССР в 1972 г.», М., 1973, стр. 679.

ского населения. Как показывает изучение общественного мнения, для значительной части горожан газета является основным источником информации и читаемость газет в городе выше, чем на селе.

Радио, газета, кино, в последнее десятилетие — телевидение стали наиболее массовыми источниками удовлетворения потребностей населения в информации и эстетических впечатлениях. В приобщении к ним между жителями отдельных республик больших различий уже не стало. Театр, выставки, концерты остаются более доступными горожанам, особенно жителям крупных культурных центров. Кроме того, посещение театральные спектаклей, чтение книг — это уже те культурные потребности, которые определяются не только образованием и культурной средой нынешнего дня, но в значительной степени традиционностью определенных бытовых навыков. В приобщении к этим видам профессиональной культуры сохранились большие различия между жителями республик, чем по таким ее видам, как, скажем, кино (см. табл. 4)³⁵.

Таблица 4. Посещаемость киносеансов и театров по союзным республикам

Союзные республики и по СССР в целом	Число посещений				
	киносеансов в среднем на 1 жителя			театров на 1 тыс. жителей	
	1950 г.	1960 г.	1972 г.	1960 г.	1972 г.
РСФСР	7	19	41	484	533
Украинская	6	16	18	334	375
Белорусская	4	12	14	311	315
Узбекская	4	9	11	335	261
Казахская	6	17	21	253	247
Грузинская	4	12	12	702	709
Азербайджанская	5	10	10	320	273
Литовская	3	13	15	471	431
Молдавская	3	10	17	294	321
Латвийская	6	17	15	1000	895
Киргизская	5	13	14	595	392
Таджикская	5	10	12	220	438
Армянская	4	9	10	622	664
Туркменская	5	14	14	405	325
Эстонская	7	19	16	914	937
СССР	6	17	18	436	460

³⁵ См.: Там же, стр. 9, 669, 671; «Народное хозяйство СССР в 1969 г.», стр. 831.

Вместе с тем, если иметь в виду распространение современных культурных павыков в одинаковых социальных группах, то во многих случаях различия между республиками окажутся значительно менее заметны, чем при сопоставлении уровня культуры населения в целом. С точки зрения культурных интересов горожане различных национальностей имеют больше общего, чем жители села. Уровень культуры сельских жителей различных республик варьирует заметнее. Об этом свидетельствуют массовые статистические данные: показатели покупки радиоприемников и телевизоров, посещаемости киносеансов и др.

В целом рассмотренная система показателей изменений в материальной базе культуры и культурном уровне населения свидетельствует о процессе создания в республиках относительно одинаковой культурной среды. Конечно, все еще сохраняются качественные различия в культурном обслуживании города и деревни, а следовательно, и различия в быту населения республик с более высоким удельным весом городского населения и республик с преобладанием сельских жителей. Вместе с тем более или менее равномерное распространение средств массовой информации, особенно радио, телевидения, кино, активно способствует выработке общности культурных потребностей, интересов, норм поведения у всех народов страны.

Процесс сближения уровня культурного развития народов открывает все большие возможности для культурных контактов этнических общностей, расширяет каналы, по которым происходит взаимообогащение национальных культур, а следовательно, способствует созданию общности духовной культуры народов Советского Союза.

4. Духовная культура и процесс этнической консолидации народов СССР

Итак, перед нами процесс чрезвычайно быстрого развития духовной культуры народов СССР в ее современных формах, причем в него были вовлечены народы, стоявшие к 1917 г. на разных уровнях развития. Даже для наиболее развитых народов это был не просто эволюционный процесс, а процесс перестройки как внутренней структуры духовной культуры, так и всей структуры межэтнических связей в пределах Советского Союза. Представляя собой в целом культурную революцию, этот процесс протекал, как было показано выше, у различных народов Советского Союза в разном темпе и имел свои особенности.

Культурная революция в СССР осуществлялась как планомерный и длительный процесс формирования современной, социалистической по содержанию, функциям и структуре духовной культуры, которая должна была сохранить, трансформировать, обновить и использовать прогрессивные традиции и достижения отдельных этнических общностей, обеспечить ее развитие не только

вширь, но и вглубь, т. е. ее проникновение в толщу народного быта. Новое содержание культуры складывалось и получало распространение и развитие на основе социалистических завоеваний всего советского народа, марксистского мировоззрения, идеологии пролетарского интернационализма.

Если иметь в виду этнический аспект этого сложного процесса, то общее направление здесь определялось двумя основными, диалектически взаимосвязанными тенденциями — дальнейшего развития и сближения социалистических наций³⁶.

В области духовной культуры эти две тенденции обладали своими специфическими особенностями, которые целесообразно рассмотреть, имея в виду выделенные выше основные типы структур духовной культуры народов СССР, как они сложились в предреволюционные десятилетия. При этом следует подчеркнуть определяющее значение возрастающего идеологического и морально-политического единства советских народов для проявления в сфере духовной культуры обеих тенденций национальных процессов.

Обращаясь в данном разделе к рассмотрению внутренней консолидации этнических общностей на основе развития национальных культур, необходимо прежде всего отметить, что в советское время социально-дифференцированные и локально более или менее разобщенные системы духовной культуры народов нашей страны превращаются во внутренне однородные, сохраняющие лишь некоторые социально-профессиональные и возрастные различия.

Для наций, уже сформировавшихся к началу XX в., была характерна большая социальная и меньшая локальная дифференцированность духовной культуры. Однако и в данном случае она была далеко не однородной. И дело не только в социальной дифференциации форм ее функционирования. В частности, на общую структуру духовной культуры русских своеобразный отпечаток в прошлом накладывало сочетание капиталистических отношений с феодальными пережитками. Несмотря на сравнительно раннее объединение всего русского народа в едином государстве (за исключением небольших компактных русских групп, например, в Добрудже и т. д.), способствовавшее выработке общих черт материальной и особенно духовной культуры, длительность периода феодализма и сохранение многочисленных феодальных пережитков в ходе развития капиталистических отношений обусловили сохранность локальных вариантов и областных различий в народной поэзии и народном искусстве, в архаических календарных и семейных обрядах (особенно свадебных)³⁷.

³⁶ Подробнее см. главу I настоящего издания.

³⁷ Сохранению локальных вариантов способствовала также обширность этнической территории русских, различие природных и социально-экономических условий, контакты отдельных групп русского народа с весьма различными по своим традициям и уровню развития этническими общностями.

В отличие от этого профессиональные формы культуры, особенно те из них, которые возникли сравнительно поздно, формировались в условиях национальной консолидации и капиталистических отношений. Поэтому, например, «областной период» русской литературы завершился еще в пору ликвидации феодальной раздробленности Руси и позже Россия не знала областных литератур в системе национального литературного движения, как это было в Германии, Италии, даже Англии и отчасти Франции. М. В. Ломоносов пришел из Архангельска, В. К. Тредиаковский — из Астрахани, А. П. Сумароков воспитывался в Петербурге, по это мало сказалось на их деятельности. Они сошлись в Петербурге — столице тогдашней России — и участвовали в создании новой общенациональной науки, литературы и искусства. С другой стороны, высокая степень «концентрации» профессиональных форм национальной культуры в крупнейших городах предопределила своеобразный, «оазисный» ее характер³⁸. Поэтому процесс демократизации литературы, искусства и науки в послереволюционные десятилетия сопровождался значительной перестройкой ее географии, а культурный рост двух старых российских столиц — развитием многочисленных областных городов, ставших значительными центрами науки, литературы и искусства³⁹. Однако это не привело к распадению единой русской литературы на областные литературы, хотя и выделило несколько более или менее заметных культурно-областных общностей (Сибирь, Приуралье, Поволжье, Северный Кавказ, русский Север и т. д.⁴⁰).

Наоборот, процесс дальнейшей консолидации русской нации и в советское время выразился как в складывании социальной однородности культуры, так и в стирании локальных различий. Этот процесс развивался (в основном) не путем смешения или сближения областных диалектов и локальных форм фольклора и народного искусства, обрядов и т. д. (хотя подобные явления тоже отчасти наблюдаются в районах перемешивания локальных групп, например, на новостройках всесоюзного значения), а путем дальнейшего распространения норм общерусского литературного языка, школьного образования, внедрения в быт устной литературной речи и одновременно формирования временных и крайне неустойчивых форм литературно-диалектного билингвизма в рамках русского языка. В быту различных социальных, профессиональных и возрастных слоев этот литературно-диалектный билингвизм приобретает, как правило, функциональный харак-

---

³⁸ См.: Н. К. Пиксанов. Областные культурные гнезда. М.—Л., 1928.

³⁹ По переписи 1970 г., в СССР значатся 33 города с более чем полумиллионным населением, и 188 — с населением более 100 тыс.

⁴⁰ Ср. соответствующую этому явлению систему областных филиалов Академии наук СССР, университетов, отделений союзов писателей, художников и композиторов, кустовых литературно-художественных журналов и т. д.

тер, причем возрастные и профессиональные различия постепенно получают большее значение, чем социальные⁴¹.

Песенный репертуар в различных районах расселения русских стал более сходным не только и не столько потому, что продолжался процесс выработки общенационального фольклорного единства, начавшийся еще в пору «собираания Руси», но главным образом и прежде всего за счет повсеместного распространения песен, созданных профессиональными поэтами и композиторами и отчасти за счет вторичного распространения традиционных песен после исполнения их известными хорами (Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии, Воронежский, Уральский, Сибирский, Архангельский народные хоры и т. д.).

Процесс сужения функций традиционных бытовых форм духовной культуры (фольклор, обряды, художественные ремесла и т. п.) убыстряется по мере перестройки демографической структуры русской нации, роста удельного веса городского населения, перемещения значительной массы деревенских жителей в города, для которых (особенно для крупных городов) характерна сравнительная однородность разговорной речи, бытовых форм духовной культуры и степени приобщенности населения к ее профессиональным видам.

Этот процесс имел свою историю, свои этапы, и изучение его представляет значительный интерес. Как мы уже могли отчасти убедиться, если для 20—30-х годов первостепенное значение имела массовая ликвидация неграмотности, развитие культурно-просветительной сети (клубов, изб-читален, кино) и особенно системы народного образования, то в 50—60-е годы существенную роль играет не только дальнейшее развитие системы народного образования (переход к всеобщему обязательному восьмилетнему обучению, развитие сети дошкольных учреждений и т. д.), но и современной системы массовой коммуникации (пресса, радио, кино, телевидение).

Характерно было также изменение взаимоотношения между традиционными бытовыми и профессиональными сферами духовной культуры (фольклор и литература, народное и профессиональное искусство). Русская литература и русское искусство (музыка, изобразительное искусство, театр) в XVIII—XIX вв. и начале XX в. развивались в окружении живой архаической традиции, основным носителем которой было крестьянство, составлявшее абсолютное большинство нации и вместе с тем социально, политически и культурно угнетенный класс. Постепенное сужение функций традиционных бытовых форм в процессе современных культурных преобразований привел к возникновению специфической ситуации. Фольклорная традиция, как и традиция народного искусства, не уйдя целиком из быта, стала все больше восприни-

---

⁴¹ Л. И. Баранникова. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.

маться обобщенно и в известной мере символически, особенно в сочетании с профессиональными формами⁴² (использование фольклорных и народных изобразительных традиций в литературе, профессиональном композиторском творчестве и профессиональном музыкальном исполнительстве, в живописи и книжной графике, в деятельности фольклорных ансамблей песни и пляски и т. д., и т. п.). Известно, что в прошлом целые группы фольклорных жанров (например, все жанры русского фольклора, связанные с обрядами) и большинство видов традиционного народного искусства отличались функциональным дуализмом, т. е. сочетанием практических и эстетических функций. Включение же их элементов в систему современного искусства, литературы или в систему современного интерьера жилища, современной одежды и т. д. связано преимущественно с их эстетической функцией. Вместе с тем развитие эстетического осмысления традиции сочетается, с одной стороны, с их этнической оценкой, со стремлением использовать их в обобщенном виде для создания национального колорита, подчеркивания этнической преемственности, ценности исторически осознанных традиций и, с другой стороны, с желанием в процессе современных культурных преобразований не терять художественные ценности и навыки, выработанные пародом. По наблюдению и литературоведов, и специалистов по пародному искусству, подобные формы вторичного «фольклоризма» в последние годы получают особенно значительное развитие.

Формирование подобного отношения к традиционному народному искусству и традиционному фольклору, как и использование (как правило, столь же обобщенное и символическое) некоторых элементов традиционных обрядов (подробнее см. § 6 настоящей главы) означает ориентацию не на локальные традиции, а на обобщенно воспринимаемую этническую традицию в целом и, следовательно, свидетельствует также о дальнейшем вызревании внутренней социальной и культурной однородности современной духовной культуры русского этноса в целом.

Примерно те же процессы в большем или меньшем темпе развивались в духовной культуре и других наций, переживших в дореволюционное время стадию буржуазного развития национальной культуры. Разумеется, они приобретали вместе с тем специфические черты и краски, обусловленные особенностями исторического развития каждой нации и конкретными этнокультурными ситуациями, складывавшимися на отдельных этапах истории в соответствующих регионах страны.

---

⁴² См. *К. В. Чистов*. Великий источник. «Русская советская поэзия и народное творчество». Л., 1955; «Фольклор в русской советской литературе». «Вопросы советской литературы», т. IV. М.—Л., 1956; *Л. С. Выходцев*. Русская советская поэзия и народное творчество. М.—Л., 1963; «Русские художественные промыслы. Вторая половина XIX—XX в.». М., 1965; *Н. С. Королева*. Развитие национальных традиций в современных художественных промыслах СССР. СЭ, 1972, № 5.

Так, например, развитие духовной культуры украинцев усложнялось теми препятствиями, которые чинились развитию и украинского языка, и отдельным видам украинского искусства (например, театру) в условиях царской России. С другой стороны, характерно, что украинский литературный язык до воссоединения всех украинцев в едином советском государстве развивался в трех разновидностях — восточноукраинском, распространенном в областях, входивших в Россию, западноукраинском, сформировавшемся на украинской территории, бывшей составной частью Австро-Венгрии, а потом Польши, и закарпатскоукраинском (районы, входившие в состав Австро-Венгрии, позже — Чехословакии). Унификация норм литературного языка, развитие однородности устной литературной речи на территории всей Украины, развитие широкой сети украинских школ и вузов привело к дальнейшей консолидации духовной культуры украинского этноса, к формированию общеукраинского песенного репертуара, дальнейшей обработке и обобщению общеукраинских черт народного искусства и особенно общеукраинских форм профессиональной культуры — литературы, искусства, науки. Этот процесс затронул не только центральные районы украинской этнической территории (Харьковщину, Левобережье, Правобережье и т. д.), в пределах которых так же, как это имело место на территории расселения русских, ранее наблюдались более или менее выразительные локальные формы, но также Западную Украину, в том числе такие еще в недавнем прошлом относительно изолированные группы, как гуцулы, лемки, бойки. Определенную роль в процессе консолидации украинской нации сыграло также развитие атеизма и уход из быта большинства населения религиозной обрядности, имевшей некоторые различия у украинцев-православных и униатов ⁴³.

Характерно, что особенно значительную роль в процессе выработки однородности духовной культуры у разных групп украинского народа сыграли области восточной и центральной Украины, создавшие к моменту воссоединения западных областей с остальной Украиной широко развитую украинскую социалистическую культуру.

Сходные, хотя и протекавшие в замедленном темпе процессы развивались и в Белоруссии, несмотря на ее большую этническую однородность. Временное расчленение Белоруссии и препятствия, которые чинились развитию белорусской культуры в западнобелорусских областях, захваченных буржуазной Польшей, привели к разветвлению профессиональной духовной культуры белорусов, только в предреволюционные десятилетия начавшей складываться в общенациональных формах (главным образом ли-

---

⁴³ «Коммунизм та побут». Київ, 1963; Ю. Г. Гошко. Громадський побут робітників Західної України. Київ, 1967 и др.

тература и некоторые гуманитарные науки — фольклористика, этнография, языкознание). При этом следует иметь в виду, что в западнобелорусских областях было сосредоточено наибольшее число белорусов-католиков, в быту которых имелись некоторые отличия от быта белорусов-православных в восточнобелорусских областях. Эти отличия отчетливее проявлялись именно в духовной культуре — обрядах, семейном укладе, языке и т. п.

Прогрессивные западнобелорусские деятели в 20—30-е годы, ориентируясь на Советскую Белоруссию, вместе с тем решали свои социальные, политические, культурные и художественные задачи в трудных условиях классовой и национальной борьбы. Их деятельность сыграла значительную роль в процессе выработки общеполитического этнического самосознания, противостояла мерам буржуазного польского правительства по ополячиванию белорусов.

На процессах этнической консолидации эстонцев и латышей тяжело отразилось многовековое национальное угнетение. Господствующие классы в остзейских провинциях были носителями инонациональных немецких языка и культуры. Несмотря на то, что первые книги на латышском и эстонском языке появились сравнительно рано — в XVI в., развитие литературного языка началось позже. В течение веков на языках коренного населения края — латышском и эстонском печаталась лишь религиозная литература, язык ее был устаревшим, полным германизмов, так как господствующие классы, в том числе и духовенство, язык народа знали плохо. Несмотря на то, что лютеранская церковь вела службу, издавала литературу на языке пасты и требовала для прохождения обряда конфирмации навыков читать и писать, на практике большая часть крестьян была неграмотной. «Светская» литература, предназначенная для крестьян, сельскохозяйственные календари, нравоучительные рассказы и т. п. появляются лишь в XVIII в.

На территории расселения латышей и эстонцев устойчиво сохранялись различия между отдельными исторически сложившимися этнографическими подобластями. Характерно, например, что даже в XVIII в., когда начал уже формироваться общий эстонский язык, диалектальные различия не только еще не стирались, но даже продолжали развиваться.

Своеобразно шли процессы этнической консолидации литовского народа. Известно, что большая часть Великого княжества Литовского придерживалась в быту русского языка и употребляла его в качестве государственного. Но люблинская уния 1569 г. падолго связала Литву с Польшей и западным католическим миром, что способствовало полонизации господствующих классов. Развитие литературного литовского языка тормозилось полонистски настроенной феодальной верхушкой. Католическая церковь пользовалась только латышью, что также отрицательно сказывалось на развитии литовской письменности. На развитии литовско-

го литературного языка сказались репрессии царского правительства, обрушившиеся после Польского восстания 1863 г. Была запрещена печать на латинице, что практически означало запрет литовской литературы. Правда, в это время газеты и книги на литовском языке издаются за границей и нелегально ввозятся в Литву, в деревнях создаются «тайные школы» для обучения детей родному языку и т. д. Запрет этот действовал до начала XX в.^{43а}

Быстрое развитие национальной культуры и формирование единых литературных языков в Латвии и Эстонии начинается с середины XIX в. Пробуждается интерес к собственной народной культуре, фольклору и языку. Прогрессивные представители эстонской и латышской интеллигенции боролись за приближение письменного языка к живой народной речи, очищение его от устаревших форм и лексики и т. д. О том, насколько сложен и труден был процесс выработки единого литературного языка, хорошо свидетельствует в частности тот факт, что еще в середине XIX в. в Эстонии литература издавалась на двух языках — одном, сформировавшемся на базе южноэстонского, и втором, основанном на североэстонском диалекте. Развитие национальных культур в Прибалтике в годы существования буржуазных республик протекало в постоянной борьбе прогрессивных и реакционных тенденций. Уничтожение национального гнета в его старых формах в образовавшихся национальных государствах, обучение в школах и высших учебных заведениях на родном языке — все это способствовало развитию национальных культур. Распространению единых национальных языков содействовали рост прессы и развитие радиовещания. При этом стоящая у власти буржуазия вела систематическую пропаганду националистических настроений, стремясь искусственно изолировать развитие культуры этих народов от культурной жизни народов Советского Союза.

Следует сказать, что некоторые различия между населением отдельных частей республик продолжали по разным причинам еще сохраняться, в частности играла роль конфессиональная принадлежность — это относится к католическому населению в Латвии, православным селу в Эстонии.

Восстановление в 1940 г. в республиках Прибалтики Советской власти и вхождение их в Советский Союз имели следствием преобразование здесь буржуазных наций в нации социалистические. Это сопровождалось ускоренным «фронтальным» развитием духовной культуры народов прибалтийских республик в послевоенные десятилетия — перестройкой ее идеологического содержания, активным использованием народных традиций в литературе и искусстве и вместе с тем особенно быстро растущей ролью профессиональной культуры в быту народа. С ростом культурного уровня населения и активным включением в общественную

---

^{43а} «История литовской литературы», т. I—IV. Вильнюс, 1957—1965; М. И. Петерсон. Очерки литовского языка. М., 1955.

жизнь широких масс трудящихся в значительной мере стали стираться локальные отличия в бытовых формах культуры. В профессиональной культуре народов Прибалтики гармонично сочетаются национальные традиции и сложившиеся в годы Советской власти общесоветские черты, основой которых служит интернационалистическое мировоззрение трудящихся масс. Вместе с тем на бытовом уровне формируется этническая однородность всех разветвлений духовной культуры с параллельным равномерным овладением русским языком и достижениями русской культуры и культуры других народов Советского Союза.

Так же, как и у других народов, известную роль в этнической консолидации каждой из прибалтийских наций сыграло постепенное ослабление религиозно-обрядовых традиций (особенно у латышей, среди которых в прошлом наряду с лютеранством было распространено католичество и православие, у эстонцев — лютеранство и православие) ⁴³⁶.

Своеобразным был также процесс формирования национальной социалистической духовной культуры молдаван. Заметное влияние на его развитие оказало воссоединение Молдавской АССР и Бессарабии, которая была захвачена в 20-е годы буржуазной Румынией. Поэтому и здесь, как на Украине и в Белоруссии, процесс этнокультурной консолидации имел две стороны: во-первых, сближение локальных групп и выработку социальной однородности как бытовых, так и профессиональных форм культуры, и, во-вторых, сближение и слияние двух исторически образовавшихся разветвлений, двух вариантов структуры национальной культуры.

Для народов Кавказа, имевших старописьменную традицию и древние литературы, характерен одновременный и двусторонний процесс — секуляризация и модернизация форм профессиональной духовной культуры, окончательное преодоление их застойно-средневекового и элитарного характера (процесс этот начался еще в XVIII—XIX вв.), развертывание современных форм культуры во всех ее разновидностях и разветвлениях при параллельной консолидации духовной культуры этнических и локальных групп (таковы, например, в Грузии — кахетинцы, имеретинцы, картлийцы, хевсуры, пшавы, гурийцы, мегрелы, аджарцы, сваны и др.; не менее показательны восточные армяне, которые еще в начале XX в. говорили на 31 диалектах, расходившихся довольно значительно). Этот сложный процесс в советское время развивался на общем фоне развертывания широкой системы народного просвещения и высшего образования, приобщения широких масс к сокровищам национальной профессиональной культуры (лите-

---

⁴³⁶ «История латышской литературы», т. I—VI. Рига, 1956—1963; *G. Endzelin. Latviešu valodas gramatika*. Rīga, 1951; «Эстонцы». «Народы Европейской части СССР», ч. II. М., 1964; «Abriss der estnischen Volkskunde». Таллин, 1964.

ратуры, искусства, науки). Процесс консолидации духовной культуры в Грузии и Армении немало облегчался тем, что формирование новых литературных языков здесь завершилось еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Правда, армянский литературный язык в настоящее время представлен двумя ответвлениями — восточным и западным вариантом, сформировавшимися в результате длительной изолированности двух частей армянского народа (с XVI в. западная Армения находилась под властью Турции, а восточная — Персии). Различия между двумя этими вариантами, однако, незначительны. Восточный вариант современного литературного языка является языком коренного населения Советской Армении. Западный вариант был распространен на территории турецкой Армении. В Армянской ССР им пользуется лишь часть армян—репатриантов и то главным образом в устном общении. Естественно, что основному для Советской Армении варианту литературного языка принадлежит решающая роль в преодолении диалектных различий в обиходном языке⁴⁴.

Сложным был путь становления азербайджанской письменности и литературного языка. До революции письменность здесь существовала на арабской графике, а литература — параллельно на двух языках: тюркском и новоперсидском. При этом общение многочисленных разноязычных групп населения (татов, талышей, курдов, аварцев, будугов, крызов, хиналугцев и других, проживающих в Азербайджане) осуществлялось главным образом на общем бытовом языке (тюркском), который здесь практически знало все мужское население. В советское время этот процесс получил существенный дополнительный стимул в общенациональной литературе на азербайджанском языке и собственной письменности, основанной сначала на латинской, а затем — на русской графике⁴⁵. Особенно большое значение в консолидации и демократизации культуры имела секуляризация системы просвещения, развитие всех форм современной азербайджанской социалистической культуры.

Своеобразно развивались сходные процессы и у крупнейших наций Средней Азии, многие из которых имели старописьменную традицию на своем или чужом языках. Так, например, таджик-

---

⁴⁴ См.: А. Г. Гарибян. Об армянском национальном языке. «Труды Института языкознания АН СССР», т. X, 1960, стр. 51—54; «Народы Кавказа», т. II. Серия «Народы мира». М., 1962, стр. 437, 438; Э. Г. Туманян. Армянский язык. «Языки народов СССР. Индоевропейские языки», т. I. М., 1966, стр. 562, 563; Н. Г. Волкова. Этнические процессы в Закавказье в XIX—XX вв. «Кавказский этнографический сборник», вып. IV. М., 1969, стр. 25, 26.

⁴⁵ См.: М. К. Курбанов. Культура Советского Азербайджана. Баку, 1959; «История азербайджанской литературы», т. 1, 2. Баку, 1943—1944 (на азерб. яз.); А. Наджафов. Формирование и развитие азербайджанской социалистической нации. Баку, 1955; «Азербайджанская советская литература». Баку, 1951; М. Н. Мейльман. Азербайджанская литература. Рекомендательный указатель. М., 1958.

ский старописьменный язык сформировался в раннем средневековье. Уже в IX—X вв. процветала одна из богатейших мировых литератур на общем в тот период для персов и таджиков языке фарси. Постепенно таджикские говоры обособлялись от персидских, этот процесс завершился к XVI в.; однако вплоть до XX в. в таджикском литературном языке сохранялись старая лексика и грамматические формы. Он обслуживал узкий круг аристократической верхушки общества и был мало доступен народу. То же самое относится к сформировавшемуся на базе тюркских языков XI—XV вв. староузбекскому (чагатайскому) литературному языку.

Задачи демократизации старописьменных языков, приближения их к разговорным языкам, освобождения от архаических арабизмов осуществлялись с первых лет Советской власти; это было одним из главных условий свободного развития и широкого распространения национальных языков и литератур, существенным фактором национальной консолидации, фундаментом, на котором могли развиваться национальные формы искусства и науки. Тесно связана с этой проблемой была и замена распространенной у народов Средней Азии и Казахстана сложной арабской графики письма, тормозившей массовое обучение грамоте и развитие печати, письменностью, основанной на латинской графике, а затем — на русском алфавите.

Другой специфической чертой формирования новых письменных литературных языков Средней Азии и Казахстана была необходимость преодоления исторически сложившейся дифференциации, раздробленности разговорных языков на территориальные, а у ряда тюркоязычных народов — и на племенные диалекты и говоры. Так, в узбекском языке было три группы диалектов, связанных с тремя тюркоязычными компонентами узбекского этногенеза (карлукский, кипчакский, огузский). У туркмен уже с XVII в. оформляется письменная литературная традиция, развивавшаяся в рамках норм старотуркменского языка, основанного на текинском племенном диалекте, но насыщенная фарсизмами и арабизмами. В XVIII в. произведения Махтум-Кули и других поэтов положили начало становлению туркменской художественной литературы. Однако этот литературный язык не стал общенародным до Октябрьской революции — туркмены говорили на множестве диалектов, отражавших их родоплеменную структуру, сложившихся на основе родственных (главным образом огузских) племенных языков. Процессы национальной консолидации были тесно связаны с преодолением диалектной раздробленности. Обновленный современный туркменский язык обогащался разнообразными формами диалектной речи, живых народных говоров.

Помимо факторов, связанных с особенностями исторического пути формирования среднеазиатских литературных письменных языков, на процессы их консолидации в первые годы Советской власти сильно влияли и другие факторы, унаследованные от до-

революционного прошлого. К началу 20-х годов народы этого региона располагали меньшими кадрами научной и художественной интеллигенции, чем, например, грузины или армяне, их связи с европейской культурой (в том числе и русской) были слабее, процесс секуляризации многих форм духовной культуры только начался, сфера применения письменности на родном языке была сравнительно узка. Все эти народы проделали гигантский путь в развитии своей духовной культуры. Особенно он был велик у тех из них, которые от первоначальной стадии письменной культуры, деятельности первых просветителей и писателей шагнули к развитой культуре социалистических наций (например, казахи и туркмены).

В той или иной мере сходный характер имел рассматриваемый процесс и у всех остальных народов нашей страны, обладавших старописьменной традицией. Однако эволюция духовной культуры каждого из них и темп ее, мера развертывания новых форм и соотношение новых и традиционных форм на каждом этапе социалистического развития зависели от целого ряда факторов экономического, социального, политического и этнокультурного характера. Так, например, у поволжских татар при давней традиции литературного языка, при интенсивных контактах их передовой интеллигенции и интеллигенции русской процесс перестройки структуры национальной культуры немало тормозился влиянием мусульманского духовенства. Поэтому для процессов этнической консолидации татар особое значение имела секуляризация духовной культуры и развитие сети просвещения на татарском литературном языке⁴⁶.

Две следующие группы народов (вторая и третья, по нашей классификации)⁴⁷, т. е. народы, пользовавшиеся или отчасти пользовавшиеся письменностью на основе чужого языка и к 1917 г. в большей или меньшей мере созревшие для создания собственной письменности, характеризовались ускоренным процессом выработки письменности, формирования литературного языка и народного образования (как правило, двуязычного), что создавало основу для развития всех форм современной культуры. В отличие от попыток, которые имели место в XIX в. (или ранее), теперь формирование письменности и литературного языка происходило на фоне развертывавшейся культурной революции и приобщения масс народа одновременно и к возникшей национальной письменности, и к русской грамотности, и к русской книге (или одновременно к письменности одной из крупных наций — например, к грузинской у абхазов).

---

⁴⁶ См.: *Х. Г. Гимади, М. К. Мухарямов. Советская Татария — детище Октября.* Казань, 1957; *М. К. Мухарямов. Октябрь и национальный вопрос в Татарии (октябрь 1917 — июль 1918).* Казань, 1958; *И. М. Климов. Образование и развитие Татарской АССР (1920—1926).* Казань, 1960; *М. А. Сайдашева. В. И. Ленин и некоторые вопросы социалистического строительства в Татарии.* Казань, 1963 и др.

⁴⁷ См. выше, на стр. 322—323.

Характерно, что организаторами научных и литературных сил в этих республиках (например, в Киргизии, Каракалпакии, Карелии, Коми, Удмуртии) обычно выступали первые газеты и журналы, впервые созданные издательства, комплексные «институты культуры» и т. д. Роль духовной культуры в процессе этнической консолидации этих народов очевидна — пресса, школа, книги (позже — радио) явились мощными средствами распространения общенациональных языковых норм, как правило, не выработанных в устной речи, формирования и распространения новой лексики и научной терминологии. Примечательно, что письменность и книжная культура этих народов не только минуют рукописный период, пережитый всеми старописьменными этническими общностями, но и возникают сразу в демократическом варианте, легче доступном каждому члену этноса. Это, казалось бы, должно было снять многие противоречия, характерные для духовной культуры старописьменных народов. И все же реальные этнокультурные ситуации были достаточно сложны. Письменность ряда народов этой группы не могла быть создана в едином этническом варианте, и возникли две разновидности письменности и литературного языка (у мордвы — эрзя и мокша, у марийцев — горный и луговой, у коми — зырянский и пермяцкий и т. д.). При значительной близости как традиционных, так и современных форм духовной культуры, следует подчеркнуть, что в этом случае определяющими были не внешние — политические или территориальные факторы (как это было, например, у украинцев, белорусов, молдаван, карел, армян и т. д.), а прежде всего — этнокультурные. Когда они не учитывались и предпринимались необоснованные попытки сразу же создать единую письменность и единый литературный язык (например, у карел при их членении на людиков, ливиков и собственно карел), то они только усложняли этнокультурное развитие народа.

В других случаях (яркий пример такого пути развития — Дагестан) в одной республике оказались объединенными относительно небольшие народы, говорящие на самостоятельных (или относительно самостоятельных) языках. Поэтому духовная культура современного Дагестана развивается как многоязычная — не только на бытовом, но и на профессиональном уровне. В Дагестане существует, как известно, семь литературных языков — аварский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, табасаранский и татский. Все они развиваются в тесном контакте, но не могут слиться, так как их языковая основа различна. Вместе с тем дагестанские литературы играют все же значительную роль в этнических процессах, характерных для Дагестана и в масштабах Дагестана. Так, например, аварскому литературному языку принадлежит существенная роль в консолидации аварцев, еще недавно говоривших на многих, заметно отличавшихся друг от друга диалектах, говорах и подговорах, объединявшихся в две группы — северную и южную. Однако и этим вопрос не исчерпы-

вается. Помимо аварцев, этим литературным языком пользуются 13 родственных малочисленных андодидойских пародностей, живущих в Дагестане (подробнее см. гл. VIII, § 3).

Примечательно, что несмотря на разноязычие и специфические черты дагестанских литератур, они существуют и воспринимаются в своей совокупности как некое взаимодействующее целое⁴⁸.

Сходная ситуация многоязычия сложилась и в других районах Северного Кавказа. Так, например, в Карачаево-Черкессии книги и газеты печатаются на кабардинском (черкесском), карачаевском, абазинском и погайском языках; в Кабардино-Балкарии — на кабардинском и балкарском и т. д. Радиовещание в каждой из северокавказских республик ведется на языках коренных народов и русском⁴⁹.

Национальное самоопределение народов Сибири и Крайнего Севера, не имевших до революции письменности и профессиональных форм культуры, создание автономных областей, округов и районов, постоянная помощь, которая оказывалась и оказывается им другими народами Советского Союза и прежде всего русскими, дали мощный толчок развитию их духовной культуры. Выработка письменности и норм литературного языка, подготовка первых книг и учебников, как правило, в этих случаях осуществлялись русскими учеными и представителями других крупных наций. Кадры национальной интеллигенции — учителей, писателей, артистов, ученых — готовились постепенно. Обучение их было двуязычным (на национальном и русском языках) и осуществлялось как на месте, так и в крупнейших русских городах (например, Институт народов Севера, теперь — факультет народов Севера при Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена).

Особенно следует подчеркнуть роль профессиональных форм культуры и развития системы народного образования и печати (в том числе и периодической) в выработке этнического сознания и в конечном счете в консолидации духовной культуры народов и этнических групп, расселенных рассеянно и чересполосно. Так, например, распространение корякской письменности, школ, печати, различные съезды и конференции способствовали выработке общего этнического сознания у различных групп этого народа, расселенных на сравнительно небольшой территории, но практически не соприкасавшихся друг с другом и мало знавших друг о друге. В советское время под влиянием школы и печати развивался процесс осознания общности происхождения и культуры различных групп поволжских (казанских) татар, так на-

---

⁴⁸ См., например: «Очерки дагестанской советской литературы». Махачкала, 1957; М. Амаев. Писатели Советского Дагестана. Махачкала, 1960 и др.

⁴⁹ «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.)». М., 1968, стр. 334.

зываемых тверских (Калининская обл.) и олонечких карел (и их диалектных групп), небольших групп вепсов, разбросанных в Карелии, Вологодской и Ленинградской областях, различных групп саамов и ненцев и т. д. Не следует думать, что процесс этот касался только малых народов или народов, которым была свойственна духовная культура архаического типа (т. е. племенного или даже родового уровня). Развитие школьного образования, грамотности, распространение книг, падение религиозных предрассудков способствовали завершению выработки общенационального самосознания и у целого ряда русских этнических групп («семейские» и «поляки», «некрасовцы» и др.), у белорусов (католиков) бывшей Западной Белоруссии.

Подчеркивая ведущую роль именно профессиональных форм духовной культуры (включая систему народного образования, печать и науку) в процессе этнокультурной консолидации этнических общностей, важность перехода от архаических и средневековых форм к формам современным, мы вместе с тем не считаем, что бытовые формы духовной культуры перестали играть свою роль в этом сложном процессе. Не случайно поэтому немалое влияние на внутриэтническую консолидацию оказывают непосредственные бытовые контакты, возникающие в ходе смешивания локальных групп внутри подавляющего большинства этнических общностей в результате миграций. Так, например, для русских в последнее время имели значение различные процессы подобного характера, связанные с ростом городов, население которых обычно формируется за счет сельского населения не только «своей», но и ряда других областей⁵⁰, усиление подвижности населения, переселение на целинные земли, в районы новостроек и т. д.

Чрезвычайно важно также учитывать, что профессиональные формы имеют значение для этнической консолидации духовной культуры не только как таковые, но и в меньшей степени своим проникновением в быт, своим влиянием на общее состояние обыденного этнического сознания. Поэтому чрезвычайно важно, что параллельно с разворачиванием современных форм профессиональной культуры развивалась сеть народного образования и культурно-просветительных учреждений, ликвидировалась неграмотность, а в послевоенные годы росли технические возможности средств массовой коммуникации. Все это способствовало проникновению достижений общественной мысли, науки, литературы и искусства в толщу народного быта, а тем самым — постепенной ликвидации локальной разобщенности отдельных групп каждого народа, одновременности и равномерности современных этнокультурных процессов.

---

⁵⁰ Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения. СЭ, 1966, № 6, стр. 57—67.

В области искусства должна быть специально выделена особая роль в процессе этнической консолидации организованной художественной самодеятельности — промежуточного звена между бытовым и профессиональным искусством. Так, перенесение тех или иных явлений из бытовой сферы на сцену клуба или дома культуры, как правило, сопровождается той или иной переработкой, по крайней мере приспособлением их к новым условиям исполнения (сцена, дифференциация зрителей и исполнителей, четкое выделение времени исполнения, существование отдельных «номеров» в системе «программы» и т. п.). Эти условия более или менее одинаковы для всех районов страны (и что особенно важно для темы данного раздела: для всех районов расселения данного этноса) или по крайней мере создают примерно одинаковую возможность отрыва бытовых по своему происхождению художественных явлений от породившей их местной среды и бытовых ситуаций (конкурсы художественной самодеятельности, сводные районные и областные коллективы, областные и республиканские праздники песни и т. д.).

Вместе с тем на почве художественной самодеятельности развиваются новые формы самодеятельного творчества, тоже более или менее равномерно распределенные по всей территории расселения этнической общности (литературная самодеятельность, агитбригады, песни, создающиеся хорами, клубные интермедии и сатирические сценки, сочиняющиеся на местах, частушечники и т. п.). И что не менее важно — в рамках самодеятельности, как правило (независимо от локальных отличий бытовой традиции) происходит усвоение исполнительских достижений профессиональной музыки хорами и самодеятельными оркестрами, профессиональной драмы — драматическими кружками и т. д. и «вторичное» исполнение народных песен, усвоенных при посредстве известных хоровых коллективов, песенников, методических сборников домов народного творчества и т. д. В этом случае народная песня переживает свою вторую жизнь в обобщенных вариантах, не связанных обычно с какой-либо конкретной локальной традицией.

Таким образом, роль различных форм духовной культуры в этнической консолидации народов и формировании и развитии этнического сознания и влияние этнических процессов на характер и структуру духовной культуры несомненны. Проблема состоит не в том, чтобы это установить или доказать, а в выявлении специфики этого процесса в зависимости от конкретных типов этнокультурных ситуаций, существовавших в первые годы Советской власти, — состояния и структуры духовной культуры каждой этнической общности, ее численности, характера расселения и других политических, конфессиональных и т. п. факторов. Но уже и сейчас можно выявить одну весьма существенную закономерность — роль духовной культуры в этнических процессах возрастает вместе с разворачиванием профессиональных форм культуры.

5. Некоторые характерные черты процесса сближения духовной культуры народов СССР

Тенденции к сближению культуры народов нашей страны, которые приобрели в советское время новое содержание и развивались целенаправленно, возникали, как уже говорилось, в своих ранних формах еще в дореволюционное время, проявившись достаточно отчетливо в период формирования российского капитализма. Известно, что развитие капиталистических отношений способствовало сближению этнических общностей, особенно объединенных в одном государстве. Этот процесс был связан с развитием обмена и формированием единого рынка, экономической специализацией отдельных районов и вместе с тем неравномерностью их развития, ростом городов, активизацией миграционных процессов, разорением крестьянства, формированием пролетариата и национальной интеллигенции и т. д. Все эти явления и их роль в этнических процессах рассматривались в предыдущих главах⁵¹. Напомним известный тезис, сформулированный еще классиками марксизма применительно к эпохе капитализма: «Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными...»⁵²

Когда речь идет о духовной культуре, то не может не встать с особенной остротой вопрос — не является ли развитие национальных культур процессом, противоречащим их сближению? Ответ на этот вопрос в его теоретической форме неоднократно разрабатывался советскими философами, историками, этнографами и представителями других дисциплин, интересующимися проблемами национального развития⁵³. Мы снова обращаемся к нему только потому, что элементы духовной культуры, если их рассматривать в этническом аспекте, оказываются тесно связанными с состоянием этнического сознания. В то же время последнее иногда выливается в форму идеализации национально-особенного и отсюда — идеализацию архаических традиций, свойственных тому или иному народу. Поэтому очень важно подчеркнуть, что социалистическое развитие нации означает прежде всего перестройку и обновление ее на социалистических началах. Что касается процесса сближения духовной культуры народов

---

⁵¹ Указания на литературу по общим вопросам, связанным с проблемой развития и сближения наций в сфере духовной культуры, см. выше, стр. 6, прим. 6.

⁵² *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 4. М., 1955, стр. 428.

⁵³ Критический анализ ошибочных толкований этой проблемы см.: *М. И. Куличенко*. «Национальные отношения в СССР и тенденции их развития». М., 1972; *И. Дамерян*. Глубоко разрабатывать проблемы национальных отношений. «Коммунист», 1972, № 12, стр. 110—124; «Строительство коммунизма и духовный мир человека». М., 1966 и др.

СССР, то ведущую роль в нем играло и продолжает играть идеологическое и политическое единство, характерное для эпохи строительства социализма и коммунизма в нашей стране.

В сфере духовной культуры оно получило свое выражение в многообразных формах — в распространении марксизма как научной основы мировоззрения советских людей всех национальностей, в развитии и укреплении пролетарского интернационализма и, с другой стороны, — советского патриотизма (в том числе осознания общности исторических судеб народов СССР и их общей ответственности за нее), в развитии и укреплении общесоветских революционных традиций, общесоветских социалистических норм общественного поведения, в становлении и развитии во всех сферах советской литературы и искусства социалистического реализма — художественного метода, способствующего наиболее адекватному отражению действительности в свете общего социалистического идеала. Таким образом, наряду с научной теорией или общими философскими и политическими идеями можно говорить о развивающемся процессе выработки единства также и в сфере обыденного сознания, которое вместе с тем, сохраняет некоторые этнические особенности, краски и оттенки⁵⁴.

Сближение духовной культуры этнических общностей, входящих в состав Советского Союза, является закономерностью развития нашего общества. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что этот процесс имел специфические черты на разных этапах развития народов СССР. Кроме того, наряду с всеобщим сближением на почве формирования политического и идеологического единства, выработки общих черт советского образа жизни можно выделить некоторые характерные тенденции, которые можно было бы обозначить как региональное сближение, сближение родственных, но не соседствующих народов и наконец народов, находившихся к началу 20-х годов на примерно одинаковых стадиях развития.

Так, первоначально процесс сближения народов в сфере духовной культуры протекал относительно медленнее, чем сближение наций в социально-экономической сфере. Это, в частности, было обусловлено тем, что языково-культурное развитие советских наций в отличие от социально-экономического определялось не только общегосударственными, но и внутринациональными факторами и потребностями. Оно по своей природе ограничивалось рамками этнических общностей и первоначально не допускало широкой межнациональной кооперации: русские помогали казахам, например, строить школы, но обычно не могли преподавать в казахских школах. Данная задача могла быть выполнена только силами казахской интеллигенции⁵⁵.

---

⁵⁴ Подробнее см. ниже, на стр. 426 и сл.

⁵⁵ См.: Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. Этнические процессы в СССР. «Вестник АН СССР». М., 1972, № 11, стр. 8.

В первые десятилетия Советской власти с особой силой на процессе сближения духовной культуры народов СССР сказывались также различия в уровне развитости, развернутости тех ее видов, которые связаны с языком.

Так, например, народы, которым были свойственны архаические формы дописьменной культуры, в первые годы после Октябрьской революции еще не могли усваивать достижения науки, искусства, литературы более развитых наций. Они должны были пройти известный путь культурного развития, чтобы это могло осуществиться. Поэтому, например, в первых книгах для чтения, предназначенных для малых народов Севера, только что получивших письменность, и в первых литературных сборниках, выходявших в начале 30-х годов, обычно публиковались записи фольклорных произведений, автобиографические рассказы, первые стихи и рядом с ними специфически подобранные переводные произведения — очень часто переложения сказок А. С. Пушкина, народных рассказов Л. Н. Толстого, либо только отрывки из отличающихся более сложной художественной структурой перевода рассказов и повестей. Не случайно широкая переводческая деятельность на языках малых народов Севера могла начаться только позже — в 40—60-е годы. Именно тогда, например, на корякский язык были переведены отдельные произведения И. Крылова, М. Горького, В. Маяковского, С. Маршак, Т. Семушкина и др., на нанайский — А. Пушкина, Л. Толстого, Д. Мамина-Сибиряка, В. Маяковского, С. Маршак, А. Гайдара и др. Количество подобных переводов все же сравнительно невелико, причем определенная часть переводных произведений печаталась с учебными целями или преимущественно для детей.

Таким образом, менее развитые народы в первые годы Советской власти могли испытывать влияние культуры более развитых народов (в том числе и русской культуры) весьма ограничено и главным образом на бытовом уровне. Вместе с тем именно в первые десятилетия создаются предпосылки для последующей ликвидации культурного разрыва (как при помощи средств собственной письменности, так и шире — профессиональной культуры вообще), возникает письменность малых народов, формируются первые кадры деятелей национальной культуры и т. д. Все эти проблемы уже рассматривались выше.

Народы второй и третьей группы по нашей классификации (см. стр. 322—323), т. е. в основном младописьменные народы, тоже должны были пережить чрезвычайно существенный для них процесс ускоренного развития, равноценный историческому скачку. Процесс развертывания современных форм культуры — системы народного образования, научных учреждений, театров и кино, радиовещания и телевидения, прессы, книгопечатания, профессиональных форм художественного творчества и т. д. — был одновременно процессом создания культурных традиций и достижений, равноценных формам современной культурной жизни наи-

более развитых народов Советского Союза. Так, если за плечами народов древних письменных культур был многовековой путь, то младописьменным народам предстояло преодолеть его за два-три десятилетия. Это обусловило повышенные темпы впитывания иноэтнических влияний, усвоения и переработки форм, существовавших уже у других народов, использования их для создания собственных форм, одним словом мобилизации всех средств обновления этнокультурных традиций для развертывания собственной современной социалистической системы духовной культуры. Все это способствовало возникновению атмосферы, благоприятной для развития двуязычия культуры и широкой переводческой практики, выступавших явственным образом ускорителями как процесса развертывания современных форм культуры, так и сближения народов в сфере духовной культуры. Для младописьменных народов это означало сближение с русской культурой или с культурой родственных народов (каракалпаков — с узбекской и казахской культурой, башкиров — с культурой татар и народов Средней Азии). Для народов Поволжья, европейского Севера и якутов был характерен в основном процесс сближения с русской культурой.

Таким образом, неравномерность уровней развития, которая ликвидировалась лишь постепенно, могла в одних случаях ограничивать возможности сближения этнических общностей в области духовной культуры, в других случаях, когда культурный разрыв был не столь велик (или стал не столь велик), — наоборот, явиться фактором, ускорявшим этот процесс.

Для старописьменных народов (грузины, армяне, азербайджанцы, узбеки, таджики, татары) характерно сближение как между собой, так и с культурой других народов (с восточными славянами, народами Прибалтики) в процессе выработки общности идеологии и выравнивания уровней развития и одновременно преодоления пережиточных средневековых форм и традиций. Для народов, исповедовавших в прошлом ислам, большое значение имело при этом падение конфессиональных преград и ограничений, завершение секуляризации духовной культуры. Без преувеличения можно сказать, что это был путь от взаимного знакомства (которое в дореволюционное время развивалось в сравнительно ограниченных формах) к выработке духовного родства.

Что касается восточных славян и народов Прибалтики (с момента их вхождения в состав СССР), то для них было типичным сближение с другими народами в процессе нарастающей демократизации и развертывания современных форм духовной культуры.

Русская, украинская и белорусская культура и в прошлом развивались, не только постоянно обогащая друг друга, но и, в буквальном смысле этого слова, переливаясь друг в друга и друг друга взаимно дополняя. Развивая эти традиции, три близкородственных народа в советское время создали в значитель-

пой мере взаимосвязанные и сросшиеся системы духовной культуры. Особенно ярко это сказывается в области науки и техники, высшего образования, музыки, живописи и некоторых других форм.

В области литературы, театра, хорового искусства, т. е. в формах, тесно связанных с языком, механизм общения и сближения несколько сложнее и не в такой степени обоюдосторонний. Русским читателям доступны книги украинских и белорусских писателей в основном в переводах; белорусская, и особенно украинская, песня пользуются большой популярностью у русских, хотя ими только усваивается, но не развивается и т. д. Однако и в этой сфере нарастающее сближение очевидно. Характерный пример — литература и фольклор периода Великой Отечественной войны. И в жанрах художественных, и особенно в публицистике, границы между тремя восточнославянскими литературами были в эти годы особенно трудноразличимыми⁵⁶.

Специфические черты этого процесса у народов Прибалтики определялись, как уже говорилось, более поздним вступлением их в семью советских народов, необходимостью преодоления буржуазно-националистических предрассудков, насаждавшихся в годы существования буржуазных республик и препятствовавших сближению народов. С другой стороны, борьбу с национализмом, которую еще с 20-х годов вела прогрессивная интеллигенция, ориентировавшаяся на народы Советского Союза, облегчало преодоление этих предрассудков.

Таким образом, возникновение и развитие различных типов и форм сближения, их интенсивность и широта, их культурный смысл и характер находились в прямой зависимости, с одной стороны — от этнокультурной ситуации, которая была характерна для каждого из советских народов к началу 20-х годов, с другой стороны — от особенностей и темпа процесса выравнивания уровней культуры отдельных народов Советского Союза.

Уже в первые десятилетия после Октябрьской революции выявились некоторые особенности процесса сближения русской культуры с духовной культурой других народов Советского Союза. Для первых двух десятилетий особенное значение имело расширение представлений о прошлом и настоящем народов нашей страны. Так, инациональная тема в русской литературе (см., например, творчество А. Фадеева, В. Луговского, Вс. Иванова, П. Павленко, Н. Тихонова, Т. Семушкина, и многих других), русской музыке (Р. Глиер, С. Прокофьев) и подобно этому в русской

---

⁵⁶ Ср.: «Русский фольклор Великой Отечественной войны». М.—Л., 1964; «Українська народна поезія про Велику Вітчизняну війну». Київ, 1953; «Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны». Мінск, 1961; «Советские писатели во фронтовой печати». «История русской советской литературы». т. III. М., 1968.

живописи, драматургии и т. д. стала одной из важнейших тем⁵⁷. Русская советская литература и советское искусство развивали тем самым традиции, формировавшиеся еще в XIX — начале XX в. (ср. произведения на кавказские темы в творчестве А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Бестужева-Марлинского, Л. Толстого, на сибирские темы — в творчестве А. Бестужева, В. Кюхельбехера, В. Короленко, А. Чехова, на среднеазиатские темы — в творчестве В. Даля, Н. Лескова, М. Пришвина и др.).

Основной смысл этой темы прогрессивного русского искусства и литературы заключался в стремлении познать народы России для того, чтобы способствовать их освобождению. В послереволюционные годы основным стимулом стало желание помочь ликвидировать их отсталость, вовлечь их в борьбу за общую цель — построение социализма. Очень важно то, что обогащение русской культуры знаниями, связанными с историей, бытом и культурой народов СССР, происходило в процессе осуществления щедрой помощи этим народам — политической, экономической, административной, культурной.

Тысячи русских ученых, врачей, инженеров, учителей, артистов, писателей и т. д. принимали самое непосредственное участие в культурном строительстве в национальных республиках и районах, в организации школ и вузов, печати и научных учреждений, театров и консерваторий, помогали готовить национальные кадры всех специальностей. Разумеется, размеры и характер этой помощи были различными в зависимости от местных условий. Но нельзя не учитывать и влияние данного процесса на русскую культуру⁵⁸, обогащение ее, выработку умения понимать и изображать жизнь другого народа, сжиться с иноэтнической средой, т. е. в конечном счете — интернационализацию русской культуры. Правда, в известной мере этот процесс захватывал культуру всех или по крайней мере большинства народов Советского Союза, однако в рамках русской культуры он развивался с особенной силой. Эта черта русской советской литературы очень точно была подмечена одним из крупнейших немецких поэтов XX в. И. Бехером. Русские советские писатели, писал он, «в состоянии так же вживаться в человеческие образы и проблемы других народов, как и своего собственного»⁵⁹.

По мере развития и созревания национальных литератур, национального искусства и науки все большую роль стали играть публикации переводов художественных публицистических и научных книг, включение произведений национальных композиторов

---

⁵⁷ Ср.: А. Макаров. Социалистический гуманизм в действии (русский роман о народах бывших окраин). «Знамя», 1959, № 3.

⁵⁸ Ср., например: К. Зелинский. Что дают русской литературе народы СССР. М., 1965; «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур». М., 1961 и др.

⁵⁹ И. Бехер. В защиту поэзии. М., 1959, стр. 184.

в репертуар русских театров и оркестров, участие художников во всесоюзных выставках, а ученых — в совместно разрабатываемых проблемах⁶⁰. Уже применительно к предвоенным годам можно говорить не просто о влиянии русской культуры, а о взаимодействии и взаимовлиянии русской культуры и культур других народов Советского Союза.

* * * * *

Если в целом есть все основания говорить об общности социалистического содержания духовной культуры, отражающей в том числе и общность идеологии и общую историческую судьбу народов нашей страны в советский период их развития⁶¹, то конкретные пути выработки форм ее выражения были сложны и многообразны.

Так же, как в сфере материальной культуры, в сфере духовной культуры отмечается наличие определенных явлений, которые в совокупности можно было бы условно назвать региональным сближением, т. е. сближением этнических общностей, входящих в один из историко-этнографических регионов Советского Союза. Однако перерастание этнических традиций в региональные в области духовной культуры имеет свои отличия. Оно связано не столько с общими экономическими и географическими особенностями региона или с общими чертами хозяйственной специализации (ср., например, обилие лоджий и балконов, теневых конструкций, противосейсмических приспособлений и т. п. — в новой архитектуре Средней Азии; употребление риса, баранины, характерных приправ и т. п. — в пище; «узбекское» женское платье, ставшее общим для республик Средней Азии, и т. п. — в одежде), сколько в большей мере с традициями и общими особенностями развития. Таковы, например, общие «восточные» черты музыкального стиля в современной музыке ряда народов Средней Азии и Кавказа, общие черты в прикладном искусстве или романе прибалтийских народов, общие черты в современной поэзии татар, башкир и казахов или в поэзии ряда народов Северного Кавказа, общие традиции в современном русском и украинском театре и т. п. Следует вместе с тем отметить, что в пределах отдельных регионов сближение подчас осуществляется неравномерно, а за счет влияния какой-нибудь особенно крупной и развитой нации (ср., например, воз-

---

⁶⁰ См., например, в обзоре В. А. Шошина «Сердцем друга»: «В самом деле, если в 20-е годы русская литература в Средней Азии содействовала развитию литератур среднеазиатских народов, то со временем образуется содружество равных литератур, взаимно обогащающих друг друга» («Вопросы литературы», 1965, № 4, стр. 178).

⁶¹ Как писал М. Горький: «разноплеменны и разноязычны, но все и каждый из них — граждане первого в мире социалистического отечества» (Собр. соч. в 30 томах, т. 27. М., 1953, стр. 326).

действие грузин на абхазов и южных осетин; узбеков и таджиков на многочисленные малые народы и этнические группы Средней Азии; азербайджанцев на талышей, татов, курдов и др. в пределах Азербайджана и т. д.). Вслед за усвоением языка этой нации возникает и двуязычие культуры (частично и трехязычие, если иметь в виду еще и параллельное владение русским языком) — ситуация, способствующая возрастанию влияния одной из «больших» наций на численно небольшие народы.

Вместе с тем безусловно можно говорить и об активно развивающемся сближении духовной культуры родственных народов, не расселенных в одних и тех же регионах и не соседствующих друг с другом (например, коми — карелы — удмурты, эстонцы — финны — карелы, татары — хакасы и т. д.). Оживление представлений об общности происхождения, сходство методов современного использования генетически родственных традиций сближают современные формы духовной культуры этих народов. Интересно, что при этом можно отметить черты специфического сходства не только на литературном, но и на фольклорном уровне (например, ср. творчество северокарельских сказительниц М. Хотевой и М. Ремшу и др. и мордовской сказительницы Ф. Беззубовой и др.)⁶². Вместе с тем это подчас — явления, разные по происхождению.

Сближение такого характера в сфере литературы, театра, художественной самодеятельности, системы народного образования, гуманитарных наук происходит, как правило, на фоне активного знакомства с печатной продукцией родственного народа, организованного обмена опытом, и т. д., в то время как факты сближения на бытовом уровне обычно порождаются сходством этнокультурной ситуации и воздействием одинаковых современных факторов развития. Таковы, например, общие черты в современной литературе и театре коми, удмуртов и мордвы или якутов и бурятов, родственных народов Средней Азии и т. д.

Наконец, можно говорить об отдельных случаях сближения содержания и форм культуры по признаку общности пути социально-экономического и культурного развития. Так, например, образовалась своеобразная общность черт духовной культуры малых народов Севера, не объединенных ни общностью происхождения, ни общностью языка или территории⁶³.

Несомненно, что сближение регионального характера и сближение культуры близкородственных народов развиваются на фоне общесоветских процессов и, с другой стороны, перекрываются сближением в общесоветских масштабах.

Рассмотренные выше тенденции далеко не исчерпывают сути современного процесса сближения в сфере духовной культуры

⁶² См.: «Карельские эпические песни». Л., 1950; М. Фетисов. Мордовские народные сказительницы. Саранск, 1953.

⁶³ Ср.: М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. «Труды Института этнографии АН СССР», т. 27. М.—Л., 1955.

народов СССР. Важнейшая его черта на современном этапе — формирование общесоюзной системы функционирования духовной культуры, которая представляет собой не просто сумму родственных и сближающихся культур, а именно систему сращения и взаимопроникновения. Особенное значение при этом принадлежит тем компонентам современной духовной культуры, которые связаны с языком. Их роль в процессе сближения народов СССР должна быть рассмотрена специально, так как они развиваются по специфическим закономерностям и обладают некоторыми свойствами, обеспечивающими им особую роль в этнокультурных взаимоотношениях народов.

Прежде всего формы духовной культуры, связанные с языком (наука, публицистика, все формы словесно-художественного творчества как фольклорного, так и литературного характера, все формы современной массовой коммуникации технического типа — кино, радио, телевидение и т. д.), отличаются значительно большей идеологической определенностью, чем, например, инструментальная музыка, изобразительное искусство, балет и т. п. Поэтому они играют огромную роль в формировании и распространении социалистической идеологии и тесно связанных с ней естественнонаучных и научно-исторических знаний и взглядов, в разностороннем процессе обмена духовными ценностями, создаваемыми социалистическими нациями и народностями.

Функционирование языков народов Советского Союза, обслуживающих разнообразные сферы духовной культуры каждого народа, казалось, должно было бы создавать труднопреодолимые коммуникативные барьеры. Однако именно эти языки в их современных соотношениях и средства, выработанные ими, прежде всего и обеспечивают возможность адекватной передачи и адекватного восприятия содержательной стороны духовной культуры при ее межэтнической циркуляции. Или точнее: они обеспечивают либо адекватную передачу, если речь идет о внеэстетических формах духовной культуры, обслуживаемых языком, либо возможность создания параллельных (и в конечном счете, эквивалентных, примерно равноценных) национально-языковых форм художественного творчества (например, национальные варианты советского песенного творчества, национальные варианты поэзии, романа и т. д.) подобно тому, как это происходит в неязыковых формах искусства (национальный балет, национальный орнамент и т. д.)⁶⁴.

Выделение культурно-языкового аспекта духовной культуры в известной мере условно, так как язык, являясь и формой практического сознания людей, и одновременно средством общения между ними, так или иначе связан со многими другими сторо-

---

⁶⁴ См.: В. В. Веселицкий. О роли русского языка в развитии и обогащении языков народов СССР (обзор литературы). «Развитие современного русского языка». М., 1963.

пами духовной культуры. Более того, он связан и со всеми способами осознания традиций, форм материальной культуры и социальной организации.

Поэтому в настоящем разделе культурно-языковые факторы современных этнических процессов рассматриваются и сами по себе, и как составные механизма межэтнических отношений в сфере духовной культуры.

Как уже неоднократно отмечалось, особую роль в развитии духовной культуры народов СССР играет не только русский язык сам по себе, но и в целом русская культура и шире — общесоветская культура, развивающаяся на русском языке. Развитие национально-русского двуязычия облегчает всем народам СССР не только возможность знакомства с русской культурой, но и с культурой других народов нашей страны даже в таких условиях, когда с этими народами нет прямых бытовых контактов. Исторические обстоятельства (объединение в рамках российского государства, выдающаяся роль русского народа в революционном движении и в ходе социалистической революции и строительства коммунизма, широкая помощь, которая оказывалась и оказывается всем народам русскими учеными, писателями, деятелями искусства и т. д.) сложились таким образом, что не только русский язык, но и русская культура в целом выдвинулись в качестве всеобщего средства межэтнического общения народов Советского Союза, т. е. в роли и микро- и макро-посредника. Эстонский читатель знакомится с творчеством аварского поэта Расула Гамзатова, грузинские читатели — с творчеством литовца Эдуардаса Межелайтиса, якутские — с творчеством казаха Мухтара Ауэзова и т. д. преимущественно при помощи и посредством переводов их на русский язык. Так же сложилась ситуация и в области гуманитарных и естественных наук. В русской литературе и русском искусстве особенно широко развита, как мы уже говорили, инациональная тема — художественное изображение жизни народов Советского Союза, в русской науке — проблемы, связанные со всеми республиками. Без преувеличения можно сказать, что в современный предмет русской литературы, искусства, науки, развивающихся на русском языке, входит социальная действительность и природа всего Советского Союза и всех народов, его населяющих, а не только русского народа и собственно русских районов страны. Поэтому действительность других республик, в том числе и их этнические традиции, познаются читателями очень часто либо через русские переводы (художественной литературы, научных книг, кинофильмов и т. д.), либо прямо из книг, написанных по-русски (или фильмов, озвученных по-русски).

Соотношение этих двух компонентов все время меняется и оно неравномерно для разных республик и районов Советского Союза. Несомненно, что по мере развития духовной культуры национальных республик или отдельных этнических общностей количество переводов на русский язык как на язык межнациональ-

ного общения будет возрастать. Современное культурное двуязычие позволило сформироваться более экономичной системе усвоения через русский язык, которая одновременно и с одинаковым успехом обслуживает интересы всех республик и всех народов. Характерна в этом смысле известная неравномерность в соотношении художественных и так называемых «деловых» переводов, т. е. переводов книг по технике, точным и естественным наукам. Переводы художественной литературы ощущаются обычно как весьма необходимые⁶⁵. Переводы же книг по различным отраслям знаний осуществляются в различных республиках с разным размахом в зависимости от развития этих отраслей в каждой из республик, наличия высших учебных заведений, действующих на национальных языках, академических и других научных учреждений и т. д.

Проблема двуязычия в последние годы все больше привлекает внимание языковедов, этнографов, социологов⁶⁶. О широком его развитии говорилось уже в предыдущей главе. Однако действительная мера его бытового распространения, его значение для духовной культуры отдельных народов и различных районов страны еще далеко не изучены.

Основной вопрос, который возникает в связи с этническим аспектом современного развития духовной культуры народов

---

⁶⁵ Ср. «Питання перекладу. 3 матеріалів республіканської наради перекладачів». Київ, 1957; «Матеріали регіонального совещання по переводу с русского на язык народов Средней Азии, Казахстана и Азербайджана». Алма-Ата, 1960; «От знакомства к родству. Материалы Всесоюзного совещания по художественному переводу». Казань, 1963; «Актуальные проблемы теории художественного перевода». М., 1967; «Мастерство перевода», вып. 1—9. М., 1959—1973 (во всех выпусках публикуются библиографии по теории и практике художественного перевода). В Советском Союзе переводы осуществляются на более чем сто языков. Свыше половины всех изданий художественной литературы — переводы.

⁶⁶ См.: *Ф. П. Филин*. Современное общественное развитие и проблема двуязычия. «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972; *Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко*. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия, там же; *Н. А. Катогошин*. Проблема двуязычия и многоязычия за рубежом, там же; *Е. М. Верещагин*. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969; *М. Н. Губогло*. Этнолингвистические контакты при двуязычии. «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». М., 1973, стр. 230—272; *он же*. Социально-этнические последствия двуязычия. СЭ, 1972, № 2; *он же*. Некоторые вопросы методики при социологическом анализе функционального развития языков (О социолого-лингвистических исследованиях в Сибири). СЭ, 1973, № 2 (в примечании см. сводку современной литературы); *Л. Н. Терентьева*. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР. СЭ, 1972, № 6; *Е. И. Клементьев*. Социальная структура и национальное самосознание. Автореферат канд. дисс. М., 1971; *В. В. Пименов, Р. Ф. Тарова*. Этнические процессы, в современной Карелии. «50 лет Советской Карелии». Петрозаводск, 1970, стр. 214—247; *Н. А. Томилов*. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири. СЭ, 1972, № 6; *В. И. Войко*. Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. Новосибирск, 1973.

СССР, заключается в мере и соотношении функционального и параллельного двуязычия или, иначе говоря, в изучении того, как и в какой мере различные формы духовной культуры обслуживаются первым или вторым языком или обоими языками вместе. Общее представление можно составить как по довольно многочисленным примерам, которые приводятся отдельными авторами, так и путем анализа обобщенных данных статистики (издание книг и периодической печати, фонды библиотек)⁶⁷. Однако совершенно необходимо детально изучить этот вопрос, особенно на бытовом уровне и выяснить, каково же реальное функциональное использование языков в различных сферах повседневного общения, различных половозрастных групп (т. е. каково реальное поведение членов семей как однонациональных, так и смешанных, на производстве, в различных сферах общественной жизни, в вузах, школах, детских садах и т. д.), и вместе с тем, каково функциональное соотношение языков в фольклорной, литературной, театральной, научной, кино и т. п. практике⁶⁸.

Несомненно, что соотношение функционального и параллельного, индивидуального и массового (коллективного), рецептивного (пассивного) и продуктивного двуязычия в различных сферах духовной культуры различно. Вместе с тем оно различно в городах и селах, национально однородных и многонациональных районах. В целом же параллельное двуязычие распространено в республиках, для которых характерно более развернутые национальные системы духовной культуры, где коренное население расселено компактно и большинство населения говорит на одном из неславянских языков (Грузия, Армения, Эстония и др.). И наоборот — именно функциональное двуязычие приобретает особенно широкое развитие у тех народов, национальная система современной духовной культуры которых менее развернута (например, народы, объединенные в автономные республики, области, округа, районы или не имеющие своих государственных образований), которые расселены менее компактно или просто рассеяно (мордва, татары, карелы, евреи и т. д.) или говорят на одном из славянских языков (украинцы, белорусы, польские, болгарские и словацкие этнические группы на территории СССР).

Уже говорилось о том, что даже переход на чужой язык не обязательно сопровождается культурной ассимиляцией. Так, например, известно, что современные ирландцы отличаются весьма развитым национальным самосознанием, несмотря на то что небольшая часть ирландцев Ирландии сохраняет свой язык, а остальные перешли на английский. Тем более переход к культурному двуязычию, т. е. к активному пользованию культурными ценностями

---

⁶⁷ См. главу VIII настоящего издания.

⁶⁸ О некоторых методических проблемах см.: А. А. Сусоколов. Непосредственное межэтническое общение и установки на межличностные контакты. СЭ, 1973, № 5.

ми, которое осуществляется при посредстве не только одного — родного, но и другого, хорошо известного языка, вовсе не означает ослабления национального самосознания. В некоторых случаях двуязычие сопровождается даже усилением самосознания.

Русский язык активно употребляется не только в смешанных, русско-национальных районах. Он — основное средство общения народов Советского Союза между собой⁶⁹, особенно в случаях контактов народов, говорящих на неродственных языках. Преобладание и (теоретически) даже наличие на данной территории русского населения при этом необязательно. Так, например, уже упоминалось о том, что русский язык является средством межнационального общения в рамках Дагестана, Кабардино-Балкарской АССР или Карачаево-Черкесской автономной области. И это так вовсе не потому, что в Дагестане живет какое-то количество русских, а потому что Дагестан активно включился в общесоветскую систему культуры.

Если раньше национально-русское двуязычие обычно возникало в смешанных или так называемых маргинальных районах (т. е. районах этнических контактов или этнических границ) и имело, как правило, контактный и бытовой характер либо было свойственно сравнительно узкому слою местной администрации и интеллигенции, то сейчас оно отличается массовым характером и создается главным образом под влиянием существующей системы народного образования (от детских садов до вузов), профессиональной и общественной деятельности, возросшей подвижности населения, роста городов и общей урбанизации быта, совместного участия народов в межреспубликанских стройках, под воздействием печати, радио, телевидения, кино, различных видов искусства и т. д. Для современного двуязычия в фольклорном его «слое» (как и в разговорной речи) характерно более осознанное и дифференцированное, чем раньше, употребление языков, постепенный отказ от макаронических, т. е. смешанных форм и распространение двуязычия на почве норм русского литературного языка, а не местных русских диалектов⁷⁰.

В распространении литературных форм русской речи все большую роль играют современные формы опосредованных этнокультурных связей — печать, радио, кино, телевидение и т. д. Вообще следует сказать, что надконтактные формы межэтнических связей и взаимодействий в области духовной культуры все боль-

---

⁶⁹ Напомним, что 55 млн. человек нерусской национальности свободно владеют русским языком.

⁷⁰ См. например: *В. Ф. Павлова*. Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР. Казань, 1955; *Л. Г. Барак*. О взаимодействии русской и нерусской сказочных традиций в современных условиях. «Современный русский фольклор». М., 1966, стр. 169—186; «Карельские народные сказки». Сост. У. С. Конка. М.—Л., 1963; «Прозаические жанры фольклора народов СССР». Минск, 1974.

ше перекрывают в своем значении контактные бытовые формы. Несомненно, что роль их в будущем будет возрастать.

Широкое развитие двуязычия создает в сущности такую ситуацию, при которой многие формы современной духовной культуры, бытующей на русском языке, не могут быть однозначно определены как русские, т. е. созданные исключительно в русской этнической среде. Она все больше становится культурой всесоюзной, синтетической по своему этническому характеру, т. е. отражающей исторический и социальный опыт не только русского народа, но и впитавшей в себя традиции и опыт многих других народов нашей страны. Так, в области литературы этот процесс принимает различные, дополняющие друг друга формы. Во-первых, как уже говорилось, это книги русских писателей на интонациональные темы, изображающие жизнь других национальностей Советского Союза. С другой стороны, это переводы на русский язык книг национальных писателей, которые вливаются в общий поток литературы на русском языке. И, наконец, это книги писателей различной этнической принадлежности, написанные на русском языке,— явление очень значительное по своему историческому содержанию. Таково, например, творчество абхаза Георгия Гулия и родившегося в иранско-абхазской семье Фазиля Искандера, стихи казаха Олжаса Сулейменова, лакца Эфенди Капиева, грузина Ираклия Андронникова, поэтов — финнов по происхождению Рейно Таккала и Олега Мишина, творчество писателей, родившихся в еврейских семьях,— Э. Багрицкого, И. Бабеля, И. Эренбурга, М. Светлова, цыгана Л. Хаустова, поляка Ю. Олеша и т. д. Этот список можно продолжить или, с другой стороны, пополнить именами писателей, которые пишут как на своем родном, так и на русском языках (например, киргиза Чингиза Айтматова, украинца Платона Воронько, чукчи Юрия Рытхеу, финна Антти Тимонена и т. д.). Важно отметить, что они, как правило, вносят в русскоязычную литературу темы, сюжеты, образы, стилистические традиции, своеобразный темперамент, заставляющие вспомнить об их этническом происхождении или крае, в котором они родились или выросли ⁷¹.

Явление, о котором мы говорим, разумеется, само по себе не ново в истории русской культуры (ср., например, украинца Н. В. Гоголя и молдаванина А. Д. Кантемира, писавших порусски), однако оно приобретает в последние десятилетия особенно широкое распространение.

Так же, если не еще более интенсивно, развивается этот процесс и в области науки. В составе любого всесоюзного и публикующего свою продукцию на русском языке научного или культурного учреждения можно найти представителей многих национальностей Советского Союза. Столь же многонационален и состав вузов в

---

⁷¹ Иногда, впрочем, последнее и не происходит.

большинстве союзных республик. Так, например, в 1961 г. среди преподавателей вузов Туркменистана было 344 туркмена, 320 русских, 45 татар, 31 армянин, 31 еврей, 30 украинцев, 23 азербайджанца, 13 узбеков и т. д.⁷²

Этнический состав деятелей культуры, искусства и науки в республиках Советского Союза определяется не только реальным составом их населения (и в этом смысле многонациональность, как известно, нарастает), но и сложившимися связями с другими республиками и, прежде всего, с Российской Федерацией. При этом в тех формах духовной культуры, которые особенно тесно связаны с языком (литература, театр, радиовещание и телевидение на национальных языках, преподавание в национальных школах и на национальных отделениях вузов и т. д.), по мере их развертывания все более стали преобладать местные кадры. В то же время кадры, обслуживающие местную печать и местное вещание на русском языке, местные русские театры, русские школы и отделения вузов, многие научные учреждения и виды искусства, не связанные с языком (музыка, живопись, скульптура и т. д.), отличаются многонациональностью⁷³.

Конечно, статистический аспект проблемы далеко не для всех форм духовной культуры является важнейшим и способным создать объективные представления. Известно, что в области художественного или научного творчества значительность того или иного явления не измеряется количественно. Однако есть все основания полагать, что мы оперируем не единичными «счастливыми» случаями, которые можно было бы привести из истории любой страны⁷⁴, а закономерными явлениями, возникшими на фоне широких процессов социально-этнического характера.

Процесс формирования общесоветской культуры, развивающейся на русском языке, превращения ее из достояния одной этнической общности — русских в явление всесоюзного значения и синтетическое по своей природе зашел достаточно далеко. Не случайно перечисление фамилий лиц нерусской национальности, активно участвующих в развитии русской культуры, мы пачали с писателей, так как их деятельность особенно связала с языком. Все это вовсе не означает утраты русской культурой своей самобытности. Одна из важнейших особенностей ее именно как национальной культуры состоит в развитой способности к своеобразной интегра-

---

⁷² Р. Ф. Абульханов. Содружество национальных культур — важное условие их расцвета. «Строительство коммунизма и проблемы культуры». М., 1963, стр. 341.

⁷³ См.: В. В. Покшишевский. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения. СЭ, 1969, № 5, стр. 3—15.

⁷⁴ Ср., например, французского художника, испанца по происхождению П. Пикассо, роль русских балетмейстера Фокина и антрепренера Дягилева в истории французского балета, деятельность французского поэта, поляка по происхождению, Г. Апполинера, помещика поэта еврейского происхождения Г. Гейне и т. д.

ции культурных достижений и традиций братских народов, в ясно осознанной посреднической и обобщающей функции. Именно это и дает возможность представителям других национальностей участвовать в ее развитии.

Таким образом, рост национальных кадров, развертывание национальных культур, обновление их форм и другие характерные процессы сопровождаются вместе с тем сближением духовной культуры советских народов и развитием не только рецептивно-го, но и продуктивного национально-русского двуязычия, ростом макро- и микро-посреднической роли русского языка и русской культуры, постепенным перерастанием ее в культуру синтетическую, отражающую и выражающую жизнь многих советских народов и обслуживающую их запросы, интересы и потребности наряду с национальными языками и различными формами национальной культуры каждого народа.

Все эти процессы в их своеобразном сочетании, которое складывалось для каждой республики под влиянием известных социальных, исторических и культурных факторов, привели к постепенному формированию специфической общесоюзной межэтнической системы духовной культуры, обслуживающей все народы Советского Союза. Именно эта система и выражает в конечном счете результаты и направление современных этнических процессов в СССР в области духовной культуры.

В связи с тем, что она рисуется обычно упрощенно или механизм ее и природа вовсе не учитываются, остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

В популярной литературе нередко можно встретить отвлеченные рассуждения о параллельном и всестороннем развитии систем культуры каждого советского народа и непременно только в специфических национально-языковых формах. При этом явно смешиваются право и историческая целесообразность, возможность и реальное течение процесса.

Неправомерность такой точки зрения становится особенно заметной, если рассмотреть ее в приложении к некоторым малочисленным народам. Например, духовная культура таких народов, как чукчи или кеты, ливы или вепсы, непрерывно развивалась и обогащалась. Однако это происходило не только за счет «внутреннего» развития, но и путем приобщения этих народов к лучшим достижениям советской и мировой науки, искусства, литературы. Теперь мы с полным основанием говорим об активном участии малочисленных народов в развитии советской культуры в целом. Таковы, например, творчество чукотского писателя Ю. Рытхеу, получившее всесоюзную и международную известность, деятельность целой группы ученых, вепсов по национальности, в научных и учебных учреждениях Карельской АССР — Н. И. Богданова, Г. Н. Богдановой, В. И. Машезерского, Г. Е. Власьева и др. Однако все это в своей совокупности не дает основания предполагать, что эти народы по мере их даль-

нейшего развития придут к культурному одноязычию на своих языках и создадут широко разветвленную и вполне самостоятельную замкнутую систему духовной культуры. В этом явно нет необходимости, и такой процесс не был бы обогащением чукотской, вепской или кетской культуры. Приобщение к общесоветской системе духовной культуры, культурное двуязычие чрезвычайно расширили возможности малых народов. Они развивают свою духовную культуру в бытовых и профессиональных формах в системе своего и одновременно общего многонационального социалистического государства, способного обеспечить им социальное, политическое и культурное равноправие и возможности, далеко превосходящие масштабы самостоятельных возможностей малочисленных народов. Эти народы на равных правах и основаниях со всеми другими народами Советского Союза (и даже наоборот — при определенных условиях с известными преимуществами) могут пользоваться всеми формами современной культуры, в какой-то части на чукотском или вепском языке, в другой — на русском, что тоже осуществляется беспрепятственно в условиях реально существующего массового и продуктивного двуязычия.

Такая же ситуация характерна не только для ряда малых народов Севера, но и для немногочисленных этнических общностей в других районах Советского Союза — ижорцев, гагаузов, саамов, для носителей так называемых «однаульных» языков Северного Кавказа, небольших этнических групп (например, памирских) в Средней Азии и т. д. Между этим (в силу исторических обстоятельств) минимальным вариантом использования своего языка и наиболее развернутой и сложной по своим формам, функциям и этническому составу обслуживаемой среды культурой на русском языке «располагается» все многообразие вариантов современной духовной культуры народов СССР.

Изучение особенностей общесоюзной системы духовной культуры, места и роли в ней духовной культуры каждой этнической общности позволяет наметить культурно-языковую типологию народов нашей страны. При этом ограничимся лишь выделением некоторых общих черт системы в целом, которые нам представляются наиболее важными для нашей темы. Разумеется, и подобная характеристика на современном этапе изучения не может не быть в известной мере гипотетической. Она может быть превращена в типологию, вполне обоснованную, при условии осуществления планомерных и конкретных исследований развития структуры духовной культуры отдельных этнических общностей как на бытовом, так и на профессиональном уровне, механизма их взаимоотношений в пределах отдельных регионов и между родственными народами, сравнительного изучения процесса развертывания духовной культуры отдельных народов и т. д.

Говоря о том, что советские народы и их культура равноправны, развиваются и влияют друг на друга и тем самым сбли-

жаются, так как развиваются в одном направлении и обмениваются достижениями и ценностями, мы собственно не улавливаем еще то новое и главное, что возникло в этой сфере в результате социалистического развития наших народов в рамках единого государства, сложившегося в определенных социально-исторических, политических, экономических и этнокультурных условиях. Сказанное в известном смысле могло бы быть отнесено к взаимоотношениям, например, разных этнических общностей, существующих в рамках капиталистических государств. Так, например, сосуществуют, развиваются и взаимовлияют культуры Франции и Англии или тем более — США и Англии (между двумя последними нет языкового барьера, надконтактные связи весьма развиты, есть известная общность социальной структуры общества и его духовной культуры и т. д.). Однако духовная культура любой из названных выше этнических пар не составляет целостной системы. Возникновение такой системы возможно только в рамках социалистического государства или содружества социалистических государств, существование которых предполагает социальную однородность и идеологическое единство содержания культур, взаимное доверие, взаимопомощь и, так сказать, «взаимоприятие», единство важнейших национальных и общих интересов, сознательное и планомерное руководство учреждениями и организациями, обеспечивающими развитие культуры всех взаимодействующих единиц. Только в таких условиях возможно формирование целостной системы, отдельные звенья (элементы) которой функционально взаимосвязаны. В нашей стране такую систему представляет общесоветская культура.

Мы уже говорили о том, что русская (и шире русскоязычная) культура играет роль не только посредническую, но и объединяющую и в известной мере обобщающую. Однако это не означает вместе с тем русификацию: русская культура не подавляет культуру других народов, а взаимодействует с нею. Известно, что распространение русского языка в одних сферах культуры сопровождается развитием национальных форм в других.

Массовое двуязычие развивается в советских республиках в условиях расцвета национальных культур. Разумеется, это не исключает отдельные противоречия, подчас сложные ситуации, однако в целом дело обстоит именно так. На почве двуязычия происходит не вытеснение форм, свойственных одному народу, иноэтническими формами, а сближение культур. Оно означает не только параллельное возникновение и развитие (изофункциональных и изоструктурных) этнических вариантов общесоюзных форм (именно и особенно в формах духовной культуры, тесно связанных с языком), но и сращивание духовных культур отдельных народов в систему, отдельные элементы которой (при большей или меньшей автономности) функционально взаимосвязаны.

Для того чтобы понять структуру этой системы, необходимо еще раз возвратиться к вопросу, которого мы отчасти уже касались. Выравнивание уровней развития культуры разных народов

и республик⁷⁵ означает по существу постепенную ликвидацию культурной пестроты и многотипности, которая была характерна для народов нашей страны к началу советского периода. Оно осуществляется в условиях двуязычия культуры и поэтому зависит от конкретной этнокультурной ситуации, т. е. от реально сложившегося сочетания форм духовной культуры, развивающихся на национальных языках, параллельно на национальных и русском языках или просто на русском языке. Если для общей характеристики развития культурной жизни республики достаточно общих цифровых показателей, характеризующих динамику числа учащихся и преподавателей в школах и вузах, количества экземпляров выпущенных в свет книг и периодических изданий, посещений театров, кино, книговыдач и т. д., то для уяснения этнического аспекта этого процесса очень важно не только констатировать наличие двуязычия, но учитывать и динамическое соотношение явлений, бытующих на национальных языках, двуязычных и одноязычных — русских⁷⁶. Следует также иметь в виду, что в отличие от средневековья, когда тоже, и притом довольно часто, научные и литературные потребности обслуживались «чужим» языком (латынью, старославянским, арабским, персидским и т. д.), теперь процессы, о которых мы говорим, развиваются на основе не элитарного или индивидуального, а массового продуктивного двуязычия и имеют демократический характер.

Итак, представляется возможным построить этническую типологию современной духовной культуры советских народов, положив в основу ее соотношение форм, развивающихся на национальных языках, форм, параллельно двуязычных (национально-русского и русско-национальных), и форм, развивающихся на русском языке.

Обращает на себя внимание то, что основные типы, выделенные таким образом, в принципе совпадают с представлениями, которые лежат в основе политико-административного устройства нашей страны. Здесь нет ничего удивительного, так как в основе его те же показатели — этноязыковые параметры, степень национальной консолидации, численность, компактность расселения, уровень развития и т. д. С другой стороны, наше административно-политическое устройство существует уже десятилетия и в свою очередь не может не оказывать обратного воздействия на процессы культурно-языкового развития народов.

В союзных республиках все формы духовной культуры особенно широко развернуты и тесно связаны с национальными языками. Здесь в основном господствует тенденция к параллельному двуязычию (издание книг на национальном и русском языке, двуязычное радиовещание, существование театров на националь-

⁷⁵ См. выше, на стр. 332—347.

⁷⁶ См. главу VIII настоящего издания.

ном и русском языках и т. д.), однако реальное соотношение параллельных форм различно (например, соотношение русских и национальных отделений вузов, соотношение школ, соотношение языков в различных видах издаваемой литературы — художественной, технической, естественно-научной, общественно-политической, по гуманитарным дисциплинам и т. д.). Наибольшее развитие форм, связанных с национальными языками, наблюдается главным образом в союзных республиках.

Автономные республики и области в своей совокупности представляют довольно пеструю картину, но в целом здесь можно отметить меньшее развитие одноязычных национальных форм культуры и заметно большее развитие форм, параллельно и функционально двуязычных и однопольно-русских.

Таким образом, общесоветская система духовной культуры — это не просто сумма культур отдельных этнических общностей, которые автономно развиваются в одинаковых социалистических условиях и в силу этого, а также в ходе нарастающих контактов сближаются. Происходит процесс срачивания в единую систему, элементы которой накрепко сцеплены друг с другом. Стержень этой системы и важное средство их соединения — русская культура, которая играет не только посредническую роль, но все в большей мере становится культурой, обогащенной в этническом отношении.

Духовная культура советских народов, даже тех, которые особенно широко развернули современные формы (украинцы, белорусы, грузины, азербайджанцы, армяне, эстонцы, латыши, литовцы, казахи, таджики, узбеки и т. д. (состоит из трех органически связанных между собой составных частей — форм, развивающихся на национальных языках, форм, которые одновременно обслуживаются и национальными языками и русским языком, и одноязычно-русских форм. Соотношение этих трех компонентов прежде всего и характеризует современный этнокультурный облик духовной культуры каждого народа. От их соотношения вместе с тем зависит и в них выражается механизм связи духовной культуры каждой этнической общности как с культурами других народов страны, так и общесоветской культурой.

И все же, сколь ни велико значение для межэтнического сближения культурно-языковой сферы, этот процесс охватывает и те компоненты духовной культуры, в которых коммуникативные связи осуществляются внеязыковыми средствами (частично или полностью).

Взаимодействие этих компонентов с этническими процессами образует несколько иную картину, требующую специального рассмотрения, чему и посвящены последующие параграфы настоящей главы.

6. Новое и традиционное в праздниках и обрядах народов СССР

Праздники и обряды относятся к той области духовной культуры, в которой своеобразно выявляется специфика, присущая этносу или группе этносов. В силу этого исследование их возникновения, развития, трансформации, переосмысления или исчезновения является одним из аспектов исследования этнокультурных процессов в целом. Известно, например, что стадии развития обрядности соотносятся с определенными этапами развития этнических общностей, что обряды и обычаи тесно связаны с материальной жизнью общества, определяются ею и, как всякое надстроечное явление, видоизменяются во времени и определенным образом воздействуют на базис⁷⁷.

В дореволюционный период многие бытовые проявления жизнедеятельности народа сопровождались обрядовыми действиями, религиозными по своей природе или имеющими религиозную окраску. Общим для всех народов было наличие бытовой обрядности, различным — ее характер и степень устойчивости. Сходства в обрядности нередко зависели от степени этнической и религиозной близости народов, от уровня их социально-экономического развития.

В дореволюционной России у каждой из этнических общностей имелась устойчивая система закрепленных временем бытовых и религиозных (различной окраски) обрядов и праздников, воспринимавшихся как сугубо национальное явление, что нередко оказывало «разъединяющее» влияние, сдерживало бытовое общение между представителями различных национальностей.

Создание общей для всех народов СССР безрелигиозной обрядности было начато уже в первые годы Советской власти. Это происходило главным образом в сфере общественной жизни (новые общественные праздники, новое проведение досуга и пр.). Создание новой обрядности было определенным результатом активной наступательной борьбы передовой части трудящихся против старого быта, старых традиций и представлений, проявлением революционного духа эпохи в этой специфической области.

Такие революционные праздники, как день 1 Мая, 7 Ноября, День Парижской Коммуны, отражали новое в мировоззрении советских людей. Боевой пропагандистский характер революционных праздников сказался и на форме их проведения, выработался новый ритуал: стали постоянными торжественные собрания и митинги, сопровождаемые речами и докладами, праздничные

---

⁷⁷ См.: А. К. Алиев. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1968, стр. 27; Д. М. Угринович. Психология религии. М., 1969, стр. 36; В. П. Левкович. Обычаи и обряды и их роль в совершенствовании семейных отношений. «Социальные исследования», вып. 4. Проблемы брака, семьи и демографии. 1970, стр. 121.

демонстрации и шествия, а в больших городах — выступления самодеятельных коллективов; все это отражало оптимизм и наступательный настрой победивших народных масс.

Форма собраний и митингов, ставшая особенно популярной в первые послереволюционные годы, часто использовалась для разъяснительной работы в массах, для освещения мероприятий партии и государства во внутренней политике (декрет о земле, распределение земли, закон о браке, о новой экономической политике и т. п.) и международной политической обстановки. Популярной была также форма антирелигиозной пропаганды в виде состязания, диспута между церковниками и атеистами. Бурное развитие общественной активности получало во всех этих формах созвучный эпохе выход. Создавались новые обряды. Например, в ряде районов центральной России были предприняты попытки оформить обрядами борьбу с рутинной в области сельскохозяйственного производства. Так, в некоторых местах отмечались «похороны» сохи, трехполья и пр. Вместе с тем до тех пор, пока господствовало индивидуальное хозяйство, удерживала позиции и старая производственная обрядность, так как сохранялась ее база.

Только социалистическое переустройство народного хозяйства повлекло за собой быстрое изменение во всех сферах жизни. Это отразилось и на обрядности. Простое игнорирование церковной и старой народной обрядности и переход к безобрядовому оформлению семейных событий (устройство обычной вечеринки) казались недостаточно агитационно-действенными. Требовалось противопоставить старой, разработанной и освещенной религией обрядности столь же значительный, но современный, тесными узами связанный с новой жизнью обряд.

Уже в 1920-е годы проходит мощное, поддерживаемое снизу движение за создание безрелигиозных ритуалов при оформлении событий личной жизни, связанных с рождением детей, свадьбой, похоронами. В стране, часто в самых глухих ее уголках, творчество масс направляется именно на разрушение старых религиозных обрядов в семейном быту.

Новые формы гражданской обрядности носили ярко выраженный антирелигиозный, а также общественный характер, проходили в клубах, сопровождались речами, наказаниями поворожденным и молодым супругам, преподнесением им подарков. Появившаяся новая семейная обрядность в 1920-е годы сыграла определенную революционизирующую роль в перестройке быта.

В этот начальный период в общественном быту населения прочно укрепились общереволюционные праздники как праздники государственные, санкционированные правительством и проводившиеся с участием официальных лиц.

Устойчивость старой обрядности в быту, особенно в сельской местности, была связана с сохранением мелких индивидуальных хозяйств на селе и присущей крестьянам индивидуалистической психологией, отягощенной множеством пережитков.

И все-таки уже в тот период у различных народов отмечалась общая основа, одинаковая устремленность творчества в области обрядности, что наряду с другими факторами создавало почву для этнического сближения и способствовало взаимопониманию разных этнических общностей. И в этом коренное отличие данного периода от дореволюционного прошлого. Если старые обряды, специфические и охраняемые как таковые каждой этнической общностью, выступали и часто использовались как разъединяющие людей, то новая обрядность, с ее общей основой и формами, ломала эти разграничения и тем самым прокладывала путь к сближению народов в области духовной культуры.

В последующие периоды в результате социалистического и коммунистического строительства в обрядности всех народов нашей страны произошли коренные изменения. Основной особенностью общегосударственных праздников становится то, что их отмечают не только в официальной, но и в семейной обстановке. Они стали приметой не только общественного, но и семейного быта. Без сомнения, в настоящее время революционные праздники — основные и наиболее значимые, их отмечают во всех уголках Союза.

Наблюдается расширение состава новых праздников и обрядов, их стабилизация, проникновение во все области жизни: производственную, семейную, общественную. В довоенное время возникли праздники, посвященные труженикам отдельных гражданских профессий и военных специальностей, такие, как Всесоюзный день железнодорожника, День авиации, День танкистов, День Военно-Морского Флота СССР. Каждый из этих праздников лишь условно был приурочен к определенной дате и отмечался, как правило, в ближайшее от нее воскресенье. В послевоенные годы число условно приуроченных профессиональных праздников увеличилось. Появились День химика, День учителя, День рыбака, День строителя, День медицинского работника и др.

Большим всенародным праздником стал День Победы — 9 Мая, который повсеместно включает в себя такой важный компонент, как ритуал в честь памяти погибших в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Отмечается и тенденция к установлению местных мемориальных праздников — «день рождения» (создания) колхоза, годоулицы основания бригады и т. д.

Нередко праздники сугубо местного значения преследует также цель искоренения религиозных праздников. Поэтому решение об установлении таких локальных праздников придается широкой гласности через местные радио, печать. Инициаторы праздника приглашают друзей в гости именно в эти праздники, а не в пресольные, как это было принято в сельской местности⁷⁸.

---

⁷⁸ И. А. Крыжелев. О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР. СЭ, 1963, № 6.

В различных районах страны, особенно с 1950—1960-х годов, под воздействием общественности, с использованием новых, интернациональных, рожденных социалистической действительностью форм проведения общественных праздников, стали возрождаться некоторые традиционные, в первую очередь так называемые «сезонные» праздники (проводы зимы, встреча весны, праздник лета, осени). Как результат трансформации и обогащения новым содержанием народных праздников старой календарной обрядности распространились праздники сельскохозяйственного производственного значения, посвященные различным моментам сельскохозяйственного цикла: например Праздник первой борозды, Праздник первого снопа, День урожая, День животновода и т. д.

Многие из этих праздников относятся к категории местных, они распространены в отдельных районах или областях, их номенклатура еще не установилась, она изменчива: сами праздники нерегулярны в бытовании и не всегда находят отражение в семейном быту. Тем не менее появление таких праздников отражает тенденцию к развитию и обогащению в соответствии с требованиями сегодняшнего дня традиции ежегодно торжественно отмечать узловые моменты сельскохозяйственного производственного цикла.

Утвердились принципиально новые, имеющие большую общественную значимость обычаи торжественно оформлять важнейшие события, связанные с гражданской и производственной ролью человека: проводы призывников в армию, посвящение в рабочие, чествование ветеранов труда, проводы на пенсию и ряд «возрастных» праздников, как, например, праздники детства, юности, совершеннолетия и пр.

Получили распространение новые ритуалы торжественной регистрации брака, наречения именем новорожденного, имеющие много общего у различных народов СССР. В то же время наличие в обрядности народов нашей страны общесоветских, интернациональных черт сочетается с сохранением традиционных особенностей.

На современном этапе новая обрядность очень популярна и имеет тенденцию к расширению. При этом из самодеятельной сферы она все более переходит в область интересов и деятельности общественных организаций.

В обрядности находят отражение и процессы социалистической перестройки быта, интенсивного сближения народов нашей страны как в целом, так и по регионам.

В частности, в сфере обрядов тенденция к этнокультурному сближению восточнославянских народов, наметившаяся ранее, особенно выявилась в условиях советской действительности.

За советский период во всех областях расселения восточнославянских народов почти полностью исчезли различные религиозные обряды и действия, требовавшие совместного участия массы верующих (крестные ходы, водосвятия и т. п.), и вся производствен-

ная обрядность, вызванная к жизни условиями индивидуального хозяйства.

У всех восточнославянских народов, как, впрочем, и у подавляющего большинства народов нашей страны, в настоящее время повсеместно распространилось празднование Нового года. В отдельных местах с ним слились остатки святочной обрядности — колядования, «кликанья овеня» с ряжением⁷⁹. На Украине в качестве новогодних поздравлений бытуют традиционные щедровки⁸⁰. Но при общей социальной основе сохранились и национальные отличия. Например, своеобразно проходит на Украине Праздник весны, в котором продолжают бытовать традиционные девичьи песни и хороводы.

Для Белоруссии очень характерен День партизана, который проводят на местах бывших партизанских боев. В его распорядок входят торжественная часть, концерт, «партизанский ужин». Здесь получил распространение Праздник песни, из которого в Белоруссии вырос Праздник песни и труда.

Большие изменения произошли в семейной обрядности восточнославянских народов: вытеснены обряды прошлого, особенно те, которые имеют религиозную окраску. В то же время отчетливо выявляется стремление отмечать семейные события в торжественной обстановке, при разработанном общественном ритуале оформления брака, актов рождения и др. Регистрация брака воспринимается как обязательный момент в оформлении свадьбы. После него собирается свадебное застолье.

Регистрация новорожденных необязательно связана с семейным торжеством, оно нередко происходит до регистрации ребенка в загсе — сразу после выхода матери с ребенком из родильного дома.

Для большинства социальных групп городского и сельского населения восточных славян характерно проведение семейных торжеств без соблюдения старой традиционной обрядности. Свадьбу, рождение ребенка оформляют как званый вечер с угощением, подарками, хоровым пением, застольной беседой, шутками, танцами. На свадьбах сохраняется торжественный наряд молодых, особенно невесты, произнесение соответствующих тостов и добрых пожеланий и традиционных возгласов «горько!».

Наблюдается определенная тенденция к пышности и многолюдности свадеб — с большим числом приглашенных и разнообразием угощения. Все большую популярность в городах приобретает проведение свадеб в ресторанах, кафе, столовых с после-свадебным отъездом молодых в отпуск — к родственникам, в туристические поездки и т. д. В то же время в ряде мест, особенно в сельских районах, соблюдается и традиционный свадебный об-

---

⁷⁹ «Народы Европейской части СССР», т. I. Серия «Народы мира». М., 1964, стр. 449.

⁸⁰ Там же, стр. 724.

ряд, значительно изменившийся и трансформированный по сравнению с дореволюционным прошлым⁸¹. Повсеместно из свадебного цикла выпало венчание, бывшее ранее одним из официальных моментов свадьбы.

Народный свадебный обряд сократился в сроках и упростился. Резко сократился предсвадебный период. Наиболее устойчивым оказался его начальный этап — сватовство, но в большинстве случаев выпали промежуточные обряды предсвадебного цикла, в частности девичник. Несколько напоминает девичник молодежная вечеринка, которую в некоторых районах устраивают перед свадьбой.

В ряде мест в свадьбе сохраняются традиционные моменты: одевание невесты, приезд за ней жениха, выкуп места подле невесты, «продажа косы», торжественное напутствие, устройство преград свадебному поезду.

Сохраняется также обычай второго дня свадьбы — посещение молодыми родителей невесты и свадебный пир в доме жениха — с «золочением» молодой и разыгрыванием шуточных сцен. В некоторых сельских местностях у белорусов уцелели детали старой свадебной церемонии. Сохраняется фигура свата, по его роль изменилась, он превратился в руководителя свадебного пира. Вечер накануне свадьбы, аналогичный девичнику, проходит в виде обычной вечеринки. Полностью сохранились у невесты и жениха дружины из близких подруг и товарищей и раздельный прием гостей у жениха и невесты накануне свадьбы. Повсеместно у восточных славян празднуют рождение ребенка в ближайший день после выхода матери из родильного дома. В этот день новорожденному преподносят подарки. В белорусских деревнях пришедшие на «родины» приносят в дар роженице выпеченные ими изделия, домашние колбасы и другую снедь. За праздничным столом на почетное место сажают «бабку», но в отличие от прошлого это не повитуха, а просто ближайшая знакомая семьи или родственница. Центральным моментом праздника является, как и ранее, раздача «бабиной каши», однако в настоящее время каша заменяется тортом, за которым сохраняется старое название.

В городах и сельских поселениях у восточнославянских народов преобладают безрелигиозные похороны, которые нередко включают отдельные элементы традиционного обряда.

Значительные изменения обрядности наблюдаются в Прибалтике⁸². В послевоенные годы в повседневную жизнь народов

---

⁸¹ Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964, стр. 221—232; «Кубанские станицы». М., 1967, стр. 222—226, М. С. Шихарева. Свадьба у сельского населения Кубани. СЭ, 1964, № 1.

⁸² Л. Н. Терентьева. Формирование новых обычаев и обрядов в быту колхозников Латвии. СЭ, 1961, № 2; «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики». ТИЭ. Новая серия, т. XXVII. М., 1962.

этого региона прочно вошло празднование общесоветских праздников, которые отмечают как в общественном быту (на производстве), так и дома. Распространены республиканские, межрайонные и районные праздники песен, фестивали молодежи. Торжественно отмечают День урожая после завершения сельскохозяйственных работ. Все эти праздники заканчиваются спортивными состязаниями и играми. С наступлением темноты устраивают карнавальное шествие.

В настоящее время для всех народов Прибалтики регистрация брака в загсе стала одной из важнейших свадебных церемоний, с которой и начинаются свадебные торжества. Церковный брак встречается редко. Наблюдается стремление внести в церемонию, происходящую в загсе, элементы традиционного свадебного обряда, придав им характер увеселения. Так, в загс вместе с молодыми приезжает «свадебный поезд», традиционно состоящий из друзей, шаферов, свата и свахи, музыкантов. Председатель исполкома или депутат читает текст присяги вступающих в брак. Молодые обмениваются кольцами, целуются, скрепляют своими подписями текст присяги, получают свидетельство о браке. Затем сват наливает молодым шампанское, их фотографируют. Сохраняется встреча молодых хлебом-солью, «вешание свата» и другие игровые моменты.

Свадьбу обычно празднуют в том доме, где молодые будут жить. Обязательным элементом является преподнесение подарков молодым, в том числе и от товарищей по работе. Невеста одаривает своих новых родственников значительно реже, чем в былые годы, причем у латышей этот обычай сохраняется в большей степени, чем у эстонцев и литовцев.

Круг приглашенных на свадьбу гостей сильно расширился. Стали часты комсомольские и общественные свадьбы.

Торжественно проходит и праздник наречения новорожденного именем — Праздник детства. На этот праздник собираются помимо родителей и родственников их товарищи по работе, общественность колхоза, совхоза или предприятия.

Вместе с тем отмечено стойкое сохранение в быту старинного обычая «смотреть» ребенка, но сейчас на смотрины приходят больше гостей, чем было раньше. Вместо традиционных блюд гости приносят кремдель при рождении мальчика или торт — новорожденной девочке (Эстония). Ребенку дарят «на зубок» серебряные вещи, игрушки, предметы одежды.

Большую популярность среди населения Прибалтики завоевал Праздник совершеннолетия, вытеснивший церковный обряд конфирмации. Общественность как в городе, так и в сельской местности тщательно готовит этот праздник. В день праздника юношам и девушкам представители общественных организаций вручают свидетельства о совершеннолетию, родственники и друзья дарят им цветы и памятные подарки. Молодежь посещает специальные семинары.

В похоронной обрядности народов Прибалтики произошли значительные изменения: преобладают в основном гражданские похороны. Демашнее отпевание и духовное пение почти полностью исчезли (даже если похороны проводят по церковному обряду). На церковное поминовение умерших на кладбище ходят преимущественно люди старшего поколения. Общим для всей Прибалтики стало гражданское поминовение умерших. Накануне дня поминовения общественные организации проводят торжественные траурные собрания, посвященные памяти героев революции, Великой Отечественной войны. В день поминовения население идет на кладбище, где устраивается траурный митинг, оркестры играют траурные мелодии. После этого собравшиеся расходятся к могилам своих близких.

В северо-западном этнокультурном регионе, у карел, коми, лопарей, как и повсюду в нашей стране, прежде всего широко распространены общесоветские праздники. Новые праздники характерны не только для общественного, но и для семейного быта. Здесь ежегодно отмечают Праздник урожая, День животноводства, в проведении которых заметная роль принадлежит художественной самодеятельности. Лопари справляют также и Праздник оленеводов.

В свадебной обрядности народов северо-западного региона наблюдаются и общие черты, и некоторые этнические различия. Так, например, у карел отмечаются три вида свадьбы: с сохранением некоторых элементов традиционной обрядности, свадебно-вечеринка, имеющая наибольшее распространение, и комсомольская свадьба. В современной свадьбе сохраняются некоторые старые обычаи: пиршество сначала у невесты, а затем у жениха, обычай «подмены» невесты, соревнование в угощении за свадебным столом между стороной жениха и невесты, встреча свадебного поезда стрельбой из ружья в воздух и горящими факелами, обычай обсыпания молодых ячменем, «заставы» (загораживание дороги свадебному поезду), торжественный перевоз приданого невесты, роль старшего брата в свадебной церемонии.

В отличие от прошлого сейчас на свадьбе не причитают — поют веселые песни. Жених и невеста веселятся вместе с гостями. Современный свадебный обряд стал короче, но оживленнее. Исчезли обычаи девичника и ритуального мытья в бане. В рабочих поселках устраиваются комсомольские свадьбы.

Лопари и коми после регистрации брака устраивают вечеринку. Браки нередко заключаются в зале бракосочетания, в особенно торжественной обстановке. Распространены комсомольские свадьбы. Элементы народной свадебной обрядности сохранились лишь частично. К ним относятся, например, обычаи одаривания. Девушки задолго до свадьбы готовят свадебные подарки, предметы своего рукоделия.

Своеобразны обычаи и празднества народов Поволжья и Приуралья. Одни из этих народов до революции подверглись хри-

стианизации, другие — исповедовали ислам. После установления Советской власти из их повседневной жизни стали быстро уходить как христианские и мусульманские, так и дохристианские и домусульманские обряды, широко распространенные в прошлом.

В настоящее время у этих народов наряду с общесоветскими праздниками в сельских коллективах проводятся Праздники первой борозды, Праздник сохи (марийцы), Праздник плуга. Повсеместно существует День урожая. Старинный обряд чувашей «акатуй» — «свадьба плуга» — вначале трансформировался в Весенний праздник, а затем — в Праздник песни.

Во многих районах ежегодно организуют колхозную животноводческую выставку, на нее съезжаются люди из разных районов и даже из соседних республик. Выставка заканчивается праздничным гулянием, спортивными состязаниями, бегами, награждением премиями лучших.

В большинстве районов традиционные свадебные обряды значительно упростились, соблюдаются лишь некоторые из них, в том числе — надевание невесте головного убора замужней женщины. Брак регистрируют в загсе. В свадьбе участвуют помимо родственников представители производственного коллектива. Так, роль главы свадьбы иногда исполняет председатель колхоза, который организует свадебный поезд.

Свадьбу справляют по-новому главным образом в городах, но и там нередко включают в нее традиционные элементы — приглашение хора; его участницы, одетые в национальные костюмы, поют старинные свадебные песни.

Интересна свадебная обрядность татар, на которую в прошлом большое влияние оказал ислам. В настоящее время из нее почти исчезло сватовство. Процедура регистрации брака носит торжественный характер. Свадьба теперь чаще происходит в доме родителей жениха (ранее — в доме невесты, а затем в доме жениха), причем на ней присутствуют родственники, молодежь. Торжество сопровождается музыкой и танцами, что раньше не допускалось. Лишь в некоторых случаях родители тайно, после свадьбы, совершают религиозный обряд. Молодые на нем не должны присутствовать, а поэтому нередко и не знают о его совершении. Получает все более широкое распространение новый свадебный обряд. Часто справляются комсомольские свадьбы. В некоторых городах Татарии периодически проводятся вечера молодоженов. Начинает входить в быт День молодоженов, одним из элементов этого праздника является посадка деревьев в «аллеях молодоженов».

Другой пример — свадьба у башкир. В городах в ней не сохраняются традиционные обряды, лишь иногда они исполняются в шуточной форме. В селах традиционная свадебная обрядность значительно упростилась. Свадьбу там празднуют несколько дней, при этом придерживаются обычаев, характерных в прошлом для главного свадебного торжества — туй: угощение родственников и

гостей, пляски и игры, обмен подарками между родственниками жениха и невесты, проводы невесты с исполнением обхода перед отъездом всех родственников и одариванием их, исполнение прощальных песен. Распространены комсомольские свадьбы. На них по традиции организуются состязания борцов, бегунов, проводятся конные скачки, игры, пляски.

Народы Поволжья и Приуралья рождение ребенка отмечают как праздник, на который приглашают родственников и знакомых. Распространено торжественное наречение новорожденного именем — в официальной обстановке, с участием большого числа людей.

В похоронных и поминальных обрядах этих народов удерживаются много традиционных элементов, однако преимущественное распространение, особенно в городах, имеют гражданские похороны.

В Сибири и на Крайнем Севере у народов, находившихся до революции на различных ступенях общественно-экономического развития, в прошлом бытовала разветвленная обрядность, тесно связанная с религиозными представлениями. В советское время у этих народов наблюдаются большие изменения в общественной и семейной обрядности. Во многом это связано с исчезновением религиозных устоев.

Пережиточные формы обрядности в большей степени удерживаются у северных народов, не прошедших христианизации. У народов, подвергавшихся христианизации, наблюдается полное исчезновение христианской обрядности, которая была усвоена поверхностно.

В быту коренного населения Сибири и Крайнего Севера сохранились некоторые дохристианские обряды, которые, однако, приобрели формальный характер; верования, связанные с ними, почти исчезли. Пережитки традиционных религиозных верований сохранились в сфере промыслов и важных семейных событий, хотя свадебная обрядность почти забыта. Однако и промысловая обрядность за последние десятилетия не только упростилась, но в значительной степени и забылась.

Широко празднуются общесоветские и революционные праздники. У народов Южной Сибири, кроме того, большой популярностью пользуется праздник животноводов, известный под названиями День животновода, День чабана, День урожая и чабана и пр. В программу праздника включают подведение итогов проделанной работы, обсуждение достижений, премирование передовиков производства. На празднике проводят спортивные соревнования, в том числе по национальной борьбе, скачкам, прыжкам; демонстрируются кинофильмы; выступает художественная самодеятельность; устраиваются общий торжественный обед, танцы.

У хантов и манси в пережиточной форме сохраняется Медвежий праздник. В прошлом он имел религиозное значение, теперь приобрел развлекательный характер. Праздник сопровож-

дается традиционными и импровизированными песнями, танцами, клоунадой, интермедиями, а также угощением медвежьим мясом⁸³.

Гораздо более широкое значение, чем Медвежий праздник, имеют олимпиады, которые регулярно проводятся на Обском севере с 1935—1936 гг. Олимпиады включают выступления коллективов художественной самодеятельности, спортивные соревнования, организацию выставок художественного творчества и прикладного искусства. Здесь же обсуждаются результаты годовой деятельности производственных коллективов, изучается опыт передовых оленеводов, охотников, рыбаков, звероводов и животноводов. Передовикам вручаются грамоты и памятные подарки. Олимпиады относятся к тем праздникам, в которых участвует все население независимо от национальной принадлежности.

В Якутии ежегодно проводится традиционное народное празднование «Ысыах» (Праздник весны), во время которого организуются массовые танцы, конные бега. Ысыах стал праздником всех трудящихся республики.

В Туве старики до сих пор отмечают тувинский Новый год Шагаа (по лунному календарю). Остальное тувинское население, как и другие народы Сибири, отмечают Новый год 1 января. Традиционными становятся новогодние елки и вечера на дальних чабанских стоянках и фермах, причем Новый год (1 января) тувинцы по-прежнему называют Шагаа. К праздникам, как и раньше, приурочивают традиционные национальные игры и состязания.

У ряда народов Сибири и Севера сохраняются до настоящего времени некоторые элементы традиционного свадебного обряда. Так, у бурят в семьях, где сильно еще влияние старшего поколения, соблюдается обращение к ламам для «определения» счастливого дня и месяца вступления в брак жениха и невесты, необходимого сочетания их годов рождения. Соблюдается ипогда и порядок сватовства и переезда невесты в дом жениха. Из старых традиций на свадьбах и других праздниках удерживаются благопожелания⁸⁴. В ряде мест на свадьбах соблюдают различные обычаи, связанные с почитанием родителей. Обычно родственники жениха и невесты обмениваются кушаками. Обряд совершается в национальных костюмах.

Среди коряков создание новой семьи в большинстве случаев не сопровождается определенными обрядами⁸⁵. Чукчи заключение брака отмечают семейным торжеством.

У всех народов Крайнего Севера и Сибири получили распространение комсомольские свадьбы. Широко практикуются праздники в честь рождения ребенка, устраиваемые в клубах. Кроме

⁸³ З. П. Соколова. Культ животных в религиях. М., 1972, стр. 63—65.

⁸⁴ К. В. Вяткина. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969, стр. 192.

⁸⁵ В. В. Антропова. Культура и быт коряков. Л., 1971, стр. 168.

того, чукчи, например, рождение ребенка празднуют в семейном кругу. Нивхи в день выхода роженицы из больницы устраивают обед, на который приходят родственники, друзья, односельчане. Стало обычным явлением празднование дней рождения, причем главным образом детей. Так, нивхи в дни рождения детей дарят им подарки, устраивают семейный ужин с приглашением гостей, которые приносят подарки и опускают в стоящую на столе вазу деньги⁸⁶.

Наиболее полно сохраняются у народов Сибири и Крайнего Севера традиционные похоронные обряды. Элементов нового в похоронном обряде не так много: изменились надгробья, упростились поминки, перестали соблюдаться некоторые детали обряда.

Много новых явлений наблюдается в современной обрядности народов Средней Азии и Казахстана. В то же время в ней удерживаются и некоторые из старых обрядов.

Для общественного быта народов Средней Азии и Казахстана характерно появление новых праздников⁸⁷. Как и повсюду по стране, здесь широко празднуют революционные и советские праздники, нашедшие отражение не только в общественном, но и в семейном быту. Народные гулянья, сопровождающие эти праздники, наряду с новыми общесоветскими формами (профессиональные артистические коллективы и кружки художественной самодеятельности) включают традиционные виды развлечений: национальные спортивные игры и состязания, выступления народного цирка.

Появились новые праздники производственного характера. Не первое десятилетие живет и далее совершенствуется в хлопководческих районах Средней Азии праздник среднеазиатских хлопкоробов — «Тазта байрами», относящийся к категории праздников урожая и являющийся новым национальным праздником народов Средней Азии. В нем с наибольшей полнотой проявляются прогрессивные национальные традиции проведения общественных праздников. К этим традициям приобщается и инонациональное население данной местности.

В Узбекистане приобретает известность и другой праздник урожая — «Кавда сайли» (Праздник дынь), имеющий прототип в традиционной календарной обрядности. Характерно то, что в

⁸⁶ Ч. М. Таксами. Нивхи. Л., 1967, стр. 216.

⁸⁷ См.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. Серия «Народы мира». М., 1962; т. 2. М., 1963; «Этнографические очерки сельского узбекского населения». М., 1969; Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969; А. Бекмурадова. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1970; Л. Ф. Моногарова. Преобразование в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972; Н. П. Лобачева. О формировании новой обрядности у народов СССР (Опыт этнографического обобщения). СЭ, 1973, № 4, стр. 14—24; она же. О процессе формирования новой семейной обрядности (по материалам Узбекистана). СЭ, 1972, № 1, стр. 3—13.

праздновании участвует и многонациональное, как правило, население городов. В Узбекистане же известен и праздник общественно-производственного характера — «Серпа и молота», символизирующей единение тружеников села и города.

В Средней Азии, как и в других регионах страны, наблюдается тенденция к возрождению некоторых традиционных народных праздников, которые наполняются новым содержанием, обогащаются новыми формами проведения и новыми изобразительными средствами, хотя в то же время сохраняют яркий национальный колорит и ощутимую связь с народными традициями. Примером в данном случае может служить отмечаемый в конце марта Праздник весны — «Науруз», в прошлом праздник Нового года среднеазиатских земледельцев, имеющий место в основном в Узбекистане и Таджикистане, или Праздник цветов⁸⁸, в основе которого лежат трансформированные локальные праздники тюльпана, красной розы, распространившийся в городах Узбекистана и включающий как обязательный элемент конкурсы любителей-цветоводов. Гулянье начинается обычно в городских парках культуры и отдыха, в нем участвует все многонациональное население города.

Для общественной обрядности среднеазиатского региона характерно живяние в быт новых для народов Средней Азии, но известных другим народам СССР обрядов, например, зимнего праздника Нового года и новогодней детской елки, имеющих тенденцию к превращению в общесоюзные праздники⁸⁹.

После Великого Октября революционные преобразования в жизни народов Средней Азии и Казахстана обусловили отход трудящихся масс от религии. В настоящее время молодежь, как правило, учения ислама не знает, смысла обрядов не понимает. Однако обрядовая сторона религии довольно живуча. Еще подчас отмечаются такие праздники, как курбан (праздник жертвоприношения) и рамазан (праздник окончания поста). Верующие люди, в большинстве пожилые, соблюдают пост — уразу. Впрочем, большинство религиозных обрядов соблюдается, как правило, в упрощенной форме. Даже в праздник жертвоприношения уже не режут скот. Ортодоксальный ислам, влияние духовенства ушли из быта, хотя духовенство пытается задержать этот прогрессивный процесс путем некоторой модернизации культа (допущение в мечеть женщин, признание необязательности соблюдения предписаний о посте и молитвах). Однако и эти попытки не могут остановить роста атеизма.

У всех народов Средней Азии и Казахстана, как и у других народов страны, распространилась целая серия ритуалов, не имеющих еще установившихся форм и представляющих собой совер-

⁸⁸ См.: Д. Ганиев, Ш. Яхъяев. Новая жизнь обычаев и традиций. «Наука и религия», 1972, № 2 и др.

⁸⁹ «Этнографические очерки сельского узбекского населения». М., 1969.

шенно новое явление в жизни всех народов СССР. Это такие торжественные церемонии, как первое получение паспорта, проводы в Советскую Армию, посвящение в рабочие и колхозники, чествование ветеранов труда, выход на пенсию и др.⁹⁰

Существенные изменения наблюдаются в сфере семейной обрядности.

У всех народов Средней Азии и Казахстана, в какой-то мере особенно в сельской местности, еще сохраняются традиционные формы свадьбы, торжеств, связанных с рождением и воспитанием детей, похоронно-поминальный цикл, проявляющий наибольшую устойчивость⁹¹. Однако в годы социалистического преобразования быта и как следствие его эта обрядность, сохраняя прежние традиционные черты, стала в значительной степени иной — в первую очередь в содержании за счет измененных функций отдельных звеньев церемониала (например, в свадебных ритуалах сватовство стало просто актом знакомства родителей молодых людей между собой и родителей жениха с невестой); в переосмыслении некоторых прежде религиозно-магических действий в игровые развлекательные; в изменении состава участников этих торжеств и их распорядителей — включении в торжества в качестве гостей членов производственных коллективов, где работают вступающие в брак, привлечение на роли распорядителей председателей колхоза, представителей сельской интеллигенции и общест-венности.

Традиционная обрядность упростилась вследствие выпадения некоторых звеньев старого церемониала.

Характерно, что в традиционные торжества семейного цикла часто включаются и новые ритуалы, связанные с законодательным оформлением брака, регистрацией новорожденных, а также отдельные элементы нового быта, проявляющиеся, в частности, в оформлении праздничного застолья с сервировкой на городской манер и т. п. Эти новые моменты уживаются вместе со старыми в рамках одного церемониала.

Преобразующаяся традиционная обрядность начинает уступать место церемониалам нового типа. Если брать примером свадебную обрядность, то это — свадьбы, именуемые в народе янгитой (новая свадьба), комсомол-той (комсомольская свадьба), кызыл-той (кызил-туй) — красная свадьба, бытующие в двух вариантах: 1) справляемые в домашних условиях и 2) проводимые вне дома — в домах культуры, специальных «домах счастья», клубах, учреждениях и т. д.

Новая свадьба — это свадьба без мусульманского ритуала бракосочетания и других религиозного характера действий, лишенная вредных пережитков социально-бытового характера типа калыма,

⁹⁰ Н. П. Лобачева. Формирование новой обрядности у узбеков. М., 1975, стр. 107—116.

⁹¹ См.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 1—2.

былых ограничений в поведении жениха и невесты и других ее участников. Для нее характерно нарушение старых обычаев, запрецававших жениху и невесте, их родителям, мужчинам и женщинам сидеть вместе за одним праздничным столом и т. п. Обязательным элементом ее является торжественный ритуал регистрации брака. В проведении таких свадеб существенна роль общественности. Для них характерны также моменты, имеющие распространение и у других народов Советского Союза: поздравление новобрачных от лица производственных коллективов и преподнесение им подарков от товарищей по работе. Свадьбы нового типа, проводимые в домашних условиях, сохраняют многие национальные черты, проявляющиеся в традиционном построении свадебных церемоний и достаточно полном комплексе традиционных обычаев игрового характера, национальных видов развлечений, музыкально-танцевальном и поэтическом творчестве, специфических национальных блюдах на праздничном столе. Свадьбы, проводимые вне дома, — явление новое, включающее в разных формах некоторые национальные элементы.

Бытование этих видов обрядности в различных областях Средней Азии неодинаково. В сельских местностях в большей степени сохраняются преобразующиеся формы традиционной обрядности. В областях со смешанным национальным составом быстрее прививается новая свадьба на городской манер, молодежная, сводящаяся к торжеству по поводу бракосочетания и праздничному угощению.

Такие же примерно явления наблюдаются и в традиционных обрядах, посвященных детям. Трансформируется и насыщается новыми моментами общий для всех народов Средней Азии и Казахстана Праздник колыбели, известный у большинства народов этого региона под названием «бешик-той». Отмечаются семейным торжеством рождение не только первенца, как ранее, но и последующих детей. Входит в жизнь ритуал торжественной регистрации новорожденных.

В семейный цикл обрядов народов Средней Азии и Казахстана все настойчивее входит обычай ежегодного празднования дней рождения детей, явившийся результатом культурных контактов и процессов взаимовлияния с другими народами.

В жизнь семьи вошел обычай отмечать события, связанные с учебой (окончание школы, вуза), успехами в работе, как и у других народов СССР.

Наиболее стойко держатся религиозно-бытовые традиции и обряды в похоронно-поминальных церемониях. В то же время вопреки старой мусульманской традиции покойника хоронят в сопровождении музыки, с венками, устраивают гражданскую панихиду. В похоронном шествии участвуют жепщины, родственницы умершего.

Наблюдается и такое явление, как переходный этап: соблюдение в семье и старых, и новых обычаев и праздников.

Анализ характера обрядовой жизни народов Средней Азии и Казахстана свидетельствует о том, что в этом регионе при сохранении национальных форм явно прослеживается тенденция, во-первых, региональной унификации обрядности, происходящей в значительной мере на основе традиционной национальной культуры (Кызыл-той, Пахта-байрами и др.) и, во-вторых, наступательного насыщения обрядности народов Средней Азии и Казахстана элементами общесоветской, интернациональной культуры, (революционные и общесоветские праздники, торжественные ритуалы получения паспорта, посвящения в рабочие, торжественные регистрации браков и рождений и т. п.) и интегрированных элементов культуры других национальностей Советского государства (праздник Нового года и елки, дни рождения, порядок праздничного застолья и т. п.).

На Кавказе большинство семейных торжеств в первые после-революционные десятилетия оформлялось старыми обрядами. В 1930-е годы свадьба, особенно в сельских районах, оставалась традиционной, хотя в ней стали исчезать некоторые моменты. Так, у адыгейской группы народов все чаще не соблюдалось промежуточное брачное поселение и невесту сразу везли в дом жениха; начали сокращаться сроки послесвадебного скрывания молодых. Проводилась успешная борьба с обычаем умыкания, пережитками калыма, браками несовершеннолетних. В обрядности появились новые элементы, например красный флаг на повозке с невестой. Население стало прибегать к гражданской регистрации брака⁹².

В послевоенные годы отмечается дальнейший отход от соблюдения ряда устаревших ритуалов традиционной свадьбы. Значительный шаг в этом отношении представляют комсомольские молодежные свадьбы или новые свадьбы общественного характера. Для них показателен отказ от религиозного оформления брака и регистрация его в загсе в торжественной обстановке; новобрачные активно участвуют в свадебном торжестве, на свадьбе все чаще присутствуют родители невесты; происходит одаривание новобрачных. Исчезает обычай раздачи вещей у адыгов, берке — у карачаевцев и балкарцев. Однако подчас, особенно в селах, новая свадьба дублируется старой, которая предшествует новой, совершается вслед за ней или происходит одновременно с новой (для старшего поколения)⁹³.

Праздник в честь рождения детей у большинства народов Северного Кавказа происходит по возвращении матери из родильного дома. На празднике присутствуют и молодые родственники

---

⁹² «Народы Кавказа», II, стр. 331—333, 410, 612—613. «Культура и быт народов Северного Кавказа», стр. 226.

⁹³ Там же, стр. 256; *Р. Х. Керейтов*. Новые черты в свадебном обряде кубанских погайцев, СЭ, 1973, № 3, стр. 85.

родителей новорожденного, нередко мать роженицы, реже — отец. Гости поздравляют родителей и дарят для ребенка игрушки, коляску и другие вещи. Иногда в сельских семьях в этот же день совершается традиционный обряд укладывания ребенка в колыбель. Регистрация новорожденных в загсе оформляется торжественно, после нее праздник продолжается в доме родителей. В некоторых семьях еще совершаются обряды развязывания ног, первой стрижки волос и ногтей, восприимаются они как забавная церемония. День рождения стал уже давно семейным торжеством, такими же праздниками считается день детской новогодней елки, окончания школы и вуза.

У народов Кавказа, исповедовавших в прошлом ислам, сохранились черты традиционного похоронного обряда. Но и они постепенно изменяются. Заметно сократился забой скота для поминальных трапез, совсем изжита или превратилась в символический акт раздача денег старикам.

Исчезает ритуальное оплакивание, наблюдается тенденция к значительному сокращению поминального цикла. Как правило, умершего горожанина хоронят в его родном селении (там, откуда родом он или его родители); поэтому часто похороны начинаются в городе гражданской панихидой и возложением венков, а заканчиваются в селении традиционным погребением.

Существенные изменения в семейной обрядности произошли у грузин. Так, прежде во время обручения и свадьбы жених должен был доставить в семью невесты определенное количество хлеба, убойного скота, птицы, вина и пр. В настоящее время этот обычай изжит. Два старых обычая, обозначающих избрание девушки невестой, так называемые задаток и малое обручение, уже совершенно исчезли, и в настоящее время за обручением немедленно следует свадьба. В прошлые времена чем больше бывало дружков на обручении, тем это было выгоднее жениху, так как они давали в подарок невесте деньги и вещи. На эти деньги родня готовила невесте приданое.

В прошлом молодоженов на продолжительное время отделили от семьи, а в более далекие времена только после рождения ребенка их впускали в общее жилье. Теперь же с первого дня свадьбы невестка является полноправным членом семьи, в которую она вступает.

В наше время в обряде обручения и в свадьбе не участвуют такие свадебные «чины», как «посланец», «доверенное лицо» и «корзинщик». Приданое перестало быть обязательным, значительную роль играют «подарки», которые дают молодым семья и вся бригада или коллектив, в котором работает невеста. В неразделенной семье из принесенного невестой приданого поступает в общее пользование мебель и все то, что не служит предметом личного пользования невесты.

Колхозная свадьба является новым, современным оформлением брака. На свадьбу приглашают больше гостей, чем прежде

де, и притом не только из своего колхоза или родственников, но и из дальних местностей, нередко из других республик.

У абхазов участие родителей в заключении брака выражается теперь главным образом в согласии с принятым женихом и невестой решением вступить в брак. Во многом изменился и сам свадебный обряд абхазов. В сохраняющиеся старые формы свадьбы вливается новое содержание, все более активную роль в свадебном торжестве играет молодежь, постепенно сокращаются слишком длинные прежние сроки гулянья и чрезмерная затрата средств на свадьбу.

В семейном быту абхазов успешно изживаются обычаи избегания, подчеркнутой, порой принимающей унижительные формы почтительности невесток к старшим родственникам мужа.

Существенно изменились свадебные и другие обряды у курдов. В первую очередь это сказывается в отмирании обычаев, связанных с религиозными верованиями. Все еще бытует форма сватания, но если раньше согласие родителей девушки давалось в присутствии представителя духовенства (муллы или шейха), свидетельство которого считалось необходимым, то теперь эта церемония происходит без духовного лица. Обряд помолвки также прежде проводил шейх, который надевал невесте на палец кольцо и говорил: «Поздравляю. Будь счастлива». После этого начиналось угощение. И теперь в знак обручения на безымянный палец правой руки невесты надевают обручальное кольцо, но это совершает кто-либо из уважаемых людей селения, который и произносит поздравление. Согласно новому обычаю, в день помолвки родители жениха дарят невесте золотые часы. Угощение сопровождается поздравлениями. Пьют за здоровье жениха и невесты, их родителей, играют на зурне и барабанах, пляшут и поют. Наряду с курдскими поют песни азербайджанские, армянские, грузинские, русские и других народов. Срок между обручением и свадьбой сократился. Гостей приглашают на свадьбу, рассылая приглашительные карточки. Невеста к свадьбе одевается без каких-либо обрядов. Она не подводит сурьмой глаза, ей не красят хной волосы и ногти. В прошлом грудь жениха украшал треугольник, нарисованный муллой или шейхом для «предохранения» от злых духов. Шею жениха повязывали красным шелковым платком. Теперь жених на свадьбу приходит в городском костюме. Невеста же наряжается в старинный национальный костюм, только число надеваемых одно на другое платьев уменьшилось с пяти—семи до двух-трех.

После регистрации брака в некоторых семьях невесту отводят в дом посаженного отца, где она остается на несколько часов, и лишь затем ее ведут в дом жениха. В других семьях невеста на некоторое время возвращается в свой дом.

Прежде невеста ехала из дома посаженного отца в дом жениха верхом на лошади в сопровождении группы скачущих и как бы тапчущих на копытах всадников. Теперь новобрачную отвозят

в дом мужа на автомашине или в свадебной повозке. Исчез обычай опеки невесты родными братьями в продолжение всей свадьбы в целях ее «защиты» от врагов и злых духов.

Свадьбу празднуют в доме жениха или в каком-либо большом здании (чаще всего в сельском клубе), куда приглашают общественность селения.

Значительно упростилась брачная обрядность армян⁹⁴. Некоторые ее элементы существуют лишь формально, утратив прежний смысл. Это относится, например, к институту сватов, сохранившемуся на селе. Так же формально соблюдаются и некоторые другие обычаи, оставшиеся от того времени, когда брак заключался по воле родителей, а не по желанию и взаимному согласию вступающих в брак.

В городах из свадебного цикла остались только обручение и свадьба, причем часто они сливаются. В селениях свадебная обрядность более архаична. Однако отмечено сохранение обрядов, носящих увеселительный характер, и исчезновение (или трансформация) обрядов, имевших магический, религиозный смысл.

Наиболее полно, особенно в селениях, сохраняется обряд обручения. Родители жениха со своими родственниками приходят в дом девушки и преподносят ей кольцо и другие подарки, после угощения договариваются о дне свадьбы. Все еще значительна роль кавора — посаженного отца, важного в армянской свадьбе персонажа. Однако уже не обязательна традиция выбора кавора из одной и той же семьи. Значительна роль тамады. Сохранились функции «сестер невесты» и свиты жениха.

Довольно стойко сохраняется обряд одевания невесты. Вечером, во время свадебного пира в дом невесты приносят от семьи жениха платье и фату. Невесту одевают и выводят к гостям, после чего все под звуки дхола и зурны отправляются в дом жениха. Здесь свадьбу играют до утра. Спустя несколько дней после свадебного пира, обычно в ближайшее воскресенье, в доме жениха варят хаш, на который приглашаются родственники и знакомые обеих сторон. Обычно свадьба начинается в субботу вечером и заканчивается утром следующего дня. Часто приурочивают свадьбу к 7 Ноября и 1 Мая, как самым большим праздникам.

Походная обрядность у армян также упростилась и в большинстве случаев утратила религиозное содержание. Из прежних обрядов сохранились в основном те, совершением которых родственники и друзья выражают уважение к памяти покойного и сочувствие его близким. Именно этот смысл имеют теперь и поминки, которые все еще справляются в некоторых семьях, особенно на селе.

^{93a} Т. Ф. Аристова. Курды Закавказья. М., 1966.

⁹⁴ «Народы Кавказа», т. II, стр. 535—536; см. также: А. Е. Тер-Саркисянц. Современная семья у армян. М., 1972.

Приведенные выше этнографические материалы свидетельствуют о том, что изменение обрядности у народов нашей страны за годы Советской власти представляет собой чрезвычайно сложный процесс, в котором отчетливо проявляется тенденция утверждения общесоветских черт и исчезновение устаревших обычаев и элементов обрядности.

В современный период в быту советских народов все более утверждаются общие праздники и одинаковая семейная обрядность. Существенно при этом не только наличие общих по содержанию праздников и обрядов, но и однотипность их бытования, некоторая унификация. Во многих из них обязательно широкое участие общественности и официальных лиц, проведение торжественной части с выборами президиума, речами, поздравлениями, часто награждениями передовиков производства и т. д. В распорядке некоторых праздников отмечается строгая триада: торжественная часть, художественная (выступление художественной самодеятельности), застолье. Иногда последние две части объединяются (концертная программа выполняется во время коллективного угощения) или застолье происходит в домах.

Часто в проведении новых праздников (особенно так называемых сезонных — «проводы зимы», «встреча весны», и сельскохозяйственных) заметно стремление к театрализации, что роднит их с народными праздниками, к которым они генетически восходят. В то же время следует отметить, что наглядность, театрализация новых праздников (как и первых демонстраций) — явление, отличное от того, которое наблюдается в старых праздниках. В новых праздниках более явно присутствует постановочный элемент (заранее разрабатывается сценарий, подбираются исполнители) и вместо эффекта участия в действии присутствующим часто отводится роль зрителей. В оформлении новых инсценируемых праздников наблюдается использование сказочных персонажей, чего не было в старых праздниках.

Черты интернационализации приобретает, как мы видим, и семейная обрядность: получают распространение новые формы наречения имени, бракосочетания, похорон.

Новые обряды нередко включают элементы традиционной обрядности, а традиционные претерпевают существенные изменения. Вообще синтез — характерная особенность развития обрядности за годы, прошедшие с Октября. Это наблюдается у различных этнических групп в разных сферах обрядности, хотя и не всегда одновременно и одинаково по интенсивности.

Показательно, например, что в такой сфере бытовой культуры, как обряды и обычаи, связанные с оформлением брака, отмечается выпадение традиционных элементов, появление отвечающих духу времени новых.

В то же время в свадебной обрядности у ряда народов со-

храняются и специфические традиционные элементы: распорядок свадьбы, стремление к соблюдению имевшихся в ней этапов, сохранению в ряде случаев национального свадебного костюма, особенно невесты или во всяком случае — национального головного убора, свадебных блюд, свадебных песен, характерных для отдельных народов танцев, игр, состязаний, бегов и т. п. В более слабой степени такая сохранность наблюдается у восточнославянского, особенно русского населения. Это, однако, в основном относится к городскому населению, в то время как среди сельского традиционные черты удерживаются сильнее. В ряде случаев в городе и в деревне наблюдается как бы вторая жизнь традиций, в различных вариантах. У народов Средней Азии, Казахстана, Сибири, Кавказа отмечаются более устойчивое бытование традиционных черт, большая их сохранность, хотя и здесь заметны существенные изменения, как это было отмечено выше.

Наиболее устойчив у всех народов похоронный обряд; наряду с гражданскими похоронами, особенно характерными для города, у части населения бытуют и похороны с элементами религиозной обрядности. Вместе с тем в безрелигиозном похоронном обряде часто сохраняются существенные традиционные черты.

С другой стороны в той или иной степени изменения входят в ткань всей старой обрядности и модернизируют, видоизменяют ее как бы изнутри. Такое саморазвитие отдельных элементов обрядности отражает воздействие на нее современных норм жизни.

Следует отметить и такую тенденцию в развитии некоторых семейных торжеств и праздников, как расширение их социального и этнического ареала. Так, в прошлом празднование именин и дней рождения членов семьи было характерно для привилегированных сословий и городского населения христианского вероисповедания, в основном — русских. В настоящее время именины отмечают крайне редко, они почти ушли из быта. Празднование дня рождения, особенно детей, все более широко распространяется как в социальном, так и в этническом плане. То же можно сказать и о новогодней елке, которая вошла в быт народов нашей страны; до революции рождественская елка была связана с христианским праздником рождества и имела ограниченное распространение.

Праздники и обряды тесно связаны с традициями той или иной этнической общности, этническая специфика проявляется и в характере возрождаемых праздников. Об этом свидетельствует широкое распространение Праздника урожая на Украине, Праздника цветов — на Кавказе; у северных народов — праздников, восходящих к традиции, имевших место у этих народов родовых собраний.

Связь с этнической традицией в новых обрядах выражается в национальных песнях, музыке (которые исполняются наряду с общесоветскими), в танцах, национальных видах спорта, в национальных блюдах, а также в сохранении некоторых элементов

старинных обрядовых действий, совершенно утерьявших свой прежний смысл и воспринимающихся как добрые пожелания или как игровой символический момент⁹⁵.

Одной из характерных черт развития обрядности в советское время является более широкое распространение обрядов, ранее присущих лишь отдельным этническим общностям. Таковы, например, празднования совершеннолетия, дней рождения и др.

Однако в целом межэтническое сближение обрядности в масштабах всей страны прежде всего выражается в утверждении новых традиций. Именно они составляют основной слой общесоветской обрядности, которой принадлежит немалая роль в сближении духовной культуры народов СССР.

7. Этнические процессы в отдельных сферах духовной жизни народов СССР

Этнические процессы, происходящие в нашей многонациональной стране, находят свое выражение во всех областях духовной культуры. В предыдущих разделах главы речь шла главным образом об этнических аспектах духовной культуры в целом, а также ее литературно-языковых и обрядовых компонентах. Поэтому в данном разделе обратимся в интересующей нас связи прежде всего к таким сферам духовной жизни, как искусство и наука.

Нарисовать обобщенную картину этнических процессов в этих сферах довольно трудно, так как в каждой из них такого рода процессы протекают далеко не одинаково. Проблема к тому же усложняется определенными различиями в выполнении этнических функций бытовой и профессиональной культурой. Неоднократно отмечавшаяся выше особая роль в данном отношении бытовой культуры неразрывно связана с такой ее естественной чертой, как массовость. Что касается профессиональной духовной культуры, то, как известно, ее составные элементы (в частности, произведения искусства) нередко в той или иной степени отражают этническую (национальную) самобытность того или иного народа. И это обстоятельство уже давно привлекает внимание специалистов, изучающих отдельные виды профессионального искусства, в том числе современного искусства народов СССР⁹⁶. Но произведения профессионального художественного творчества не только отражают свойства этнических общностей. При определенных

---

⁹⁵ См.: *Н. П. Лобачева*. О формировании новой обрядности у народов СССР (Опыт этнографического обобщения). СЭ, 1973, № 4, стр. 14—24.

⁹⁶ См., например: «История советского драматического театра», т. 1—6. М., 1966—1971; «История музыки народов СССР», т. 1—4. М., 1966—1973; «История советского искусства. Живопись, скульптура, графика», т. 1—2. М., 1965—1968; «История советского кино. 1917—1967», т. 1—2. М., 1969—1973.

условиях они сами в той или иной степени превращаются в неотъемлемые компоненты этноса, становясь достоянием основной массы его членов, проникая в их повседневный быт, в обыденное сознание. Такое проникновение и обеспечивает реальное выполнение произведениями профессионального искусства этнических функций. К сожалению, конкретный механизм этого феномена, т. е. наиболее существенный аспект занимающей нас проблемы, остается почти не исследованным. И это, естественно, не могло не отразиться на настоящем разделе.

Рассматривая отражение этнических процессов основных видов искусства, представляется целесообразнее начать с тех, которые наиболее тесно связаны с уже охарактеризованными выше языково-культурными аспектами этих процессов. К ним относятся прежде всего драматический театр и современная модификация зрелищных форм искусства в художественных кино- и телеспектаклях. Известно, что многие литературные произведения проникли в широкие массы не непосредственно, а именно через театральные постановки или экран. Отражая специфические черты быта того или иного народа, его исторический опыт, художественные традиции, эти виды искусства оказывают обратное и нередко довольно значительное воздействие на этническое сознание. В рассматриваемом отношении немалая роль принадлежит и тем видам зрелищного искусства, которые воспроизводят действительность в таких основных формах, как опера, балет, оперетта, ансамбли песни и пляски и т. д. Эти виды искусства обычно особенно насыщены этнической спецификой. В них, как правило, широко используются многие разновидности фольклорных традиций (песенные, музыкальные, хореографические и т. д.). Переходя на профессиональную сцену, локальные варианты этих традиций обобщаются и могут приобрести функции общеэтнических символов, воздействуют на самосознание.

В канун Октябрьской революции зрелищные виды искусства у народов России были развиты далеко не одинаково. У одних из них (например, у народов Сибири) существовали только театрализованные обрядовые зрелища, у других имелся уже и народный театр (например, у народов Средней Азии), у третьих ведущая роль принадлежала профессиональному театральному искусству, сочетающемуся с давними традициями народных представлений (например, у русских — ряженые на рождествопские праздники, балаганы на ярмарках и т. п.). Наибольшим профессиональным опытом обладал русский театр, зародившийся еще в конце XVII—XVIII в. У ряда народов профессиональный театр появился лишь в XIX в. Так, в 1819 г. в Полтаве была впервые поставлена на украинском языке «Наталка Полтавка» И. П. Котляровского; к 1850-м годам относится зарождение профессионального грузинского театра в Тбилиси, к 1860-м годам — армянского театра и т. д. Однако в условиях самодержавного строя искусство угнетенных народов не могло получить

широкого развития. До Октября всего двенадцать народов Российской империи имели свой театр (это были в основном развитые народы европейской части России и Закавказья).

Великая Октябрьская революция сыграла решающую роль в развитии национального театрального искусства в нашей стране. Декретом Совнаркома в конце 1917 г. театры были переданы в ведение государства, что способствовало не только перестройке репертуара и актерских кадров старых театров, но и возникновению новых театральных коллективов (в Киеве, Минске, Харькове, Баку и других городах страны). Стремясь приблизить искусство к новому массовому зрителю, театры выезжали в рабочие районы, давали представления для красноармейцев в прифронтовых районах и т. д. Вовлечение широких масс в строительство социализма вызвало рост народных талантов и расцвет самодеятельного искусства. Повсеместно создавались драматические кружки, участниками которых становились рабочие, крестьяне, красноармейцы, учащая молодежь. В 1920-х годах закладывались основы театрального искусства у народов, не имевших прежде профессионального театра. За короткий срок, буквально в считанные годы, более тридцати народов СССР создали свои национальные театры.

Процесс становления профессионального театрального искусства в союзных и автономных республиках или развития его на новой основе сопровождался борьбой с проявлениями буржуазного национализма. Эти проявления выражались в игнорировании демократической культуры прошлого, стремлении ограничить развитие искусства рамками омертвевших форм и традиций, в попытках реставрировать реакционные элементы культуры (связанные, например, с религией), в отрицании необходимости усвоения опыта других народов. Однако деятели советской культуры преодолели чуждые тенденции, положив в основу развития театрального, как и других видов искусства, принцип социалистического реализма, гармонического сочетания национального и интернационального, диалектического взаимодействия содержания и формы.

Большое значение для развития советского театра имели решения Коммунистической партии. Уже XII съезд партии, подчеркнув роль театра как проводника коммунистических идей, указал на необходимость усиления работы по созданию и подбору соответствующего революционного репертуара, используя при этом в первую очередь героические эпизоды борьбы трудящихся масс.

Развитие советского театрального искусства было во многом обусловлено развитием новой драматургии, появлением таких пьес, как «Шторм» В. Н. Билль-Белоцерковского (1925 г.), «Любовь Яровая» К. А. Тренева (1926 г.), «Разлом» Б. А. Лавренева (1927 г.) и др. В те годы, ставя современные пьесы, написанные драматургами других республик, некоторые театры пере-

дельвали их, перенося действие на свою национальную почву. Там, где эти переделки носили творческий характер, рождались яркие произведения, оставлявшие большое впечатление у зрителей. В качестве примера можно назвать переработку «Ярости» Е. Яновского в армянском театре и поставленный на сцене театра имени Руставели «Анзор» С. Шаншиашивили, написанный на основе пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14—69»⁹⁷.

Особое значение для театрального искусства республик имело развитие национальной драматургии. Новые пьесы, поставленные на сценах театров, показывали многообразную жизнь советской страны. Наряду с богатством тем в драматургии и театре утверждается разнообразие жанровых форм — от эпико-героической пьесы до психологической бытовой драмы, от публицистически заостренной сатиры до лирической комедии. Широко используется национальный фольклор. Однако национальная художественная традиция на современной сцене сказывается не только в фольклорных элементах, песнях, танцах и обрядах. У каждого народа сложились свои особые художественные средства выражения мысли — в поэтическом строе речи, в пластике, в декорационном искусстве⁹⁸.

Развитие национального театрального искусства народов СССР было неразрывно связано с его интернационализацией. Это прежде всего проявлялось в общности репертуара за счет использования как произведений мировой драматургии (пьесы Шекспира, Шиллера и др.), так и лучших образцов драматургии братских народов. На сценах русских театров идут пьесы украинских авторов (например, А. Е. Корнейчука «Гибель эскадры», «Платон Кречет»), белорусских и других драматургов. В свою очередь театральные коллективы в республиках широко используют пьесы русских авторов как классических (например, А. Н. Островского), так и современников. Интернационализация обуславливалась и единством идейно-художественной трактовки драматургических произведений на сцене, созданием советской театральной школы актерского и режиссерского мастерства.

Важное значение для межнационального обмена в области театрального искусства имело создание русских театров в столицах большинства союзных республик — Киеве, Минске, Алма-Ате и др., а также устройство периодических смотров национального искусства. В 1930 г. в Москве была проведена Первая Всесоюзная олимпиада искусств народов СССР, на которой были показаны спектакли 17 театров (Украины, Грузии, Белоруссии, Армении, Узбекистана и других союзных и автономных республик). С середины 1930-х годов в Москве начали проводиться декады искусства отдельных союзных республик: Украинской

⁹⁷ Г. Хайченко. Многонациональный советский театр. М., 1973, стр. 1, 2.

⁹⁸ А. Анастасьев. На 45 языках. Об интернациональной природе советского театра. М., 1972, стр. 54.

(1936 г.), Казахской (1936 г.), Узбекской (1937 г.) и др. Систематический характер приняли гастроли ведущих театров республик в Москве и Ленинграде, проходившие как творческие отчеты соответствующих театральных коллективов. В свою очередь столичные театры выезжали для гастролей на периферию, в крупные города союзных и автономных республик. Эта практика сохранилась и расширилась в послевоенный период.

В 1956 г. в СССР работало свыше 500 театров, дававших спектакли на 39 языках народов страны. В юбилейном 1972 г. пьесы ставились на 45 языках. Прошедший в этом году Всесоюзный фестиваль драматургического и театрального искусства ярко продемонстрировал плодотворные результаты ленинской национальной политики, взаимообмен и взаимообогащение в области искусства. Показательно, что в сезоне 1971/72 г. в репертуаре театров Российской Федерации было свыше 200 названий пьес драматургов других республик СССР, в том числе пьесы А. Корнейчука (Украина), А. Макаенка (Белоруссия), О. Иоселиани (Грузия), И. Друцэ (Молдавия) и др.

Расширению знакомства советских людей с театральным искусством различных народов нашей страны, в последнее время способствовал и показ лучших спектаклей по телевидению. В результате всего этого основные достижения многонационального советского театрального искусства становятся общим достоянием всех народов нашей страны. Выравнивается и интенсивность «потребления» театрального искусства. Характерно, что уже в канун Великой Отечественной войны число посещений театров на 1000 жителей в большинстве республик Средней Азии (Узбекистане, Туркмении и Таджикистане) приближалось к уровню РСФСР⁹⁹. Что касается соотношения театральных запросов различных национальностей внутри отдельных республик, то в этой связи показательны материалы этносоциологического обследования, недавно проведенного в Татарии. Они свидетельствуют, что интерес к театральному искусству, несколько различаясь по профессиональным группам, в этническом плане (у русского и татарского населения республики) почти идентичен¹⁰⁰.

Важная роль в удовлетворении культурно-эстетических потребностей народов нашей страны принадлежит киноискусству. Сформировавшееся как самостоятельная отрасль искусства в начале XX в., кино, еще будучи пемым, отражало жизнь в ее конкретном национальном своеобразии. Но сама возможность развития национальных направлений в киноискусстве во многом зависела от появления национальных киностудий. В дореволюционной России смогло сформироваться лишь русское киноискусство; однако попытки создания украинских, грузинских фильмов не переросли в формирование национального кино. Необходимые усло-

⁹⁹ См.: «Народное хозяйство СССР в 1972 г.», М., 1973, стр. 669.

¹⁰⁰ «Социальное и национальное...», стр. 100—104.

вия для этого были созданы в результате Великой Октябрьской социалистической революции и претворения в жизнь ленинской национальной политики.

Советская кинематография развивалась как сложный комплекс национальных кинематографий, объединенных общими идейными задачами, общими социальными условиями, по различным по национальной форме, традициям и т. д.

Вслед за формированием украинского кино (представленного наиболее ярко творчеством А. Довженко и его школы) и грузинского кино (Н. Шенгелая, М. Чиаурели и др.) появляются другие национальные кинематографии, отражающие в своих произведениях особенности национальной культуры, своеобразие обычаев, природы и исторического развития. Появление в 1930-х годах звукового кино усилило этнический аспект киноискусства.

Соотношение национального и интернационального в киноискусстве во многом сходно с положением в области театрального искусства. Киноискусство различных национальностей развивалось неравномерно, но, вырастая, приобретало тенденции не к обособленности, а к наибольшему сближению с русской культурой и культурой других братских народов. Все национальные кинематографии Советского Союза творчески использовали достижения русского киноискусства, представленного фильмами С. Эйзенштейна, В. Пудовкина, братьев Васильевых и др. Полнота воплощения передовых народных традиций в кино стала возможной лишь в результате объединения всех работников киноискусства единными целями и художественными принципами¹⁰¹.

Партия и правительство постоянно уделяют самое пристальное внимание развитию и идеологической направленности этого важнейшего, по выражению В. И. Ленина, среди всех видов искусств.

В целом многонациональная кинематография СССР характеризуется интернационализмом мыслей и чувств, возникающим на почве морально-политического единства советского народа. Большинство художественных фильмов посвящено общесоветской тематике при сохранении во многих из них национального колорита и этнического своеобразия тех или иных групп населения страны. Имеются и фильмы, посвященные показу некоторых страниц из современной жизни отдельных народов нашей страны или из их исторического прошлого. Эти фильмы знакомят зрителей с жизнью других народов, немалое способствуя тем самым воспитанию советских людей в духе интернационализма.

Тесные связи между народами в области киноискусства нашли свое отражение также в самом создании многих фильмов. Так, на студии «Азербайджанфильм» была снята художественная картина «Я буду танцевать» об искусстве прославленного артиста

---

¹⁰¹ См.: Г. П. Чахурян. Многонациональное советское киноискусство. М., 1962.

страны, чеченца Махмуда Эсамбаева. Сценарий фильма написан ингушом И. Базаркиным, постановщиком фильма был азербайджанец Т. Тоги-заде, в съемках участвовали русские, грузинские, осетипские и другие артисты¹⁰².

В условиях Советской власти кино охватило влиянием все народы страны. В ходе своего развития оно превратилось в настоящую киноиндустрию, сконцентрированную в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и в некоторых крупных городах страны (Свердловске, Одессе и др.). Богатство и разнообразие художественных средств кино позволяют ему широко отражать действительность в формах, предельно близких к ней, а сравнительно несложное в техническом отношении копирование кинолент наряду с широким распространением кинопроекторных установок (включая так называемые кинопередвижки) обеспечивает каждому из фильмов многомиллионную аудиторию. Выпускаемые либо на русском языке, либо дублируемые на нем фильмы в большинстве своем оказываются доступными зрителям всех представленных в нашей стране национальностей. Показательно, что во всех союзных республиках за минувшие 10—15 лет в среднем на одного зрителя за год приходилось не менее девяти посещений киносеансов, а в некоторых республиках число посещений достигало двух десятков¹⁰³. Не случайно в каждой республике прекрасно известны достижения в сфере киноискусства других народов страны. Так, в ходе одного обследования, проведенного в 1963—1964 гг. в Латвийской ССР, 88% опрошенных назвали своими любимыми фильмами кинокартины студий РСФСР, 2% — ленты Рижской киностудии и 10% — зарубежные фильмы¹⁰⁴.

Весьма своеобразно взаимодействие национального и интернационального в музыке и хореографии — сферах искусства, которые воспринимаются аудиторией, так сказать, непосредственно, вне зависимости от языковой принадлежности людей. Промежуточное положение между этими и уже рассмотренными выше областями искусства занимает песенно-музыкальное творчество, которое по своей словесной базе непосредственно примыкает к языково-литературной сфере, а по музыкальной — является основанием для развития профессионально-музыкального искусства.

Музыка, обладая огромной силой эмоционального воздействия на самые глубинные пласты психики, занимает видное место в общественной и культурной жизни людей. Будучи генетически связана с песенно-фольклорным творчеством, с лирическими, трудовыми, бытовыми, обрядовыми, историческими и другими песнями и напевами, музыка отражает особенностями мелодий, лада,

---

¹⁰² М. И. Куличенко. Указ. соч., стр. 491.

¹⁰³ См.: «Народное хозяйство СССР в 1972 г.», стр. 671.

¹⁰⁴ См.: Д. А. Рыжук. Национальное и интернациональное в искусстве советских народов. М., 1970, стр. 48—49.

ритма национальную специфику почти столь же сильно, как и язык. Вместе с тем у разных народов обнаруживаются сходные музыкальные явления, связанные как с культурными заимствованиями, так и возникшие независимо, в связи с однотипностью хозяйственной деятельности и быта, однородностью природных условий и т. п.

СССР — страна богатой многонациональной музыкальной культуры, ориентированной на широкую массовую аудиторию. После Великой Октябрьской социалистической революции в концертные залы на смену буржуазной публике пришли новые слушатели — рабочие и крестьяне, красноармейцы и матросы. Во многих городах страны возникли самодеятельные хоры и оркестры. Такой поворот музыкального искусства сопровождался всесторонним использованием народно-музыкального творчества.

Начало интенсивно развиваться профессиональное музыкальное искусство в союзных и автономных республиках страны, включая и те области, где до революции оно практически отсутствовало. На основе народных форм музыкального творчества — азербайджанских мукумов и узбекских макомов, молдавских дойн и литовских дайн, казахских и киргизских кюев и т. п. — создаются оперы и балеты, оркестровые сюиты и симфонические поэмы. Растут национальные музыкальные кадры. Развертывают свою деятельность национальные музыкальные коллективы (русский народный хор под управлением М. Е. Пятницкого, украинская хоровая капелла «Думка» и др.).

На проводившихся в Москве в 1936—1941 гг. декадах национального искусства (украинского, казахского, грузинского и др.) были показаны постановки национальных опер и балетов, музыкальных драм, даны концерты музыкальных ансамблей, хоровых коллективов и т. п. В подготовке этих декад, получивших распространение и в послевоенные годы, принимали участие ведущие мастера русского искусства. Это способствовало обогащению искусства братских народов передовым опытом русской музыкальной культуры.

Межнациональные связи в области музыкальной культуры наиболее четко проступают в тех случаях, когда композиторы обращаются к музыкальному фольклору других народов, подвергая его художественной обработке. Примером этого может служить использование композитором Р. И. Глиэром узбекских мелодий для оперы «Гюльсары».

Следует, однако, подчеркнуть, что в музыкальной культуре, как и в других сферах искусства, национальное не сводится к фольклорному. В наше время решающая роль в становлении национальных традиций в музыке принадлежит профессиональному творчеству. Поскольку же это творчество имеет индивидуальный характер, одним из важнейших факторов формирования национального стиля выступает личность композитора. Вырастая на почве той или иной национальной культуры, каждый крупный

композитор вместе с тем формирует новые черты самобытного облика этой культуры, создает в ней свою традицию¹⁰⁵.

Важное значение для развития интернациональных основ музыкальной культуры имеет расширение интонационного «словаря» одной национальной культуры за счет другой, освоение композиторами одной республики достижений в музыкальном творчестве другой республики. Именно такое взаимодействие привело к обогащению и расширению выразительных средств национальной музыки всех народов СССР. Вместе с тем произошло расширение музыкальных запросов населения республики. Как показывает, например, недавнее этносоциологическое обследование в Грузии, национальный музыкальный фонд удовлетворяет здесь интерес городского населения главным образом в отношении народной, а частично эстрадной и симфонической музыки; основные потребности в двух последних музыкальных жанрах в значительной мере обеспечиваются за счет произведений из общесоветского и мирового фонда культуры¹⁰⁶.

Заслуживает особого внимания отражение этнических процессов в таком виде искусства, как хореография^{106а}. Танцевальная культура — одна из наиболее устойчивых форм народного искусства. Прямая передача традиций этой культуры от поколения к поколению дает возможность выявить не только особенности традиционного тапца каждого из народов в прошлом, но и проследить пути расширения, взаимосвязи хореографических культур различных локальных групп и народов, констатировать исчезновение былой замкнутости этих культур на современном этапе.

Традиционное народное хореографическое искусство СССР очень разнообразно. Русские хороводы, хороводные пляски, переплясы, кадрили, польки и др.; украинские гопакы, казачки, хороводы и др.; белорусские «Метелица», «Крыжачок», «Юрачка», «Лявониха»; молдавские «Кэлущарь», «Сырба», «Жок», грузинские «Картули», «Хоруми»; армянские пляски «Вэр-вэри», «Тигоз», «Керци», «Шорор», «Майрок» и др.; осетинские танцы «Чепена», «Зилга кафт», «Хонга кафт»; литовские «Суктинис», «Малунелис», «Блездингеле»; латвийские «Ачкупс», «Судмалинас»; эстонский «Тульяк»; карельский «Ристу-кондра» и др. издревле бытуют в народе.

Годы социалистического строительства, в частности социалистическая перестройка деревни, сыграли большую роль в формировании новых черт в хореографической культуре народов СССР, в создании материальной базы для развития хореографи-

---

¹⁰⁵ См. *Н. Шахназарова*. О динамике национального в музыке. «Интернациональное и национальное в искусстве». М., 1974, стр. 149—155.

¹⁰⁶ *Ю. В. Арутюнян*. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика наций. СЭ, 1973, № 4, стр. 7—8.

^{106а} Подробнее об этом см.: *М. Я. Жорницкая* «Отражение в современном хореографическом искусстве этнокультурных связей в СССР». СЭ, 1975, № 3, стр. 26—33.

ческого творчества масс и на этой основе широкого развития самодеятельности. Одновременно с развитием традиционных танцев в хореографической культуре происходили заимствования и взаимообмен народными танцами. Так, например, русские хорыводы, танцы «Светит месяц», матросские танцы «Яблочко» и «Матлет» распространились и проникли в репертуар жителей других республик. Основные движения — «двойной переменный шаг», «припадание» — вошли в состав многих народных танцев. Украинский танец «Гопак», молдавский танец «Молдавеняска», кавказская «Лезгишка» пользуются огромным успехом в исполнении белорусов, узбеков, башкиров, якутов и других народов.

Качественно новым этапом, характерным для развития хореографического искусства многих народов страны, явилось создание сценических танцев. До 1917 г. в стране не было постоянных балетных трупп (кроме Москвы и Ленинграда). Поначалу танцевальное искусство было представлено в музыкально-драматических спектаклях и особых программах, где театрализовался вокально-плясовой фольклор, затем оно стало вводиться в оперные спектакли. Самостоятельные национальные балетные труппы союзных и автономных республик стали складываться в 30-е годы. Так, в 1939 г. был осуществлен первый белорусский балет «Соловей». Сейчас на белорусской сцене наряду с национальными балетами успешно ставятся классические балеты и балеты на современную тему, такие как «Мечта» (музыка Е. Глебова) и «Свет и тени» (музыка Вагнера).

Развилось танцевальное искусство и в республиках Средней Азии. Так, сегодня в Таджикистане наряду с национальным балетом «Ду гуль» (музыка А. Ленского) идут спектакли классического репертуара. В сравнительно короткий срок национальные балетные театры обрели подлинный профессионализм, собственный репертуар, вырастили своих мастеров танца.

В этом сложном творческом процессе огромная роль принадлежит русской школе классического танца, ее мастерам. Они всячески помогали созданию национального балетного театра, участвовали в решении сложных идейно-художественных проблем. В стенах центральных хореографических училищ, хореографических школ страны воспиталось уже не одно поколение артистов для балетных театров Бурятии и Киргизии, Башкирии и Молдавии, Осетии и Армении, Таджикистана, Якутии, Татарии и других республик.

Лучшие спектакли братских республик стали достоянием всех театров страны. Балет «Шурале», рожденный на сцене татарского театра, его яркая, пропизанная народными мелодиями музыка, написанная талантливым композитором Ф. Ярулиным, звучит со сцен многих национальных театров. «Семь красавиц» — создание мастеров азербайджанского искусства, «Сердце гор» — грузинский спектакль, «Красавица Ангара» — бурятский, «Лесная песня» — украинский и многие другие пользуются заслуженным

признанием в братских республиках. Вместе с ростом общей культуры народы Севера и Сибири на основе традиционного хореографического искусства создали свои сценические танцы и балеты. Ярким событием в жизни далекой Якутии явилось создание балета на якутскую тему «Чурумчуку» (Ж. Батуева). В Чукотском национальном округе народные танцы прочно вошли в репертуар чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон». Гордостью корякского национального округа является народный танцевальный ансамбль «Мэнго», полюбившийся не только советским зрителям, но и за рубежом.

Взаимосвязи и творческая переработка традиционных и сценических танцев братских народов содействуют их взаимному обогащению и развитию. Тематика и структура современных танцев и балетов обогащается за счет культурных связей с братскими народами СССР. Хореографическая партитура азербайджанского балета «Девичья башня» богата разнообразными формами классического танца — азербайджанскими, узбекскими, иранскими, грузинскими, армянскими танцами. Такое обогащение можно отметить и в балетах советской Прибалтики, которые впитывают русскую классическую культуру, соединяя ее с национальными танцами.

Развитие и обогащение художественной сокровищницы советского общества, как отмечено в Программе КПСС, достигается на основе сочетания массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства. Это относится и к области хореографии.

Художественная танцевальная самодеятельность и профессиональное хореографическое искусство у большинства советских народов, как известно, сложилось на базе традиционного танцевального искусства и в процессе его развития в новых условиях и в новом качестве. В то же время подъем культурного уровня населения облегчает поощрение профессионального искусства народными массами и ведет к стиранию резкой грани между народным и профессиональным искусством. Народное искусство начало воспринимать такие виды художественного творчества, которые в прошлом были свойственны только профессиональному искусству (сценический танец, хореографические сюиты, балеты). Тем самым было обеспечено становление единых, общих черт в хореографической культуре народов СССР. Сближались принципы типизации, применялись сходные жанровые разновидности, распространялись новые стилистические черты на основе синтеза стилей национальных искусств. В настоящее время можно увидеть исполнение классического балета «Жизель» на юге нашей страны — в Государственном театре оперы и балета Таджикистана и на севере — в Якутии. С успехом развиваются народные театры балета, которые имеют уже сложный балетный репертуар («Бахчисарайский фонтан», «Золушка» и др.).

Тесное переплетение профессионального сценического искус-

ства, художественной самостоятельности и народного традиционного искусства — одна из характерных черт развития современной хореографической культуры. Так, например, многих народных танцев, исполняемых в настоящее время, в прошлом не существовало. В Белоруссии популярная песня «Бульба» послужила темой для создания танца лауреатом Ленинской премии И. Моисевым, после чего этот танец вошел в быт, как «народный» белорусский. В Якутии никогда не было сценического танца «Охотников», но созданный на традиционном фольклоре он стал народным. Таким образом, широко распространенные сейчас сценические танцы не теряют связи с национальными традициями и обогащаются за счет влияния многонациональной культуры нашей страны.

Народная хореография интенсивно и плодотворно развивается не только в селах, но и в городах, особенно в промышленных центрах страны. Этому способствуют многочисленные самостоятельные танцевальные коллективы, возглавляемые опытными балетмейстерами и хореографами. Народные танцы составляют основу репертуара и профессиональных, и самостоятельных танцевальных коллективов. Народные танцы широко пропагандируются в прославленных академических ансамблях — «Народного танца Союза ССР», «Березки», танцевального коллектива хора имени Пятницкого, Украинского государственного ансамбля, грузинского ансамбля, молдавского ансамбля «Жок», а также в таких, как «Бахор». В репертуаре наиболее популярного исполнителя танцев народов мира чеченца Махмуда Эсамбаева — родной чечено-ингушский танец, индийский, испанский, таджикский, узбекский, башкирский и многие другие. Он с успехом выступает как у нас в стране, так и за рубежом.

В современном художественном быту народов СССР сохраняются многие мотивы традиционных танцев. В новых условиях содержание традиционных народных танцев развивается и углубляется, выливается в высокохудожественные формы. Они наполняются новым содержанием, отображающим нашу советскую действительность.

Наиболее яркой общей чертой хореографического искусства нашего времени у всех народов СССР следует считать создание новых художественных форм танцев, отражающих социалистическую действительность, современный быт и культуру советских людей, их исторические дела и свершения. Повсюду наблюдается интенсивный процесс сближения тематики, творческих интересов, методов решения замыслов, органического слияния элементов народной хореографии и классического балета как в народных и самостоятельных, так и в профессиональных танцевальных коллективах. В тематике современных танцев каждого из советских народов начинает проявляться много общего не только с тематикой танцев других народов СССР, но и братских социалистических стран. Одним словом, есть основания считать, что в

СССР постепенно формируется хореографическая культура, однотипная по своему содержанию и разнообразная по формам.

Революционные преобразования в общественной жизни, национальная политика, проводимая Коммунистической партией, создали необходимую основу для расцвета у народов СССР и таких форм искусства, как живопись и скульптура. Национализация художественных ценностей, развитие музейной и выставочной работы, доступность художественного образования для широких слоев населения — все было направлено на то, чтобы сделать изобразительное искусство достоянием трудящихся масс. Коммунистическая партия ориентировала художников на создание искусства, понятного миллионам, проникнутого идеями борьбы за социализм. Историческое значение имел ленинский план «монументальной пропаганды» (1918 г.), которым предусматривалось создание памятников великим деятелям революции и культуры, а также мемориальных досок, пропагандирующих идеи революции и социализма.

Уже в 1920-х годах в республиках была создана сеть художественных училищ, молодые художники разных национальностей учились в институтах Москвы, Ленинграда, Клева и других крупных культурных центров страны. У некоторых народов впервые в истории появились станковая живопись, графика, скульптура, театральное-декоративное искусство. Например, у народов Средней Азии имелись очень давние и богатые традиции в декоративно-прикладном искусстве и архитектуре, однако живопись являлась в сущности результатом развития искусства этих народов после Октябрьской революции. Важную роль в этом сыграли русские советские художники, воспитанные на традициях русской реалистической художественной школы, работавшие в республиках. В частности еще в 20-е годы в Туркмении работали художники П. Мазель, О. Мезгирева, О. Бегляров, которые искали пути создания туркменской национальной художественной школы. В те же годы идет формирование национальных художественных кадров, получавших профессиональное образование главным образом у русских педагогов. Многие национальные художники тех лет оказали существенное влияние на последующее развитие изобразительного искусства в союзных республиках. Современная живопись Туркмении, например, в значительной мере продолжает художественные традиции, присущие творчеству Бяшима Нурали, воспитанника «Ударной школы искусства Востока»¹⁰⁶⁶. Определенную роль в становлении станковой живописи сыграли профессиональные художники Москвы, Ленинграда и других культурных центров, освещавшие в своем творчестве сюжеты из жизни народов национальных республик. Так, появлению в Азербайджане на рубеже 20—30-х годов станковой живо-

¹⁰⁶⁶ Н. Клычев. Национальное и интернациональное в картине. «Искусство», 1972, № 7, стр. 2—4.

писи, в частности портретного жанра, в известной степени способствовало то, что крупный ленинградский художник И. Бродский написал в 20-е годы полотно «Расстрел 26 бакинских комиссаров», Ф. Модоров работал над портретами революционеров Н. Нариманова, Агамалы-оглы и др.¹⁰⁷

Опыт, накопленный русскими советскими художниками и мастерами других братских республик, был освоен и творчески переработан и художниками Прибалтийских республик. Об этом особенно убедительно свидетельствовали выставки произведений художников Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, проведенные в послевоенные годы.

Из года в год расширяется и развивается братское взаимодействие художников различных национальностей. Еще в 1930-е годы стали устраиваться выставки всесоюзного масштаба. В представленных на этих выставках картинах видных художников (В. А. Серова, Н. Д. Корина, М. С. Сарьяна и др.) отражен национальный колорит; вместе с тем в центре их внимания оказались общесоветские темы, связанные с созданием образа передового советского человека, борца-коммуниста, героя труда.

С каждым годом на всесоюзных выставках все более четко вырисовывается общность проблем в работах художников союзных республик, но несмотря на тематическую близость, а нередко и сходство сюжетов, в них заметно своеобразие национального восприятия действительности. Современные средства репродукции и информации наряду с выставками делают профессиональные произведения национальных мастеров изобразительного искусства доступными широким массам не только в отдельных республиках, но и в масштабе всей страны.

Нельзя не отметить возросшую роль монументального искусства во всех союзных республиках. Многие городские застройки удачно дополняются мозаикой, фресками, садово-парковой скульптурой, в которых нередко используются национальные мотивы (например, настенные росписи и мозаика в Грузии на темы национального фольклора). Для изобразительного искусства советских художников во всех национальных республиках характерны партийность, народность, гуманизм, социалистический реализм. В лучших работах национальных художников социалистическая направленность искусства преломляется в своеобразном национальном мироощущении.

Художественные школы различных республик в своем развитии значительно сблизились, однако складывающееся единство не приводит к утрате своеобразия каждой. Особенно красноречиво об этом свидетельствует живопись. Так, например, в Закавказье, соседствуя друг с другом, произведения грузинской, азербайджанской, армянской живописи неповторимы сами по себе в каж-

---

¹⁰⁷ Н. Габиров. Портрет в творчестве азербайджанских художников. «Искусство», 1972, № 11, стр. 25.

дом конкретном случае и одновременно — это часть общего. Национальное своеобразие проявляется в них в различных формах: то это особый взгляд на мир, выражающий национальный характер, то — особенность живописно-пластического почерка, то — своеобразие цветового или композиционного решения, восходящее к традициям национального народного или профессионального творчества¹⁰⁸.

Глубокие традиции у народов СССР имеет декоративно-прикладное искусство. После Октябрьской революции началось вытеснение местных промыслов, многие из которых находились в упадке, и их возрождение. Народное искусство получило большие возможности. Вклад каждой нации и народности в советское прикладное искусство велик и своеобразен. Во всех союзных республиках народное искусство существует отчасти в виде домашних занятий, а главным образом в форме организованных промыслов, в большинстве своем опирающихся на традиции местного народного искусства. В РСФСР к подобным промыслам можно отнести такие крупные центры художественного производства, как богородскую резьбу по дереву, художественные лаки Федоскина и Палеха, хохломскую роспись, ручное кружевоплетение, ковро ткачество и ювелирное искусство Дагестана, камнерезное искусство Тувы и др.

Богаты традиционными промыслами и другие союзные республики. На Украине это косовская и опошнянская керамика, рететилковские ковры, гуцульская деревянная резьба, в Белоруссии — плетеные изделия из лозы и соломки, узорные ткани. В республиках Закавказья наиболее традиционными промыслами являются художественная обработка металла, ворсовое ковро ткачество, гончарство, в республиках Средней Азии и Казахстана — национальная вышивка, кошмовалание, гончарство, узорное вязание, изготовление ворсовых ковров и многое другое. В Прибалтийских республиках получили развитие ювелирное и гончарное производство, резьба по дереву, разнообразные виды узорного ткачества, вышивка, вязание.

В советское время весьма успешно развиваются по существу новые направления прикладного искусства. На основе своеобразных традиций искусства палехских иконописцев в с. Палех в 1924 г. была создана артель, которая ныне известна всему миру своими шедеврами лаковой миниатюры. Новое мировоззрение, новые для нее исторические и современные сюжеты обогатили не только содержание, но и само декоративное мастерство палехских художников, искусство которых имеет истоки в древнерусской живописи.

Вместе с тем изменения условий жизни, характера спроса привели в ряде случаев к сокращению роли отдельных видов традиционного прикладного народного искусства или трансфор-

¹⁰⁸ Д. Сарбьянов. Под знаком ископий, «Искусство», 1972, № 2, стр. 13.

мации их бытовых функций с возрастанием эстетических функций. Так, в Киргизии уменьшенные модели декорированных кожаных сосудов кочевых скотоводов изготавливаются в последние годы и пользуются спросом, но не как бытовая утварь, а как сувениры.

Следует особо отметить, что в последние годы изделия народных художественных промыслов пользуются в нашей стране, как и во всем мире, широким спросом, обусловленным повышенным интересом урбанизированного общества к народным изделиям, которые разнообразят массовую стандартную продукцию промышленного производства. Нельзя не учитывать и возросшего спроса к своему народному искусству в национальных республиках, что отражает глубокий интерес к лучшим культурным традициям национального прошлого¹⁰⁹.

Прикладное искусство советских народов развивается в постоянном взаимообогащении и взаимном влиянии культур разных народов нашей страны. Уже в советское время в Грузии сложилась очень яркая национальная школа чеканки. Вскоре она получила широкое распространение в стране и за рубежом, а традиции этой школы повлияли на создание и дальнейшее развитие мастерских художественной чеканки в других республиках страны. Мастера художественной чеканки работают теперь во многих районах РСФСР, в Прибалтике. Следует также учитывать, что миграция населения включает и художников народных промыслов. Переезжая на новое место жительства, они вместе с тем привносят в новую среду иноэтнические традиции прикладного искусства. Так, в результате переезда отдельных мастеров из Хохломы в другие районы страны хохломские изделия начали изготавливать как в ряде городов РСФСР — Липецке, Кемерове и др., так и в Казахстане и Таджикистане. Высокоразвитое прикладное искусство Прибалтики оказало заметное влияние на художников-профессионалов, работающих в таких видах прикладного искусства, как художественная керамика, гобелены, ювелирное искусство. В свою очередь художники Прибалтики испытали заметное влияние прикладного русского искусства.

Переезжая на жительство в другие республики, инонациональные мастера нередко осваивают местные виды прикладного искусства и достигают в этом совершенства, участвуя в развитии традиционных народных промыслов. В Туве некоторые русские мастера с успехом создают в традиционной манере тувинского народного искусства великолепные художественные произведения. В Якутии традиционной резьбой по дереву успешно занимаются наряду с якутами и русские мастера.

Современные изделия народных художественных промыслов, как правило, сохраняют этническую специфику, связанную с передачей традиций художественного мастерства, сложившегося в

¹⁰⁹ См.: Н. С. Королева. Развитие национальных традиций в современных художественных промыслах СССР. СЭ, 1972, № 5, стр. 39—50.

рамках соответствующего этноса. Подчас такие изделия (например, русские матрешки) превращаются даже в своеобразные этнические символы, правда, не столько внутри своей этнической общности, сколько в глазах представителей других этносов, главным образом туристов. Вместе с тем, проникая в повседневный быт других народов, они способствуют его интернационализации. В результате в современной семье любой национальности (особенно в городах) бытуют не только теле- или радиопередачи из других республик или книги, переведенные с другого языка, но и своеобразное сочетание деталей интерьера — украинская или прибалтийская керамика, грузинская чеканка, узбекские или туркменские ковры, русская вышивка и т. д. Они могут использоваться функционально или лишь эстетически, сочетаться с различными этническими особенностями и т. д.

Вообще в выполнении функций сближения народов теми видами искусства, которые не связаны с языком, имеются особенности, отличающие их от аналогичной роли языковых форм культуры. С одной стороны, такие виды искусства могут восприниматься в иноэтнической среде непосредственно («без перевода»), с другой стороны, их восприятие особенно тесно связано с глубинными пластами социальной психологии этнических общностей, с бытовыми и эстетическими традициями. Обмен ценностями в этой сфере развивается интенсивно (например, в репертуаре всех ансамблей песни и пляски имеются танцы других народов Советского Союза, в репертуаре республиканских филармоний — музыка композиторов других республик, в театрах — балеты, созданные в других республиках, и т. д.), однако восприятие инонационального приобретает иногда оттенок экзотичности, т. е. оно оценивается по степени несхожести с этнически привычным в своей среде. Примерно такие же закономерности действуют и в области прикладного искусства — от изделий художественных промыслов до современных массовых «туристских» сувениров.

Нарастающий обмен ценностями во всех этих областях влечет за собой обогащение эстетических вкусов, способность воспринимать иноэтнические традиции не как «курьезы», а как возможные и тем самым интересные каждому варианты художественной культуры человечества. Интернационализация бытовых вкусов и привычек — одно из ярких проявлений общей закономерности сближения духовной культуры народов Советского Союза.

Это сближение охватывает как традиционное, так и профессиональное искусство. Многие его лучшие традиционные виды, как уже говорилось, переживают сейчас возрождение и международный обмен ими все более усиливается. Однако в общем культурном фонде советских людей, несомненно, основное место занимают профессиональные формы¹¹⁰. И в этой связи необхо-

¹¹⁰ Ср.: Ю. В. Арутюнян. Указ. соч., стр. 7—8.

димому особо подчеркнуть, что национальное своеобразие современной художественной культуры народов СССР не сводится лишь к наследию прошлого, а в значительной мере представляет собой результат нового профессионального творчества. В то же время именно в профессиональных формах культуры межнациональное взаимопроникновение происходит в целом наиболее активно и имеет наибольшее значение для художественной культуры народов СССР.

Процесс интернационализации охватывает как идейную сферу многонационального советского искусства, так и тематико-проблемные аспекты художественного творчества и его формы. При этом происходит не только дальнейшее приобщение различных национальных культур к всесоюзному богатству стилей и жанров, не только увеличение количества разнонациональных произведений, соответствующих всесоюзным критериям эстетических оценок, но и коллективная разработка, совместное развитие интернациональных художественных форм ^{110а}.

Важное значение для интеграционных процессов в сфере духовной культуры имеет научное планирование ее развития. Оно охватывает не только создание, но и распространение, обмен и потребление духовных ценностей ^{110б}.

Вместе с тем следует иметь в виду, что интеграционные процессы в сфере искусства органически сочетаются с тенденцией к возрастанию общего объема национальных художественных культур отдельных этносов. Это проявляется в увеличении у всех народов СССР, не только общего фонда художественных произведений (в том числе за счет возникновения новых жанров), но и масштабов потребления такого рода произведений, диапазона духовных запросов трудящихся.

Этническое своеобразие, как известно, проявляется в большей степени в сфере эмоционального, а не рационального, в области чувств, а не разума. Это обстоятельство следует учитывать при рассмотрении вопроса о роли науки в современных этнических процессах. Среди изменений, происшедших с ней за годы Советской власти, наибольшее влияние на эти процессы оказали демократизация и интернационализация науки. Если в условиях буржуазного общества достижения науки и техники объективно служили интересам правящих классов, то при социализме они служат интересам трудящихся масс. Бурное развитие советской науки, ускорившееся в эпоху научно-технической революции, обеспечивалось притоком в нее исследовательских кадров из самых разнообразных слоев советского общества, из раз-

---

^{110а} Ю. Суровцев. К проблемам интернационализации в художественной культуре. «Интернациональное и национальное в искусстве». М., 1974, стр. 42—43.

^{110б} А. Арнольд. Духовная культура — объект научного управления. «Коммунист», 1973, № 16, стр. 107—108.

личных в этническом отношении групп населения. Все это наряду с общим подъемом уровня образования укрепляло связи науки с широкими массами, усиливало ее роль в формировании общественного сознания. В ранее отсталых в культурном отношении национальных окраинах царской России выросли новые крупные научные центры. Наряду с ведущим научным учреждением страны — Академией наук СССР — во всех союзных республиках были созданы академии наук, а в ряде автономных республик — филиалы АН СССР или специализированные научно-исследовательские институты.

Для рассмотрения национальных и интернациональных аспектов науки целесообразно воспользоваться принятым делением ее на область технических, естественных и общественных наук. Первые две большие области научных знаний, как правило, не выдвигают перед собой осознанной задачи воздействовать на этническое самосознание и потому сами по себе либо остаются в стороне от этнических процессов, либо оказывают в целом этноповелевающее влияние. Превращение науки в непосредственную производительную силу в огромной степени усиливает ее роль как фактора интернационализации общественной жизни^{110в}. И все же нельзя не учитывать определенного влияния на национальное (этническое) самосознание деятельности ученых-естествоиспытателей. Это особенно отчетливо проступает в тех случаях, когда они совершают выдающиеся открытия; слава их в той или иной степени распространяется на соответствующий этнос, повышая национальную гордость: поляки, например, гордятся тем, что дали миру Н. Коперника, англичане — И. Ньютона, русские — М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева и т. д.

В социалистическом обществе существенное влияние на этнические процессы оказывают общественные науки. Почти все они могут непосредственно воздействовать на этническое самосознание, способствовать его развитию путем показа этнической самобытности, обусловленной особенностями исторического развития того или иного народа, спецификой его культуры и быта. Следует особо подчеркнуть роль и влияние таких наук, как история, этнография, археология, лингвистика, литературоведение, фольклористика, искусствоведение, которые в той или иной степени связаны со сферой национального уже самим содержанием предметов их исследования. Накопление исторических знаний о каждом из народов Советского Союза, освещение их исторических традиций, выяснение коренных вопросов языкового развития, выявление достижений национальной культуры, осмысление этнической специфики в сфере фольклора, народного искусства, обычаев и обрядов и т. д., а также пропаганда этих знаний через школу, ли-

---

^{110в} В. Ж. Келле. Пролетарский интернационализм и факторы интернационализации общественной жизни. «Вопросы философии», 1972, № 12, стр. 33.

тературу, радио и т. д.— все это сыграло и продолжает играть весьма важную роль в развитии и укреплении этнического самосознания народов нашей страны, в воспитании патриотизма. Воздействие науки в этом направлении дополняется историческими, этнографическими и краеведческими музеями, которые обычно имеют специальные экспозиции, показывающие этническую самобытность населения тех или иных областей страны.

Большое влияние историко-филологических знаний на этническое самосознание выдвигает вместе с тем задачу неуклонной борьбы против идеализации исторического прошлого отдельных народов, одностороннего подхода к их традициям. Подобные искусственные преувеличения национально особенного неизбежно чреватны неправомерным обособлением, противопоставлением одних народов другим.

В социалистическом обществе именно общественные науки призваны вскрывать реальность и прогрессивность процессов развития и сближения наций, отстаивать идеи интернационализма в противовес скрытым и открытым идеям национализма и национальной исключительности. Так, историческая наука раскрывает древние традиции плодотворных связей между народами нашей страны, их общее участие в защите ее от захватчиков, в совместной революционной борьбе против царского самодержавия, за построение социализма и коммунизма. Археологическая и этнографическая науки, свидетельствуя о равной способности всех народов к культурному прогрессу, учат уважать специфические черты их культуры.

Особое значение в рассматриваемом отношении имеют мировоззренческие науки, в первую очередь — марксистско-ленинская философия. В «Коммунистическом манифесте» и других трудах К. Маркс и Ф. Энгельс разработали основные принципы решения национального вопроса: интернациональное единение пролетариев всех стран, наций и рас для общей борьбы за свержение капитализма; признание равноправия народов и непримиримость ко всякому угнетению одной нации другой; подчиненность национального вопроса вопросу о пролетарской революции, общим задачам борьбы за социализм и коммунизм; поддержка национальных движений, которые направлены против реакционных сил и классов; борьба с буржуазным национализмом, разъединяющим пролетарское движение, и т. д. В. И. Ленин развил эти положения марксизма применительно к эпохе империализма и пролетарских революций, к переходному периоду от капитализма к социализму.

Опираясь на марксистско-ленинское наследие, советские общественеды уделяют большое внимание обобщению практики национального строительства в нашей стране, раскрытию руководящей роли КПСС в управлении национальными процессами. Содействуя решению этих важных задач в данной сфере, ученые-общество-

веды своими трудами, посвященными анализу различных аспектов современных национальных отношений в СССР (экономических, социальных, правовых и т. д.), активно участвуют в интернационалистском воспитании трудящихся. В условиях зрелого социализма партия выдвигает перед всеми отраслями общественных наук задачу дальнейшего углубленного исследования различных аспектов национальных процессов в нашей стране, их тенденций и перспектив, их особенностей и темпов, факторов их оптимизации и факторов, тормозящих развитие и сближение социалистических наций и народностей.

Как известно, становление и распространение материалистического марксистско-ленинского мировоззрения в стране шло в борьбе против религиозной идеологии, которая в прошлом оказывала значительное влияние на этнические процессы. В отсталой царской России религия играла очень большую роль. При почти полной неграмотности народных масс именно религия через соответствующие учреждения, прежде всего — церковь, религиозные общества и школы, была основным средством, инструментом для идеологического (в частности нравственного) воспитания народных масс.

Фиксация или легализация церковью основных вех личной жизни человека от рождения до смерти (крещение, венчание, похороны и т. д.), а также все наиболее значительные праздничные обряды, регламентация пищи и т. п., способствовали тому, что религия глубоко проникала в быт населения, во многих случаях закрепляя и усиливая культурно-бытовые различия народов.

Существенным было воздействие религии и на межэтнические отношения. Она крайне затрудняла контакты между различными по своей конфессиональной принадлежности народами. При этом подобного рода трудности возникали при различиях не только по основным вероисповеданиям (например, христианству и мусульманству), но и по их «внутренним» вариантам (например, православию, лютеранству и католицизму внутри христианства). В тех же случаях, когда конфессиональные особенности делили отдельные народы на части (например, внутри русских — православные и старообрядцы; внутри татар — мусульмане и православные — крышены), это создавало немалые препятствия для процессов внутриэтнической консолидации. Вместе с тем некоторое сближение одноконфессиональных народов, например в обрядово-бытовом отношении, было довольно поверхностным, не затрагивающим этнического самосознания, а также традиционных норм межэтнических отношений.

К. Маркс указывал, что «религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм»¹¹¹. История Советского Союза полностью подтвердила правильность этого предвидения.

---

¹¹¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви». М., 1974, стр. 470.

В условиях великих социальных преобразований в нашей стране, коренным образом изменивших все стороны жизни людей, произошел поворот и в сознании широких масс от религии к атеизму, от антинаучного идеалистического мировоззрения к марксистско-ленинскому мировоззрению диалектического материализма. Уже первыми декретами Советской власти церковь была отделена от государства и школа — от церкви. Был освобожден от религиозного санкционирования институт брака и другие акты гражданского состояния. Началась широкая секуляризация — процесс освобождения общественного и индивидуального сознания от влияния религиозных идей и взглядов.

Экономические, социальные, политические преобразования, рост культуры и образования, развитие науки, коммунистическое, в том числе атеистическое, воспитание привели к повсеместному отходу от религии. Резко сократилась роль религии в жизни малых социальных групп (например, в семье) и на личностном уровне. Однако полный атеизм в нашей стране еще не достигнут. По имеющимся оценкам, основанным на социологических опросах населения в различных областях страны, верующие, а также колеблющиеся между религией и атеизмом составляют еще некоторую часть взрослого населения страны¹¹². Это — преимущественно люди старших поколений. Среди городского населения процент верующих значительно ниже, чем в сельских местностях. Мусульманство, как религия, глубоко вошедшая в быт жителей прежде сильно отстававших в своем культурном развитии южных и восточных окраин царской России, в целом до сих пор сохраняется сильнее, чем христианство.

Известно, что по сравнению со сферой мировоззрения изменения в области быта протекают более медленно. Во многих случаях прежние, по происхождению связанные с религией, обряды и нормы поведения продолжают бытовать у людей, которые считают себя атеистами. Это, как уже говорилось, особенно относится к обрядам, знаменующим важные события индивидуальной и семейной жизни людей (рождение, вступление в брак, похороны и т. п.). При этом отдельным обрядам подчас придается значение этнической традиции¹¹³. В подобных случаях религиозные установки могут играть этнодифференцирующую роль и в этом своем качестве тормозить развитие этнокультурных контактов, препятствуя общему процессу сближения наций.

Однако в целом произошедшие за годы Советской власти кардинальные изменения в общественном сознании народов нашей страны в результате резкого ослабления религиозности и повсеместного утверждения атеистического мировоззрения имели огромное значение для хода этнических процессов. Как уже отме-

¹¹² М. А. Морозов, Э. И. Лисавцев. Актуальные задачи атеистического воспитания. М., 1970, стр. 8.

¹¹³ См.: И. Н. Яблоков. Кризис религии в социалистическом обществе. М., 1974, стр. 39—41.

чалось выше, это отчетливо проявилось в процессах внутриэтнической консолидации. Но особенно благотворно ликвидация прежней конфессиональной отчужденности сказалась на процессе межэтнического сближения и взаимообогащения духовной культуры народов СССР.

Чрезвычайно велико значение для национальных процессов в нашей стране, в том числе для их этнических аспектов, такого важнейшего компонента общественного сознания советских людей, как идеология пролетарского интернационализма. Идеология буржуазного национализма во многом разоблачила себя как выражение классовых интересов эксплуататоров еще до Октябрьской революции. Однако смена господствующей идеологии национальных отношений, как и смена идеологии вообще, не происходит самотеком, автоматически. Она осуществляется в ожесточенной идеологической борьбе, в том числе с различными видами национализма, в результате огромной работы по воспитанию трудящихся, осуществляемой Коммунистической партией¹¹⁴. В докладе о 50-летию СССР Л. И. Брежнев подчеркнул: «Партия добилась того, что интернационализм превратился из идеала горстки коммунистов в глубокие убеждения и норму поведения миллионов и миллионов советских людей всех партий и народностей. Это подлинно революционный переворот в общественном сознании, значение которого трудно переоценить»¹¹⁵.

Идеология, как известно, теснейшим образом взаимосвязана с общественной психологией. В советском обществе идеология и политика пролетарского интернационализма обеспечили формирование качественно новой, интернационалистской психологии. Чувства педоверия к другим народам, насаждаемые в антагонистическом обществе правящими классами и сохраняемые традицией, даже когда объективные причины для этого отсутствуют, постепенно уступили место чувствам доверия и братства между советскими народами. Ранее свойственные главным образом рабочему классу интернационалистские взгляды и нормы в общении в результате победы социализма, создания идейно-политического единства советского общества распространились в массах всего советского народа, стали общесоветскими, присущими всем классам и социальным слоям всех партий и народностей СССР.

Следует учитывать, однако, что психология более консервативна, чем идеология; прежние национально-психологические установки продолжают существовать в виде пережитков и тогда, когда вызвавшие их факторы уже сошли со сцены. «...Националистические предрассудки, преувеличенное или извращенное проявление национальных чувств — явление чрезвычайно живу-

---

¹¹⁴ Г. Зиманас. Политика партии и интернационалистское сознание советского народа. «Коммунист», 1974, № 5, стр. 46, 47.

¹¹⁵ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, стр. 47.

чее, цепко держащееся в психологии людей, недостаточно зрелых в политическом отношении»¹¹⁶.

В связи с этим область национальной психологии в период становления и развития социалистических наций является ареной идейной борьбы, важной сферой воспитания. Формирование у широких масс трудящихся революционного, интернационального по своему существу марксистско-ленинского мировоззрения способствует более правильному взгляду и на национальные ценности; национальная ограниченность заменяется представлением о прогрессивности сближения наций и народностей. Чувство любви к своему народу, к родной этнической территории — сочетается у советских людей со все возрастающим, более широким чувством принадлежности к советскому народу — советским патриотизмом, опирающимся на гранитный фундамент интернационализма, на идеи равенства и нерасторжимой общности народов нашей страны.

Процессы, происходящие в сфере общественного сознания под воздействием идей социалистического интернационализма, во многом определяют собой так сказать психологический климат общения между собой людей различной национальной принадлежности, играющий важную роль во взаимодействии этносов, в сближении наций. Значение такого социально-психологического фактора для общего культурного прогресса подчеркивал В. И. Ленин еще в первые годы Советской власти. Без доверия, указывал он, «ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»¹¹⁷.

Взаимная заинтересованность в сотрудничестве на равноправных началах, общие цели в годы войны и мирного строительства все более сплачивают народы нашей страны. Сложившиеся на этой основе дружественные отношения между людьми разных национальностей проявляются как в поступках, так и в настроениях и ориентациях. Можно вспомнить немало примеров, которые отражают характерные явления в национальных взаимоотношениях: семьи, воспитавшие в трудные военные и послевоенные годы детей других национальностей, тысячи молодых русских, украинских, грузинских, армянских парней и девушек, добровольно приехавших восстанавливать разрушенный землетрясением Ташкент, строить Нурекскую ГЭС.

Об интернационализме советских людей наглядно свидетельствует их отношение к межнациональному общению. В городах Молдавии, например, в среднем 90% молдаван и русских активно проявляет свое положительное отношение к работе в многонациональных производственных коллективах; более 90% молдаван и русских в городе и до 80% на селе высказали благоприятное отно-

---

¹¹⁶ Там же, стр. 49.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 240.

шение к разнонациональным бракам ¹¹⁸; в Латвийской ССР — более 70%; 84% латышей положительно относятся к работе в многонациональных коллективах ¹¹⁹. Следует иметь в виду, что в остальной части опрошенных большинство — лица, нейтрально относящиеся к такой работе. Люди, не расположенные к различным видам непосредственного межнационального общения, встречаются очень редко. В Татарии, например, число их среди горожан и сельских жителей не превышало 2—4% (у татар и русских) ¹²⁰, причем это, как правило, лица, не владеющие вторым языком.

Эффективность ленинской национальной политики подтверждается, в частности, более интернациональными установками у молодежи и людей среднего возраста. При этом следует учитывать, что наблюдается тенденция широкого использования интернационального культурного фонда у людей с установками на активное межнациональное общение.

Для межнациональных отношений советских людей в современных условиях жизни огромное значение имеет общность их установок и взглядов, сложившихся буквально во всех сферах общественной психологии за годы Советской власти. Кардинальные изменения, в частности, претерпели такие сферы общественного сознания народов нашей страны, как мораль, политические и правовые взгляды. В процессе развития социализма моральные качества, присущие рабочему классу, превратились в неотъемлемые черты духовного облика всего советского народа. Идеальные и нравственные принципы и нормы, воля и интересы рабочего класса стали общенародными принципами и нормами, общенародной волей и общенародными интересами. Сложилось морально-политическое единство советских людей. В условиях развитого социализма духовный облик советского народа постоянно совершенствуется, общесоветские морально-правовые нормы все глубже проникают в сознание трудящихся. Духовный облик советских людей ныне невозможно представить себе без таких присущих ему черт, как общесоветский патриотизм, как социалистический гуманизм, высокое сознание общественного долга, уважение норм социалистического общежития ¹²¹.

Нельзя не учитывать также наличия у советских людей общих знаний, представлений и впечатлений, полученных в ходе обучения по общей школьной программе, из художественной и научно-попу-

---

¹¹⁸ По данным исследований Сектора конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР.

¹¹⁹ См.: А. Н. Холмогоров. Интернациональные черты советских наций, стр. 101, 172; Ю. Кахж. Черты сходства, стр. 88.

¹²⁰ См.: Л. М. Дробижеева. Социально-психологическая обусловленность культурных контактов. (Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь, 1973 г.). М., 1973.

¹²¹ См.: Г. Зиманас. Указ. соч., стр. 49; «Советский народ — новая историческая общность людей». М., 1975, стр. 393, 394.

лярной литературы, кинофильмов, теле- и радиопередач, журналов, газет и т. п. Сходство не только задач, но и программ сети народного просвещения и высшего образования, принципиальное сходство методов работы и содержания деятельности культурно-просветительных учреждений, как и средств массовой информации, работающих на русском и других национальных языках, интернационалистская идеология, единство метода социалистического реализма в искусстве, сочетающееся с разнообразием национальных форм и стилистических вариантов, которые сложились в ходе строительства социализма, создали не только основу, но и активно функционирующий механизм сближения культур. Сформировавшаяся в результате этого общесоветская культура представляет существенный компонент нового исторического образования — советского народа.

Единая по своему принципиальному содержанию социалистическая культура, отвечающая потребностям самого передового общества, является важным элементом, интегрирующим этносы нашей страны.

1. Общие тенденции этносоциального развития брачно-семейных отношений

Семья — явление стадияльное, порожденное социальным и культурным развитием человечества. Как социальная микроструктура семья входит в основные системы соответствующих отношений и связей: общественно-экономическую, государственную, правовую, этническую и др. Внутрисемейные отношения и отношения семьи с другими социальными институтами регулируются закономерностями, присущими этим системам. Семье принадлежит важная роль в социализации личности, в формировании ее основных духовных черт. Будучи социальной микроячейкой определенного этноса, семья активно участвует в социализации молодежи и, в частности, в формировании ее национального самосознания.

В условиях характерной для этносов эндогамии семье принадлежит важнейшая роль в их воспроизводстве¹. У народов, сохранивших до недавнего времени пережитки племенного деления (например у туркмен), браки между представителями различных групп, которые в прошлом были эндогамными, свидетельствуют о национальной консолидации, об изживании остатков семейно-бытовой изолированности и расширении общественных связей, о преодолении племенного самосознания и торжестве самосознания национального.

Из года в год в СССР «растет число смешанных браков», сейчас оно исчисляется миллионами².

В этноконтактных зонах (области этнических границ, крупные многонациональные города, районы инонациональных вкраплений и др.) межнациональные браки создают семьи, непосредственно являющиеся микросредой процессов интеграции и естественной ассимиляции³. Известно, однако, что этнические процессы протекают и вне сферы национально-смешанной брачности и, охватывая также однонациональные семьи, отражаются на внутрисемей-

---

¹ Ю. В. Бромлей. Этнос и эндогамия. СЭ, 1969, № 6, стр. 84—91; *он же*. Этнос и этнография. М., 1973, стр. 114—124.

² Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, стр. 41.

³ См. второй раздел данной главы.

ных отношениях, традициях, обычаях и т. п. Велика роль межнациональных браков в интернационализации быта советских людей⁴.

Исследуя отражение этнических процессов в семейном быту, приходится учитывать, что в прошлом в каждой историко-культурной области у народов одной и той же социально-экономической формации и одинакового вероисповедания складывались общие основы брачно-семейных отношений. Более того, зависимость этих отношений от уровня социально-экономического развития, от вероисповедания привела к бытованию одних и тех же или сходных форм семьи и брака у народов неродственных, не находящихся в непосредственном контакте, живущих в разных историко-культурных областях.

Вместе с тем наблюдаемые сходства брачно-семейных отношений не исключают наличия у них этнической специфики, присущей народу или группе родственных народов. Семья до сих пор остается носителем своеобразных этнических черт. К ним относятся, например, некоторые особенности семейных обычаев, в том числе этикета, обрядов, взаимоотношений между членами семьи и др. В то же время в семьях всех национальностей прослеживаются общие доминанты, характерные для советского народа в целом.

Советское законодательство отразило становление и развитие брачно-семейных отношений в разные периоды истории нашей страны и в свою очередь оказало большое влияние на эти отношения. В 1968 г. Верховным Советом СССР был принят документ огромной важности — Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. В последующем, 1969 г., в союзных республиках были утверждены кодексы о браке и семье, учитывающие культурно-бытовую специфику каждой из республик. Во всех этих законодательствах подчеркнута, что дальнейшее укрепление семьи является одной из задач Советского государства.

В СССР в процессе социально-экономических и культурных преобразований созданы условия для знакомства и общения молодежи, для брачного выбора вне зависимости от национальности, от социального и материального положения. Главными факторами, сделавшими вступление в брак и внутрисемейные взаимоотношения, как правило, свободными от экономического давления, были ликвидация частной собственности и раскрепощение женщины, предоставление ей равных с мужчиной прав на труд и заработок, на участие в общественной жизни. Принуждение к браку карается законом, охраняющим права брачащихся. В семье эти права основаны на фактической (для работающих) или потенциальной (например, для учащихся) экономической независимости ее взрослых членов.

---

⁴ А. И. Холмогоров. Интернациональные черты советских наций. М., 1970, стр. 82—103.

При свободе брачного выбора для большинства народов Советского Союза характерна разная степень воздействия территориального фактора на контакты молодежи в городе и в деревне. В сельских поселениях юноши и девушки знакомы с детства, здесь сильнее соседские и родственные связи. Родители, как правило, хорошо знают избранников своих взрослых детей и чаще, чем в городе, пытаются вмешаться в их взаимоотношения. Сельская молодежь работает обычно там же, где живет (за исключением части молодежи пригородных деревень, работающей в городе, студентов). Можно сказать, что территориальный фактор в сельских местностях влияет на контакты юношей и девушек так же, как и производственный.

В городах территориальный фактор имеет для контактов молодежи несколько меньшее значение, чем в сельских поселениях. Городская молодежь в повседневной жизни более всего сближается на работе или во время учебы⁵. В этом большую роль играет общность интересов. Не случайно поэтому в городах в браки нередко вступают люди одной и той же профессии, люди, совместно работающие, или студенты одного и того же учебного заведения.

Вне зависимости от места жительства и работы происходит знакомство и сближение молодежи (и городской, и сельской) во время отпусков и в часы досуга. Отчасти поэтому значительное число браков заключается между людьми разных профессий и даже между жителями разных городов и сельских поселений.

В общении молодежи до брака прослеживается специфика по историко-культурным областям. Так, в Европейской части СССР у многих народов в общении молодежи замечается более свободное, чем в других регионах, внешнее проявление любви, дружбы, привязанности. Этикет ухаживания допускает проявление нежности при родных, знакомых и даже в присутствии посторонних людей, в общественных местах, на улице. Открытое ухаживание не компрометирует девушку и в том случае, если по каким-либо причинам брак не состоялся.

В других историко-культурных областях (Кавказ, Средняя Азия, Сибирь⁶) этикет ухаживания у коренного населения пред-

---

⁵ Интересные данные о дружеских связях по месту жительства и месту работы приведены в книге «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». М., 1973. Согласно этим данным, в трех изученных городах Татарии (Казань, Мецелинск, Альметьевск) свыше 60% дружеских связей завязывается на производстве или по месту жительства. Отмечено при этом, что «доля русских и татар, завязывающих дружеские связи по месту жительства, значительно понижается по мере повышения социально-профессионального положения, особенно в большом городе». Отмечено также, что «многие работники умственного труда завязывают знакомства еще во время обучения в различных учебных заведениях» (стр. 179).

⁶ Здесь и далее имеется в виду коренное население Сибири, кроме русских.

писывает бóльшую сдержанность. В известной степени в этом сказалось влияние традиций, восходящих к архаичным формам социальной организации, к таким, как патриархальная сегрегация полов, избегание и связанная с этим необходимость скрывать истинные взаимоотношения и намерения. У народов, исповедовавших ислам, некоторые правила поведения молодежи возникли под воздействием религиозных запретов. Так, например, в сельских районах Средней Азии иногда до сих пор еще на праздничных гуляньях, во время отдыха и развлечений (в кино, в клубе и пр.) юноши и девушки держатся несколько обособленно друг от друга, что является, по-видимому, пережитком былой изоляции женщин по шариату. Однако сейчас в сознании самой молодежи этот пережиток старого обычая никак не связывается с религией. Любопытно, что с ростом грамотности у среднеазиатских народов широко распространилось эпистолярное объяснение в любви, причем и в тех случаях, если молодые люди живут по соседству и постоянно встречаются⁷.

На Кавказе, особенно в его сельских районах, любящие друг друга стараются не проявить своего чувства при людях. Открытое ухаживание (совместное посещение кино, клуба и т. д.) без последующей женитьбы многими представителями старшего поколения считается оскорбительным для девушки. В то же время родители девушки-невесты стараются в своем доме создать условия для знакомства с нею юношей (например у адыгейцев). Если позволяют условия, они отводят дочери отдельную комнату, где ее могут посещать юноши в присутствии ее сестры или подруги (родители туда не входят). Став женихом, юноша приходит к девушке по вечерам в сопровождении друзей. Важную роль в общении жениха и невесты нередко еще играет «посредник», его отношение к невесте определяется обычаем побратимства⁸.

Как показывают этнографические наблюдения, этнорегиональная специфика в добрачных взаимоотношениях молодежи, и в частности в этикете ухаживания, сильнее, чем в крупных городах, проявляется в сельских местностях. Так, например, сдержанность в проявлении чувств, в ухаживании при посторонних, особенно характерная для сельской молодежи Кавказа, Средней Азии и Казахстана, отчасти утрачивается теми, кто приезжает оттуда учиться или работать в крупные индустриальные города иных этнорегионов. Однако, возвратившись в родные селения, молодые люди считают себя обязанными, хотя бы внешне, придерживаться местных обычаев, в чем сказывается влияние этнической среды. Юноши и девушки, оставшиеся жить в крупных городах, посте-

⁷ С. М. Абрамзон. Семья и семейный быт. «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. «Труды ИЭ», т. 37. М., 1958, стр. 240.

⁸ Э. Л. Коджесау, М. А. Меретуков. Семейный и общественный быт. «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области». М.—Л., 1964, стр. 137.

твенно воспринимают непривычные повые для них правила поведения молодежи. Подобное восприятие — одно из проявлений интеграции разнонациональной молодежи больших городов.

Закономерности развития новых брачно-семейных отношений в СССР проявляются в изменении брачного возраста (минимального, преобладающего, среднего), весьма различавшегося в прошлом не только по историко-культурным областям, но и у отдельных народов каждой такой области. Общая тенденция, выявляющаяся в процессе интеграции советского народа, — это выравнивание брачного возраста с постепенным его повышением в одних районах и понижением в других.

Оставляя в стороне выяснение всех причин существования ранее различий в брачном возрасте, отметим, что он был, например, очень высоким в Прибалтике: для мужчин — обычно 30 или выше 30 лет, для женщин — 25—26 лет. Среди русских, украинцев, белорусов, молдаван и других народов, живших в Европейской части России в сельских местностях, не были редкостью браки невест 16 и женихов 18 лет. В городах их брачный возраст был несколько выше. У русских рабочих, например, мужчины чаще вступали в брак — 25 лет, женщины — 18—19.

На севере и в Поволжье у коми-пермяков, удмуртов, марийцев, мордвы в сельских семьях родители нередко брали в жены сыну девушку старше его на 7—15 лет, при этом случалось, что сын был малолетним (удмурты: мужчины — 13—15, женщины — 25—27; марийцы: мужчины — 14—16, женщины — старше; мордва: мужчины — 14—16, женщины — 25—30). Браки девушек с малолетними женихами наблюдались в Сибири (например, у алтайцев и эвенков), в Средней Азии (у киргизов), на Кавказе (иногда, например, у азербайджанцев). Объяснялось это экономическими соображениями: как можно дольше иметь в доме невестку-работницу⁹.

Для нерусского населения Поволжья, кроме браков с возрастным несоответствием (малолетний жених и взрослая невеста), были характерны ранние браки и юношей и девушек (у башкир например: мужчина — 16—17 лет, женщина — 14—15)¹⁰. В Сибири практиковалась выдача замуж девочек — 11—15 лет с целью получения калыма (например, у бурят)¹¹.

Заметно варьировал брачный возраст на Кавказе. Например, грузины вступали в брак: мужчины — 18—20 лет, женщины — 17—18 (случалось и старше); осетины — мужчины с 17 лет, женщины с 14—16; кабардинцы — мужчины — 25, женщины — 18—20; адыгейцы — мужчины — 20—25, женщины — 22—23; кара-

⁹ «Народы Европейской части СССР», т. I. Серия «Народы мира». М., 1964, стр. 469, 476, 688; ч. II. М., 1964, стр. 174, 357, 464, 501, 537, 586.

¹⁰ «Народы Европейской части СССР», т. II, стр. 726.

¹¹ «Народы Сибири». Серия «Народы мира». М.—Л., 1956, стр. 239, 654.

чаевцы — мужчины — 22—23, женщины — 18; чеченцы — мужчины — 18—20, женщины — 17—18; ингуши — мужчины — 17—18; женщины — 15—16; азербайджанцы — мужчины — 18—22, женщины — 14—18 и т. д.¹² Среди мусульман были случаи выдачи замуж девочек за пожилых, состоятельных мужчин. Согласие на это родителей невесты обычно было вызвано экономическими соображениями (необходимостью получить материальную помощь в виде калыма, ликвидацией долговых обязательств будущему тестю, стремлением породниться с богатой семьей и т. п.).

Известно, что по шариату минимальным брачным возрастом для мужчин считались 12 лет, для женщин — 9. Однако, как и на Кавказе, у мусульман Средней Азии и Казахстана, браки в столь раннем возрасте были редки. Но все же низкий брачный возраст в Средней Азии был явлением весьма распространенным — для жениха нередко 15—16 лет, для невесты 13—15 (реже 11—12 лет). В Казахстане юноши из состоятельных семей женились в 16—18 лет, из бедных — даже и за 30, невестам было 14—16 лет. Такие же, примерно, как и у среднеазиатских мусульман, возрастные показатели брачащихся были у среднеазиатских евреев (исповедующих иудаизм) и цыган¹³.

Советское законодательство последовательно и постепенно выравнивало минимальный брачный возраст, учитывая специфику областей. Под воздействием законодательства, социально-экономических и культурных факторов менялся обычный (преобладающий) брачный возраст, повышаясь или понижаясь в разных регионах.

Конкретные статистические и этнографические материалы выявляют существующие до сих пор расхождения в брачном возрасте населения разных этнорегионов и историко-культурных областей. Вне зависимости от этого повсеместно в СССР прослеживаются различия по социальным категориям: брачный возраст городской молодежи выше, чем сельской, интеллигенции несколько выше, чем рабочих.

В Европейской историко-культурной области относительно высоким остается брачный возраст в Прибалтике: у литовцев — мужчины — 26—30 лет, женщины — 21—25, у эстонцев — мужчины — 28,8, женщины — 25,5 (средний), заметно ниже он у латышей — мужчины — 24—25, женщины — 21—23¹⁴. Среди русских,

---

¹² «Народы Кавказа», т. I. Серия «Народы мира». М., 1960, стр. 329, 385; т. II. М., 1962, стр. 134, 308.

¹³ «Народы Средней Азии», т. I. Серия «Народы мира». М., 1962, стр. 325, 497; т. II. М., 1963, стр. 103, 272, 434, 517, 606, 625, 660; Д. Х. Кармышева. Семья и семейный быт. «Культура и быт казахского колхозного аула». Алма-Ата, 1967, стр. 175, 176.

¹⁴ А. И. Вишняускайте. Семейный быт литовских колхозников. «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики». М., 1962, стр. 30; Л. Н. Терпугева. Семья и семейный быт латышских крестьян. «Семья и семейный

украинцев, белорусов обычны браки юношей 22—25 лет с девушками 18—22 года. Тенденция к выравниванию брачного возраста наблюдается и у других народов Европейской части СССР (с понижением верхней и повышением нижней его границ). Так, например, у карел сейчас средний брачный возраст мужчин — 25, женщин — 22 года¹⁵. Ранние браки у всех этих народов сравнительно редки. Так, по материалам переписи 1970 г. в СССР в целом по возрастной группе 16—19 лет на 1000 человек данного пола состояли в браке: эстонцы-мужчины — 16 человек, женщины — 49; литовцы соответственно — 15 и 54; латыши — 19 и 59, русские — 23 и 91; украинцы — 19 и 112; белорусы — 13 и 76 и т. д.¹⁶

По сравнению с дореволюционным прошлым повысился брачный возраст у народов Поволжья, Сибири, Средней Азии, Казахстана, Кавказа. В 1970 г. у татар, например, на 1000 человек в возрасте 16—19 лет мужчин, состоящих в браке, было 14, женщин — 71 (данные по РСФСР), т. е. меньше, чем у русских и украинцев¹⁷.

После коллективизации сельского хозяйства исчезли побудительные мотивы женитьбы малолетних сыновей и выдачи замуж девочек. Особое значение имела активная борьба государственных и общественных организаций с нарушителями закона о минимальном брачном возрасте.

Изменение брачного возраста очень показательно для народов Северного Кавказа. Так, если в 1928 г. у адыгейцев преобладали браки мужчин возрастной группы 20—24 года, женщин до 20 лет, то в 1967 г. преобладали уже браки мужчин и женщин 25—29 лет, на втором месте стояли браки мужчин старше 30 лет, женщин 20—24 (средний брачный возраст в 1928 г. — мужчин 28,0 женщин 21,3, в 1967 г. — мужчин 29,6, женщин 27,0); у осетин наиболее распространены были в 1928 г. браки мужчин 20—24 года, женщин — до 20 лет, в 1967 г. мужчин 25—29, женщин также 25—29 (средний брачный возраст в 1928 г. мужчин — 29,3, женщин — 22,0, в 1967 г. мужчин — 29,8, женщин — 27,3)¹⁸. Среди осетин, например, по данным 1970 г., в РСФСР на 1000 человек в возрасте 16—19 лет состояли в браке — мужчины — 5, женщины 36; среди

быт колхозников Прибалтики». М., 1962, стр. 81; А. А. Лугс. Некоторые вопросы современной семьи и брака в прибрежных районах юго-западной Эстонии. «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики». М., 1962, стр. 99; «Народы Европейской части СССР», т. II, стр. 176, 357.

¹⁵ «Народы Европейской части СССР», т. I, стр. 490, 699, 873, т. II, стр. 357.

¹⁶ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV. «Национальный состав населения СССР». М., 1973, табл. 34, стр. 383.

¹⁷ Там же, табл. 35, стр. 385.

¹⁸ Я. С. Смирнова. Изменение брачного возраста у народов Северного Кавказа за годы Советской власти. СЭ, 1973, № 1, стр. 126 (расчеты произведены Я. С. Смирновой).

осетин Грузинской ССР соответственно — 15 и 88. В той же возрастной группе в 1970 г. в Грузинской ССР на 1000 человек было среди грузин женатых мужчин 25, замужних женщин 135; среди абхазов — 13 и 95; в Армянской ССР среди армян — 16 и 160 и значительно больше у курдов — 113 и 373¹⁹.

Для Средней Азии и Казахстана при общей тенденции к повышению брачного возраста характерны еще сравнительно ранние браки, особенно в сельских местностях, где юноши нередко женятся до призыва в армию, т. е. в 18—19 лет, на своих ровесниках. В городах преобладающий брачный возраст несколько выше. О повышении брачного возраста у народов Средней Азии и Казахстана и вместе с тем о значительной распространенности у них браков в возрасте 16—19 лет (особенно среди женщин) можно судить по сравнительным данным переписей 1959 и 1970 гг. Так, на 1000 человек этой возрастной группы в нашей стране состояли в браке: узбеки в 1959 г. — мужчины — 65, женщины — 318, а в 1970 г. — мужчины — 27, женщины — 217; казахи в 1959 г. соответственно — 56 и 287, в 1970 г. — 16 и 123; киргизы в 1959 г. — 69 и 442, в 1970 г. — 19 и 204; таджики в 1959 г. — 60 и 366, в 1970 г. — 25 и 249; туркмены в 1959 г. — 84 и 320, в 1970 г. — 48 и 191²⁰.

Повышение брачного возраста у тех народов, у которых в прошлом он был очень низким, объясняется отчасти стремлением молодежи получить образование, что в большинстве случаев совпадает с интересами их родителей. Правда, браки студенческой молодежи сейчас тоже довольно часты, причем нередко молодые супруги живут с родителями одного из них, а если и живут отдельно, то получают от родителей материальную помощь.

По общесоюзным данным можно судить о преобладании браков между людьми с небольшим возрастным различием или одного возраста (2/3 всех заключенных браков)²¹. Так, материалы переписи 1970 г. свидетельствуют о том, что в этом году большинство юношей 20—24 лет женились на девушках той же возрастной категории. Невесты 20—24 лет были предпочтительны и для женихов 30 и более лет; в таких браках мужья старше жен примерно на 10 лет²². Браки между людьми с максимальным возрастным различием (муж на 20 или более лет старше жены) заключаются редко.

Общим явлением в брачно-семейных отношениях всех народов Советского Союза стало решение вопроса о вступлении в брак самой молодежью. Было бы преувеличением утверждать, что в

---

¹⁹ «Итоги Всесоюзной переписи населения», 1970 г., т. IV, табл. 35, стр. 385, 388, 391.

²⁰ Там же, табл. 34, стр. 383.

²¹ А. Г. Харчев. Брак и семья в СССР. М., 1964, стр. 188.

²² В. Переведенцев. Спешить ли замуж? «Литературная газета», 30 августа 1972 г.

прошлом, особенно в конце XIX — начале XX в., совсем не заключались браки по любви и взаимной склонности. Там, где сельская молодежь общалась на посиделках (девушки на них обычно занимались рукоделием), вечеринках, народных гуляньях, ярмарках, там, где не было освященной обычаем и религией изолированности юношей и девушек в повседневном быту и в праздничные дни, знакомства между ними завязывались свободно. Так было, например, у многих народов Европейской России, Сибири. Иной была ситуация у народов, исповедовавших ислам, который определял разобщенность молодежи по признаку пола. Но и среди этих народов, хотя и редко, заключались браки по любви. Для этого, правда, почти всегда нужно было преодолеть большие преграды, иногда бежать из родительского дома, преступить обычай своей социальной среды. К бракам по любви относится часть браков «убегом», уводом по взаимному согласию юноши и девушки. В тех случаях, когда желание молодых стать супругами совпадало с намерениями их родителей, любовь беспрепятственно приводила к браку. Но такие случаи все же были довольно редкими, недаром во многих народных преданиях и легендах возлюбленные предпочитали умереть, чем разлучиться.

Вся система воспитания в семье, религиозные и бытовые устои прививали молодым людям убеждение в необходимости подчиниться судьбе, воле родителей. Случалось поэтому, что любовь имела романтическую окраску, оставалась несбыточной мечтой юности, а брак по расчету, по воле родителей — неизбежной реальностью.

Браки по любви чаще заключались городской рабочей молодежью, чем сельской. Так, в рабочих семьях молодые люди, хотя и прислушивались к советам родителей, но нередко женились и выходили замуж по своему выбору. Высокий культурный уровень передовой интеллигенции положительно сказывался на частоте браков по любви в этой социальной группе. В среде дворян, буржуазии и других имущих слоев населения во многих решениях вопроса о браке проявлялась социальная и даже сословная ограниченность. Основой брачного союза зачастую был экономический расчет, а у буржуазии (особенно среди купечества) — желание породниться с именитыми дворянскими семьями, пусть даже обедневшим. Это не исключало, конечно, возможности браков по любви.

Говоря о браках по любви, не надо забывать, что само понятие «любовь» менялось с изменением социального строя, с ростом образования, с повышением культурного уровня, неравномерным в разных социальных слоях. Менялась мотивация брака, представления родителей и молодежи об идеальном партнере в супружеской жизни. В социально-экономических формациях с антагонистическими классами у родителей-собственников в выборе и оценке брачных партнеров для своих детей преобладали частно-собственнические интересы. На первом плане стояло имуществен-

ное положение жёниха или невесты. У крестьян при выборе невесты ценились еще ее трудолюбие, выносливость, добрая репутация ее самой и семьи, а затем уже внешняя привлекательность. Дочь старались выдать замуж за богатого. Взгляды родителей передавались и детям. Воспитанное наглядным примером суждение — «так поступали наши родители, так должны поступать и мы» — было широко распространено и среди молодежи. У зажиточной молодежи стремление стать богаче, а у бедняков — разбогатеть нередко влияло на выбор брачного партнера.

Было бы ошибкой считать, что современная молодежь полностью игнорирует материальные факторы при создании семьи. Потенциальная возможность начать семейную жизнь с таким партнером, с каким не будешь иметь жилищных и материальных затруднений, кажется привлекательной многим юношам и девушкам любой национальной и социальной среды. Однако в реальной жизненной ситуации наличие материальных трудностей обычно не служит препятствием для заключения брака, так как главным является взаимная любовь, а не расчет²³.

Большой интерес представляет проблема этнопсихологических особенностей в суждении о лучшем брачном партнере. Эта проблема до сих пор еще мало исследована. Однако, основываясь на некоторых этнографических наблюдениях, можно сказать, что у отдельных народов или их групп в этом отношении есть какие-то доминирующие, устойчивые оценочные критерии. Так, например, у народов Кавказа положительными чертами характера и поведения девушки-невесты считаются подчеркнутая гордость, сдержанность, скромность, почтительность к старшим. Юноша-жених должен обладать теми же качествами, не проявлять открыто своих чувств при посторонних, иметь репутацию человека смелого и мужественного. Некогда сложившиеся представления народа или группы народов об идеальных женихах и невестах до сих пор оказывают некоторое влияние на брачный выбор, особенно, если юноша и девушка разных национальностей. Это не означает, конечно, что в брачном выборе не играют роли индивидуальность, темперамент, психологические свойства личности. Речь идет только о преобладании определенных критериев оценки, возникших в процессе этнической и культурной интеграции народов каждой из историко-культурных областей под воздействием одних и тех же факторов (социальных, правовых и др.), сходных обычаев в семейном быту, в общественном и семейном этикете.

---

²³ По подсчетам А. Г. Харчева в Ленинграде, например, из 500 опрошенных брачных пар 76,2% главным условием прочного брака считали любовь или любовь и общность взглядов. См.: А. Г. Харчев. Брак и семья в СССР, стр. 179. Интересные данные по мотивации брака были собраны на трех минских предприятиях. Эти данные обобщены и проанализированы Н. Г. Юркевичем в его книге «Советская семья» (Минск, 1970, стр. 96—100 и др.).

В то же время в разных этнорегионах постепенно унифицируются психологические установки, связанные с заключением брака. И родителям, и самой молодежи представляется идеальным брачным партнером тот, кто имеет уже специальность или будет обладать ею в перспективе. Очень высоко оценивается среднее специальное и высшее образование и не только потому, что оно дает в данный момент хороший заработок. Это прежде всего вопрос престижа и надежд на будущее.

Вступая в брак, каждый молодой человек осознанно или подсознательно считает своего партнера способным помочь ему в жизни, поддерживать па пути к осуществлению поставленных целей, выражающих его ценностную ориентацию (получить образование, добиться успехов в труде, воспитать детей, благоустроить свой быт, создать уют в доме, организовать досуг и т. п.). Представление о таком идеальном партнере — это один из факторов брачного выбора. Другим фактором является пример родителей: положительный или отрицательный. В первом случае нередко подсознательно стремятся к партнеру, похожему на отца или мать, во втором — наблюдается обратное явление.

Известно, что для одних людей характерно стремление к гомогамии (поиски партнера со сходными психологическими и социальными чертами), для других — к гетерогамии (поиски партнера с иными психологическими и социальными особенностями)²⁴ Пожалуй, не менее часто, чем люди, подобные друг другу, в брак вступают люди с разным темпераментом, разными психологическими особенностями, как, например, экстраверты (как бы обращенные вовне) и интраверты (обращенные вовнутрь), сангвиники и холерики и т. п.²⁵ В благоприятной жизненной ситуации они нередко как бы дополняют друг друга, и даже возникающие между ними несогласия отнюдь не всегда приводят к болезненным конфликтам. В семейной жизни, иногда в самом ее начале, но обычно в дальнейшем к несовместимости супругов могут привести, кроме физиологического несоответствия, аномалий и крайних «враждебных» выражений разных психологических черт, интеллектуальная дисгармония, резкая противоположность ценностных ориентаций, т. е. факторы социальные, хотя и взаимосвязанные с психологическими.

В СССР возможность вступления в брак определяют единые нормы закона и морали. Из брачных обычаев в значительной мере исчезли или исчезают пережиточные формы родовой экзога-

---

²⁴ Общие положения о функциях семьи, об удовлетворяемых браком потребностях, мотивациях брака и факторах выбора партнера см.: Ян Шепаньский. Элементарные понятия социологии. М., 1969, стр. 139, 141—147; Н. Г. Юркевич. Роль советского семейного права в укреплении семьи. «Социальные исследования», вып. 7. «Методологические проблемы исследования быта». М., 1971, стр. 85—93.

²⁵ В. Леви. Я и мы. М., 1969, стр. 66, 76, 266.

мии и других ее видов, наблюдавшиеся в прошлом у народов Кавказа, Средней Азии, Сибири (например, запреты браков между односельчанами, побратимами, людьми, находящимися в молочном родстве). Изжиты обычаи левирата и сорората.

На заключение браков, как правило, не оказывают заметного влияния ни разное материальное положение родителей брачащихся, ни их (родителей) принадлежность к разным социальным группам.

В большинстве случаев родители заранее знают о намерениях сына или дочери вступить в брак и бывают знакомы с будущей невестой или женихом, даже если они не живут с ними в одном городе или сельской местности. И сейчас, если избранник или избранница не нравятся родителям, они высказывают свое отрицательное отношение к возможному браку, но в противоположность прошлому последнее слово остается за молодыми.

Одним из важнейших условий счастливого брака считается родство интересов, духовная близость. Они наиболее вероятны и обычно действительно возникают между людьми одной социальной среды, равного культурного уровня. Очевидно, именно поэтому наряду с социально-разнородными браками немало заключается браков социально-однородных и в том числе между людьми одной профессии (например, между врачами, художниками, артистами, музыкантами и др.). Общность профессионально-трудовых интересов способствует сближению молодежи. Работа в определенной отрасли народного хозяйства (завод, фабрика, учреждение и т. п.), медицины, науки, искусства нередко определяет сферу повседневного общения людей по трудовым интересам, создает возможности повседневных встреч будущих супругов²⁶. В то же время постепенно становится все более важной для заключения браков тенденция сближения молодежи разных социальных групп, их культурного выравнивания, обеспечиваемого современным образованием (в школах, техникумах, высших учебных заведениях), посещением народных университетов культуры, участием в самодельных коллективах и т. п.

Социально-неоднородные браки довольно часто заключаются в сельских поселениях, где совпадает действие факторов местожительства, соседства и работы в одном и том же селении, в том же самом колхозе или совхозе. Агроном и доярка, колхозник и медицинская сестра, механизатор и учительница, а также и другие социальные сочетания в браках там довольно обычны. В горо-

---

²⁶ По итогам переписи населения СССР в 1970 г. 70,4% общего числа семей представляли собой семьи, где все члены семьи отпосились в какой-либо одной общественной группе (рабочих, служащих, колхозников). См.: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», том VII. Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. М., 1974, стр. 5, а также табл. 9 на стр. 252—271.

дах социально-смешанные браки распространены более всего среди молодежи крупных промышленных предприятий; на заводе или фабрике молодые люди разных социальных категорий и профессий (инженер, техник, чертежник, квалифицированный и подсобный рабочий) тесно общаются и на работе, и во время отдыха, и в общественной деятельности, что способствует их сближению и делает возможными разные варианты супружеских союзов. В настоящее время в степени распространенности социально-неоднородных браков нет больших отличий по народам и историко-культурным областям.

Брак является основой образования семьи. Классики марксизма определяли семью как отношение между мужем и женой, родителями и детьми²⁷.

На семью, как на микрокомпонент социальной структуры общества, проецируются господствующие в нем социально-экономические отношения. Взаимоотношения членов семьи, ее структура, место в социальной системе зависят прямо или опосредованно от социально-экономической формации.

Брачно-семейные отношения в процессе формирования испытывали давление религиозных предписаний, становились традиционными и нередко приобретали этническую окраску. Еще в конце XIX — начале XX в. в разных историко-культурных зонах Российской империи пережитки родового строя, феодальные производственные отношения и развитый капитализм порождали, сохраняли или изменяли своеобразие структуры семьи и семейного быта.

Утверждение в СССР социалистической системы народного хозяйства, советское законодательство, социальные изменения и культурная революция создали единую для всех народов СССР основу возникновения, формирования и стабилизации новой советской семьи. Общие тенденции развития семьи являются одним из показателей интеграции многонационального населения СССР.

Характерно, что у всех народов СССР сравнительно однородны социально-экономические различия семей и прежде всего различия между семьями горожан и сельских жителей. Городская семья ведет лишь потребительское хозяйство, хозяйственная деятельность в городской семье ограничивается сферой быта (обслуживание и самообслуживание членов семьи). Доходы поступают от работы членов семьи на промышленных предприятиях и в государственных учреждениях. Материальная база городской семьи складывается из ее общей собственности и определенных долей личной (прежде всего денежной) собственности каждого из ее взрослых членов. К городской семье близки семьи рабочих

---

²⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 27, 28.

и служащих совхозов, сельской интеллигенции (если в них нет работающих в колхозе), хотя в условиях сельской жизни их хозяйство несет некоторые производственные функции (выращивание овощей, разведение домашней птицы и т. п.). Материальная база колхозной семьи создается в основном из заработков в коллективном хозяйстве. Однако при наличии приусадебного участка сельская семья отчасти сохраняет значение производственной ячейки общества и этим существенно отличается от городской.

Структура семьи зависит, как известно, от числа и взаимоотношений входящих в нее поколений, от их прямых и боковых родственных связей. В СССР преобладают сейчас малые семьи из двух или трех поколений (т. е. простые или сложные, иначе — неразделенные, расширенные), сохраняющие тесные связи с близкими родственниками, живущими отдельно от семьи. Значительно меньше семей, не поддерживающих родственных отношений. Малая простая семья не является новым типом, в разной степени она была распространена у многих народов России еще в XIX — начале XX в., как и сложная (т. е. неразделенная) малая семья из супругов, их детей и родителей или одного из них. Сейчас семьи из трех поколений также довольно часты, особенно у сельских жителей, хотя все же уступают семьям из двух поколений²⁸. Однако судить о сохранении традиции не оставлять родителей одних, обзаведясь собственными семьями, можно только, учитывая число детей (особенно сыновей) в семье, от которой они отпочковываются. Так, например, у многодетных народов Средней Азии традиция, по которой старший или младший сын остается с родителями, не умирает, хотя семей из двух поколений больше, чем трехпоколенных.

Почти повсюду нарушен господствовавший в прошлом принцип патрилокальности в трехпоколенных семьях. У русских, например, в городах замужняя дочь нередко живет со своими родителями, но в сельских местностях все же более обычна совместная жизнь молодых с родителями мужа. Но даже у тех народов, у которых теща раньше никогда не жила с зятем (например у осетин)²⁹, сейчас уже встречаются такие семьи. Вдова с детьми, как правило, живет одна или со своими родителями, а прежде

---

²⁸ В 1970 г. по итогам переписи населения 79,5% от общего числа семей (58,7 млн.) составляли семьи из одной брачной пары (46,7 млн.). Из 46,7 млн. этих семей имели детей 35,7 млн., не имели — 11 млн., жили без родственников — 37,3 млн. (79,9%), с родственниками — 9,4 млн. (20,1%), 3,7% семей от 58,7 млн., т. е. от общего их числа состояли из двух и более брачных пар, 14,9% семей не имели брачных пар (мать или отец с детьми, с родственниками или без них). См.: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. VII. М., 1974, стр. 4—5.

²⁹ А. Х. Магомедов. Семья и семейный быт осетин. Орджоникидзе, 1962, стр. 61.

она оставалась, по обыкновению, в семье родителей мужа. Одинокая мать с детьми (последствия развода или внебрачных отношений) также живет отдельно или со своими родителями. Семьи из одного поколения в обычной ситуации — это родители, дети которых обзавелись своими семьями и отделились. Однако многие семьи такого рода так же, как и одинокие люди, являются трагическим последствием войны.

В Средней Азии, на Кавказе и в Сибири (например, у хантов и манси) встречаются еще пережиточные формы большой патриархальной семьи: вместе живут женатые сыновья с родителями. В Средней Азии (среди киргизов, например) сохранение неразделенных семей объясняется некоторыми удобствами, которые создает совместная жизнь при работе в животноводстве и полеводстве. Часть членов такой семьи работают на отгонных пастбищах, а их дети остаются с теми, которые трудятся в полеводческих бригадах и постоянно живут в поселке. У казахов иногда живут вместе два женатых брата и их женатые сыновья. Они разделяются после того, как построят второй дом. В Дагестане также встречаются семьи совместно живущих двух женатых братьев, один из которых работает на стороне (в городе, в другом селении), а на попечении другого в ауле остаются его жена и дети³⁰.

В большинстве случаев раздел таких семей обычно задерживают не объективные причины, о которых говорилось выше, а установившееся издавна суждение, что тем самым можно обидеть стариков-родителей. После их смерти раздел происходит почти всегда. Тем же самым объясняется большее, по сравнению с Европейской частью СССР, распространение малых семей из трех поколений (супругов, их родителей и несовершеннолетних детей) в Сибири, Средней Азии, на Кавказе. Оставить родителей одних до сих пор здесь считается предосудительным, а поэтому с ними остается или старший или младший сын (это сейчас не связано с наследованием, так как наследниками считаются все дети). Однако даже и там у большинства молодых супружеских пар проявляется стремление жить отдельно от родителей, если родители способны сами о себе позаботиться.

Среди многих народов Европейской историко-культурной зоны поселение с родителями мужа или жены рассматривается как временное, порожденное объективными трудностями (например, до получения жилищной площади и обзаведения собственным домашним хозяйством). В семьях из социально-разнородных поколений

---

³⁰ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955, стр. 202—203; С. М. Абрамзон. Семья и семейный быт. Сб. «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан», стр. 214—217; Д. Х. Кармышева. Семья и семейный быт, стр. 190, 191; С. Ш. Гаджиева. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967, стр. 57 и др.

несколько различаются культурный уровень, взгляды на жизнь родителей и молодых супругов, что создает иногда напряженную ситуацию в семье. В социально-однородных семьях ситуационная напряженность проявляется мягче, но и здесь также возникают межпоколенные противоречия в поведении, привычках и пр.

Стремление молодежи отделиться порождается нередко их желанием освободиться от некоторых старых обычаев, от необходимости соблюдать традиционный этикет. Это стремление особенно проявляется в национально-смешанных семьях, где обычаи и этикет национальной среды родителей одного из супругов непривычен для другого и требует приспособления. Даже при самом лояльном отношении старших (обычно родители не требуют от инонационального супруга или супруги строгого соблюдения правил поведения) в непривычной инонациональной среде молодой человек ощущает некоторую отчужденность. Степень этой отчужденности зависит от величины различий в культурно-бытовом комплексе национальной среды родителей каждого из супругов.

Отношение к стремлению молодых пар отделиться от родителей несколько различается по историко-культурным областям. В Средней Азии и на Кавказе это стремление нередко осуждается пожилыми людьми, а молодежь, как уже говорилось, боится обидеть родителей. У русских, украинцев, белорусов, молдаван, у народов Прибалтики, у большей части народов Поволжья молодых супругов, отделившихся от родителей, не осуждают, особенно в городах, где домашнее хозяйство не требует большого физического напряжения. Во всех историко-культурных областях в сельских местностях отрицательное отношение к отделению от родителей выявляется чаще, чем в городах. В этом сказывается и сила родственных связей и сохранившееся непосредственное влияние среды (родственников, соседей) и то, что престарелым людям трудно заниматься подсобным хозяйством, а доходы от него являются частью их бюджета. Сказывается здесь и особенность наследования недвижимой собственности.

В более широком плане различия в степени распространенности пережиточных форм семьи и в отношении к отделению молодых супругов от родителей объясняются тем, что в дореволюционном прошлом семья в конкретных историко-культурных областях и у отдельных народов находилась как социальный организм на разных стадиях развития.

К важным определителям структуры семьи относятся ее численный состав и показатель детности. По статистическим данным 1970 г. средний размер семьи в целом по стране составлял 3,7 человека, причем среди городского населения — 3,5, а среди сельских жителей — 4 человека. Перепись 1959 г. показала средний размер семьи соответственно 3,7; 3,5 и 3,9 человека. Однако при этой относительной стабильности среднего размера семьи в целом по стране в 1970 г. зафиксировано по сравнению с 1959 г. увеличение среднего размера семьи в республиках Средней Азии,

в Казахстане, Азербайджане, Армении и некоторых автономных республиках РСФСР. Средний размер семьи в других республиках уменьшился или остался неизменным за исключением Грузинской ССР, где он несколько увеличился в целом (с 4,0 до 4,1 человека), Латвийской и Эстонской ССР, в которых возрос средний размер семьи в городах (с 3,1 до 3,2 человека).

Увеличение среднего размера семьи в Средней Азии, Казахстане, Азербайджане, Армении и некоторых автономных республиках РСФСР было вызвано сохранением там относительно большой рождаемости при общем для всей страны снижении смертности, особенно детской, меньшим, чем в других республиках дроблением сложных малых семей и бытованием пережиточных форм большой семьи³¹.

От числа детей зависит не только размер семьи (связь количественных показателей), но в известной мере ее внутренний строй и внешние связи как родственные, так и общественные (социализация молодежи, связь со школой и т. п.). В многодетных, малодетных или бездетных семьях иначе складываются взаимоотношения между членами семьи, возникают иные возможности участия женщины-матери в социалистическом производстве, ее социальной активности в разные возрастные периоды.

В дореволюционном прошлом многодетные семьи были распространены у всех народов России, причем особенно у сельских жителей. Все вероучения осуждали нарушение беременности. Степень официального осуждения очень высокой была, например, в мусульманстве, а из христианских вероучений — в католицизме. Рост атеизма в нашей стране подорвал непосредственное влияние религии на деторождение, но это влияние оставило след в установившихся традициях³².

Причины снижения рождаемости у многих народов Европейской части СССР очень сложны. Значительно меньше они отразились на деторождении в Средней Азии, в Сибири, отчасти на Кавказе. Можно предположить, что стремление иметь много или мало детей отражает конкретную ценностную ориентацию отдельных социальных групп того или иного народа и входит в общую систему ценностных ориентаций в сфере семьи. Причины возникновения этого могут быть самыми различными (в прошлом, например, экономическими, вероисповедания и т. д.).

При изучении этнографических и социологических материалов прежде всего обращает внимание сохранившаяся многодетность у народов Средней Азии. В их семьях 4—5 детей — не редкость, есть семьи, где более 8 детей. Семьи многих народов другой исто-

---

³¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. VII, стр. 4, а также табл. 27, стр. 238—241, 246, 247.

³² С. Аннаклычев. Некоторые вопросы современной семьи и семейных отношений туркменских рабочих. «Изв. АН Туркменской ССР. Серия общественных наук», 4. Ашхабад, 1966, стр. 25.

рико-культурной зоны — Кавказа — тоже многодетны. В Дагестане, например, из 1001 семьи, обследованной в 1960-х годах, 35,1% имели от 4 до 10 детей³³. Многодетные семьи нередки у коренного населения Сибири и Крайнего Севера. В противоположность этому для многих народов Европейской зоны характерны малодетные семьи (с 1—3 детьми). Так, например, у русских, украинцев, белорусов, литовцев семьи из 5—6 человек составляют лишь 1/5 общего их числа (нужно учесть к тому же, что к этим семьям относятся и состоящие из трех поколений)³⁴. Несколько больше детей в семьях молдаван и у народов Поволжья. Так, например, у татар в среднем — это 3 ребенка в семье (у русских, живущих в Татарии, — 2)³⁵.

Этнодемографические и социологические наблюдения подтверждаются данными переписи населения 1970 г., касающимися многодетности и малодетности матерей разной национальности. Согласно этим данным в нашей стране на 1000 женщин-матерей в среднем приходилось 1958 детей. Число детей, превышающее средний показатель, имели женщины-матери народов Средней Азии, Казахстана, Кавказа, отчасти Поволжья, Сибири и Крайнего Севера. Меньшее число детей имели женщины-матери из Прибалтийских республик, РСФСР, Украинской и Белорусской ССР³⁶. В 1972 г. наметилась тенденция выравнивания рождаемости по стране за счет понижения коэффициента рождаемости в районах, где он был особенно высоким (Средняя Азия, Азербайджан и др.), и повышения в некоторых районах, где он был низким (часть районов РСФСР)³⁷.

На современном этапе этнического развития у всех народов СССР имеются различия в детности городских и сельских семей; в последних детей, как правило, больше³⁸. По сравнению с семьями других социальных групп меньше детей в семьях интеллигенции³⁹, особенно если жена занимает высокое служебное и общественное положение.

Социологи А. Г. Харчев и С. И. Голод проследили зависимость между долей женщин среди работающих и рождаемостью

³³ С. Ш. Гаджиева. Указ, соч., стр. 58.

³⁴ М. С. Джунусов. О дальнейшем развитии национальных отношений в период строительства социализма и коммунизма. М., 1963, стр. 27, 28.

³⁵ Э. К. Васильева. Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 году. СЭ, 1968, № 5, стр. 20; «Социальное и национальное», стр. 145, 202—209.

³⁶ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. VII, табл. 35, стр. 444—449.

³⁷ Население СССР 1973 г. (численность, состав и движение населения). М., 1975, стр. 90—95.

³⁸ Б. Ц. Урланис. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974, стр. 114—119.

³⁹ Интересные выводы о совпадении показателей отношения заработка к числу детей в группах как русской, так и татарской интеллигенции, сделаны в работе «Социальное и национальное», стр. 206—207.

(по данным 1969 г.):

Республика	Доля женщин среди рабочих и служащих, в %	Родилось детей на 1000 человек
Эстонская ССР	53	14
Латвийская ССР	52	14
РСФСР	52	14
Таджикская ССР	38	35
Азербайджанская ССР	40	32
Туркменская ССР	40	36

Из таблицы видно, что в тех республиках, где доля женщин среди рабочих и служащих выше, детей на 1000 человек рождается меньше ⁴⁰.

Одной из проблем исследования современных этнических процессов является проблема их отражения в семейных обычаях и празднествах. Специфика в этой сфере выявляется: 1 — у каждого из народов, 2 — у группы народов (этнически близких или далеких), заселяющих определенную историко-культурную область или район (например, Прибалтика), 3 — у народов, живущих на большом расстоянии друг от друга, не родственных по происхождению. В первом случае специфический элемент обычая или праздничного обряда относится к этническим особенностям культуры одного народа, во втором — характеризует культуру народов определенной зоны или района и выступает у родственных народов как этническая особенность в более широком смысле, в третьем случае общность может быть результатом опосредованных культурных взаимовлияний, но чаще бывает стадийным явлением, сохранившимся у народов со времени своего возникновения на одной и той же стадии их социально-экономического развития. Социальная и культурная интеграция народов СССР ведет к известной нивелировке семейных обычаев и обрядов, к постепенному исчезновению многих пережиточных форм. Вместе с тем возникают и распространяются общесоветские традиции семейных торжеств и праздничных церемоний ⁴¹.

Этнические процессы в СССР отражаются в системе взаимоотношений членов семьи. Еще Ф. Энгельс писал, что «отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, заключается в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это — отношение между мужем и женой,

---

⁴⁰ А. Г. Харчев, С. И. Голод. Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971, стр. 35.

⁴¹ См. гл. IX настоящего сборника.

родителями и детьми, *семья...* Итак, производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения — появляется сразу в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения»⁴².

Для полной малой семьи характерны три вида отношений: между супругами, между родителями и детьми, между детьми одинакового и разного пола и возраста. Если семья неполная, отсутствуют определенные виды внутрисемейных отношений, если с супружеской парой живут родители (или один из них) мужа или жены, внутрисемейные отношения становятся более сложными.

Как известно, функциями семьи являются: поддержание биологической непрерывности общества (деторождение, содержание детей), участие в социализации поколений (передача детям культурного наследия, выработка ценностных ориентаций, воспитание в ребенке нравственных качеств, эстетического восприятия, национального самосознания, помощь детям в достижении определенного социального положения), организация домашнего хозяйства, удовлетворение потребности в длительной интимной совместной жизни и эмоциональных потребностей, взаимная поддержка в достижении поставленных жизненных целей⁴³. В современных условиях индустриализации и урбанизации с нарастающим темпом жизни семья выполняет также функцию психологического убежища⁴⁴ и отчасти функцию организатора досуга.

Все эти функции свойственны не только советской семье, но и семьям других стран с тем различием, что в социалистических государствах социальные функции осуществляются при господстве марксистской идеологии, на основе юридического и экономического равенства совершеннолетних членов семьи, вне зависимости от пола и возраста. В социалистическом обществе принимаются все меры к тому, чтобы была разрешена проблема «двух ролей» женщины — домашней и производственной. По мнению, высказанному еще Ф. Энгельсом, освобождение женщин предполагает своим первым предварительным условием возвращение всего женского пола к общественному труду⁴⁵. В этой связи замечательно, что в Советском Союзе в общественном производстве трудится 84% самодеятельного женского населения⁴⁶. В общественном производстве заняты почти все трудоспособные женщины

⁴² К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 27—28.

⁴³ Ян Щепаньский. Элементарные понятия социологии, стр. 141, 142.

⁴⁴ А. Г. Харчев. Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968, стр. 19.

⁴⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 77.

⁴⁶ Б. М. Левин. Свободное время и развитие бытовых общностей. «Социальные исследования», вып. 7. М., 1971, стр. 109.

сельских местностей. Во многих профессиях (врачи, медицинские сестры, учителя и др.) женщины составляют равное число с мужчинами или даже большинство. В Англии же, например, женщин среди врачей всего 25%, архитекторов — 4%, в США — среди врачей женщин — 6%, юристов — 3%, «инженерного корпуса» — 0,5%⁴⁷.

Одним из достижений фактического равноправия женщин является преодоление их былой культурной отсталости, а также замкнутости всего семейного быта, проявлявшейся в разных этносоциальных средах по-разному. В СССР эта проблема в основном уже решена. Другая проблема — это освобождение женщин от тягот ведения домашнего хозяйства путем равномерного распределения домашних обязанностей между членами семьи при непременном и постоянном расширении и улучшении общественного обслуживания. Преодоление противоречия между производственной и социальной активностью женщины и ее занятостью в домашнем хозяйстве остается одним из важнейших факторов социальной интеграции советского народа.

Социологические исследования показывают, что фактически свободного времени у женщин меньше, чем у мужчин⁴⁸, особенно в первый год после рождения ребенка. В некоторых семьях жена уделяет домашнему хозяйству в 2—3 раза больше времени, чем мужчина. В молодых семьях горожан наблюдается тенденция к выравниванию занятости жены и мужа домашним хозяйством. В больших городах с развитой сетью обслуживания (Москва, Ленинград, Киев и др.) обязанностью многих мужей стало отдавать и получать белье и одежду в прачечных, в пунктах химической чистки и т. п. Обычным делом для мужа-горожанина стала покупка продуктов, прогулки с детьми, помощь жене в домашних работах, считавшихся раньше женскими. Однако это характерно главным образом для городских семей европейской части страны. В городах же Средней Азии, Казахстана и Кавказа занятие «женскими» делами, особенно на виду у родственников и у посторонних, до сих пор некоторые мужчины считают зазорным. Но все же и здесь во многих семьях мужья помогают женам.

В сельских местностях, где семья носит еще некоторые функции производственной ячейки общества, сохраняется поло-возрастное разделение труда, при котором на мужчин падает небольшая доля традиционных мужских работ, занятие их так называемыми женскими делами там встречается реже, чем в городе. В сельских районах Средней Азии, Казахстана, Кавказа, от-

---

⁴⁷ А. Г. Харчев, С. И. Голод. Профессиональная работа женщин и семья, стр. 15.

⁴⁸ З. А. Янкова. Формирование личности в быту. «Социальные исследования», вып. 7, стр. 26—27; Б. М. Левин. Свободное время и развитие бытовых общностей, стр. 109—110.

части Поволжья мужья реже помогают женам присматривать за малолетними детьми, так как это противоречит традициям семейного этикета (некоторые из этих традиций возникли на ранних этапах развития семьи, другие — в феодальную эпоху, большое влияние оказал на них ислам).

В распределении домашних обязанностей между супругами, несмотря на все еще сказывающееся традиционное для каждой историко-культурной зоны разделение на мужские и женские работы, заметна общая тенденция к выравниванию; равное распределение домашних обязанностей между супругами является, как известно, одной из важнейших характерных черт оптимальной модели брака в нашем обществе⁴⁹.

Экономическая независимость взрослых членов семьи (фактическая у работающих, потенциальная — у учащихся) создает основы равноправия в решении важных семейных дел. Нередко при этом прослеживается большое влияние молодежи на образ жизни семьи и изменение привычек, на решение вопроса о покупке мебели модных стандартов, одежды не только себе, но и родителям, в проведении досуга и т. п. Во многих семьях это влияние молодежи объясняется более высоким уровнем ее образования и культуры, большей осведомленностью о том, что модно в данный момент. В этой связи очень показательны изменения положения невестки в трехпоколенных семьях. Почти всегда в случае, если она имеет более высокое образование, чем родители мужа, они прислушиваются к ее советам.

В СССР повсеместно идет демократизация семейных отношений. В программе Коммунистической Партии Советского Союза специально записано, что в будущем «семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов и будут целиком строиться на чувствах взаимной любви и дружбы»⁵⁰. В настоящее время общий для всего советского народа процесс демократизации семейных отношений имеет еще некоторые отличия по этнокультурным зонам, по социальным группам и в зависимости от разных форм семьи.

Важнейшими показателями для выделения типов семьи, как известно, является фактическое и действительное решение вопроса о главенстве в семье и авторитете представителей разных поколений, занимающих определенные позиции в семейных связях (муж, жена, отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, невестка, зять и т. п.). К первому типу относятся семьи с сохранением персональной власти ее главы, чаще всего старшего мужчины (отца, мужа, в неразделенных семьях — деда), реже — старшей женщины (матери, жены, бабушки). Эта власть основывается

---

⁴⁹ Н. Г. Юркевич. Роль советского семейного права в укреплении семьи. «Социологические исследования», вып. 7, стр. 92.

⁵⁰ «Программы и уставы КПСС». М., 1969, стр. 134.

обычно на личном авторитете и жизненном опыте главенствующего и распространяется на членов семьи в определенных пределах. Для семейной структуры второго типа характерно формальное признание главой семьи мужа (или отца), реже — жены (или матери) при фактическом полном равноправии всех взрослых ее членов. К третьему типу относятся семьи «двуглавые», с равным распределением прав и обязанностей между мужем и женой. Если в таких семьях есть взрослые неженатые и незамужние дети, они обычно участвуют в обсуждении и решении всех важных семейных дел, но считаются с мнением родителей. К третьему и второму типам семейной структуры близок четвертый. В семьях этого типа затрудняются назвать кого-нибудь главой.

Во многих семьях, возглавляемых мужьями, деньги хранятся у жены — роли главы семьи и казначея не совпадают. В семьях, где главой признана женщина, она ведает и бюджетом семьи. Однако все крупные денежные расходы из общей семейной кассы обычно производятся с согласия всех взрослых членов семьи.

Общей тенденцией развития внутрисемейных взаимоотношений во всех советских республиках является сокращение числа авторитарных семей и распространение семей с фактически признанным равенством родителей, взрослых детей и всех остальных совместно живущих родственников. Эта тенденция больше проявляется в городских семьях, чем в сельских. В семьях колхозной семьи — чаще всего это и юридически ответственное лицо, на него записан приусадебный участок. В полных семьях главенствует обычно старший трудоспособный мужчина. Но так же, как и в городских семьях, в сельских главой все чаще становятся представители молодого поколения, более образованные, чем старшие их по возрасту, и больше зарабатывающие. Так, главой семьи нередко бывает женатый сын, реже — замужняя или овдовевшая дочь, живущие с родителями или одним из них. Бывают случаи, когда главой семьи становится овдовевшая невестка, если родители мужа старые и она является основным кормильцем семьи.

В определении главы семьи, в характере внутрисемейных отношений и родственных связей наблюдаются некоторые этнорегиональные различия. Они выявляются в семейном этикете, отражающем в известной мере эти отношения и связи. Более всего семей, которые возглавляет жена или оба супруга («двуглавые семьи») отмечено в Европейской части Советского Союза, где очень высок процент занятости женщин в общественном производстве. Однако и здесь наблюдается неравномерность в распространении таких семей у разных народов. Так, например, у татар женщина (не вдова и не разведенная) несколько реже возглавляет семью, чем, например, у русских, украинцев, белорусов. В этикете татарских семей есть элементы подчеркивания престижа

мужчины — главы семьи. Жена по традиции подчеркнута уважительно относится к мужу, особенно при гостях, невестка старается показать почтительность к свекру и свекрови и т. п. Традиционному этикету более следуют в сельских семьях, чем в городских. Но и в сельских семьях это, конечно, не означает, что женщина принижена, а работающая молодежь подчинена старшим. Жена-мать нередко держит в своих руках семейную кассу, планирует каждодневные расходы; молодежь, хотя и прислушивается к советам старших, в жизненно важных делах (заключение брака, поступление в учебные заведения, на работу и т. п.) принимает решение согласно своим убеждениям даже если они идут в разрез с родительскими.

В семьях русских, украинцев, белорусов и многих других европейских народов отношения супругов не определяются какими-либо строгими предписаниями этикета. Существуют, правда, общепринятые правила обращения супругов друг к другу — «на ты», именование мужа — «отец», «хозяин», жены — «мать», «хозяйка». Выходя из дома одновременно, супруги идут вместе, на улице, в общественных местах, в гостях не держатся обособленно.

В силу естественных обстоятельств за грудными детьми ухаживает главным образом мать (кормление и др.), но затем в семьях европейских народов обязанности по уходу за ребенком, тем более по его воспитанию, делит с ней отец ребенка. Очень часто большую помощь оказывает им бабушка (мать одного из супругов). В своем обращении к детям родители не стесняются открыто проявлять при посторонних нежность, любовь, заботу. Различий в отношении отца и матери к дочери или сыну сейчас нет. В связи с некоторыми, рано проявляющимися специфическими интересами и запросами мальчик часто обращается к отцу (интерес к автомашинам, к рыбной ловле, футболу и т. п.), девочка — к матери (интерес к шитью, вышиванию и пр.). В социализации детей, и в частности в их воспитании, передаче им определенных знаний и опыта, необходимых для достижения желаемого социального положения, участвуют и отец и мать. Авторитет каждого из родителей в семье независимо от главенства определяется их личными качествами, личным примером, жизненным опытом.

Родственные связи семей европейских народов в крупном городе ограничиваются ближайшей родней с отцовской и материнской стороны (обычно не далее двоюродных братьев и сестер). Теснее связи с родственниками в малых городах и особенно в сельских местностях, где на это влияют такие факторы, как жителство в одном или соседних населенных пунктах, работа в одном или соседних колхозах и совхозах (перекрещивание родственных, соседских и производственных связей).

У народов Сибири главой семьи преимущественно считается старший мужчина. Женщина обычно возглавляет семью в случае

вдовства при несовершеннолетних детях. Семейный этикет предписывает уважительное обращение к старшим людям, содержит ряд правил, связанных с прежними обычаями избегания. Велик авторитет стариков, распространены родственная взаимопомощь и обычай гостевания. У якутов, например, к гостям в доме хозяев относятся как к членам своей семьи.

В семьях сибирских народов многое в разделении труда между мужчинами и женщинами имеет рациональную основу и связано с хозяйственной спецификой промысловых районов, а поэтому будет, видимо, сохраняться в ближайшем будущем. Но часть тяжелых работ, прежде считавшихся женскими (например, у энцев и ненцев заготовка дров и др.), сейчас все чаще выполняется мужчинами.

Своеобразны брачно-семейные отношения народов Кавказа, у которых выявляется много общего для всей этой историко-культурной области. Здесь главенство старшего мужчины характерно для большинства городских и сельских семей. Только, если нет старших мужчин, семью возглавляет старшая женщина (в неразделенной семье мать, а если она очень старая, то овдовевшая невестка)⁵¹. Так, в Дагестане, например, из 1001 обследованных семей 823 возглавляли мужчины, 178 — женщины. Однако среди женщин — глав семей замужних было всего 13⁵². Новым для семейных отношений на Кавказе является то, что даже в неразделенных семьях главой становится невестка-вдова, если она единственный кормилец в семье; в той же ситуации главами семей бывают сын или дочь при родителях, зять, живущий в доме родителей жены (к примеру, в семьях армян)⁵³. Представитель младшего поколения становится главой семьи при старших чаще в тех случаях, когда он образованнее их, занимает высокое служебное и общественное положение. Но и в семьях, возглавляемых людьми молодыми или среднего возраста, авторитет стариков высок: к их советам обычно прислушиваются при решении важных семейных дел, они оказывают влияние на образ жизни семьи и даже на сохранение некоторых старых обычаев, чуждых современным взглядам молодых. К таким обычаям относятся некоторые пережиточные формы избегания; обычай, по которому молодые женщины не садятся за стол с гостями-мужчинами⁵⁴. Все обычаи соблюдаются главным образом в неразделенных трехпоколенных семьях сельских районов. В молодых, отделившихся семьях многих старых обычаев или не придерживаются вообще или же выполняют их только в присутствии гостей-стариков. В современных традиционных обычаях, связанных по происхождению с бытованием в прошлом большой семьи,

⁵¹ Б. А. Калоев. Осетины. М., 1967, стр. 176.

⁵² С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 58—59.

⁵³ А. Е. Тер-Саркисянц. Современная семья у армян. М., 1972, стр. 72, 74.

⁵⁴ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, стр. 667; Э. Л. Коджесау, М. А. Меретуков. Семейный и общественный быт, стр. 127 и др.

есть некоторые положительные черты. Это правила этикета, по которым старикам оказывают уважение, вставая, когда они входят в дом, усаживая их на почетное место, ухаживая за ними⁵⁵. Уважение к старшим четко проявляется по поколениям: у детей к родителям и всем старшим родственникам, у молодежи — к людям среднего возраста и пожилым, у пожилых — ко всем тем, кто их старше. Почтительно относятся не только к отцу, но и к матери, свекрови, теще и вообще к старшей женщине. Сказать грубое слово матери считается позором; люди, допустившие это в своей семье, осуждаются не только всеми родственниками, но и знакомыми. Влияние социальной среды на поведение в семье сказывается у кавказских народов, пожалуй, больше, чем у многих народов Европейской части СССР.

Распределение домашних обязанностей в семье кавказских народов стало сейчас более равномерным, хотя деление на женские и мужские работы и заботы удерживается довольно стойко. Это не покажется удивительным, если вспомнить, например, что в прошлом отец в присутствии родственников и посторонних не мог брать ребенка на руки, ласкать его, показывать свою к нему любовь и вообще причастность. Теперь же молодые отцы не только берут детей на руки, но и помогают своим женам ухаживать за ними, отводят их в школу. Отец в семье занимается воспитанием не только сыновей, но и дочерей.

В семьях молодых людей и среднего возраста изживается изоляция супругов в проведении досуга. Сейчас мужья из таких семей ходят вместе с женами в кино, театр, в клуб, на прогулки, собрания, гуляют с детьми и т. п. Предубеждения против этого есть только у некоторых пожилых людей.

Родственные связи семей на Кавказе очень широки. Интересно, что членами семей до сих пор считаются здесь не только дети, живущие с родителями, но и отделившиеся от них, даже имеющие свои семьи. Это является, по-видимому, пережитком родственных связей больших патриархальных семей. В современном быту родственные связи проявляются в материальной поддержке и взаимопомощи родичей, в участии в семейных праздниках и торжествах, в похоронных и поминальных церемониях. Приехавшему родственнику, нередко по современным понятиям очень дальнему, оказывается всяческое внимание. Обычай гостеприимства, которым так гордятся жители Кавказа, распространяется и на друзей, и на знакомых, приехавших или пришедших в дом. Приезжая учиться в город, юноша или девушка часто селится в семье родственников, где пользуется заботой и покровительством старших, становится как бы членом семьи. Принято заботиться, например, о племянниках, родных и двоюродных братьях и сестрах. Это один из видов помощи родственным семьям в социализации молодежи.

---

⁵⁵ С. Ш. Гаджиева, Указ. соч., стр. 73.

Много общего с кавказскими обычаями наблюдается в семейно-брачных отношениях у народов Средней Азии и Казахстана. И в этой историко-культурной зоне элементы интеграции семейной структуры всего советского народа сосуществуют с местными традиционными правилами семейного этикета, с некоторыми пережиточными явлениями, возникшими на стадии господства патриархальной большой семьи и более ранних ее форм. В этой историко-культурной зоне и сейчас преобладают семьи с отчетливо выраженным главенством мужчины. В неразделенных семьях, если старший по возрасту мужчина уже стар, формальное признание его главой все же сохраняется, хотя фактически им становится сын. Женщина, как правило, считается главой семьи в случае вдовства. В сельских поселениях глава семьи (даже при женатых сыновьях) получает деньги и продукты, заработанные членами семьи по трудодням в колхозе. Деньги обычно хранит хозяйка, но ими не распоряжается (кроме денег на повседневные покупки). Семейные расходы определяют при участии всех работающих членов семьи, в том числе и младшей невестки, положение которой в неразделенной семье прежде было особенно тяжелым. Экономическая независимость работающих женщин и молодежи создает основы равноправия всех членов семьи (особенно городской), их самостоятельности в решении личных судеб. По взаимной договоренности все члены семьи и в первую очередь молодежь часть заработанных денег могут расходовать на свои нужды.

Изменилось распределение домашних работ, хотя основная их доля все еще падает на женщин. В неразделенных семьях готовит пищу и присматривает за детьми старшая по возрасту женщина, обычно свекровь. Ей помогают невестки и взрослые дочери. Стирка белья и уборка помещений входит в обязанности невестки (например у казахов)⁵⁶. В отделившихся семьях все это делает жена. В сельских семьях мужчины следят за порядком в хозяйственных помещениях, чистят их, ремонтируют, они заготавливают корм скоту, топливо для дома. Им помогают мальчики, тогда как женщинам обычно — девочки. Во многих семьях, особенно в отделившихся от родительских семей, муж не считает зазорным выполнять работы, считавшиеся раньше женскими⁵⁷. Детей до 5—6 лет балуют, а затем начинают приучать к труду. Авторитет родителей так велик, что дети редко перечат. Но в личных своих делах взрослые дети все чаще поступают теперь по-своему, несмотря на протесты старших родственников. Впрочем, родители стали считаться с мнением взрослых детей.

В семьях среднеазиатских народов всегда подчеркивается уважение к старикам. Это одно из обязательных правил этикета. Сохраняется также подчеркнуто уважительное обращение жены к

⁵⁶ Д. Х. Кармышева. Семья и семейный быт, стр. 197.

⁵⁷ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959, стр. 253; С. А. Абрамзон. Семья и семейный быт, стр. 218 и др.

мужу и к его родне. Обычай избегания и разного рода запреты (для невестки запрет называть по имени родственников мужа и пр.) в основном изживаются, но иногда все же напоминают о прежнем неравноправном положении женщины и младших членов семьи:

Родственные связи семей в Средней Азии и Казахстане так же крепки, как и на Кавказе. Родственники часто посещают друг друга. В городах учащиеся юноши и девушки нередко живут у родственников на положении членов семьи. Родственники оказывают материальную помощь вступающим в брак, помогают на похоронах и поминках. По давним обычаям и сейчас еще у одних народов (у туркмен, например) более близким считается родство по отцовской линии, чем по материнской, у других (например у казахов), наоборот, — по материнской линии (родственные связи ближе между дедом и дядей по матери, их внуками и племянниками, между детьми сестер).

* * * * *

Суммируя приведенный материал, можно сказать, что в семейно-родственных взаимоотношениях разнонационального населения всех историко-культурных областей СССР выделяются общие явления, возникшие и возникающие в процессе интеграции советского народа (равноправие членов семьи, основанное на их юридическом и экономическом равноправии в обществе, раскрепощение женщины и пр.). Эта общность составляет основу современной советской семьи. Специфика же этой микроячейки во многом определяется традициями, которые постепенно все более модифицируются под воздействием советского образа жизни.

2. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах

Этнические процессы в таких социальных микроячейках, как семьи, отличаются особой активностью в тех случаях, когда эти ячейки возникли в результате брачных союзов между представителями разных национальностей. Вместе с тем уже само число таких браков является одним из существенных показателей этнического сближения народов.

Смешанные браки наиболее распространены в зонах с разнонациональным составом населения. К таким зонам в нашей стране относятся многие города и в их числе крупные промышленные центры с пригородами (Москва, Ленинград, Киев, Минск, Казань и др.), пограничные области расселения народов (так называемые области этнических границ), районы инонациональных вкраплений на территории компактного расселения какого-либо народа (например, поселения русских на Украине, поляков в Литве и Белоруссии и т. п.).

Известно, что у большинства народов нашей страны и сейчас преобладают однонациональные браки. Это определяется прежде всего объективным фактором компактного, зачастую непрерывного расселения нации, народа на пространствах значительной протяженности, тогда как длительные межнациональные контакты возможны лишь в национально-смешанных зонах.

Межнациональные браки представляют собой одну из форм проявления взаимоотношений между различными национальностями. После образования национально-смешанной семьи тенденция этнического развития этого микросоциального коллектива выявляется прежде всего в определении языка общения супругов между собой и детьми (при этом в семьях нередко встречается и двуязычие), в формировании культурно-бытового уклада. Конечный же результат межнационального брака в этническом плане становится ясным при определении совершеннолетними детьми своей национальной принадлежности. В большинстве случаев выбор национальности отражает национальное самосознание (вернее его становление) нового совершеннолетнего гражданина нашей страны.

* * * * *

В царской России межнациональные браки были редки. Причины этого были разные: экономические, исторические, политические и др. Существовали религиозные запреты: бракам с иноверцами препятствовали христианская церковь, ислам и иудаизм.

Религиозные запреты поддерживали и питали национальные предубеждения и предрассудки, основой которых нередко был разный семейно-бытовой уклад. Разжигание национальной розни

было политикой царского правительства, стремившегося тем самым отвлечь трудящихся от классовой борьбы.

В условиях национального угнетения и определенного бытового разобщения очень трудно было преодолеть религиозный барьер для вступления в смешанный брак. Однако это все же случалось. В городах Европейской России межнациональные браки заключались чаще, чем в деревне. Сравнительно часто вступали в такой брак близкие по культуре русские, украинцы и белорусы православного вероисповедания. Отмечались также их браки с поляками, при этом более обычны были браки между белорусами-католиками и поляками, так как они не встречали препятствий со стороны церкви.

В сельских районах Украины браки между украинцами и представителями русских поселенцев не были частыми, несмотря на единоверие и близость по культуре. Это было связано, в частности, с расселением русских на Украине преимущественно отдельными селами или группами сел с тесными связями внутри них. Однако антагонизма во взаимоотношениях украинцев и русских обычно не было.

Более интенсивными были брачные связи в полосе этнических границ украинцев с русскими (Курская, Воронежская губ. и др.). То же самое наблюдалось в полосе этнических границ украинцев с белорусами, русских с белорусами.

В Закарпатье обычно не вступали в смешанные браки представители этнографических групп украинского народа и жители венгерских, словацких, немецких деревень, особенно, если деревня была сплошь однонациональной. Межнациональные семьи (например, украинско-немецкие и пр.) были здесь очень редким явлением.

В Прибалтике не встречали религиозных препятствий браки между литовцами и поляками (и те и другие — католики), но им мешала национальная отчужденность и даже антагонизм, возникшие под влиянием социально-политических факторов. Сказывались также языковые различия. В Прибалтике среди русского населения старообрядческого вероисповедания считалось, что брак с инонациональными лицами навлекает позор на семью (даже при переходе в старообрядчество). В семьях прибалтийских народов такие браки также осуждались⁵⁸. Положение в Прибалтике мало изменилось и в период буржуазных республик, когда идеологи правящих классов проповедовали националистические идеи, разобщавшие население по национальному признаку. Так, в Литве, в сельских местностях браки с нелитовцами в 1932—1936 гг. не превышали 0,9%, в городах они составляли от 2,3 до 3%. Более всего в смешанные браки вступали русские: в го-

---

⁵⁸ О. А. Ганцкая. Некоторые материалы по этнографии старожилого русского населения Литовской ССР. ТИЭ, т. XXII, 1954, стр. 82.

родах от 33,3 до 48,9%, в деревнях от 7,9 до 13,4%⁵⁹. Однако по-прежнему редки были смешанные браки между русскими старообрядцами и лицами иного вероисповедания. В сельских районах Прибалтики продолжал оказывать влияние на браки и фактор расселения инациональных групп (русские, татары, белорусы) отдельными деревнями, позднее компактными гнездами хуторов, составлявшими основную брачную среду для представителей каждой из этих групп.

В другой области Европейской России — в Поволжье необычным явлением были браки русских с татарами и другими «инородцами». В то же время в Казани, например, среди русского населения встречались потомки татар, обрусевших и принявших христианство (особенно часто встречались они среди городской интеллигенции). Но основная масса татар в Казани селилась по окраинам в так называемом Забулачье (современные Приволжский и часть Бауманского районов) и в Заречье (ныне Кировский р-н)⁶⁰, обычно не смешиваясь с русским населением. Сферу общения татарской и русской молодежи ограничивали брачные религиозные запреты мусульман и христиан. Сказывались также и бытовые различия.

Сложное переплетение межнациональных брачных отношений наблюдалось на Крайнем Севере Европейской России и в Сибири. Здесь, например, были случаи браков между долганами и якутами, между эвенками, якутами и русскими, юкагиры смешивались с эвенками и якутами и т. п.⁶¹ Известную роль в этом смешении играла экзогамность родов одного народа при их расселении на значительном расстоянии друг от друга. Брачные союзы были довольно часты среди народов-единоверцев, если к тому же они были близки по культуре (например, у коми-пермяков и коми-зырян)⁶².

В Казахстане встречались смешанные браки между казахами и татарами. Они не осуждались духовенством, так как были браками единоверцев (мусульман). Дети от брака казаха с татаркой считались казахами, от брака же татарина с казашкой — галаказахами (т. е. полуказахами), ибо у них не было родо-племенной принадлежности по отцу. Поэтому и в дальнейшем дети от брака галаказаха с казашкой считались галаказахами, тогда как дети галаказашки от казаха — казахами. Этническая группа галаказа-

---

⁵⁹ Р. Меркене. Итоги этнографического изучения семьи. Сб. «20 лет. Археологические и этнографические экспедиции Института истории АН Литовской ССР (1948—1967)». Вильнюс, 1968, стр. 108—109.

⁶⁰ М. Садыков. Межнациональный город и бытовой уклад людей. «Коммунист Татарии», 1965, № 9, стр. 41.

⁶¹ И. С. Гурвич. Была ли известна юкагирам экзогамия? СЭ, 1969, № 2, стр. 87—92.

⁶² Е. Г. Балагушкин. Развитие брачно-семейных отношений в условиях социализма и в период строительства коммунизма. Канд. дисс. М., 1962, стр. 176.

хов пополнялась также от смешанных браков узбеков и уйгуров с казашками⁶³.

Очень редкими были браки туркмен с лицами иных национальностей. Эндогамия была не только туркменский народ в целом, но и его племенные группы, что препятствовало их консолидации⁶⁴.

Для среднеазиатских городов было характерно раздельное поселение коренной национальности и остальных жителей, что способствовало сохранению бытовых различий. В Ташкенте, например, в так называемом «старом городе» жили преимущественно узбеки, в «новом городе» — русские, украинцы и др. Жизнь протекала в них по-разному, различным был семейный уклад узбеков и жителей «нового города», они отличались и по религии. И хотя культурные связи между ними были весьма крепкими, в брак они вступали редко⁶⁵.

В других городах и сельских поселениях Узбекистана браки узбеков допускались только с «правоверными» (мусульманами)⁶⁶. Известны были немногочисленные браки узбеков с киргизками, таджичками, еще реже — узбечки выходили замуж за киргизов и таджиков. На заключение брачных союзов огромное влияние оказывало духовенство. Предубеждение у узбеков замечалось даже по отношению к народам-единоверцам, например, к татарам, так как считалось, что они приобщались к обычаям «неверных»⁶⁷.

Преимущественно в одноплеменной среде происходил брачный выбор на Кавказе. Смешанные браки, если и случались, то главным образом между единоверцами. Были известны браки между грузинской и русской, армянской и русской знатью. В Абхазии смешанные браки заключались иногда в политических целях. Абхазские князья и дворяне матримониальным путем старались укрепить связи с адыгейскими и картвельскими племенами (главным образом с мегрелами). Вне зависимости от подобных соображений мегрелки довольно часто становились женами абхазов, особенно в южной Абхазии. Абхазы же охотно выдавали дочерей за мегрельцев, так как, по свидетельству источников, быт и положение женщин в мегрельской семье были лучше, чем в абхазской. Но в то же время зятя-мегрела абхазы считали

⁶³ Д. Х. Кармышева. Семья и семейный быт, стр. 223—224.

⁶⁴ Г. П. Васильева. Претворение быта и этнические процессы в северном Туркменистане. М., 1969, стр. 263.

⁶⁵ К. Х. Ханазаров. Межнациональные браки — одна из прогрессивных тенденций сближения социалистических наций. «Общественные науки в Узбекистане». Ташкент, 1964, № 10, стр. 27.

⁶⁶ М. А. Бикжанова. Быт современной узбекской колхозной семьи. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 7.

⁶⁷ М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент, 1959, стр. 112.

недостаточно сведущим в вопросах этикета, традиционного бытового уклада абхазов, что в те времена считалось серьезным недостатком. В народе ходила поговорка: «мегрельский зять — все равно, что ольховый огонь»⁶⁸. С начала XIX в. все более частыми становятся браки с русскими, особенно из числа пленных.

В равнинных областях юга Осетии и в Грузии издавна были известны смешанные браки осетин-христиан и грузин. Осетины-мусульмане роднились с ингушами, отдавая им в жены своих дочерей. Осетинская знать брала в жены кабардинских княжен, дочерей балкарских таубиев, черкесской знати⁶⁹.

Кабардинцы уже в дореволюционное время вступали в брак с русскими, калмычками, балкарками⁷⁰. Во времена Кавказской войны, когда в казачьих станицах было мало женщин, случалось, что казаки брали в жены пленниц-горянок. В кубанских станицах с пестрым этническим составом смешанные браки были обычным явлением⁷¹.

К сожалению, пока еще нет материалов, которые позволили бы судить о числе межнациональных браков в прошлом. Известно, что в дореволюционной литературе нередко отмечались прежде всего явления необычные, редкие, бросающиеся в глаза. К ним относятся и межнациональные браки. Но все же приведенные выше наблюдения позволяют сделать некоторые выводы. Так, довольно отчетливо выявляется значительно большее число смешанных браков в городах, чем в деревнях, преимущественно однонациональных. Известное распространение имели смешанные браки в полосе этнических границ, где культурные взаимосвязи особенно сильны. Браки заключались чаще между представителями родственных народов, близких по языку и культуре. Инонациональные вкрапления в преобладающую среду коренных жителей тех или иных областей сохраняли довольно устойчиво эндогамию, несмотря на политику ассимиляции в условиях национального неравноправия. Как уже говорилось, отрицательное влияние во многих случаях оказывали на решение о вступлении в брак с инонациональными лицами религиозные запреты. Религиозная рознь нередко питала национальные предубеждения. В случае непосредственных контактов и общения людей разной национальности препятствием для заключения смешанных браков были также и отличия в их быту и семейном укладе.

---

⁶⁸ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, стр. 470.

⁶⁹ Б. А. Калоев. Осетины, стр. 194, 195.

⁷⁰ Г. Х. Мамбетов. Куба в прошлом и настоящем. Нальчик, 1968, стр. 187.

⁷¹ М. С. Кашуба, Л. Н. Чижикова. Семья и семейный быт. «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани». М., 1967, стр. 194.

* * * * *

В СССР развитие национальных взаимоотношений по пути все большего сближения народов — длительный и сложный процесс. Этот процесс в известной степени отражается в росте числа межнациональных браков в результате расширения объективных возможностей для межнациональных контактов.

Современные этнические смешения в браках как в городах, так и в сельских районах СССР прослеживаются главным образом по материалам этнографических наблюдений и по статистическим данным. Очень ценные сведения дают переписи населения, демографические обследования, применение анкетного метода при конкретно-социологических исследованиях.

О частоте разных вариантов смешанных и однонациональных браков в городах и селах СССР можно судить, в частности, по данным ЗАГСов (в некоторых городах с 1960 г. национальность супругов в бланках не указывается, а поэтому возможность использования материалов ЗАГСов отпадает). Эти данные получены во многих республиканских и городских архивах, хронологически они охватывают 20—25 послевоенных лет; в отдельных случаях выявлен материал, относящийся к 1920—1930 гг. Массовые статистические материалы относятся к разным республикам и областям СССР. Они собраны главным образом в городах: Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Вильнюсе, Таллине, Риге, Казани, Чебоксарах, Ашхабаде, Орджоникидзе, Махачкале, Черкесске и др.⁷² Для обработки материалов ЗАГСов применена статистическая теорема умножения вероятностей. В каждом из вариантов национально-смешанных браков, равно как и по бракам однонациональным, сопоставлены наблюдаемая частота и та теоретическая вероятность, которая должна была бы иметь место при независимости браков от национальности. Наблюдаемая (фактическая) частота сочетаний в какой-то мере почти всегда отличается от теоретической вероятности. Сопоставление этих величин позволяет выявить тенденцию развития межнациональных отношений в сфере брака. Если, например, в течение ряда лет в конкретном варианте смешанных браков их фактическая частота приближается к их теоретической вероятности, то это свидетельствует об уменьшении значения национальной принадлежности при вступлении в брак⁷³.

Вместе с тем частота однонациональных и смешанных браков зависит не только от численного соотношения национальной принадлежности брачащихся. В ней проявляется действие социальных факторов, а также территориальная неоднородность расселения.

⁷² См.: Архив Института этнографии АН СССР (далее: Архив ИЭ). Материалы Комплексной экспедиции 1965—1969 г.

⁷³ О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебеч. О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков. СЭ, 1966, № 3, стр. 109—118.

Сбор материалов в городах, где не сохранилось расселение национальностей по кварталам, исключил или почти исключил фактор территориальной неоднородности (Москва, Ленинград, Рига и др.). В тех городах, где еще прослеживаются пережиточные формы такого расселения, а также в сельских районах смешанного национального состава приходится учитывать влияние этих факторов на заключение браков.

Общие статистические данные и материалы этносоциологических исследований показывают рост числа межнациональных браков по стране в целом и в каждой из советской республик в отдельности (в соответствующих соотношениях со степенью многонациональности жителей). Результат этого — значительный процент семей с супругами разной национальности. Так, если в 1959 г. такие семьи по всей стране составляли 10,2% от общего числа семей, то в 1970 г. их число в СССР возросло уже почти до 14%. По союзным республикам процент национально-смешанных семей наиболее высок в Латвийской, Казахской и Украинской ССР: в 1970 г. от 18 до 20,6% против 14—15% в 1959 г., в то время как в Армянской ССР их насчитывается всего лишь 3,7% (в этом сказывается национальная однородность населения Армянской ССР). Во всех союзных республиках национально-смешанных семей в городах значительно больше, чем в сельских поселениях. Наибольший процент таких семей отмечается в городах Молдавской, Украинской и Белорусской ССР, это 30—34% всех семей. Близок этому процентный показатель национально-смешанных семей по городам Латвийской ССР — 25,4%. За последние годы удельный вес национально-смешанных семей заметно возрос в городах среднеазиатских республик, достигнув в 1970 г. — 20—43,6% (против 14—17% в 1959 г.). В целом по СССР среди городского населения свыше 17% семей со смешанным национальным составом (в 1959 г. — 15%).

По статистическим данным, относящимся к сельской местности, выделяются четыре союзные республики — Латвийская, Казахская, Киргизская и Молдавская, где семей с супругами разной национальности заметно больше, чем во всех других — от 10 до 17%. Наиболее низки процентные показатели таких семей в Азербайджанской и Армянской ССР — 2—2,6%. Во многих автономных республиках, областях и национальных округах процесс этнического смешения достиг высоких показателей не только в городах, но и среди сельского населения. Это особенно отчетливо видно на примере Карельской и Коми АССР, где национально-смешанные семьи составляют свыше 30% от общего числа семей, при этом в Карельской республике в сельской местности число таких семей даже превышает их число в городах. Совпадение показателей по городу и селу или их превышение по селу в сравнении с городом наблюдается также в Еврейской автономной области и в национальных округах: Корякском, Ненецком, Ханты-Мансийском, Чукотском и др. Опираясь на статистические

материалы переписи 1970 г., удается подметить и наиболее частые варианты семей с супругами разных национальностей. В большинстве случаев преобладают сочетания в супружеских союзах представителей коренной национальности данной республики с русскими. Так, например, в Латвийской и Эстонской ССР такие семьи составляют свыше 32% от общего числа национально-смешанных семей, в Армянской ССР — около 40%, в Азербайджанской и Грузинской ССР — 24—26%. В республиках Средней Азии к указанным выше сочетаниям количественно близки семьи, в которых супруги относятся к коренным национальностям региона. Например, в Туркменской ССР туркмено-русские семьи составляют 11% от общего числа межнациональных семей, а туркмено-узбекские — 8%. В Таджикской ССР число таджико-узбекских семей в 2,5 раза превышает число таджико-русских. В целом для всех республик характерен высокий удельный вес межнациональных семей с участием представителей коренных национальностей. В Латвийской и Эстонской ССР таких семей свыше 50% от общего числа семей с супругами разных национальностей, в Литовской ССР — около 60%, в Армении и Азербайджане от 50 до 60%, примерно таково же соотношение этих семей в Грузии, в республиках Средней Азии — Таджикской и Туркменской ССР — подобные семьи составляют от 30 до 40% национально-смешанных семей. Среди других этнических вариантов семей наиболее выделяются по удельному весу супружеские союзы русских с другими (не коренными) национальностями. В некоторых республиках с многонациональным составом населения значительное место занимают семьи, в которых один из супругов относится не к коренной, но к этнически наиболее близкой национальности (например, в Таджикистане и Туркмении семьи, где супруги представлены узбеками и другими национальностями, в Молдавии украинцами и другими национальностями и т. д.)⁷⁴.

Как уже говорилось, межнациональные браки особенно часто заключаются в трех зонах этноконтактов. Первая зона — это периферия расселения народа, зона этнических границ. Ко второй зоне относятся крупные города, новостройки, целинные земли. Известно, например, что в некоторых городах население, коренное для определенного этнорегиона, уступает по численности сумме жителей иных национальностей (Казань, Ашхабад, Вильнюс и др.). Третья зона охватывает районы инонациональных вкраплений, прерывающих компактность расселения определенного этноса (как уже отмечалось, этническое смешение наблюдалось там и в прошлом, но было не столь обычным, как сейчас). На Украине — это районы с отдельными русскими селами или смешанными русско-украинскими селениями, или с целым «кустом» таких селений. Изучение смешанной брачности в этих районах дело не-

⁷⁴ Подсчитано по материалам Всесоюзной переписи 1970 г.

легкое, тем более, что многие из их жителей не придают уже значения своему национальному происхождению. Однако статистика все же дает возможность вычислить (хотя и с известной поправкой) процент русско-украинских браков. Так, за десять лет (1956—1965 гг.) в сельских советах Путивльского района русско-украинские браки составили, например, 17—24% от общего числа браков, а в Кардашевском и Стрельниковском сельских советах — от 25 до 54%. Нужно сказать, что смешанные браки заключаются там главным образом в селах, где живут вместе русские и украинцы⁷⁵. В больших однопациональных селах Украины как русских, так и украинских браки заключаются преимущественно между жителями данного села, т. е. являются однопациональными. Таким образом, фактор расселения продолжает играть определенную роль. Исследование русско-украинских браков в сельской местности по социальным категориям показало, что больше всего их среди интеллигенции. За пределами Украинской республики смешение в браках русского и украинского сельского населения активно идет на Кубани, где эти браки прослеживались и в прошлом (при известной их ограниченности определенными социальными слоями; так, например, незначительным было число браков между казаками и иногородними).

В городах Украины и за ее пределами интенсивное смешение в браках русских и украинцев является, по-видимому, одной из особенностей этнических процессов в нашей стране. В Москве, Киеве, Минске, Апшхаде и других городах за последние 20—25 лет наблюдаемая частота русско-украинских браков (в обоих вариантах: муж — русский, жена — украинка и муж — украинец, жена — русская) не только бывает равна теоретической вероятности, но даже превышает ее по некоторым годам. Можно сказать, что в этих вариантах браков национальная принадлежность не принимается в расчет. Знаменательно, что и в браках украинско-польских (в обоих вариантах) наблюдаемая частота в Киеве, например, превышает теоретическую вероятность, в Минске и Вильнюсе она лишь немного ниже вероятности. Что касается однопациональных браков среди русских, украинцев, поляков (как и многих других народов), то и в городах их наблюдаемая частота, как правило, превышает теоретическую вероятность. Среди украинцев, например, это отчетливо проявляется в Киеве⁷⁶.

Межнациональные браки стали обычным явлением в сельских районах Белоруссии с инонациональными вкраплениями в белорусский этнический массив (польские, литовские, русские деревни) так же, как и в зоне этнических границ. В Минске браки белорусов с русскими женщинами реже их теоретической вероятности, в Москве и Ленинграде — равны или приближаются

⁷⁵ Л. Н. Чижикова. Об этнических процессах в восточных районах Украины, СЭ, 1968, № 1, стр. 18—31.

⁷⁶ Архив ИЭ. Материалы Комплексной экспедиции 1965—1969 гг.

к ней, в Вильнюсе наблюденная частота этих браков, как правило, превышает теоретическую вероятность. В браках русских мужчин с белорусками совпадение или тенденция сближения этих показателей выявляются еще сильнее. Частота браков украинско-белорусских (в обоих вариантах) в Минске и Ленинграде почти равна или немного выше теоретической вероятности, в Вильнюсе обычно ее превышает. В городах (Минске, Вильнюсе, Москве и др.) национальная принадлежность не влияет на вступление в брак белорусов и поляков ⁷⁷.

С ростом атеизма исчезает влияние религиозной принадлежности на заключение межнациональных браков. Это наблюдается, например, в сельских районах Прибалтики, где в последние десятилетия заметно участились браки молодежи прибалтийских народов с русскими, предки которых были старообрядцами, с татарами и караимами, а также между литовцами из бывшей католической среды и латышами из протестантской. Постепенно растет число браков между литовцами и поляками, что свидетельствует об исчезновении у них межнациональных предубеждений. Но в Прибалтике, как и в других районах нашей страны, при расселении инонациональных групп отдельными деревнями, группами деревень или хуторов все же наблюдается преобладание однонациональных браков, заключенных внутри этих селений или их групп ⁷⁸.

В Прибалтике однонациональные литовские, русские и польские браки в Вильнюсе, латышские и русские — в Риге, эстонские и русские — в Таллине заметно превышают их теоретическую вероятность. Тенденция сближения наблюдаемой частоты с теоретической вероятностью несколько более заметна в брачных союзах литовцев с русскими, чем латышей и эстонцев с русскими. Таким образом, некоторое влияние национальной принадлежности на заключение браков между литовцами, латышами, эстонцами, русскими и людьми иных национальностей выявляется во всех их вариантах. И в городской среде для постепенного распространения смешанных браков потребовалось преодоление религиозных запретов, языкового барьера, пережитков определенной предубежденности. В настоящее время еще сказываются, например, подчас неуловимые на первый взгляд особенности семейного быта прибалтийских народов и местного русского населения, заметные отличия в обычаях, непривычные для людей столь разной этнической среды. И не случайно в браках латышей и литовцев (Рига, Вильнюс), по языку и семейному быту более близких друг другу, чем к русским, фактор национальной принадлежности почти не играет роли.

Влияние этнокультурной близости народов на межнациональные браки проявляется и в других регионах страны, например,

⁷⁷ Архив ИЭ. Материалы Комплексной экспедиции 1965—1969 гг.

⁷⁸ Р. Меркене. Указ. соч., стр. 107, 108.

в Поволжье. Здесь отмечается распространение браков татарско-башкирских, башкиро-чувашских, мордовско-татарских и других вариантов в зоне этнических границ и в районах смешения названных народов. Вместе с тем распространены также браки, в которых один из супругов — русский. В Поволжье, как и повсюду, межнациональные браки в городах заключаются чаще, чем в сельских поселениях. И сейчас, однако, в большинстве поволжских городов преобладают однонациональные браки даже тогда, когда каждая национальность представлена крупной группой. Не случайно поэтому в Казани, например, в 1967 г. при анализе 3330 семей было обнаружено, что 59% их — русские, 31% — татарские, 4% — русско-татарские, 3% — русские с иными национальностями, 1% — татар с иными национальностями, 2% семей — представители иных национальностей (не татар и не русских). При этом выясняется, что у русских в смешанные браки чаще вступают женщины, чем мужчины, тогда как у татар и других народов, наоборот, браки женщин с людьми не своей национальности более редки, чем браки мужчин⁷⁹.

По материалам анкетных опросов в 1967 г. в Казани смешанные семьи у служащих составляли около 18%, у рабочих-мужчин — 5—6%, у работниц — 6,7%. Показательно, что в смешанных браках состояли 16,5% татарок-служащих⁸⁰. В марте 1964 г. например, в городском отделении ЗАГС'а смешанные браки составляли 19,1% от общего их числа. Это были преимущественно русско-татарские браки. В Кировском р-не, включающем Заречье, — бывшую татарскую окраину Казани — в августе 1964 г. межнациональные браки составляли 8,6% от общего их числа — явление в прошлом невиданное⁸¹.

Интересны данные о русско-татарских браках за пределами татарского этнического массива. В Москве и Ленинграде, например, они случаются реже их теоретической вероятности (в обоих вариантах), в Вильнюсе, Минске (оба варианта) и Чебоксарах (браки татар с русскими женщинами) приближаются к теоретической вероятности или совпадают с ней. Это говорит о тенденции к независимости такого рода браков от национальности (в данных случаях — русской или татарской) за пределами Татарской АССР.

Этносоциологические исследования в самой Татарии (и в городах, и в сельских местностях) выявляют еще сохраняющееся влияние национальной принадлежности на браки, в том числе и на браки татар с русскими. В этом, по-видимому, сказываются различия, наблюдаемые в быту татар и русских, разный язык

---

⁷⁹ Э. К. Васильева. Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 г., стр. 14—15.

⁸⁰ Л. Шайдуллина, А. Загидуллин, В. Смирнова. Ислам и женщина. «Коммунист Татарии», 1967, № 3, стр. 60.

⁸¹ М. Садыков. Указ. соч., стр. 43.

их общения в семье, сказываются иногда и пережитки преудбеждения стариков против браков молодежи с людьми иной национальности, иной веры предков. Но и здесь фактор национальной принадлежности также потерял былое значение.

Овладевшие татарами русским языком, совместная работа татар и русских в городах, поселение русских в прежних «татарских» частях города и татар в районах, где раньше жили преимущественно русские, все это немало способствовало их сближению, существенно меняло отношение к межнациональным бракам, особенно у самой молодежи брачного возраста. Огромную важность для развития межнациональных отношений имела и имеет борьба с пережитками религиозной обособленности и заповетов.

Национальные установки татар и русских относительно смешанных браков отражают интернационализацию их мировоззрения. Вместе с тем прогрессивные национальные установки в области идеологии опережают их реализацию в конкретных жизненных ситуациях при общей тенденции к этой реализации⁸².

Аналогичные процессы наблюдаются в Чувашской АССР. Так, в столице республики Чебоксарах по статистическим данным, охватывающим 18 лет (с 1949 по 1967 г.), фактическая частота чувашских однонациональных браков превышает их теоретическую вероятность. То же самое можно сказать об однонациональных браках русских в этом городе. Чувашские и русские однонациональные браки составляют по годам от 50% до 80% всех браков, остальные браки — смешанные (т. е. от 20% до 50%), а из них главным образом русско-чувашские (от 13% до 30%). Фактическая частота русско-чувашских браков больше их теоретической вероятности. Тенденция сближения наблюдаемой частоты и вероятности прослеживается также в браках чувашей с мордовками. Эти данные говорят о том, что русские и чувашки, чуваша и мордовки при вступлении в брак не придают или почти не придают значения тому, что они разной национальности⁸³.

В северных районах Европейской части СССР в смешанные браки довольно часто вступают карелы с русскими (у сельскохозяйственных рабочих 29,5% таких браков), финнами, татарами. Это относится прежде всего к городскому населению⁸⁴.

Интенсивно идет начавшийся еще в дореволюционное время процесс смешения в браках представителей родственных народов — коми-пермяков и коми-зырян. Довольно часто заключают браки обские угры (ханты, манси) с русскими, коми, ненцами

⁸² См. об этом сб. «Социальное и национальное», стр. 279—302.

⁸³ Архив ИЭ. Материалы Комплексной экспедиции 1965—1969 гг.

⁸⁴ А. Г. Санникова, Р. Ф. Тарова. Форма и структура семьи лесных и сельскохозяйственных рабочих южной Карелии. В кн. «Научная конференция, посвященная итогам работы Петрозаводского Института языка, литературы и истории АН СССР». Тезисы докладов. Петрозаводск, 1964, стр. 37, 38.

и другими, ненцы с русскими, ненцы с коми (Большеземельская тундра, Южный Ямал), с селькупам (Тазовский р-н Ямало-Ненецкого национального округа), с энцами (Таймырский национальный округ). В результате смешанных браков с ненцами у тундровых энцев, например, распространился ненецкий язык⁸⁵. По данным на 1968 г. в Тавогопольском сельском совете Ямало-Ненецкого округа национально-смешанных семей было 24% от общего числа семей, а в поселке Харп Ненецкого национального округа — 30%⁸⁶.

В Эвенкийском национальном округе смешанные браки коренного населения — эвенков с русскими, украинцами и другими получили распространение в административных центрах и поселках (Тура, Байкит, Ванавара), причем преимущественно среди служащих и рабочих, образ жизни которых мало различается в зависимости от национальной принадлежности. В то же время редки браки между эвенками-колхозниками, занятыми традиционными промыслами, и русскими, с которыми у них нет постоянных непосредственных контактов⁸⁷.

Растет число браков курейских кетов с другими народами. Так, по материалам посемейных списков колхоза «Новая жизнь» Туруханского р-на Красноярского края на 1 января 1937 г. из 27 семей пять было смешанных: три кетско-русские, одна кетско-селькупская, одна кетско-эвенкийская (во всех семьях мужья-кеты); а на 1 января 1958 г. из 26 семей было уже 12 смешанных: три кетско-русские, три кетско-селькупские, три кетско-эвенкийские, две кетско-ненецкие и одна кетско-якутская. По данным 1958—1965 гг., из 325 обследованных семей кетов, селькупов и эвенков около 1/3 было смешанных, а среди них более всего кетско-селькупских, второе место занимали кетско-эвенкийские, третье — кетско-русские семьи. Кетско- и селькупо-эвенкийские браки — явление новое (по сравнению с дореволюционным прошлым)⁸⁸. Для Крайнего Северо-Востока Сибири об отражении этнических процессов в сфере семьи позволяют судить,

---

⁸⁵ Л. В. Хомич. Ненцы. М.—Л., 1966, стр. 302; В. И. Васильев. Ненцы и энцы Таймырского национального округа. Сб.: «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера». М., 1970, стр. 161; З. П. Соколова. Современные этнические процессы у обских угров. Там же, стр. 87, 95, 96.

⁸⁶ Л. В. Хомич. Современные этнические процессы на Севере Европейской части СССР и Западной Сибири. Сб.: «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера», стр. 54, 55.

⁸⁷ С. С. Савоскул. Этнические изменения в Эвенкийском национальном округе. Сб.: «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера». М., 1970, стр. 189, 190.

⁸⁸ Е. А. Алексеева. Материалы по культуре и быту курейских кетов. «Сибирский этнографический сборник», IV. ТИЭ АН СССР, т. 78. М., 1962, стр. 59; она же. Этнические процессы на Туруханском севере. «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера», стр. 77.

например, данные по Тигильскому району (1965—1967 гг.). Эти данные выявляют преобладание смешанных браков и показывают наметившиеся тенденции консолидации внутри коряков, сближения и слияния с коряками малочисленной группы эвенков⁸⁹.

Все более обычными становятся браки между якутами и долганами в районах контактов этих народов. В бассейне Нижнего и Среднего Амура прослеживается тенденция сокращения одноплеменных браков нанайцев (по Нанайскому р-ну в 1950-х годах их было 87%, а в 1960-х — 82,2%) при соответственном возрастании их браков с русскими и людьми иных национальностей. При изучении всех ульчских селений в конце 1950-х — начале 1960-х годов было выявлено, что смешанные семьи составляют 12,3% от общего их числа, причем ульчско-русские — 5,8%, остальные — смешанные семьи ульчей с нивхами, нанайцами, якутами⁹⁰.

В те же годы нанайско-русских браков было 65% от числа смешанных браков среди нанайцев. В таких смешанных семьях дети обычно говорят по-русски, но знают язык отца или матери нерусской национальности. Примеры национально-смешанных семей и браков у народов Крайнего Севера и Сибири можно было бы умножить. Немало таких браков и на Дальнем Востоке и на Алтае.

С утверждением в сознании людей идей интернационализма, с ростом атеизма и изживанием религиозных запретов увеличивается число смешанных браков в Средней Азии и Казахстане. Браки мужчин из коренного населения прежде всего с русскими, украинскими и белорусскими женщинами заключаются там во всех социальных группах, причем довольно часто среди интеллигенции. Случается еще, что такие браки молодежи осуждаются их родителями, и это иногда приводит к распаду семей⁹¹. Уже в 1936 г. в Средней Азии и Казахстане доля межнациональных браков составляла 12,9% от общего числа браков. В каждой из республик в смешанные браки чаще вступали пред-

---

⁸⁹ И. С. Гурвич. Этнические процессы на Крайнем Северо-Востоке Сибири. «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера», стр. 205—206.

⁹⁰ А. В. Смоляк. Современные этнические процессы у народов бассейна Нижнего Амура. «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера», стр. 269—271; она же. О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура. СЭ, 1963, № 3, стр. 28—29; она же. О современном этническом развитии народов Нижнего Амура и Сахалина. СЭ, 1967, № 3, стр. 95—102.

⁹¹ С. М. Абрамзон. Влияние процесса сближения наций на изменение семейного быта народов Средней Азии и Казахстана. «Материалы всесоюзного координационного совещания по проблеме «Развитие национальных отношений в условиях перехода от социализма к коммунизму», вып. 2. М., 1963, стр. 37.

ставители той национальности, которая не была основной для данной республики⁹².

В аулах Казахстана продолжается смешение в браках казахов с татарами, узбеками, уйгурами. После установления Советской власти этническая прослойка галаказахов по большей части была причислена к казахам. Семьи, близкие по быту к татарам, стали при дальнейшем смешении татарскими, близкие к казахам — казахскими. В основу этого было положено национальное самоопределение второго поколения этих семей. Наблюдаются также браки между казахами и русскими, украинцами, немцами и др.⁹³

В тех районах Казахстана, где преобладают украинцы и русские, среди смешанных браков чаще всего встречаются браки между лицами этих национальностей. Так, в Рузаевке — районном центре Кокчетавской обл. — на 1 января 1960 г. из общего числа 1220 семей смешанных было 304: русско-украинских — 195, русско-белорусских — 22, русско-немецких — 12, украинско-немецких — 13 и т. д. В совхозе им. Чапаева поселка Ст. Шумный в том же году было 73 смешанных семьи: русско-украинских — 37, украинско-немецких — 11, русско-немецких — 6, русско-белорусских — 8⁹⁴. Интернациональный характер носят брачные отношения во всех целинных районах Казахстана, где селилась молодежь из разных областей Советского Союза.

Как и повсюду в СССР, смешанные браки оказывают огромное влияние на общий процесс сближения различных национальностей в Туркмении. Правда, до сих пор еще редки браки туркменок с мужчинами иной национальности. Замечается при этом, что на инонациональных избранниках чаще женятся туркмены, служившие в армии, учившиеся в ВУЗ'ах. Туркменская молодежь из бывших групп агар, доеджи нередко вступает в брак с узбеками. Заключаются браки между казахами, каракалпаками и узбеками. По наблюдениям этнографов, в смешанные браки вступают довольно часто люди, у которых нет большой и сплоченной родни. И сейчас еще, следуя обычаю, некоторые из старших родственников протестуют против нарушения эндогамии, что иногда служит препятствием для образования межнациональных семей⁹⁵.

Разные варианты межнациональных браков городского населения Туркмении прослеживаются по статистическим материалам архива ЗАГС'а города Ашхабада — столицы республики. За время с 1945 по 1967 г. в Ашхабаде преобладали однонациональ-

---

⁹² См. об этом: *Н. П. Борзых*. Распространенность межнациональных браков в республиках Средней Азии и Казахстана в 1930-х годах. СЭ, 1970, № 4, стр. 87—96.

⁹³ *Д. Х. Кармышева*. Семья и семейный быт, стр. 223—224.

⁹⁴ Архив ИЭ. Материалы Комплексной экспедиции 1965—1969 гг.

⁹⁵ *Г. П. Васильева*. Современные этнические процессы в северном Туркменистане. СЭ, 1968, № 1, стр. 13.

ные браки: русские — до 60%, туркменские — 25% и др. В браках туркмен с русскими разрыв между теоретической вероятностью и фактической частотой случаев все 20 лет почти не менялся и был довольно значителен. Однако, если в 1947 г. ни одна туркменка не вышла замуж за русского, то с 1964 г. подобные браки составляют около 1% всех вариантов браков. Интересно, что в то же время фактическая частота несколько превышала теоретическую вероятность в браках русско-украинских, русско-еврейских и украинско-еврейских (по ряду лет)⁹⁶. В этом сказывается и полное отсутствие языкового барьера у этих народов и близость их современного семейного быта. Нужно сказать, что некоторые традиции в их быту необычны для туркмен, так же как в свою очередь для названных народов непривычны некоторые традиции туркменского быта. По-видимому, и сейчас это обстоятельство не может не оказывать определенного влияния на брачный выбор, так же как и разный язык общения в семье (туркменский или русский).

У киргизов, кроме браков с людьми других национальностей республики, известны случаи, когда, например, демобилизованные из армии привозят в свои аулы русских жен⁹⁷. Межнациональные браки более часто заключаются среди местной интеллигенции, чем в остальных социальных категориях населения Киргизии.

В Узбекистане изживание религиозных пережитков (возможность брака только между мусульманами) и национальной предрасположенности привело к тому, что даже в сельских районах узбеки стали вступать в брак не только с таджиками, но и с русскими. В селениях, где издавна живут цыгане-люди (в прошлом мусульмане), встречаются узбекско-цыганские смешанные семьи в обоих вариантах. И опять-таки нередко это браки местной интеллигенции (главным образом учителей).

В отношении смешанных браков городского населения Узбекистана показательны статистические данные по Ташкенту. Как уже говорилось, в прошлом там отчетливо выделялись «старый город» с узбекским населением и «новый город», где жили в основном русские, украинцы и люди иных некоренных национальностей. За годы Советской власти это деление постепенно стиралось. В 1926 г. в Октябрьском р-не, расположенном в «старом городе», на 1000 браков (с 4 января по 31 мая) межнациональных было 4,1%, тогда как в Новгородском ЗАГС'е (со 2 января по 25 мая) на 1000 браков межнациональные составляли 15,1%. В первое полугодие 1963 г. на 1000 браков в Октябрьском р-не приходилось уже 14,4% межнациональных, в Куйбышевском р-не «нового города» — 29,3%. Большой процент сме-

⁹⁶ Архив ИЭ. Материалы Комплексной экспедиции 1965—1969 гг

⁹⁷ А. Джумагулов. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960, стр. 72.

шанных браков в 1963 г. объясняется отчасти тем, что в Ташкенте к тому времени нарушалось традиционное раздельное расселение национальностей по кварталам, и вообще фактор расселения потерял свое былое значение по мере усиливающихся контактов людей разной национальной принадлежности на работе, в учебных заведениях, на отдыхе. Среди межнациональных семей немало таких, в которых один из супругов русский⁹⁸. Весьма знаменательно, что, если в 1926 г. в «старом городе» узбеки почти не вступали в межнациональные браки, то в 1963 г. процент таких браков составил 3,2⁹⁹.

На Кавказе, как и повсюду в СССР, степень распространности межнациональных браков в сельских местностях определяется главным образом объективными возможностями контактов между представителями разных народов. Естественно, что число таких браков возрастает прежде всего в районах, смешанных по национальному составу. В однопациональных сельских районах их немного (например, в большинстве армянских сельских поселений). Но и там встречаются семьи, в которых муж — армянин, жена — русская, украинка, реже — иной национальности.

В сельских поселениях Армении смешанные браки, в которых один из супругов был армянской национальности, составляли в 1967 г. — 1,2%, в 1969 г. — 1,5%, тогда как в городах соответственно 4,4% и 5,2% к общему числу зарегистрированных там браков¹⁰⁰. Ныне в Армении встречаются браки курдов с русскими, армянками, азербайджанками, тогда как курдянки в смешанные браки обычно не вступают¹⁰¹. Что касается городского населения Армении, то в нем заметно преобладают армяне, и поэтому смешанные браки заключаются редко.

В Грузии в настоящее время и в городах и в сельской местности имеют место грузино-абхазские браки при значительном преобладании однопациональных — грузинских, абхазских и др. Известны браки абхазов и грузин с представителями иных национальностей¹⁰².

Растет число браков осетин и грузин-имеретинцев как в городах, так и в аулах. Расширяются брачные связи осетин с ингушами. В городах и сельских районах Осетии есть семьи, в которых муж осетин, а жена русская¹⁰³.

⁹⁸ К. Х. Ханазаров. Межнациональные браки — одна из прогрессивных тенденций сближения социалистических наций (из опыта конкретно-социологического исследования). Сб.: «Общественные науки в Узбекистане», 1964, № 10, стр. 28, 29.

⁹⁹ К. Х. Ханазаров. Указ. соч., стр. 29.

¹⁰⁰ А. Е. Тер-Саркисянц. Указ. соч., табл. 15.

¹⁰¹ Т. Ф. Аристова. Материалы по этнографии курдов Армении. «Изв. АН Армянской ССР (общественные науки)», 1961, № 1, стр. 100—101.

¹⁰² Л. Акаба. Материалы о быте рабочих абхазов Ткварчели. «Тр. Абхазского Ин-та языка, литературы и истории им. Д. Гулия», XXXI. Сухуми, 1960, стр. 64.

¹⁰³ Б. А. Калоев. Указ. соч., стр. 194—196.

Влияние национального фактора, как и религиозного (в старшем поколении), все менее и менее проявляется при заключении браков в Азербайджане ¹⁰⁴.

Исследование статистических материалов ЗАГСа района им. 26 комиссаров г. Баку позволяет проследить динамику смешанных браков в городской среде Азербайджана по 1929, 1930, 1940, 1951, 1961 гг. В 1929 г. однонациональные браки составляли там 88%, смешанные — 12%. Из 18 разновидностей смешанных браков в 10 — жены русские. Чаще всего это браки азербайджанцев, армян с русскими. В 1940 г. смешанных браков было 23,18%; насчитывалось 39 их разновидностей с преобладанием русско-украинских, армян и азербайджанцев с русскими женщинами. В 1951 г. смешанные браки составили 23,05% в 54 разновидностях, особенно часты были браки с русскими женщинами. В 1961 г. смешанных было уже 27,6% браков, а их вариантов более 100, причем особенно часты были браки между русскими женщинами и азербайджанцами ¹⁰⁵.

По Северному Кавказу этностатистические данные и материалы, собранные во время этнографических работ, выявляют определенный рост межнациональных браков, особенно в послевоенные годы ¹⁰⁶. Это касается больше городов, меньше — сельских поселений. В приводимой ниже таблице рост зарегистрированных смешанных браков показывает отношение их числа к общей численности соответствующих национальностей, мужчины и женщины (в %) ¹⁰⁷.

Национальность	1925 г.	1939 г.	1950 г.	1963 г.
Адыгейцы	0,3	0,4	0,5	0,6
Адыгейки	0,02	0,07	0,2	0,3
Черкесы	свед. нет	0,8	1,2	2,1
Черкешенки	»	0,3	1,2	2,3
Карачаевцы	»	0,4	свед. нет	0,5
Карачаевки	»	0,2	»	0,3
Осетины	»	0,5	0,7	0,9
Осетинки	»	0,2	0,3	0,5

Интересно также сопоставление долей смешанных браков в общем числе браков у народов Северного Кавказа в 1963 г. ¹⁰⁸:

¹⁰⁴ Г. А. Гейбуллаев. Современная семья и семейный быт азербайджанцев. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966.

¹⁰⁵ А. Г. Трофимова. Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник. СЭ, 1965, № 5, стр. 115—118.

¹⁰⁶ Надо учитывать, что ранее многие браки официально не регистрировались.

¹⁰⁷ Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт. «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967)». М., 1968, стр. 239, табл. 6.

¹⁰⁸ Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт. «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967)». М., 1968, стр. 240, табл. 7.

Национальность	Общее число смешанных браков, %	В том числе (в %)		
		с представителями кавказских народов	с русскими и украинцами	с прочими
Адыгейцы	9,0	2,3	6,7	0,0
Адыгейки	4,5	2,4	2,1	0,0
Черкесы	24,6	19,0	5,1	0,5
Черкешенки	26,0	26,0	0,0	0,0
Карачаевцы	6,0	3,0	3,0	0,0
Карачаевки	3,2	2,6	0,2	0,4
Осетины	7,8	1,3	6,2	0,3
Осетинки	4,4	2,3	1,9	0,2

Более детально разработаны статистические данные о браках народов Карачаево-Черкессии. Здесь браки черкесов и абазинцев отражают, по-видимому, процесс их консолидации в одну народность. Мужчины черкесы и абазины вступают в браки также с русскими и украинками. Статистические материалы убеждают в большей интенсивности этнических процессов в городах по сравнению с сельскими районами ¹⁰⁹.

Сложные процессы этнических взаимодействий характерны для Дагестана. И здесь эти процессы в какой-то мере находят отражение в межнациональных браках. Как и по многим другим регионам нашей страны, рассматривая разные варианты браков в Дагестане, приходится ограничиваться лишь отдельными, выборочными, материалами. Известно, например, что в 1963 г. в сельских местностях Дагестана смешанные браки составляли 5,4% к общему числу заключенных там браков. При этом браков между представителями коренных дагестанских народов ¹¹⁰ было 44,6% от общего числа смешанных браков, между представителями недагестанских народов — 18%, между дагестанцами и недагестанцами — 37,2%. По городам и рабочим поселкам Дагестанской АССР в 1963 г. смешанных браков было 20,2% от общего числа браков. Здесь браки между представителями дагестанских народов составляли 32,5% от общего числа смешанных браков. Всего по республике смешанных браков в 1963 г. было 10,5% от общего числа браков, причем в дагестанской среде — 36,7% от числа смешанных браков, в недагестанской среде 26,2%, между дагестанцами и недагестанцами 36,8% ¹¹¹. Из статистических данных видно, что этнические смешения и в целом и по отдельным вариантам заметнее проявляются в городах, чем в сель-

¹⁰⁹ Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт.

¹¹⁰ Далее коренные дагестанские народы будут называться дагестанцами.

¹¹¹ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 82, 83.

ских местностях Дагестана. При этом дагестанские женщины и в городе и в сельских районах вступают в брак с лицами не из среды народностей Дагестана реже, чем мужчины.

Приведенные материалы о смешанных и однонациональных браках и семьях в известной мере отражают межнациональные взаимоотношения и тенденции современного этнического развития в разных регионах нашей страны и в стране в целом.

В национально-смешанных семьях конечным результатом формирования этнического самосознания детей является их определенный выбор национальной принадлежности (обычно по отцу или матери) по достижению совершеннолетия. Именно их национальное самосознание обычно отражает определенный этнический перевес в семье.

В СССР юридическое оформление национальной принадлежности каждого гражданина (гражданки) производится по достижению им (ей) 16-летнего возраста, когда получается паспорт. При выдаче паспортов заполняется статистический бланк, в котором имеются вопросы о национальности отца и матери, а также о национальности, избранной лицом, получающим паспорт. До этого момента национальность детей учитывается по тому, как ее определяют родители. В случае возникающих с их стороны затруднений в решении этого вопроса национальность ребенка определяется по национальности матери. В период между переписями населения органы государственной статистики исходят из того же принципа, а именно: при учете родившихся в национально-смешанных семьях относят национальность ребенка к национальности матери. Следует, однако, отметить, что национальность, записанная в детстве ребенку, не всегда совпадает с избранной им впоследствии. Формирование национального самосознания представляет собой, как известно, длительный и сложный процесс, обусловленный рядом факторов. Таковы этническая среда, степень этнокультурной близости и длительность межэтнических контактов национальностей, к которым принадлежат родители; характер культурно-бытового уклада и языковая ситуация, сложившиеся в семье традиции и т. п.

В этнически однотипных вариантах семей, но живущих в разных этнических средах, молодежь по-разному решает вопрос о своей национальной принадлежности. Назовем для примера украинско-русские семьи. В Киеве и многих других городах Украины, как показал учет, подростки из этих семей преимущественно определяют себя украинцами, за пределами Украинской ССР потомство из таких семей чаще относит себя к русским.

Отмеченная выше тенденция роста в СССР частоты межнациональных браков естественно влечет за собой и рост удельного веса потомства из национально-смешанных семей в общем числе сверстников. Так, например, в Молдавской ССР в 1959 г. на 1000 родившихся приходилось 107,7 детей, имевших отца или мать разных национальностей, а в 1965 г. число таких детей

возросло еще почти на 25%. У отдельных национальностей Молдавской ССР эти цифры заметно варьируют: у молдаван, гагаузов, евреев дети от национально-смешанных браков составляют около 10% родившихся, у болгар — каждый четвертый, у украинцев — каждый третий, у русских — почти каждый второй ребенок рождается в национально-смешанных браках¹¹². В столицах Прибалтийских советских республик удельный вес молодежи в возрасте 16 лет из национально-смешанных семей составил за пятилетие (1963—1968 гг.) от 11 до 20% от общей численности их сверстников (в Вильнюсе — 20%, в Риге — 18%, в Таллине — 14,3%)¹¹³.

Среди автономных республик удельный вес детей из межнациональных семей особенно высок в Карелии, где не только в городах, но и в сельских местностях очень активен процесс этнического смешения на уровне семьи: среди населения, занятого сельским хозяйством, — каждая четвертая, а среди занятого лесными промыслами — каждая вторая семья национально-смешанная.

Анализ источников, как уже отмечалось выше, позволил подметить повсеместно преобладающие вариации межнациональных семей. Они могут быть подразделены на четыре основные группы. К первой (I), обычно наиболее многочисленной, должны быть отнесены семьи, составленные из представителей коренной (основной) национальности данной союзной или автономной республики и русских; ко второй (II) — из представителей коренной национальности и других национальностей; к третьей (III) — русско-украинские семьи, которые занимают довольно значительное место в общей численности национально-смешанных семей. К четвертой (IV) группе мы относим семьи русских с представителями других (кроме названных в I и III группе) национальностей данной республики.

При определении молодежью из этих групп семей своей национальной принадлежности в различных регионах страны отмечаются как общие, так и специфические черты. Обратимся к конкретным материалам. В главных городах трех Прибалтийских советских республик в I группе семей наблюдается почти равное процентное соотношение молодежи, избравшей ту или другую национальность. Однако все же имеется, особенно в Таллине, некоторый перевес в сторону коренных национальностей. В Таллине 62% молодежи избирают эстонскую национальность, 38% — русскую, в Риге и Вильнюсе — соотношение между избранием коренной национальности и русской равно в первом случае — 57 против 43% и во втором — 52 против 48%. Из этого следует, что в Вильнюсе и Риге при данном варианте браков в следую-

---

¹¹² Л. С. Соловей. К вопросу о национально-смешанных семьях в Молдавии. СЭ, 1969, № 5, стр. 88.

¹¹³ Л. Н. Терентьева. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. СЭ, 1969, № 3, стр. 20.

щем поколении не наблюдается каких-либо существенных количественных изменений в соотношении двух взаимодействующих этнических общностей. В Таллине эти изменения более заметны.

Во всех других комбинациях национально-смешанных браков с участием представителей коренных национальностей этих городов (II группа) явное большинство молодежи осознает свою принадлежность к коренной национальности. Так, например, в Вильнюсе в случае литовско-польских браков 80% молодежи считают себя литовцами, в Риге при латышско-польских, латышско-украинских, латышско-белорусских браках до 79% молодежи принимают латышскую национальность.

В III и IV группах молодежь во всех трех городах отдает еще большее предпочтение русской национальности: при русско-украинских браках от 65 до 75% молодежи определяют себя русскими, при русско-белорусских и русско-польских — до 75%, при русско-еврейских — от 86 до 93% и т. п.¹¹⁴

Таким образом, мы сталкиваемся здесь с тремя направлениями межэтнических процессов, имеющих разную степень интенсивности. Первое из них направлено в сторону взаимного сближения представителей русской национальности с литовцами, латышами и эстонцами, второе проявляется в значительно более интенсивном слиянии с основными коренными национальностями данных республик других национальностей; третье указывает на аналогичные взаимодействия между русскими и представителями национальностей, некоренных для данных республик.

В других регионах страны эти процессы по первой группе семей нередко выглядят несколько по-иному, а по II—IV группам почти аналогичны рассмотренным выше по городам Прибалтийских республик. Так, в Киеве при украинско-русских браках более 60% молодежи принимает украинскую национальность, а в Минске — при белорусско-русских около 40% молодежи — белорусскую. В отличие от этого в Ашхабаде почти 90% молодежи из туркмено-русских семей определяют себя туркменами, а в Душанбе в той же I группе семей до 80% подростков — таджиками.

В автономных республиках Российской Федерации амплитуда колебаний этих показателей еще более ощутима. Так, например, в Чебоксарах (Чувашская АССР) при браках чувашей с русскими только 2,2% молодежи осознают себя чувашами, а 97,8% — русскими. Близки этому показателю и в мордовско-русских семьях. В то же время при браках татар с русскими и татар с башкирами молодежь принимает преимущественно татарскую национальность¹¹⁵.

¹¹⁴ Л. Н. Терентьева. Указ. соч., стр. 20—30.

¹¹⁵ Л. Н. Терентьева. Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях в СССР. Доклад на VIII Всемирном социологическом конгрессе в Канаде. М., 1974.

При исследовании вопроса о выборе своей национальности молодежью из национально-смешанных семей нами учитывалось, в какой мере при этом играют роль традиции, например, имевшаяся у некоторых народов традиция определять национальность детей по национальности отца. Сделанные нами подсчеты показали, что из рассмотренных выше народов, особенно туркмен, стойко держится эта традиция. У других народов она не ощущается. На решение вопроса молодежью об определении своей национальности оказывают влияние другие факторы. В частности, выявляется зависимость между направлением межэтнических процессов и степенью совпадения национальности подростков с национальностью отцов. Так, например, из трех рассмотренных прибалтийских городов в Вильнюсе в I группе семей, где естественная ассимиляция представителей отдельных национальностей наименее ощутима, процент молодежи, принявшей национальность отца-литовца и отца-русского, полностью совпадает. В Риге и Таллине, где наблюдается некоторый перевес в сторону выбора молодежью коренной национальности, имеются уже небольшие расхождения между показателями о совпадении национальности подростков с национальностью отцов. Особенно резкое расхождение этих показателей выявляется во II—IV группах семей, где межэтнические процессы, как уже отмечалось выше, наиболее ощутимы. Так, в русско-украинских и русско-белорусских семьях в этих городах повторяются сходные тенденции: если отцы русские, их национальность принимают от 75 до 90% подростков, если отцы украинцы — от 33 до 48% подростков; в русско-белорусских семьях при русских отцах одинаковую с ними национальность принимают до 87% молодежи, а если отцы белорусы — только 13%. Таким образом, нельзя не заметить, что в тех группах семей, где тенденция к ассимиляции во втором поколении выражена слабо, столь же незначительно и расхождение показателей о национальности подростков и их отцов. Наоборот, в тех группах семей, где этническая ассимиляция во втором поколении наиболее ощутима, наблюдается и наибольшее расхождение этих показателей. Это свидетельствует о том, что предпочтительный выбор подростками той или иной национальности родителей определяется общим ходом этнических процессов в каждом данном регионе.

Существует вместе с тем и обратная зависимость. В свою очередь на общее направление этнических процессов заметное влияние оказывают межнациональные браки и принципы определения своей национальности молодежью из национально-смешанных семей. Межнациональные браки, играя немаловажную роль в воспроизводстве населения всей страны в том или ином этническом составе, положительно влияют на процессы сближения этносов и усиления межэтнических контактов. В условиях большой мобильности населения и урбанизации повсеместная тенденция к росту частоты межнациональных браков повышает их значимость в общем этническом развитии народов СССР.

Этнические процессы и динамика численности народов СССР

Среди факторов, влияющих на ход этнических процессов, нужно учитывать и фактор численности народов. В свою очередь сами этнические процессы нередко оказывают определенное воздействие на динамику численности этносов.

Для изучения численности народов СССР особое значение имеют материалы общесоюзных переписей. Важнейшим условием использования этих материалов в данных целях является их сопоставимость, наличие сведений о естественном и механическом движении населения в национальном (этническом) разрезе. Сопоставимость переписей определяется прежде всего одинаковостью охвата ими тех или иных территорий и народов. Этому условию удовлетворяют переписи 1926 и 1939 гг. и 1959 и 1970 гг., проведенные в одних и тех же границах СССР; перепись 1920 г. не охватила всей территории страны, а между переписями 1939 и 1959 гг. произошли существенные территориальные изменения, связанные главным образом с воссоединением Западной Украины с УССР, Западной Белоруссии с БССР, Бессарабии с Молдавской АССР и с вхождением в братскую семью народов СССР народов Прибалтики¹.

Не менее важное значение для правильного сопоставления данных переписей имеет идентичность примененных в них методов определения национального состава населения и объема разработки полученных первичных материалов. Первому из этих условий отчасти удовлетворяют лишь переписи 1959 и 1970 гг., которые содержали однотипные вопросы о национальности; неполная идентичность их обусловлена некоторыми различиями в инструкционных указаниях. Второму условию, строго говоря, не удовлетворяет ни одна из указанных пар переписей. Правда, перечень основных народов остался почти идентичным, но в материалах переписи 1926 г. получили отражение 178; в разработке пе-

---

¹ Считается, что в этих областях на 1939 г. жило около 20 млн. человек (см. прим. к табл. 1).

реписи 1939 г. фигурируют лишь 99 национальностей, в переписи 1959 г. — 109 и 1970 г. — 106 национальностей. Часть этих изменений, например, исчезновение в материалах переписи 1939 г. таких выделенных переписью 1926 г. «народностей», как мишари, крышены и нагайбаки, непосредственно связана с результатами этнических процессов (в данном случае — консолидацией этих народностей с татарами), однако часть — видимо, является следствием изменений в подходе статистических работников к задачам определения национальной (этнической) принадлежности². Примерно то же самое относится и к учету родного языка населения.

После этих необходимых общих замечаний перейдем к краткому рассмотрению динамики численности народов СССР по материалам переписей населения 1926, 1939, 1959 и 1970 гг.

Первое, на что обращаешь внимание при рассмотрении этностатистических материалов переписей населения СССР, кроме уже отмеченной выше большой пестроты его национального состава, — это огромные различия между *абсолютной* численностью отдельных народов страны. По своей численности резко выделяются русские и украинцы, составляющие вместе на 1970 г. свыше двух третей населения страны; кроме них, лишь 10 народов превышали по численности 2 млн. человек, подавляющее же большинство народов имело значительно меньшую численность, в том числе свыше 60 народов — менее 100 тыс. человек каждый. В то время, как численность русских превышала среднюю почти в 60 раз, численность юкагиров была меньше ее примерно в 4,5 тысячи раз.

Отмеченные особенности объясняются тем, что на значительной части СССР исторически закономерные процессы укрупнения этнических общностей (в том числе процессы консолидации) развернулись сравнительно поздно; здесь имеются многие области, где более или менее сформировавшиеся небольшие этносы не имели благоприятных условий для увеличения своей численности или для развития контактов с другими, более крупными этносами, что в иных условиях могло бы привести к включению их в процессы этнической консолидации или ассимиляции. Почти все малочисленные народы находятся либо в слабозаселенных до сих пор северо-восточных таежных и тундровых областях страны, либо в труднодоступных горных районах юга; наиболее же крупные народы — на Восточно-Европейской равнине и в древних земледельческих областях Средней Азии и Закавказья.

При языково-культурных контактах народов и вызванных этим процессах этнической трансформации, в условиях национального равноправия основная масса этнических переходов идет, как правило, в сторону более крупной из взаимодействующих общностей, сокращая численность малолюдного этноса.

---

² С. И. Брук, В. И. Козлов. Этнографическая наука и перепись населения. СЭ, 1967, № 6.

Длительное сохранение в таких условиях мелких народов может быть объяснено как их изолированным положением и другими особенностями расселения, затрудняющими межэтнические контакты, так и специальными мерами, способствующими устойчивости этнического бытия, в частности самосознания членов малой этнической общности. Ниже мы остановимся лишь на тех факторах, которые не рассматриваются в специальных главах данной монографии.

Как свидетельствует табл. 1, составленная по материалам переписей, в стране имеются значительные различия между темпами прироста отдельных народов. Если обратиться к народам, имеющим свои национальные республики и не затронутым изменениями границ СССР, то численность узбеков, например, с 1926 по 1970 г. возросла в 2,3 раза, а численность карел уменьшилась за тот же период в 1,7 раза.

Динамика численности народов определяется главным образом особенностями естественного движения населения (соотношением рождаемости и смертности) и этническими процессами³.

Следующий важный фактор — миграции (в данном случае — внешние миграции) или сходные с ними по характеру своего влияния изменения государственно-территориальных границ оказали существенное влияние лишь на динамику численности некоторых народов.

О трудностях учета влияния территориальных изменений частично уже говорилось ранее; работа эта, требующая специального исследования с привлечением этностатистических материалов довоенных переписей Румынии, Чехословакии, Польши и стран Прибалтики, выходит за рамки данного издания. Отметим и трудность учета влияния естественного прироста на динамику численности народов.

Опубликованные материалы переписей населения и текущего статистического учета (например, республиканские и областные справочники «Народное хозяйство...») не содержат данных о рождаемости и смертности по национальной (этнической) принадлежности населения. Такие данные перестали публиковаться примерно с конца 1920-х годов, и в настоящее время мы можем воспользоваться лишь статистическими материалами о естественном движении населения по крупным административно-территориальным единицам — республикам и областям СССР. Эти материалы могут дать достаточно правильное представление о показателях рождаемости и смертности того или иного народа лишь в том случае, если этот народ почти весь находится в пределах соответствующей союзной или автономной республики и (что еще важнее) составляет в ней подавляющее большинство населения.

Говоря о трудностях определения показателей рождаемости и смертности народов СССР, следует отметить существенное влия-

³ В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969.

Таблица 1*. Динамика численности народов СССР

Народы	По данным в границах соответствующих лет						
	1926 г. (тыс. человек)	1939 г. (тыс. человек)	с 1926 по 1939 г. (в %)	1959 г. (тыс. человек)	с 1939 по 1959 г. (в %)	1970 г. (тыс. человек)	с 1959 по 1970 г. (%)
Все население	147027,9	170557,1 (190677,9)	+15,7	208826,7	(+9,5)**	241 720,1	+15,3
Русские	77791,1	99592,0**	+28,0	114113,6	...	129015,1	+13,0
Украинцы	31195,0	28111,0**	-9,9	37252,9	...	40753,2	+9,4
Белорусы	4738,9	5275,0**	+11,3	7913,5	...	9051,8	+14,4
Узбеки	3904,6	4845,1	+24,1	6015,4	+24,2	9195,1	+52,8
Татары	2916,3	4313,5	+47,9	4967,7	+15,2	5930,7	+19,4
Казахи	3968,3	3101,0	-21,9	3624,6	+16,8	5298,8	+46,3
Азербайджанцы	1706,6	2275,7	+33,3	2939,7	+29,2	4379,9	+49,0
Армяне	1567,6	2152,9	+37,3	2786,9	+29,4	3559,2	+27,7
Грузины	1821,2	2249,6	+23,5	2692,0	+19,7	3245,3	+20,5
Литовцы	41,5	32,6**	-21,4	2326,1	...	2664,9	+14,6
Евреи	2600,9	3028,5	+16,4	2267,8	...	2150,7	-5,2
Молдаване	278,9	260,0**	-6,6	224,1	...	2698,0	+21,8
Немцы	1238,5	1427,0	+15,2	1619,7	+13,5	1846,3	+14,0

* В основу табл. 1 положен перечень народов («национальностей»), принятый при разработке материалов переписи 1959 г. В таблицу не вошли национальности с численностью менее 100 тыс. человек. Живущие главным образом за пределами СССР, и коренные народы с численностью менее 10 тыс. человек: эвенки — 9,1 тыс., нанайцы — 8,0 тыс., цакуры — 7,3 тыс., ругульцы — 6,7 тыс., агулы — 6,7 тыс., манси — 6,4 тыс., коряки — 6,2 тыс., карамы — 5,7 тыс., караимы — 5,7 тыс., селькупы — 3,8 тыс., нивхи — 3,7 тыс., удины — 3,7 тыс., ульчи — 2,4 тыс., саамы — 1,8 тыс., удэгейцы — 1,4 тыс., эскимосы — 1,1 тыс., ительмены — 1,1 тыс., якутцы — 1,1 тыс., кеты — 1,0 тыс., орочи — 0,8 тыс., чукотцы — 0,7 тыс., тофалары — 0,6 тыс., юкагиры — 0,4 тыс., алеуты — 0,4 тыс. Народы, входящие в сборные группы «Народности Дагестана» и «Народности Севера», даны в порядке общей численности. Основные изменения в перечне народов переписей соответствующих лет рассмотрены в дальнейшем.

** С дополнениями согласно исчислениям ЦСУ [по западным территориям, вошедшим в состав СССР, на 1939—1945 гг. численность русских составляла 100 392 тыс., украинцев — 35 611 тыс., белорусов — 8275 тыс., литовцев — 2033 тыс., латышей — 1628 тыс., эстонцев — 1144 тыс., молдован — 2060 тыс. человек («Народы СССР. Краткий справочник», М., 1958).

Численность евреев и поляков в новых границах не установлена. Общая численность населения в СССР в новых границах на 1939 г.—1906779, тыс. человек; ее прирост на 1939 г. дан в скобках.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

Народы	По данным в границах соответствующих лет						
	1926 г. (тыс. человек)	1939 г. (тыс. человек)	с 1926 по 1939 г. (в %)	1959 г. (тыс. человек)	с 1939 по 1959 г. (в %)	1970 г. (тыс. человек)	с 1959 по 1970 г. (в %)
Чуваши	1117,4	1369,6	+22,6	1469,8	+7,3	1694,4	+15,2
Латыши	141,6	128,0 **	-9,6	1399,5	...	1429,8	+2,2
Таджики	978,8	1229,2	+25,6	1396,9	+13,6	2135,9	+52,9
Поляки	782,3	630,0 **	-19,5	1380,3	...	1167,5	-15,5
Мордва	1340,4	1456,3	+8,4	1285,1	-11,8	1262,7	-1,7
Туркмены	763,9	812,4	+6,3	1001,6	+23,3	1525,3	+52,2
Башкиры	713,7	843,6	+18,2	989,0	+17,2	1239,7	+25,4
Эстонцы	154,7	143,6 **	-7,2	988,6	...	1007,4	+1,9
Каргизы	762,7	884,6	+16,0	986,7	+9,5	1452,2	+49,9
Удмурты	504,2	606,3	+20,2	624,8	+3,1	704,3	+12,7
Марийцы	428,2	481,6	+12,5	504,2	+4,7	598,6	+18,8
Коми и коми-пермяки	375,9	422,3	+12,0	430,9	+2,0	475,3	+10,2
Чеченцы	318,5	408,0	+28,1	418,8	+2,6	612,7	+46,4
Осетины	272,2	355,0	+30,3	412,6	+16,3	488,0	+18,3
Болгары	111,2	113,0	+2,1	324,2	...	351,2	+8,3
Корейцы	87,0	182,3	+109,5	313,7	+72,1	367,5	+14,0
Греки	213,8	286,0	+34,1	309,3	+8,0	336,9	+9,0
Аварцы	158,8	253,0	+59,2	270,4	+7,0	396,3	+46,6
Буряты	237,5	225,0	-5,4	253,0	+12,6	314,7	+24,5
Якуты	240,7	242,0	+0,6	236,7	-2,2	296,2	+25,1
Лезгины	134,5	221,0	+64,3	223,1	+1,0	323,8	+45,2
Кабардинцы	139,9	164,0	+17,4	203,6	+24,0	279,9	+37,5
Каракалпаки	146,3	186,0	+27,0	172,6	-7,1	236,0	+36,8
Карелы	248,1	253,0	+1,8	167,3	-33,8	146,1	-12,7
Даргинцы	109,0	154,0	+41,1	158,1	+2,8	230,9	+46,1

Т а б л и ц а 1 (окончание)

Народы	По данным в границах соответствующих лет						
	1926 г. (тыс. человек)	1939 г. (тыс. человек)	с 1926 по 1939 г. (в %)	1959 г. (тыс. человек)	с 1939 по 1959 г. (в %)	1970 г. (тыс. человек)	с 1959 по 1970 г. (в %)
Венгры	5,5	...	...	154,7	...	166,5	+7,6
Кумыки	94,6	113,0	+19,0	135,0	+19,9	188,8	+39,8
Цыгане	61,2	88,0	+44,1	132,0	+49,6	175,3	+32,8
Гатгаузы	0,8	...	...	123,8	...	156,6	+26,5
Калмыки	132,0	134,4	+1,8	406,1	-21,4	137,2	+29,1
Ингулли	74,1	92,1	+24,3	406,0	+15,1	157,6	+48,7
Тувинцы	—	0,8	...	101,1	...	139,4	+39,3
Карачевцы	55,1	75,8	+39,8	79,6	+7,4	112,7	+38,4
Адыгейцы	65,3	88,0	+37,6	79,6	-9,6	99,9	+25,5
Абхазы	57,0	59,0	+3,5	65,4	+10,8	83,2	+27,2
Лакцы	40,4	56,0	+38,9	63,5	+13,2	85,8	+35,1
Хакасы	45,6	53,0	+15,8	56,8	+7,6	66,7	+17,4
Алтайцы	37,6	48,0	+27,4	45,3	-5,4	55,8	+23,2
Балкарцы	33,3	42,7	+28,2	42,4	-0,7	59,5	+40,3
Ногайцы	36,3	36,6	+0,8	38,6	+5,5	54,8	+34,2
Табасараны	32,0	33,6	+5,0	34,7	+3,3	55,1	+58,8
Черкесы	65,3	...	...	30,5	...	39,8	+30,5
Эвенки	32,8	30,0	-9,5	24,7	-16,8	25,1	+1,6
Ненцы	18,8	25,0	+31,9	23,0	-7,3	28,7	+24,5
Абазинцы	13,8	15,0	+10,9	19,6	+28,1	25,4	+29,6
Ханты	17,7	18,5	+4,3	19,4	+4,9	24,1	+8,8
Вепсы	32,8	32,0	-3,4	16,4	-48,3	8,3	-49,6
Шорцы	12,6	16,3	+29,4	15,3	-6,1	16,5	+7,8
Чукчи	13,1	14,0	+6,1	11,7	-15,8	13,6	+16,2
Таты	28,7	...	...	11,5	...	17,1	+48,7

ние, которое оказала на динамику их численности Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Потери различных народов страны как в абсолютных, так и в относительных цифрах были, несомненно, разными, однако точная величина их неизвестна. Не менее скупы и материалы по механическому движению (миграциям) населения той или иной национальной принадлежности. Поэтому часто трудно решить — является ли изменение национального состава какой-то республики или области следствием этнических процессов или оно вызвано миграционными процессами и какова степень конкретного влияния тех или других процессов, если они действовали совместно.

Анализируя изменение численности народов за период с 1926 по 1939 г. и оставляя некоторые частные случаи (например, корейцев, резкое увеличение числа которых объясняется прибытием новых групп поселенцев из-за рубежа), отметим, что среди народов, имеющих свои национальные республики наиболее высокий процент прироста дали татары и армяне. Естественный прирост у татар в это время за счет повышенной рождаемости был несколько больше, чем у соседних народов Поволжья (см. табл. 2), однако столь значительное увеличение их числа объясняется главным образом включением в их состав нескольких тюркоязычных групп, выделенных переписью 1926 г. в качестве самостоятельных народностей. К числу этих групп, имевших двойственное этническое самосознание, относились: мишари (243 тыс.), кряшены (101 тыс.), тептяри (27 тыс.), нагайбаки (11 тыс.) и др. Что же касается армян, то повышенный прирост их объясняется главным образом высоким естественным приростом, созданным за счет заметного снижения смертности при сохранении очень высокого коэффициента рождаемости.

Повышенный процент прироста за рассматриваемый период двух народов Дагестана — аварцев и лезгин — объясняется включением в число их мелких народностей, выделенных в материалах переписи 1926 г. (к аварцам, например, были причислены арчинцы, андийцы, чамалинцы, цезы и др.). Вообще, как уже отмечалось выше, перечень этнических наименований в материалах переписи 1939 г. по сравнению с 1926 г. сократился почти вдвое; в официальной этнической статистике, кроме уже приведенных «народностей», перестали фигурировать такие крупные группы, как курама (на 1926 г. — 50 тыс.) и кыпчаки (34 тыс.), включенные в состав узбеков, мегрелы (243 тыс.), аджарцы (71 тыс.) и сваны (13 тыс.), включенные в состав грузин, бессермяне (10 тыс.), вошедшие в состав удмуртов, ягнобцы и припамирские народности (ваханцы, шугнанцы и др.) — всего 40 тыс. человек, включенные в состав таджиков и т. д.

Процессы консолидации сказались также в той или иной мере на изменении численности некоторых крупных народов.

Довольно существенной была этническая трансформация у отдельных групп населения, принадлежащих к крупным, в целом

Таблица 2. Показатели естественного движения по основным народам Европейской части СССР в 1927 г. на 1000 человек *

Народы	Районы учета	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
Русские	Европейская часть СССР . .	44,7	22,8	21,9
	РСФСР . .	45,4	23,2	22,2
Украинцы	Европейская часть СССР . .	41,3	17,8	23,5
	УССР . .	42,7	18,9	23,8
Белорусы	Европейская часть СССР . .	43,3	15,8	27,5
	БССР . .	42,3	15,1	27,2
Евреи	Европейская часть СССР . .	22,6	9,2	13,4
	РСФСР . .	18,3	9,3	9,0
	УССР . .	23,0	9,2	13,8
	БССР . .	26,4	9,1	17,3
Татары	Татарская АССР	53,1	24,5	28,6
Мордва	Европейская часть РСФСР . .	48,3	24,5	23,8
Армяне	Армянская ССР	59,3	18,4	40,9
Азербайджанцы	Армянская ССР	58,0	14,6	43,4
Чуваши	Чувашская АССР	44,3	28,0	16,3
Башкиры	Башкирская АССР	39,7	14,5	25,2
Удмурты	Вотская АО	56,2	41,3	14,9
Молдаване	УССР	45,4	19,4	26,0
Марийцы	Марийская АО	53,5	41,2	12,3
Коми-зыряне	Коми АО	47,2	34,5	12,7
Калмыки	Калмыцкая АО	31,3	15,0	16,3
Карелы	Карельская АССР	42,6	26,1	16,5
Цыгане	Европейская часть РСФСР . .	36,5	15,4	21,1

* По: «Национальная политика ВКП(б) в цифрах». М. 1930, стр. 40.

уже сложившимся народам. Очевидно, именно эта трансформация, связанная либо с изменением установок переписи, либо с реальными процессами этнической ассимиляции привела к тому, что темпы прироста численности русских оказались почти втрое выше средних по стране. К русским, несомненно, причислили себя большие группы украинцев, общая численность которых с 1926 по 1939 г. уменьшилась на 3 млн. человек, а также отдельные группы других национальностей, в частности живущих в пределах РСФСР литовцев, латышей и эстонцев.

Период между переписями 1939 и 1959 гг., включающий в себя годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., весьма сложен по характеру динамики населения. Общая его численность (в новых границах СССР) возросла за этот период всего на 9,5%,

что объясняется громадными потерями в годы войны. Тяжелее всего война сказалась на народах западных областей страны, которые входили в зону военных действий и были оккупированы гитлеровцами. Существенное влияние на снижение численности украинцев и белорусов в годы войны оказал массовый вывоз мужчин и женщин на работу в Германию, так как значительная часть выбывших погибла, а часть не была репатрирована в послевоенные годы и попала в число так называемых перемещенных лиц. Огромные потери среди групп людей производительного возраста сказались и в послевоенные годы, замедлив повсеместно происходивший в это время рост рождаемости. Вызванные войной миграции части украинцев и белорусов на восток привели, вероятно, к некоторому усилению процессов естественной ассимиляции. В результате всего этого общая численность украинцев (в новых границах) возросла к 1959 г. всего на 4,6%, а численность белорусов была все еще ниже довоенной на 4,4%. Еще сильнее снизилась по сравнению с довоенной численность эстонцев и особенно латышей.

Основные народы закавказских и среднеазиатских республик с Казахстаном с 1939 по 1959 г. дали прирост значительно выше среднего по стране: азербайджанцы и армяне — на 29%, узбеки — на 24%, туркмены — на 23% и т. д.

Увеличение численности армян отчасти объясняется тем, что после войны в Армению переселились около 100 тыс. зарубежных армян (главным образом из стран Средиземноморья), а численность азербайджанцев — включением в их состав талышей, выделенных переписью 1939 г. отдельно. Однако основной причиной высоких темпов роста численности этих и других народов южных республик страны является их более высокий естественный прирост по сравнению с народами других союзных республик. Так как в послевоенные годы динамика численности подавляющего большинства народов СССР определялась особенностями их естественного воспроизводства, то на этом факторе следует остановиться более подробно.

В условиях нормализации жизни, после окончания гражданской войны демографическая эволюция в СССР характеризовалась прежде всего значительным и повсеместным снижением смертности. В среднем по стране уровень смертности снизился с 1926 по 1960 г. более, чем в три раза, а по некоторым национальным областям даже в четыре и более раз. Такое снижение смертности объясняется общим экономическим и культурным развитием страны, успехами медицины, улучшением здравоохранения, повышением жизненного уровня населения и другими причинами. Одновременно, под воздействием более сложного комплекса факторов снижалась и рождаемость. К числу этих факторов относится изменение возрастной структуры населения (увеличение в общей массе населения процента людей пожилого возраста, уже не участвующих в процессе естественного воспроиз-

водства), более позднее вступление в брак из-за удлинения общего и специального образования, урбанизация, усиление миграционной и социально-профессиональной мобильности, вовлечение женщин в общественное производство, ослабление традиций многодетности, возникшая в результате тяжелых войн диспропорция полов и др. Примерно с середины 1950-х годов наблюдается некоторое снижение рождаемости (это в известной мере связано с падением рождаемости в годы войны); этот процесс уже в 1960-х годах привел к сокращению темпов естественного прироста (см. табл. 3).

Показатели рождаемости у отдельных народов СССР значительно отличались от средних данных по стране в целом. Эти отличия обусловлены локально-этническими особенностями процесса воспроизводства, связанными в свою очередь с неодинаковым, особенно в прошлом, социально-экономическим развитием районов их обитания, различными темпами и степенью урбанизации, с различиями хозяйственного и семейного быта народов, различными относительными и абсолютными потерями во время войны 1941—1945 гг., неодинаковым участием народов во внутренних миграциях населения и т. д. Об этнических особенностях процесса воспроизводства населения, и особенно рождаемости, говорят имеющиеся в нашем распоряжении данные по национальным союзным республикам. Так, на 1955 г., при сравнительно близких показателях смертности, колеблющихся от 7 до 11‰, показатели рождаемости составляли в Туркменской ССР — 40,7‰, Армянской ССР — 38,0, Азербайджанской ССР — 37,8, а в Латвийской ССР — 16,4, Эстонской ССР — 17,9, Украинской ССР — 20,1‰ и т. д. (см. также табл. 3).

Действительное различие между уровнем рождаемости коренных народов южных и, например, Прибалтийских республик были еще больше, так как значительную часть населения Туркмении составляли русские, имеющие пониженный уровень рождаемости. Высокие показатели рождаемости у народов южных республик определенно связаны с распространенными здесь обычаями ранних браков и традициями многодетности. Среди женщин в возрастной группе 16—19 лет процент, состоящих в браке на 1959 г., был равен у киргизов в их республике — 44,8, у таджиков — 38,4, узбеков — 32,3; в то же время у русских он составлял 9,1, а у народов Прибалтийских республик — менее 5,0 (см. табл. 4)⁴. Стойкость традиций ранних браков и многодетности у азербайджанцев, казахов, узбеков, туркмен, киргизов и таджиков несомненно связана с установками господствовавшего среди них в прошлом ислама⁵.

В период между переписями 1939 и 1959 гг. продолжались как процессы консолидации, так и естественной ассимиляции (главным

⁴ См. подробнее главу X, раздел 1.

⁵ О влиянии религиозного фактора на плодovitость см.: В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 148.

Т а б л и ц а 3. Естественное движение населения (в среднем за год на 1000 человек) *

Республика	1940 г.			1950 г.			1960 г.			1968 г.		
	рождае- мость	смерт- ность	естеств. прирост	рождае- мость	смерт- ность	естеств. прирост	рождае- мость	смерт- ность	естеств. прирост	рождае- мость	смерт- ность	естеств. прирост
В среднем по СССР	31,2	18,0	13,2	26,7	9,7	17,0	24,9	7,1	17,8	17,4	8,2	9,2
РСФСР	33,0	20,6	12,4	26,9	10,1	16,8	23,2	7,4	15,8	14,6	8,7	5,9
Украинская ССР	27,3	14,3	13,0	22,8	8,5	14,3	20,5	6,9	13,6	15,2	8,9	6,3
Белорусская ССР	26,8	13,1	13,7	25,5	8,0	17,5	24,5	6,6	17,9	16,2	7,6	8,6
Молдавская ССР	26,6	16,9	9,7	38,9	11,2	27,7	29,2	6,4	22,8	19,4	7,4	12,0
Литовская ССР	23,0	13,0	10,0	23,6	12,0	11,6	22,5	7,8	14,7	17,6	8,9	8,7
Эстонская ССР	16,1	17,0	0,9	16,7	14,4	4,0	16,6	10,5	6,1	15,8	11,1	4,7
Латвийская ССР	19,3	15,7	3,6	16,8	2,4	4,1	16,7	10,0	6,7	14,5	11,2	3,3
Азербайджанская ССР	29,4	14,7	14,7	31,2	9,6	21,6	42,6	6,7	35,9	29,2	6,7	22,5
Грузинская ССР	27,4	8,8	18,6	23,5	7,6	15,9	24,7	6,5	18,2	19,2	7,3	11,9
Армянская ССР	41,2	13,8	27,4	32,1	8,5	23,6	40,3	6,8	33,5	22,1	5,1	17,0
Казахская ССР	41,1	21,6	19,5	37,6	11,7	25,9	36,7	6,5	30,2	23,3	6,0	17,3
Узбекская ССР	33,6	13,0	20,0	30,9	8,8	22,1	40,0	6,0	34,0	33,5	5,5	28,0
Киргизская ССР	33,0	16,3	16,7	32,4	8,5	23,9	36,8	6,1	30,7	30,5	7,4	23,1
Таджикская ССР	30,6	14,1	16,5	30,4	8,2	22,2	33,8	5,2	28,3	34,7	6,4	28,3
Туркменская ССР	36,9	19,5	17,4	38,2	10,2	28,0	42,4	6,5	35,9	35,2	6,6	28,6

* Таблица составлена по: «Народное хозяйство СССР в 1972 г.», М., 1973 г.

образом в городах и в районах сильного смешения национальностей).

В 1939—1959 гг. повысился прирост русского населения по сравнению со средним по стране (последний в новых границах СССР составил за период 1939—1959 гг.— 9,5%) за счет увеличения численности людей, назвавших себя русскими. Этим же объясняется, например, и пониженный процент прироста многих народов автономных республик РСФСР, прежде всего — некоторое сокращение абсолютной численности карел и мордвы. Нет никаких причин для того, чтобы считать, что естественный прирост у мордвы был значительно ниже, чем у соседнего с ней народа Поволжья — чувашей, или, что мордва потеряла за войну значительно больше. Поэтому факт снижения численности мордвы на 13,3%, при росте численности чувашей на 7,3% может быть объяснен только слиянием отдельных ее групп с русскими. Процессы слияния оказали влияние и на сокращение численности евреев, хотя степень этого влияния из-за больших потерь еврейского населения в годы войны установить трудно.

Некоторые стороны этнических процессов могут быть вскрыты при сопоставлении данных о национальной принадлежности и родном языке населения.

Вопросы языковой ассимиляции рассматривались в главе о языковых процессах. Здесь же отметим, что имеющиеся статистические материалы о перемене родного языка хорошо согласуются с развитием этнических процессов. Так, процент мордовского населения, показавшего своим родным языком язык другой национальности (чаще всего — русский), возрос с 6% в 1926 г. до 21,9% в 1959 г. (у чувашей за то же время всего с 1,3% до 9,2%). Еще быстрее, чем у мордвы, шел процесс смены родного языка у карел (соответственно с 4,5% до 28,7%) и среди евреев (соответственно с 28,1% до 78,5%). К числу других народов, значительные группы которых по переписи 1959 г. показали своим родным языком язык другой национальности, относятся удмурты (10,9%) и коми (11,3%); пониженные темпы роста численности этих народов свидетельствуют о том, что языковая ассимиляция здесь также сопрягалась с этнической. Исключением являются башкиры, около трети которых давно перешла на татарский язык, что почти не отразилось на этническом самосознании.

Переходя к краткому анализу динамики численности народов с 1959 по 1970 г. отметим прежде всего, что русские впервые за все рассматриваемые нами периоды дали прирост ниже среднего по стране. Это объясняется продолжающимся среди них процессом сокращения рождаемости и связанным с ним уменьшением естественного прироста. Аналогичные явления наблюдаются среди украинцев, латышей и эстонцев, и тот факт, что их прирост оказался ниже, чем у русских, можно объяснить, по-видимому, процессами этнического слияния с русскими живущих в их среде мелких инациональных групп, в частности евреев, мордвы,

Т а б л и ц а 4. Процент женщин, состоящих в браке на 1959 г. по возрастным группам*

Республики	Основной народ республики			Русские			Украинцы		
	16—19 лет	20—24 года	30—34 года	16—19 лет	20—24 года	30—34 года	16—19 лет	20—24 года	30—34 года
	РСФСР	9,1	47,7	77,1	9,1	47,7	77,1	13,1	55,3
Украинская ССР	9,6	46,8	75,0	10,1	49,9	80,3	9,6	46,8	75,0
Белорусская ССР	11,8	54,8	84,5	6,1	42,7	76,1	6,5	47,6	84,2
Узбекская ССР	32,3	83,9	91,8	8,9	45,8	76,4	...	...	...
Казахская ССР	27,5	77,6	90,2	12,5	55,1	81,0	16,8	59,7	81,8
Грузинская ССР	10,7	45,6	80,6	12,5	46,9	70,0	...	...	...
Азербайджанская ССР	27,2	68,0	85,5	10,0	48,0	77,2	13,9	58,9	82,0
Литовская ССР	4,7	36,5	74,1	7,1	47,9	78,7	12,4	63,0	86,1
Молдавская ССР	15,0	57,2	81,2	9,3	52,0	81,9	15,7	57,9	83,0
Латвийская ССР	4,5	35,9	71,1	7,3	47,6	79,6	12,7	55,7	81,9
Киргизская ССР	44,8	87,4	89,9	10,6	53,0	79,4	11,9	55,7	79,8
Таджикская ССР	38,4	86,9	91,6	8,6	46,5	76,7	9,9	48,5	77,2
Армянская ССР	16,6	56,6	83,8	15,0	53,5	82,6	...	...	...
Туркменская ССР	32,0	89,4	92,4	10,2	49,3	77,8	14,2	53,7	79,8
Эстонская ССР	4,2	36,7	72,1	8,1	49,6	81,8	13,1	60,8	85,1

* Таблица составлена по: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.» (тома по союзным республикам).

карел, коми и удмуртов. Существенно снизились темпы роста численности армян, и только азербайджанцы, казахи и коренные народы среднеазиатских республик сохраняют высокий уровень рождаемости и высокие темпы естественного прироста. В результате этого узбеки, численность которых в 1939 г. была в 1,7 раза (на 3,5 млн. человек) меньше численности белорусов в новых границах, теперь обогнали их и стали третьим по численности народом страны после русских и украинцев (табл. 1).

Различия в уровне рождаемости (или плодovitости) народов СССР нашли свое отражение в различных показателях детности (число детей, приходящихся в среднем на каждую женщину данной национальности) и в различном размере семей. Как показывает табл. 5, на момент переписи 1959 г. наибольшими показателями детности отличались казахи, киргизы и узбеки, наименьшими — латыши, эстонцы и украинцы. Большой интерес представляют различия в среднем размере семей, так как малые семьи как более мобильные в социальном и территориальном отношении создают (при прочих равных условиях) более благоприятные условия для развития этнических процессов, чем большие семьи, существование которых часто сопряжено с бытованием старого уклада и патриархальных традиций. Влияние размеров и структуры семьи на этнические процессы более подробно рассматривается в главе X. Здесь же отметим лишь, что по данным на 1959 г. наименьший средний размер семей был у эстонцев и латышей; у них же отмечена самая низкая доля больших семей. Напротив, у таджиков и туркмен наибольший средний размер семьи сочетался с пониженным процентом малых и повышенным процентом больших семей.

Рассматривая взаимосвязь этнических процессов и динамики численности народов, необходимо также учитывать еще одну немаловажную условность учета количественного аспекта этнических процессов по материалам переписей населения. Эта условность связана с тем, что чрезвычайно сложная меняющаяся картина этнического существования с многоступенчатой гаммой этнической трансформации сводится, как при фиксации этнической принадлежности в переписных листах, так и при окончательной обработке и публикации материалов переписей к заранее установленному списку этнонимов. Возможность отражения своего действительного этнического состояния подчас весьма затруднена. Карел или, например, чуваш, прожив длительное время среди русских, забыв прежний язык, культуру и т. д., может осознать, что он по существу уже утратил прежнюю этническую принадлежность, но в то же время он может еще не считать себя «настоящим» русским. В таком этнически переходном состоянии наверняка находятся многие сотни тысяч, а может быть, и миллионы советских граждан, однако для выражения его пока нет ни соответствующих «промежуточных» названий, ни более широких паднациональных терминов, фиксация которых могла бы от-

Таблица 5. Детность и размер семьи на 1959 г.*

Национальность	Число детей от 0 до 9 лет на 1000 женщин в возрасте 20—49 лет	Число семей (в %), размеры				Средний размер семьи
		2—3 человека	4—5 человек	6—8 человек	9 и более человек	
В среднем по СССР . . .	909	52,0	35,1	11,9	1,0	3,7
Русские	863	55,1	34,5	9,8	0,6	3,6
Украинцы	714	55,6	34,7	9,2	0,5	3,5
Белорусы	836	52,0	36,1	11,3	0,6	3,7
Литовцы	823	55,8	34,0	9,4	0,8	3,6
Латыши	612	69,2	26,1	4,4	0,3	3,1
Эстонцы	638	71,8	24,2	3,7	0,3	3,0
Молдаване	4190	48,8	32,3	17,3	1,6	3,9
Грузины	905	43,1	38,2	17,2	1,5	4,0
Армяне	1240	31,9	37,0	26,6	4,5	4,7
Азербайджанцы	1710	31,0	34,1	29,4	5,5	4,8
Казахи	1896	34,2	36,5	26,0	3,3	4,6
Узбеки	1878	28,4	35,6	29,8	6,2	5,0
Туркмены	1810	28,4	35,3	29,5	6,8	5,0
Таджики	1782	25,6	35,5	30,8	8,1	5,2
Киргизы	1886	34,4	38,0	24,1	3,5	4,5

* Таблица составлена по: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР» (сводный том) М., 1962.

разить важный аспект формирования новой исторической общности людей — советского народа.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в переписях населения при всей их важности для изучения этнических процессов требуемые для этого материалы представлены неполно. Неполнота обусловлена не только тем, что эти материалы, будучи ограничены языковыми и этническими названиями, не могут отразить многоступенчатую гамму этнических и языковых трансформаций, но и тем, что они по своей сущности способны фиксировать лишь конечные результаты этой, далеко не полной стороны этнических процессов, связанной с переменой языка и национальности (так называемых этнических процессов в узком смысле слова).

Глава XII.   Общее и особенное   в этнических процессах   у различных народов СССР

Происходящие в СССР собственно этнические процессы имеют, как мы могли убедиться, немало общих черт. Это обусловлено прежде всего общностью социально-экономической и общественно-политической базы в рамках единого социалистического государства. В этнических процессах отражаются общие основные тенденции национального развития народов нашей страны — их расцвет и дальнейшее всестороннее сближение.

В силу исторических традиций, характера хозяйства, расселения, специфики культуры и других причин этнические процессы у различных народов СССР отличаются определенными особенностями и протекают с разной степенью интенсивности. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть этнические процессы в СССР еще под одним углом зрения, в плане выявления их особенностей, обусловленных типом этнической общности. В данной связи можно наметить три основных варианта проявления этих процессов: 1) в нациях, сложившихся еще до Великой Октябрьской социалистической революции; 2) в нациях, сформировавшихся в советское время, не прошедших стадии развитого капитализма; 3) у социалистических народностей¹.

Если этнические процессы в первом случае характерны для восточнославянских, прибалтийских и закавказских наций, т. е. для 80% населения нашей страны, то этнические процессы второго вида, получившие распространение главным образом в восточных районах, охватывают около 18% населения, а третьего — всего около 2%. Конечно, приведенное разделение процессов условно. Но все же каждой выделенной категории присуща своя специфика.

Остановимся на этнических процессах, которые наблюдаются в нациях, сложившихся еще в дореволюционной России. Как правило, эти нации возникли на основе крупных этнических об-

---

¹ И. С. Гурвич. Современные направления этнических процессов в СССР. СЭ, 1972, № 4.

щностей. В ходе развития капиталистических отношений, усиления экономических связей, языковые, этнографические различия в этих буржуазных нациях в известной степени оказались стерты. Следует отметить, что этнические изменения в этнически однородных общностях, к сожалению, изучены значительно слабее, чем процессы, протекающие в условиях взаимодействия этносов. Однако имеющиеся данные показывают, что преобразование буржуазных наций в социалистические, социально однотипные, упрочение их единства по мере развития социалистической экономики и культуры сказалось и на их этническом облике.

Как известно, даже сформировавшиеся нации обычно членятся в той или иной мере на этнографические, диалектальные и локальные группы, отдельные историко-культурные подразделения, имеют в своей среде те или иные не вполне ассимилированные ими инонациональные включения.

Фактически каждая этническая общность имеет свою, отличающуюся определенной устойчивостью, внутреннюю этническую структуру (под этим термином мы понимаем исторически сложившуюся совокупность частей, отдельных этнографических и историко-культурных подразделений, их соотношение и взаимосвязь внутри этнических образований). Внутренняя этническая структура по существу является результатом перманентных этнических изменений. Сложившиеся в условиях дореволюционной России нации претерпели за годы Советской власти глубокие изменения в этнической структуре. Возникновение социалистической экономики, массовое перераспределение населения между городом и деревней, рост хозяйственных и культурных связей внутри наций, между основной массой населения и разобщенными в прошлом периферийными этнографическими и локальными историко-культурными группами способствовали разрушению известной обособленности всех этнических подразделений, укреплению в нациях сознания этнического единства. Усилились и тенденции слияния с основной массой этих наций вкрапленных в их массивы иноэтнических групп.

Весьма отчетливо процессы изменения этнической структуры, упрочения единства прослеживаются в среде русских, самого крупного народа Советского Союза, а также родственных им по языку и культуре украинцев и белорусов. Заметим, что восточнославянские народы составляют около 73% общей численности населения СССР, следовательно, этнические процессы, протекающие в их среде, характерны почти для трех четвертей населения нашей страны.

В процессе преобразования русской нации в социалистическую и развития ее как таковой произошли глубокие изменения и в ее внутриаэтнической структуре.

Рост социалистической промышленности, городов, становление крупного механизированного сельского производства, усиление миграций ускорили стирание этнографических и диалектальных

различий. За последние десятилетия наблюдается быстрое изживание различий между южной и северной этнографическими областями русского народа. Еще в недавнем прошлом русское население Новгородской, Архангельской, Олонецкой, Вологодской и других северных и северо-восточных губерний, как показано в главах о материальной и духовной культуре, значительно отличалось по типам жилища и хозяйственных построек, по сельскохозяйственной технике, по типам женской одежды, вышивке, орнаменту, особенностям семейного строя, свадебной обрядности, характеру устной поэзии от русского населения Орловской, Курской, Воронежской губерний и других южных областей². Эти культурные особенности отличались устойчивостью и передавались от поколения к поколению. Переселенцам из области в область приходилось приспосабливаться к местным бытовым нормам, иным формам обычаев и т. д. Областные культурные особенности нередко рассматривались самим русским населением как этнические³.

С изменением размещения производительных сил, промышленным освоением новых районов, с изживанием элементов натурального хозяйства, исчезновением домашних ремесел, широким распространением фабричных изделий, изменением самого характера семейного быта былые различия в традиционной материальной культуре крупных этнографических и областных локальных групп русского народа в значительной мере сгладились. Одновременно исчезает известная диалектальная пестрота, характерная для окраинных территорий расселения русских⁴. Например, глубокие социально-экономические изменения, а также приток русских из центрально-черноземных областей привел к изживанию былой обособленности кубанских казаков⁵.

Внутренняя консолидация русской нации проявляется в растворении в русской среде не только таких мелких этнографических групп русского народа, как тузовляне или гамаюнщина, но и в сравнительно многочисленных, как, например, мещера (население северной лесной части Рязанской области), саяны (обитатели Курской области), полехи (жители бассейнов рек Десны, Сейма, верховьев Оки), заволжские старообрядцы, отдельные группы казачества.

В литературе неоднократно отмечалось, что с основной массой русского народа в советский период стали сливаться периферийные этнографические группы русских: поморы, обитатели побережий Белого и Баренцева морей, бывшие старообрядцы Среднего Урала и Южной Сибири, русские старожилы Северной Яку-

² «Народы Европейской части СССР», I. Серия «Народы мира». М., 1964, стр. 99—571; «Русские. Историко-этнографический атлас». М., 1967.

³ «Народы Европейской части СССР», I, стр. 119—136.

⁴ См. главу VIII настоящего издания.

⁵ Л. Н. Чижикова. Заселение Кубани и современные этнические процессы. СЭ, 1963, № 6.

тии (колымчане, индигирщики), Магаданской области (марковцы), Камчатской области (камчадалы). Так, русские старожилы долины р. Камчатки — камчадалы (в состав их влились и потомки коренного населения — ительменов) в результате концентрации в сравнительно крупных поселках сблизились с преобладающим пришлым русским населением. Камчадалы утратили свои прежние особенности культуры, восприняли современные формы одежды, жилища и т. д. Широкое распространение получили браки между старожилками и недавними русскими переселенцами⁶.

Следует отметить, что консолидационные процессы обычно не улавливаются статистическими материалами и выявляются лишь путем этнографических наблюдений.

Индустриализация, коренное переустройство сельского хозяйства оказали влияние на развитие русской нации. Процесс ее современного этнического развития характеризуется не только консолидацией, но и расширением за счет растворяющихся в среде русских дисперсных групп, близких по культуре и языку народов. В центральных районах Российской Федерации, на Урале, в Западной и Восточной Сибири с преобладающим русским населением сливаются украинцы и белорусы. Процесс этот, несомненно, облегчается исконной языковой и культурной близостью трех восточнославянских народов.

В период между переписями 1926 и 1939 гг., по-видимому, не менее 3 млн. украинцев влилось в состав русских.

Следует отметить, что с русскими сливаются и недавние переселенцы с Украины, Белоруссии и старожильческие группы украинцев и белорусов на территории РСФСР. Обширный район Сибири — Кулунда — в прошлом заселялся преимущественно украинцами. По данным переписи 1926 г., украинцы в этом районе составляли около половины населения. В 1959 г. доля украинцев составляла по отдельным районам Кулунды от 20 до 25 %.

Исследования, проведенные в отдельных городах Сибири, показали, что подавляющее большинство детей от браков между украинцами и русскими считают себя русскими. В целом с 1926 по 1959 г. доля украинцев в населении Сибири снизилась вдвое, а белорусов — в пять раз⁷.

С русскими в значительной мере слились финноязычные народности — воль, ижора⁸, этнографическая группа мордвы — терюха-

---

⁶ И. С. Гурвич. Русские старожилы долины р. Камчатки. К вопросу об исторических судьбах обособленных групп русского народа в Сибири. СЭ, 1963, № 3.

⁷ В. И. Переведенцев. Взаимосвязь миграций населения и этнического сближения народов в современных условиях. «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе». Новосибирск, 1967, стр. 78—86.

⁸ Н. В. Шлыгина. Роль хозяйственных занятий в процессе ассимиляции водско-ижорского населения в конце XIX — начале XX в. СЭ, 1965, № 4.

не Горьковской области⁹, в значительной мере — эстонцы Псковской и Ленинградской областей¹⁰.

В состав русского народа влилась значительная часть вепсов Ленинградской и Вологодской областей. По переписи 1926 г., вепсов было 32,8 тыс., по переписи 1959 г. — 16,4 тыс.¹¹, а в 1970 г. — 8,2 тыс.¹²

В среде русских постепенно растворяются территориально разрозненные этнические общности. Этот процесс особенно интенсивно протекает в городах.

На Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке отдельные группы мордвы, выходцев из Поволжья, вследствие хорошего знания русского языка, близости к русской культуре, быстро растворяются в окружающей русской среде¹³.

Следует отметить, что с русскими в этнокультурном отношении сблизились значительно больше населения, чем это регистрируется переписями. Так, значительная часть мордвы, украинцев, евреев, армян, живущих в городах среди преобладающего русского населения, давно утратила свой родной язык, элементы своей традиционной национальной культуры и многими узлами (родственными, культурными, соседскими) связана с окружающим населением. В этих группах распространено двойственное этническое самосознание. При этнографических опросах населения таких групп об их национальной принадлежности они, обычно отмечая свое особое этническое происхождение, указывают на значительную близость к русским, в среде которых они фактически растворяются.

Естественно, что большая часть этого сближившегося с русскими населения восприняла русскоязычную общесоветскую культуру.

Являясь самым многочисленным народом нашей страны, русские оказывают огромное влияние на развитие хозяйства и культуры всех народов Советского Союза. В советский период значительно расширились производственные и культурно-бытовые контакты их с народами Поволжья, Сибири, Кавказа, Средней Азии. Практически территория расселения русских не расширилась, хотя за период между переписями 1926 и 1959 гг. для

⁹ «Народы Европейской части СССР», II, стр. 549.

¹⁰ Архив ИЭ АН СССР. Материалы Прибалтийской экспедиции 1958 и 1959 гг. Эстонский отряд: *A. Wiies. Sonavaralisi paralleela Peipsi-tagustes vene muttakutes ja eesti keeles. «Keel ja kirjandus», 1958.*

¹¹ Численность и расселение народов мира. Серия «Народы мира». М., 1962, стр. 85; *Н. И. Богданов. Вепский язык на современном этапе развития. Сб. «Прибалтийско-финское языкознание». Петрозаводск, 1958, стр. 74—82.*

¹² «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV. М., 1973, стр. 11.

¹³ *В. И. Козлов. Расселение мордвы. Сб. «Вопросы этнической истории мордовского народа». М., 1960; он же. К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР (опыт исследования на примере мордвы). СЭ, 1961, № 4.*

работы в отдельных отраслях хозяйства, развивающихся в союзных республиках, из РСФСР переселилось много рабочих, техников, инженеров, специалистов. В 1926 г. вне РСФСР проживало 5% от общего числа русских, в 1959 г.— 14,2%¹⁴. Однако после того, как в союзных республиках были созданы свои национальные квалифицированные кадры, приток в них русских замедлился. Все же перепись 1970 г. выявила вне РСФСР 16,5% от общего числа русских.

В большинстве союзных республик русские живут преимущественно в городах. Значительная часть этого русского населения, как показали специальные исследования, проведенные на Украине и в Молдавии, связана культурными и родственными узами с окружающим населением и трудится в многонациональных коллективах.

Характерно, что 135 тыс. русских на Украине показали в качестве своего родного языка украинский язык¹⁵. Этносоциологическое обследование в Молдавии, проведенное в 1971 г., выявило, что 52% живущих в городах русских знает молдавский язык, а для 7% из этого числа он является родным. Около 60% русских, проживающих в Кишиневе и средних городах Молдавской ССР, состоит в родстве с людьми другой национальности¹⁶.

Несколько по-иному идет развитие старожильческого сельского русского населения Молдавии, появившегося здесь в XVII—XVIII вв. В прошлом в быту русских сел наблюдалась значительная обособленность. Русские редко вступали в браки с молдаванами и украинцами. В советский период в связи с социалистическим переустройством культуры и быта обособленность русских сел стала исчезать. Возникли национально-смешанные семьи¹⁷.

Как показано в главе X, в последние десятилетия увеличилось число браков русских с представителями местных национальностей во всех союзных республиках.

Специальные социологические исследования, проведенные в ряде союзных и автономных республик, показывают благоприятный характер взаимоотношений пришлого русского населения с коренным.

Таким образом, в процессе развития русской социалистической нации происходит сближение как отдельных, обособленных в прошлом этнографических групп русских, так и слияние с русскими отдельных малочисленных народов и этнодисперсных

---

¹⁴ Э. В. Тадевосян. Дальнейшее сближение социалистических наций в СССР. «Вопросы философии», 1963, № 3.

¹⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», ч. IV, стр. 321.

¹⁶ Архив ИЭ. Материалы этносоциологического обследования в Молдавии 1971 г., проведенного ИЭ АН СССР и Академией наук Молдавской ССР.

¹⁷ Л. Н. Чижикова. Этнографические особенности русского населения Молдавии, СЭ, 1973, № 3.

групп, усиливается взаимное сближение русских и народов всех союзных и автономных республик.

Показательно во многих отношениях этническое развитие украинцев. Украинская нация, как известно, сформировалась еще в дореволюционный период. За годы Советской власти, в ходе ликвидации эксплуататорских классов, строительства социалистической экономики, общего подъема культуры украинская нация стала социально однородной. Усилению сплоченности украинской социалистической нации несомненно способствует рост местных национальных кадров. Численность украинцев в среде рабочего класса УССР уже к 1960 г. составила около 70%¹⁸. В связи с индустриализацией произошли значительные перемещения украинцев внутри республики. Свыше половины населения Украины живет в городах, тогда как в дореволюционный период около 80% проживало в сельской местности.

Расширение социальных функций украинского языка, введение его в школах, высших учебных заведениях, развитие на украинском языке печати способствовало сближению украинских территориальных говоров.

Изменилась внутренняя этническая структура украинской нации. Следует отметить ускорившееся стирание культурно-бытовых различий между населением основных этнографических регионов Украины — центральным, южным, восточным и юго-западным. В каждом из этих больших локальных подразделений в прошлом наблюдалась значительная специфика в одежде, пище, технике строительства жилища. Бурное экономическое развитие Украины, общий подъем материального благосостояния и культурного уровня способствовал постепенной нивелировке этих локальных культурных особенностей, хотя в некоторых областях, таких как Полесье, многие этнографические особенности в силу специфики природных условий и своеобразия социально-экономического развития продолжают сохраняться¹⁹.

После воссоединения в 1939 г. всех украинских земель в общеконсолидационный процесс включились западные украинцы, в частности гуцулы, лемки и бойки. Самобытные черты своей культуры в настоящее время они воспринимают как локальные этнографические, а не как этнические особенности²⁰. В настоящее время у различных групп украинского народа выработалась однородная социалистическая культура.

В украинских районах со сложным этническим составом наблюдаются процессы языковой ассимиляции. Свыше 400 тыс. жи-

---

¹⁸ М. П. Ким, С. Л. Синявский. Рост рабочего класса в 1953—1961 гг. «Вопросы истории», 1963, № 3.

¹⁹ СЭ, 1972, № 6, стр. 28—38.

²⁰ «Народы Европейской части СССР», I, стр. 591—593; В. И. Наулко. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975, стр. 157.

телей республики различных национальностей пазвали в 1970 г. своим родным языком — украинский. Ускорилось и сближение с украинцами, вкрапленных в их состав ионациональных групп, например болгар²¹.

Для большинства неукраинских и нерусских национальных групп УССР характерно троязычие — они владеют украинским, русским и языком своей национальности²². Участились браки представителей этих групп, проживающих на территории УССР, с украинцами²³, интенсивно идет процесс смешения русских с украинцами в селах с преобладающим русским населением, расположенных в окружении украинских сел. В прошлом в быту таких русских сел наблюдалась обособленность, редко заключались браки между русскими и украинцами. В советское время с расширением сферы общения, укреплением экономических связей участились смешанные в национальном отношении браки. В ряде случаев потомки русских стали считать себя украинцами²⁴.

Отчетливо проявляются на Украине процессы межэтнической интеграции. Углубились и расширились взаимовлияния и взаимодействия украинской и молдавской культур (на территории УССР живет 265 тыс. молдаван)²⁵. При Советской власти неизмеримо усилилось сотрудничество украинцев с русскими и другими народами Советского Союза в области науки, техники, литературы и искусства. В этом значительную роль сыграл язык межнационального общения. По данным переписи 1970 г., 36,3% всех украинцев республики свободно владеют русским языком²⁶. Практическое знание русского языка украинцами, как свидетельствуют этнографические наблюдения, значительно выше. Это обстоятельство объясняется близостью украинского и русского языков, длительным взаимодействием украинской и русской культур в районах их смешанного расселения.

В связи с нуждами социалистической экономики (строительством промышленных предприятий в восточных районах страны, освоением целинных земель) усилился процесс расселения украинцев по другим республикам. За пределами Украинской ССР проживает более 5 млн. украинцев. В РСФСР они составляют 2,6% общей численности населения, в Молдавии 14%, в Белоруссии 2%²⁷. Это обстоятельство способствует сближению

---

²¹ Л. С. Демиденко. Культура и быт болгарского населения в Украинской ССР. Киев, 1970.

²² СЭ, 1972, № 6.

²³ В. Н. Наулко, Л. В. Чуйко. Межнациональные браки в Украинской ССР. Материалы II Всесоюзной конференции по проблеме «Изменение социальной структуры советского общества», вып. 6. М., 1972.

²⁴ Л. Н. Чижикова. Об этнических процессах в восточных районах Украины. СЭ, 1968, № 1.

²⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, стр. 152.

²⁶ Там же, стр. 153.

²⁷ Там же, стр. 43, 176, 196.

украинцев с народами других культурно-исторических областей Советского Союза.

Заметно усилилась за годы Советской власти этническая монолитность белорусов. Занимая компактную территорию, белорусская нация и до социалистических преобразований отличалась этническим и культурным единством²⁸. После ликвидации эксплуататорских классов, утверждения социалистической государственности, подъема экономики, массового распространения просвещения единство белорусской нации усилилось. Это выразилось в укреплении национального самосознания, исчезновении локальных самоназваний, бытовавших отчасти потому, что белорусы в прошлом входили в состав разных государств²⁹. Несомненное влияние на упрочение этнического единства оказал массовый отход белорусов от религии. В конце XIX — начале XX в. большая часть белорусов была православной; белорусы западных районов принадлежали к католической и униатской церквям. Эти различия способствовали известному разобщению белорусов. Иногда они рассматривались самим населением как этнические. Браки между белорусами-униатами и православными были сравнительно редки. Воссоединение в 1939 г. западных белорусских земель с восточными привело к интенсивной консолидации белорусского этноса, что в дальнейшем способствовало усилению монолитности белорусской социалистической нации.

Послевоенное промышленное развитие Белоруссии, рост численности белорусского рабочего класса, усиленный процесс урбанизации, взаимообмен населением между городом и селом привели не только к исчезновению былых сословных различий в одежде, жилище, к отходу от архаических форм материальной культуры, но и к изживанию локальных этнографических традиций в быту. Различия в материальной культуре белорусов Поднепровья, юго-западных и северо-восточных областей в настоящее время почти стерлись.

Усилилось сближение с основной массой белорусского народа окраинных этнографических групп пинского и черниговского Полесья (так называемые полещуки, пинчуки, бещуки), сохраняющих в своей традиционной культуре ряд самобытных элементов. Развитие белорусского литературного языка привело к nivelровке белорусских говоров.

Современная белорусская национальная культура характеризуется высоким развитием профессиональных форм искусства, литературы, народных художественных промыслов.

Наряду с дальнейшим процессом развития белорусской национальной культуры происходит процесс сближения ее с культурой других народов СССР, в особенности с русской и украинской. Как

²⁸ Л. А. Молчанова. Материальная культура белорусов. Минск, 1968.

²⁹ «Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР». М., 1968, стр. 217—242.

показали социологические исследования, в Белоруссии 77% белорусов владеет в той или иной мере русским языком³⁰. Участились межнациональные браки.

В ходе индустриализации белорусы — рабочие, техники, инженеры — активно участвовали в подъеме экономики страны. В настоящее время за пределами Белорусской ССР живет 1642 тыс. белорусов³¹.

За советский период произошло значительное этническое сплочение молдавской социалистической нации. Создание в 1924 г. на левобережье Днестра Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики, социалистическое преобразование сельского хозяйства, ускоренное промышленное развитие районов, компактно заселенных молдаванами, распространение грамотности (в 1897 г. в Бессарабской губернии 73,8% населения было неграмотно) привели не только к изживанию былой обособленности, но и к значительному подъему культуры левобережных молдаван.

Воссоединение Бессарабии в 1940 г., образование Молдавской ССР открыло путь для консолидации молдавского народа³². Для послевоенного развития Молдавской ССР характерно ускоренное индустриальное развитие. Здесь возникли крупные машиностроительные, электротехнические, приборостроительные предприятия, мощные электростанции. В связи с этим не только увеличилась численность молдавского рабочего класса, но произошел заметный рост удельного веса групп работников, занятых квалифицированным трудом. В возрасте 20—24 лет эта группа составляет 30,9%³³. Несомненное влияние на весь облик молдавской социалистической нации оказала урбанизация. Переход значительной части молдаван из сел в города (около 58% всех специалистов высшей квалификации и 30% средней в Кишиневе — выходцы из сел), так же как обмен населением между городом и селом (приезжие городские специалисты-молдаване составляют в селе 22,1% всех специалистов высшей квалификации и 20% средней)³⁴, свидетельствует об интенсивном перемещении коренного населения Молдавии.

Следует указать и на большие территориальные перемещения молдаван в пределах своей республики. В связи с промышленным развитием произошла известная концентрация населения в центральных районах Молдавии³⁵. Все это ведет к стиранию

---

³⁰ П. Машеров. О некоторых чертах и особенностях национальных отношений. «Коммунист», 1972, № 15, стр. 29.

³¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, стр. 321.

³² «Народы Европейской части СССР», II, стр. 771—781.

³³ Архив ИЭ. Материалы этносоциологического обследования Молдавии 1971 г.

³⁴ Там же.

³⁵ В. С. Зеленчук. Население Молдавии. Демографические процессы и этнический состав. Кишинев, 1973, стр. 51.

различий в области традиционной материальной культуры между правобережными и левобережными молдаванами.

Упрочению единства молдавской нации способствует расширение функций молдавского литературного языка, обслуживающего все сферы общественной жизни Молдавской ССР. Распространение литературного языка сглаживает локальные диалектальные различия в молдавском языке.

Мощным фактором упрочения единства молдавской нации является развитие социалистической культуры. В советский период литература, профессиональные формы искусства — живопись, кино, театр стали главенствующими элементами культуры, хотя сохраняются молдавские традиционные художественные ремесла, фольклор, народные танцы, праздничные традиции. Постепенно выравнивается культурный уровень городского и сельского населения Молдавии. Некоторое отставание сельского населения в области образования объясняется низким образовательным уровнем сельских жителей старших возрастов³⁶.

Этносоциологическое обследование Молдавии 1971 г. показало, что для всего молдавского населения как городского, так и сельского характерны, хотя и в несколько различной степени, современные формы использования свободного времени — посещение кино, просмотр телепередач, слушание радио, чтение художественной литературы. Все эти данные говорят об интенсивном процессе консолидации и дальнейшем развитии молдавской социалистической нации. Наряду с этим наблюдается сближение молдаван с другими нациями и народностями нашей страны. Так, в последние десятилетия в Молдавской ССР резко усилились межнациональные контакты.

В городах Молдавии 80% молдаван и 96% русских работают в многонациональных коллективах³⁷. Так, на Кишиневском тракторном заводе еще в 1967 г. были представлены 24 национальности. Многонациональными являются крупные молдавские колхозы и совхозы³⁸.

Этносоциологическое обследование Молдавии 1971 г. показало, что в Кишиневе среди опрошенного населения у 50% молдаван и 60% русских близкие родственники состоят в браке с людьми другой национальности. В средних городах у 57% молдаван и русских родственники состоят в браке с лицами других национальностей.

Значительное распространение среди молдаван получил язык межнационального общения: 36% молдаван при проведении пере-

---

³⁶ М. Губогло, В. Зеленчук, Р. Даниленко. Союз народов, братство культур. «Коммунист Молдавии», 1973, № 9, стр. 9—19.

³⁷ Архив ИЭ. Материалы этносоциологического обследования Молдавии 1971 г.

³⁸ Д. Т. Урсул. Развитие общественных отношений в Советской Молдавии. Кишинев, 1967, стр. 346—347.

писи 1970 г. указали, что они свободно владеют русским языком³⁹. Однако, как показано в главе «Этнолингвистические процессы», реальное распространение русского языка среди молдаван значительно шире. Знание русского языка позволяет молдаванам активно усваивать богатства как русской, так и других братских культур народов СССР.

Следует отметить, что произведения молдавских писателей в переводах на русский язык становятся достоянием всех народов Советского Союза.

Таким образом, и на примере развития молдавской нации можно отчетливо видеть проявление двух взаимосвязанных тенденций — внутренней этнической консолидации и общесоветской интеграции.

Сложные этнические процессы наблюдаются в Закавказье. Вследствие феодальных пережитков, особых природно-географических условий и других причин нации Закавказья были этнически менее консолидированными, чем восточнославянские нации. Глубокие преобразования, вызванные Великой Октябрьской социалистической революцией, национально-государственное строительство, преодоление экономической отсталости, ликвидация эксплуататорских классов способствовали упрочению этнического единства закавказских наций. Здесь постепенно исчезают этнографические особенности, свойственные отдельным локальным подразделениям. Между крупными нациями Закавказья и мелкими народностями и этническими группами родственного происхождения происходит сближение.

В процессе консолидации грузинской социалистической нации стираются этнографические различия между локальными группами грузин: идет дальнейшее сближение между этническим ядром грузин — кавказцами и горцами восточной Грузии⁴⁰.

Происходит и дальнейшее объединение кавказских народов: в состав грузин вливаются мегрелы, сваны и лазы. Подавляющее большинство их владеет грузинским языком. Однако в домашнем быту мегрельский, сванский и лазский языки еще используются. Двуязычие сочеталось у этой части населения с двухъязычным этническим самосознанием. Большинство мегрелов, сванов, лазов осознают себя грузинами, но сохраняют представление о своей принадлежности к этим, в прошлом обособленным, влившимся в состав грузин этническим подразделениям⁴¹.

В состав грузин вливаются и небольшие народы иных языковых групп, например, цова-тушины. На протяжении многих веков идет процесс сближения и отчасти слияния с грузинами и части

³⁹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, стр. 20.

⁴⁰ «Народы Кавказа», II. Серия «Народы мира». М., 1962, стр. 212—214; Н. Г. Волкова. Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX—XX в. СЭ, 1968, № 6, стр. 39—51.

⁴¹ «Народы Кавказа», II, стр. 23, 212.

южных осетин⁴², живущих в Грузии за пределами своей автономной области.

В ходе развития армянской социалистической нации также наблюдается дальнейшее сплочение отдельных этнографических и локальных групп армянского народа, сглаживание диалектальных различий⁴³. Одной из особенностей современного этнического развития армянской нации является то, что в послевоенный период в ее состав влилось около 100 тыс. репатриантов, главным образом из стран Средиземноморья. За последние десятилетия численность армян в СССР значительно увеличилась, но сократилась численность армян за пределами Армянской ССР. Это обстоятельство, видимо, объясняется как возвращением армян из других районов СССР в свою республику, так и ассимиляцией отдельных групп этих армян русскими, украинцами и другими народами.

Тенденции сплочения характерны и для этнического развития азербайджанской социалистической нации. С основной массой азербайджанцев сливаются обособленные в прошлом этнографические группы, такие как айрумы, проживающие на границе с Армянской ССР, бывшие кочевники, освоившие степные южные районы Азербайджана, — падары и шахсевены. Исчезают культурно-бытовые особенности, выделяющие их из среды азербайджанцев. Все более сливаются с азербайджанцами ираноязычные таты и талыши. Так, все талыши владеют азербайджанским языком и обучаются на этом языке. Однако они сохраняют еще некоторые особенности в одежде, жилище и семейной обрядности. Наблюдается сближение с азербайджанцами лезгин, аварцев, цахуров, проживающих на территории Азербайджана; все же эти группы сохраняют свое национальное самосознание, свои языки и культуру⁴⁴.

Этническое развитие закавказских наций не сводится к упрочению внутренней монолитности. Наряду с ней усиливаются многообразные связи между нациями внутри закавказского региона и связи их со всеми другими народами Советского Союза⁴⁵. Крепнущие контакты способствуют обмену культурным достоянием, интернационализации быта, постепенному отходу от архаических форм традиционной обрядности.

Расширение экономических и культурных контактов привело к значительному распространению двуязычия: 30,1% армян, 21,3% грузин, 16,6% азербайджанцев показали в 1970 г., что они свободно владеют русским языком. В закавказских союзных

⁴² Б. А. Калоев. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1971, стр. 331.

⁴³ «Народы Кавказа», II, стр. 438—442; Н. Г. Волкова. Указ. соч.

⁴⁴ «Народы Кавказа», II, стр. 37, 181, 187, 195.

⁴⁵ Ц. П. Калаидзе. К истории культурных взаимосвязей народов Закавказья. СЭ, 1972, № 5; Н. Г. Волкова. Этнические процессы в Закавказье в XIX—XX вв. «Кавказский этнографический сборник», вып. IV. М., 1969.

республиках в связи с национальной однородностью преобладают однонациональные браки. Однако усилившееся межнациональное общение ведет к росту смешанных в национальном отношении браков как между представителями самих закавказских наций, так и их с русскими⁴⁶. Комплексное этносоциологическое исследование, проведенное в Грузинской ССР, показало, что более 45% опрошенных сельских жителей имеют родственников другой национальности, а среди грузинской интеллигенции — до 60—70%⁴⁷.

Социалистические преобразования способствовали дальнейшему упрочению внутреннего единства сложившихся во второй половине XIX в. латышской, эстонской и литовской наций.

Остановимся сначала на этническом развитии латышей. В буржуазной Латвии у населения больших историко-культурных областей — Видземе, Земгале, Курземе и Латгале — сохранялись диалектальные особенности, специфические черты в хозяйственно-бытовом укладе и традиционной культуре. После восстановления в 1940 г. Советской власти в Латвии начался быстрый рост городов, вызванный ускоренным развитием социалистической промышленности. Коллективизация, переход от хуторского расселения к колхозным и совхозным поселкам ликвидировали былую замкнутость и разобщенность латышей в быту. Модифицируется и модернизируется традиционная материальная культура. Исчезают этнографические особенности, характерные в прошлом для четырех больших областей Латвии. Широкое распространение латышского литературного языка в связи с осуществлением на практике всеобщего обязательного школьного обучения, бурное развитие печати способствуют изживанию диалектов. Все это ведет к быстрому стиранию былых культурных различий между отдельными локальными подразделениями латышей. Завершается процесс ассимиляции латышами ливов — небольшой этнографической финноязычной группы⁴⁸.

Изменились отношения между латышами и живущим в восточной Латвии старожильческим русским и белорусским населением. Расширилась сфера общения между этими в прошлом обособленными группами, строго придерживавшимися своих обычаев, и основной массой латышей. Совместная хозяйственная и общественная деятельность способствует росту числа смешанных в национальном отношении браков⁴⁹.

⁴⁶ А. Е. Тер-Саркисянц. О национальном аспекте браков в Армянской ССР (по материалам загсов). СЭ, 1973, № 4.

⁴⁷ Ю. В. Арутюнян. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации. СЭ, 1973, № 4.

⁴⁸ «Народы Европейской части СССР», II, стр. 109—209; «Latviešu Etnografija». Riga, 1969.

⁴⁹ О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева. Этнографическое исследование национальных процессов в Прибалтике. СЭ, 1965, № 5; Л. Н. Терентьева. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. СЭ, 1969, № 3; см. также главу X настоящего издания.

Во многом схожий с латышами путь этнического развития прошли со времени восстановления Советской власти в Прибалтике литовцы.

В советское время ускорилось сглаживание этнографических и бытовых различий между литовцами, обитателями юго-востока страны — Аукштайтии, Жемайтии и Занеманья. С бурным развитием просвещения (в буржуазной Литве большинство детей не имело возможности окончить начальную школу) стали ускоренно распространяться нормы литовского литературного языка, созданного на основе западноаукштайтского диалекта, и исчезать диалектальные различия. Теперь они проявляются только в говоре лиц старшего поколения. Создание колхозных и совхозных поселков, массовое сельское жилищное строительство в значительной степени нивелировало бывшие областные различия в типах жилищ и хозяйственных построек. Преодоление обособленности в образе жизни сельского населения способствовало отходу литовцев от многих обычаев старины, различавшихся в отдельных районах. Дальнейшее развитие получили литовские народные и профессиональные формы искусства.

С литовцами сближаются обособленные в прошлом группы сельского старожильческого русского и белорусского населения, а также живущие в Литве караимы⁵⁰.

В этническом отношении наиболее однородной из прибалтийских наций является эстонская. Эстонский литературный язык в настоящее время прочно утвердился среди эстонцев на всей территории республики, что ведет к исчезновению остатков диалектальных отличий. От основной массы эстонцев в недавнем прошлом отличалась немногочисленная этнографическая группа населения на юго-востоке Эстонии, так называемые сету. В их быту и культуре сохранились самобытные черты и особенности, свидетельствующие о большем влиянии русских. В настоящее время обособленность сету постепенно исчезает. Нивелируются и культурные особенности эстонского населения бывших историко-культурных подобластей Эстонии (северной, южной, западной и островной).

Для советского периода этнического развития эстонцев характерно исчезновение социальных различий в одежде, в обстановке жилища. Значительных успехов достигла эстонская художественная литература, эстонское театральное искусство. Все это способствует дальнейшему укреплению единства эстонской социалистической нации⁵¹.

Одновременно крепнут экономические и культурные связи эстонцев с ближайшими соседями — латышами и русскими,

⁵⁰ «Народы Европейской части СССР», II, стр. 9—108.

⁵¹ «Народы Европейской части СССР», т. II, стр. 209—222; *Е. В. Рихтер*. Материальная культура сету в XIX—начале XX в. К вопросу об этнической истории сету. Москва — Таллин, 1961.

а также и с другими братскими народами СССР. Это выражается во взаимообогащении и взаимопроникновении культур, в обмене кадрами специалистов, квалифицированных рабочих.

В Прибалтийских союзных республиках значительное число лиц коренных национальностей (от 29% в Эстонии до 45% в Латвии), помимо своего родного, свободно владеет русским языком⁵². За последние десятилетия участились смешанные в национальном отношении браки литовцев, латышей и эстонцев.

Таким образом, в ходе преобразования буржуазных наций в социалистические изменяется их внутренняя этническая структура. Преодолеваются локальная и этнографическая обособленность периферийных групп, изживаются диалектальные различия, исчезает локальное самосознание, т. е. происходят углубленные консолидационные процессы. Внутри крупных наций растворяются дисперсные группы других народов, национальные меньшинства. Вместе с этим усиливается всестороннее сближение социалистических наций между собой.

Несколько иной характер этнические процессы получили у народов, сформировавшихся в нации в советское время.

Ликвидация Великой Октябрьской социалистической революцией всех форм национального угнетения, национально-государственное строительство, ускоренные темпы развития экономики в отсталых в прошлом периферийных районах, социалистическая индустриализация и переустройство сельского хозяйства, культурная революция открыли путь для формирования в нации и народам окраин бывшей Российской империи. Втянутые в той или иной мере в систему общероссийского рынка, они тем не менее не прошли стадии промышленного капитализма. Вплоть до Октябрьской социалистической революции у них существовал феодальный или полуфеодальный уклад, сохранялись родо-племенные пережитки. В силу этого в этническом отношении они были слабо сплочены.

Социалистические преобразования способствовали значительному ускорению национального развития и в таких районах, как Средняя Азия, Казахстан, Восточная Сибирь, Северный Кавказ, отчасти Поволжье, и естественно, вызвали здесь коренные этнические изменения. Значительной спецификой характеризуются процессы консолидации узбекской, туркменской, таджикской, киргизской и казахской социалистических наций. Эти нации сложились на базе уже давно возникших народностей, в силу исторических условий имевших очень сложную этническую структуру, в ряде случаев отягощенную пережитками родо-племенного деления.

Так, узбеки начали складываться в нацию еще до Октябрьской социалистической революции. Однако такие этнографиче-

---

⁵² «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, стр. 380—382.

ские группы, как тюрки, кипчаки, курама, насчитывавшие в своем составе от 20 до 60 тыс. человек, будучи узбекоязычными и не отличаясь существенно в хозяйственном отношении от основной массы узбеков, сохраняли некоторую обособленность, замкнутость, особые черты в быту, культуре и свои племенные самоназвания. Некоторые группы узбеков называли себя по местности своего расселения. Среди части узбеков сохранялось родо-племенное деление, родовые и племенные самоназвания (найман, мангыт, конграт и др.). После национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии (1924—1925 гг.) резко усилился процесс национальной консолидации отдельных близких по происхождению этнографических групп узбеков. В ходе социалистического строительства, укрепления экономических связей, реконструкции ирригационного хозяйства, общего подъема материального благосостояния прогрессивные элементы культуры, выработанные отдельными этнографическими группами, стали превращаться в общенациональные. Распространение литературного языка после введения школьного обучения детей на родном языке, распространение общих черт культуры привели к тому, что эти узбекоязычные группы стали интенсивно сливаться с основной массой узбеков, в их среде прочно утвердилось узбекское национальное самосознание. Сливаются с узбеками также иноязычные группы, вкрапленные в их среду, — арабы, уйгуры Ферганы, а также отдельные группы каракалпаков, живущие за пределами своей автономной республики⁵³.

Значительные этнические изменения в ходе сложения социалистических наций имеют место и в других республиках Средней Азии.

Сложный путь этнического развития прошли за советский период туркмены. Еще в 1920-х годах у них наблюдалось пережиточное деление на племенные группы, такие, как текинцы, йомуды, сарыки, эрсари, чаудары, гоклепы и более мелкие —

---

⁵³ Народы Средней Азии и Казахстана, I, серия «Народы мира». М., 1962, стр. 165—172; Т. А. Жданко. Ленинская национальная политика на новом историческом этапе. К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму. СЭ, 1960, № 2; она же. Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии. СЭ, 1972, № 5; В. Х. Кармышева. Этнографическая группа «тюрки» в составе узбеков. СЭ, 1960, № 1; М. Г. Вахабов. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961; С. М. Абрамзон. Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана. СЭ, 1962, № 3; С. Мирхасилов, Г. Файзиев. Национально-государственное размежевание Средней Азии. СЭ, 1964, № 6; К. Шаниязов. Этнический состав узбеков и консолидация их в социалистическую нацию. «Труды VII МКАЭН», т. 10. М., 1970, стр. 111—116. Л. С. Толстова. Каракалпаки за пределами Хорезмийского оазиса. Нукус — Ташкент, 1963; она же. Пути этнического развития каракалпаков, проживающих за пределами Хорезмийского оазиса. «Труды VII МКАЭН», т. 10. М., 1970, стр. 69—75.

нухурли, ата и др. Племена в свою очередь делились на более мелкие подразделения; общая численность их доходила до нескольких сот. Между отдельными племенами существовали нередко отчужденные отношения. Причиной раздоров служили пастбища, водные источники. Этническая раздробленность сказывалась на самосознании туркмен. Люди каждой племенной группы считали только себя подлинными представителями туркменского народа. Племенные различия проявлялись в особенностях женской одежды, в формах жилища, в ковроткачестве и др.

Советское национально-государственное строительство, отмена норм обычного права, коллективизация нанесли сокрушительный удар по архаической родо-племенной структуре.

В новых экономических условиях, после земельно-водных реформ и коллективизации, когда утратило былое значение родо-племенное деление, вместе с общим подъемом культуры, с переходом скотоводов на оседлый образ жизни было изжито деление на племена, племенные подразделения и роды. Многие прогрессивные элементы культуры, характерные для отдельных крупных племенных образований, стали общенациональными.

С преодолением племенной обособленности у широких масс туркмен утверждается общенациональное туркменское самосознание. Этому процессу способствовала индустриализация Туркменской ССР, рост городов и рабочих поселков. С туркменами сближаются и сливаются, воспринимаемая туркменский язык и культуру, небольшие группы курдов, уйгуров, белуджей, джемшидов⁵⁴.

Большие этнические изменения произошли за последние десятилетия в Таджикистане. Еще недавно таджики четко подразделялись на горных и равнинных. Последние, близкие по хозяйству и бытовой культуре к узбекам, составляли большинство. Горные таджики, численностью в несколько десятков тысяч человек, отличались от равнинных направлением хозяйства, своеобразными архаичными формами материальной культуры, сохранением древних пережитков общественного строя. Распространение грамотности, общий подъем культуры, вызванный индустриализацией, реконструкцией сельского хозяйства привели к сближению этих групп таджиков.

Значительно ускорился процесс слияния с таджиками в прошлом обособленных языковых этнографических групп, таким, как ягнобцы и припамирцы (язгулемцы, рушанцы, баджуйцы, хуфцы, шугнанцы, ипкашимцы, ваханцы).

---

⁵⁴ Народы Средней Азии и Казахстана, II. М., 1963, стр. 7—10; Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева. Об этнических процессах на территории Южной Туркмении (о сближении курдов с туркменами). СЭ, 1964, № 5; Ш. Аннаклычев. Роль промышленных центров в процессе сближения наций (на примере Туркменской ССР). СЭ, 1964, № 6; Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969.

Преодоление бездорожья, окрепшие экономические связи между горными и равнинными областями Таджикистана способствовали не только подъему материального благосостояния коренного населения горных районов, но и изживанию культурной обособленности.

Среди ягнобцев и малочисленных припамирских народностей стал распространяться таджикский язык, таджикские формы материальной культуры. В настоящее время таджикский язык в Горно-Бадахшанской автономной области используется в школьной практике, в делопроизводстве. На таджикском языке ведутся радиопередачи, издаются местные газеты. Припамирские языки — шугнанский, рушанский, язгулемский, ишкашимский — стали «домашними»; ими пользуются в быту. Постепенное сближение с таджиками отразилось на национальном самосознании припамирского населения. Оно приобрело двойственный характер. Припамирцы считают себя таджиками, но указывают, что родным языком у них является свой аульный язык.

Вследствие ликвидации феодальной системы ведения хозяйства произошло и сближение между отдельными локальными группами равнинных таджиков. Территориальная, экономическая и политическая раздробленность задерживала их консолидацию. По месту жительства таджики называли себя гармскими, кулябскими, гисарскими, бухарскими и др. Между этими группами существовали очень слабые связи. В ряде районов до революции практиковался натуральный обмен. С превращением Таджикской ССР в индустриально-аграрную республику, с успехами в развитии литературного таджикского языка, с выработкой общенациональных языковых стандартов современный таджикский язык стал подчинять себе местные диалекты и говоры.

В культурном и хозяйственном строительстве в Таджикской ССР активно участвуют и живущие на территории этой республики национальные меньшинства. Совместный труд сближает их с таджиками. Постепенно сливаются с таджиками среднеазиатские таджикоязычные бухарские евреи, белуджи, часть среднеазиатских арабов. Этому способствуют общий рост городов, формирование таджикской интеллигенции и рабочего класса, укрепление сети таджикских средних школ и создание целого ряда высших учебных заведений, успехи советской таджикской литературы и распространение профессиональных форм искусства⁵⁵.

Своеобразными чертами отличается этническое развитие киргизов. В прошлом в этнографическом отношении киргизы подразделялись на южную группу (Ферганская долина и Памир), северную (Тянь-Шань, долины рек Чу и Таласа) и северо-за-

---

⁵⁵ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 528—685; Л. Ф. Моногарова. Современные этнические процессы на Западном Памире. СЭ, 1965, № 6; она же. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972.

падную (Чаткал). Киргизский язык распадался на четыре группы говоров. На этническом облике киргизов сказывалась хозяйственная разобщенность, деление на племена и роды.

Образование Киргизской ССР, перевод на базе коллективизации кочевых и полукочевых киргизских хозяйств на оседлость повлекли за собой коренные изменения в жизни киргизов. Возникновение колхозных и совхозных поселков, рост городских центров, значительные перемещения населения способствовали стиранию былых этнографических различий в материальной и духовной культуре отдельных локальных групп киргизского народа. Исчезло родо-племенное деление, потеряв реальное значение и в хозяйственной и в общественной жизни. Развитие киргизского литературного языка, преподавание его в школе, издание учебной и художественной литературы ускорили изживание различий между северной и южной группами говоров.

За советский период внутренняя национальная сплоченность киргизов значительно окрепла. Успешное экономическое и культурное развитие Киргизской ССР способствовало слиянию с киргизами небольших иноэтнических групп⁵⁶.

Во многом близко к этническому развитию народов Средней Азии развитие казахов. Казахский народ, занимая огромную территорию с разнообразными физико-географическими условиями, отличался культурной однородностью. Единым был и казахский язык. Все же господство натурального уклада, аульная обособленность, подразделение на родо-племенные группы ослабляли этническую сплоченность казахов.

В ходе национально-государственного строительства, индустриализации и коллективизации было изжито родо-племенное деление, усилилось единство казахов. Казахский разговорный язык, став литературным, превратился в язык современной казахской социалистической нации. На казахском языке ведется преподавание как в начальных и средних школах, так и в высших учебных заведениях. Образование Казахской ССР, общий подъем культурного уровня, формирование современных общеказахских черт национальной культуры упрочили национальное самосознание казахов⁵⁷.

Образование советской национальной государственности в Средней Азии и Казахстане устранило предпосылки многих на-

---

⁵⁶ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 154—157; История Киргизской ССР, т. II, кн. 1. Фергана, 1967; С. М. Абрамзон. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1974; он же. Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежних кочевников (на примере казахов и киргизов). «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана». ТИЭ, т. 98. Л., 1973, стр. 235—248.

⁵⁷ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 321—487; Н. К. Куйкбаев. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата, 1967.

циональных противоречий, укрепило дружбу между народами этого обширного региона. При братской помощи со стороны русского, украинского и других народов нашей страны, в тесном единении между собой среднеазиатские республики прошли огромный путь в культурном и экономическом развитии. Одним из следствий этого процесса явилось усложнение этнического состава среднеазиатских республик. В Узбекской ССР и Казахской ССР проживают большие группы русского, украинского и татарского населения, в Киргизской ССР, Таджикской, Туркменской — русские, украинцы и узбеки. По данным переписи 1970 г. в Казахской ССР свободно владеет русским языком 41% коренного населения, в Киргизской ССР — 19, в Таджикской — 16, в Туркменской — 15, в Узбекской — 13%⁵⁸.

Аналогичные по типу, хотя и специфичные этнические процессы, получили развитие в ходе формирования социалистических наций у ряда народов Восточной и Южной Сибири.

За советский период здесь, в условиях низкой плотности населения, сложились три сравнительно небольшие по численности социалистические нации — бурятская, якутская и тувинская.

Так же как и народы Средней Азии, народы Сибири не прошли стадии промышленного капитализма.

Экономические и культурные связи между отдельными областями в Бурятии, а также в Якутии были весьма слабыми. Значительной особенностью отличались племенные локальные и этнографические подразделения в составе якутов и бурят.

Устранение Октябрьской революцией всех форм национального угнетения пробудило народы Сибири к творческой жизни. Бескорыстная помощь более развитых народов позволила им перестроить свою экономику и культуру. Социалистическая индустриализация, реконструкция сельского хозяйства, подъем культуры вызвали среди народов Сибири резкие и сложные этнические изменения. К началу социалистических преобразований бурятский язык подразделялся на ряд отличавшихся друг от друга словарным запасом и фонетикой диалектов (хоринский, селенгинский, цонгальский, тункинский и др.). Монгольская письменность, основанная на вертикальной графике, обслуживала ламаистский культ и была недоступна широким массам. По существу буряты были бесписьменным народом.

Разработка в 1920-х годах сначала на основе латинского, а затем русского алфавита бурятской письменности, создание на основе хоринского диалекта литературного языка, близкого к живому разговорному языку, было большим событием, оказавшим значительное влияние на сплочение бурятского народа. Введение преподавания на родном языке в школах Бурятии, издание на бурятском языке газет и книг, радиовещание привели к тому,

---

⁵⁸ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, стр. 380—382.

что диалектальные различия стали стираться. Социалистическое переустройство сельского производства, образование крупных коллективных хозяйств позволили кочевникам-бурятам перейти на оседлый образ жизни. Последовательное расширение посевных площадей, освоение целины, замена в ряде районов примитивного пастбищного скотоводства стойловым, так же как и развернувшееся на территории республики большое промышленное строительство, способствовали общему подъему уровня материального благосостояния бурятского народа. Эти обстоятельства, в особенности возникновение крупных бурятских поселений и стягивание в них населения из мелких, нарушили архаическую родо-племенную структуру бурят. Деление на экзогамные роды, искусственно консервировавшиеся в фискальных целях царизмом, в новых экономических и социальных условиях потеряло свое значение. Это способствовало укреплению общепурятского национального самосознания. На широкое его распространение оказало также влияние предоставление бурятам советской национальной автономии, развитие национальной литературы, сложение профессиональных форм изобразительного, театрального и музыкального искусства. Следует отметить, что часть бурят живет за пределами Бурятской АССР, образуя крупные группы в Агинском бурятском национальном округе Читинской обл. и в Усть-Ордынском бурятском национальном округе Иркутской обл. Между этими тремя группами поддерживаются тесные культурные связи.

Процесс консолидации бурятской нации в этническом плане выражается не только в преодолении былой обособленности отдельных этнографических групп, но и в слиянии с бурятами так называемых конных тунгусов, издавна воспринявших бурятский язык. По переписи 1959 г. большинство конных тунгусов показало себя бурятами. В целом за советский период окрепла монолитность бурятского этноса⁵⁹.

Значительный путь этнического развития прошли за годы Советской власти якуты. Из отсталой окраины царской России в советское время Якутия превратилась в республику с развитой горнодобывающей промышленностью и крупным сельским производством. Отход от полукочевого быта, натурального примитивного хозяйства, отказ от разбросанных однодворных и малодворных поселений, переход в крупные поселки, преодоление замкнутости домашнего быта разрушили родо-племенные формы самосознания, пережиточное деление на роды, племена фактически утрачено. Молодежь обычно не знает, к какому роду принадлежали их родители. Исчезли и экзогамные запреты.

---

⁵⁹ «История Бурят-Монгольской АССР». Улан-Удэ, 1948; «Народы Сибири». Серия «Народы мира». М.—Л., 1956, стр. 217—266; В. И. Затеев. Формирование и расцвет бурятской социалистической нации. Улан-Удэ, 1961; К. В. Вяткина. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969.

В ходе социалистического строительства сгладились былые этнографические различия между центральными якутами (обитателями Ленско-Амгинского междуречья) и вилюйскими, верхо-янгскими, колымскими и олекминскими. С основной массой якутов быстро сближаются, утрачивая свои этнографические особенности в быту, в материальной и духовной культуре, северные якуты-оленьеводы, в прошлом более близкие по своему бытовому укладу к кочевым эвенкам, чем к полуседлым якутам-скотоводам.

Сближаются и частично сливаются с якутами отдельные группы якутоязычных эвенков, эвенов, проживающих среди преобладающего по численности якутского населения. Этническое сплочение якутской нации облегчается тем, что якутский язык не имеет диалектов. Это обстоятельство позволило после разработки якутской письменности (1922 г.) ввести преподавание на родном языке не только в начальных, но и в неполных средних школах. Языковое единство ускорило формирование якутской литературы и театрального искусства. В настоящее время якуты обладают всесторонне развитой культурой, являющейся общим достоянием всей этой небольшой нации⁶⁰.

Консолидационные процессы получили развитие и среди тувинцев. До начала социалистических преобразований в Туве остро сказывалась феодальная обособленность отдельных административных областей — хошунов и более мелких — самонов. Сохранились и родо-племенные подразделения. Социально-экономические преобразования, проведенные в период существования Тувинской народной республики (1921—1944), привели к ликвидации феодальной системы. После вхождения Тувы в состав СССР началось бурное промышленное развитие этой республики. Создание крупных коллективных хозяйств, реконструкция животноводства — основной отрасли сельского хозяйства тувинцев — позволило завершить переход кочевников на оседлый образ жизни. В этих условиях установились крепкие экономические связи между обособленными в прошлом областями Тувы. Исчезла былая экономическая замкнутость такого этнического подразделения, как тувинцы-тоджинцы. Специальные исследования, проведенные в Тувинской АССР, показали, что за последние десятилетия произошло территориальное перемешивание остатков родо-племенных групп тувинцев. Это является ярким проявлением процесса этнической консолидации.

Создание в 1930 г. национальной письменности, последующее развитие тувинского литературного языка выразилось не только в ускоренном распространении грамотности и в успехах тувинской литературы, но и в изживании языковой и культурной обособленности отдельных этнографических групп.

---

⁶⁰ «Народы Сибири», стр. 267—328; «История Якутской АССР», т. II, 1957; т. III, М., 1963; *И. С. Гурвич*. Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии. СЭ, 1960, № 5.

Консолидации тувинской нации способствовали и такие факторы, как создание современной системы школьного образования на тувинском языке, возникновение сети культурно-просветительных учреждений, развития профессионального искусства⁶¹.

Близкие по своей сущности консолидационные процессы получили развитие на Северном Кавказе в связи с формированием здесь социалистических наций. Образование автономий, социалистическое переустройство хозяйства коренного населения Северного Кавказа, рост городов ускорили этническое развитие народов этой области. Промышленного капитализма коренное население этого края не знало: вследствие длительного господства феодальных порядков здесь ярко проявлялась замкнутость отдельных этнографических подразделений. В ходе строительства социализма эта раздробленность была преодолена. В этом отношении показательно этническое развитие осетин. В рамках Северо-Осетинской АССР в советское время произошло сплочение обособленных локальных групп, так называемых осетинских «обществ». Сблизились между собой и два основных этнографических подразделения осетин — дигорцы (западная часть республики) и иронцы (восточная часть). Литературный язык, развивающийся на базе иронского диалекта, в настоящее время стал господствующим. Внедрение в быт осетин современных форм материальной культуры, отказ от старых укрепленных поселений, отход от религии (большинство осетин исповедовало христианство, а часть — ислам) способствуют этнической консолидации осетинских наций⁶². Для этнических процессов, происходящих в ходе формирования социалистических народностей, показательно развитие многих народов Северного Кавказа — кбардинцев, балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей.

К типу консолидационных процессов, характерных для этнических образований, не прошедших стадии промышленного капитализма, близки этнические процессы, протекающие у некоторых народностей Поволжья⁶³.

Ареалы расселения поволжских народностей издавна отличались значительной расчлененностью. Экономические и культурные связи отдельных локальных и этнографических групп мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей с русскими, а также башкир

---

⁶¹ В. И. Дулов. Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX — начале XX в. (до 1917 г.). СЭ, 1951, № 4; «Народы Сиббири», стр. 420—472; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961; Н. А. Сердобов. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971.

⁶² Б. А. Калоев. Указ. соч.; А. А. Астацатуров. О формировании и развитии осетинской социалистической нации. Орджоникидзе, 1963; «История Северо-Осетинской АССР» (советский период). Орджоникидзе, 1966; Н. Г. Волкова, Л. И. Лавров. Современные этнические процессы. Сб. «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968.

⁶³ В. И. Козлов. Современные этнические процессы в СССР. СЭ, 1969, № 2.

с татарами вследствие чересполосного расселения были более прочными, чем со своими народностями.

Поэтому развитие в районах Поволжья капиталистических отношений способствовало не столько формированию у этих народов своей национальной экономики, культуры, сколько нивелировке местных особенностей и дальнейшему сближению коренных народов Поволжья с русскими.

В советское время ликвидация эксплуататорских классов, национально-государственное строительство послужили мощным стимулом к формированию в Поволжье социалистических наций. В пределах поволжских автономий бурно развиваются национальные культуры, формируются социалистические нации. Вместе с тем указанные выше причины несколько усложнили консолидацию поволжских наций⁶⁴.

В советский период планомерное освоение свободных земель и полезных ископаемых Волжско-Камского бассейна, строительство промышленных предприятий, ликвидация бездорожья привлекли сюда новые массы переселенцев из центральных районов России; увеличилась и подвижность коренного населения. Все это усилило издавна протекавшие здесь процессы межэтнического взаимодействия.

В частности, в пределах Мордовской АССР наблюдается процесс развития и консолидации мордовской социалистической нации. Так, с подъемом экономики, ликвидацией былой отсталости мордовского народа, с образованием Мордовской АССР усилилось культурное сближение между этническими подразделениями мордвы — мокшей и эрзей. Однако ликвидация административного разобщения не привела к слиянию мордовских языков. Мокшанский и эрзянский языки являются литературными, степень их близости примерно такая же, как русского и украинского. На этих языках ведется преподавание в начальных классах, издается литература. В Мордовской АССР развивается мордовская национальная культура — искусство, живопись⁶⁵.

Аналогичные явления наблюдаются в этническом развитии марийцев. В Марийской АССР происходит постепенное сплочение этнических групп марийцев, утверждается марийская социалистическая культура. Все же марийские наречия продолжают существовать. Луговое и горное наречия марийцев стали особыми литературными языками⁶⁶.

---

⁶⁴ Л. Н. Терентьева. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском севере СССР. СЭ, 1972, № 6.

⁶⁵ «Народы Европейской части СССР», т. II, стр. 548—597; И. Л. Яшкин. Формирование мордовской социалистической нации. Саранск, 1960; Л. Г. Филатов. К вопросу формирования и развития мордовской социалистической нации. «Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовской АССР», вып. XXIV. Саранск, 1963, стр. 20—36.

⁶⁶ «Народы Европейской части СССР», т. II, стр. 510—511; Д. Е. Казанцев. К вопросу о разделении марийцев на горных и луговых. «Происхождение

После предоставления автономии, строительства промышленности, ликвидации экономической и культурной отсталости стали изживаться различия в материальной и духовной культуре чувашей, характерные в прошлом для отдельных этнографических подразделений. Сближаются «верховской» и «низовской» диалекты чувашского языка⁶⁷.

Создание литературного удмуртского языка на базе промежуточных диалектов сблизило южный и северный диалекты удмуртов. Подъем экономики и культуры Удмуртской АССР способствовал преодолению разобщенности сельских поселений удмуртов⁶⁸.

В ряде районов этой историко-культурной области наряду с консолидиационными были распространены процессы этнической ассимиляции.

Так, в пределах Мордовской АССР, по данным переписи 1959 г., проживало всего 28% мордовского населения страны, в границах своей автономии мордва составляла тогда 35% населения. Почти 22% мордвы (в пределах республики 2,6%) утратили свой родной язык. В связи со смешанными браками и утратой отдельными группами своего национального самосознания численность мордвы, несмотря на высокие показатели естественного прироста в районах основного расселения, с 1939 по 1959 г. снизилась на 11%. Как показала перепись 1970 г., численность мордвы вновь уменьшилась, хотя и незначительно (на 1,7%).

Рядом особенностей отличается современное этническое развитие татар. У той их части, которая была расселена в Поволжье еще до Октябрьской социалистической революции, сложилась буржуазная нация. В процессе ее преобразования в социалистическую и развитие ее как социалистической нации произошло значительное упрочение единства этой этнической общности. (В Татарской АССР по переписи 1970 г. было 1536 тыс. татар)⁶⁹. Как известно, в прошлом татароязычное население Поволжья распадалось на несколько групп, обладающих двойственным самосознанием. На правобережье Волги жили татары-мишари, среди казанских татар — кряшены, в Бацикирии — татары-пагайбаки (обе последние группы приняли православие, что отразилось и на их самосознании).

Развитие татарской социалистической культуры, литературного языка на казанском диалекте привело к сближению и слиянию та-

---

ние марийского народа». Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23—25 декабря 1965 г.). Йошкар-Ола, 1967, стр. 230—251; Г. А. Сенева. К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев. «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, стр. 129—140.

⁶⁷ «Народы Европейской части СССР», т. II, стр. 598; «История Чувашской АССР», т. II, 1967; Л. А. Иванов. Современный быт и культура сельского чувашского населения. Чебоксары, 1973.

⁶⁸ «Народы Европейской части СССР», т. II, стр. 473.

⁶⁹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», ч. IV, стр. 329.

тарских диалектов⁷⁰. Перепись 1939 г. уже выявила общетатарское самосознание мишарей, кряшен, пагайбаков.

За пределами ТАССР татары интенсивно сближаются с другими народами. Например, 11 тыс. татар в Средней Азии признали своим родным языком узбекский, в Казахстане — казахский — 8 тыс. татар. Свыше 7% всех татар считают своим родным языком русский. Участились браки татар с русскими и представителями других народов. Следует учитывать, однако, что под термином «татары» в переписях объединяются тюркоязычные этнические группы, многие из которых по происхождению, культуре и бытовым особенностям отличаются от казанских татар. Эти группы татар — сибирские, астраханские — развиваются как отдельные этнические общности. Так, например, западносибирские татары (около 300 тыс. человек) сохраняют свои особые языково-культурные черты. Однако они нигде не образуют плотного единого этнического массива, живут отдельными группами в окружении русского населения. Это обстоятельство привело к тому, что основным направлением их этнического развития стало сближение и слияние с русскими⁷¹.

В целом этнические процессы, протекающие в среде социалистических наций, сформировавшихся в советское время, выражаются в ускоренном развитии национальных языков, стирании диалектальных различий, распространении профессиональных форм национальной культуры, в глубоких изменениях этнической структуры, в изживании пережиточной родо-племенной организации, преодолении обособленности отдельных этнографических и локальных групп, в вытеснении племенного, локального самосознания национальным. В ряде случаев с основной массой нации сливаются отдельные народности и национальные меньшинства.

Особой спецификой и глубиной изменений как в самих этнических признаках, так и в этническом самосознании отличаются этнические процессы, протекающие в этнических общностях, складывающихся в социалистические народности.

Как известно, до Великой Октябрьской социалистической революции в некоторых окраинных районах нашей страны, главным образом в отдаленных и труднодоступных северных таяжно-тундровых, южных высокогорных и пустынных областях, сохранялись сравнительно малочисленные этнические общности, состоя-

---

⁷⁰ «Народы Европейской части СССР», II, стр. 634—681; «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967; Р. Г. Мухамедова. Татары-мишари. М., 1972; «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований». М., 1973.

⁷¹ Н. А. Томилов. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири. СЭ, 1972, № 6; *он же*. Процессы сближения томских татар с русским населением. «Материалы по этнографии Сибири». Томск, 1972, стр. 126—139.

щие из ряда обособленных племен, этнографических и локальных групп, мало связанных между собой.

Для характеристики этнических процессов, происходящих в ходе формирования социалистических народностей, показательны консолидационные процессы, наблюдаемые в ряде горных областей Северного Кавказа. В ходе социалистического переустройства политической, экономической и культурной жизни горских народов, благодаря ликвидации изолированности преодолевается былая этническая раздробленность.

Наиболее отчетливо эти тенденции проявляются в Дагестанской АССР, насчитывающей более тридцати народов. После укрепления социалистической экономики и осуществления больших мероприятий по подъему культуры коренных жителей здесь прежде всего стала быстро исчезать обособленность локальных диалектных групп внутри отдельных народностей.

Остановимся для примера на сравнительно крупном народе Дагестана — лакцах. По переписи 1970 г. их насчитывалось 72 тыс.⁷² человек. Развитие в районах их расселения промышленности способствовало переселению значительной части лакцев с гор на равнину, укрупнение поселков повлекло за собой сглаживание этнографических различий отдельных локальных групп, изживание родового деления, патриархально-родовых пережитков. Единый литературный язык, сложившийся на основе кумухского диалекта, в настоящее время вытесняет вицхинский, вихлинский, аптикулинский и балхарский диалекты. Все это способствует укреплению общелацкого самосознания. Лакцы развиваются как самостоятельная социалистическая народность.

Не менее характерной является консолидация отдельных групп родственных народностей Дагестана. Обращает на себя внимание процесс формирования крупнейшей в Дагестанской АССР аварской социалистической народности (396 тыс. человек по переписи 1970 г.). На аварском языке в советские годы создана письменность, возникла литература. Это позволило ввести преподавание на родном языке в начальных классах аварских школ. Укрепление территориальных и экономических связей между отдельными районами Дагестанской АССР ускорило слияние с аварцами тринадцати соседних народностей андо-цезской группы, численностью от нескольких тысяч до нескольких сот человек. Эти группы теперь широко пользуются аварским языком, обучаются в школах на аварском языке, однако в быту они говорят на своих языках. Это накладывает определенный отпечаток на их самосознание.

Сливаются с аварцами и арчинцы — небольшая народность (около 700 человек), близкая по облику хозяйства и типу культуры к аварцам. Арчинцы причисляют себя к аварцам, но в быту говорят на местном наречии. Арчинцы многоязычны. В прошлом,

⁷² «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, стр. 16.

в связи с наличием тесных экономических и культурных связей с лакцами среди арчинцев был широко распространен в качестве второго языка лакский. В последние десятилетия среди арчинцев начал ускоренно распространяться аварский язык, так как новое районирование способствовало установлению прочных экономических и культурных связей с аварцами. В настоящее время аварский язык стал вторым родным языком арчинцев. На аварском языке ведется преподавание в начальных классах школы, делопроизводство. Арчинцы пользуются аварской литературой. Все это сказывается на их этническом самосознании. Арчинцы осознают свою принадлежность и к аварцам и в целом к дагестанской общности. В последние годы арчинцы овладевают русским языком.

Консолидация родственных народностей происходит и вокруг даргинцев, второго по численности народа Дагестана (в 1970 г. было 231 тыс. даргинцев, в том числе в пределах автономии 208 тыс.), с даргинцами постепенно сливаются соседние малочисленные народности. После создания на акушинском наречии даргинского языка письменности возникла общедаргинская литература, и два других даргинских наречия стали исчезать. Территориально связанные с даргинцами, близкие по языку и культуре кайтагцы (14,5 тыс. по переписи 1926 г.) и кубачинцы (2,3 тыс. — 1926 г.) стали пользоваться даргинским литературным языком. Постепенно начали исчезать их языковые особенности, и название даргинской народности распространилось на кайтагцев и кубачинцев. Старые самоназвания в настоящее время воспринимаются самими кайтагцами и кубачинцами как локальные. Уже при проведении переписи 1959 г. кубачинцы и кайтагцы показали себя даргинцами.

В Дагестанской АССР наблюдается процесс культурного сближения народностей лезгинской языковой группы. Все же в области материальной и духовной культуры разобщенность языков этих народностей препятствует процессу консолидации их в единую общность. Лезгины, табасаранцы, агулы, рутульцы, цахуры развиваются как самостоятельные народности. В среде самих лезгин (125 тыс. в пределах Дагестана) происходит интенсивное языковое сплочение на основе литературного языка, созданного на кюринском диалекте. В то же время с каждым годом усиливаются экономические и культурные связи между народностями лезгинской группы. Широкое распространение получили смешанные браки⁷³.

---

⁷³ «Народы Дагестана». М., 1955; «Народы Кавказа», I. М., 1960, стр. 403—535; В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР. СЭ, 1961, № 4; А. Магомедов. Борьба Коммунистической партии за братское сотрудничество народов Дагестана. Махачкала, 1963; Н. Г. Волкова. Изменение в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти. СЭ, 1965, № 2; М. М. Ихилов. К вопросу о национальной консолидации народов Даге-

Постепенно в пределах республики складывается и дагестанская культурная общность. Следует отметить, что за советский период в связи с преодолением отсталости, включением в экономическую жизнь Федерации, постоянными культурными контактами с русскими и другими народами Советского Союза в Дагестане резко усилились процессы межэтнической интеграции. Это находит яркое отражение в языковой сфере: 55% лакцев, 41% даргинцев, 39% аварцев показали, что свободно владеют русским языком⁷⁴. Для некоторой части этих народов русский язык стал родным.

Крупные социалистические народности формируются и в составе других северокавказских автономий. Так, образование Карачаево-Черкесской автономной области, объединившей родственные народности, привело к известной консолидации закубанских кабардинцев и части адыгейского населения, которые теперь именуются общим этническим названием — черкессы. Основой этого процесса является сложение общей экономики, развитие социалистической культуры⁷⁵.

В известной степени близко по типу к консолидационным процессам, происходящим в Дагестане, этническое развитие малочисленных народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока — чукчей, коряков, эвенков, ненцев и др.

Хотя для каждого народа этой группы характерны свои особенности, имеется и много общих черт их современного этнического развития. Например, социалистическое переустройство хозяйства и быта коряков (7,5 тыс. — 1970 г.) привело к преодолению былой, разумеется, относительной изоляции районов их обитания от остальных областей страны, к сближению двух основных групп этой народности: кочевых — оленеводов и береговых — оседлых охотников на морского зверя и рыболовов. У каждой группы имелись особенности в культуре, свое самосознание. Оленеводы называли себя чавчыв, береговые — ныммылан или по месту своего обитания — паренцы, апукинцы и т. д. Кочевники-оленеводы пользовались особым диалектом корякского языка. Язык береговых коряков подразделялся на восемь диалектов, распавшихся в свою очередь на говоры. Фонетические различия диалектов в корякском языке были настолько велики, что кочевники, говорившие на чавчывенском диалекте, плохо понимали своих оседлых собратьев. Хотя между оленеводами и береговыми коряками существовали тесные обменные связи, они редко вступали между собой в браки и не осознавали свое единство.

стана. СЭ, 1965, № 6; *он же*. Народы лезгинской группы. Махачкала, 1967; Г. А. Сергеева. Арчинцы. М., 1967; Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.

⁷⁴ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, стр. 132.

⁷⁵ Н. Г. Волкова. Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы Советской власти. СЭ, 1966, № 1.

Социалистическая перестройка хозяйства и быта коряков, создание корякского национального округа привели к известной консолидации разобщенных групп корякской народности. Организация в 1920—1930-х годах в Корякском национальном округе государственных рыбопромышленных предприятий оказала революционизирующее влияние на жизнь береговых коряков, позволила им перестроить свой традиционный, крайне примитивный производственный комплекс. Широкое участие в промышленном лове рыбы привело к тому, что береговые коряки стали постепенно стягиваться к базам рыбного промысла.

Процесс концентрации береговых коряков в сравнительно крупных поселках начался в 1930-х годах и растянулся на целое десятилетие, вызвав перемешивание и сближение локальных групп коряков. Создание письменности на чавчутвенском диалекте оленных коряков, издание учебной литературы, ликвидация неграмотности среди взрослых, школы, курсы, радиопередачи на корякском языке позволили поднять культурный уровень населения, расширить его кругозор, что также помогло преодолению замкнутости этнографических групп береговых и локальных объединений кочевых коряков.

Сближение кочевых и береговых коряков в основном относится к послевоенному периоду, когда были укрупнены корякские колхозы и слились воедино рыболовецкие и оленеводческие хозяйства. Совместное хозяйство, жизнь в общих поселках привели к тому, что стали исчезать различия между оседлыми и кочевниками, хотя некоторые культурные различия в этих группах еще продолжают существовать. Объединение в крупных поселках коряков из разных диалектных групп не привело к слиянию диалектов. Как правило, меньшинство населения приспосабливается к диалекту большинства, исчезают лишь мелкие диалекты. Участились смешанные браки между береговыми и бывшими кочевыми коряками. Происходит обмен культурным достоянием, выработанным отдельными подразделениями коряков. В этих условиях общенародное самосознание у коряков получило преобладание над локальными формами. Следует отметить, что современное этническое развитие коряков не сводится к внутренней консолидации этой народности. В последние десятилетия усилился процесс слияния с коряками вкрапленных в их состав небольших групп эвенов. После социалистической реконструкции промыслового хозяйства камчатские эвены сблизились с коряками, перешли от охоты к более доходному занятию — оленеводству корякского типа, восприняли корякскую национальную одежду в качестве промыслового костюма. Участились браки между эвенами и коряками⁷⁸.

⁷⁸ И. С. Гурвич. Современные этнические процессы на Крайнем Северо-Востоке Сибири. Сб. «Преобразования в хозяйстве, культуре и этнические процессы у народов Севера». М., 1970, стр. 195—225; И. С. Вдовин. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973, стр. 280—293.

Наблюдается быстрое сближение коряков с пришлым русским населением, составляющим значительный процент даже в самых отдаленных сельских советах округа. Большая часть коряков двуязычна. От русских коряками за последние десятилетия восприняты многие элементы культуры и бытовые навыки⁷⁷.

Такого же рода консолидационные процессы характерны для чукчей, эвенков, хантов, манси, ненцев, хотя они в прошлом не были так раздроблены, как коряки⁷⁸.

Консолидационные процессы имеют некоторое развитие и у самых маленьких народностей Севера, насчитывающих в своем составе по несколько сот человек. Однако в силу своей малочисленности, а также наличием прочных культурных и экономических связей с соседями сплавивающие тенденции не получили у них преобладания. Примером может служить этническое развитие алеутов Командорских островов (0,4 тыс. — 1959 г.). В советский период была преодолена обособленность этого народа. С реконструкцией островного хозяйства, повышением материального благосостояния и культурного уровня населения исчезли примитивные элементы традиционной культуры алеутов. Вследствие стягивания алеутов в крупные поселки беринговский диалект алеутского языка вытеснил диалект малочисленного населения о. Медного. Усилившееся сближение алеутов с численно преобладающим пришлым населением, широкое распространение смешанных браков с русскими, школьное образование на русском языке привели к языковой трансформации. Алеуты постепенно перешли от двуязычия на русский язык. Однако маленькая алеутская народность сохраняет свое национальное самосознание⁷⁹.

Процесс консолидации социалистических народностей характерен не только для малых, но и для более значительных этнических общностей Сибири, таких, как алтайцы и хакасы. В их этническом развитии прослеживаются и черты, свойственные социалистическим нациям Восточной Сибири, и черты, присущие малым этническим образованиям Крайнего Севера.

До Октябрьской социалистической революции коренное население Горного Алтая подразделялось на племена и территориальные группы, мало связанные между собой, не имеющие ни общего самоназвания, ни общего этнического самосознания. Собираемый термин «алтайцы» употреблялся главным образом в научной литературе. Племена южных алтайцев-скотоводов — алтай-кижи,

---

⁷⁷ И. С. Гурвич. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966, стр. 241—245.

⁷⁸ «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера». М., 1970.

⁷⁹ И. С. Гурвич. Алеуты Командорских островов. СЭ, 1970, № 5, стр. 112—124; К. Г. Кузиков. Социолого-лингвистические исследования алеутского населения Командорских островов. «Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея», вып. V. Петропавловск-Камчатский, 1974, стр. 134—139.

теленгиты, телесы и телеуты, с одной стороны, и северные таяжные племена — тубалары, челканцы и кумандинцы, с другой — отличались по языку и культуре. Алтайские племена в свою очередь распадались на экзогамные роды.

Предоставление населению Горного Алтая автономии (1922 г.), ликвидация былой культурной отсталости повлекли за собой сближение обособленных групп алтайцев. С укреплением национального самосознания утвердился общий этноним «алтайцы», вытеснивший племенные самоназвания. Упрочению этнического и языкового единства алтайцев способствовал и литературный язык, возникший на базе южных диалектов⁸⁰.

Перестройка экономики, глубокие изменения в быту в значительной степени сгладили этнографические различия между отдельными племенами. В настоящее время алтайцы консолидировались в единую народность, в культуре которой сочетаются ценные традиционные элементы, многовековой трудовой опыт и общесоветские формы культуры.

Сложилась за советский период в единую хакасскую народность и пять тюркоязычных обособленных в прошлом групп Минусинской котловины — качинцы, койбалы, сагайцы, бельтиры, кызыльцы. В прошлом эти частично племенные и частично территориальные группы резко различались по направлению хозяйственной деятельности, культуре и быту⁸¹.

К этническому развитию социалистических народностей в известной мере близко этническое развитие отдельных групп народов, в основной своей части живущих за пределами нашей страны, — это греки, венгры, немцы, корейцы и др.

Они также развивают свою культуру, языки. В ряде случаев под влиянием литературных языков изживается диалектальная обособленность отдельных подразделений внутри этих этнических групп. Укрепляются экономические и культурные связи их с окружающим населением. Однако самосознание в среде этих этнических общностей отличается рядом особенностей. Обычно, кроме представления о себе как о части населения Советского Союза, сохраняется и представление об этнической общности или родстве с основной массой этого народа, находящегося за пределами страны, к которому они принадлежат (например, среднеазиатские корейцы).

Конкретные этнические преобразования, связанные со сложением или внутренним сплочением социалистических народностей, крайне многообразны. Не вдаваясь в их полное и детальное описание (это не входит в задачу настоящей работы), отметим, что они сводятся в одних случаях к преодолению племенных разли-

---

⁸⁰ Л. П. Поганов. К вопросу о национальной консолидации алтайцев. СЭ. 1952, № 1; он же. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.

⁸¹ «Народы Сибири», стр. 376—420.

чий, в других — к сближению и объединению мелких этнических образований между собой или слиянию с соседними народностями. В ходе сложения народностей наблюдаются резкие языковые изменения, изживание локальных, родовых, племенных форм самосознания.

В целом же рассмотренные в данной главе материалы еще раз свидетельствуют, что собственно этнические изменения, происходящие в нашей стране после победы Великой Октябрьской социалистической революции, представляют собой сложное явление, имеют у каждого народа свои специфические черты. Но во всем этом многообразии отчетливо прослеживаются две основные тенденции: одна из них проявляется в процессе формирования народностей, консолидации социалистических наций, другая — в процессе интенсивной межэтнической интеграции, включающей в свой поток все этнические общности нашей страны.

Заклучение

В нашей стране за годы Советской власти в результате осуществления КПСС ленинской национальной политики достигнуты огромные успехи в решении национального вопроса, включая и его этнические аспекты. Практика национального строительства в СССР убедительно подтвердила предвидение К. Маркса и Ф. Энгельса, что с падением антагонизма классов исчезнет и антагонизм наций.

Ликвидация прежнего национального неравноправия, огромные политические, социально-экономические и культурные преобразования, происшедшие в результате Великой Октябрьской социалистической революции и в ходе социалистического строительства, нашли свое отражение, как свидетельствует данная работа, в бурном развитии всех этнических общностей нашей страны, ускорили ход национальных (этносоциальных) процессов. Одним из важнейших результатов таких преобразований было превращение прежних буржуазных наций и народностей — в социалистические, а также формирование новых социалистических наций и народностей. Однако и в этих типологически однородных процессах имелись свои особенности, уходящие корнями в дореволюционное прошлое.

Этническое развитие народов царской России отличалось большой неравномерностью. В начале XX в. в экономически развитых районах страны складывались или оформлялись буржуазные нации; на окраинах, в высокогорных, пустынных, тундровых и таежных областях из родственных племенных и этнографических групп формировались народности. В канун Октября в одних случаях эти процессы продвинулись уже довольно значительно, в других — находились на самой начальной стадии. Неравномерность этнокультурного развития страны отражалась и в ее историко-этнографическом делении, сложившемся в ходе предшествующего исторического развития. Более или менее целостный восточноевропейский регион с преобладающим православным населением соседствовал на юго-востоке с областями распространения мусульманской культуры, а на западе и северо-западе с областями католической или лютеранской ориентации; каждый из этих регионов имел свои преобладающие языковые системы, системы письменности, куль-

турно-бытовые традиции и т. д. В Сибири восточнославянская культура соприкасалась с архаическими культурами народов Севера и культурами народов, для которых были характерны буддийские или ламаистские традиции со свойственными им чертами и центрами притяжения. Каждому из этих историко-этнографических регионов были присущи свои исторические особенности контактов с другими областями, включая восточноевропейскую. Колониальный гнет, шовинистические и националистические устремления господствующих классов, однако, тормозили естественное развитие и взаимодействие культур различных этнических и историко-этнографических общностей.

Национальное, а вместе с ним и собственно этническое развитие народов царской России выражалось в двух выявленных В. И. Лениным закономерных тенденциях, которые, как уже говорилось, после Октябрьской социалистической революции претерпели кардинальные изменения, проявляясь как расцвет и сближение наций.

В дооктябрьский период у многих народов отсталой царской России промышленный капитализм еще не получил существенного развития: эти народы находились на той стадии, когда, согласно определению В. И. Ленина, преобладала первая тенденция национального развития, характеризующаяся пробуждением национальной жизни и национальных движений, борьбой против всякого национального гнета, созданием национальных государств¹. Эта тенденция, искусственно сдерживаемая царизмом, в новых социально-политических условиях, сложившихся после установления Советской власти, получила на первых порах особо интенсивное, хотя и существенно трансформированное развитие. Тяжелое наследие в области национальных отношений в нашей стране требовало особенно чуткого подхода к интересам различных наций, ставило задачу создать все необходимое для реализации ленинского указания о том, что «...только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие...»². Реализация этого принципа проявилась в создании различных форм национальной государственности, в распространении письменности и образования на родном языке, в создании кадров национальной интеллигенции и рабочего класса и т. д.

Вместе с тем уже с первых лет Советской власти бурное развитие наций сочеталось в нашей стране со все возрастающей тенденцией к их сближению, причем органическая взаимосвязь этих тенденций проявлялась во всех сферах этносоциальных процессов: от экономики до культуры и психологии.

Советская национальная государственность, возникшая в результате пробуждения творческой активности и политической сознательности широких масс, явилась мощным рычагом ликвидации

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 240.

былого экономического, социального и культурного неравенства народов. Ленинская национальная политика за годы Советской власти обеспечила общий экономический подъем всех этнических общностей нашей страны. Сразу же после образования Союза ССР началась борьба за ликвидацию такого тяжелейшего наследия царской России, как огромные различия в экономическом развитии народов. В результате индустриализации и коллективизации, помощи отстававшим в прошлом народам со стороны более развитых уже в канун Великой Отечественной войны это неравенство было ликвидировано. Как уже отмечалось в V главе, общесоветская собственность на средства производства, плановое хозяйство, единая экономическая политика позволяют гармонически сочетать рост экономики всех союзных республик с экономическим развитием СССР в целом. Централизованное народное хозяйство дает возможность в равной степени удовлетворять потребности всего населения нашей страны, что отвечает интересам всех советских наций и народностей. Научно обоснованное межреспубликанское и межобластное разделение труда, кооперирование, взаимные поставки продукции привели к сложению прочных экономических взаимосвязей между советскими социалистическими нациями, к превращению страны в единый хозяйственный организм.

Практическое решение великой задачи, поставленной Программой КПСС, по созданию материально-технической базы коммунизма требует координированных усилий всех союзных республик, углубленной специализации и кооперирования производства. В связи с этим расширяется сотрудничество между нациями. Создание новых промышленных очагов, использование природных богатств, освоение целинных земель, наступление на пустыни, проведение научно-технических исследований осуществляется силами всех наций и народностей нашей страны.

Существенные изменения за годы Советской власти произошли в социальной структуре наций и народностей. Решающую роль в этом отношении сыграла ликвидация эксплуататорских классов, а также появление рабочего класса и интеллигенции у ранее отстававших в своем развитии народов. В ходе построения социалистического общества в республиках сложилась однотипная социальная структура. У народов, которые до Октябрьской революции находились на стадии капитализма, и у народов, среди которых господствовал еще патриархально-родовой, феодальный и полуфеодальный строй, возник новый тип социальных отношений без частной собственности и эксплуатации человека человеком. Для социальной структуры всех народов стало характерно наличие рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. В условиях развитого социализма произошло дальнейшее сближение пропорций основных социальных групп в различных республиках. Ныне каждая нация представлена рабочими как массовых, так и высококвалифицированных профессий, колхозным крестьянством, включая механизаторские кадры, развитыми профессиональными группами

интеллигенции не только художественно-творческой и административной, но и производственно-технической, научной и т. д.

Закономерная социально-экономическая интеграция народов СССР теснейшим образом связана с их политической интеграцией в рамках единого союзного государства, представляющего собой не какой-то конгломерат национально-административных единиц, а их органическое единство. В ходе строительства социализма и коммунизма границы между союзными республиками в пределах СССР, как подчеркнуто в Программе КПСС, все более теряют свое былое значение³.

В результате социально-экономических и общественно-политических преобразований в нашей стране возникла такая новая историческая общность, как советский народ. Это образование представляет собой очень сложное, многогранное социальное явление, отражающее своеобразное единство людей, принадлежащих к различным национальным группам⁴. Основными предпосылками формирования этой общности были Великая Октябрьская социалистическая революция и образование Союза ССР. Ее становление представляет собой процесс, особенно активно развернувшийся в связи с победой социалистических производственных отношений в нашей стране.

Политическое, экономическое и социальное единство трудящихся Советского Союза, образование новой интернациональной общности людей — советского народа, как подчеркивалось на XXIII и XXIV съездах КПСС, является одним из важнейших результатов развития нашей страны⁵.

Все эти коренные преобразования вместе с тем означали, как подчеркнул Л. И. Брежнев в докладе о 50-летию Союза ССР, что «национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прошлого, решен полностью, решен окончательно и бесповоротно»⁶.

С расцветом и сближением этносоциальных общностей (наций и народностей) в сфере социально-экономической и общественно-политической органически связаны происходящие с ними собственно этнические изменения. Эти изменения проявляются главным образом в области культуры.

С первых же лет Советской власти культура народов СССР стала развиваться ускоренными темпами; особенно быстро у ранее отстававших в своем развитии угнетенных народов окраинных областей. Этот процесс, подробно рассмотренный в VII—IX главах

---

³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, стр. 113.

⁴ См. М. П. Ким. Советский народ — новая историческая общность. М., 1972, стр. 9—32.

⁵ «Материалы XXIII съезда КПСС». М., 1966, стр. 88—89; «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 76.

⁶ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, стр. 23.

настоящей монографии, выразился, прежде всего, в ликвидации неграмотности и малограмотности путем развития образования на родном языке, в создании письменности для ранее не имевших ее народов, в развитии национальной художественной культуры и общем расширении сферы использования национальных языков в средствах массовой информации и других областях жизни. Большие сдвиги в образовании населения произошли в послевоенные годы. В результате в образовательном уровне молодых поколений сельского и в значительной мере городского населения, между нациями практически уже нет разницы.

Расцвет национальных культур у народов СССР, знаменовавший собой торжество ленинской национальной политики, наряду с национально-государственным строительством и социально-экономическим развитием во многом способствовал разрыванию процессов этнической консолидации. Эти процессы проявились как в сложении некоторых по существу новых более или менее крупных этнических общностей (алтайцы, хакасы и др.), так — и это чаще — в усилении внутренней сплоченности уже сложившихся этносов за счет нивелирования прежних различий между входящими в них этнографическими группами (у русских, украинцев, грузин и др.); наблюдались также случаи слияния с уже сложившимися этносами отдельных близких им по происхождению и в языково-культурном отношении этнических образований (например, мишарей с татарами, курамы с узбеками и т. д.).

В итоге в СССР оформились новые сравнительно крупные народы, уменьшилась этническая мозаичность страны. Следует, однако, иметь в виду, что пора наибольшей активности этнических консолидационных процессов уже миновала. Показательно, что перечень национальностей, выделенных последней переписью 1970 г., почти не отличается от этнической номенклатуры предыдущей переписи.

Наряду с этнической консолидацией в СССР, как и во всех многонациональных странах, имеет место и такая разновидность этнических процессов, как ассимиляция. Одна из важнейших особенностей этого вида процессов в нашей стране — их добровольный, естественный характер. Не случайно на практике ассимиляция наиболее отчетливо проявляется в этнически смешанных браках, дети от которых обычно выбирают национальность одного из родителей, прерывая тем самым этническую линию другого. Произошедшее за годы Советской власти резкое ослабление национальных предубеждений и падение религиозных барьеров, наряду с усилением территориального смешения национальностей, особенно в быстро растущих городах, привели, как показано в главе X, к значительному увеличению таких браков. Однако процессы этнической ассимиляции затрагивают сравнительно небольшую часть населения СССР, главным образом территориально рассредоточенные группы, живущие за пределами основной территории своего этноса, чаще всего — за пределами соответствующих национальных республик.

Магистральную линию взаимодействия этнических общностей в нашей стране составляет не ассимиляция, а так называемая межэтническая интеграция, выражающаяся прежде всего в сближении культуры.

Социально-экономическая и идейно-политическая интеграция наций и народностей в рамках единого социалистического государства создала базу для такого сближения.

После ликвидации эксплуататорских классов, упрочения социалистических отношений важнейшим фактором интеграции духовной жизни советских национальностей является единая марксистско-ленинская идеология, интернациональное сплочение трудящихся вокруг КПСС. Понимание глубокой противоположности интересов трудящихся и эксплуататоров, необходимости объединения трудящихся в борьбе за свои права способствовали утверждению у народов Советского Союза идей интернационализма. Сложилось морально-политическое единство советских людей.

Интернациональное единство советского народа с особой силой проявилось в общем патриотическом подъеме в годы Великой Отечественной войны. Советский многонациональный народ, единодушно поднявшийся на защиту своего отечества и нового общественного строя, в героических подвигах на фронтах и в самоотверженном труде в тылу выразил преданность своей социалистической родине.

Практика межнационального сотрудничества, широкий обмен кадрами создают социально-правственную атмосферу, способствующую быстрому и глубокому усвоению идей интернационализма.

Существенное значение для межэтнического сближения имеют крупные перемещения населения, что ведет, как показано в VI главе, к постепенному возрастанию территориального смешения народов СССР. В каждой союзной республике сейчас проживают представители многих национальностей. Особенно сложным по своему национальному составу является население большинства городов. Крупные города превратились в центры интенсивных этнических контактов.

Этнические перемещения идут очень активно в пределах историко-культурных областей, между территориально близкими, издавна связанными общностью культурных традиций народами. Однако процесс этнического рассредоточения, т. е. расселения за пределами своих исконных этнических ареалов большинства крупных народов, не ограничивается рамками этих культурно-исторических областей, а охватывает в той или иной мере и другие области Советского Союза.

Процессы межэтнического сближения народов нашей страны в различных сферах культуры проявлялись далеко не одинаково.

Особенно заметно эти процессы затронули материальную культуру народов СССР, в облике которой за советский период произошли коренные изменения. Наиболее яркой чертой такого рода изменений является отход от архаических, примитивных элементов

материальной культуры, широко бытовавших до Октябрьской революции. Устаревшие предметы традиционной материальной культуры заменяются современными стандартизированными промышленными изделиями. Сглаживаются различия в одежде, обуви. В ходе урбанизации все более широкое распространение получают общесоветские «городские» виды материальной культуры, отражающие возросшие требования советских людей.

Вырабатываются современные типы сельского жилища, отвечающие природным условиям различных регионов нашей страны и вытесняющие архаические, примитивные формы жилища, не соответствовавшие санитарно-гигиеническим требованиям. Этнические особенности в настоящее время более полно сохраняются не в типах жилья, а в интерьере. Наибольшей устойчивостью среди форм материальной культуры отличается пища. Однако и в этой области у контактирующих этносов наблюдается расширение ассортимента блюд. Приведенные в VII главе материалы свидетельствуют о том, что отдельные традиционные элементы культуры, выработанные тем или иным народом, или несколькими народами какой-либо географической области, получают широкое распространение по всему Советскому Союзу (среднеазиатские ковры, украинские мужские рубашки, прибалтийские украшения из металла и янтаря, отдельные блюда кавказской, украинской, русской кухни и т. п.).

С укреплением общесоветской экономики, широким внедрением в быт современных типов жилища, промышленно изготовленных предметов материальной культуры, телевизоров и радиоприемников постепенно унифицируется и интернационализируется быт народов СССР. Около 60% населения нашей страны живет в городах, где в сфере материальной культуры этническая специфика в значительной степени уже стерта. Ускоренными темпами модернизируется быт и в сельской местности. В целом реконструкция материальной культуры, обусловленная научно-техническим прогрессом и распространением стандартизированных фабрично-заводских изделий, привела к тому, что этническая специфика проявляется главным образом в сфере языка и духовной культуры.

Одной из важнейших сторон современных этнических процессов в нашей стране являются этнолингвистические изменения. Создание в советское время письменности и литературы для многих бесписьменных или младописьменных народов, расширение общественных функций этих языков способствовали, как уже говорилось, этнической консолидации наций и народностей. Развитие литературных языков, использование их в школьной практике, в печати, в радиовещании привели во многих случаях к устранению диалектной пестроты и преодолению обособленности отдельных этнографических групп.

Однако языковое развитие в многонациональном Советском Союзе не ограничилось превращением бесписьменных языков в письменные и дальнейшим расширением общественных функций национальных языков. Практика социалистического строительст-

ва, нужды народного хозяйства, рост городов с населением, говорящим на разных языках, усилили потребность в языке межнационального общения. Таким языком стал язык наиболее многочисленной этнической общности Советского Союза — русского народа. Рост двуязычия, главным образом за счет распространения языка межнационального общения, облегчает сотрудничество советских народов, способствует их сближению и сплочению. В настоящее время на русском языке может свободно объясняться по крайней мере $\frac{3}{4}$ населения Советского Союза. Вместе с тем за годы Советской власти расширились другие виды двуязычия, при которых вторым языком является нерусский язык (украинский, узбекский, татарский и т. д.); по данным переписи 1970 г. таким двуязычием обладало более 6 млн. человек.

В отличие от материальной культуры, где преобладают тенденции к унификации, духовная культура народов нашей страны в значительной степени сохраняет свой этнический колорит, что отчасти обусловлено уже ее языковой спецификой. Кроме того, исчезновение, вытеснение некоторых элементов прежней культуры (главным образом связанных с религией) подчас сочеталось с возрождением и развитием ряда элементов культуры, прежде угасавших или распространенных лишь среди той или иной этнической группы. Такие тенденции в частности нашли свое отражение в новом расцвете некоторых видов художественных промыслов, в развитии различных видов художественной самодеятельности. В то же время, как мы могли убедиться, межэтническая интеграция затронула даже эти сферы духовной культуры.

Национальное своеобразие художественной культуры народов СССР, однако, не сводится лишь к наследию прошлого и народному искусству, оно в значительной мере является результатом нового профессионального творчества. Превращение за годы Советской власти художественной литературы и искусства в достояние широких масс привело к небывалому возрастанию объема художественных культур отдельных этносов. У всех народов СССР произошло как увеличение общего фонда художественных произведений, так и рост масштабов потребления произведений искусства, расширение диапазона духовных запросов трудящихся. При этом распространение профессиональной художественной культуры среди различных народов могло быть достигнуто лишь на основе преимущественного ее развития в национальных формах. Существенно учитывать и то, что в своей совокупности деятели профессиональной культуры каждой этнической общности в той или иной мере формируют новые черты самобытного облика этой культуры, способствуют возникновению в ней новых специфических традиций. Несмотря на активный межнациональный обмен, многие из тех компонентов художественной культуры, которые приобретают интернациональный характер, одновременно не теряют способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах. В то же время имен-

но в профессиональных формах культуры межнациональное взаимодействие происходит в целом наиболее активно и имеет наибольшее значение для дальнейшего развития художественной культуры народов СССР.

Профессиональная литература, театральное, музыкальное, изобразительное искусство и архитектура во многих союзных и автономных республиках возникли и развивались при помощи представителей советских народов с уже сложившимися формами культуры (чаще всего — русского народа). То же самое имело место в области просвещения, здравоохранения. Все это привело, как мы видели, не только к постепенному выравниванию уровней культурного развития отдельных народов, к преодолению архаических пережиточных форм, но и усилило сближение культур.

В этом отношении особую посредническую роль играет не только русский язык, как язык межнационального общения, но и сама русскоязычная культура, сложившаяся на базе культуры русского народа и впитавшая в себя многое из национальных культур других советских народов. Эта культура, составившая ядро всесоюзной культуры, в такой своей роли, служит всем народам нашей страны.

Переводы на русский язык произведений писателей национальных республик делают их творчество доступным благодаря двуязычию широким массам населения всей страны. Только через русскоязычную культуру многие малые народы и отдельные этнографические группы могут приобщаться и к достижениям мировой культуры. Включение произведений национальных композиторов, драматургов в репертуар центральных театров, участие в художественных выставках деятелей искусств национальных республик ведет к обмену достижениями культуры. Нарастающий обмен ценностями во всех областях культуры влечет за собой интернационализацию художественных вкусов. Сочетание общесоветских элементов культуры с ее национальными формами, развивающимися на родных языках, характеризует специфический облик современной советской духовной культуры, единой по своему социалистическому содержанию. Огромную роль в утверждении этой культуры играют всесоюзные системы прессы, радиовещания, телевидения, кино. Следует специально подчеркнуть интернационализирующее воздействие советской науки, особенно общественных дисциплин, играющих в нашем обществе важнейшую роль в интернациональном воспитании трудящихся.

Народы Страны Советов сближают и нормы социалистической морали, ставшие нормами поведения всех советских людей и получившие отражение в моральном кодексе строителей коммунизма. Коммунистическое отношение к труду, непримиримость к стяжательству, тунеядству, рвачеству, спекулятивным устремлениям — черты характерные для всех советских людей, создающих материально-техническую базу коммунизма. Советских людей характеризует также большая тяга к знаниям, творческое отношение к

труду, уверенность в завтрашнем дне¹. За годы Советской власти наша родина стала страной массового атеизма. Отход от религии способствовал преодолению былой обособленности многих народов, изживанию национальной ограниченности.

Процессы межэтнической интеграции отчетливо проявляются в такой важной сфере повседневной жизни народов нашей страны как семейно-брачные отношения. Это проявилось в частности в выравнивании брачного возраста, в росте равноправия членов семьи, раскрепощении женщины и т. п. Сложилась сравнительно однородная структура семьи. Если в дореволюционной России довольно широко, особенно у народов национальных окраин, была распространена большая патриархальная семья, то сейчас преобладающей, даже у народов Средней Азии, Севера и Кавказа уже стала малая, хотя и существенно различающаяся по числу детей, семья. Как правило, ушли в прошлое свойственные многим народам СССР семейная замкнутость, заключение браков по выбору родителей, деспотическая власть главы семьи и т. д. В связи с распространением атеизма упростилась и в значительной мере интернационализировалась семейная обрядность. В настоящее время бракосочетание, рождение ребенка и наречение имени кроме гражданского акта во многих случаях отмечаются новыми гражданскими обрядами.

Складываются и общие праздничные традиции. Материал, приведенный в IX главе, свидетельствует о том, что все народы СССР по существу одинаково отмечают общесоветские праздники: годовщину Октябрьской социалистической революции, 1 Мая, Международный женский день, День победы, День советской Конституции. В последние десятилетия у многих народов нашей страны стало обычаем отмечать праздник Нового года. В масштабах всей страны теперь проводятся праздники профессий. Формируются и безрелигиозные обряды, обрамляющие важные события, связанные с гражданской ролью человека. Разумеется, несколько десятилетий — слишком короткий срок для сложения новых обрядовых традиций. Они находятся лишь в стадии становления. Однако характерно, что эти традиции формируются не столько как национальные, сколько как общесоветские.

Таким образом, в борьбе за построение социализма у народов Советского Союза выработалось много общих объединяющих их черт — сложился советский образ жизни. «Народы СССР, — подчеркивалось в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — ощущают плодотворность усиливающегося обмена материальными и духовными богатствами между социалистическими нациями, который стал для них жизненной необходимостью.

На основе экономической и социальной общности в социалистических нациях активно развиваются интернациональные черты,

¹ Г. Л. Смирнов. Советский человек. М., 1971.

утверждаются общесоветские традиции строителей коммунизма. Единство целей и марксистско-ленинской идеологии, преданности делу коммунизма, глубокий интернационализм и советский патриотизм, уважение национального достоинства, дружба и братство — таковы характерные черты тружеников единого и вместе с тем многонационального социалистического общества»⁸.

Формирование общесоветской культуры, как уже говорилось, сопровождалось возникновением общесоветских форм ее организации (система всесоюзного радио и телевидения, центральной печати и книгоиздания и т. д.). Советские социалистические нации и народности сближаются также благодаря общей системе просвещения, всесоюзной системы подготовки кадров специалистов, общей системы медицинских учреждений и учреждений культуры, деятельности всесоюзных творческих союзов и др. В настоящее время в масштабах всей нашей страны постепенно унифицируются условия культурной жизни. При этом жители каждой национальной республики имеют возможность пользоваться и учреждениями культуры, расположенными в любой местности Советского Союза. Музеи, библиотеки, театры, специализированные больницы, клиники, находящиеся в общесоюзных и республиканских центрах, так же, как и курорты и здравницы юга используются всем населением нашей страны.

Общесоветская культура многогранней любой однациональной культуры: она обогащена наиболее прогрессивными элементами культуры всех национальностей нашей страны. Поэтому попытки некоторых западных «советологов» представить процессы культурной интеграции в СССР как «русификацию» (при всем огромном вкладе русской культуры в общесоветскую культуру) совершенно несостоятельны.

Общесоветская духовная культура — это общая система усвоения и передачи не только достижений отдельных советских наций, но и достижений современной мировой культуры, прежде всего культуры дружественных социалистических государств (главным образом через посредство русского языка или шире — русскоязычной культуры).

Будучи интернациональной, культура советского народа обладает вместе с тем определенными характерными чертами. Социалистическое переустройство, падение религиозных барьеров, возникновение и развитие двуязычия и, наконец, формирование общесоветской системы духовной культуры в этом аспекте могут быть оценены как процесс культурной переориентации и формирования общей советской историко-этнографической области, сочетающей в себе не столько, условно говоря, «западные» и «восточные» культурные традиции, сколько новые устойчивые черты, сложившиеся за годы Советской власти.

---

²⁸ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1967, стр. 38.

Именно поэтому правы советские ученые, когда протестуют против односторонней квалификации процесса современной перестройки и развития культуры народов нашей страны как процесса «вестернизации».

Итак, в ходе взаимовлияния и взаимообогащения духовных культур народов СССР и своеобразного усвоения достижений мировой культуры складывается не просто межнациональная, но общесоветская культура. Она проявляется не только в сфере профессионального искусства и литературы, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни, начиная от общесоветских революционных традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропонимикой и т. п. Эта общесоветская культура — важный компонент нового исторического образования — советского народа.

Интернациональная социально-политическая общность — советский народ находит отражение и в самосознании. Причисление себя к какому-либо определенному этносу обычно сочетается с сознанием принадлежности к советскому народу. В литературе уже отмечалось, что когда граждане СССР бывают за рубежом, сознание общесоветской принадлежности выступает на первый план перед национальной. Такое самосознание неразрывно связано с общенациональной гордостью советских людей, которая, как указывал Л. И. Брежнев, «глубже и шире естественных национальных чувств каждого в отдельности из народов, составляющих нашу страну»⁹.

Коммунистическая партия и Советское государство, рассматривая всесторонне сближение наций и народностей нашей страны как важнейшую объективную закономерность строительства коммунистического общества, учитывает это в своей политике и способствует укреплению советской интернациональной общности.

Эта общность в ходе дальнейшего сближения социалистических наций и народностей постепенно приобретает характерные, свойственные именно ей черты, выражающиеся в сложении общесоветской культуры, широком распространении русского языка как языка межнационального общения, формирования единого общесоветского самосознания. Однако это не означает, конечно, что советский народ уже превратился в новую этническую общность в результате слияния наций и народностей. Путь к предсказанному В. И. Лениным слиянию наций¹⁰ долг и сложен.

Но совершенно ясно, что для успешного движения по этому пути необходима борьба как против попыток искусственно ускорить процесс сближения и слияния наций, так и против проявлений националистических пережитков, тормозящих этот в целом исторически закономерный и прогрессивный процесс.

---

⁹ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, стр. 122.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 131.

«Дальнейшее сближение наций и народностей нашей страны представляет собой объективный процесс. Партия против того, чтобы его искусственно форсировать,— в этом нет никакой нужды, этот процесс диктуется всем ходом нашей советской жизни. В то же время партия считает недопустимыми какие бы то ни было попытки сдерживать процесс сближения наций, под тем или иным предлогом чинить ему помехи, искусственно закреплять национальную обособленность, ибо это противоречило бы генеральному направлению развития нашего общества, интернационалистическим идеалам и идеологии коммунистов, интересам коммунистического строительства»¹¹.

---

¹¹ *Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, стр. 50—51.*

Оглавление

Введение	3
Глава I. Этнические процессы как предмет исследования. (Предварительные замечания) (Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов)	9
Глава II. Природная среда и территориальное размещение народов (В. И. Козлов)	24
Глава III. Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России (Т. А. Жданко)	33
Глава IV. Национально-государственное строительство и развитие этнических процессов в СССР (В. И. Козлов)	85
Глава V. Социально-экономические условия развития этнических процессов в СССР (§ 1 — С. И. Вайнштейн, § 2 — Ю. В. Арутюнян)	103
Глава VI. Изменения в расселении и урбанизация народов СССР как условия и факторы этнических процессов (В. И. Козлов)	135
Глава VII. Отражение этнических процессов в материальной культуре народов СССР (§ 2 — Г. С. Маслова, § 1, 3 — Станюкович Т. В.)	156
Глава VIII. Этнолингвистические процессы (М. Н. Губогло, § 3 — Л. И. Лавров, § 4 — В. А. Никонов)	259
Глава IX. Духовная культура и этнические процессы (§ 1, 3, 4, 5 — К. В. Чистов, § 2 — Л. М. Дробижева, § 6 — Л. М. Сабурова, § 7 — Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов)	314
Глава X. Семья — микросреда этнических процессов (§ 1 — О. А. Ганцкая, § 2 — Л. Н. Терентьева)	431
Глава XI. Этнические процессы и динамика численности народов СССР (В. И. Козлов)	481
Глава XII. Общее и особенное в этнических процессах у различных народов СССР (И. С. Гурвич)	496
Заключение (Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов)	530

Современные этнические процессы в СССР

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Минлухо-Маклая АН СССР

Редакторы

С. Н. Васильченко
Л. С. Кручинина
Г. В. Монсенко
Л. И. Тормозова

Художественный редактор **В. Н. Тикунов**
Художник **В. Н. Тикунов**
Технические редакторы **О. М. Гуськова,**
Ю. В. Рылшина

Сдано в набор 24/X 1974 г.
Подписано к печати 25/VIII 1975 г.
Формат 60 × 90^{1/16}
Бумага № 2. Усл. печ. л. 34. Уч-изд. л. 38,7.
Т-10563. Тип. зак. 1285.
Тираж 2600
Цена 2 р. 61 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
5 28 268	18 св. 20 сн. 9 сн.	трудящихся шунганцы языком	трудящихся, шугнанцы языком обучения. Лишь в двух респуб- ликах произошло сокращение
342 377 394 405 434 519	13 св. 20 сн. 20 сн. 10 св. 17 сн. 23 сн.	коренного общесоветской Тазта основных видов дольше осетинских наций	всего социалистической Тазта в основных видах раньше осетинской нации

Современные этнические процессы в СССР

2063

AMERICAN BOOK COMPANY